МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО РАН НА ТЕРРИТОРИИ ДНР

ISNN 2664-7362 (PRINT)
ISNN 2664-7370 (ONLINE)

МАТЕРИАЛЫ
XI Международной научной конференции

Донецкие чтения – 2026:
образование, наука, инновации, культура и вызовы современности

Том 7 | **Исторические и политические науки. Часть 1**

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»

Представительство федерального государственного
бюджетного учреждения «Российская академия наук»
на территории Донецкой Народной Республики

XI Международная научная конференция

Материалы конференции

Донецкие чтения – 2026: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности

Том 7

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Часть 1

г. Донецк
10–12 ноября 2026 г.

Донецк
Издательство ДонГУ
2026

ББК Т.я431+С562.21я431
УДК 93/99+32(043.2)
Д672

Редакционная коллегия:

С.В. Беспалова (гл. ред.), А.В. Белый (зам. гл. ред.), М.В. Фоменко, В.В. Разумный (отв. секр. секции), А.В. Бредихин, В.Л. Агапов, Е.С. Костюкова, О.Б. Пенькова, Н.Н. Старченко, А.В. Колесник, Н.В. Манько, Е.А. Пожидаев, Д.В. Посредников, Е.В. Кузнецова, Л.Ю. Медовкина.

Д672 **Донецкие чтения – 2026: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности:** Материалы XI Международной научной конференции (Донецк, 10–12 ноября 2026 г.). – *Том 7: Исторические и политические науки. Часть 1* / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2026. – 404 с.

Ответственность за содержание материалов, аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы.

В первую часть седьмого тома материалов XI Международной научной конференции «Донецкие чтения – 2026: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» вошли исследования по актуальным проблемам исторических наук. Рассматриваются вопросы всемирной, отечественной и региональной истории, истории России и славянских народов, археологии, историографии, источниковедения и методов исторического исследования.

Освещенные в сборнике проблемы и направления их решения будут полезны научным работникам, преподавателям, студентам, аспирантам, докторантам и практическим специалистам, проводящим исследования в области исторических наук.

ББК Т.я431+С562.21я431
УДК 93/99+32(043.2)

© Коллектив авторов, 2026
© Донецкий государственный университет, 2026

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель:

Панченко Владислав Яковлевич, вице-президент Российской академии наук, д-р физ.-мат. наук, профессор, академик РАН (г. Москва).

Сопредседатель:

Беспалова Светлана Владимировна, ректор Донецкого государственного университета, руководитель Представительства Российской академии наук на территории Донецкой Народной Республики, д-р физ.-мат. наук, профессор (г. Донецк).

Члены программного комитета:

Алексеев Игорь Александрович, ведущий научный сотрудник лаборатории физической географии и биогеографии Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, д-р геогр. наук (г. Иркутск).

Андреев Дмитрий Александрович, заместитель декана по научной работе исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (г. Москва), д-р ист. наук, доцент (г. Москва).

Аноприенко Александр Яковлевич, ректор Донецкого национального технического университета, канд. техн. наук, профессор (г. Донецк).

Бабурин Сергей Николаевич, президент Ассоциации юридических вузов, научный руководитель Центра интеграционных и цивилизационных исследований Института государства и права РАН, д-р юрид. наук, профессор, почётный профессор Донецкого государственного университета (г. Москва).

Бахтин Станислав Геннадиевич, декан химического факультета Донецкого государственного университета, канд. хим. наук, доцент (г. Донецк).

Белозеров Геннадий Александрович, заместитель генерального директора Автономной некоммерческой организации «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов».

Белый Александр Владимирович, проректор по научной и инновационной деятельности Донецкого государственного университета, канд. хим. наук, доцент (г. Донецк).

Блинова Елена Евгеньевна, заведующая кафедрой прикладной психологии и развития личности Херсонского государственного педагогического университета, д-р психол. наук, профессор (г. Херсон).

Вартанова Елена Леонидовна, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р филол. наук, академик РАО (г. Москва).

Варюхин Виктор Николаевич, научный руководитель Донецкого физико-технического института им. А. А. Галкина, д-р физ. мат. наук, профессор, член-корр. РАН, (г. Донецк).

Воронова Ольга Евгеньевна, профессор кафедры литературы и журналистики, руководитель Центра региональных проектов и межрегиональных связей Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, д-р филол. наук, профессор (г. Рязань).

Ганиева Ирина Александровна, директор АНО «Научно образовательный центр „Кузбасс“», д-р экон. наук, доцент (г. Кемерово).

Глухов Александр Захарович, главный научный сотрудник Донецкого ботанического сада, профессор кафедры ботаники и экологии Донецкого государственного университета, д-р биол. наук, профессор (г. Донецк).

Головчан Алексей Витальевич, директор Донецкого физико-технического института им. А. А. Галкина, канд. физ. мат. наук, доцент (г. Донецк).

Данилюк Даниил Анатольевич, и. о. директора Института прикладной математики и механики, канд. физ. мат. наук (г. Донецк).

Журавлёва Екатерина Васильевна, Советник президента РАН, советник Председателя Совета директоров ГК «ЭФКО», д-р с.-х. наук, профессор РАН (г. Белгород).

Зенченко Светлана Вячеславовна, проректор по научной работе Северо-Кавказского федерального университета, д-р экон. наук, профессор (г. Ставрополь).

Зинченко Юрий Петрович, декан факультета психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р психол. наук, профессор, член-корреспондент РАН, академик РАО (г. Москва).

Игнатенко Григорий Анатольевич, ректор Донецкого государственного медицинского университета им. М. Горького, д-р мед. наук, профессор, академик РАН (г. Донецк).

Ильинский Владимир Викторович, и. о. зав. кафедрой общей экологии и гидробиологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р биол. наук, профессор (г. Москва).

Исаков Владимир Борисович, профессор НИУ «Высшая школа экономики», д-р юрид. наук, профессор (г. Москва).

Калмыков Степан Николаевич, вице-президент Российской академии наук, д-р хим. наук, профессор, академик РАН (г. Москва).

Керимов Александр Джангирович, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, д-р юрид. наук, профессор (г. Москва).

Кирпичников Михаил Петрович, декан биологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р биол. наук, профессор, академик РАН (г. Москва).

Кожухов Игорь Борисович, профессор кафедры высшей математики НИУ «Московский институт электронной техники», д-р физ. мат. наук, профессор (г. Москва).

Крамаренко Артём Александрович, заместитель Председателя Правительства Донецкой Народной Республики, Министр сельского хозяйства, пищевой и перерабатывающей промышленности (г. Донецк).

Красильников Павел Владимирович, декан факультета почвоведения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р биол. наук, член-корреспондент РАН (г. Москва).

Липгарт Андрей Александрович, декан филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р филол. наук, профессор (г. Москва).

Лубков Алексей Владимирович, ректор Московского педагогического государственного университета, д-р ист. наук, профессор, академик РАО (г. Москва).

Макаров Кирилл Борисович, заместитель Председателя Правительства Донецкой Народной Республики (г. Донецк).

Матишов Геннадий Григорьевич, заместитель президента РАН, научный руководитель Южного научного центра РАН, д-р геогр.наук, профессор, академик РАН (г. Ростов-на-Дону).

Месхи Бесарион Чохоевич, ректор Донского государственного технического университета, председатель Совета ректоров вузов Ростовской области, д-р техн. наук, профессор, академик РАО (г. Ростов на Дону).

Минаев Андрей Иванович, профессор Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, д-р ист. наук, доцент (г. Рязань).

Некипелов Александр Дмитриевич, директор Московской школы экономики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р экон. наук, профессор, академик РАН (г. Москва).

Нечаев Владимир Дмитриевич, ректор Севастопольского государственного университета, д-р полит. наук, доцент (г. Севастополь).

Овечко Сергей Викторович, заместитель Института биологии южных морей имени А. О. Ковалевского РАН, канд. биол. наук (г. Севастополь).

Пармон Валентин Николаевич, научный руководитель Института катализа СО РАН, д-р хим. наук, академик РАН (г. Новосибирск).

Плугатарь Юрий Владимирович, директор Ордена Трудового Красного Знамени Никитского ботанического сада – Национального научного центра РАН, председатель Совета ботанических садов России, д-р с.-х. наук, профессор, академик РАН (г. Ялта).

Половян Алексей Владимирович, директор Института экономических исследований, д-р экон. наук, доцент, (г. Донецк).

Понедельников Алексей Борисович, руководитель отдела «Северо-Азовский» Южного филиала ФГБНУ «ВНИРО» (г. Мариуполь).

Приходько Светлана Анатольевна, директор Донецкого ботанического сада, канд. биол. наук, ст. науч. сотр. (г. Донецк).

Прутцков Григорий Владимирович, профессор Института медиа НИУ «Высшая школа экономики», д-р филол. наук (г. Москва).

Рябичев Виктор Дронович, ректор Луганского государственного университета имени Владимира Даля, д-р техн. наук, профессор (г. Луганск).

Садовничий Виктор Антонович, ректор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р физ.-мат. наук, профессор, академик РАН (г. Москва).

Секиринский Дмитрий Сергеевич, заместитель Министра науки и высшего образования Российской Федерации.

Скуратовская Екатерина Николаевна, врио директора Института биологии южных морей имени А. О. Ковалевского РАН, канд. биол. наук (г. Севастополь).

Сократов Сергей Альфредович, зам. декана географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, канд. геогр. наук, доцент (г. Москва).

Тедеев Вадим Ботазович, ректор Юго Осетинского государственного университета имени А. А. Тибилова, канд. техн. наук, профессор (г. Цхинвал).

Тохтарь Валерий Константинович, директор Ботанического сада Белгородского государственного национального исследовательского университета, д-р биол. наук, с. н. с. (г. Белгород).

Трофимов Олег Владимирович, Министр образования и науки Донецкой Народной Республики (г. Донецк).

Тулупов Владимир Васильевич, декан факультета журналистики Воронежского государственного университета, д-р филол. наук, профессор (г. Воронеж).

Туранина Неонила Альфредовна, зав. кафедрой библиотечно-информационной деятельности Белгородского государственного института искусств и культуры, д-р филол. наук, профессор (г. Белгород).

Федянин Андрей Анатольевич, проректор – начальник управления научной политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, д-р физ. мат. наук, профессор, член-корреспондент РАН (г. Москва).

Харламенкова Наталья Евгеньевна, заведующая лабораторией психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях, заместитель директора Института психологии РАН, д-р психол. наук, профессор (г. Москва).

Хомутова Екатерина Валерьевна, директор Института физико-органической химии и углехимии им. Л. М. Литвиненко, канд. биол. наук (г. Донецк).

Шебалков Алексей Викторович, Министр природных ресурсов и экологии Донецкой Народной Республики (г. Донецк).

Всемирная история

УДК 930.1:001.891(4)"18/19"

ОТ ГИПОТЕЗЫ К ИДЕОЛОГИИ: МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТИЗАЦИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (XIX–XX ВВ.)

Агаркова М.И., ORCID 0009-0008-1534-016X
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
satokha@mail.ru

Введение. Индоевропеистика с момента своего возникновения на рубеже XVIII–XIX вв. представляла собой не только область сравнительно-исторического языкознания, но и пространство, в котором научные гипотезы о глубокой древности систематически пересматривались. Импульсы к таким пересмотрам исходили преимущественно извне дисциплины. Изменения политической конъюнктуры, эволюция представлений о нации, расе и пределах допустимого в публичном дискурсе – все это сказывалось на том, какие лингвистические реконструкции получали признание, а какие оттеснялись на периферию. Филологическая догадка, выглядевшая в первые десятилетия XIX в. смелой, но вполне безобидной, к концу столетия могла быть переосмыслена как аргумент в пользу территориальных притязаний или расовой иерархии.

Цель работы – рассмотреть основные этапы политизации индоевропейских исследований в XIX–XX вв. и оценить, насколько те или иные интерпретации древности были связаны с запросами своего времени.

Основная часть. Первым режимом инструментализации индоевропеистики стал романтический национализм, сформировавшийся в конце XVIII – перв. пол. XIX в. Ранняя компаративистика развивалась в интеллектуальном климате романтизма, где язык понимался как выражение «духа народа». Именно в этом контексте возникает опасная семантическая операция: отождествление языковой общности с общностью культурной, а затем – с общностью «расовой». Установление родства между рядом языков Евразии, получивших название индоевропейской семьи, связано с именами У. Джонса, Фр. Боппа, Я. Гримма, Р. Раска. Романтики искали индоевропейскую прародину в Индии или в непосредственной близости от нее – на степных просторах Ирана и Средней Азии (работы И. Г. Роде, Х. Лассена, А. Пикте). Показательна фигура М. Мюллера: введя в оборот термин «арийская раса», он впоследствии от него отказался, заявив: «Этнолог, говорящий об „арийской расе“, „арийской крови“, „арийских глазах“ и „арийских

волосах“, совершает такую же ошибку, как лингвист, говорящий о „долихоцефальном словаре“ или „брахицефальной грамматике“» [1, с. 2]. Однако пока эта ошибка умирала в науке, она жила в политике.

Переход от языковой общности к общности расовой не был мгновенным. В первой половине XIX в. речь шла скорее о культурном родстве: общий язык, общая мифология, общие истоки [2, с. 374]. Но уже у К. Лассена, ученика Ф. Шлегеля, появляется мотив превосходства арийцев над семитами. К середине столетия эта линия получает продолжение в работах Ж. А. де Гобино, который прямо связывает язык с расой и выстраивает иерархию народов. Языкознание здесь уже не играет ведущей роли – оно поставляет материал, а выводы делаются в совершенно иной плоскости. Х. С. Чемберлен в конце XIX в. доводит эту логику до идеи «арийской» миссии германского мира. Так филологическая гипотеза постепенно превращается в основание для политической программы [3, с. 79].

Вторым режимом стал расовый поворот конца XIX – начала XX в. В последние десятилетия XIX в. возрос интерес к антропологии и соответственно повысилась роль этой науки в исследованиях «доисторического» периода. В работах Т. Пьеше (1878 г.) и К. Пенка (1883 г., 1886 г.) отмечалось, что среди многих индоевропейских народов значительный процент составляют светло-пигментированные индивиды. Арийская проблема быстро вышла за пределы языкознания: за языком исследователи того времени видели вслед за И. Гердером и И. Фихте культуру, народ с присущим ему «национальным духом» или даже «расу». К признакам первичной «индоевропейской расы» добавляются долихокефалия и высокий рост, которые наряду со светлой пигментацией оказались наиболее стойкими признаками особого – «нордического» расового типа. Интеллектуальные дискуссии антропологов привели к идее нордификации «расы» с логическим выводом определения германской (арийской) расы как гегемона над другими расами. Разработанная после Первой мировой войны Г. Гюнтером расовая теория оказала сильное влияние на нацистскую идеологию. Важно подчеркнуть: речь идет не о «фальсификации» науки извне, а о внутренней уязвимости дисциплины, работающей с реконструкцией ненаблюдаемого прошлого.

Третьим режимом стала советская инструментализация через отрицание. «Новое учение о языке» Н. Я. Марра отвергало сравнительно-исторический метод как «буржуазную науку» и утверждало классовую природу языка. Однако к концу 1940-х гг. основные положения марризма вступили в противоречие с политическими и геополитическими установками советской идеологии, что и привело к «свободной дискуссии по вопросам языкознания» 1950 г. Как показывает А. В. Никандров, целью показательного разоблачения марризма было не восстановление научной истины, а демонстрация поворота советского «государственного

марксизма» к принципам общенародного единства [4, с. 46-70]. Таким образом, и разгром марризма, и последующее возвращение к компаративистике были мотивированы политически.

Четвертым режимом является постколониальная инструментализация, ярким примером которой служит современная индийская «Out of India theory» (OIT). Сторонники этой теории используют argumentum ex silentio: отсутствие материальных следов миграции истолковывается в пользу того, что ее не было. Правила лингвистической деривации при этом соблюдаются не всегда [5, p. 234-281]. Лингвистические данные в их современном состоянии совместимы с различными сценариями, что создает широкое пространство для конкурирующих гипотез.

Заключение. Индоевропеистика представляет собой не просто дисциплину, а динамичное исследовательское поле, в котором научные гипотезы систематически переопределяются под влиянием политических, социальных и институциональных факторов. Анализ четырех исторических режимов инструментализации – романтического национализма, расовой антропологии, советского марризма и постколониального индигенизма – позволяет выявить общую логику: работа с реконструкцией ненаблюдаемого прошлого создает эпистемическую уязвимость, которая делает дисциплину особенно восприимчивой к политическому давлению. Понимание этой логики необходимо как для историков науки, так и для экспертов, оценивающих современные этногенетические концепции на предмет научности. Возникший как идея историзма в лингвистике «арийский миф» уже к XX в. не имел ничего общего со своим первоначальным значением, превратившись в аргументацию политики расового превосходства [3, с. 374-379].

Список литературы

1. Pereltsvaig A., Lewis M. W. The Indo-European Controversy: Facts and Fallacies in Historical Linguistics. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – 320 p. – ISBN 978-1-107-05453-0.
2. Агаркова М.И. Арийский миф: трансформация этнолингвистической проблемы в опасную идеологию // Черноморско-Средиземноморский регион в контексте национальных интересов России: сборник трудов конференции. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2024. – С. 374–379.
3. Шнирельман В.А. Арийский миф в современном мире: в 2 т. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – Т. 1. – 536 с. – ISBN 978-5-4448-0422-3.
4. Никандров А.В. Лингвистика и политика: политические мотивы и цель «свободной дискуссии по вопросам языкознания» 1950 г. // Дискурс-Пи. – 2023. – Т. 20, № 1. – С. 46–70.
5. Elst K. Linguistic Aspects of the Aryan Non-Invasion Theory // The Indo-Aryan Controversy: Evidence and Inference in Indian History / ed. by E. Bryant, L. Patton. – London: Routledge, 2004. – P. 234–281.

УДК 94

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ВОЕННОГО ИСКУССТВА НА ПРИМЕРЕ ЗНАКОВЫХ СРАЖЕНИЙ АНТИЧНОСТИ

Белюрко Н.М.
МБУ «Художественный музей «Арт-Донбасс»», г. Донецк, РФ
konkurs.art-donbass@yandex.ru

Введение. Изучение зарождения и развития военного искусства Античности на примерах конкретных сражений (Фермопилы, Канны, греко-персидские битвы в период правления персидской династии Ахеменидов, Александра Македонского), позволяют увидеть, как менялись тактика, стратегия и организация войск. Изучение этих древних тактик и стратегий оказало влияние на последующую мировую военную историю.

Цель – проанализировать факторы, повлиявшие на зарождение и развитие военного искусства в Античности.

Основная часть. Зарождение военного искусства в Античности стало той основой, на которой выстраивались все последующие военные тактики и стратегии. Античные сражения – это часть военной истории Древней Греции, Рима и эллинистических государств. Военные действия еще до Античности приобретают черты военного искусства. Например, после масштабной битвы египтян и хеттов при Кадеше, крупнейшего сражения эпохи поздней бронзы, был заключён первый известный в истории мирный договор. Это эпохальное событие произошло примерно через 20 лет после битвы и свидетельствует о том, что военные действия уже тогда достигли определенного уровня [2, с. 24].

Персы, создавшие державу Ахеменидов, преуспели в военном деле, что позволило им в период расцвета присоединить ряд государств: Мидию, Лидию, Нововавилонское царство, Египет. Также была покорена Бактрия, частично – долина реки Инд. Хорошо организованная и вооруженная армия позволила персидским правителям завоевать огромные территории.

К концу правления фараона Амасиса Египет оставался единственным государством на Ближнем Востоке, которое было независимым от державы Ахеменидов. Однако, после смерти Амасиса, персидский правитель Камбис II завоевал Египет и был провозглашен его фараоном. Так возникла XXVII династия Египта. Камбис II вступил в правление новыми землями в соответствии с местными обычаями, принял традиционные титулы. При Дарии I Египет был одной из богатейших персидских сатрапий.

Персы включали покоренные народы в состав своей империи, нередко оставляя местную администрацию прежней, но в рамках единой системы управления сатрапий Персии. Но самое важное – персидские

правители позволяли сохранять покоренным народам сохранять свою культуру, традиции и обычаи. Такие политические решения закрепляли военный успех Персии, позволяли более эффективно контролировать новые территории.

Персидские правители применяли необычные средства для поражения противника. Например, Геродот описывает, как перед битвой с лидийцами Кир поставил впереди своего войска верблюдов. Расчет оказался верным, лошади лидийцев испугались непривычных им животных и обратились в бегство. Военное искусство персов строилось на сочетании разных элементов. С помощью осадных машин, насыпей, подкопов персы брали хорошо укреплённые города. В персидской армии серьёзно подходили к сбору сведений о противнике. Особую роль играла личная гвардия царя – «бессмертные». Их численность поддерживалась постоянной. Если воин из числа «бессмертных» погибал, на его место сразу же принимали другого, тем самым поддерживая численность личной гвардии.

Битва при Фермопилах – один из излюбленных античных батальных сюжетов в современном искусстве. Фермопилы в переводе с греческого – «тёплые ворота», так как в самых узких местах ущелья били горячие серные источники. Этот факт не так известен, как прославленное сражение, обессмертившее мужественность спартанцев, до конца исполнявших свой долг. В ходе одной из греко-персидских войн в 480 г. до н. э. объединённое греческое войско во главе со спартанским царем Леонидом противостояло мощной армии персидского царя Ксеркса. Предвидя исход битвы, чтобы сохранить жизнь другим воинам, Леонид отдает приказ большей части этого войска отступить. Это – наиболее драматический момент битвы. Царь остался с 300 спартанцами, а также с небольшими отрядами феспийцев и фиванцев, чтобы прикрыть отход. Победу одержали персидские войска, но в то же время эта битва стала символом спартанского мужества и воинской дисциплины [1, с. 84].

Пунические войны – это вооружённые конфликты между Карфагеном, финикийским государством и Римской республикой. Три Пунические войны длились с перерывами в период с 264 по 146 гг. до н. э. Битва при Каннах в 216 г. до н. э. завершилась победой карфагенского полководца Ганнибала, который в детстве поклялся своему отцу сражаться с Римом. Это крупнейшее сражение Второй Пунической войны вошло в мировую историю как образец военного искусства. До этого у Рима не было столь значительных военных поражений. Ганнибал победил противника путём его полного окружения. После битвы при Каннах появилось латинское крылатое выражение «Ганнибал у ворот», означавшее военную опасность.

Но Ганнибал не воспользовался своей победой и не развернул войска на Рим, как ему советовало близкое окружение. Древнегреческий историк

и политик Полибий писал, что после битвы при Каннах Магарбал, командир кавалерии, уговаривал полководца немедленно напасть на Рим. Когда Ганнибал отказался, Магарбал сказал: «Ты умеешь побеждать, Ганнибал; пользоваться победой ты не умеешь». Магарбал оказался прав. В ходе Третьей Пунической войны Римская республика после длительной двухлетней осады одержала победу над Карфагеном. Так сбылось пожелание древнеримского государственного деятеля Марка Порция Катона Старшего «Карфаген должен быть разрушен».

Александр III Великий больше известен широкому кругу как Александр Македонский. Под его управлением был одержан ряд знаковых побед в Античности: битвы при Гранике, при Иссе, при Гавгамелах и др. [3, с. 188]. Военного успеха Александр Македонский достигал с помощью ряда факторов: особым образом выстроенной македонской фаланги, тяжёлой кавалерии гетайров, хорошо налаженного взаимодействия родов войск, строгой дисциплины. Длинные копья, которыми вооружалась македонская фаланга, защищали ее как от пехоты, так и от конницы. Тяжёлая кавалерия гетайров, которую чаще всего возглавлял сам Александр, наносила противнику решающие удары [1, с. 84].

В конце II века до н. э. в римской армии по инициативе полководца Гая Мария прошла реформа, ознаменовавшая собой переход к профессиональной военной системе. Фактически данная реформа превратила гражданское ополчение в постоянную армию. Набор в армию стал осуществляться без имущественного ценза, что стало своеобразным социальным лифтом для неимущих римлян. Государство взяло на себя снабжение легионеров, а также стало предоставлять ветеранам земельные наделы. Таким образом Марий начал массово набирать в римскую армию пролетариев, граждан без земли. Полководец также изменил структуру легиона, основной тактической единицей в римских войсках стала когорта. Ряд историков считают, что реформа Гая Мария – это не резкий разворот, а лишь доведение до логического завершения проходящих в римской армии процессов.

Заключение. На примерах знаковых битв Античности можно увидеть, что полководцы того времени уже учитывают ряд качественных факторов, влияющих на исход сражения: особенности местности, ее рельеф; слаженность и гибкость командования; военная подготовка воинов; вооружение, не уступающее по мощи противнику. История военного искусства учит тому, что не единственно верных рекомендаций для всех сражений, поскольку в каждом случае победа достигается под воздействием многих факторов.

Список литературы

1. Белюрко, Н. М. Влияние личности Македонского на ход истории. / Н. М. Белюрко // Известия военного образования Донецкой Народной Республики: сборник

материалов международной научной конференции «Епишевские чтения: история, культура и философия военного дела» / под общей редакцией генерал-майора Тихонова М. Г. – Донецк: ГОУ ВПО «ДОН ВОКУ», 2020. – С. 82–85.
2. Военная история: Учебник для высших военно-учебных заведений Министерства обороны Российской Федерации. – М.: Воениздат, 2006. – 469 с.
3. Холод, М. М. Малоазийские греческие полисы и Александр Македонский в 334 г. до н. э. / М. М. Холод // Античный мир. Проблемы истории и культуры. Сборник научных статей к 65-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова / Под ред. И. Я. Фроянова. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1998. – С. 187–199.

УДК 973.091(73)

НАСЛЕДИЕ Ф.Д. РУЗВЕЛЬТА В ПОЛИТИКЕ ДЖ.Ф. КЕННЕДИ

Бредихин А.В., д-р ист. наук, проф., ORCID 0009-0007-1250-3640,
Кухарская Д.В., ORCID 0009-0001-5941-510X
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
kf.vsemir.zav@mail.ru, kukharskaya06@mail.ru

Введение. Политическое наследие Франклина Делано Рузвельта оказывает существенное влияние на формирование внешнеполитического и внутреннего курса последующих администраций США. Особый интерес представляет президентство Джона Фицджеральда Кеннеди, обнаруживающее глубокую преемственность по отношению к рузвельтовской традиции социального либерализма. Оба президента вступили в должность в период острых социально-экономических кризисов: Ф.Д. Рузвельт – на фоне Великой депрессии (1929–1933 гг.), Дж.Ф. Кеннеди – в условиях рецессии 1960–1961 гг. и обострения холодной войны. Оба президента рассматривали государственное вмешательство как ключевой инструмент преодоления кризисных явлений и опирались на активную президентскую риторику для мобилизации общественной поддержки. Сходство политических обстоятельств делает сопоставление двух администраций продуктивным для понимания эволюции американского либерализма.

Цель исследования – выявить ключевые аспекты наследия Ф.Д. Рузвельта, получившие развитие в политике Дж.Ф. Кеннеди, и установить степень их преемственности.

Основная часть. Идейную основу преемственности составляет концепция социального либерализма, которая, представляет собой синтез демократических ценностей и имперских амбиций в новейшей истории США [1]. Рузвельт, формируя принципы «Нового курса», заложил фундамент государственного вмешательства в экономику и социальной защиты граждан. Кеннеди, наследуя эту традицию, перенес акцент на

расширение федеральных социальных программ, что, следовательно, составило основу его программы «Новых рубежей». Обе программы разделяли убеждение в ответственности федерального правительства за экономическую стабильность и социальное благополучие граждан, предполагая масштабные инвестиции в инфраструктуру, образование и науку как средства долгосрочного экономического стимулирования.

Биографические параллели двух рассматриваемых политиков также заслуживают внимания. К примеру, по характеристике Х. Брогана, Кеннеди, подобно Рузвельту, демонстрировал макиавеллиевскую гибкость в политической борьбе и способность скрывать проблемы со здоровьем, не допуская их влияния на публичный образ [2]. Рузвельт десятилетиями маскировал последствия полиомиелита, а Кеннеди – диагноз болезни Аддисона и хронические боли в спине. Оба понимали, что образ лидера, не подверженного недугам, – важнейший политический ресурс. Кроме того, отец будущего президента Джозеф Кеннеди занимал пост посла в Великобритании в администрации Рузвельта, что обеспечило семье непосредственный доступ к политической элите демократической партии и восприятие рузвельтовской модели управления.

Во внешнеэкономической сфере прямым продолжением рузвельтовской стратегии стал Закон о расширении торговли 1962 г., который предусматривал беспрецедентные полномочия президента по снижению пошлин в рамках концепции «конкурентного сотрудничества» [3]. Закон отразил убеждение администрации в том, что либерализация торговли служит инструментом укрепления американского экономического влияния в условиях холодной войны. Иначе обстоит дело с программой «Продовольствие ради мира», инициированной Джоном Кеннеди. Она не являлась прямым порождением «Нового курса»: ее правовой основой выступил Закон о развитии сельскохозяйственной торговли и помощи (PL-480), подписанный в 1954 г. администрацией Д. Эйзенхауэра и относившийся к послевоенным механизмам утилизации аграрных излишков. Логика «Нового курса» (Закон о регулировании сельского хозяйства 1933 г.) строилась на ограничении производства ради повышения цен, тогда как логика PL-480 – на сбыте излишков за рубеж. Кеннеди, таким образом, не столько продолжал рузвельтовский механизм, сколько расширил и переосмыслил уже существующий инструмент. Как отмечает в своей работе С.Ю. Шенин, программа стала значительным инструментом укрепления позиций США в развивающихся странах через продовольственную помощь [4].

В региональном измерении политика Кеннеди в Латинской Америке, рассматриваемая Ю.С. Барышниковой как новый «план Маршалла» [5], обнаруживает сходство с «политикой доброго соседа».

Инициатива «Союз ради прогресса», запущенная в 1961 г., предполагала экономическую помощь латиноамериканским странам в обмен на проведение реформ, продолжая линию Рузвельта на гегемонию США в Западном полушарии посредством экономического сотрудничества. Аналогичным образом, ближневосточная стратегия Кеннеди сохраняла преемственность с подходами Рузвельта, обозначившего стратегические приоритеты США на Ближнем Востоке [6].

Институциональное наследие Рузвельта – Бреттон-Вудская система, ООН, централизация внешнеполитических решений – продолжало функционировать при Кеннеди. Рузвельт заложил архитектуру послевоенного порядка, в рамках которой действовали все последующие президенты [7]. Централизация принятия решений, начатая Рузвельтом, достигла при Кеннеди новых масштабов: президент лично контролировал дипломатические инициативы через узкий круг доверенных советников, воспроизводя рузвельтовскую модель управления, при которой Белый дом становился главным центром разработки и реализации внешней политики.

Заключение. Наследие Ф.Д. Рузвельта оказало значительное влияние на политический курс Дж.Ф. Кеннеди в ключевых аспектах: идеологическом (социальный либерализм), институциональном (Бреттон-Вудская система, ООН) и внешнеполитическом (торговая стратегия, региональная политика). Преемственность носит системный характер и проявляется в опоре на схожие механизмы государственного регулирования, восприятии рузвельтовской модели президентского лидерства и стратегическом видении роли США в мировом порядке. Политический курс Кеннеди – развитие и адаптация рузвельтовского наследия к условиям холодной войны и деколонизации, когда США столкнулись с необходимостью сохранения глобального лидерства в условиях вызовов со стороны советской системы.

Список литературы

1. Рахшмир, П. Ю. Либерализм. Демократия. Империя. Оригинальный синтез новейшей истории США / П. Ю. Рахшмир // Новая и новейшая история. – 2015. – № 6. – С. 163–172. – EDN UTOJTB.
2. Броган, Х. Джон Кеннеди / Х. Броган ; пер. с англ. А. Б. Дрозда. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1997. – 384 с. – ISBN 5-222-00063-X.
3. Лекаренко, О. Г. Разработка правительством Дж. Кеннеди закона о расширении торговли 1962 г. / О. Г. Лекаренко. – Текст : непосредственный // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия : История. Политология. Экономика. Информатика. – 2010. – № 19 (90), вып. 16. – С. 96–101.
4. Шенин, С. Ю. Джон Кеннеди и программа «Продовольствие ради мира» / С. Ю. Шенин. – Текст : непосредственный // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. – 2022. – Т. 22, вып. 3. – С. 378–382. – DOI 10.18500/1819-4907-2022-22-3-378-382. – EDN BNMKZL.

5. Барышникова, Ю. С. Латиноамериканская политика США в период президентства Дж. Ф. Кеннеди (1961–1963) / Ю. С. Барышникова. – Текст : непосредственный // Известия Уральского государственного университета. – 2011. – № 86. – С. 166–175.
6. Белоусова, К. А. Преемственность политики американских президентов на Ближнем Востоке : от Рузвельта до Кеннеди / К. А. Белоусова. – Текст : непосредственный // Личность и общество в историческом процессе : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (9–10 апреля 2020 г.). – Москва, 2020. – С. 24–28.
7. Уткин, А. И. Дипломатия Франклина Рузвельта / А. И. Уткин. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 544 с. – ISBN 5-7525-0090-7.

УДК 94(410)

БРИТАНСКИЕ ИНТЕРЕСЫ НА КАВКАЗЕ В 1830-Х – НАЧАЛЕ 1850-Х ГГ.

Бурьян М.А., канд. ист. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет»,
г. Луганск, РФ
m.krasnyakova@mail.ru

В 1830-1850-х гг. Кавказ превратился в один из ключевых театров «Большой игры». При этом, если ранее данный регион не представлял особой ценности для Лондона, то после заключения между Россией и Османской империей в 1829 г. Адрианопольского мирного договора, по условиям которого к России переходило всё восточное побережье Чёрного моря, в Лондоне всерьез забеспокоились о том, что дальнейшее расширение Российской империи может угрожать интересам Лондона в Индии. С этого момента политика Великобритании на Кавказе приобретает не эпизодический, а системный характер.

Цель работы – рассмотреть британские интересы на Кавказе в 1830-х – начале 1850-х гг., показать их взаимосвязь с общеевропейской политикой и «Большой игрой», а также проследить, как менялась политика Великобритании по мере укрепления российского контроля над регионом.

После того, как Россия закрепилась в Закавказье, британское правительство постоянно «беспокоила близость новых южных границ российской империи к главным коммуникациям, связывавшим Великобританию с её индийскими колониями» [1, с. 119]. Кавказ, в сложившихся реалиях, воспринимался англичанами в роли естественного барьера, способного замедлить российское продвижение в южном направлении, в связи с чем начиная с 1830-х гг. Лондон значительно активизировал свою политику в данном регионе.

Ключевым инструментом английской политики по замедлению российского продвижения на Кавказе стала поддержка сопротивления горских народов, прежде всего адыгов (черкесов). Британские агенты

«вели подрывную работу против России» [2, с. 67] и убеждали вождей горцев оказывать русским максимальное сопротивление. Немаловажную роль в этом процессе сыграл секретарь посольства Великобритании в Турции Дэвид Уркарт, который координировал антироссийские акции на Северо-Западном Кавказе. Кульминацией его деятельности стала провокация со шхуной «Виксен» в 1836 г.: судно под британским флагом с грузом оружия было направлено к черкесским берегам в расчёте на столкновение с русским флотом [3, с. 162]. Захват «Виксена» вызвал международный скандал, однако, лорд Пальмерстон, возглавлявший Форин-офис, не пошёл на эскалацию конфликта. Эта двойственность – готовность использовать сопротивление горцев и нежелание втягиваться в прямую войну – стала характерной чертой британской политики на Кавказе вплоть до Крымской войны.

При этом, по мере того как Россия последовательно укрепляла контроль над кавказским побережьем – эффективность британской поддержки начала снижаться. Доверие горцев к обещаниям внешней помощи падало, поскольку ожидаемой масштабной военной интервенции так и не последовало, а ресурсы Великобритании были ограничены необходимостью балансировать между давлением на Россию и сохранением стабильности в других частях империи. К середине 1840-х годов британская политика всё отчётливее смещалась от точечных проектов поддержки к более широкой дипломатической и военной подготовке к столкновению с Россией, которое произошло в 1853-1856 гг. Таким образом, кавказский вектор британской политики прошёл путь от попыток сдерживания к прямому военному противостоянию, развернувшемуся в годы Крымской войны.

Подводя итог, можно отметить, что британские интересы на Кавказе в 1830-х – начале 1850-х гг. были обусловлены в первую очередь политическими причинами, а именно – стремлением Лондона не допустить усиления России на пути к Индии. Для достижения этой цели, британское правительство активно использовало своих агентов, которые поддерживали и разжигали сопротивление горцев. Одним из наиболее острых моментов англо-российского противостояния на Кавказе стало дело «Виксена», которое хоть и не привело к прямому вооруженному столкновению, но продемонстрировало, насколько напряженными являлись отношения между Россией и Великобританией в данный период. Впоследствии, эффективность британской поддержки горцев начала снижаться, а накопившиеся в различных регионах англо-русские противоречия привели к началу Крымской войны 1853-1856 гг.

Список литературы

1. Дегоев, В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе / В. В. Дегоев. – М: Русская панорама, 2003. – 512 с.

2. Касабова, Э. Э. Освещение Кавказской войны в английской прессе и мемуарных источниках 1830-1850-х годов / Э. Э. Касабова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2010. – № 3. – С. 66–69.
3. Кураев, А. Н. Англо-русские противоречия на Северном Кавказе в 1830-1860 гг. / А. Н. Кураев, Н. П. Мякинина, В. А. Баранова // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 9. – С. 160–164.

УДК 94(4)

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ВЛАСТИТЕЛЯ В ПОРТРЕТНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ ФИЛИППА ДОБРОГО

Вербовский А.В., ORCID 0000-0002-2171-4462
ГБУ ДНР «Донецкий республиканский краеведческий музей», г. Донецк, РФ
verbovskiyy@ro.ru

Введение. При бургундском дворе для формирования образа «правильного» властителя использовали не только политические ритуалы, праздники и сочинения придворных хронистов, но и все виды фигуративных искусств. Уже при первом герцоге Бургундии из династии Валуа создается уникальное скульптурное произведение – портал церкви в Шамполе, в котором индивидуализированные изображения герцога и его супруги воплотили жажду самоутверждения Филиппа Храброго в новой форме, не имеющей аналогов в средневековой скульптуре [1, с. 14]. Его наследники также привлекали скульпторов, живописцев, иллюминаторов для создания произведений искусств, в которых демонстрировались особые качества бургундских герцогов.

Цель. Рассмотреть портретные изображения Филиппа Доброго как способ создания образа «правильного» властителя.

Основная часть. Филипп Добрый – третий герцог Бургундии из династии Валуа превратил свое герцогство в одно из ведущих политических образований Европы. Его Двор, определявший основные тенденции развития культуры, стал местопребыванием многих крупных представителей французской культуры позднего Средневековья. Герцог привлекал на службу крупнейших художников и миниатюристов-иллюминаторов [2, с. 115]. При дворе Филиппа Доброго творили такие мастера пластических искусств, как Рогир ван дер Вейден и Ганс Мемлинг [3, с. 185]. Один из самых известных живописцев эпохи Ян ван Эйк, основным источником которого была казна бургундского герцога, был придворным художником Филиппа Доброго.

Для представителей семьи герцога портрет являлся официальным изображением. Мы знаем, что живописный портрет герцога Филиппа

Доброго был написан Рогиром ван дер Вейденом. Герцог Бургундии был изображен в черном одеянии с орденом Золотого Руна на груди. Однако, сохранились лишь копии, сделанные с полотна этого мастера. Одна из них хранится в Музее изящных искусств в Дижоне (Philippe le Bon portant le collier de l'ordre de la Toison d'or; d'après Rogier van der Weyden, vers 1450, musée des beaux-arts de Dijon). Другая находится в музее города Брюгге (Bruges, Groeningemuseum. Copy of an original reputedly painted by Rogier van der Weyden).

При бургундском дворе работали иллюминаторы: Симон Мармион и Жан Ле Тавернье, Виллем Врелан и Луазе Льеде, Льèвен ван Латем и Дре Жан. Изображения Филиппа Доброго мы можем видеть на страницах часословов [4, с. 12]. Из мастерской Жана де Воклена вышли иллюстрации к «Роману об Александре» и «Хроникам Геннегау» (Chronik des Hennegau, Widmung des Kodex an Philipp den Guten. 1448. Ms 9042 fol. 1 r.). В «Хрониках Геннегау» иллюминатор изобразил герцога, которому преподносит книгу ее создатель. Как и на многих других изображениях, правитель Бургундии облачен в одеяние черного цвета [5, с. 464]. Привязанность Филиппа Доброго к черному цвету в одежде хронисты объясняли тем, что герцог носил траур по отцу, Жану Бесстрашному, убитому на мосту в Монтеро. В «Больших Французских хрониках», иллюстрированных Симоном Мармионом, Филипп Добрый также является центральной фигурой в сюжетной миниатюре с торжественным подношением манускрипта. В «Хрониках Эно» («Chroniques de Hainaut»), автором иллюстраций к которым предположительно является Рогир ван дер Вейден, также можно видеть изображение Филиппа Доброго, которому преподносит манускрипт автор – Жан Воклен. На фронтисписе изображены канцлер Никола Ролен и Жан Шевро и сын Филиппа – будущий герцог Карл Смелый (Chroniques de Hainaut, 1448. Tempera on parchment. Bibliotheque Royale Albert 1er, Brussels (MS 9242, fol. I) [6, с. 23].

В сочинениях придворных хронистов герцог Филипп Добрый представал в образе идеального добродетельного государя, который должен служить религиозным, моральным и политическим наставлением для последующих поколений [7, с. 37–49]. Образ набожного государя создают и художники: в хранящемся королевской библиотеке Брюсселя трактате о молитве «Pater Noster» в переводе Жана Мьело и с иллюстрациями ученика Жана де Тавернье) есть миниатюра, на которой Филипп Добрый изображен посещающим мессу в своей личной часовне (Brussels, Royal Library, ms 9092 fo 9). На фронтисписе «Больших французских хроник», созданном Симоном Мармионом: «Герцог Бургундии Филипп Добрый получает рукопись от аббата монастыря Сен-Бертен Филятра». Слева от герцога стоит канцлер Ролен, справа – граф Шароле – будущий герцог Карл Смелый, рядом с ним находятся епископ Турнэ Жан Шевро и Великий бастард Антуан Бургундский.

В манускрипте, хранящемся в Вене (Vienna, Ôsterreichische Nationalbibliothek, Cod. 2583, fo 349) герцог Бургундии Филипп Добрый изображен на белом коне перед коленопреклоненными жителями Гента, чье восстание было подавлено войсками герцога [8, с. 218]. На другой миниатюре из «Мастера фламандских привилегий», по всей вероятности, представлено посещение герцогом Гента в 1458 г. Правитель Бургундии проявляет милосердие, вновь даруя привилегии гражданам Гента, на которых пятью годами ранее он наложил различные штрафы и лишил его привилегий. (Vienna, Osterreichische Nationalbibliothek. God. 2583, fo 13. Miniature from the Master of the Flemish privileges, ca 1454- 1467).

Уже значительно позднее, через несколько десятилетий после смерти Филиппа Доброго, создается реалистичное изображение герцога. В Музее изящных искусств Дижона находится скульптурное изображение вельможи со следами оспы на лице. Есть вероятность, что это изображение герцога Филиппа Доброго, здоровье которого значительно ухудшилось в последние годы жизни. Этот алебастровый бюст был создан около 1500 г.

Заключение. Таким образом, мы можем отметить, что в сохранившихся до наших дней портретных изображениях Филипп Добрый изображался как храбрым предводителем своего воинства, так и милосердным властителем. На большинстве работ герцог Бургунди запечатлен в черном одеянии, на что, по наблюдению Мишеля Пастуро, повлияло несколько факторов: мода княжеских дворов, династическая традиция (отец Филиппа Доброго – Жан Бесстрашный тоже предпочитал одеваться в черное после сражения при Никополе) и личные обстоятельства. Обязательной деталью в образе герцога был орден Золотого руна.

Список литературы

1. Вербовский А.В., Бредихин А.В. Скульптурные портреты бургундского герцога Филиппа Храброго из династии Валуа // Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VI Международной научной конференции, Донецк, 26–28 октября 2021 года. Том 7. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2021. – С. 13-15. – EDN VWGMNZ.
2. Асейнов Р.М. Образ Филиппа Доброго в восприятии бургундских придворных хронистов // Французский ежегодник 2014. Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV. – М., 2014. – с. 115-150.
3. Бредихин А.В., Вербовский А.В. Портреты герцогов бургундских из династии Валуа в различных видах пластического искусства // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2020. – № 3-4(74-75). – С. 183-191. – EDN VZJLDI.
4. Вербовский А.В. Портретный жанр в средневековой Франции: устоявшийся стереотип и исторические реалии // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. – 2021. – № 2. – С. 5-15. – EDN RAUQIY.
5. Kluckert, E. Malereider Gotik Tafel-, Wand- und Buchmalerei / Ehrenfreid Kluckert // Gotik. Architektur, Skulptur, Malerei. – Verlag GmbH, 2007. S.386-467.

6. Ainsworth Maryan W. The Business of Art: Patrons, Clients, and Art Markets // From Van Eyck to Bruegel. Early Netherlandish Painting in The Metropolitan Museum of Art. The Metropolitan Museum of Art, New York. 1998. – P. 23.
7. Wolff H. Histoire et pédagogie princière au XV siècle: Georges Chastelain // Culture et pouvoir au temps de l'Humanisme et de la Renaissance. Genève, P., 1978.
8. Prevenier W., Blockmans W. The Burgundian Netherlands. Cambridge University Press, 1986. P. 404.

УДК 94(567) «1991»

К ВОПРОСУ О ПОПЫТКЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА ФАДЫЛЯ АЛЬ-БАРРАКА В ИРАКЕ В 1991 Г.

Гречихин К.А., ORCID 0009-0005-1381-557X
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
grechikhin.kir@mail.ru

Введение. В связи с возникавшими трудностями в экономике и перегрузками системы Ирака после войны с Ираном и Кувейтского кризиса, противники Саддама Хусейна внутри партии пытались воспользоваться ситуацией для укрепления личной власти. Еще до Кувейтского кризиса в 1980-е гг. были различные попытки переворотов. Обострилась ситуация после «Кувейтской авантюры». Одну из попыток переворота тех времен мы и рассмотрим в данной работе.

Актуальность исследования достаточно весомая в виду современного роста кризисных ситуаций в странах с авторитарным способом правления. Сегодня важно понимать, какую внутреннюю политику необходимо проводить для недопущения раскола среди правящих элит и как сохранять и правильно направлять ценные кадры правления.

Основная часть. Среди попыток госпереворота в Ираке крупнейшей считается попытка возглавляемая Фадылем Барраком – начальником мухабарата.

История с Фадылем Барраком один из самых примечательных эпизодов во внутренней политике Ирака, который демонстрирует, как Саддам Хусейн расправлялся даже с самыми преданными и высокопоставленными сторонниками, если они становились «слишком самостоятельными» или «слишком влиятельными».

Фадыль аль-Баррак был руководителем мухабарата с 1984 по 1989 год, а также возглавлял службу общественной безопасности [1]. Аль-Баррак выделялся на фоне остального окружения Саддама. Он был интеллектуалом, получил докторскую степень в Москве (в Институте востоковедения АН СССР) [2], написал несколько книг по истории и политике. Он считался архитектором системы безопасности Ирака в 1980-

е годы и был тем человеком, который обеспечивал внутреннюю стабильность режима во время войны с Ираном.

К концу 1980-х годов Саддам Хусейн начал испытывать к аль-Барраку растущее подозрение по нескольким причинам. Среди таких Кофлин Кон отмечает то, что Аль-Баррак имел собственные взгляды на то, как должен развиваться Ирак. Он считал, что стране нужны реформы, а также более прагматичные отношения с Западом и СССР. Вдобавок как глава разведки, он знал все секреты семьи Саддама и коррупционные схемы его сыновей (Удея и Кусея). А из-за его учебы в СССР и частых контактов с западными дипломатами, Саддаму донесли (предположительно, его зять Хусейн Камель или сводный брат Сабауи Ибрагим), что аль-Баррак является «двойным агентом» [3].

В отличие от классических военных переворотов с танками на улицах, дело аль-Баррака было скрытным. В 1989 году Саддам Хусейн внезапно снимает аль-Баррака с поста главы разведки и назначает на его место своего сводного брата Сабауи Ибрагима ат-Тикрити. Это был явный сигнал опалы [4].

После поражения Ирака в войне в Заливе режим Саддама становится более уязвимым. В этот период Саддам начал искать виновных и «предателей» в высших эшелонах власти. Фадыль аль-Баррака обвинили в том, что он планировал заговор с целью отстранения Саддама от власти в пользу более умеренного крыла партии Баас, и якобы делал это при поддержке ЦРУ и КГБ. Утверждалось, что он передавал иностранным разведкам данные о перемещении Саддама Хусейна и расположении секретных бункеров [5].

В 1991 году Фадыль аль-Баррак был арестован. Его подвергли жестоким пыткам, несмотря на его прошлые заслуги перед государством. Существует версия, что Саддам Хусейн лично допрашивал его, пытаясь выяснить, кто еще из «старой гвардии» вовлечен в заговор. Однако аль-Баррак либо никого не выдал, либо заговора как структурированной организации просто не существовало, и это была паранойя диктатора.

В 1993 году Фадыль аль-Баррак был казнен. Официально было объявлено, что он был «иностранным шпионом». Его имущество было конфисковано, а имя на время вычеркнуто из официальной истории Ирака [5].

Американская администрация осознавала, что иракский народ не сможет свергнуть своего правителя, но сохранялась надежда, что недовольные офицеры свергнут Хусейна. Однако этого не произошло. Саддам Хусейн удерживал власть используя налаженную систему Мухабарата. Исследователи Карш и Раутси отмечают, что Саддам действовал разумно, предоставив курдам автономию, внеся формальные изменения в конституцию, повысив зарплату своим военным офицерам и начальникам служб безопасности и приложив все усилия для

восстановления водоснабжения и электроснабжения [5]. Также Саддам отказался от светской идеологии партии и использовал религиозную символику и риторику, чтобы успокоить беспокойное и озлобленное шиитское население [6].

Правление Саддама Хусейна приобретало все более деспотичный, коррумпированный и эксцентричный характер. Контроль над партией был передан семье Саддама и союзникам по племени. Сам вождь усилил свой аппарат безопасности и военные органы, назначив во главе их сыновей и двоюродных братьев. Было монополизировано принятие решений по всем важным вопросам. Соратники не смели перечить ему, опасаясь за свою жизнь [7].

Обоснованно опасаясь покушений, Саддам переезжал из дворца в дворец (только в Багдаде их было пять). Зачастую он работал в маленьком офисе в закрытом уголке президентского комплекса [6].

По мере укрепления тоталитарного режима Саддам Хусейн все больше превращался в современного «эмира», для которого единовластие – главная ценность. Охрана диктатора состояла из девяти полков. Рядом с ним постоянно находились двадцать пять человек. Когда Саддам Хусейн покидал свой дворец, то предварительно выезжало несколько машин-«ловушек», чтобы дезориентировать возможных террористов [7].

Таким образом, реальная или мнимая попытка заговора аль-Баррака показала две вещи. Во-первых, даже высшее образование и статус «главного разведчика» не давали защиты от Саддама. Во-вторых, Саддам окончательно перестал доверять профессионалам-интеллектуалам в спецслужбах, заменив их своими родственниками (кланом Тикрити), которые были менее компетентны, но более преданы семье. Так режим перешел в стадию «кадрового истощения», избавляясь от самых способных людей в пользу семейной клановости. В тоже время Саддаму Хусейну удалось наладить систему таким образом, чтобы изнутри сменить правительство стало практически невозможно.

Список литературы

1. Ibrahim al-Marashi. Iraq’s Armed Forces: An Analytical History / New York: Routledge, 2008. – 280 p.
2. Хусейн, Фадыль Баррак. «Военная оппозиция», ее роль в освободительном восстании 1941 года и англо-иракская война : (Страницы воен. истории ирак. армии) : Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. (070004) / АН СССР. Ин-т востоковедения. – М.: [б. и.], 1976. - 33 с.
3. Con Coughlin. Saddam: His Rise and Fall / New York, NY: Harper Perennial, 2005. – 462 p.
4. Ibrahim al-Marashi. Iraq’s Armed Forces: An Analytical History / New York: Routledge, 2008. – 280 p.

5. Efraim Karsh and Inari Rautsi, Saddam Hussein: A Political Biography (New York: Free Press, 1991). - 328p.
6. Sassoon J. Saddam Hussein's Ba'th Party: Inside an Authoritarian Regime. Cambridge University Press, 2011. – 340 p.
7. Makiya, Kanan. Republic of Fear: The Politics of Modern Iraq (Updated ed.). University of California Press, 1998. – 364 p.

УДК 94(82).620.61

РЕФОРМЫ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ АРГЕНТИНЫ В ГОДЫ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТСКОГО СРОКА ХУАНА ДОМИНГО ПЕРОНА (1946-1955)

Деркач Е.С., ORCID 0009-0003-2747-8549
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
derkatch.ecaterina@yandex.ru

Введение. Период первого президентства Хуана Доминго Перона стал одним из самых значимых этапов в истории развития Аргентины. Новый курс провозглашал политическую независимость, экономический суверенитет и социальные реформы, направленные на улучшение положения населения страны, превращая её в мощное индустриальное государство и заложив основы для массовой поддержки режима Перона.

Цель данного исследования состоит в комплексном анализе реформ перонистского правительства в сфере образования, их движущих сил, эффективности и долгосрочных последствий.

Основная часть. Центральное место в идеологии перонизма занимала доктрина «третьего пути» (или «третьей позиции»), которая представляла собой попытку создать альтернативную модель общественного развития, отличную как от западного капитализма, так и от советского социализма [1]. Как заявлял сам Перон в обращении к Конгрессу 1 мая 1952 г.: «Капиталистический индивидуализм подчинял людей, народы и нации всесильной, холодной и эгоистичной воле денег. С другой стороны, коллективизм... подчинял людей, народы и нации подавляющей и тоталитарной власти государства... Мы решили создать новые основы третьей позиции, которая позволила бы нашему народу выбрать иной путь – не ведущий к эксплуатации и нищете» [2]. В основе этой концепции лежало убеждение, что «капитализм эксплуатирует человека через капитал, а коммунизм – через государство». Перон рассматривал свою доктрину хустисиализма (от исп. justicia – справедливость) как философский и идеологический проект, отрицающий обе доминировавшие в то время парадигмы и предлагающий Латинской Америке «особый путь» [3].

Идея социальной справедливости стала центром перонистской идеологии и не могла не повлиять на изменение политики в области образования. Перон неоднократно подчёркивал необходимость приоритетной заботы о детях из бедных семей и расширения доступа к образованию для всех слоёв населения, критикуя старую систему за сохранение социального неравенства, когда только часть детей посещала школу, а 1,7 млн человек старше 14 лет были неграмотными, а 600 тыс. детей школьного возраста не имели доступа к образованию.

Образование становится одной из центральных глав Первого пятилетнего плана (1947 – 1951) и Второго пятилетнего плана (1952 – 1956). Перонистским правительством было сформулировано две главные задачи реформирования системы:

Во-первых, донести образование до всех аргентинских детей и молодёжи, где бы они ни находились, – через массовое строительство школ.

Во-вторых, направить образование на сохранение национальной культуры и подготовку специалистов, необходимых для реализации экономических планов Перона.

Среди наиболее важных изменений в первый период можно отметить создание министерства образования в 1948 г. и упразднение совета национального образования (CNE), который управлял образованием с 1884 г., а также школьных управлений, школьных советов. Это позволило централизовать образовательную систему и создать линию прямого подчинения школ правительству.

Для создания массового, доступного образования Аргентины перонистское правительство открывает большое количество учебных заведений. Количество учащихся средних школ удвоилось, а студентов университетов – утроилось. Была развёрнута сеть профессионально-технических училищ: если в 1947 г. действовало 17 полудневных технических школ и 5 заводских школ, то к 1950 г. их число достигло 134. В 1948 г. был создан Национальный рабочий университет, предоставивший выпускникам профессиональных училищ возможность получать высшее образование. Университет принимал около 4 000 студентов ежегодно из 50 000 выпускников технических школ. В 1949 г. были отменены университетские сборы, а в 1953 г. – вступительные экзамены, что привело к значительному росту числа студентов из средних и низших слоёв.

Следующий период изменений в образовательной сфере произошёл после принятия второго пятилетнего плана в 1952 г. В этом плане говорилось о необходимости изменить учебные программы и школьные учебники. Учебники должны были быть адаптированы к национальной доктрине. В учебниках, выпущенных после 1952 г., делался большой упор на позитивное освещение работы правительства, позитивные социальные

преобразования, освещались личности Хуана Перона и Эвы Перон. С 1952 г. школа становится инструментом Перона по распространению идеологии. Было отменено обязательное религиозное образование, субсидии изъяты из католических школ, сокращены религиозные праздники. Была одобрена реформа Конституции об отделении церкви от государства.

Что касается политики в системе высшего образования, во время своего первого президентства Перон выступал за меры, направленные на то, чтобы приблизить народные слои к государственному университету. Законом №13.031 (Закон Гуардо, 1947) вводились государственные стипендии для выдающихся студентов из рабочих семей, но упраздялась университетская автономия: ректоры назначались правительством, политическая деятельность в университетах запрещалась [4].

В 1949 г. Перон официально объявляет: «С сегодняшнего дня университетские сборы отменяются таким образом, чтобы обучение было абсолютно бесплатным и доступным для всех молодых аргентинцев, которые стремятся получить образование на благо страны» и вводит указ № 29.33743 [5]. Плата за обучение в университетах вообще отменяется. Высшее образование стало доступным для всех аргентинцев, количество студентов увеличилось, в 1950 г. их численность составила 96 тыс. Впервые была введена система стипендий для малообеспеченных. Это позволило Аргентине к 1956 г. стать страной с наибольшим количеством студентов университетов во всей Латинской Америке.

Заключение. Реформирование образовательной системы Аргентины было направлено на достижение целей, которые мы указали выше: социальной справедливости, политического суверенитета, экономической независимости, но итоги реформ оказались двойственными [6]. В рамках Аргентинского государства всеобщего благосостояния одна из основных целей перонистского правительства заключалась в том, чтобы донести образование до большего количества населения, в том числе и для тех, кто проживает в удалённых населённых пунктах страны. В целом с этой задачей правительство справилось. Хотя стоит отметить, что оставались районы страны, где образовательные услуги не были предоставлены. Важно понимать, что, распространяя образование, правительство не учитывало тот факт, что образовательные потребности менялись от региона к региону. Правительство не проводило диагностику знаний населения отдалённых районов, что сказывалось на неэффективной реализации образовательных программ. Становится доступным и университетское образование: Перон не только строит новые университеты, но и отменяет плату за обучение на высшей ступени образовании. Бесплатное высшее образование действует в Аргентине до сих пор. Однако университетская автономия была ликвидирована, что вызвало большое возмущение среди университетского сообщества.

Список литературы

1. Бредихин, А. В. Перонизм и неоперонизм в Аргентине в 40-90-е гг. XX века : монография / А. В. Бредихин. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2017. – 123 с.
2. Rein, Raanan. Juan Atilio Bramuglia. Bajo La Sombra del Lider. – LUMIERE EDITORIAL, 2006. – p.111 9.
3. Lyubimov I., Kazakova M., Gvozdeva M., Ospanova A. Failure and Triumph of Economic Complexification: The History of Argentina and South Korea in the Second Half of the 20th Century // Economic Policy. 2019. No. 5. – pp. 8 – 55.
4. LEY N° 13.031 – Establece un nuevo régimen universitario (Bol. of., 4/11/947).
5. Miguel Castillo García (Marzo de 2015). «La paradoja de la economía argentina: la penúltima crisis de desgobierno». Facultad de Ciencias Económicas y Empresariales. Madrid: Universidad Pontifica ICAI ICADI. – p. 6.
6. Ministerio de educacion y deportes. Se cumplen 63 años de la Gratuidad Universitaria // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://web.archive.org/web/20160424175726/http://portales.educacion.gov.ar/spu/noticias/se cumplen-63-anos-de-la-gratuidad-universitaria/

УДК: 94(73)"1607/1775"

ДОКУМЕНТЫ УИЛЬЯМА ДЖОНСОНА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ИНДЕЙСКИХ ПЛЕМЕН

Душенко В.А., ORCID 0009-0002-5715-082X
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
dushenkovlad@mail.ru

Введение. Изучение истории индейских народов Северной Америки XVIII века невозможно без анализа документов европейских колониальных деятелей. Особое значение имеют материалы сэра Уильяма Джонсона (1715–1774) – британского администратора, дипломата и руководителя по делам индейцев в Северной Америке. Его деятельность была тесно связана с конфедерацией хауденосауни, известной также как Лига ирокезов. Документы Джонсона содержат сведения о политических отношениях, торговле, земельных соглашениях и военном сотрудничестве между индейскими народами и британскими колониальными властями. Их изучение позволяет раскрыть особенности положения коренного населения в условиях европейской колонизации и соперничества Великобритании и Франции.

Цель работы: определить значение документов Уильяма Джонсона как исторического источника по изучению индейских племён Северной Америки XVIII века, выявить их информационные возможности и основные ограничения.

Историография. Важнейшим этапом изучения документального наследия Джонсона стала публикация многотомного собрания The Papers of Sir William Johnson [1], выходившего в 1921–1965 годах. В него вошли служебная переписка, отчёты, протоколы переговоров и другие материалы, отражающие деятельность Джонсона. Публикация документов создала основу для исследования британской колониальной политики и отношений с индейскими народами. При этом источники необходимо рассматривать критически, учитывая, что их автор был представителем британской администрации и отражал прежде всего интересы колониальной власти.

Основная часть. Уильям Джонсон занимал важное место в системе британского управления Северной Америкой. Он поддерживал продолжительные контакты с представителями конфедерации хауденосауни и участвовал в переговорах, касавшихся торговли, территориальных прав и военно-политических союзов. Джонсон вел подробные записи о своих важнейших встречах с индейскими вождями, на которых решалась судьба приграничных поселенцев. Некоторые из этих записей, представляющие особую ценность, были извлечены из рукописей в канадских архивах для публикации в настоящем издании. Они свидетельствуют о его мастерстве ведения переговоров в индейском стиле и о необычайном красноречии, с которым индейцы выступали в таких случаях. Он стремился к миру (с преобладанием Англии над Францией), но в те ужасные времена, когда северная граница Нью-Йорка была по-настоящему мрачным и кровавым местом, война сменялась войной [1; 2].

Его документы позволяют проследить, как выстраивались отношения между колониальной администрацией и индейскими общностями, какие вопросы становились предметом переговоров и каким образом стороны пытались защищать собственные интересы.

Основную источниковую ценность представляют служебная переписка, протоколы дипломатических встреч, торговые записи и военные донесения. Переписка отражает взаимодействие Джонсона с британскими чиновниками и индейскими лидерами. Протоколы переговоров содержат сведения о заключении соглашений и обсуждении спорных вопросов. Финансовые документы позволяют исследовать торговые связи и материальную сторону дипломатических отношений, а военные отчёты раскрывают значение индейских союзников в конфликтах между европейскими державами.

Особое значение документы имеют для изучения политической истории хауденосауни. Конфедерация объединяла мохоков, онейда, онондага, кайюга, сенека и тускарора. Её участники обладали собственными интересами, поэтому их отношения с европейскими державами не всегда были одинаковыми. Материалы Джонсона позволяют исследовать позиции отдельных индейских лидеров, особенности

дипломатических контактов и стремление коренных народов сохранять самостоятельность в условиях усиления колониального влияния.

Другим важным направлением является изучение экономических отношений и земельного вопроса. Торговля мехами связывала индейские общности с европейскими колонистами, обеспечивая обмен товарами и формируя устойчивые хозяйственные контакты. Вместе с тем расширение британских поселений усиливало противоречия вокруг территорий и прав на землю. Документы Джонсона позволяют анализировать переговоры о земельных соглашениях и роль колониальной администрации в их заключении. При этом наличие письменного договора не всегда свидетельствует о том, что его условия одинаково понимались всеми участниками: представления о собственности и территориальных правах могли различаться.

В период Франко-индейской войны 1754–1763 годов индейские народы играли значительную роль в борьбе Великобритании и Франции за влияние в Северной Америке [3].

Военные отчёты позволяют исследовать участие индейских союзников в кампаниях, взаимодействие с британскими войсками и значение союзнических отношений для колониальной стратегии. Документы последующих лет также помогают изучать последствия британской политики после победы над Францией, включая обострение отношений с коренным населением и сопротивление расширению колониального контроля.

Для исследования предпосылок Войны за независимость США документы Джонсона имеют особое значение. Сам Джонсон умер в 1774 году, до начала войны 1775–1783 годов, поэтому его материалы не отражают непосредственно ход этого конфликта. Однако они позволяют реконструировать политическую ситуацию, существовавшую накануне революции, и понять обстоятельства, влиявшие на выбор внешнеполитических ориентиров индейскими народами [1].

Несмотря на значительную ценность, документы Джонсона имеют определённые ограничения. Они создавались преимущественно в рамках британской административной деятельности, поэтому взгляды и мотивы индейцев отражены в них не всегда полно. Кроме того, письменные отчёты не способны передать все особенности устных переговоров и традиций коренных народов. Часть оригинальных рукописей была утрачена или повреждена в результате пожара в здании Капитолия штата Нью-Йорк в 1911 году. Поэтому исследователю необходимо сопоставлять опубликованные документы с другими свидетельствами и учитывать обстоятельства их создания.

Заключение. Документы Уильяма Джонсона являются ценным источником по истории индейских народов Северной Америки XVIII века. Они позволяют изучать политическую организацию конфедерации

хауденосауни, дипломатические отношения, торговлю, земельные соглашения и военное сотрудничество с британскими колониальными властями. Вместе с тем односторонность административных свидетельств требует критического анализа и сопоставления с другими источниками. Использование документального наследия Джонсона помогает глубже понять положение коренных народов в условиях колонизации и исторические предпосылки изменений в Северной Америке накануне Войны за независимость США.

Список литературы

1. Нелин, Т. В. Торговые отношения США с индейцами в годы войны за независимость (1775-1783 гг.) / Т. В. Нелин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2012. – № 2. – С. 61–68.
2. The papers of Johnson, William, Sir, 1715-1774; University of the State of New York, Olbani, 1921. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://archive.org/details/papersofsirwilli04john/page/n5/mode/
3. Documentary History of Dunmore's War – Madison: Wisconsin Historical Society, 1905. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://archive.org/details/documentaryhist00wiscgoog

УДК 94(41/99)

КЛЕЙМА КОНЕЙ СВЯТОЙ ИНКВИЗИЦИИ XVII ВЕКА

Елохин К.А. канд. ист. наук, ORCID AAM-4858-2020
ФГБУН «Институт всеобщей истории РАН», г. Москва, РФ
aspekt5@yandex.ru

Введение. Книги клейм коней появились на Кавказе и Ближнем Востоке незадолго до XII-XIII вв., но известны лишь их упоминания [1, p. 165-189]. Настоящие каталоги клейм коней сохранились именно с этого периода. Тогда же, вероятно, информация о них с помощью крестоносцев и торговцев попала в Европу, в частности, в Италию, славившуюся в Средние века своим коневодством. Эти книги не стали популярны, но идея таких каталогов появилась в культурном пространстве Апеннинского полуострова.

Цель работы – выявить и предложить объяснение факта существования клейм Святой Инквизиции в каталогах клейм коней XVII в., показав их принадлежность и выполняемые функции.

Основное содержание. В Италии книги клейм коней неизвестны до второй половины XVI в. [2], но рукописные каталоги, несомненно, существовали, поскольку профессиональные торговцы конями и мулами

упоминаются в источниках разного рода достаточно часто. Это и таможенные документы, и налоговые, и частная переписка, и так далее.

В XVI в. появились первые книги клейм коней на итальянском языке, в течение столетия известны сразу несколько изданий, базировавшихся одно на другом, но выпущенные из печати в разное время и в разных областях, как на Юге, так и на Севере Италии. Хотя в Италии существовали общепризнанные центры разведения коней, это было настолько выгодным предприятием, что каждый барон имел собственный табун [3, p. 7], а иногда и не один, и клейма, соответственно тоже.

В XVII–XVIII вв. количество книг клейм коней значительно увеличилось. Они были разными по качеству исполнения и содержанию. Где-то были изображены только клейма, с именем владельца, где-то к имени добавлялся титул, а где-то описание породы и характеристики подпород. В XIX в. книги клейм коней в Италии ещё существовали, но уже скорее, как реликты или эхо предыдущих веков.

Клеймами обозначались скаковые, тягловые и боевые кони, кобылы, жеребцы и мулы.

Торговля боевыми конями была ограничена таможенными правилами – на Восток был запрещён их вывоз, впрочем, и с Османской стороны действовали такие же ограничения. Однако существовала контрабанда и трофейные кони иногда появлялись в продаже.

В данном сообщении мы не будем касаться разновидностей клейм, их наследования, распространения, и так далее. Укажем лишь, что помимо светских сеньоров, табунами владели и духовные сеньоры: не только отдельные личности такие, как кардиналы или епископы, но и духовные корпорации – часовни, храмы, монастыри. Их скот клеймился знаками, по сути, мало чем отличавшимися от клейм светских сеньоров. Но среди клейм духовных корпораций встречались клейма Святой Инквизиции.

Все источники и исследования утверждали, что Инквизиция была бедной организацией. Но это не касалось отдельных итальянских инквизиторов, у которых были многочисленные слуги, в том числе и благородные. Эти слуги фактически и содержали этих инквизиторов, и в обмен на материальные блага, слуги получали различные индульгенции и права на подведомственных инквизиторам территориях. И у этих инквизиторов могли быть кони в частной собственности.

Но как же могли появиться клейма Инквизиции как организации? Х.-А. Льоренте писал, что буллой от 7 января 1559 г. «папа сообщает, что тревожные успехи лютеровой ереси в Испании, где ей покровительствует много богатых и могущественных людей, принудили главного инквизитора Вальдеса остановить движение этого сильного зла, заключая множество виновных, увеличивая число инквизиторов, размещая их по разным провинциям королевства и давая им необходимые инструкции для препятствия бегству подсудимых; что эти меры обязали поставлять и

держать наготове большое число лошадей в провинциях для преследования беглецов; что издержки, необходимые для этой цели и для прокормления неимущих узников, не могут быть покрыты небольшими доходами инквизиций; что можно опасаться, как бы такое положение долго не продлилось, и что эти соображения побудили его предназначить на нужды святого трибунала доход с одного каноникаата в каждой метрополичьей, кафедральной и коллегиальной церкви королевства» [4, с. 452].

Таким образом, согласно булле от 7 января 1559 г. успехи лютеранской ереси в Испании вынудили великого инквизитора Вальдеса принять срочные меры. Увеличивалось число инквизиторов, которые распределялись по провинциям. Им были даны инструкции для предотвращения бегства обвиняемых. Для преследования беглецов потребовалось большое количество лошадей, а затраты на содержание заключенных превышали возможности инквизиции. Опасаясь, что такое положение затянется, папа предназначил на нужды святого трибунала доход с одного каноникаата в каждой митрополичьей, кафедральной и коллегиальной церкви королевства.

Заключение. Следует предположить, что действие этой буллы вполне можно распространить и на итальянские территории, что было бы логично. Официально инквизиция была бедна, и по этой причине не имела собственных коней. Однако обязывала имевшие собственные табуны церкви иметь и таких коней для преследования еретиков и беглецов. Клейма, которые в каталогах обозначены как принадлежавшие инквизиции, вероятно, могли быть поставлены на коней из церковных табунов. И являлись одновременно указателем того, что они предназначены для инквизиторов, и того, что всадник на таком коне является слугой инквизитора, а не бандитом и проходимцем, то есть клейма, помимо указания на принадлежность, имели и представительскую функцию.

Рис. 1. Клеймо коней Инквизиции. Источник: *Liberati Romano F.* La perfettione del cavallo. Roma: Per Michele Hercole, 1669. P. 221 [5].

Список литературы

1. Dum-Tragut J. Reading Between the Lines: Horse Brands in Arabic, Armenian, and Georgian Manuscripts // Cheiron: The International Journal of Equine and Equestrian History. Vol. 5, Special Issue/2025. DOI:10.22618/TP.Cheiron.20255.SI.196009
2. Libro de marchi de cavalli, con li nomi di tutti li principi & priuati signori, che hanno razza di caualli. Venetia: Apresso Bernardo Giunti, 1569.
3. Bacco E. Nuoua descrittione del Regno di Napoli diuiso in dodici prouincie. Nella quale si descriue breuemente la città di Napoli, ... Descritta prima da Enrico Bacco. Et in quest'vltima impressione da Gio. Pietro Rossi napolitano aggiuntoui la descrittione particolare della città di Napoli e suoi casali, con l'antichità di Pozzuolo. Napoli: per Secondino Roncagliolo, 1628.
4. Liberati Romano F. La perfettione del cavallo. Roma: Per Michele Hercole, 1669.
5. Льоренте Х.-А. Критическая история испанской инквизиции. Пер. С. Лозинского. – М.: Соцэкгиз, 1936.

УДК: 94(44)

ПАРИЖ В РЕАЛИЗАЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ КОРОЛЯ ФРАНЦИИ ЛЮДОВИКА XI

Землянская В.П., ORCID 0009-0002-4737-5267
ГБУ ДНР «Донецкий республиканский краеведческий музей», г. Донецк, РФ
virona02@mail.ru

Введение. Отечественные медиевисты, касающиеся темы власти и властвования (равно как и специалисты, изучающие управленческие стратегии монархов Раннего Нового времени), в своих работах зачастую используют королевские итинерарии в качестве механизма определения пространств реальной власти. Публикации исследователей посвящены итинерариям французских королей Филиппа VI и Карла IX, герцогов Бургундии– Филиппа Доброго и Карла Смелого, принцев и принцесс из Ангулемской ветви династии Валуа [1]. Итинеррарий французского короля Людовика XI вызывает особый интерес у историков, поскольку этот монарх был одним из самых «путешествующих» властителей, и его перемещения по стране связаны не столько с необходимостью содержания королевского двора, сколько с его стремлением лично присутствовать в гуще важных политических событий.

Цель. Проследить посещение Парижа Людовиком XI в течение его пребывания на престоле Франции.

Основная часть. Королевский итинерарий Людовика XI в качестве способа реализации управленческих стратегий этого монарха, использовался исследователями не единожды. Исследовались политическая активность этого монарха на протяжении всего срока его правления, его манера решать главные военные и политические задачи с

помощью личного участия в ключевых событиях, происходящих в королевстве, взаимосвязь активности передвижений короля и его политических противников [2].

Людовик XI посещал главный город Франции не так часто, как можно было бы ожидать от короля. Королевские ордонансы отмечают нахождение короля в Париже на протяжении первого года правления этого монарха (1461 г.) не более тридцати дней. Причем, большая их часть приходится, что вполне объяснимо, на месяц после его коронации. В последующие два года король Франции более всего был озабочен событиями, происходившими в Испании, где у него были свои интересы, поэтому лично дважды отправлялся на юго-запад страны и доезжал до Байонны. При этом, лишь шесть дней отмечены в королевских ордонансах в Париже в 1463 г., а годом ранее Людовик вообще не удостоил своим посещением столичный город. В 1464 г. монарх провел главном городе королевства лилий всего лишь около десяти дней. Очевидно, что в эти годы политическая активность связана с событиями, в которые Париж вовлечен не был.

Совершенно иная ситуация прослеживается в следующем – 1465 г. – времени борьбы Людовика XI и мятежных принцев Лиги Общественного Блага. Людовику Благоразумному для победы в этом судьбоносном для истории Франции противостоянии в этот год пришлось пробыть в Париже в общей сложности больше двух месяцев [3. С.16]. Битва при Монлери не решила исход этого противостояния, за ней последовали длительные переговоры [4]. В этой ситуации было важно, на чьей стороне окажутся парижане. Поэтому личное присутствие короля в столице было ключевым фактором в принятии политического решения жителями столицы. В этом году Людовик пробыл в Париже 86 дней [5].

Следующее длительное пребывание этого французского короля в Париже отстоит от событий Лиги Общественного Блага на целое десятилетие. Первые месяцы 1475 г. Людовик проводит в Париже, поскольку армия английского короля Эдуарда IV (союзника бургундского герцога Карла Смелого) могла высадиться во Франции [6]. При этом, французский монарх ведет активную политическую борьбу и с испанцами, но повторение южных походов 1462 и 1463 гг. для Людовика в этой ситуации представляется невозможным, так как велика опасность объединения бургундских и английских войск. Эта вполне реальная угроза заставляла короля находиться на севере французского королевства. За двадцать годы своего правления король никогда так долго не находился в Париже – в королевских ордонансах столичный город отмечен в течении 106 дней.

В еще один ключевой 1476 г. в противостоянии Людовика XI с герцогом Бургундии Карлом Смелым король вообще не посещает Париж. События этого года разворачиваются на юго-восточных рубежах

государства, поэтому Людовик в разгар событий находится в Лионе, остальное время проводит в походах или своих резиденциях на Луаре

Заключение. Таким образом, мы можем отметить, что пребывание в Париже Людовика XI на всем протяжении его правления носит вынужденный характер. На протяжении нескольких лет (1466, 1469-70, 1472-73, 1476, 1479, 1481-83 гг.) столичный город вообще не отмечен в ордонансах этого монарха. Лишь в случаях политической необходимости этот французский монарх посещал главный город королевства лилий. Париж для Людовика Благоразумного, проводившего гораздо больше времени в своих резиденциях на берегах Луары: Амбуазе, Туре, Плесси дю Парк ле Тур, был номинальной столицей [5].

Список литературы

1. Землянская, В. П. Итинерарий монархов средневековой Европы в отечественной историографии / В. П. Землянская // Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VIII Международной научной конференции (Донецк, 25–27 октября 2023 г.). – Том 7: Исторические и политические науки. Часть 1 / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2023. – С. 25–28.
2. Санжаров, В. А. Комплексная цифровая модель параллельных франко-бургундских итинериариев (Людовика XI, Филиппа Доброго и Карла Смелого) как инструмент изучения управленческих институтов, военно-политической и дипломатической активности / В. А. Санжаров // Исторические исследования в контексте науки о данных: информационные ресурсы, аналитические методы и цифровые технологии: материалы международной конференции. – Москва: ООО "МАКС Пресс", 2020. – С. 311–316.
3. Вербовский, А. В. География перемещений Людовика XI и графа Шароле во время противоборства короля с «Лигой общественного блага» / А. В. Вербовский, Е. С. Гришин // Историко-географический журнал. – 2024. – Т. 3, № 3. – С. 6–21. – DOI 10.58529/2782-6511-2024-3-3-6-21. – EDN BMWCZD.
4. Землянская, В. П. Битва при Монлери: мастерство полководцев или череда случайных событий / В. П. Землянская // Донецкие чтения – 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы X Международной научной конференции, посвященной 60-летию создания Донецкого научного центра (Донецк, 5–7 ноября 2025 г.). – Том 7: Исторические и политические науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2025. – С. 25-28. – EDN ZRVHBY.
5. Ordonnances… Vol. 16. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fr.wikisource.org/wiki/Livre: Pastoret_-_Ordonnances_des_rois_de_France _de_la_troisiime_race, tome_16. djvu (дата обращения: 21.05.2026).
6. Вербовский, А. В. Людовик XI: год 1475 - дипломатический шедевр / А. В. Вербовский // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы V Международной научной конференции (Донецк, 17-18 ноября 2020 г.). – Том 7: Исторические и политические науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2020. – С. 18-21.

УДК 94(72)

САКРАЛЬНОЕ ВРЕМЯ И КАЛЕНДАРНЫЕ ЦИКЛЫ В РЕЛИГИОЗНОЙ ТРАДИЦИИ ДРЕВНИХ МАЙЯ

Ищенко Д.Д., Носко К.Г., ORCID 0009-0005-0991-6159
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
dasha04id@gmail.com, k.g.nosko@mail.ru

Введение. Время занимало важное место в религиозных представлениях древних майя и связывалось с общим устройством мира, деятельностью божеств и жизнью человека. Календарь выступал не только средством счета дней, но и способом соотнесения человеческой деятельности с космическими процессами. Основу календарной системы составляли 260-дневный Цолькин и 365-дневный Хааб. Наряду с ними существовал также Длинный счет.

Особый интерес представляет вопрос о том, каким образом календарные циклы были связаны с религиозной практикой и представлениями о сакральном времени. Для его рассмотрения важны доколониальные иероглифические памятники, прежде всего Дрезденский кодекс, а также колониальные источники Юкатана – «Сообщение о делах в Юкатане» Диего де Ланды и тексты, сохранившиеся в книгах Чилам-Балам. Существенный вклад в изучение календаря и письменности майя внесли Ю. В. Кнорозов и Г. Г. Ершова.

Анализ этих источников позволяет рассмотреть проблему с разных сторон. Календарные и астрономические расчеты Дрезденского кодекса дают возможность проследить связь календарных циклов с наблюдением за небесными явлениями и религиозными представлениями. «Сообщение о делах в Юкатане» дополняет эти сведения описаниями календаря, обрядов и деятельности жрецов, что позволяет увидеть практическое значение календарных дат. Тексты Чилам-Балам показывают связь календарных периодов с предсказаниями и представлениями о будущем. При этом их колониальный характер требует осторожности при реконструкции более ранних представлений. Работы Ю.В. Кнорозова и Г.Г. Ершовой имеют методологическое значение: они позволяют интерпретировать календарные обозначения и иероглифические тексты в их взаимосвязи.

Цель исследования заключается в определении роли календарных циклов в представлениях древних майя о сакральном времени и выявлении их связи с религиозными и ритуальными практиками.

Основная часть. Календарная система древних майя включала несколько взаимосвязанных циклов, каждый из которых имел собственное назначение. Соединение Цолькина и Хааба создавало Календарный круг, в рамках которого определенные сочетания календарных обозначений

повторялись через длительный промежуток времени. Длинный счет, в свою очередь, позволял обозначать даты в более продолжительной временной последовательности. Уже сама структура календаря показывает сочетание повторяемости отдельных временных периодов с возможностью фиксировать конкретные события. Ю. В. Кнорозов, рассматривая календарные обозначения майя, обращал внимание на сложную систему взаимосвязанных циклов и ее значение для понимания письменных памятников [3; 4].

Отдельно стоит остановиться на Дрезденском кодексе, который является одним из важнейших доколониальных источников для изучения календарно-астрономических представлений майя. В нем представлены календарные расчеты, связанные с движением небесных тел, а также материалы религиозного содержания. Особенно показательны таблицы, посвященные Венере и лунным циклам. В данном случае астрономические наблюдения выступают не сами по себе, а включаются в систему календарных расчетов и религиозных представлений. Исследования Харви и Виктории Бриккер показывают тесную связь календарных вычислений, наблюдений за небесными явлениями и интерпретации времени [6].

Важно отметить, что календарный цикл не следует рассматривать исключительно как техническую систему измерения времени. Его значение проявлялось в том числе в ритуальной практике. Определенные дни и периоды могли соотноситься с действиями божеств, проведением обрядов и жреческим знанием. В этом отношении календарь выступал своеобразным посредником между космическим и человеческим мирами: знание календарных циклов позволяло определять положение человека в сакральном порядке и выбирать время для определенных действий.

Сведения о подобных представлениях содержатся и в колониальных источниках. Диего де Ланда описывает календарь, обряды и религиозные практики жителей Юкатана XVI в., включая связанные с календарными датами действия жрецов [5]. При этом необходимо учитывать историческую дистанцию между описанными Ландой практиками и религией классического периода. Его сведения ценны прежде всего в сопоставлении с доколониальными письменными и археологическими материалами.

Связь календаря с представлениями о будущем прослеживается и в книгах Чилам-Балам. В частности, в тексте «Идущие по кругу (Кукеб)» рассматриваются предсказания, связанные с отдельными периодами двадцатилетнего цикла и их календарными обозначениями [3]. Здесь особенно заметно представление о времени как о последовательности повторяющихся периодов, каждый из которых обладает определённым содержанием. Вместе с тем данный материал относится к колониальной рукописной традиции, поэтому его нельзя непосредственно переносить на религию классического периода. Книги Чилам-Балам представляют собой

неоднородный комплекс текстов, часть которых восходит к более ранней традиции, а часть была создана или переработана уже в колониальное время [3].

При этом представление о времени майя исключительно как о циклическом было бы чрезмерным упрощением. Монументальные надписи фиксировали конкретные даты, события правления, военные конфликты, ритуалы и деятельность правителей. Таким образом, циклическая структура календаря не исключала исторической последовательности. Напротив, конкретные события могли включаться в более широкую систему календарных и космологических представлений. Современные исследования подчеркивают, что время в культуре майя проявлялось не только в календарных записях, но и в ритуале, архитектуре, мифологии и организации общественной жизни [7].

Исходя из этого, календарные циклы можно рассматривать как один из механизмов сакрализации времени. Они связывали повторяемость космических процессов с человеческой деятельностью, а календарное знание позволяло интерпретировать происходящее в соответствии с существующим представлением о порядке мира. При этом цикличность не означала полного повторения прошлого: каждый конкретный момент имел собственное историческое содержание, хотя и располагался внутри повторяющейся календарной структуры.

Заключение. Из вышеизложенного следует, что календарные циклы занимали значительное место в представлениях древних майя о сакральном времени. Календарь был связан не только с измерением временных промежутков, но и с наблюдением за небесными явлениями, религиозными обрядами, деятельностью жрецов и представлениями о будущем. Особенно наглядно это проявляется в Дрезденском кодексе, где календарные и астрономические расчеты включены в более широкий религиозный контекст.

Вместе с тем циклическое и историческое понимание времени у майя не противоречили друг другу. Повторяющиеся календарные периоды сосуществовали с фиксацией конкретных исторических событий. Поэтому календарь можно рассматривать как систему, посредством которой человеческая история включалась в более широкий космический порядок.

Список литературы

1. Ершова, Г. Г. Майя: тайны древнего письма / Г. Г. Ершова. – Москва: Алетейа, 2004. – 293 с.
2. Книги Чилам Балам: Идущие по кругу (Кукеб) [Электронный ресурс]. / пер. с языка майя Юкатана, вступление и примеч. В. Н. Талаха. – URL: https://www.indiansworld.org/chibal16_cuceb.html (дата обращения: 17.09.2026).
3. Кнорозов, Ю. В. Заметки о календаре майя. Общий обзор, I / Ю. В. Кнорозов // Советская этнография. – 1971. – № 2. – С. 77–86.

4. Кнорозов, Ю. В. Иероглифические рукописи майя / Ю. В. Кнорозов. – Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1975. – 272 с.
5. Ланда, Д. де. Сообщение о делах в Юкатане / Д. де Ланда; пер. со староисп., введ. и примеч. Ю. В. Кнорозова. – Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1955.
6. Bricker, H. M. Astronomy in the Maya Codices / H. M. Bricker, V. R. Bricker. – Philadelphia: American Philosophical Society, 2011. – 907 p. – (Memoirs of the American Philosophical Society; vol. 265).
7. The Materialization of Time in the Ancient Maya World: Mythic History and Ritual Order / edited by D. A. Freidel, A. F. Chase, A. S. Dowd, J. Murdock. – Gainesville : University Press of Florida, 2024. – 604 p.

УДК 070(73):327.54"1946/1950" + 94(47+73)"1946/1950"

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИК СССР И США В АМЕРИКАНСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1940-Х ГОДОВ

Ищенко В.Б., ORCID 0009-0008-7295-597X
«Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», г. Макеевка, ДНР, РФ
v.b.ischenko@donnasa.ru

Введение. В первые послевоенные годы американская региональная пресса активно участвовала в формирования образа недавнего союзника – Советского Союза. Экономическая тематика занимала в этом процессе особое место, так как в отличие от военной угрозы или идеологической риторики, экономические показатели давали иллюзию объективности. Эта тема позволяла оперировать цифрами, ссылаться на планы, сравнивать различные показатели и проценты. Анализ публикаций данного периода позволяет выделить устойчивые нарративы, которые в совокупности создавали сложный образ советской экономической системы.

Основная часть. Отправной точкой для экономического портрета СССР становится атомная тема. Газеты «Salem News» и «Marion Star» в 1946 году публикуют сюжет, перепечатанный из «Правды» [1], [2]. В нем цитируются слова академика И. Тамма об атомных разработках: «Эта великая новая сила природы может быть превращена в экономическую и техническую основу человеческого существования. Она должна быть направлена на всеобщее благосостояние, а не на разрушение».

Но в американском контексте цитата ученого прочитывается иначе: она становится публичным подтверждением того, что СССР включился в атомную гонку, пусть и под прикрытием «промышленных целей». Так закладывалась основа двойного видения советской экономики: она говорит на языке мира, но действует в логике подготовки к войне.

Следующим важным сюжетом была проблема репараций. Газета «Mansfield News Journal» предлагает жесткую геополитическую оптику: «.... у нас есть и кнут, и пряник... "Пряник" – это репарации, которые крайне необходимы для восстановления пострадавшей от войны советской экономики». Рур предстает яблоком раздора, контроль над которым воспринимается Кремлем как экзистенциальная необходимость [3]. Еще более резкую оценку дает «Marion Star»: «Состояние советской экономики почти безнадежно». Репарации становятся символом стратегической зависимости СССР [4].

Наиболее развернутую картину предлагает «Mansfield News Journal», анализируя новый пятилетний план. Издание пересказывает советские планы: чугун – 19,5 млн тонн, сталь – 25,4 млн, уголь – 250 млн тонн к 1950 году. Однако далее следует аналитическая часть, которая полностью переворачивает оптику восприятия. Автор «приземляет» советские амбиции: плановая цифра по стали составляет «менее половины объема производства в США в 1939 году» и «гораздо меньше трети американского производства военного времени». Долгосрочный прогноз до 1960 года преподносится как достижение уровня «двух третей от производства США 1944 года» [5]. Демографический аргумент становится финальным аккордом: с учетом роста населения «производство на душу населения в России составит лишь половину от американского уровня 1940 года». Упоминание о «помощи Германии» и труде заключенных проводит незримую связь между репарационной зависимостью и плановыми показателями.

В декабре 1947 года газеты «Kingston Daily Freeman», «Gettysburg Times» и «Dixon Evening Telegraph» практически одновременно публикуют материал, распространенный «Голосом Америки», рисующий картину экономического хаоса в Москве [6], [7], [8]. Сообщалось о «волне банкротств и панических покупок», вызванных слухами о девальвации рубля. Многие магазины закрывались, сберегательные банки ввели ограничение на снятие — не более 200 рублей в день. Авторы язвительно отмечали: Кремль вещал о «неизбежной депрессии капитализма», противопоставляя ей «безопасность советской экономики», но реальность демонстрировала обратное.

В 1948 году появляется заметка в той же «Dixon Evening Telegraph»: Госплан рапортовал о возвращении промышленного и сельскохозяйственного производства к довоенному уровню [9]. В тогдашнем информационном контексте это могло восприниматься как пропаганда, которую даже нет необходимости анализировать.

Развернутый материал опубликовала «Cumberland News» под заголовком о «двух сторонах жестоких методов полицейского государства» [10]. Пересказывая советские материалы, газета фиксировала идеологическую неловкость: советская пропаганда описывала систему,

построенную на тех самых «капиталистических» стимулах, которые теоретически отрицала. Описывалась система «трудодней», где оплата зависела от количества и качества работы. Разъяснялся принцип коллективной ответственности, упоминались «миллионеры-пролетарии», сообщалось, что разница в доходах квалифицированных и неквалифицированных работников в СССР «больше, чем в Америке». Наконец, обнаруживалось существование личных подсобных хозяйств, то есть «частной собственности».

Автор констатировал: «Советская система в значительной степени опиралась на стимулы», проводя параллели с американскими корпорациями. Но все вышесказанное перечеркивалось напоминанием о событиях прошлого месяца: «хозяева Кремля отобрали у рабочего и крестьянина 90% его наличных денег, две трети его государственных облигаций и половину его банковских вкладов». Речь шла о денежной реформе 1947 года. Этот контраст позволил автору подвести следующий итог: «нам, американцам, давно пора выбросить из головы бессмыслицу о том, что в России коммунистическая система. На самом деле это государственный капитализм, который поощряет труд и наказывает бездельников, часто беспощадно».

Заключение. Таким образом, послевоенная американская региональная пресса сформировала образ советской экономики как системы, живущей в перманентном внутреннем противоречии. Она использовала «капиталистические» методы мотивации для впечатляющих трудовых достижений, но сохраняла право на внеэкономическое изъятие результатов этого труда, декларировала экономическую самостоятельность, но находилась в зависимости от репараций. При этом важно отметить стремление представить показатели США основным мерилом и ориентиром экономических успехов.

Список литературы

1. Salem News. 1946. 12 April. P. 13. URL: https://archive.org/details/salem-news-1946-04-12 (дата обращения: 03.03.2026).
2. Marion Star. 1946. 11 April. P. 27. URL: https://archive.org/details/marion-star-1946-04-11/page/n27 (дата обращения: 03.03.2026).
3. Mansfield News Journal. 1946. 31 August. P. 1. URL: https://archive.org/details/mansfield-news-journal-1946-08-31/page/n1 (дата обращения: 03.03.2026).
4. Marion Star. 1946. 16 November. P. 5. URL: https://archive.org/details/marion-star-1946-11-16/page/n5 (дата обращения: 03.03.2026).
5. Mansfield News Journal. 1946. 28 September. P. 1. URL: https://archive.org/details/mansfield-news-journal-1946-09-28 (дата обращения: 03.03.2026).
6. Kingston Daily Freeman. 1947. 4 December. P. 1. URL: https://archive.org/details/kingston-daily-freeman-1947-12-04 (дата обращения: 03.03.2026).

7. Gettysburg Times. 1947. 4 December. P. 8. URL: https://archive.org/details/gettysburg-times-1947-12-04 (дата обращения: 03.03.2026).
8. Dixon Evening Telegraph. 1947. 4 December. P. 1. URL: https://archive.org/details/dixon-evening-telegraph-1947-12-04 (дата обращения: 03.03.2026).
9. Dixon Evening Telegraph. 1948. 19 January. P. 1. URL: https://archive.org/details/dixon-evening-telegraph-1948-01-19 (дата обращения: 03.03.2026).
10. Cumberland News. 1948. 4 February. P. 4. URL: https://archive.org/details/cumberland-news-1948-02-04 (дата обращения: 03.03.2026).

УДК 94(48)"08/10":930.1

АНГЛОСАКСОНСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ БРИТАНИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Корнев Д.И.,
Шепко Л.Г. д-р ист. наук, доц., ORCID 0000-0003-2155-7812
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
ppakra@mail.ru, danil.kornev04@mail.ru

Введение. Ключевым событием истории Британии стало англосаксонское завоевание. В начале V в. участились вторжения германских отрядов. Этот период стал временем складывания политической организации и государства. С VI в. в источниках появляются упоминания о нескольких англосаксонских королевствах, упоминавшихся впоследствии как Гептархия. Возникает вопрос: как проходило вторжение, чем оно было вызвано и как воспринималось разными народами? Ответить на него позволяют письменные источники. Однако их база сложна и противоречива.

Цель работы – показать многоаспектность исторического нарратива и его значение для реконструкции англосаксонской колонизации и завоевания Британии.

Основная часть. Ключевыми источниками для изучения колонизационного процесса являются четыре исторических повествования: «О погибели Британии» Гильдаса Премудрого [1], «Англосаксонская хроника» [2], «Церковная история англов» Беды Достопочтенного [3] и «История бриттов» Ненния [4]. Они сформировали своеобразный «канон» – традиционное изложение того, как, когда и почему германские племена пришли в Британию. К настоящему времени выявлено расхождение между археологическими данными и классической традицией, основанной на раннесредневековых текстах. Это требует анализа средневековых текстов как многослойных конструкций, сочетающих факты и авторскую перспективу. Один из аспектов проблемы – трактовка самого понятия «завоевание», растянутого во

времени. Исследователи отмечают, что традиционное представление о массовом вторжении и истреблении местного населения нуждается в пересмотре и дополнительном изучении. Современная теория истории позволяет рассматривать средневековые повествования как особый способ презентации исторической реальности, в котором сочетаются фактическая информация и авторская субъективность.

В данной работе внимание сосредоточено на четырёх произведениях.

«О погибели Британии» Гильдаса Премудрого – один из наиболее интересных и загадочных источников. Его ценность для исследования англосаксонского завоевания определяется тем, что он создан раньше других – между 470 и 560 гг. [5, с. 81]. Вместе с тем нет однозначного мнения о личности автора и достоверности текста. Гильдас предвзят: англосаксов он называет «дичайшими» и «Богу и людям мерзкими» [1, с. 264]. История Британии излагается им с позиции христианского богословия [5, с. 83]. Но именно Гильдас первым предложил модель «adventus Saxonum»: бритты пригласили саксов как наёмников, те восстали и захватили землю. Эта модель легла в основу всех последующих реконструкций.

«Англосаксонская хроника» – не менее важный источник для изучения средневековой английской истории [2, с. 7]. Она нередко служила основой для более поздних произведений. Так, «Английская история» Генриха Хантингдонского включает до 40 % информации, заимствованной из «Англосаксонской хроники» [6, с. 27]. «Хроника» представляет собой группу летописей, каждая из которых обладает своими особенностями. Достоверность «Англосаксонской хроники» также остаётся под вопросом: даже самая ранняя её версия была написана значительно позже англосаксонского завоевания [7]. Так, рукопись «А», используемая в данной работе, создавалась примерно с IX в. по 1070 г. [2, с. 16–17].

«Церковная история англов» Беды Достопочтенного – один из значимых источников по истории Англии раннего Средневековья; написана в 732 г. [8, с. 11]. Одно из достоинств этого труда – широкое использование различных источников. Однако происхождение большей части этих источников и методы построения повествования не до конца ясны, что влияет на восприятие и оценку достоверности информации.

«История бриттов» Ненния также является неоднозначным историческим источником. Она насчитывает более 30 рукописей разных периодов; одна из самых ранних относится к IX–X вв. [4, с. 172]. Достоверность источника вызывала серьёзные сомнения у исследователей XX в. Текст представляет собой компиляцию, в которой смешаны легенды и исторические факты. Несмотря на спорное авторство, «История бриттов» остаётся ценным источником для понимания представлений о прошлом Британии в раннее Средневековье.

Сопоставление четырех источников по основным параметрам: причины вторжения, хронология, оценка бриттов и саксов, роль церкви позволяет сделать следующие выводы.

Данные средневековые повествования создают источниковедческий каркас, приводят устойчивый набор событий, имён и дат, причинных моделей. «Англосаксонская хроника» предлагает даты 449, 477, 495 гг., имена Хенгиста и Хорсы, Эллы, Кердика. Беда выстраивает последовательность от приглашения наёмников до основания королевств. Гильдас первым формулирует модель восстания саксов. Расхождения в деталях не разрушают общей основы истории. Нарратив обладает свойством текстуальной преемственности: сюжеты и мотивы «кочуют» от автора к автору, формируя устойчивую традицию, не зависящую от исходной достоверности. Но повествования не являются самодостаточным источником фактов. Требуется проверка данными археологии, топонимики и других дисциплин. Каждый из авторов конструирует прошлое в соответствии со своей конфессиональной и политической позицией.

С другой стороны, нарратив сам является частью процесса, выполняя идеологическую функцию. Он формирует память, легитимирует власть и создаёт этнические и политические идентичности. «Англосаксонская хроника» подчёркивает роль Уэссекса, Беда создаёт идею единого «народа англов», Ненний сохраняет бриттскую традицию и образ Артура, Гильдас обличает бриттских правителей. Все нарративы служат чьим-то интересам. При этом необходимо учитывать то, что создателями этих повествований были победители, церковные авторы или придворные; голоса местного населения, простых мигрантов и женщин в них практически не звучат. История часто выстраивается как путь к единой Англии, что представляет собой скорее ретроспективную конструкцию, чем отражение реального хода событий.

Заключение. Таким образом, исторический нарратив раннеанглийского средневековья – многослойная конструкция. В ней тесно переплетены событийный, хронологический, интерпретационный, идеологический, культурно-мнемонический уровни. Представление о многоаспектности нарратива позволяет использовать средневековые тексты одновременно и как источник фактов, и как источник представлений о прошлом.

Список литературы

1. О погибели Британии. Фрагменты посланий. Жития Гильды / пер., вступ. ст. и примеч. Н. Ю. Чехонадской; отв. ред. И. С. Филиппов, С. Е. Федоров. – СПб.: Алетейя, 2014. – 464 с. – (Pax Britannica). ISBN 978-5-90670-539-6
2. Англосаксонская хроника / Пер. с др.-англ. З. Ю. Метлицкой. – СПб.: Евразия, 2010. – 288 с. – ISBN 978-5-91852-013-0
3. Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов / Отв. ред. С. Е. Федоров. – СПб.: Алетейя, 2001. – 361 с. – ISBN 5-89329-429-7

4. Ненний. История бриттов (перевод с латинского А. С. Бобовича) // Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. – М.: Наука, 1984. – С. 171–194.
5. Андреев П. Г. Гильда Премудрый – британский миссионер конца V – начала VI вв. // Христианское чтение. – 2015. – № 2. – С. 79-92.
6. Генрих Хантингдонский. История Англов. – М.: Русский Фонд Содействия Образования и Науке, 2015. – 608 с. – ISBN 978-5-91244-046-5.
7. Глебов А. Г. Adventus saxonum и litus saxonicum: к вопросу об англосаксонском завоевании Британии // Научные труды исторического факультета. Выпуск 3. – Воронеж: ВГУ, 1998.
8. Мереминский С. Г. О чём умолчал Беда Достопочтенный: христианизация Британии в «Церковной истории народа англов» и альтернативных её источниках // Средние века. – 2021. – Т. 82, № 1. – С 9–39.

УДК 94(3)

ГАСТРОНОМИЯ БУРЖУА И ЕЁ СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (ПО LE MÉNAGIER DE PARIS, КОНЕЦ XIV В.)

Кузьмина М.В. канд. ист. наук., ORCID 0000-0002-4946-985X
ФГБУН «Институт всеобщей истории» РАН, г. Москва, РФ
kuzmmargarita@yandex.ru

Введение. Кулинарные книги уже в эпоху Средневековья стали весьма многочисленными и пользовались популярностью. Трактат «Le Ménagier de Paris» конца XIV в. [1] известен не только специалистам, но и заинтересованным читателям, довольно часто цитируется историками, занимающимися различными социокультурными проблемами средневековой Франции, поскольку многообразен по возможностям содержащегося в нём материала.

Цель данной работы – показать, что кулинарно-гастрономическая часть трактата «Le Ménagier de Paris» отражает социальный статус, финансовые возможности и сословные притязания зажиточного парижского буржуа конца XIV в., а также выполняет дидактическую функцию.

Основная часть. Исследователи гендерных связей, межличностных отношений, традиций средневекового общества найдут в «Парижском Домострое», как порой называют эту книгу, много интересных аспектов для своих изысканий. В частности, поучения возрастного супруга, богатого буржуа, для молодой супруги вводят её в круг тех отношений, которые призывают её как хозяйку дома, представлять и поддерживать уровень притязаний супруга на поддержание его статуса, демонстрируя этот высокий статус различными способами всем остальным членам общества, в том числе и через то, какие гастрономические предпочтения и возможности богатый представитель городской верхушки имеет. К этому

можно отнести следующие параметры: набор продуктов, перечень блюд, приготовленных как определённым образом, так и в соответствии с рецептами, соотнесённость с представлениями о должном, что ещё раз подчёркивает социальный статус, наглядно демонстрируя состоятельность во всех смыслах слова.

Истинно верующему человеку, как это отметила Зои Леонидас, – автор монографии о кухне средневековой Франции [2], «вменялось в обязанность относиться к еде как к некоему чисто механическому процессу, нужному исключительно для того, чтобы поддержать в себе жизнь, и ни в коем случае не испытывать от еды и питья греховного удовольствия [2, с. 81]. Однако действительность отличалась от того, что предписывалось верующим Церковью. Разумеется, ежедневный рацион и возможность использовать для приготовления пищи различные продукты не совпадал у разных групп населения. Очевидно, что богатые питались иначе, чем бедные слои. Дело не только в возможностях, хотя «обычай требовал, чтобы количество и качество еды, употребляемой каждым, находился в соответствии с его социальным статусом – чем выше был его положение на социальной лестнице, тем богаче и обильней становилась его порция» [2, с. 76].

Чревоугодие считалось одним из смертных грехов, но бороться с ним в среде простонародья было заведомо проигрышным делом, люди и так не роскошествовали. Кулинарная же часть трактата «Парижский Домострой» наглядно показывает, что семья буржуа, напротив, могла позволить себе многое. Впрочем, как пишет Зои Леонидас, например, говядина была для городского населения Средних веков наиболее доступным видом мяса [2, с. 172].

Автор «Le Ménagier de Paris» в своих рекомендациях супруге относительно закупки провианта, в том числе, и различного вида мяса, а также по приготовлению его на его кухне, по словам переводчика и комментатора издания трактата на современный французский язык Карин Уелши [1, p. 539], копировал советы и рецепты кулинарной книги повара королей Карла V и Карла VI Гийома Тиреля по прозвищу Тайеван [3], который, в свою очередь, взял за основу более ранние рукописи с рецептами, приспособив их для королевской кухни. Такое копирование было нормой для этой эпохи.

«Le Viandier de Taillevent» была впервые критически издана лишь в конце XIX в. Вероятно, автор «le Ménagier de Paris», заимствуя рецепты из «Viandier», ориентировался на придворную кулинарную традицию и подтверждая стремление подтвердить свой высокий статус и соответствующий ему уровень жизни.

Иными словами, буржуа, использовал рецепты королевского повара, именно потому, что мог себе позволить тратить деньги на дорогие виды продуктов, зачастую недоступные менее обеспеченным слоям населения

Парижа. Кулинарная часть включает указания мест парижских боен и рынков, где продавалось мясо различных животных и его цена. При этом вызывает удивление, что, в частности, буржуа рассказывает юной супруге, как и когда следует забивать свиней, описывая все сопровождающие процесс процедуры, хотя сама она, и это очевидно, принимая во внимание её социальное положение, не могла в этом участвовать [1, p. 591-592].

Давая жене возможность ознакомиться с рецептами блюд, буржуа вряд ли стремился реально приобщить её к их непосредственному приготовлению, но предполагал ввести в курс дела, чтобы она как хозяйка, контролирующая прислугу и кухню, понимала, из каких ингредиентов и какими способами приготовляется их ежедневная и праздничная трапеза

Гастрономическая часть трактата выполняет ту же роль, что и главы об уходе за лошадьми и ловчими птицами – прежде всего атрибутами благородных слоёв – репрезентативную. Буржуа (хотя и высказывалась точка зрения о том, что автор – дворянин) всячески старается указать на то, что ему и его семье и линьяжу в целом вполне соответствуют такие притязания на приобщение к образу жизни благородных людей.

Заключение. Таким образом, домашняя кухня и в более широком смысле гастрономия автора трактата, рецепты различных блюд, которые, он даёт, отражает как социальный статус семьи буржуа, его финансовые возможности, его стремление приблизиться к тому уровню потребления и качеству пищи, какие характерны для королевского двора. Уровень гастрономических привычек должен был демонстрировать богатство самого человека и его семьи, но в то же время не допустить бессмысленных трат [4], отсюда такие детализированные советы по организации и функционированию домашней кухни.

Список литературы

1. Le Ménagier de Paris. Texte édité par Georgina E. Brereton et Janet M. Ferriert. Traduction et notes par Karin Ueltschi. P., 1994. – 859 p. ISBN 978-2-253-06653-8
2. Лионидас, З. Кухня Средневековья. Что ели и пили во Франции / З. Лионидас. – Москва: АСТ, 2023. – 432 с. ISBN 978-5-17-148132-2
3. Le Viandier de Taillevent. P., 1842.
4. Лионидас, З. От погреба до кухни: что подавали на стол в средневековой Франции / З. Лионидас. – Москва : Аст : Времена, 2023. – 318 с. ISBN 978-5-17-154396-9.

УДК 304(510)"20"

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ КНР В НАЧАЛЕ XXI В.

Лапидус О.С., ORCID 0009-0006-2670-6572
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет» г. Донецк, РФ
o.lapidus.donnu.jur@mail.ru

Китайская Народная Республика длительное время эффективно развивается в социальной, экономической и политической сферах. Вместе с тем, важным фактором государственного строительства остаются идеологические основания развития. Основы социально-экономической реформации, заложенные Дэн Сяопином, прошли через ряд трансформаций в 1990-х гг. и были эффективно преобразованы в начале XXI в. Соответственно, целью настоящей работы является определение основных факторов развития социалистической политики КНР в начале тысячелетия.

Формирование новой социалистической политики Китайской Народной Республики после ухода со своего поста Дэн Сяопина в значительной степени не изменилось. Основные факторы, обозначающие государство как основу для дальнейшего развития китайского общества были не только сохранены, но также и юридически подкреплены, в частности, на XVI съезде КПК в 2002 г. была принята концепция «тройного представительства», которая определяла КПК как представителя передовых производительных сил, передовой культуры и коренных интересов широких народных масс [**Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.**].

Этот период развития КНР отличается не только развитием идей о гармоничном развитии китайского общества, но также продвижением государства на мировой арене. В 1990-е гг. Китай активно наращивал международное влияние как на региональной, так и на мировой арене, благодаря чему смог сформировать ряд устойчивых партнеров. В частности, особенно крупным шагом стало формирование Шанхайской организации сотрудничества в 2001 г., которая позволила Пекину более эффективно взаимодействовать с государствами Центральной Азии, а также способствовала усилению военно-политического сотрудничества с Россией [**Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.**, с. 41-42]. Усиление позиций на мировой арене, в свою очередь, способствовало уменьшению мировой критики относительно регулирования внутригосударственных вопросов.

Принятие закона «О государственной безопасности» в 1997 г., в дальнейшем и в 2004 г., а также внесение изменений в Конституцию КНР в

1999 г. способствовало укреплению власти ЦК КПК на местах, что было необходимо как для пресечения сепаратизма в отдельных районах страны (Тибет, Тайвань). Кроме того, происходило укрепление общей вертикали власти. Согласно, уже упомянутой выше, концепции «тройного представительства», в КНР происходило укрепление органического единства между правящей партией, народом-хозяином и «верховенством государственного права», совершенствование института Собрания народных представителей, а также непрерывное совершенствование социалистического строя в стране [**Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.**, с. 162]. Китайское руководство исходило из необходимости усиления нормативной регламентации деятельности государственных органов, повышения предсказуемости административных процедур и расширения значения права в регулировании общественных отношений. Вместе с тем формирование правового государства имело специфический характер: правовая модернизация не предполагала политического отделения судебной и административной систем от партийного руководства. Право рассматривалось как инструмент институционализации и повышения эффективности социалистического государственного управления.

Важной частью формирования дальнейшего пути развития китайской социалистической политики стала необходимость в формировании высокого среднего уровня жизни населения. Китайское руководство было вынуждено констатировать, что страна находится на «нижнем уровне общества умеренного достатка». В подтверждение этому приводились данные о том, что к 2000 г. в условиях «умеренного достатка» проживало только 74,84% населения страны, близкими к этому уровню являются условия жизни 12,82% населения, а 12,34% – еще не достигли уровня «тепла и сытости» [**Ошибка! Неизвестный аргумент ключа.**, с. 283]. Что касается не городского населения, то эти показатели были существенно ниже. Для разрешения этой проблемы Китай постепенно отходил от модели, при которой высокие темпы роста могли обеспечиваться преимущественно за счет расширения производства, увеличения инвестиций и использования дешевой рабочей силы. Все большее значение приобретали качество, эффективность и устойчивость роста. Государство стало обращать внимание на ресурсные ограничения, экологические последствия промышленного развития, необходимость технологической модернизации и повышение производительности труда.

Для разрешения вопросов социально-экономического развития была сформирована концепция «научного развития», которая получила системное оформление в период руководства Ху Цзиньтао. В ее основе находилась идея более сбалансированного экономического и социального развития, при котором экономический рост должен сочетаться с экологическими, социальными и региональными задачами. Концепция

подчеркивала необходимость ориентировать развитие на человека, обеспечивать согласованность между экономикой и социальной сферой, а также учитывать долгосрочные последствия принимаемых решений.

Важным изменением стало также укрепление принципа «человек – центр развития». В рамках прежней модели социальная политика во многом рассматривалась как результат экономического успеха: предполагалось, что рост производства и доходов автоматически создаст ресурсы для решения социальных проблем. В начале XXI в. получила распространение обратная логика: социальное развитие, образование, здравоохранение, качество человеческого капитала и относительная социальная стабильность стали рассматриваться как необходимые условия дальнейшего экономического роста.

Таким образом, изменение принципов социально-экономического строительства КНР в начале XXI в. можно охарактеризовать как переход от преимущественно экстенсивной модели экономической модернизации к более комплексной модели развития, в которой рыночные механизмы сочетались с сильным государственным регулированием, а экономические приоритеты – с социальными и региональными задачами. Содержание социалистической модернизации постепенно расширялось: ее целью становилось уже не только увеличение национального богатства, но и формирование более обеспеченного, стабильного и сбалансированного общества.

Список литературы

1. Косоруков А. А. Стратегия Китая в начале XXI века: выход на глобальный уровень // Вопросы безопасности. – 2014. – № 4. – С. 31–69.
2. Нгуен Суан Кыонг. Политические реформы в Китае в первые годы XXI века // Вестник МГИМО Университета. – 2015. – № 2 (41). – С. 159–166.
3. Резолюция XVI съезда КПК по докладу Центрального комитета XV созыва [Электронный ресурс]. // Генеральное консульство Китайской Народной Республики в г. Хабаровске. – 15.11.2002. – URL: https://khabarovsk.china-consulate.gov.cn/rus/xwdt/2002x/200211/t20021115_4000062.htm (дата обращения: 14.08.2026).
4. Феоктистов Ю., Цыплаков С. Об эволюции идеологических подходов китайского руководства к концепции модернизации Китая (1978-2008 гг.) // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2008. – № 4. – С. 272–293.

УДК 94(7)

РЕЧНАЯ СЕТЬ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ДОКОЛУМБОВОМ ТИХООКЕАНСКОМ СЕВЕРО-ЗАПАДЕ

Можгинский В.Л., канд. техн. наук, доц., ORCID 0009-0004-8938-0640,
Летов А.В., ORCID 0009-0005-2627-0273,
ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технический институт им. А. Н. Туполева», г. Казань, РФ
a.v.letov@mail.ru

Введение. История доколумбовой Америки часто рассматривается через наиболее известные земледельческие цивилизации Мезоамерики и Анд. Однако археология Тихоокеанского Северо-Запада Северной Америки показывает иную модель социальной сложности. На территориях современных Британской Колумбии, Вашингтона и Орегона существовали оседлые общества с крупными поселениями, социальным неравенством и дальними обменными связями, хотя их хозяйство не основывалось на интенсивном земледелии [1].

Цель работы – предложить интерпретацию Нижней Колумбии как особого исторического пространства, где река выступала не только транспортной артерией, но и механизмом социальной интеграции. Гипотеза состоит в том, что сочетание речного сообщения, экологического разнообразия и контроля над ресурсами создавало устойчивую систему межобщинного обмена.

Основная часть. Нижняя Колумбия соединяет Тихоокеанское побережье с внутренними районами Северо-Запада и проходит через несколько природных зон. Для местных обществ это означало доступ к различным ресурсам и возможность обменивать их с соседями. Поэтому реку целесообразно рассматривать не только как географический объект, но и как структуру, определявшую направления человеческих контактов.

Показателен археологический памятник Мейер на нижней Колумбии. Здесь существовал крупный plankhouse, в котором, по оценкам исследователей, проживало около 200 человек. Жители сочетали рыболовство, охоту и сбор растений. Особенно важен вапато - водное растение, корневища которого были продуктом питания и предметом обмена [2]. Под домом находился огромный комплекс хранения: его потенциальная вместимость составляла около 100 тонн вапато, то есть значительно больше объема, необходимого одному коллективу для непосредственного потребления [2].

Этот факт позволяет рассматривать хранение не только как хозяйственную, но и как социальную практику. Избыточный ресурс мог превращаться в средство обмена и перераспределения. Контроль над продуктивными пойменными участками, следовательно, давал поселению

возможность поддерживать связи с другими общинами. Природное разнообразие становилось не препятствием, а основой взаимозависимости.

Дальние контакты подтверждаются и происхождением археологических материалов. В памятниках Нижней Колумбии обнаружен обсидиан, отсутствующий в непосредственной природной среде региона. Исследование памятников Cathlapotle, Clahclellah и Meier показало, что обменные связи имели значительный пространственный охват. При этом европейский контакт увеличил интенсивность некоторых потоков, но не расширил их географический масштаб в соответствии с первоначальной «моделью расширения обмена» [3]. Следовательно, широкая система обмена существовала еще до колониального периода.

Именно здесь предлагается сместить исследовательский акцент. Обмен следует понимать не как вторичное следствие существования богатых поселений, а как один из механизмов, поддерживавших их социальную устойчивость. По речной сети перемещались не только продукты и сырье, но и технологии, престижные предметы и культурная информация. Медь, например, являлась ценным престижным материалом и после обработки в поселениях Нижней Колумбии могла направляться дальше, в районы внутренних плато [4].

Таким образом, Колумбия выполняла функцию «интегратора экологических зон». Побережье, речная долина, заболоченные участки и внутренние территории имели разные ресурсные возможности. Отдельному поселению не требовалось полностью контролировать все эти зоны: необходимые продукты и материалы могли поступать через обмен. Возникала взаимозависимость, при которой социальное пространство оказывалось значительно шире территории непосредственного проживания.

Такая модель позволяет иначе взглянуть и на европейский контакт. Если считать европейскую торговлю началом широких межрегиональных связей, доконтактные общества будут выглядеть преимущественно локальными. Археологические данные дают более сложную картину: европейские торговцы и колониальные структуры вошли в уже существовавшее пространство обмена и изменили направление и интенсивность отдельных потоков [3]. Следовательно, европейский контакт был не созданием сети, а вмешательством в нее.

Особое значение для понимания социальной организации Нижней Колумбии имеет сезонность хозяйственной деятельности. Различные ресурсы становились доступными в разные периоды года, поэтому население должно было не только использовать их непосредственно, но и организовывать хранение и последующее распределение. Такая хозяйственная цикличность могла стимулировать регулярные контакты между группами, поскольку одна община в определенный сезон обладала

избытком конкретного продукта, тогда как в другой период зависела от ресурсов соседней территории.

Предлагаемая интерпретация также позволяет уточнить проблему социальной сложности. Исследования Северо-Западного побережья показывают, что оседлость, управление ресурсами, рост населения и социальная дифференциация могли развиваться в обществах охотников, рыболовов и собирателей [1]. В Нижней Колумбии дополнительным фактором выступала способность контролировать и перераспределять ресурсы, поступавшие из разных экологических зон. Поэтому социальную сложность региона следует связывать не только с изобилием ресурсов, но и с организацией их движения между общинами.

Заключение. Нижняя Колумбия может рассматриваться как пример доколумбового сетевого общества, в котором река связывала различные экологические и социальные пространства. Археологические материалы Мейера, Cathlapotle и других памятников показывают сочетание крупных поселений, хранения ресурсов и дальнего обмена [2; 3].

Новизна предлагаемого подхода заключается в переносе внимания с отдельных поселений на систему их взаимосвязей. Колумбия предстает не просто источником ресурсов и удобным путем сообщения, а механизмом социальной интеграции: она позволяла превращать различия между экологическими зонами в основу устойчивого обмена. Такая модель помогает объяснить возникновение сложных форм социальной организации вне классической земледельческой модели и одновременно показывает, что европейцы столкнулись не с изолированными локальными группами, а с уже существовавшим пространством межрегиональных связей.

Список литературы

1. Ames K. M. The Northwest Coast: Complex Hunter-Gatherers, Ecology, and Social Evolution // Annual Review of Anthropology. – 1994. – Vol. 23. – P. 209–229. – DOI 10.1146/annurev.an.23.100194.001233.
2. Ames K. M. Meier Site // The Oregon Encyclopedia. – URL: https://www.oregonencyclopedia.org/articles/meier_site/ (дата обращения: 04.10.2026).
3. Sobel E. A. An Archaeological Test of the “Exchange Expansion Model” of Contact Era Change on the Northwest Coast // Journal of Anthropological Archaeology. – 2012. – Vol. 31, № 1. – P. 1–21. – DOI 10.1016/j.jaa.2011.09.001.
4. Cooper H. K., Ames K. M., Davis L. G. Metal and Prestige in the Greater Lower Columbia River Region, Northwestern North America // Journal of Northwest Anthropology. – 2015. – Vol. 49, № 2. – P. 143

УДК 94(470.67)

РАДИКАЛИЗАЦИЯ ИСЛАМА В ДАГЕСТАНЕ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ

Муртузалиев С.И., д-р ист. наук, проф.
ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени В. Даля», г. Луганск, РФ
serg.murtuzaliev@yandex.ru

Дагестан является наиболее древним очагом исламской культуры на территории России. С 1980-х годов, в Республику Дагестан (далее – РД) начали проникать идеи исламского фундаментализма, который составил второе (наряду с тарикатизмом) направление «неофициального ислама». Сторонников фундаменталистского ислама в СССР и Дагестане тогда называли «ваххабитами». По данным на 1996 г., около 1500 молодых дагестанцев учились в религиозных учебных заведениях в различных мусульманских странах, пропитываясь идеями Аль-Ваххаба.

В обстановке распада СССР в республике начали действовать различные религиозные общественные организации, движения и партии: Исламская партия возрождения, Исламская партия Дагестана, Дагестанское отделение общероссийского мусульманского общественного движения «Нур», Дагестанское отделение Союза мусульман России (СМР), объединение женщин-мусульманок «Муслимат» и др. Заняла свою нишу и исламская пресса представленная газетами «Ас-Салам», «Нурул Ислам», «Путь ислама», «Исламский вестник» и другими изданиями.

Хотя процесс возрождения ислама в Дагестане в 1990-е годы обычно ассоциируется в первую очередь с активизацией салафитов, следует отметить, что немаловажной составляющей этого процесса стал подъем тарикатизма, получившего возможность использовать в своих интересах инфраструктуру и ресурсы Духовного управления мусульман. В условиях конкуренции со стороны салафитов официальное духовенство настойчиво стремилось утвердить за собой роль главной движущей силы процесса исламизации в РД. Принципиальное требование духовенства состояло в необходимости отказаться от положения о светском характере государства и законодательно признать ведущую роль ислама. Лоббируя интересы духовенства в ходе развернувшегося в 1996-1997 гг. обсуждения проекта нового закона о свободе совести, они активно выступали против принципа отделения церкви от государства и школы от церкви. Эта же позиция была отражена в обращении духовенства республики к Народному собранию, в котором отмечалось, что государство не должно обеспечивать право мусульманина на ширк (многобожие): «Если государство гарантирует право не исповедовать никакой религии – это безбожие». Муфтий С. Абубакаров призывал «не только декларировать устно, но и официально

(конституционно)» закрепить отношение к исламу как «религии демократического большинства», а также «отметить главенствующую и координирующую роль мусульман в республике».

На рубеже XX–XXI веков РД по уровню религиозности и числу религиозных мусульманских организаций (по количеству действующих культовых заведений, исламских учебных учреждений от мактабов и медресе до исламских вузов и т.д.) на душу населения занимала одно из первых мест не только на территории постсоветской России, но и Содружества Независимых Государств (СНГ). Главенствующую роль на территории РД играл суннизм и только потом шиизм.

Социологические исследования, проведенные автором этих строк в 1999–2000 гг**.** (процесс исламизации только набирал силу) среди студентов дагестанских вузов выявили следующее: 32,5% студентов хотели бы жить в теократическом, исламском государстве, а 53,8% – в светском государстве. Столь большое количество студентов, предпочитающих жить в теократическом государстве, говорит о значительном проникновении в сознание подрастающей молодёжи клерикальной идеологии» [1].

В 2012 г. в РД действовало «около 2 050 мечетей и 327 молитвенных комнат. В республике было создано 298 исламских образовательных учреждений из них: 15 вузов (в т.ч. 2 не действующих) – 137 преподавателя, 1629 учащихся; 82 медресе (в т.ч. 2 не действующих) – 244 преподавателя, 4 080 учащихся; 201 примечетская школа – 317 преподавателей, более 3000 учащихся. В 2014 г. в Дагестане действовало уже 2 350 мечетей.

В ситуации распада СССР и системного кризиса идея Имарата оказалась единственной силой, которая предложила свою модель объединения Кавказа. Элементы фундаменталистского сознания верующих явились благодатной почвой для развития на их базе радикального исламского (неоваххабитского) сознания. Согласно проведенному в 2004 г. социологическому исследованию «Главным и наиболее опасным противником, антагонистом и одновременно оппонентом традиционализма» в регионе выступал салафийя в форме неоваххабизма; который со «второй половины 1990-х и особенно после августа 1999 г. приобрел преимущественно ультрарадикальный (экстремистский) характер» – более 83% служителей исламского культа и до 40% верующих в Дагестане придерживались фундаменталистских взглядов [2]. В марте 2014 г. министр ВД республики А. Магомедов информировал, что правоохранительные органы предотвратили «20 диверсионно-террористических акций с использованием взрывных устройств. При оказании вооруженного сопротивления убит 161 бандит, в ходе оперативно-розыскных мероприятий задержаны 232 и добровольно сдались 11 членов незаконных вооруженных формирований».

По данным портала правовой статистики Генпрокуратуры РФ, в 2014 г. количество преступлений террористического характера в Дагестане не уменьшилось, а выросло почти на 30% в сравнении с 2013 г. (с 365 до 472). С начала 2015 г. крупных терактов в РД, к счастью, не совершалось, но уже в первом квартале было зарегистрировано 185 преступлений террористической направленности – это по-прежнему первое место в России [3].

О росте религиозной активности дагестанцев говорит тот факт, что если в 1990 г. на хадж в Мекку, отправились 365 мусульман республики, то в 1991 г. – уже 1 200 человек [4] Число паломников ежегодно увеличивалось и в 2004 г. составило более шестнадцати с половиной тысяч дагестанцев.

Список литературы

1. Муртузалиев С.И. Межэтнические отношения на Северном Кавказе в конце XX - начале XXI в. (анализ материалов Всероссийской научной конференции «Северный Кавказ: геополитика, история, культура») / Сост. Э.В. Кемпинский. – Ставрополь, 2013. – С. 16.
2. Добаев И.П. Основные тенденции в развитии исламского движения на Северном Кавказе: конфликтологический анализ // Факторы конфликтогенности на Северном Кавказе / Южнороссийское обозрение. Вып. № 26 / Под ред. В.В. Черноуса. – Ростов н/Д, 2005. – С. 7-8.
3. Бадма Бюрчиев. Двойная бухгалтерия борьбы с терроризмом http://onkavkaz.com/articles/729-dvoinaja-buhgalterija-borby-s-terrorizmom.html (дата:16.08.2025).
4. Макаров Д. В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. – М., 2000.

УДК 94

ПРОБЛЕМА НЕМЕЦКОЙ СОБСТВЕННОСТИ В АВСТРИИ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ СОЮЗНИКАМИ ПО АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ (1945−1946 ГГ.)

Наумов Д.Ю., ORCID 0009-0000-2666-2473
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»,
г. Тамбов, РФ
dmitrynaumov2001@mail.ru

Введение. Вопрос переустройства мира после Второй мировой войны был связан с реализацией восстановления и дальнейшего развития стран, пострадавших от нацистской Германии.

Цель исследования – раскрыть проблему немецкой собственности в Австрии после Второй мировой войны и путей ее решения, выбранных союзниками по Антигитлеровской коалиции (1945−1946 гг.).

Основная часть. Фашистский Вермахт шел войной по территории Европы за приобретениями и обогащением, за новой собственностью, но был побежден. Военные преступники были осуждены, а нести долю своей вины за участие в войне против человечности и человечества обязали каждого сателлита нацистской Германии. Объектом данной работы является Австрия после Второй мировой войны, а предметом – решение проблемы немецкой собственности в этой стране в 1945−1946 гг. Различные аспекты темы изучали отечественные исследователи В.Н. Белецкий, С.И. Ворошилов, О.И. Барбашина, О.В. Максимова, И.Г. Жиряков, А.К. Сорокин, А.Ю. Ватлин, Б.С. Котов, Р. Мнухина, О. Малашкина, Ю.А. Мартинец, а также зарубежные исследователи В. Бруннер, О. Кламбауэр, Э. Беземек, А. Кустерник, Х. Фейгль, М. Прозуменсчик, В. Букович, У.М. Айбер, В. Ибер, Г. Баумгартнер, С. Карнер, Д. Штифель, Х. Зайдель, Ф. Бучек и др.

Уже в октябре 1943 года Московская конференция министров иностранных дел стран – членов Антигитлеровской коалиции в Декларации об Австрии подчеркнула: Австрия «должна быть освобождена от германского господства» [3, том 1, с. 354], но Австрия «несет ответственность, которой не может избежать, за участие в войне на стороне гитлеровской Германии» [3, том 1, с. 354]. На Берлинской (Потсдамской) конференции руководителей СССР, США и Великобритании 1945 года было достигнуто соглашение, что репарации с Австрии взиматься не должны, но что «репарационные претензии СССР будут удовлетворены путем изъятий из зоны Германии, оккупированной СССР, и из соответствующих германских вложений за границей» [4, с. 489], а «репарационные претензии Соединенных Штатов, Соединенного Королевства и других стран, имеющих право на репарации, будут удовлетворены из западных зон и из соответствующих германских вложений за границей» [4, с. 490]. По договору союзников, Австрия была разделена на зоны СССР, США, Великобритании и Франции; на четыре сектора была разделена и столица страны Вена, и каждая сторона приобретала право получить репарации за счет собственности Германии в своей зоне оккупации.

Вопрос получения репараций с Австрии стал трудноразрешимым. Исследователи выделяют следующие причины перехода данного вопроса в разряд проблемы: 1) трудность определения реальных владельцев находящихся в Австрии предприятий после аншлюса 1938 года; 2) сопротивление Австрии репарациям, обвинявшей Советский Союз в экономической эксплуатации своей страны для решения репарационных целей [1]; 3) сопротивление западных держав, прежних американских и

британских хозяев германской собственности в Австрии, желавших вернуть эту собственность себе, в том числе в советской зоне – в Восточной Австрии [2, с. 288]; 4) по мнению О. Малашкиной, широкая интерпретация Советским Союзом термина «германские активы» [5, с. 457]; 5) по мнению В. Ибера, недостаточная определенность термина «германские активы» в силу англо-американского расчета разделить сферы интересов и уничтожить милитаристские способности Германии или в силу ошибки западных держав на переговорах [1]; 6) «СССР рассчитал стоимость "германских активов", только суммировав активы, но не обязательства» [1, с. 100].

Каковы были пути решения проблемы немецкой собственности в Австрии в 1945−1946 гг.? Каждая сторона выбирала свой путь. Временное руководство Австрии выступило против перевода в собственность СССР германских предприятий, которые не были демонтированы союзниками, принятием закона 26.07.1946 о национализации тяжелой и горнодобывающей промышленности и самых крупных банков, − СССР как член четырехстороннего органа управления Австрией наложил вето на этот закон, и в советской зоне закон не действовал. Расхождение позиций СССР и западных держав по вопросу немецкой собственности выражалось неодобрением советских инициатив, а также использованием права вето: проект советско-австрийской нефтяной компании Sanafta не получил реализации вследствие вето, наложенного западными странами [1]. В. Ибер, рассматривая советскую экономическую политику в Австрии после Второй мировой войны, пишет о конкретном использовании Советским Союзом немецкой собственности в этой стране: 1-й шаг − демонтаж предприятий с апреля 1945 г. (разборка производственных машин и установок, индустриальных предприятий; отчуждение запасов товаров; перевозка на поездах на Восток; разворачивание на советской территории); 2-й шаг – запуск конфискованных предприятий а) по модели основания с контролем СССР двусторонних компаний, где размещалось германское имущество, б) по модели основания советских фирм из конфискованной немецкой собственности (наиболее важные из этих фирм – Советская компания по техническим маслам (SMV) и Управление советским имуществом в Австрии (USIA)) [1, с. 93−94]. Американские, английские и французские оккупационные власти в Австрии также производили конфискацию части немецкого имущества в своих зонах, но согласно собственному пониманию «германских активов». В 1946 году США вернули Австрии отчужденную собственность.

Заключение. Решение проблемы немецкой собственности союзниками по Антигитлеровской коалиции в 1945−1946 гг. шло следующими путями: 1) выработка правовых документов для возмещения материального ущерба, нанесенного странам нацистским Вермахтом; 2) для уплаты репараций изъятие немецких активов, составлявших военной

потенциал нацистской Германии, в целях ликвидации ее военной силы; 3) демонтаж, конфискация и перевозка немецких активов; 4) запуск конфискованных предприятий; 5) организация двусторонних и односторонних фирм с немецким имуществом.

Список литературы

1. Ибер, В. М. Оккупация и эксплуатация. Советская экономическая политика по отношению к Австрии с 1945 по 1955/63 гг / В. М. Ибер // Российско-Австрийский альманах: Исторические и культурные параллели. Том Выпуск V. – Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2014. – С. 93−109. – EDN TMZIMX.
2. Котов, Б. С. Проблема «германской собственности» в переговорном процессе о восстановлении независимой Австрии (1945−1955 гг.) / Б. С. Котов // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник материалов Шестой международной конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2016» / гл. ред. А. К. Сорокин, отв. ред. С. А. Котов. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – С. 285–294.
3. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. Т. I. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.): Сб. док. / М-во иностр. дел СССР. – М.: Политиздат, 1978. – 434 с.
4. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. Т. VI. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав − СССР, США и Великобритании (17 июля − 2 августа 1945 г.): Сб. док. / М-во иностр. дел СССР. – М.: Политиздат, 1980. – 551 с.
5. Malashkina, O. Artikel. The foundation of GUSIMZ, USIVA, their functioning, and the evolution (1945–1947) / O. Malashkina // Zeitgeschichte. – 2025. – Vol. 52, No. 4. – P. 457-478. – DOI 10.13109/zsch.2025.52.4.457. – EDN YQSNMX.

УДК 902:004.65

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ЦИФРОВОЙ СИСТЕМАТИЗАЦИИ САРМАТСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДОНБАССА

Никифоров Д.О.,
Шепко Л.Г., д-р ист. наук, доц. ORCID 0000-0003-2155-7812
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
nikiforov.denis91@yandex.ru, centuria17@mail.ru

Введение. Опубликованные сарматские материалы Донбасса различаются по полноте описания, обозначениям объектов и основаниям датировок. При цифровой систематизации необходимо сохранить контекст находок и основания исследовательских определений. Цель работы – определить принципы организации данных, при которых поиск и

картографическое представление сарматских памятников сохраняют связь с источником и позволяют проверить основания исторического вывода.

Основная часть. Методика основана на источниковедческом анализе публикаций отдельных комплексов и информационном моделировании. Опыт ArchaeoNomos и исследования цифрового документирования показывают значение связей между сущностями и различения уровней учёта [5, с. 6–8; 6, с. 112]. Применительно к донбасским материалам предлагается согласовать иерархию археологических объектов с раздельным хранением сообщений источников и исследовательских определений. Результатом является проект информационной модели.

Первый принцип – сохранение археологического контекста. Памятник, курганная группа, курган, погребение и находка учитываются как разные объекты. Их отношения устанавливаются по публикации, без искусственного заполнения неизвестных связей. Так, курган у Червонопартизанска включал разновременные погребения [1, с. 115–116]. Общая запись о насыпи поэтому не может служить основанием для единой датировки и культурной атрибуции всех захоронений. Отбор сарматского материала должен выполняться на уровне соответствующего комплекса с сохранением его связи с курганом и источником.

Второй принцип – разделение предмета, сообщения о нём и интерпретации. Для находки сохраняется устойчивая идентичность, а для каждого сообщения – документ, страница или рисунок, исходная формулировка и нормализованный признак. Повторные публикации связываются с тем же объектом и не подсчитываются как независимые находки. Котёл с греческими граффити из Донецкой области требует различать сам предмет, чтение надписи и предложенное автором объяснение [3, с. 29–30]. В публикации погребения у Житенко наличие алебастровых фигурок и предположение об их охранительной функции также относятся к разным уровням знания [2, с. 89–91]. Интерпретация включается в базу вместе с авторством и аргументами, чтобы её можно было сопоставить с альтернативным объяснением.

Такое разграничение существенно для исследования социальной организации и символики. Социально-культурные функции вещей выявляются через анализ комплексов и сравнительных материалов [4, с. 63–64]. Поэтому наличие отдельного предмета не должно автоматически присваивать погребённому социальный статус. В предлагаемой модели признаки инвентаря доступны для поиска независимо от интерпретации, а вывод о статусе связывается с конкретными свидетельствами. Это позволяет проверить основания трактовки и сопоставимость аналогий.

Третий принцип – явное представление неопределённости. Отсутствие описания признака, невозможность его определения из-за сохранности и специально отмеченное отсутствие различаются в записи.

Датировка хранится как атрибутированное утверждение с исходной формулировкой, методом и основанием; пересмотр создаёт новую версию. Тип предмета сопровождается указанием классификационной схемы, чтобы одинаковые номера в разных типологиях не признавались тождественными. Различение индивидуальных предметов и массовых групп соответствует задачам первичного и лабораторного документирования [7, с. 21]. При формировании выборки отдельно задаются единица подсчёта, территория, период и допустимый статус определения. Пробелы публикации не превращаются в отрицательные наблюдения.

Четвёртый принцип – отделение источниковой локализации от её картографического представления. Для координат фиксируются способ получения, документальное основание, неопределённость и дата проверки. Современное название населённого пункта помогает установить пространственный ориентир, но само по себе не определяет положение древнего памятника. При недостаточности сведений сохраняется область возможного расположения либо текстовая привязка. Точность исходных данных и степень обобщения публичной карты учитываются раздельно: условная точка не должна создавать впечатление измеренной позиции объекта.

Функционально модель связывает подготовку корпуса с его исследовательским использованием. Ввод и исправление записей, регистрация источников и верификация предшествуют поиску, просмотру карточек, карте и экспорту. Результат выборки должен показывать не только найденный признак, но и его источник, контекст и статус проверки. Экспорт сохраняет источниковые основания, а журнал изменений – последовательность уточнений.

Последующая апробация предусматривает сравнение ручного и автоматизированного отбора по датировке и предметному типу, проверку полноты результатов и источниковых ссылок. Реализация прототипа и измерение его эффективности остаются задачами дальнейшей работы.

Заключение. Цифровая систематизация сарматских материалов Донбасса требует сохранять контекст, происхождение сообщения, авторство определения и неопределённость. Предлагаемая модель объединяет эти требования в структуре связей между археологическими объектами, источниками и версиями исследовательских утверждений. Такая структура задаёт условия сравнительного анализа донбасских комплексов и региональных аналогий, при которых количество публикаций не подменяет количество находок, а описание признака сохраняется отдельно от его исторического объяснения.

Список литературы

1. Коваленко, П. П. Результаты исследования кургана у г. Червонопартизанск на Донецком кряже (материалы охранных раскопок 1982 г.) / П. П. Коваленко, К. И. Красильников // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2020. – № 5. – С. 114–127. – DOI 10.18384/2310-676X-2020-5-114-127. – EDN BBHKYS.
2. Гугуев, В. К. Сарматское погребение с набором уникальных амулетов из Северного Приазовья / В. К. Гугуев, А. В. Евглевский // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. - IV в.н.э.). – Вып. VII. – Симферополь : ООО «Фирма „Салта“ ЛТД», 2021. – С. 89–113. – EDN YIBKXU.
3. Михлин, Б. Ю. Граффити на котле из Донецкой области / Б. Ю. Михлин // Нумизматика и эпиграфика. – М. : Наука, 1974. – Т. XI. – С. 29–32.
4. Шепко, Л. Г. Средства этно-социальной презентации у сарматов / Л. Г. Шепко // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета, Донецк, 27–28 октября 2022 года / под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. Том 7. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2022. – С. 63–66. – EDN TNWDNY.
5. Курзыбова, Я. В. О разработке базы данных ArchaeoNomos для сопровождения археологических исследований / Я. В. Курзыбова, В. И. Дмитриев // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2021. – Т. 35. – С. 3–16. – DOI 10.26516/2227-2380.2021.35.3. – EDN ZNMTWI.
6. Гук, Д. Ю. Документирование археологических раскопок в цифровую эпоху / Д. Ю. Гук // Историческая информатика. – 2018. – № 2(24). – С. 101–114. – DOI 10.7256/2585-7797.2018.2.26811. – EDN XUNIKT.
7. Минитаева, А. М. Структурирование исходных данных археологических раскопок / А. М. Минитаева, И. Д. Петров // Технологии инженерных и информационных систем. – 2018. – № 3. – С. 18–23. – EDN VJQLIE.

УДК 94(44):061.2“17”

ИНОСТРАННЫЕ ДИПЛОМАТЫ В ПАРИЖСКИХ САЛОНАХ XVIII В.

Носко К.Г., ORCID 0009-0005-0991-6159
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
k.g.nosko@mail.ru

Введение. В XVIII в. в Париже формируется густая сеть общественных объединений разного рода – кружков, академий, масонских лож и, прежде всего, салонов. Распространяя просветительские идеи, они стали неотъемлемой частью интеллектуальной и политической жизни французской столицы. Активными участниками салонных встреч были писатели, ученые, общественные и политические деятели, а со второй половины века – дипломаты иностранных государств.

Цель исследования заключается в анализе роли парижских салонов в дипломатической практике иностранных государств.

Основная часть. Наибольшую ценность для данного исследования представляет комплекс документов под названием «Contrôle des étrangers». Он состоит из отчетов генерал-лейтенанта полиции Парижа государственному секретарю по иностранным делам Франции, посвященных жизни иностранных дипломатов в столице, в том числе их участию во французских светских практиках.

Исходя из данных за 1774-1789 гг. иностранные дипломаты чаще всего посещали салоны супругов Неккер (640 посещений за указанный период; наивысшая активность наблюдалась с 1774 по 1784 гг. и с 1786 по 1789 гг.), герцогини де Ла Вальер (610 посещений с наивысшей активностью с 1779 по 1789 гг.), мадам де Ла Реньер (358 посещений с наивысшей активностью с 1778 по 1783 гг., с 1787 по 1789 гг.). Большой популярностью среди глав и членов дипломатических служб иностранных государств в определенные периоды пользовались салонные встречи, организованные герцогом де Бироном (1779-1785 гг.), герцогиней де Праслин (1778-1783 гг.), мадам де Ла Ферте-Эмболь (1775-1776 гг., 1780-1786 гг.), мадам дю Деффан (1774-1780 гг.), графиней де Буффле (1780-1782 гг., 1784-1789 гг.), господином Туртоном (1775-1776 гг., 1778-1784 гг.), маршалом де Субизом (1779-1782 гг.), герцогиней де Люксембург (1775-1776 гг., 1780-1786 гг.), герцогом де Ришелье (1784-1787 гг.), мадам Жоффрен (1774-1776 гг.) [3].

Выбор иностранными дипломатами салонов для посещения неслучаен и продиктован политической целесообразностью. Все вышеперечисленные салоны имели либо непосредственное (их хозяевами выступали влиятельные французские государственные деятели), либо опосредованное (в салонных встречах принимали участие видные французские политические деятели) отношение к французским правительственным кругам. Например, салоны в своих парижских особняках организовали директор финансов Франции Ж. Неккер, дивизионный генерал герцог де Бирон, маршал де Субиз. В свою очередь, салон мадам дю Деффан выражал интересы группы, возглавляемой государственным секретарем по иностранным делам герцогом де Шуазелем, салон мадам де Ла Ферте-Эмболь – клана государственного министра Морепа, салон графини де Буффле – сторонников принца де Конти.

Периодичность, которая прослеживается в посещении французских салонов послами иностранных государств, свидетельствует о расстановке сил внутри политической элиты и указывает на вес и влияние определенного салона в общественно-политической жизни Франции.

Посещение послами иностранных государств парижских салонов являлось важной составляющей их дипломатической работы. Прежде всего,

это продиктовано функцией представления своего правителя и государства. Реалии второй половины XVIII в. требовали от иностранных дипломатов выполнения этой обязанности не только при дворе, но и в парижских салонах. Однако наиболее важное значение для послов иностранных государств имели политические новости, появлявшиеся в салонах раньше, чем в газетах, которые к тому же подвергались цензуре. Таким образом, салоны выступали в качестве источника политической информации, которую дипломаты использовали при написании своих депеш. Так, по сведениям французской полиции, английский посол лорд Стормонт каждую среду перед отправкой своей почты посещал салон мадам дю Деффан. В отчете указывается, что цель его еженедельных визитов заключалась в получении политической информации [7].

Конечно, основным источником политических новостей для полномочных представителей иностранных государств продолжал оставаться двор правителя государства. Это был центр принятия важных для жизни государства решений: указы, кадровые назначения, заключение внешнеполитических союзов и т.д. Однако во второй половине XVIII в. получение политической информации иностранными дипломатами при дворе французского правителя стало затруднительно, что, по заверениям посла Саксонии барона Шонфельда, связано с образом жизни французского короля и министров. Барон сообщал, что на еженедельной встрече послов иностранных государств постоянно высказывалось сожаление по поводу, ставшего уже привычным, скудного характера новостей, «причинявшего страдания» с приходом дней дипломатической почты [4]. В связи с этим иностранные дипломаты, стремясь обеспечить высокую информативность своих депеш, вынуждены были искать дополнительные источники информации, которыми и стали парижские салоны.

Заключение. Таким образом, парижский салон XVIII в. являлся важнейшим элементом дипломатической практики иностранных государств как площадка для осуществления представительских функций и источник актуальной политической информации.

Список литературы

1. Craveri B. Mme du Deffand et son monde / B. Craveri. – Paris: Seuil, 1987. – 443 p.
2. Feuillet de Conches F.-S. Les salons de conversation au dix-huitième siècle / F.-S. Feuillet de Conches. – Paris: Charavay frères éditeurs, 1882. – 227 p.
3. Lilti A. Le Monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle / A. Lilti. – Paris: Fayard, 2005. – 568 p.
4. Rapport de M. de Schonfeld du 27 octobre 1780 // Flammermont J. Les correspondances des agents diplomatiques étrangers en France avant la révolution. – Paris: Imprimerie nationale, 1896. – P. 189-190.

5. Rapport du 19 avril 1782 // AAE, Contrôle des étrangers: En 93 vol. T. 43. // Lilti A. Le Monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle. – Paris: Fayard, 2005. – P. 65.
6. Rapport du 8 décembre 1786 // AAE, Contrôle des étrangers: En 93 vol. T. 62. // Lilti A. Le Monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle. – Paris: Fayard, 2005. – P. 378.
7. Rapport sur l'ambassadeur d'Angleterre, 20 mars 1779 // AAE, Contrôle des étrangers: En 93 vol. T. 21. // Lilti A. Le Monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle. – Paris: Fayard, 2005. – P. 380.

УДК 94(3)

НЕМЕЦКИЕ ЭТНОНИМЫ В ДАТСКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ СОЧИНЕНИЯХ

Орлова С. Ю., ORCID 0009-0002-6929-1152
ГАУГН «Государственный академический университет гуманитарных наук»,
г. Москва, РФ
albinosov.albatros@mail.ru

Введение. С эпохи античности и раннего Средневековья датчане были теснейшим образом связаны с немецкоговорящим миром. Торговля, брачные узы, ассимиляция немецких дворянских родов, общие области интересов и прочее – всё это делало контакты с немцами постоянным фактором датской истории. Язык отражает сложные взаимоотношения этих двух соседей; этнонимы не просто называют «другого», но и выражают оценку и дистанцию, принятие и непринятие. Порой это становится намного красноречивей любых описательных приемов. Этнонимы позволяют увидеть, как в средневековых текстах конструировался и менялся образ немца и немецкого.

Цель. Настоящая работа посвящена до сих пор плохо изученной теме –датскому отношению к немцам через призму этнонимов высокого Средневековья (XII-XIV века). В центре внимания будут латиноязычные источники датского историописания, поскольку именно эти нарративные памятники до XV века содержат более всего сведений о немцах.

Основная часть. Прежде всего рассмотрим употребление немецких этнонимов на примере «Деяний датчан» Саксона Грамматика (умер около 1220 года). На протяжении всего его повествования этнонимы *Alemannia* и *Alemanni*, *Theutonia, Teutones* и *Teutonici*, *Germania* и *Germani* встречаются неравномерно, и далеко не во всех случаях означают одно и то же. «Тевтоны» – наиболее частотный термин, который Саксон применяет для обозначения *немцев* вообще – поскольку название, восходящее к древнегерманскому племени «тевтонов», в средневековой латыни стало обобщающим словом для обозначения немецкоязычных народов. *Germania*

и *Germani* встречаются реже, и восходят к античной традиции. Саксон применяет этот этноним обычно для обозначения людей императора. Например, делается следующее различение: «*...решил отомстить не только саксонцам, но и всем германцам…*» [2, p. 298]. Термин же *Alemanni* являет собой исключение, поскольку применяется реже всего. Саксон использует этот термин для обозначения конкретного племенного союза на юго-западе современной Германии. Такое же применение данного термина в качестве обобщающего названия для всех германских народов характерно для романской традиции, которой Саксон, однако, не следовал.

До восьмой книги «Деяний датчан» термин «Германия» появляется лишь в самом начале труда, главным же этнонимом является *Theutonia*. С восьмой книги, с которой начинается переход от легендарного прошлого к близкому современности Саксона времени, появляется уже больше упоминаний *Germania*, до десятой книги практически вытесняя упоминания «тевтонов». Тем не менее, с десятой и до шестнадцатой книги упоминания «Тевтонии» и «тевтонов» встречаются даже чаще, чем «Германия» и «германское» или «германцы». Можно, таким образом, допустить, что применение в тексте термина «тевтоны» не было данью классической форме – то есть не было отведено исключительно «легендарному» повествованию. На протяжении всего труда они были равны по значению как «германцам», так и «саксам». В то же время имя «Германия», как уже упоминалось, чаще применялось в отношении двора и окружения Императора (Цесаря).

Размежевание терминов *Teutonici* и *Alemanni* проводит и Свен Аггесен в своём труде «Краткая история королей Дании» (конец XII - начало XIII века). В сюжете о поединке между воинами немецкой и датской сторон Свен использует оба термина, но *Teotonici* – немцы «вообще», а *Alamanni* – люди императора: *“Тевтоны уселись на противоположном берегу в Хользатии <...> пусть известные своей отвагой Тевтоны научат Данов хитростям воинского искусства… <...> когорта Тевтонов огласилась криками ликования…*» [3, p. 102]; датский воин говорит немецкому: «*...явишь также и Данам ту славу, которую прежде показывал Аламаннам*» [3, p. 104], «*Аламанны со своими [людьми]...»* [3, p. 104]. Из этого я делаю предположение, что «Аламанны» со своими людьми – непосредственно люди германского императора, пришедшие вместе с немецким сопровождением – наемниками или подданными из немецких земель вообще.

Если в датских источниках конца XII – XIII веков наиболее активно применяются такие экзонимы как *Theutonia* или *Teotonia* и *Teutonici, Alemmani* и *Allamani.,* обозначающие в частности «людей германского императора», то в первой половине XIV века, когда датско-немецкий конфликт был в основном сужен до немецких наемников и

залогодержателей, немцы-антагонисты чаще всего фигурируют как голштинцы – поскольку именно графы Гольштейна (а, соответственно, и их люди) были крупнейшими залогодержателями земель датской короны. Голштинцы и мекленбуржцы будут активно упоминаться и далее, во второй половине XIV века – в годы правления короля Вальдемара IV (1340-1375) и его дочери Маргрете I (1375-1412). Наиболее ранние примеры употребления имен *Alemanni* и *Teutonici* читаются в «Хронике Лейре» (вторая половина XII века), где *Teutonici* применяются один раз, и в «Краткой истории королей Дании» Свена Аггесена, современника Саксона Грамматика; причем термин *Alemanni* Свен, вероятно, позаимствовал из французского источника [4, p. 42]. Но в «Роскилльской хронике» второй четверти XII века, сочинении, следовательно, более раннего времени, упоминаются только *Germania* и, вероятно, как ее часть, *Saxonia* [3, p. 16], аналог которой в северных германских наречиях (Saxland) в эпоху викингов и несколько позднее, по обыкновению, распространялся на всю Немецкую землю, или Германию [1, с. 215].

А в XIV веке в датских источниках, написанных на латыни, немцы представляются в основном как *Teutonici* – например, в «Ютландской хронике» и «Младшей Зеландской хронике». Интересно, что в последней есть четкая хронологическая граница, отделяющая упоминание немцев как *Teutonici* (записи от 1318 до 1342 года.) от упоминания как *Alemanni* (от 1342 ода и до конца хроники, то есть до 1360-х годов). Возможно, это связано с традицией предшествующей «Старшей Зеландской хроники» (XIII-XIV века.), которая для немцев использует термин *Teutonici.* Самостоятельность стиля и слога, что затронуло и терминологию, «Младшей Зеландской хроники» меняется тем больше, чем ближе хронологически становятся автору описываемые события.

Нужно также учитывать и преемственность источников друг другу: так, поскольку предполагается, что автор «Ютландской хроники» является тем же, кто составлял в первой половине XIV века *Compendium Saxonis*, или «Сокращенное изложение Деяний датчан Саксона Грамматика» (3, p. 197–203), вполне вероятно, что нарицание немцев «в общем» как *Teutonici* является заимствованным у Саксона Грамматика приемом. Поэтому вполне вероятно то, что многие авторы перенимали традицию нарицания у своих предшественников – как при компилятивном подходе, так и при продолжении повествования с последней точки отсчета в предшествующем источнике. Пример упоминания немцев в «Ютландской хронике»: «*С тех пор над Данией установилось тяжелое иго немцев [iugum Teutonicorum], и они завладели не только страной, но и замками королевства, и вельможи страны, которые надеялись, что они будут править после изгнания Кристофера, теперь были порабощены немцами, которых они призвали…»* [3, p. 453].

Заключение. Мы можем видеть, что за немцами в средневековом датском историописании не было одного зафиксированного наименования. Спектр наименований был достаточно широк и отвечал политическим и нарративным потребностям авторов источников, причем в зависимости от контекста менялся и посыл, вложенный в то или иное наименование. Вместе с тем нельзя не заметить, что имена *Teutonici* и *Teutonia* со временем стали наиболее часто употребляться, чему можно найти объяснение в их общем корневом происхождении с самоназванием немцев (Deutschen) и родственным ему их датским наименованием (tyskere).

Список литературы

1. Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод, комментарий. – М., 1986. – 230 с.
2. Saxonis Grammatici Gesta Danorum / von Alfred Holder. – Strassburg, 1886. – 724 p.
3. Scriptores Minores Historiæ Danicæ. Medii Ævi. / M. Cl. Gertz. – København, 1917–1918. – Vol. I. – 486 p.
4. Scheel R. Romerriget, Vesteuropa og Skandinavien. Kulturkontakter og den Danske Historiebevidsthed i 1100-tallet // Historisk Tidsskrift. – København, 2012. – Bd. 112. – P. 1-61.

УДК 94:355.426(569.1+569.3)«1976»

СИРИЙСКИЙ ФАКТОР В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В ЛИВАНЕ В 1976 ГОДУ

Разумный В.В., канд. ист. наук, доц., ORCID 0009-0009-2799-2365
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
razumnyi.vitalii@yandex.ru

Введение. Весной 1975 года в Ливане произошли столкновения между этноконфессиональными общностями, которые затем переросли в кровопролитную гражданскую войну, затянувшуюся на долгие пятнадцать лет. В этой обстановке возникла серьезная опасность государственным границам Сирийской Арабской Республики (САР). Учитывая тот факт, что Ливан и Сирия имели давнюю совместную историю и тесные военно-политические связи, руководство Сирийской Арабской Республики приняло решение о вводе воинского контингента на территорию Ливана в июне 1976 года. Это решение имело серьезные последствия для всего ближневосточного региона. Поэтому, на наш взгляд, эта тема является актуальной и представляет интерес для исследователей.

Цель данной работы состоит в изучении роли Сирии в гражданской войне в Ливане в 1976 году.

Данная проблема нашла отражение в работах современных историков таких как В.П. Шевченко [1], А.А. Ковальчук [2], Наоми

Вайнбергер [3]. Историографические аспекты данной проблемы были ранее рассмотрены автором этой статьи [4; 5].

Основная часть. В начале 1970-х годов Сирийская Арабская Республика имела сложную ситуацию по периметру своих государственных границ. На севере Сирии были сложности из-за пограничных споров с Турецкой Республикой, которые имели место еще с 1957 года. На востоке страны была тревожная обстановка на границе с Ираком, который стал внешнеполитическим соперником Сирии. На юге еще не остыли места боев сирийской армии на границе с Иорданией, которые происходили в период событий «Черного сентября» 1970 года. Сложной оставалась ситуация на юго-западе, где Сирия граничила с Ливаном. В этой арабской стране уже шла полномасштабная гражданская война, в которой Сирии сложно было выдержать нейтралитет. В зарубежной историографии часто цитируются слова сирийского президента Хафеза Асада о том, что «на протяжении всей истории Ливан и Сирия были одной страной и одним народом» [6, с. 98].

После трагических событий «Черного сентября» 1970 года палестинские беженцы из Иордании массово переселились в Ливан. Это вызвало сложности в политической жизни этой небольшой арабской страны. Конфессиональная разобщенность Ливана стала благодатной почвой для действия различных радикальных группировок. Мирная жизнь Ливана закончилась с появлением палестинских вооруженных отрядов, которые быстро нашли общие интересы с местным мусульманским населением. Их объединяла неприязнь к ливанским христианам-маронитам, которые доминировали в политической и экономической жизни Ливана [4]. Более того, в планах лидеров Палестинского движения сопротивления (ПДС) территория Ливана рассматривалась как плацдарм для построения независимой Палестины.

В гражданской войне в Ливане многие противостоящие силы использовали сирийский фактор в своих политических целях. Так, 19 января 1976 года состоялся круглый стол лидеров мусульманских общин Ливана, которые призвали президента Сирии оказать им военную помощь в борьбе против наступавших на Западный Бейрут отрядов Ливанских сил, состоявших из ливанских христиан. Инициатором этого круглого стола был известный мусульманский политический деятель Рашид Караме [3].

На следующий день, 20 января 1976 года в Дамаске состоялась встреча президента Сирийской Арабской Республики Хафеза Асада и председателя партии «Национально-патриотических сил» (НПС) Ливана Камаля Джумбулата. Это был известный ливанский политический деятель и лидер ливанских друзов. В ходе встречи Камаль Джумбулат сделал анализ политической ситуации в Ливане и попросил о военной поддержке сирийского президента. В ответ на эту просьбу Хафез Асад согласился

оказать военную помощь, но предупредил, что сирийская сторона не допустит победы какой-либо стороны ни при каких обстоятельствах [2].

На наш взгляд, такая позиция президента Сирии была продиктована итогом событий, которые состоялись на несколько дней раньше круглого стола Рашида Караме и визита Камаля Джумбулата в Дамаск. Тогда, 9 января 1976 года палестинские боевики при поддержке ливанских мусульман и друзов атаковали город Дамур, где убили несколько сотен местных христиан. Этот террористический акт стал неожиданностью для президента Сирии. Его позицию по этому вопросу можно объяснить тем, что однозначная поддержка друзов во внутриливанском конфликте могла вызвать недовольство у христианской общины Сирии.

По мере роста эскалации вооруженного противостояния и из-за принятия неудачных политических решений в Ливане руководство Сирийской Арабской Республики инициировало вопрос о вводе войск и вмешательстве во внутриливанский конфликт [1].

Этим решением Хазеф Асад преследовал цель прекращения военных действий между противоборствующими сторонами, а также укрепления позиции САР в Ливане. На наш взгляд, этот шаг президента Сирии и вся последующая деятельность сирийской армии в Ливане представляют характерный пример активного использования вооруженных сил в качестве средства достижения внешнеполитических целей государства.

1 июня 1976 г. сирийские войска вошли на территорию Ливана и продолжили усиливать численность своего экспедиционного корпуса, который вскоре достиг 12 тыс. солдат и офицеров (несколько бригад из состава танковой и механизированной дивизий) [2].

Лидеры НПС и ПДС, которые раньше призывали Дамаск вмешаться в конфликт, теперь выступили с призывом дать отпор сирийской армии всеми возможными способами, включая общенациональную забастовку, и обратились к арабским странам и мировой общественности с просьбой оказать помощь и поддержку Ливану. 6 июня 1976 г. в западной части долины Бекаа произошли первые серьезные столкновения между армией САР и дислоцированными там отрядами палестинцев и НПС.

Заключение. Таким образом, военное вмешательство Сирии в гражданскую войну в Ливане в 1976 году было продиктовано исключительно внешнеполитическими целями Дамаска. Эти действия вызвали негативную реакцию среди лидеров арабских стран и усилили эскалацию внутриливанского противостояния.

Список литературы

1. Шевченко В.П. Гражданская война в Ливане (1975-1990 гг.) и роль Сирии в урегулировании конфликта: автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата ист. наук: спец. 07.00.03. – «Всеобщая история». / В.П. Шевченко; Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Востоковедения РАН. – Москва, 2013. – 20 с.

2. Ковальчук А.А. Роль Сирийской Арабской Республики в гражданской войне в Ливане (1976 - 1990 гг.) // Общество: философия, история, культура, 2017. – № 8. – С. 128–134.
3. Weinberger N. Syrian Intervention in Lebanon. The 1975–76 Civil War. – New York, 1986. – 378 p.
4. Разумный В.В. Изучение гражданской войны в Ливане 1975 – 1990 гг. в работах американских историков // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2017. – № 4 (63). – С. 24–31.
5. Разумный В.В. Изучение гражданской войны в Ливане 1975 – 1990 гг. в работах французских историков // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2018. – № 4 (67). – С. 7–13.
6. Хувейри А. Война в Ливане. – Бейрут, 1977.

УДК 930+94(392)+94(393)

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ НА ТЕРРИТОРИИ АНТИЧНОЙ МАЛОЙ АЗИИ В ТРУДАХ Е.С. ГОЛУБЦОВОЙ

Селиванова Л.Л., ORCID 0009-0009-4717-6437
ФГБУН «Институт всеобщей истории Российской академии наук», г. Москва, РФ
larleon@mail.ru

Введение. Видный советский и российский антиковед, доктор исторических наук, Елена Сергеевна Голубцова оставила яркий след в изучении античной истории. В сфере ее интересов были: древнее рабство, формы зависимости, влияние географичского фактора на развитие экономики и социальных отношений, вопросы социальной терминологии, характер изучаемых надписей, соотношения государства и религии в Малой Азии, а также греческого и местного элементов в Северном Причерноморье, критика новых методик, применяемых некоторыми математиками к древнему миру [4, 169]. Но главное внимание она сосредоточила на истории сельской общины Малой Азии в I–III вв. н.э., практически неизученной в отечественной науке XX столетия.

Цель. Показать вклад Е.С. Голубцовой в исследование сельской общины Малой Азии эллинистического и римского времени.

Основная часть. Становление Е.С. Голубцовой (08.05. 1921–16.09. 1998) как историка пришлось на вторую половину XX века, чему способствовало окружение, в котором она выросла. Елена Сергеевна родилась в Москве в семье потомственной московской интеллигенции из гуманитарной и церковной среды. Дед по отцу – специалист в области церковной археологии и литургики. Отец, С.А. Голубцов – историк, археограф, исследователь крестьянского вопроса в России XVIII в. Мать Л. В. Крестова-Голубцова – известный филолог, литературовед, профессор

Государственного педагогического института им. К. Либкнехта. Крестным отцом будущего ученого был академик АН СССР Н. М. Дружинин, специалист по социально-экономической и политической истории России XIX в. Все это определило выбор профессии Еленой и повлияло на ее жизненный путь. В 1939 г. она поступила на исторический факультет Московского государственного университета, который окончила с отличием в 1945 г. [2, 30]. Специализировалась на кафедре истории Древнего мира под руководством проф. Н. А. Машкина, специалиста по Древнему Риму, автора монографии «Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность» (М., 1949). В 1949 г. она защитила кандидатскую диссертацию «Римская политика в Северном Причерноморье в конце республики – начале империи. Происхождение и социальная сущность», на основе которой в 1951 г. была опубликована первая монография Елены Сергеевны «Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры», составившая 1-ый выпуск академической серии «Причерноморье в античную эпоху».

В дальнейшем она переключилась на изучение эпиграфики античной Малой Азии [2, 32–33]. В 1962 г. вышла первая книга ее «малоазийского цикла»: «Очерки социально-политической истории Малой Азии в I–III вв. н.э. Независимая сельская община», ставшая основой последующих штудий. Автор постулирует идею независимости сельской общины и частной собственности общинников на землю. В 1970 г. Е.С. Голубцова защищает докторскую диссертацию по теме «Сельская община в Малой Азии в III в. до н.э. – III в. н.э.» (издана как монография в 1972 г.). В ней прослеживаются формы взаимодействия полиса, его античных рабовладельческих отношений с местными сельскими общинами Малой Азии, выясняются термины, обозначающие жителей поселения и сельской общины. Автор дает подробный очерк политического и экономического состояния сельской общины, исследует вопрос о соотношении городской хоры и поля, определяет статус царских и государственных владений.

В рамках обсуждения проблемы античной общины на советских и международных (МКИН, 1975 г.) конференциях и в печати Е.С. Голубцова выдвинула тезис о важнейшем значении сельской общины в эллинистическую и римскую эпохи [4, 169]. Вопрос, поднятый ею об общине в ее сельском варианте, перерос в дискуссию о проблеме античной общины в целом. Это нашло отражение в ряде публикаций 1970–1980-х гг., в которых выяснилась многозначность термина «община», подчеркивалось наличие общин как производственных объединений, так и общин социально-политического характера, исследовалось соотношение соседских, сельских и городских общин (полисов, civitates). Таким образом, работы Елены Сергеевны послужили толчком для развития исследовательской мысли многих ученых, обогативших отечественную историографию своими выводами.

В 1977 г. вышла ее монография «Идеология и культура сельского населения Малой Азии в I–III вв. н.э.», где на большом археологическом, эпиграфическом, нумизматическом и изобразительном материале были показаны удельный вес греческих, римских и христианских влияний на религиозное мировоззрение общинников, а также многослойность культуры сельской общины: автохтонные, греческие и римские элементы при стойком сохранении местных верований.

В 1970–1990-е гг., став уже одним из ведущих антиковедов страны, Е.С. Голубцова вела активную научно-организационную работу, будучи зав. сектором (затем отделом) древней истории Института всеобщей истории АН СССР, членом редколлегии журнала «Вестник древней истории», экспертного совета ВАК СССР, президентом Всесоюзной (с 1992 г. Российской) ассоциации антиковедов. За все время Елена Сергеевна провела девять «круглых столов» и девять конференций [3, 13–16]. Она была инициатором, соавтором и отв. редактором многих изданий отдела. При этом она не оставляла собственной научной работы по избранной теме. В 1987 г. вышла ее монография «Племена и народности Малой Азии в III в. до н.э. – III в н.э.».

Последняя книга «Община, племя, народность в античную эпоху» [1] была написана на стыке антиковедения и этнологии. В ней Е.С. Голубцова предложила свое понимание племени и общины в их соотношении с городом и государством. Заострив внимание на понятийном аппарате, она полемизировала с современными этнологами, отстаивая традиционное понимание терминов «этнос», «племя», «община» и показав историческое место племен и общин в структуре Римской империи. Труды Е.С. Голубцовой имеют принципиальное значение для понимания общих закономерностей развития античного мира, его кризиса и зарождения феодальных отношений. В этом году отмечается 105 лет со дня ее рождения.

Заключение. Е.С. Голубцова внесла свой вклад в разработку проблематики сельской общины, что, безусловно, способствовало также продвижению исследования полисных структур и обогатило историю Малой Азии эллинистического и римского времени. К этому региону и периоду обращаются и сегодняшние отечественные историки, правда, не в монографиях, а в отдельных статьях и главах коллективных работ. Однако их исследования посвящены большей частью вопросам полисного устройства, военной политике и религиозно-культовым особенностям Анатолии. Тема общины все еще ждет своего исследователя, а труды Елены Сергеевны остаются по-прежнему актуальными и нуждаются в дальнейшем изучении.

Список литературы

1. Голубцова Е.С. Община, племя, народность в античную эпоху. – М.: Наука, 1998. – 253 с.: ил. – ISBN: 5-02-009763-2.
2. Маяк И.Л. Елена Сергеевна Голубцова (1921–1998) // Портреты историков. – М.: Наука, 2005. – Т. 3. Древний мир и средние века. – Отв. ред. Г.Н Севостьянов, Л.П. Маринович, Л.Т. Мильская. – С. 30–44. – ISBN 5-02-009825-6.
3. Селиванова Л.Л. Елена Сергеевна Голубцова и Российская Ассоциация Антиковедов // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. – М., 1999. – С. 13–20. – ISBN 5-201-00513-6.
4. Селиванова Л.Л. Голубцова Елена Сергеевна // Российская историческая энциклопедия. – М., 2016. – Т. V. – С. 169.

УДК 796.091

ИСТОРИЯ ФОТОФИНИША И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ МИРОВОГО СПОРТА

Сидоренко А.С., канд. пед. наук, доц., ORCID 0000-0002-1563-5047
ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», г. Санкт-Петербург, РФ
sidspb@list.ru

В век информационных технологий спорт высших достижений с высокой плотностью результатов, когда победителя от проигравшего отделяют доли секунды, невозможно представить без автоматических систем определения победителя, фиксации точного до тысячных времени преодоления дистанции и автоматической обработки итогов соревнований. Именно внедрение электронных устройств трансформировало принципы соревновательности во многих видах спорта и позволило сделать их максимально прозрачными и объективными. Первые системы определения времени спортсмена и точного победителя соревнования стали проектироваться ещё в XIX веке, но только к 70-м годам XX века достигли той точности и надежности измерений, при котором они могли работать автономно без вмешательства человека. Главным толчком к прогрессу явились английские скачки, популярные в Англии в XVIII-XIX вв, которые стали одним из первых профессиональных видов спорта в мире. Появление системы ставок и тотализатора спровоцировало появление четких правил проведения соревнований, профессиональных жокеев, научных методов подготовки лошадей.

Еще в 1821 году французский мастер Николя-Матье Рьессек создал первый общедоступный хронограф на заказ от короля Луи XVIII, большого любителя скачек. На бумажное колесико, пронумерованное по кругу, капали чернила, отмечая нужное время [1]. Таким образом, появилась возможность контролировать время преодоления дистанции и

сравнивать результаты лошадей, показанные в разных заездах. При этом большой проблемой оставалось точное определение победителей заездов в случае, когда лошади приходят к финишу плотной группой нос к носу. Решающее слово в вопросе о том, какая лошадь победила, оставалось за судьей на финише, который определял победителя визуально и соответственно мог ошибаться, вызывая естественное недовольство проигравших. Поэтому многие любители спорта, каким-то образом связанные с наукой, делали попытки создания новых технологий, которые позволили бы получать точные результаты скачек, не зависящие от решения человека. Решение проблемы помог решить пионер скоростной фотографии Эдвард Мейбридж, один из создателей хронофотографии, позволяющей записывать движение какого-либо объекта при помощи фотосъёмки его отдельных фаз через короткие равные интервалы времени.

Эдвард Мейбридж проявлял интерес к проблемам изучения движений животных, и делал попытки его фиксации с дальнейшим отображением. В своих исследованиях он постепенно пришел к экспериментам с пофазовым фотографированием бега лошадей, которые проводились в 1872−1878 годах. В 1878 году Мейбридж изобрел способ фотографировать лошадь в движении, протягивая тонкую проволоку перпендикулярно траектории её движения. Проволока была прикреплена к серии установленных камер и при её разрыве камеры включались, выполняя серию одновременных изображений. Из собранных по порядку снимков Мейбридж создал короткометражный фильм «Лошадь в движении» [3].

В мае 1882 года в журнале «Nature» Эдвард Мейбридж опубликовал письмо, в котором пообещал, что в ближайшем будущем победитель заездов будет определяться по фотографии. Свои обещания ученый сдержал и 25 июня 1890 года появилась первая известная фотография фотофиниша [2]. Удачный эксперимент с определением победителей в скачках, заинтересовал представителей и других видов спорта, в которых осуществлялся одновременный финиш спортсменов. Однако на начальном этапе системы фотофиниша имели серьезные недостатки. У первых фотоаппаратов было большое время выдержки, в результате чего за то время, пока двигалась шторка в затворе фотоаппарата, лошади успевали проделать путь длиной около 10 сантиметров и фотокамера не могла точно фиксировать всех пересекающих финиш. Для решения проблемы стали использовать ряд стоящих друг за другом на расстоянии 5-10 см фотоаппаратов, осуществляющих поочередную фотосъёмку [4].

На Олимпийских играх система фотофиниша была впервые применена в 1912 году в Стокгольме для определения победителя в забеге на 1500 метров [5]. Совершенствование системы фотофиниша, основанной на фотографии, продолжалось до начала 40-х годов XX века. Но при этом с 20-х годов начались эксперименты с использованием киносъёмки. В 1926

году Датской федерацией лёгкой атлетики было представлено устройство фотофиниша, использующее технику ускоренной съёмки, которое в 1928 году было апробировано на Олимпийских играх в Амстердаме [4]. Однако данным устройствам спортивные чиновники не особо доверяли и на всех официальных соревнованиях в беге на финише примерно на уровне груди спортсменов натягивалась верёвка, по первому касанию которой и определятся победитель.

В начале 30-х годов XX века Густав Кирби конструирует высокоскоростную кинокамеру, которая совершает революцию в области спортивных измерений, совмещая фотофиниш и атохронометраж. Устройство камеры имело 2 объектива и использовало киноплёнку 60 мм, прогонявшуюся со скоростью 128 кадров в секунду. Через один объектив снималась непосредственно линия финиша, второй объектив был сфокусирован на встроенный электромеханический хронометр с вращающимися дисками, на которых были нанесены числовые отметки. Таймер системы запускался от выстрела стартового пистолета и выключался после преодоления финиша последним спортсменом [3]. Изобретение Кибри было впервые опробовано в 1931 году, а через год в 1932 году состоялся официальный дебют «камеры Кирби» на Олимпийских Играх 1932 года в Лос-Анджелесе. С этого времени итоговые результаты легкоатлетов стали фиксироваться на основании данных автохронометража [4]. Однако до появления точных и надежных электронных систем фиксации результата спортсменов, вплоть до 70-х годов XX века, время преодоления дистанции обязательно дублировалось ручными секундомерами судей.

В 30-е годы стала применяться технология более совершенной «щелевой киносъемки», которая значительно снизила расход пленки и дала возможность получения более объективных результатов, а в 40-е годы разработан метод электрического нанесения маркеров времени на пленку с дискретностью 1/1000 секунды [4]. На Олимпийских играх 1948 года британская компания British Race Finish Recording Co.Ltd представила систему фотофиниша «MagicEye». С конца 1940-х годов начинается массовое производство систем фотофиниша и хронометража. В результате технологического соперничества между компаниями Omega и Longines стали появляться всё более совершенные технологические решения. В 1949 году Omega представила первую серийную систему фотофиниша Racend OMEGA Timer, дебютировавшую на Зимних Олимпийских играх 1952 года, а Longines выпустила устройство «Chronocinegines» [3].

В 1963 году Omega представила усовершенствованную систему – камеру на 35 мм пленке OMEGA Photosprint с точностью засечки времени до 1/1000 секунды, получая изображение через щелевой затвор со скоростью около 100 кадров в секунду [4]. Система оказалась настолько точной и надежной, что позволила официально признать автохронометраж

в качестве источника официальных результатов спортсменов на дистанции. Именно с Олимпийских игр в Мехико 1968 года, когда и стали использоваться последние разработки фирмы Omega, на автоматику была окончательно переложена вся ответственность за судейство соревнований, определение результатов и мест спортсменов, наличие или отсутствие фальстарта. Появление системы фотофиниша поменяло саму философию спортивного соперничества, сделав соревнования более объективными.

Список литературы

1. Кряжев, В. Д. Методы и технические средства регистрации скорости бега спортсмена / В. Д. Кряжев, С. В. Кряжев, В. М. Скуднов // Вестник спортивной науки. – 2021. – № 3. – С. 21–26.
2. Левашов, В. Лекции по истории фотографии / В. Левашов. – М.: Тримедиа, 2014. – 516 с.
3. Садуль, Ж. Всеобщая история кино / Ж. Садуль. – М.: Искусство, 1958. – Т.1. – 611 с.
4. Penny, M. The First Photo Finish Camera / M. Penny. – Lexington: Eclipse Press, 2006. – 43 p.
5. The fifth Olympiad: the official report of the Olympic Games of Stockholm 1912. – Stockholm: Wahlstrom & Widstrand, 1913. – 1115 p.

УДК 94(47+461)

РОССИЯ И НОРВЕГИЯ В XXI ВЕКЕ В АРКТИКЕ: ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Скворцова Л.А., канд. ист. наук., доц., ORCID 0009-0005-8696-6934
Донбасская национальная академия строительства и архитектуры – филиал ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», г. Макеевка, ДНР, РФ
Skvortsova.68@mail.ru

Введение. В конце 2010 г. на Западе вышла книга профессора Лоуренса Смита «Мир в 2050 году», в которой утверждается, что отступление льда, в результате глобального потепления в Северном Ледовитом океане, к середине XXI века откроет миру природные подводные богатства Арктики и обострит борьбу за ресурсы приарктических государств, в число которых входят Россия и Норвегия. При этом принадлежность арктических территорий имеет ряд политических противоречий и прогнозов о будущих условиях для освоения арктических ресурсов. Многие эксперты указывают на необходимость взвешенного подхода к решению данной проблемы.

Целью данного исследования является рассмотрение сценариев развития взаимоотношений России и Норвегии в XXI веке в Арктике.

Основная часть. По данным норвежских геологов, в Арктике храниться до 25% от мирового объема неразведанных запасов нефти и газа,

большие запасы драгоценных металлов и угля. Это делает «арктический пирог» весьма перспективным для его дележа, включая желание многих далеких от Северного полюса стран получить доступ к этому пирогу и нежелание приполярных государств этот доступ предоставлять.

В связи с этим, во-первых, было принято решение об укреплении Арктического Совета, фактически «арктического правительства», расположенное в норвежском г. Тремсе, куда входят Россия и Норвегия. Эта организация имеет собственный бюджет и вершит судьбу региона. Во-вторых, Российская федерация стремиться занять одно из главных позиций в мире по освоению заполярных территорий. В связи с этим идет рост количества выездных совещаний Совета безопасности России по Арктике, создаются транспортно-логистические комплексы Северного морского пути, сокращая магистральную трассу через Суэцкий канал короче на 2440 морских миль, ликвидируются на территории Арктической зоны свалки мусора и металлолома, построены и введены в строй ряд атомных и дизельных ледоколов, что увеличивает перевозки по Северному морскому пути в 8 и более раз, проводится широкая пропагандистская и юридическая компания Российской Федерации в Арктике за расширение арктического шельфа, вводятся в действие ледостойкие нефтяные платформы, рассчитанные на круглогодичную эксплуатацию.

Что касается Норвегии, ее ресурсная база Северного моря и надежды на сохранение нефтегазового благосостояния страны, связанного с Баренцевым морем, начала драматически истощаться. В связи с этим норвежцами рассматривались три сценария выстраивания взаимоотношений с Россией в арктическом регионе до 2015 года.

Первый сценарий – «Площадка для больших нефтяных игр» может осуществиться в случае реализации амбициозных российско-американских нефтяных и газовых проектов. Сжиженный природных газ со Штокмановского месторождения будет доставляться судами в США, а от месторождений Западной Сибири танкеры будут возить нефть в том же американском направлении. При таком сценарии США и Россия будут диктовать условия участия норвежских компаний в совместных проектах.

Второй сценарий «Берлога русского медведя» предполагает единоличный контроль России над своими нефтегазовыми ресурсами на Севере страны. Газ становиться разменной монетой между Китаем и Европой, отношения с США ухудшаются. Норвежские компании будут допущены в российскую нефтегазовую экономику как младшие партнеры в совместных предприятиях.

Третий сценарий – «Задворки Европы» - российской части Баренцева моря уготована судьба заброшенного уголка с поредевшим населением и запущенной экономикой с падающим спросом на энергоресурсы. Богатства Севера останутся невостребованными [1].

Но ни один норвежцами прогноз не оправдался. «Газпром» и Роснефть получили эксклюзивные права от государства на разработку месторождений. Вход для участия иностранных компаний оказался закрытым. Часть газа со Штокмановского месторождения решено транспортировать по трубопроводам в Европу В Норвегии произошло объединение нефтегазовых активов компаний Statoil и Nirsk Hydro, и страна стала важнейшим поставщиком природного газа на европейский рынок. Двусторонние отношения с Россией значительно улучшились, особенно после подписанного Соглашения о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане. Премьер- министр Норвегии пояснил «У такой морской великой державы, как Россия, не возникает больше потребности решать проблему морской экономической границы с Норвегией. Но России требуются технологии для добычи нефти и газа в Баренцевом море, поэтому она вынуждена развивать сотрудничество с другими странами» [2].

Россия стремиться создать газовый ОПЕК и настойчиво звала туда Норвегию, которая в 2010 г. подготовила три новых сценария развития российского Севера с учетом изменения климата и политических отношений до 2035 г. Первый сценарий – из России с нефтью – предполагает активную добычу нефти и газа на Севере, а опасения, связанные с глобальным потеплением, оказываются преувеличенными. Одним из ведущих игроков на мировом рынке к 2030г. становится норвежская компания «Statoil», которая большую часть газа, нефти и сжиженного природного газа добывала бы в Арктике, главным образом в российской экономической зоне.

Во втором сценарии, названном «Бурный поток», главной проблемой становится глобальное потепление и коммерциализация Северного морского пути, поскольку арктические моря при этом свободны ото льда 100-150 дней в году, что приведет к росту экспорта природных ресурсов из российского Севера, морских транспортных перевозок и увеличению мощностей судостроительных предприятий.

Последний сценарий «Великая арктическая игра» - предполагает усиление борьбы за ресурсы между ведущими мировыми игроками и созданию трех арктических секторов – европейского, североамериканского и российского увеличивающих добычу углеводородов. Из-за повышения температуры навигация через арктические проливы – Северного из России и Западного из Америки - значительно сократят пути доставки грузов из Азии и Северной Америки в Европу и снизят стоимость рейса на 20% [3].

После начала Специальной военной операции Россия покинула Совет Баренцева региона в 2023 году. Москва заявила, что деятельность совета с марта 2022 года «фактически парализована». Министерству иностранных дел поручено уведомить Международный Баренцев секретариат о принятом решении и прекратить уплату членских

взносов. «Ответственность за развал архитектуры Баренцева сотрудничества целиком и полностью лежит на наших «партнерах»», – подчеркнули в российском МИД [4]. При этом Арктический совет не прекратил своего существования.

Заключение. Взаимоотношения России и Норвегии в Арктике в начале XXI века носят противоречивый характер начав с сотрудничества в освоении Севера переходя к прекращению работы взаимных проектов, связанных с ухудшением политических отношений в рамках Специальной военной операции.

Список литературы

1. Ширнин, И. Г. Борьба за арктические природные ресурсы / И. Г. Ширнин, В. А. Палкин // Прометей: региональный сборник научных работ по экономике – 2012. – Вып. 1 (37). – С. 40.
2. Александров, О. «Перетягивание» полюса / О. Александров // Зеркало недели. – 2011. – № 25. – С. 5.
3. Ширнин, И. Г. Указ соч... – С. 41.
4. Цветаев, Л. Россия разрывает соглашение по Баренцеву морю. Дальше без Норвегии, Финляндии и Швеции / Л. Цветаев // Газета.ru – 2025. – 19 апреля – URL:www/gazeta.ru (дата обращения: 02.09.2026).

УДК 323.1(410)(=152)

«ТЭТЧЕРИЗМ» И ОЛЬСТЕРСКИЙ КОНФЛИКТ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ИЗМЕНЕНИЯ В ПОДХОДЕ К УРЕГУЛИРОВАНИЮ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЕКРЕТАРЕЙ 1979–1990 ГГ.)

Скопылатова В.И., ORCID 0009-0009-8010-4259
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
v.skopylatova@mail.ru

Введение. Политика консервативных правительств Маргарет Тэтчер в Северной Ирландии представляет собой сложный феномен, сочетавший жёсткую линию в вопросах безопасности и гибкость в политическом маневрировании. Исследователи отмечают эволюционный и отчасти противоречивый характер подхода Тэтчер, который трансформировался от «политического безразличия» к прагматизму и дипломатическим прорывам. Ключевыми проводниками этой политики выступали сменявшие друг друга государственные секретари по делам Северной Ирландии, каждый из которых вносил свои коррективы в стратегию урегулирования ольстерского конфликта.

Цель данного исследования – выявить преемственность и изменения в подходе британского правительства к урегулированию конфликта в

Северной Ирландии в 1979–1990 гг. через призму деятельности государственных секретарей по делам Северной Ирландии.

Основная часть. Первый государственный секретарь в кабинете М. Тэтчер, Хамфри Аткинс (1979–1981), начал свою работу с Конституционной конференции 1980 г., где предложил широкий спектр моделей деволюции, исключив при этом обсуждение ирландского единства [1]. Аткинс стремился найти институциональную формулу, которая позволила бы передать часть полномочий местным политическим силам, не затрагивая при этом фундаментальный конституционный вопрос о статусе региона. Однако кризис, вызванный голодными забастовками 1980–1981 гг., продемонстрировал ограниченность данного подхода и вынудил правительство искать новые пути.

На смену Аткинсу пришёл Джеймс Прайор (1981–1984), который, как и его предшественник Уильям Уайтлоу, считал необходимым поиск компромисса с республиканскими общинами через «жесты примирения» [3; 1]. Прайор инициировал «поэтапную деволюцию», воплотившуюся в создании Ассамблеи Северной Ирландии в 1982 г., а также пошёл на смягчение тюремного режима для заключённых ─ республиканцев [5]. Однако бойкот Ассамблеи националистами и продолжающееся насилие привели к провалу этого институционального эксперимента [9].

Поворотным пунктом стало подписание Англо-ирландского соглашения 1985 г. при Томе Кинге (1985–1989), который, хотя и не участвовал в переговорах, был вынужден купировать негативную реакцию юнионистов [6; 10]. Кинг, по его собственному признанию, считал, что соглашение «предлагает ирландцам значительно больше, чем нам», и опасался, что оно «дестабилизирует, а не стабилизирует ситуацию» [6]. Именно Тэтчер, по мнению исследователей, недооценила силу юнионистской оппозиции, однако Кингу удалось сдержать волну недовольства [7]. Принципиально важным шагом стало возобновление конфиденциальных контактов с Шинн Фейн, начатое при Кинге, что положило начало новой главе в политике правительства – диалогу с республиканцами [4; 10].

Завершающий этап правления Тэтчер связан с деятельностью Питера Брука (1989–1990). Его инициатива, заложившая основу для будущего мирного процесса, стала логическим продолжением курса на политическое урегулирование. Брук выступил с декларацией об отсутствии у Великобритании «эгоистических стратегических или экономических интересов» в Северной Ирландии, что подготовило почву для переговоров с республиканцами и последующего Белфастского соглашения 1998 г. [7; 10].

Заключение. Анализ деятельности государственных секретарей Северной Ирландии в 1979–1990 гг. показывает, что британская политика в регионе трансформировалась от попыток навязать институциональные

модели «сверху» к прагматичному диалогу со всеми сторонами конфликта. При сохранении жёсткой линии в вопросах безопасности правительство Тэтчер постепенно расширяло поле для манёвра, переходя от конфронтации к секретным контактам и политическому торгу. Парадокс «тэтчеризма» в Ольстере заключается в том, что, несмотря на личное безразличие премьер-министра к региону, именно в этот период были заложены основы для будущего урегулирования.

Эта трансформация не была линейной. Хамфри Аткинс (1979–1981) начал с попытки возродить конституционный процесс через Конференцию 1980 г., но она была разрушена голодовками 1980–1981 гг., которые вернули в центр повестки вопрос о политическом признании. Джеймс Прайор (1981–1984) отошёл от логики «одноразового решения» и перешёл к постепенным шагам, направленным на восстановление доверия. Дуглас Хёрд (1984–1985), обладавший более значительным весом в кабинете, смог продвинуть идею англо-ирландского взаимодействия. Англо-ирландское соглашение 1985 г. институционализировало «ирландское измерение», предоставив Дублину консультативную роль. Хотя оно не привело к немедленному урегулированию и вызвало неприятие юнионистов, соглашение создало новую рамку для будущих переговоров.

Период Тома Кинга (1985–1989) и Питера Брука (1989–1992) характеризуется развитием этой рамки. Кинг стремился удержать юнионистов в диалоге, не отказываясь от соглашения. Его усилия не привели к прорыву, но сохранили пространство для манёвра. Брук продолжил линию на осторожное расширение диалога, что создало предпосылки для «мирного процесса» 1990-х гг.

Список литературы

1. Скопылатова В.И. Деятельность Департамента по делам Северной Ирландии в период кабинетов М. Тэтчер (1979-1990 гг.) // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2021. – № 2 (77). – С. 50–55.
2. Скопылатова В.И. Политика Маргарет Тэтчер в Северной Ирландии // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2020. – № 3/4 (74/75). – С. 197–203.
3. Bloomfield K. A Tragedy of Errors: The Government and Misgovernment of Northern Ireland. – Liverpool: Liverpool University Press, 2007. – 127 p.
4. Chaney P. Education, equality and human rights: Exploring the impact of devolution in the UK // Journal of Education Policy. July 21, 2011.
5. Kennedy-Pipe C. The Search for Political Solutions: The Move to Military Withdrawal? // The Origins of the Present Troubles in Northern Ireland. – London: Routledge, 2014. – P. 95–110.
6. King's concerns over agreement // The Irish News, 29 August 2014. – Режим доступа: https://www.irishnews.com/news/2014/08/29/news/king-s-concerns-over-agreement-100686/
7. Moore C. Margaret Thatcher: The Authorised Biography. – London: Allen Lane Penguin, 2013. – 485 p.

8. Prior J. A Balance of Power. – London: Hamish Hamilton, 1986. 191 p.
9. Concerns over Thatcher's commitment to Anglo Irish Agreement revealed // BBC News, 27 August 2014. – Режим доступа: https://www.bbc.com/news/uk-northern-ireland-28969640
10. Kelly S. Margaret Thatcher, the Conservative Party and the Northern Ireland Conflict, 1975-1990. – London: Bloomsbury Academic, 2021. – 408 p.

УДК 94(87) «2005/2025»

ВЕНЕСУЭЛЬСКИЙ ОПЫТ АДАПТАЦИИ К САНКЦИЯМ 2005–2025 ГГ.

Удовенко Ю.Н., ORCID 0009-0001-7718-1570
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
u.istorii@mail.ru

Введение. Венесуэла является одним из самых ярких и трагических примеров санкционного воздействия на страну в новейшей истории. За два десятилетия она пережила эволюцию от ограничений на экспорт оружия до полного экономического эмбарго, сопровождаемого гиперинфляцией, падением ВВП на 80% и массовым оттоком населения, составившим 7,8 миллиона человек. Однако, несмотря на эти трудности, страна не утратила способности к выживанию. Она разработала ряд стратегий, включая использование теневого флота и переход на долларизацию, которые привлекли внимание других государств, находящихся под санкциями.

Основная часть. Венесуэльский опыт адаптации к санкциям представляет особый интерес как пример страны, столкнувшейся с прогрессирующим ужесточением ограничений на фоне глубокого внутреннего экономического кризиса. Санкционное давление на Венесуэлу началось в 2005 г. с ограничений на поставки оружия и достигло пика в 2017—2019 гг., когда были введены секторальные санкции против ключевых отраслей экономики, включая нефтяной сектор [1].

Уникальность венесуэльского кейса заключается в том, что санкции наложились на системные проблемы экономики, чрезмерно зависимой от экспорта нефти. Это привело к беспрецедентному кризису, характеризующемуся гиперинфляцией, резким падением ВВП и массовой миграцией населения. Однако даже в этих условиях страна смогла выработать определенные механизмы адаптации, основанные на сочетании официальных и неформальных экономических практик.

Несмотря на жесткие санкционные ограничения, венесуэльский нефтяной сектор демонстрирует устойчивость за счет стратегической переориентации экспортных потоков и использования альтернативных схем сбыта. Основным направлением адаптации стало распределение

рынков сбыта: если до введения санкций основными потребителями венесуэльской нефти выступали США и страны ЕС, то к 2023 г. более 60% экспорта было перенаправлено в азиатские страны, прежде всего в Китай и Индию [2].

Не менее важным элементом выживания сектора стало внедрение альтернативных расчетных механизмов, включая использование криптовалют и сложных посреднических схем. Эти меры, хотя и увеличивают транзакционные издержки, позволяют поддерживать добычу на уровне 800-900 тыс. баррелей в сутки [3], что остается критически важным для наполнения государственного бюджета. Параллельно наблюдаемая в экономике стихийная долларизация, официально терпимая властями, отражает общую тенденцию адаптации хозяйственных агентов к условиям гиперинфляции и валютным ограничениям.

Финансовые ограничения привели к гиперинфляции. Стихийная долларизация экономики (до 60% транзакций) стала естественной реакцией населения, которую власти были вынуждены легализовать. Центральный банк Венесуэлы разработал систему многоскоростного валютного курса, а в 2023 г. 25% импорта оплачивалось криптовалютой Petro и другими цифровыми активами.

В социальной сфере санкции усугубили гуманитарный кризис - 80% населения оказались за чертой бедности. Государство ответило созданием системы локальных комитетов снабжения (CLAP), распределяющих продовольственные пайки, и программой развития городского сельского хозяйства, увеличившего производство овощей. Однако эти меры лишь частично смягчили последствия кризиса.

На 2026 год в санкционном списке США находятся 201 физическое и 53 юридических лица, связанных с Венесуэлой. По другим подсчётам, с 2005 года против страны введено 651 санкционная мера.

Основной адаптационный механизм - радикальная переориентация экспортных потоков. Если до санкций главными покупателями были США и ЕС, то к 2023 году более 60% экспорта направлялось в Азию - прежде всего в Китай и Индию. В 2025 году Китай получал около 500 тыс. баррелей/сутки (60% венесуэльского экспорта).

Венесуэла стала пионером «теневого флота» ещё в 2019 году, раньше России. Суда отключают транспондеры, меняют флаги, регистрируются через офшорные сети в Гонконге, на Сейшелах и Маршалловых островах. К концу 2025 года экспорт Венесуэлы через теневой флот составлял около 844 тыс. баррелей/сутки, обеспечивая до 60% бюджета страны.

Помимо этого, Венесуэла первой официально ввела собственную криптовалюту - El Petro, обеспеченную нефтью (5,34 млрд баррелей), запущенную в 2018 году для обхода санкций. Однако Petro так и не получила широкого распространения и торговалась только на государственном сайте Patria, не была принята как законное платёжное

средство и втянулась в коррупционный скандал, что привело к отказу от неё в январе 2024 года.

Одним из самых эффективных адаптационных механизмов стала стихийная, а затем легализованная долларизация экономики. К 2019 году до 60% транзакций внутри страны проводилось в долларах. Правительство Мадуро, формально сохраняя социалистическую риторику, негласно разрешило свободное обращение долларов, отменило ценовой и валютный контроль, отказалось от субсидий на бензин. Это позволило преодолеть гиперинфляцию к декабрю 2021 года и устранить товарный дефицит - по крайней мере, для тех, кто имеет доходы в валюте.

Исследователи отмечают, что под давлением санкций правительство Мадуро провело незаметный, но радикальный разворот от чавистской модели с жёстким контролем цен и национализацией к тому, что исследователи называют «авторитарным капитализмом». Государство разрешило свободное ценообразование и обращение долларов, а также начало диалог с частным сектором и возврат части экспроприированных компаний прежним владельцам [4]. Помимо этого, были созданы особые экономические зоны для иностранных инвесторов.

Венесуэла активно опиралась на поддержку России, Китая, Ирана, Кубы и Турции. Товарооборот с Россией за первые 7 месяцев 2023 года вырос на 70%. Иран поставлял конденсат для разбавления тяжёлой венесуэльской нефти и технологии нефтепереработки. Китай стал главным покупателем нефти, обходя санкции через посредников. Однако в 2025–2026 годах США попытались переориентировать потоки. Сейчас новые лицензии OFAC прямо запрещают операции с Россией, Ираном, КНДР и Кубой, а косвенно ограничивают и китайский доступ.

Заключение. Венесуэльский опыт является предостерегающим примером нерациональной реакции на санкционное давление. Венесуэла, обладая значительными ресурсами, не смогла своевременно адаптировать экономику и создать эффективные механизмы адаптации. Хотя некоторые меры, такие как стихийная долларизация и схемы обхода нефтяного эмбарго, принесли временный результат, системные ошибки в экономической политике привели к глубочайшему кризису. Богатые природные ресурсы страны не помогли ей быстро адаптироваться к новым условиям и создать эффективные механизмы выживания. Таким образом, важно понимать опасность сочетания санкций с внутренним структурным хаосом и отсутствием стратегического планирования.

Список литературы

1. Литвинов А.И. Стратегии СССР, Ирана, Венесуэлы и Северной Кореи по преодолению санкционного режима // Геоэкономика энергетики. 2025. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-sssr-irana-venesuely-i-severnoy-korei-po-preodoleniyu-sanktsionnogo-rezhima (дата обращения: 08.09.2026).

2. OPEC. Annual Statistical Bulletin. 2025. // URL: https://asb.opec.org/, (дата обращения: 15.07.2026).
3. U.S. Energy Information Administration (EIA). Venezuela Energy Profile. 2024. // URL: https:// www.eia.gov/international/analysis/country/VEN, (дата обращения: 15.08.2026).
4. Заернюк В. М, Алавифар С. Оценка эффективности введения санкций: мировой опыт // Финансовая аналитика: проблемы и решения. № 42 (276), 2015. URL: // https://cyberleninka.ru/article/n/, (дата обращения 15.07.2025).

УДК 94(4):327

ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Харьковский Р.Г., канд. ист. наук, доц., ORCID 0009-0000-4093-8798
ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени В. Даля», г. Луганск, РФ
wwwryslan@mail.ru

Пик французского колониализма в Северо-Восточной Африке пришелся на вторую половину XIX в., однако, данное направление во внешней политике Франции берет своё начало ещё с эпохи Средневековья. Как отмечает Наталия Петровна Таньшина «со времен Людовика IX и крестоносцев Египет, наравне с Сирией и Северной Африкой, служил приманкой для завоевательной политики Франции» [1, с.257]. При этом, французские планы в отношении Северо-Восточной Африки вплоть до конца XVIII – первой половины XIX вв. носили скорее эпизодический характер, возрождаясь и угасая в зависимости от тех или иных политических реалий.

Цель данной работы – выделить характерные черты колониальной политики Франции в Северо-Восточной Африке в первой половине XIX в. и проследить процесс их формирования.

Лишившись по итогам Семилетней войны (1756-1763) значительной части своих колониальных владений, Франция, по словам П.П. Черкасова, направила «свои усилия на обеспечение сильных позиций на море», что нашло отражение в организации ряда экспедиций для «обследования островов Тихого океана» [2, с.21]. Однако, по справедливому замечанию автора, данные предприятия «мало что дали Франции с точки зрения колониальных приобретений» [2, с.22]. Значительный сдвиг в колониальной политике Франции произошел лишь в ходе Великой французской революции 1789-1799 гг., а если быть точнее – в 1797-1798 гг., когда Директория возложила на молодого генерала Наполеона Бонапарта (1769-1821) миссию по покорению Египта. Здесь следует согласиться с А.З. Манфредом, который отмечает, что египетская кампания (1798-1801) стала «важнейшим мероприятием Директории в области внешней

политики» [3, с.104]. Что же касается идеи организации данной экспедиции, сложно однозначно приписать её авторство какому-то конкретному лицу, однако, отметим, что она активно продвигалась как назначенным в 1797 г. министром иностранных дел Франции князем Ш.М. Талейраном (1754-1838), так и самим Бонапартом.

При этом, французский историк Ф. Шарль-Ру обращает внимание на то, что египетский поход задумывался не просто в качестве рядовой «военной операции» или «масштабного стратегического маневра», предстоящая экспедиция представляла собой целенаправленное «политическое и экономическое предприятие, реальный план по созданию колонии» [4, с.1]. Соглашаясь с позицией автора, необходимо сказать, что несмотря на тот факт, что в конечном счете египетский поход не принес Франции желаемого результата, с момента отправки в Египет военной экспедиции, Северо-Восточная Африка более не выходила из фокуса колониальной политики Парижа.

Наполеон I, став в 1804 г. императором Франции и сместив внешнеполитические приоритеты государства в сторону приращения новых территорий, параллельно с активным ведением военных действий против европейских держав, стремился укрепить французское влияние в Стамбуле. Египет, входивший на тот момент в состав Османской империи, закономерно разделял тенденции, происходившие в Порте, в связи с чем французское присутствие в Северо-Восточной Африке постепенно начало укрепляться даже без прямого военного вмешательства.

Усилению влияния Франции в регионе также поспособствовала британская военная экспедиция 1807 г., в ходе которой Англия предприняла попытку «оккупации Александрии и некоторых других важных стратегических пунктов» [5, с.52]. Потерпев досадное поражение, Великобритания надолго потеряла возможность закрепиться в Египте, что избавило Францию от надоедливого конкурента.

После завершения эпохи Наполеона I, Париж, не имея более возможности воздействовать на Египет силовым путем, постепенно перешел к применению методов «мягкой силы». Франция оказывала Мухаммеду Али различного рода поддержку, предоставляя египетскому правителю денежные займы, оружие и направляя в Египет квалифицированные военные кадры. Студенты из Египта и Порты имели возможность попасть в высшие учебные заведения Франции, где наравне со знаниями им прививалась французская культура, которую они по возвращению распространяли на своей родине.

Благодаря прагматичному правлению Мухаммеда Али и французской поддержке к началу 1830-х гг. Египет достаточно окреп для того, чтобы попытаться отстоять свою независимость от Османской империи. Начавшийся в 1831 г. турецко-египетский конфликт, продемонстрировал всю мощь египетской армии, которая уже в

следующем году представляла реальную угрозу самому существованию Порты. Позиция Франции в этом конфликте была неоднозначной. С одной стороны, Париж не оказал запрошенной Стамбулом помощи, т.к. усиление Египта должно было привести к расширению французского влияния в регионе, что подталкивало правительство Июльской монархии к молчаливому одобрению действий Мухаммеда Али. С другой стороны, Франция, не желая портить отношения с Османской империей и рисковать возникновением конфликта с Великобританией, не могла выступить с открытой поддержкой действий египетского паши. Впоследствии, занятая Парижем позиция окупилась. Несмотря на то, что турецко-египетский конфликт 1831-1833 гг. был решен при помощи России, добившейся заключения с Портой стратегически важного для Санкт-Петербурга Ункяр-Искелесийского договора, Египет сохранил за собой территории Сирии, Ливана, Палестины, Киликии и Крита, что значительно расширило сферу политического и экономического влияния Франции на Ближнем Востоке.

В последующие несколько лет, вплоть до начала в 1839 г. нового турецко-египетского конфликта, Франция, продолжая поддерживать тесные связи с Египтом, стремилась сохранить статус-кво и не допустить начала очередной египетской войны за независимость. Тем не менее, избежать столкновения интересов Каира и Стамбула не получилось, а итогом конфликта 1839-1841 гг. стала потеря Мухаммедом Али территорий, полученных в 1831-1833 гг. После второго турецко-египетского конфликта, влияние Франции на Ближнем Востоке значительно ослабло.

Подводя итог, можно констатировать, что французская колониальная политика в Северо-Восточной Африке в период конца XVIII – первой половины XIX вв. претерпела значительные изменения. В отличие от более ранних планов Парижа провести непосредственное завоевание Египта, кульминацией которых стал египетский поход Наполеона Бонапарта, в первой половине XIX в. Франция перешла к политике «мягкой силы». При этом, следует заметить, что с 1810-х и до середины 1830-х гг. экономическая и культурная французская экспансия проходила достаточно ненавязчиво и более того, не противоречила идее обретения Египтом независимости. Отношения между Парижем и Каиром были выгодны обеим сторонам: Франция, оказывая помощь Египту, лоббировала свои экономические и политические интересы, а Мухаммед Али, благодаря предоставляемой поддержке сумел значительно укрепить положение Египта.

Список литературы

1. Таньшина Н.П. Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.03 / Н.П. Таньшина. – Москва, 2005. – 515 с.

2. Черкасов П.П. Судьба империи: очерк колониальной экспансии Франции в XVI-XX вв. / П.П. Черкасов. – Москва : Наука, 1983. – 184 с.
3. История Франции: в 3 т. Том 2 / под общ. ред. А.З. Манфреда. – Москва : Наука, 1973 – 663 с.
4. Charlex-Roux F. Bonaparte: governor of Egypt / F. Charlex-Roux. – London : Methuen and Co. LTD., 1937. – 374 p. – URL: https://archive.org/details/dli.ministry.10384/page/1/mode/2up (дата обращения: 06.10.2026).
5. Бурьян М.С. Кризис колониальной политики Великобритании в Египте и Судане в первой трети XX века: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.03 / М.С. Бурьян. – Москва, 1996. – 278 с.

УДК 94(438).071

ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1830–1831 ГГ.: ПОЗИЦИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ

Харьковский С.Р.
ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени В. Даля», г. Луганск, РФ
Probel_ngnl@mail.ru

По итогам Венского конгресса в 1815 г. большая часть Варшавского герцогства вошла в состав Российской империи в качестве одной из её областей – Царства Польского. Тем не менее, великие державы, в особенности – Великобритания и Франция, продолжали активно следить за событиями в Польше, в связи с чем любые серьезные волнения в Царстве Польском, в том числе – восстание 1830–1831 гг., неизбежно привлекали внимание международного сообщества.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что позиция, занятая великими державами во время польского восстания 1830-1831 гг., во многом отражала их отношение к Российской империи, в связи с чем, изучение выбранной темы может позволить лучше понять расстановку сил на международной арене в рассматриваемый период.

Цель работы – охарактеризовать позиции, занятые российским правительством и ведущими европейскими державами по отношению к польскому восстанию 1830–1831 гг.

Прежде всего, отметим, что русско-польские отношения всегда складывались весьма непросто, поэтому включение в 1815 г. Царства Польского в состав Российской империи вовсе не означало, что польская знать будет безропотно подчиняться царской власти. Несмотря на довольно широкую автономию, предоставленную Царству Польскому, часть населения «осталась недовольна Конституцией», что вскоре привело к организации тайных революционных обществ [1, с. 3], членами которых становились преимущественно «студенты, военные, представители

шляхты и аристократии, которые выступали за воссоздание Польши в границах 1772 г.» [2, с. 105].

На протяжении 1820-х гг. антиправительственные настроения в Царстве Польском постепенно укреплялись, поэтому восстание было лишь делом времени. В 1830 г. поползли «слухи о том, что польская армия должна стать авангардом русских войск в подавлении бельгийской революции» и это стало поводом к началу вооруженного выступления, разразившегося в Варшаве в ноябре того же года [3, с. 131].

Мятежникам весьма быстро удалось захватить власть в свои руки, однако, единого плана последующих действий у них не было. Сначала восставшие предприняли попытку договориться с российским императором Николаем I, отправив к нему делегацию в составе министра финансов Царства Польского князя Любецкого и депутата Сейма графа Езерского с просьбой о соблюдении дарованной Конституции и присоединению к Царству Польскому «бывших восточных территорий Речи Посполитой – западных губерний Российской империи» [4, с. 383]. Однако, Николай I не был намерен идти на поводу у бунтовщиков, решив вместо этого подавить восстание силой.

Осознавая, что самостоятельно воевать с Россией не имеет смысла, восставшие попытались заручиться поддержкой иностранных государств, в частности – Великобритании и Франции. Тем не менее, и эти попытки не увенчались успехом. Несмотря на то, что французский министр иностранных дел О. Себастиани дал понять польскому князю Л. Сапеге, что в случае начала в Царстве Польском полномасштабного народного восстания, поляки могут рассчитывать на помощь Франции [5, с. 131], сам Сапега впоследствии отмечал, что в этот период «при всём своём желании Франция не могла прийти нам (т.е. полякам) на помощь. Её армия была совершенно разрознена. Небольшой корпус находился в Алжире и такой же второй в Греции, а перевести их оттуда не было возможности» [5, с. 131].

Что же касается позиции Лондона, британское правительство сразу же решило не вмешиваться в польские дела. Несмотря на то, что общественное мнение Великобритании куда больше симпатизировало полякам, чем российскому императору, «до окончания войны в самом парламенте почти ничего не делалось для поддержки Польши. Ни один из ведущих политиков не оказывал ей открытой поддержки» [6, p. 183]. На наш взгляд, столь осторожная позиция Великобритании вовсе не означала, что Лондон не имел интересов в Польше. Постоянно соперничая с Россией, англичане всегда выступали за то, чтобы любым способом ослабить её позицию на международной арене. Тем не менее, в данной ситуации британское вмешательство в конфликт могло повлечь за собой присоединение к активному подавлению польского восстания Австрии и Пруссии, что грозило восставшим ещё большими проблемами, а

Великобритании – ухудшением её отношений с другими великими державами.

По мнению М.В. Жолудова, свою роль сыграл ещё тот факт, что «британская дипломатия в то время была больше обеспокоена сложностью ситуации в постреволюционной Бельгии и не хотела серьезно отвлекаться на польские дела. Бельгийский вопрос представлялся правящим кругам Великобритании более важным и перспективным, нежели польский» [3, с. 132]. Соотнеся все риски, британское правительство приняло решение занять нейтральную позицию в польском вопросе и не вмешиваться в конфликт, т.к. это могло бы повлечь за собой серьезное ухудшение отношений Великобритании с Россией и другими великими державами.

Переходя к позиции Австрии и Пруссии, отметим, что практически сразу после начала польского восстания Николай I «обратился в Вену и Берлин с предложением совместными усилиями трёх союзных держав изолировать и подавить польское восстание» [7, с. 162]. Австрийское и прусское правительства, опасаясь, что революционные настроения перекинутся и на их государства, горячо поддержали предложения российского императора, советовавшего прервать связь Польши с остальной Европой.

Подводя итог, отметим, что восставшие практически сразу оказались в состоянии полной дипломатической изоляции. Николай I не желал вести переговоры с мятежниками, Австрия и Пруссия разделяли позицию России, Франция не имела реальной возможности помочь, а Великобритания предпочла не вмешиваться, чтобы не рисковать ухудшением отношений с Россией. При этом, необходимо обратить внимание на то, что в правящих кругах Франции и Великобритании присутствовали сторонники польского восстания. Относительно пассивная позиция Парижа и Лондона в 1830–1831 гг. была обусловлена преимущественно отсутствием выгоды, соразмерной возможному ущербу в случае их активного вмешательства. В дальнейшем, при наличии более благоприятных условий, как Франция, так и Великобритания неоднократно пытались ослабить позиции России, поднимая польский вопрос.

Список литературы

1. Брянцев, П. Д. Восстание поляков в 1830 и 1831 гг. / П. Д. Брянцев. – Вильна: тип. Вил. св.-дух. братства, 1896. – 31 с.
2. Акулин, Е. В. Восстание в Царстве Польском 1830-1831-х гг. / Е. В. Акулин // Мировая наука. – 2020. – № 6 (39). – С. 104-107.
3. Жолудов, М. В. Европейская дипломатия и польское восстание 1830-1831 гг. / М. В. Жолудов // Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего: Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященный 85-летию со дня образования Ханты-Мансийского автономного округа

– Югры (Нижневартовск, 10-12 декабря 2015 г.). – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2015. – С. 131-134.
4. Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30-50-е годы XIX в. / отв. ред. С. М. Фалькович. – М.: Индрик, 2016. – 775 с.
5. Сапега, Л. Л. Мемуары князя Л. Сапеги / Л. Л. Сапега; предисл. гр. Станислава Тарновского; вступ. ст. и примеч. Бронислава Павловского; пер. с пол. Л. Я. Круковской. – Петроград: «Прометей» Н.Н. Михайлова, 1915. – 316 с.
6. Webster, Ch. The Foreign Policy of Palmerston 1830-1841 / Ch. Webster. – London: G. Bell & Sons, Ltd, 1951. – 521 p. – URL: https://archive.org/details/foreignpolicyofp0001char/page/182/mode/2up (дата обращения: 08.10.2026).
7. Киняпина, Н. С. Внешняя политика России первой половины XIX в. / Н. С. Киняпина. – М.: Высш. школа, 1963. – 288 с.

УДК 94(47):327

РОССИЯ В АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ 1755–1756 ГГ.: ОТ СУБСИДНОЙ КОНВЕНЦИИ К НОВОЙ АНТИПРУССКОЙ КОАЛИЦИИ

Хуснутдинов М. И., ORCID: 0009-0007-4545-366X
Санкт-Петербургский Государственный Университет Ветеринарной Медицины,
г. Санкт-Петербург, РФ
marsxv@mail.ru

Дипломатическая революция 1756 года ознаменовала ключевым поворотом в истории международных отношений Нового времени, полноценно сместившей баланс сил в Европе перед Семилетней войной. Ликвидация долговременной системы союзов поставило российскую дипломатию перед необходимостью быстрого пересмотра основных направлений внешней политики страны. Опубликованные архивные материалы, в частности «протоколы Конференции при Высочайшем дворе» весной 1756 года, ясно показывают охлаждение и усиление напряженности в русско-английских отношениях, спровоцированный Вестминстерским или Уайтхолльским договором, и свидетельствуют о тех первые шагах Санкт-Петербурга к сближению с Версалем. Данное исследование посвящено анализу сложнейшей дипломатической игры Англии и Франции в России, где главным фактором принятия решений стала попытка правительства Елизаветы Петровны не допустить геополитического усиления амбициозного короля Пруссии Фридриха II Великого.

Россия считала двустороннюю субсидную конвенцию с Лондоном своим гарантом военно-политического разгрома Фридриха II. Утратив Лондон в качестве надежного союзника, Санкт-Петербургский двор через

донесения своего посланника Гросса из Берлина начал фиксировать новые угрозы [2, с. 4]. В Петербурге серьезно рассматривали угрозу того, что Фридрих II перехватит дипломатическую инициативу, выступит посредником в примирении Англии и Франции и добьется серьезного перевеса на международной арене, оставив Россию в политической изоляции. В такой сложной геополитической ситуации первоочередной задачей Конференции при Высочайшем дворе стало лишение прусского короля дипломатического преимущества. Появление первых слухов о секретных контактах между Веной и Версалем открыло для российской дипломатии новые возможности [2, с. 4–5]. Колониальная англо-французская война начала рассматриваться Санкт-Петербургом как идеальная возможность для выполнение давнего желание по ликвидации военного потенциала Пруссии. Основным условием дальнейших действий России стало выдвижение Вене предложения создать антипрусской коалиции - при жесткой гарантии того, что со стороны Франции австрийским границам не будет угрожать никакая опасность.

В разрезе Дипломатической революции 1756 года миссия британского посла сэра Чарльза Уильямса в Санкт-Петербурге может быть рассмотрена, как пример стремительного краха традиционной стратегии «субсидной дипломатии». Отправленный в Россию в 1755 году с целью обезопасить Ганноверские владения Георга II от прусской угрозы, Уильямс изначально добился значительных успехов. Британский дипломат проявил гибкость вкупе со связями, приобретенными в Варшаве (включая приобщение к действиям своего выдвиженца, молодого графа Станислава Понятовского), он в короткий промежуток обеспечил подписание англо-русской конвенции от 30 сентября 1755 года. Данный договор гарантировал мобилизацию 55-тысячного российского корпуса в обмен на значительные британские субсидии [1, с. XIII].

Дальнейшие попытки британского посла Уильямса возродить конвенцию 1755 года путем перекладывания обязательств России на противодействие Версалю закончились полным крахом. Санкт-Петербургский двор не просто отказался предоставить новые военные гарантии против Версаля, но и демонстративно отверг первый субсидный транш в размере 100 тыс. фунтов стерлингов [1, с. XV]. Данный провал Лондона, ставший личной трагедией для Уильямса и подорвавший его душевное здоровье, демонстрирует логичный в изменившихся условиях переход России империи в сферу коалиции франко-австрийского альянса и начало создания новой антипрусской коалиции в преддверии Семилетней войны.

Рассмотрение дипломатической переписки зимы 1756 года позволяет досконально изучить политический раскол между Санкт-Петербургом и Лондоном, ставший катализатором Дипломатической революции. Извещение британского государственного секретаря лорда Холдернесса к

послу Уильямсу от 23 января 1756 года наглядно демонстрирует попытку Уайтхолла замаскировать сепаратный Вестминстерский договор с Пруссией под заботу о «сохранении тишины в Европе». Прагматично пытаясь обезопасить Ганновер на фоне «американских распрей» с Францией, Лондон рассчитывал сохранить и субсидный союз с Россией, заверяя Елизавету Петровну в «непоколебимой преданности». Однако в ответном рескрипте Елизаветы Петровны князю А. М. Голицыну от 8 февраля 1756 года видна абсолютная неудача британской стратегии. Петербургский двор оценил действия Лондона как явное свидетельство нарушения союзнической «откровенности», поскольку договор с Фридрихом II был подписан тайно, без предварительных консультаций императрицей. Отдельный интерес представляет аргументация Елизаветы Петровны. Императрица отказывалась следовать логике британской стороны. С точки зрения российского двора увещевания Георга II в дружбе, явно контрастировали с его реальными шагами. Елизавета Петровна прямо сравнивает эти события с событиями конфликта Вены и Берлина, а именно с вероломным захватом Фридрихом II Силезии, происходившему одновременно с заверениями в адрес Вены. Данный источник прямо показывает твердость российской позиции: в то время как Англия пыталась перенаправить англо-русский союз на противостояние с Францией, для Санкт-Петербурга важнейшим оставалось исключительно «обуздание короля прусского». Поняв, что Великобритания более «не почитает полезной» конвенцию 1755 года в её первоначальном антипрусском ключе, окончательно закрыло возможность создания коалиции Лондона и Санкт-Петербурга и вынудило Россию идти по дороге к союзу с Веной и Версалем, и если союз Романовской и Габсбургской империи был уже проторенной дорогой с 1726, то сближение Версаля и Петербурга было новым веянием и таило много подводных камней.

Британский посол Уильямс, предвидя скорую смену власти и неспособность Петра III к управлению, сделал ставку на подчинение своим интересам великой княгини Екатерины Алексеевны. В источниках отображены различные способы влияния британской дипломатии как запугивание Екатерины «французской угрозой», так и формирование прямой материальной зависимости через тайных денежные ссуды от имени английского короля. Последним шагом в продвижении этого канала влияния стало введение Уильямсом в окружение великой княгини своего секретаря и протеже графа Станислава Понятовского.

Влияние английского посла в делах Екатерины столкнулось с жестким отпором: профранцузская группа: Шувалов, Воронцов склоняла Елизавету Петровну к миру с Версалем, а в октябре 1755 года в Петербург прибыл французский секретный агент Мэкензи Дуглас. В итоге система влияния Уильямса на Екатерину и канцлера А. П. Бестужева-Рюмина проиграла большой геополитике. После подписания англо-прусского

Вестминстерского договора 1756 года Россия, руководствуясь соображениями безопасности, выбрала союз с Парижем и Веной, полностью перечеркнув усилия британской дипломатии.

Список литературы

1. Екатерина II. Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла сэра Чарльза Г. Уильямса. 1756 и 1757 гг. / [Екатерина II, Ч. Г. Уильямс]; с предисловием действительного члена С. М. Горяинова. – Москва: Императорское Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1909. – XXXII, 361 с.
2. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 136 : Протоколы Конференции при Высочайшем дворе. Т. 4 : (1756–1757 гг.) / под редакцией члена совета С. Ф. Платонова. – Санкт-Петербург : Типография И. Н. Скороходова, 1912. – XXX, 632 с.

УДК 94(510).093

ВКЛАД ПРОФЕССОРА Л.П. ДЕЛЮСИНА В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ КИТАЯ ЭПОХИ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Шапошников Д.И.,
Разумный В.В., канд. ист. наук, доц., ORCID 0009-0009-2799-2365
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
danil.shaposhnikov@inbox.ru, razumnyi.vitalii@yandex.ru

Лев Петрович Делюсин (16 ноября 1923 – 22 мая 2013) – выдающийся советский и российский историк-китаевед, доктор исторических наук, профессор, специалист по современной истории Китая, общественно-политической мысли и аграрным отношениям в Китае XX века. Актуальность научного наследия Льва Петровича Делюсина обусловлена несколькими ключевыми факторами.

После окончания школы с отличием Лев Петрович поступает в Московский геологоразведочный институт. С началом Великой Отечественной войны он с семьей эвакуировался в Челябинскую область, где работал счетоводом в колхозе. В 1942 году он ушел добровольцем на фронт. В боях под Сталинградом в сентябре 1942 года получил тяжелое ранение. После ранения был демобилизован и восстанавливал здоровье в Москве, продолжая работать экономистом в Наркомате боеприпасов СССР. В 1943 году он вновь вернулся на фронт. С июня 1943 года и по июнь 1945 года Лев Петрович – гвардии сержант 64-го танкового полка в составе 3-го Прибалтийского фронта. В годы Великой Отечественной войны был награжден орденом Отечественной войны I-й степени, орденом «Красной звезды», медалью «За боевые заслуги».

На наш взгляд Л.П. Делюсин, прежде всего, был одним из немногих советских китаеведов, кто обладал уникальным сочетанием академической подготовки и непосредственного практического опыта работы в Китае. В 1950–1953 годах он работал корреспондентом газеты «Правда» в КНР, а до этого – переводчиком на Китайской Восточной железной дороге (КВЖД), участвуя в помощи строительству нового Китая. Этот опыт позволил ему наблюдать китайские реалии изнутри, что придало его работам особую достоверность и глубину.

Лев Петрович Делюсин стоял у истоков систематического изучения общественно-политической мысли Китая XX века. Его монография «Спор о социализме. Из истории общественно-политической мысли Китая в начале 20-х годов» (1980) стала фундаментальным трудом, в котором были проанализированы идейные поиски китайских мыслителей в переломный период истории страны. В данной работе он проследил эволюцию представлений китайской интеллигенции о путях развития страны в начале 1920-х годов, показав сложность и неоднозначность этого процесса.

Важно и то, что исследования Л.П. Делюсина по аграрно-крестьянскому вопросу в политике Коммунистической партии Китая (1921-1928) остаются актуальными для понимания социально-экономических основ китайской революции. Он защитил кандидатскую диссертацию в 1961 году на тему «Классовая борьба в деревнях Центрально-Южного Китая в период аграрных преобразований (1950–1952)», а в своей монографии «Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК (1921–1928)» проанализировал, как коммунистическая партия Китая формировала свою политику в отношении крестьянства, которое составляло подавляющее большинство населения страны в тот период.

Работы профессора Л.П, Делюсина актуальны в контексте изучения истории советско-китайских отношений. Будучи референтом-консультантом в отделе ЦК КПСС и одним из советников Ю.В. Андропова, профессор Л.П. Делюсин в условиях конфронтации с Китаем сохранял беспристрастность исследователя, не допуская политизированных суждений. Его опыт и аналитические записки, в том числе по вопросам прав человека в Китае, представляют интерес для историков международных отношений.

С 1967 года Л.П, Делюсин заведовал Отделом Китая Института востоковедения АН СССР. Он был «отцом-основателем, многолетним руководителем и участником» конференции «Общество и государство в Китае», которая проводится уже 39 лет подряд. В 1970-1972 годах он стал первым директором ИНИОНа (Института научной информации по общественным наукам).

В 1971 году, после успешной защиты диссертации, Л. П. Делюсину была просвоена степень доктора исторических наук. Позже он получил ученое звание профессора.

На наш взгляд, вклад Льва Петровича Делюсина в историческую науку является многогранным и особенно значимым. Профессор Л.П. Делюсин был не просто кабинетным учёным, но и непосредственным участником и свидетелем истории, которую изучал. Его труды – это не только академические исследования, но и своего рода документальные свидетельства эпохи.

Важно подчеркнуть вклад профессора Л.П. Делюсина в изучение китайской общественно-политической мысли. Его работа «Спор о социализме» открыла для российского читателя сложный и драматический период интеллектуальной истории Китая, когда китайские мыслители искали свой путь между различными идеологическими течениями. Этот труд остаётся одним из немногих столь глубоких исследований данной темы в отечественной историографии.

Также стоит отметить значительный организационный вклад Л.П. Делюсина в развитие российского китаеведения. Будучи многолетним руководителем Отдела Китая ИВ АН СССР, он создал научную школу, сформировал коллектив исследователей и заложил традиции конференции «Общество и государство в Китае», которая продолжает работу и поныне. Его роль как первого директора ИНИОНа также свидетельствует о его организаторском таланте и высоком авторитете в научном сообществе.

Определенно заслуживает уважения позиция профессора Л.П. Делюсина как учёного, стремившегося к объективности в сложные годы советско-китайской конфронтации. Работая в аппарате ЦК КПСС, он приложил немало усилий, чтобы в сложный период конфронтации с Китаем сохранить объективность. В условиях жёсткого идеологического контроля это требовало не только научной принципиальности, но и личного мужества.

Важно отметить широту научных интересов Л.П. Делюсина. Он исследовал не только политическую историю, но и аграрные отношения, общественную мысль, вопросы прав человека, а также выступал в качестве ответственного редактора фундаментальных изданий, в том числе перевода древнекитайского трактата «Янь те лунь» («Спор о соли и железе»). Такой междисциплинарный подход позволял ему создавать объёмную картину китайской истории.

В 1990-х годах профессор Л.П. Делюсин являлся экспертом по международным делам Государственной Думы Российской Федерации.

На наш взгляд, в данной работе уместно привести самую известную цитату профессора Л.П.Делюсина: «Если на Западе основой жизни наций является война, то на Востоке – мир (покой); основой западных наций является индивидуум, основой восточных – семья; движущей силой на Западе является Право и материальная выгода, на Востоке – чувство и показное бескорыстие» [3].

Профессор Л.П. Делюсин умер в 2013 году и был похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище. Он прожил почти 90 лет и оставил большой вклад в развитии советского востоковедения.

Список литературы

1. К 85-летию Л.П. Делюсина // Общество и государство в Китае. – 2009. – № 1. – С. 6–7. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/k-85-letiyu-l-p-delyusina (дата обращения: 22.10.2026).
2. Делюсин, Л. П. «Культурная революция» в Китае / Л. П. Делюсин. – М.: Знание, 1967. – 49 с.
3. Делюсин Л. Дискуссия о культурах востока и запада в Китае 20-х годов / Л. Делюсин. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://citaty.info/quote/503902 (дата обращения: 22.10.2026).
4. Делюсин, Л. П. Революция 1925–1927 гг. в Китае: проблемы и оценки / Л. П. Делюсин. – М: Наука, 1985. – 283 с.

УДК 93/94 «1918-1919»

БРИТАНСКИЕ ВОЕННО-МОРСКИЕ СИЛЫ КАСПИЙСКОГО МОРЯ В 1918-1919 ГГ.

Шевченко В.В., ORCID 0009-0000-7694-5308
ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина»,
г. Санкт-Петербург, РФ
stosorok5@yandex.ru

Введение. Военно-морские силы Великобритании на Каспийском море в 1918-1919 гг. получили господство в каспийской акватории (кроме северной части), чем оказали помощь вооруженным силам белогвардейцев на юге (генерал А.И. Деникин) и частично на востоке России (адмирал А.В Колчак), непосредственно поучаствовали в снабжении Уральского казачества оружием и боеприпасами (порт Уральск, атаман Уральского казачьего войска В.С. Толстов) и в создании Каспийской военной флотилии Вооруженных сил на Юге России (капитан 1-го ранга, позднее контр-адмирал А.И. Сергеев).

Цель работы – рассмотрение деятельности Военно-морских сил Великобритании в акватории Каспийского моря в 1918-1919 гг., в ходе Первой мировой, Гражданской войн и интервенции в России

Основная часть. Британские военно-морские силы по праву считались одними из сильнейших в мире на рубеже XIX–XX вв., во время Первой мировой войны они были на пике своего могущества. Чтобы доказать своего неоспоримое первенство, британским морякам приходилось сражаться вдали от своих берегов. Одним из таких «дальних

берегов» для британцев было участие в каспийской экспедиции 1918–1919 гг.

Для выяснения, как образом британские моряки появились на Каспии в 1918 г., вкратце следует описать военно-политическую ситуацию в середине это года, сложившуюся по его берегам. Казалось бы, регион был удален от самых активных очагов Мировой войны, однако после Брест-Литовского мирного договора марта 1918 г. и провозглашения независимости закавказских республик в мае 1918 г. ситуация радикально изменилась. Турки и азербайджанцы, заключив военно-политический договор, двинули объединенную Армию ислама на Баку.

Опасность захвата Баку, нефтяных промыслов, возможное господство немцев и турок на Каспии заставило британцев двинуть свои сухопутные (генерал Л. Денстервиль) и военно-морские силы (коммодор Д. Норрис) из Персии и Месопотамии к южному побережью Персии, в порт Энзели, для последующей переброски этих сил на Баку, для обороны от турецко-азербайджанских войск.

Первая «оккупация» Баку началось 17 августа 1918 г. Военно-морские силы британцев первоначально представлял вспомогательный крейсер «Президент Крюгер», на котором располагался Д. Норрис со штабом и командой. В Баку удалось заполучить и вооружить еще два корабля. Их «союзниками» в это время была флотилия Диктатуры Центрокаспия, общее руководство которой осуществлял Л.Ф. Бичерахов [5, с. 36], а непосредственно командовал В.Г. Воскресенский.

В ночь с 14 на 15 сентября 1918 г., предвидя скорое падение Баку, британская флотилия ушла в Энзели. 23 сентября британские корабли вошли в порт Красноводск, где нашли поддержку со стороны местных органов антибольшевистского Закаспийского правительства, чуть позднее были налажены морские контакты с Уральском. К концу октября британская флотилия насчитывала уже 5 боеготовых судов.

После победоносного для британцев окончания Мировой войны 17 ноября 1918 г. британские суда (5 вполне вооруженных и 3 на стадии подготовки) начали вторую «оккупацию» Баку [4, с. 77]. Уже в декабре британцы дважды участвовали в боевых действиях против большевистской Астрахано-Каспийской военной флотилии под командованием С.Е. Сакса. 8 декабря произошло встречное столкновение у о. Чечень, 29 декабря британцы уничтожили военно-морскую базу красных у бухты Старотеречной.

На рубеже 1918-1919 гг. британцы налаживали работу портовых служб и баз в Баку, Петровске и на о. Чечень (авиабаза). Непростыми были отношения с белогвардейцами и Каспийской флотилий, остававшимися в Баку. Практически одновременно, 1 марта 1919 г. бывшие бичераховские силы уже под командованием генерала от инфантерии М.А.

Пржевальского были вытеснены в Петровск, а флотилия расформирована и разоружена, на судах были выставлены британские караулы [6, с. 41].

В начале апреля 1919 г. Волга очистилась ото льда. К этому моменту британская флотилия располагала 4 боеспособными и 9 в разной стадии переоборудования судами. 21 мая 1919 г. произошло наиболее значительное боестолкновение британцев и красных на Каспии – бой в гавани Форта Александровского. Британцы вышли из него победителями, они получили почти полное господство на Каспии (кроме северной части).

С марта 1919 г. началось британо-белогвардейское сотрудничество на Каспии. Приказом генерала А.И. Деникина была создана Каспийская военная флотилия в состав Вооруженных сил на Юге России (далее – КВФ ВСЮР). Белогвардейцы вполне понимали колониальный характер пребывания британцев на Каспии [1, с. 233; 3, с. 59]. Последние не торопились помогать белогвардейцам в создании новой конкурирующей военно-морской силы в регионе [2, с. 93].

Однако 20 июня 1919 г. коммодор Д. Норрис получил приказ о начале эвакуации британских военно-морских сил из каспийского региона. Помимо белогвардейцев, на суда претендовали деятели Азербайджанской демократической республики, не без основания опасавшиеся военного вмешательства генерала А.И. Деникина в свои внутренние дела после ухода британцев из каспийско-кавказского региона. Однако большая часть судов досталась белогвардейцам [6, с. 40], 28 июля они получили первый корабль – «Азию».

8 августа 1919 г. британцы провели свою последнюю военную акцию на Каспии – их корабли «Биби-Эйбат» и «Орленок» взяли в плен красную канонерку и торговые суда на о. Ашур-Адэ, бывшем военно-морской базой России на персидском территории еще со времен Николая I.

Наконец, 24 августа 1919 г. последний сухопутный британский эшелон покинул Баку, вслед за ним столицу АДР оставил последний британский корабль. 2 сентября был снят британский флаг с «Президента Крюгера», который был передан КВФ ВСЮР. История британских военно-морских сил на Каспийском море закончилась.

Заключение. Участие британских военно-морских сил в военно-политическом противостоянии в каспийско-кавказском регионе в 1918-1919 гг. имело стратегическое значение для участников сначала Мировой войны (противостояние турок и британцев в восточном Закавказье в конце 1918 г.), а затем Гражданской войны и интервенции на территории бывшей Российской империи (РСФСР, Горская республика, АДР, Великобритания).

Список литературы

1. Лобанов, В. Б. «Громадное государственное значение флота на Каспии, к сожалению, плохо учитывается на берегу». Памятка А. И. Сергеева о возрождении Каспийской

военной флотилии в составе ВСЮР и ее действиях в 1919 г. / В. Б. Лобанов // Новейшая история России. – 2015. – № 2 (13). – С. 232–245.
2. Лобанов, В. Б. Каспийская военная флотилия в составе Вооруженных сил Юга России (1919-1920 гг.) / В. Б. Лобанов // Клио. – 2012. – № 5 (65). – С. 91–97.
3. Лобанов, В. Б. К истории Гражданской войны и интервенции на Каспийском море (1919-1920 гг.) / В. Б. Лобанов // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2013. – № 2 (31). – С. 58–61.
4. Михайлов, В. В. Вхождение Азербайджана в состав Советского государства и политика Великобритании в отношении Закавказья в 1918-1920 гг.: политический и социально-экономический аспекты / В. В. Михайлов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – 2022. – Т. 8 (74). – № 2. – С. 73–87.
5. Михайлов, В. В. Периодизация борьбы за власть на Северном Кавказе в 1917-1920 гг. / В. В. Михайлов, В. Б. Лобанов // Военно-исторический журнал. – 2016. – № 9. – С. 32–37.
6. Михайлов, В. В. Белогвардейская флотилия на Каспии в 1919-1920 гг. / В. В. Михайлов, В. Б. Лобанов // Военно-исторический журнал. – 2019. – № 9. – С. 38–42.

УДК 902:004.65

ПРОБЛЕМЫ И ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ БД САРМАТСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ

Шепко Л.Г. д-р ист. наук, доц., ORCID 0000-0003-2155-7812
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
ppakra@mail.ru

Введение. Сарматские памятники Северного Приазовья и среднего Подонцовья представляют своеобразную группу археологических источников. Они сравнительно немногочисленны и рассредоточены по обширной степной территории. Создание специализированной базы данных (БД) позволит систематизировать разрозненную информацию и со временем интегрировать её в общероссийские геоинформационные системы, например – «Археологические памятники России».

Цель работы – провести предварительную оценку проблемного поля, связанного с созданием региональной базы данных археологических комплексов сарматских племен в зоне северопричерноморских степей, и обозначить основные принципы её построения.

Основная часть. К настоящему времени накоплен значительный опыт создания сводов, каталогов и карт археологических памятников. Он демонстрирует переход от разрозненных описаний и картографических материалов к систематизированным цифровым ресурсам, где ключевую

роль играют геоинформационные технологии (ГИС). В этой сфере можно выделить несколько этапов и направлений.

Проблема была поставлена на «компьютерно-технологическую почву» на рубеже 1960–1970-х гг. Понятие «база данных» в контексте археологических исследований стало рабочим термином благодаря публикациям Р. Г. Ченхолла, который занимался реализацией программы, инициированной Археологической службой Арканзаса, по созданию базы данных о результатах полевых обследований памятников и сопутствующих артефактах [1].

Со временем одним из основных направлений работ стало создание археологических карт исследованных объектов. Также среди ключевых проблем, обсуждаемых специалистами, находится вопрос необходимости унификации данных и интеграция с другими типами исторических источников.

В отечественной археологии решение проблемы фиксации, единообразия документирования и обобщения данных археологических памятников стало направлением деятельности сектора археологических сводов Института археологии РАН СССР в рамках подготовки «Свода памятников истории и культуры народов России» в 1970–1980-х гг. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. активизировалась работа по выработке единых стандартов описания памятников. С 2014 г. Институтом археологии разрабатывается проект по созданию геоинформационной системы «Археологические памятники России» [2], основанной на предметном каталоге научно-отраслевого архива ИА РАН. Одним из результатов этих работ стала разработка стандарта описания памятника для внесения сведений в автоматизированную систему обработки информации.

Объектом исследования и предметом включения в региональную БД является комплекс сарматских памятников, открытых на территории Донбасса. Объект БД – сущность (памятник, погребение, артефакт), а предметная область – сарматские древности региона. Всего на настоящий момент известно около 60 пунктов, где зафиксировано сарматские древности, представленные погребальными комплексами, случайными находками, которые датируются в пределах III в. до н.э. – начала IV в. н.э.

Изучение сарматских древностей региона прошло несколько этапов. В 1870–1890-е гг. раскопки были спорадическими и связаны с хозяйственным освоением территории, строительством железных дорог. Систематические исследования проводились в конце XIX – начале XX в. В 1920–1930-е гг. незначительные раскопки проводили краеведческие музеи Артёмовска, Мариуполя, Славянска, Сталино; сарматские находки редки. Наиболее интенсивный этап исследований – это конец 1960-х–1980-е гг., когда были открыты десятки памятников РЖВ, но сарматских комплексов среди них немного. Для 1990-х – 2000-х гг. характерно резкое сокращение

полевой археологии. В 2014–2026 гг. исследования в Донецкой Народной Республике проводятся эпизодически. Расположение части археологических объектов в зоне боевых действий усложняет не только возможность исследования раскопками, но и их учёт и фиксацию [3].

Обзор археологических работ в Донецком крае показывает, что **территория исследована неравномерно,** что обусловлено историко-экономическими факторами развития. Памятники раннего железного века в основном сконцентрированы в степном Поднепровье и Подонье. В районе Донецкого кряжа и Северо-Восточного Приазовья сарматских комплексов заметно меньше, чем на соседних территориях. В определённой мере их малочисленность отражает реальную историческую картину: регион в тот период был слабо заселён.

Так как подавляющая часть памятников III в. до н.э. — начала IV в. н.э. открыта в советский период в 60–80-е годы XX в., то географическим ориентиром выступает территория Северо-Восточного Приазовья и среднего Подонцовья в административных границах Донецкой и Луганской областей на 2014 г. Вместе с тем с конца XIX в. по настоящее время происходили существенные изменения административно-территориального деления (АТД) региона. В XX в. административные изменения Донецкой области отражали её превращение из периферии нескольких губерний в промышленный регион, идеологическую и национальную политику. Это создает проблему «разных названий и границ» при создании БД сарматских памятников – картографической и адресной привязки. Погребения сарматов фиксировались в отчётах и публикациях в разные эпохи, когда территория имела разное деление. Так, в источниках конца XIX – начала XX в. памятник мог быть указан как «в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии», в 1920-е гг. – как «Артёмовский округ Донецкой губернии», с 2023 г. в ДНР принято новое АТД.

Другой проблемой создания БД является н**е**полнота и фрагментарность исходных данных. Многие памятники выявлены случайно, в ходе хозяйственных или строительных работ, часть отчётов не опубликована или утрачена.

Раскопки велись разными экспедициями и школами на протяжении более века. Критерии выделения сарматских комплексов, терминология, методика фиксации, описание погребений и датировки менялись. Это затрудняет унификацию данных и их сведение в единую систему.

Актуальной темой при создании БД является недоступность ряда источников и их утрата. Музеи, архивы, коллекции и отчёты, особенно находящиеся в зоне боевых действий, повреждены, могли быть вывезены или утрачены. Возможности проверить старые данные, уточнить контекст находки или место хранения материала у исследователя крайне ограничены.

Создание археологических баз данных опирается на ряд **принципов**, которые обеспечивают научную ценность, долговременную сохранность и широкую доступность археологической информации. Ключевые принципы – целеполагание, концептуальное моделирование, стандартизация, соблюдение FAIR и CARE, обязательные метаданные, долговременное сохранение, этическая ответственность и ориентация на пользователя – образуют взаимосвязанную систему.

Заключение. Создание базы данных сарматских памятников – это необходимый исследовательский и охранный инструмент. Даже неполная, она может решать вполне конкретные задачи. В условиях Донбасса база позволяет сохранять информацию до возможной утраты объектов, дистанционно обрабатывать данные, фиксировать военные повреждения и готовить основу для послевоенных исследований.

Список литературы

1. Chenhall, R. G. The Archaeological Data Bank: A Progress Report / R. G. Chenhall // Computers and the Humanities. – 1971. – Vol. 5. No. 3 (Jan., 1971). – Pp. 159–169. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.jstor.org/stable/30199402
2. Археологическая карта России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://archaeolog.ru/pub/map
3. Шепко, Л. Г. Формирование источниковой базы исследований раннего железного века в Северо-Восточном Приазовье / Л. Г. Шепко // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. – Ростов-на-Дону; Таганрог, 2025. – С. 307–313.

УДК 94(569.4)"1988":327

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ ПАЛЕСТИНЫ В 1988 Г.: ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Янченко Д.С., ORCID 0009-0005-7369-9128
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
dmitry_yanchenko@inbox.ru

В 1980-е годы палестинский вопрос сохранял характер сложного комплекса политических, территориальных и гуманитарных противоречий и отличался глубокой политической неопределённостью: палестинский народ по-прежнему не обладал собственной государственностью, значительная его часть находилась в условиях израильской оккупации либо в статусе беженцев, а перед Организацией освобождения Палестины (ООП) стояла дилемма – продолжать вооружённую борьбу, сопряжённую с дипломатической изоляцией, или перейти к реализации принципиально новой политической стратегии.

Обращение к теме провозглашения независимости Палестины в 1988 г. сохраняет высокую научную и практическую значимость в условиях стагнации ближневосточного мирного процесса. Изучение политического содержания данного акта способствует углублённому пониманию эволюции подходов к ближневосточному урегулированию, генезиса современных международно-правовых коллизий, а также нереализованного потенциала формулы «два государства для двух народов», которая продолжает выступать в качестве базового принципа мировой политики на Ближнем Востоке.

Целью исследования выступает комплексный анализ политического значения провозглашения независимости Палестины в 1988 г., а также выявление его влияния на трансформацию стратегии ООП и изменение международно-правового статуса палестинского национального движения.

Автором исследуются три ключевых измерения политического значения: трансформация субъектности палестинского народа в международных отношениях, закрепление парадигмы «двух государств» как нормативной основы урегулирования и влияние на последующую эволюцию палестинской идентичности и государственности.

Основная часть. На XIX сессии (ПНС) в Алжире (15 ноября 1988 г.) была принята Декларация независимости Государства Палестина, провозгласившая Палестину, с акцентом на резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН № 181 (II) от 1947 г., землей трех монотеистических религий и родиной палестинского арабского народа, обладающего естественным, историческим и юридическим правом на самоопределение [1]. Границы государства в тексте прямо не указаны, но сказано – «на нашей палестинской территории». Ссылка на резолюции ООН, включая резолюцию 181 (II) о разделе Палестины, указывает на признание принципа раздела, что подразумевает территорию Западного берега, сектора Газа и Восточного Иерусалима по состоянию на 1967 г. Следует отметить, что обход вопроса точных границ – это не слабость документа, а его продуманная гибкость. Отсутствие демаркации позволяло сохранять пространство для дипломатического маневра в переговорах с Израилем и одновременно избежать раскола внутри самого палестинского движения между сторонниками раздела и теми, кто продолжал настаивать на освобождении всей исторической Палестины.

Главное политическое значение Декларации 1988 г. состояло в трансформации международно-правовой субъектности палестинцев. До этого момента палестинский народ воспринимался международным сообществом главным образом как объект гуманитарной катастрофы (Накба) – совокупность беженцев, чьи интересы предполагалось урегулировать в рамках межгосударственных отношений арабских стран с Израилем. Даже получив признание Лиги арабских государств в качестве «единственного законного представителя палестинского народа», ООП де-

факто оставалась национально-освободительным движением, чей политический статус определялся правом на сопротивление, а не претензией на функционирующую государственность.

Провозглашение Государства Палестина радикально изменило эту систему координат. Опираясь на резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН № 181 (II) от 1947 года о разделе Палестины, декларация представила палестинскую государственность не как продукт одностороннего захвата власти, а как легитимную и отложенную реализацию международно-правового мандата. В указанном смысле значение данного акта заключается в конструировании правового нарратива, который поставил палестинцев в один ряд с другими народами, осуществившими право на самоопределение в процессе деколонизации.

С момента Накбы 1948 г. и вплоть до середины 1980-х годов официальная риторика ООП, отраженная в Палестинской национальной хартии, была нацелена на «освобождение всей Палестины» и ликвидацию Государства Израиль. К примеру, статья 19 Палестинской национальной Хартии 1968 г. гласила: «*Раздел Палестины в 1947 году и создание Государства Израиль являются полностью незаконными, независимо от течения времени, поскольку они были совершены вопреки воле палестинского народа и его естественному праву на родину и противоречат принципам, закреплённым в Уставе Организации Объединённых Наций, прежде всего – праву на самоопределение*» [2].

Алжирская декларация зафиксировала «исторический компромисс»: признание Израиля в границах до 4 июня 1967 года через принятие резолюции Совета Безопасности ООН № 242. Это означало, что цель борьбы сужается до создания государства на исторической территории – на Западном берегу реки Иордан (включая Восточный Иерусалим) и в секторе Газа. Фактически, была легитимирована концепция раздела Палестины как внутри самого палестинского движения, так и в глазах международного сообщества, сделав ООП приемлемым партнером для мирных переговоров. Парадигма «двух государств для двух народов», долгое время бывшая лишь внешним проектом урегулирования, получила «внутреннее» палестинское одобрение. Так, акт 1988 г. замкнул круг взаимного признания: Израиль, провозглашенный в 1948 г., и Палестина, провозглашенная в 1988 г., составили две части одобренной ООН формулы раздела, что стало непреодолимым нормативным барьером для попыток пересмотреть итоги войны 1967 г. в одностороннем порядке.

Переосмысление национальных целей стало болезненным процессом. Идентичность, построенная на абсолютном отрицании сионистского проекта, должна была интегрировать идею сосуществования с ним. Однако провозглашение государства и последовавшее международное признание обеспечили этот компромисс эмоциональной и политической легитимностью: если мир признаёт Палестину в границах 1967 г., значит,

борьба за эти границы – не предательство, а прагматичный этап национального освобождения. Таким образом, начала формироваться новая идентичность, основанная на государственном реализме, а не на утопии полного возврата. Хелена Линдхольм Шульц в книге «Палестинская диаспора: формирование идентичностей и политика родины» отмечает, что провозглашение государства дало рассеянному по миру народу символический центр принадлежности, превратив их из «беженцев» в «граждан ожидающего государства», тем самым укрепив их национальное единство [3].

Провозглашение независимости Палестины в 1988 г. представляет собой событие, чье значение раскрывается в долгой исторической перспективе. Оно, конечно, не привело к немедленному обретению суверенитета, но создало для него необратимые правовые, политические и символические предпосылки, способствовав дальнейшей институализации палестинской государственности.

Список литературы

1. Palestinian Declaration of Independence, 15 November 1988 // Interactive Encyclopedia of the Palestine Question (PalQuest). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.palquest.org/en/historictext/9673/palestinian-declaration-independence (дата обращения: 01.08.2026).
2. The Palestinian National Charter/PNC – Text/Non-UN document // United Nations Information System on the Question of Palestine (UNISPAL). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-203580/ (дата обращения: 01.08.2026).
3. Schulz, H. L. The Palestinian Diaspora: Formation of Identities and Politics of Homeland / H. L. Schulz. – London: Routledge, 2003. – 288 p.

Отечественная и региональная история

УДК 629.561.5

ОЗЕРНЫЕ И РЕЧНЫЕ ЛЕДОКОЛЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Алексушин Г.В., д-р ист. наук, доц., ORCID 0000-0002-6624-4775
ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет»,
г. Самара, РФ
Gva3@yandex.ru

Введение. Озерные и речные ледоколы Российской империи, в отличие от ставших знаменитыми арктических паровых гигантов вроде «Ермака» или их более поздних дизельных предков [1], решали сугубо утилитарные задачи: продлевали навигацию на внутренних водных путях, обеспечивали работу железнодорожных паромов и защищали порты от льда.

Развитие озёрного и речного ледокольного флота в России было вызвано экономической необходимостью. Замерзающие на несколько месяцев реки и озёра наносили огромный ущерб торговле. Первые опыты (как переоборудование канонерской лодки «Опыт» в 1866 г.) показали сложность задачи, но подтолкнули к поиску решений. К концу XIX в. строительство специализированных речных и озёрных ледоколов стало насущной потребностью для крупных транспортных узлов.

Роль властей в развитии речного ледокольного флота была невелика [3; 4], в основном, этим занимался окрепший к концу XIX в. бизнес.

Основная часть. Количество построенных ледоколов для рек и озёр Российской империи было крайне небольшим, всего 4.

Первым из них стал небольшой ледокольный буксир **«Иоанн Кронштадтский»** (длина 34,85 м, ширина 5,38 м, высота борта 2,96 м, осадка 1,42-1,6 м, вместимостью 160 т. и 2 паровые машины системы «компаунд» совокупной мощностью 360 л.с.) был построен купцом Немчиновым в 1889 г. в Британии, в Глазго на заводе Аллей Маклеллан. На этом судне совершил плавание адмирал С.О. Макаров, будущий создатель «Ермака», когда судно перегоняли из Британии к устью Енисея, откуда буксир дошёл до Байкала. Когда Немчинов умер, вдова продала судно, новые владельцы М.С. Менделевич и С.М. Чепкасов разобрали корпус пополам и на лошадях переправили на р. Лена, где собрали в Жигалово под новым названием «Север». В 1912 г. якутский миллионер А. Кушнарёв выкупил судно, увеличил ходовой мостик и сменил огнетрубные котлы и имя на «Полярный». В 1922 г. буксир вооружили, он участвовал в гражданской войне за большевиков. В 1931 г. он стал

называться «Кальвиц» в честь полярного лётчика. Прослужил корабль до 1948 г.

Самым известным и значимым в Российской империи стал речной паровой ледокол-буксир **«Саратовский ледокол»** [7, с. 637], построенный за 22550 фунтов стерлингов в 1895 г. в Британии на реке Тайне на верфи в Ньюкасле фирмы «Sir W G Armstrong Whitworth & Cº Ltd» под заказ Общества заработавшей в Саратове в 1871 г. Рязано-Уральской железной дороги (РУЖД). Его главной задачей было обеспечивать круглогодичную переправу железнодорожных составов через Волгу у Саратова, так как моста тогда не существовало. Это судно стало настоящим инженерным чудом своего времени (зимой мог переправлять через Волгу до 120 железнодорожных вагонов в сутки):

- разборная конструкция (чтобы пройти через узкие шлюзы Мариинской системы, ледокол построили из двух половин, которые могли разъединяться вдоль киля (каждая со своей паровой машиной и гребным винтом) и двигаться самостоятельно; после прохода сложным участков их соединили обратно);
- водоизмещение около 870/1000 т., 2 паровые машины общей мощностью 1400 л.с., размеры 44,81 м /10,97 м, экипаж 50 человек (25 – палубная команда, 25 – машинная команда), пассажировместимость – I и II классы – 40 человек; III класс – 400 человек;
- ледокол не столько резал лед, сколько «наезжал» на него и продавливал своим весом, облегчая процесс системой перекачки воды между танками для создания крена;
- ледокол трудился на Волге (в Саратове, затем под Сталинградом) более 70 лет, пережил 2 войны [2] и участвовал в строительстве мостов и ГЭС; затонул при невыясненных обстоятельствах у Энгельса в 1968 г. и до сих пор лежит на дне на глубине около 4 м, являясь объектом обсуждений подъёма и музеефикации.

Общество РУЖД вообще располагало уникальными судами – плавучими элеваторами, паромами, доком, 11 плавучими нефтекачками, 3 нефтеналивными судами, плавучими землечерпалками, 2 пригородными пароходами для переправы людей, баржами для перевозки животных [6, с. 212-220].

«Саратовский ледокол» прокладывал 3 зимних месяца канал для обоих паромов, за год перевозивших до 130 тысяч вагонов.

2 ледокола для обеспечения железнодорожной переправы Транссибирской железной дороги через озеро Байкал были заказаны в Британии компании «Sir W G Armstrong Whitworth & Cº Ltd». Ледокол **«Ангара»** (длина 59,5 м, ширина 9,8 м, осадка 4,4 м) заказали в 1899 г. [4, с. 270] и заработал в 1900 г., паром **«Байкал»** (водоизмещение 4200 т., длина 88,39 м, ширина 17,37 м, углубление 6,64 м, мощность 3-х машин 3825 л.с., скорость 12 узлов, принимал на борт 150 пассажиров, стоимость 47240

фунтов стерлингов) ввели в строй в 1900 г. [4, с. 270,271]. Они доставлялись разобранными и собирались на месте. «Байкал» был уникален тем, что имел 3 винта: 2 кормовых и 1 носовой.

Заключение. Таким образом, в Российской империи было 1 (25%) речной и 3 (75%) озёрных ледокола (точнее, 3 ледокола и 1 ледокольный паром). «Саратовский ледокол» считается первым речным ледоколом в России и в мире («Иоанн Кронштадтский» работал на Лене позже). Успешная эксплуатация этого «Саратовского ледокола» стала важным шагом в развитии отечественного ледоколостроения, и позволила накопить опыт, который позже был применён при создании мощных арктических ледоколов. Все 4 (100%) были построены в Британии (причём, 3 из них строила 1 фирма), что доказывает низкий уровень технических возможностей российских верфей того времени. Все 4 ледокола заработали с 1889 г. по 1900 г. – т.е., за очень короткий промежуток времени – всего 11 лет.

Список литературы

1. Алексушин, Г. В. Дизельные морские гражданские ледоколы СССР и России / Г. В. Алексушин. – Самара: «Прайм», 2023.
2. Алексушин Г. В. Ледоколы на защите СССР в Великой Отечественной войне / Г. В. Алексушин // Война в Заполярье: история, события, люди: Сборник материалов Мурманских научных чтений, посвященных 80-летию разгрома немецко-фашистских войск в Заполярье, Мурманск, 9–10 октября 2024 г. – Мурманск: РУСМА, 2025. – С. 44-48.
3. Алексушин, Г. В. Роль губернаторской власти в развитии судостроения в XVIII – XIX веках / Г. В. Алексушин // Судостроение. – 2007. – № 2 (721). – Март-апрель. – С. 71-72.
4. Алексушин, Г. В. Роль губернаторской власти в развитии судоходства в XVIII – начале XX века / Г. В. Алексушин // Речной транспорт. XXI век. – 2007. – № 3 (27). – С. 78-79.
5. Черников, И. И. Энциклопедия речного флота / И. И. Черников. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 702 с. – ISBN 5-17-023407-4.
6. Цыбин, В. М. Пароход на Волге / В. М. Цыбин. – Саратов: Издательский и книготорговый дом «Пароход», 1996. – 368 с. – ISBN 5-89039-001-1.
7. Шубин, И. А. Волга и волжское судоходство / И. А. Шубин. – М.: Транспечать, 1927. – 916 с.

УДК 94(470.6)

ПРИХОДСКИЕ МИССИОНЕРСКИЕ КРУЖКИ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ В 1908–1911 гг.

Базиль Д.В., ORCID 0009-0008-9844-1352
ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт»,
г. Ставрополь, РФ
bazildmitrij02@gmail.com

3 июля 1908 г. архиепископ Ставропольский и Екатеринодарский Агафодор утвердил решение епархиального съезда духовенства 1–2 мая о перестройке внутренней миссии. Основанием послужили правила Святейшего синода от 20-26 мая 1908 г. Ставропольский епархиальный миссионерский комитет был преобразован в Епархиальный миссионерский совет под председательством ректора духовной семинарии протоиерея Константина Кутепова. В его состав также вошел епархиальный миссионер протоиерей Симеон Никольский. Окружные должности упразднялись. В епархии оставляли одного епархиального миссионера с содержанием 2700 руб. в год, включая 500 руб. на разъезды, и четырех уездных миссионеров, получавших по 2400 руб., из которых 400 руб. предназначались на поездки. Тем же решением разрешались миссионерские кружки в тех приходах, где они окажутся нужными [1, с. 899-900].

Миссионерские суммы и дела переходили из духовной консистории в Совет, которому поручалось решать вопрос об издании противораскольнических и противосектантских брошюр. Кружок рассматривался как местная помощь священнику и уездному миссионеру [1, с. 900].

2 ноября 1909 г. архиепископ Агафодор направил предложение № 3469, после которого разрешительная формула была заменена прямым предписанием. Епархиальный миссионерский совет обязал священников приходов, где получило распространение сектантство, незамедлительно приступить к открытию кружков. Их участники должны были готовиться к беседам с последователями религиозных течений и собирать сведения о религиозно-нравственном состоянии населения [2, с. 1506].

18 марта 1910 г. резолюцией № 711 были введены единые правила для приходских миссионерских кружков. При соблюдении общего положения священник ограничивался донесением в Епархиальный миссионерский совет, а особый устав требовал утверждения архиерея. Причт представлял два экземпляра именного списка с указанием звания, имени, отчества и фамилии каждого участника. Членом мог стать православный прихожанин независимо от пола. Причт, учителя церковно-приходской школы и церковный староста входили в кружок обязательно.

Для остальных требовались заявление и согласие священника, без вступительного взноса. Добровольный выход из кружка оставался свободным. Исключение производилось общим собранием кружка, но вступало в силу после утверждения Советом и могло быть обжаловано [3, с. 445-447].

Руководителем и ответственным распорядителем оставался приходской священник. Делопроизводство при необходимости поручалось диакону или псаломщику. Казначеем становился церковный староста либо избранный общим собранием член кружка. Годовой отчет обсуждался собранием и направлялся епархиальному миссионеру до окончания года. Его подписывали обязательные члены и те прихожане, которые пожелали присоединиться к ним [3, с. 449-450].

Подготовка прихожан велась через чтение книг и религиозно-нравственные беседы. Члены кружка обращались к священнику с вопросами по тем положениям вероучения, которые чаще оспаривались в их местности, а также посещали дома православных и отпавших от церкви соседей. Публично выступать разрешалось с благословения и под руководством пастыря. Наблюдения о положении в приходе передавались настоятелю и обсуждались на собраниях. Кружок мог направлять собранные средства на содержание приходских просветительных учреждений. Материальную помощь оказывали также тем, кто переходил в православие. Во время богослужений и крестных ходов его члены действовали как уполномоченные священника и церковного старосты [3, с. 447-452].

Для сбора средств на нужды кружка использовались подписные листы, в которых записывались сделанные пожертвования. В храме могла устанавливаться особая кружка - закрытая ёмкость для сбора добровольных денежных взносов. Текущими средствами участники распоряжались самостоятельно. Запасной и неприкосновенный капиталы расходовались с согласия Епархиального миссионерского совета. Соседние кружки могли созывать местные съезды под наблюдением уездного миссионера. На них разбирались распространенные в округе учения и способы ведения бесед. Кружкам предоставлялось право обращаться с ходатайствами к епархиальному начальству. Их членов именовали «ревнителями православия» [3, с. 450-452].

Кружок мог установить собственный ежегодный праздник, который отмечался в определённый день. Для этого праздника разрешалось иметь особую икону, связанную с его посвящением. При кружке мог вестись собственный помянник, то есть список имён живых и умерших членов кружка и его благотворителей, которых поминали за богослужением. Оказавшие кружку особые услуги избирались общим собранием почетными членами, но звание утверждал Епархиальный миссионерский совет [3, с. 450-452].

16-18 ноября 1910 г. духовная консистория и Епархиальный миссионерский совет вновь рассмотрели состояние приходской миссии. Собрание признало, что кружки открыты еще не во всех приходах с сектантским населением, и потребовало исполнить распоряжение 1909 г. На книги, брошюры и листки миссионерского содержания разрешалось ежегодно расходовать из свободных церковных средств от 25 до 150 руб. Приходам предлагалось проводить курсы для «ревнителей православия». В постановлении их назначение называлось как подготовка «самого народа защитников православия против сектантов». На общественные и частные пожертвования разрешалось открывать библиотеки-читальни с преимущественным преимущественно религиозно-нравственных и миссионерских изданий [4, с. 687-688].

Уездным миссионерам поручили учреждать кружки во всех посещаемых ими приходах, затронутых сектантством, и помогать причтам. Там, где фиксировались отпадения от православия, они должны были устраивать миссионерские курсы [4, с. 688-690].

В 1908-1911 гг. в Ставропольской епархии приходские миссионерские кружки из вспомогательной формы церковной работы превратились в обязательный инструмент борьбы с сектантством. Епархиальное руководство последовательно перешло от разрешительного порядка к прямому предписанию открывать кружки там, где распространялись религиозные течения, а к 1910 г. выработало единые правила их деятельности. Кружки стали опорой священника и уездного миссионера в наблюдении за религиозно-нравственным состоянием прихода и в подготовке мирян к беседам с сектантами. Хотя к концу рассматриваемого периода кружки действовали ещё не во всех приходах с сектантским населением, сама система их организации говорит о продуманном подходе епархии к внутренней миссии и о стремлении вовлечь в неё широкий круг прихожан.

Список литературы

1. Распоряжения Епархиального Начальства: резолюция архиепископа Агафодора по вопросу о реорганизации миссии // Ставропольские епархиальные ведомости. – 1908. – № 28. – С. 899–900.
2. От Ставропольского епархиального Миссионерского Совета // Ставропольские епархиальные ведомости. – 1909. – № 48. – С. 1506.
3. Правила для приходских миссионерских кружков в Ставропольской епархии // Ставропольские епархиальные ведомости. – 1910. – № 14. – С. 445–452.
4. Журнал соединенного собрания Ставропольской Духовной Консистории и Ставропольского Епархиального Миссионерского Совета от 16–18 ноября 1910 года // Ставропольские епархиальные ведомости. – 1911. – № 23. – С. 681–690.

УДК 930

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ 1861-1917 ГГ.: КЛАССИФИКАЦИЯ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ

Беркалиев А.А., ORCID 0009-0004-7289-7280
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»,
г. Москва, РФ
berkaliev-aa@rudn.ru

Введение. История высшего образования, в том числе и в Саратовской губернии, пореформенного периода одно из важнейших направлений социально-экономической политики государства. В этот период в регионе создаются высшие учебные заведения, несмотря на все сложности и сопротивления бюрократического аппарата. Особое значение здесь имеет открытие в 1909 г. Императорского Николаевского университета. Его создание – есть результат длительных общественных и административных инициатив, где не последнюю роль сыграл бывший губернатор региона П.А. Столыпин. Далее уже в 1912 и 1913 гг. открывается консерватория и учреждаются высшие сельскохозяйственные курсы. Источники, касающиеся открытия высших учебных заведений: ходатайства, документы о финансировании, организации учебного процесса, расписания, списки студентов и вольнослушателей и др. позволяют исследовать не только историю университетов, но изучить развитие и становление высшего образования в самой губернии.

Вместе с тем, источниковая база по истории высшего образования Саратовской губернии неоднородна. Основная часть материалов, сохранившихся до наших дней, является архивными источниками.

Целью данной работы является охарактеризовать и систематизировать источники по истории высшего образования в Саратовской губернии 1861- 1917 гг., а также определить возможности их использования в исторической науке.

Основная часть. Все виды источников, согласно Н.Г. Георгиевой, можно разделить на несколько категорий. Но сначала автор приводит определение виду источников. «Вид – это исторически сложившаяся совокупность исторических источников, у которых общность социальной функции при возникновении и функционировании в общественной практике порождает (обуславливает) устойчивость общих свойств структуры (формы) и содержания».

В соответствии с приведенным выше определением, письменные исторические источники автор делит на 5 видов [1]:

1. Законодательные;
2. Делопроизводственные;

3. Публицистические;
4. Мемуарные;
5. Эпистолярные.

Далее целесообразно проанализировать каждый из видов источников:

1. **Законодательные.** Первую группу источников составляют законодательные и нормативные документы Российской империи. К ним относятся постановления Министерства народного просвещения, постановления местной власти. Из примеров можно привести указ об открытии высших учебных заведений (Императорского Николаевского Саратовского университета в 1909 г.[2]; решение о создании Саратовской Консерватории Императорского Русского Музыкального Общества в 1912 г. [3]; решение об учреждении Высших сельскохозяйственных курсов в 1913 г. [4], которые положили начало общественному прогрессу в образовательной, научной, культурной и просветительской жизни губернии.

2. **Делопроизводственные.** К данному виду источников относятся документы, которые образовались в результате практической деятельности органов власти и университетов. К таковым можно отнести ходатайства Саратовского губернства об открытии университетов, положения, список студентов и вольнослушателей, расписания занятий высших учебных заведений и др. [5]. Данные документы сыграли ключевую роль в появлении вузов в губернии, поскольку отражали желание и стремление власти региона в их создании.

3. **Публицистические.** Такие источники несут функцию влияния на общество. Они могут быть различными по форме и содержанию. К таковым источникам следует относить периодическую печать (газеты) губернии указанного периода. Среди газет, отражавшие открытие и жизнедеятельность вузов были: «Саратовский вестник», «Саратовская копеечка», «Саратовский листок», «Саратовские губернские ведомости». Печать также сыграла немаловажную роль, поскольку отражала мнение общества в учреждении университетов.

4. **Мемуарные.** Такие источники выполняют функцию сохранения и передачи информации от современников, которые были свидетелями тех событий, произошедших в системе высшего образования, будущим поколениям. В отечественной историографии остались множества воспоминаний свидетелей событий, среди которых можно отметить работу Волкова М.Ф., где автор сделал упор на описание работы Саратовской городской думы в становлении высшего образования в губернии [6]. Мемуарные источники носят вспомогательный характер в научной работе, поскольку они используются в понятийном поле для более детального изучения всех процессов, связанных с изменениями в системе высшего образования указанного периода.

5. **Эпистолярные.** К таким видам источников, чаще конфиденциальных, относят материалы, которые несут частный характер. Например, это могут быть письма, прошения или послания, которые отправляла Саратовская власть в Государственный Совет об открытии университета в губернии. Данный вид источников помогает углубиться в изучение проблемы становления высшего образования, так как в письмах и прошениях отражались истинные намерения власти региона в появлении университетов.

Всю классификацию по видам источников принято еще дифференцировать на исторические периоды:

- Дореволюционный (до 1917 г.);
- Советский (1917-1991 гг.);
- Современный (1991 – настоящее время).

Данная характеристика имеет актуальность при написании историографических работ, поскольку позволяет проанализировать подходы ученых к изучению исторических проблем, как на взгляды ученых влияла цензура, под влиянием каких научных, политических и общественных факторов, в разные исторические периоды Российской империи, СССР и современной России, были опубликованы их работы.

Заключение. Таким образом, в работе были проанализированы и классифицированы основные виды исторических источников, а также дана классификация по историческим периодам. Стоит отметить, что ни один из видов источников не имеет преимущества над другим, каждый из них имеет свою научную ценность и значимость. Они в одинаковой степени тождественны в исследовании становления высшего образования на территории Саратовской губернии 1861- 1917 гг.

Список литературы

1. Георгиева Н.Г. Классификация и полифункциональность исторических источников // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2016. – Т. 15. – № 1. – С. 7-19.
2. «Одобренный Государственным Советом и Государственною Думою Закон об учреждении университета в городе Саратов». – URL: https://www.sgu.ru/news/2024/115-let-nazad-nikolay-ii-podpisal-zakon-ob-uchrezhdenii-i-otkrytii-saratovskogo (дата обращения: 06.10.2026).
3. «Решение Главной Дирекции Императорского Русского Музыкального Общества». – URL: https://sarounb.ru/services/calendar/detail/3806/ (дата обращения: 06.10.2026).
4. ГАСО Ф. 255. Оп. 1 Д. 3. – «Решение Главного Управления Землеустройства и Земледелия об утверждении Положения высших сельскохозяйственных курсов и разрешении открытии курсов».
5. ГАСО. Ф. 3, 28, 255, 393.
6. Волков М.Ф. История учреждения Саратовского университета и Саратовская городская дума. 1 декабря 1906 г. – 6 декабря 1909 г.: Воспоминания и заметки / Министерство культуры Саратовской области, Саратовский областной музей краеведения. – Саратов: «Новый ветер», 2015. – С. 232.

УДК 94(470.345):378

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ И ШЕФСКИЕ ПРАКТИКИ СТУДЕНЧЕСКИХ СТРОИТЕЛЬНЫХ ОТРЯДОВ МОРДОВСКОЙ АССР В 1970 ГОДУ

Бикчурин Д.Р. ORCID: 0009-0007-8345-0961
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», г. Саранск, РФ
bd@fh-club.ru

Введение. Сведения о школьном шефстве студентов ставят вопрос о том, когда педагогическая работа получила самостоятельное организационное оформление. Цель статьи — охарактеризовать педагогические и шефские практики студенческих строительных отрядов (ССО) Мордовской АССР в 1970 г. и определить, свидетельствуют ли они о появлении самостоятельных студенческих педагогических отрядов (СПО). В основе исследования — опубликованное постановление расширенного заседания бюро Мордовского областного штаба ССО при обкоме ВЛКСМ от 3 сентября 1970 г. об итогах работы отрядов «Малой целины – 70» [1, с. 194–197].

Основная часть. К 1970 г. отрядное движение республики объединяло многочисленные студенческие коллективы. По данным В. С. Лунина, к 5 июня в объединённый ССО Мордовского университета входили 38 строительных отрядов численностью около 1,5 тыс. человек [2, с. 35]. Речь идёт о составе университетского объединения. В постановлении об итогах «Малой целины — 70» областной штаб оценивал как производственные результаты, так и общественную работу студентов.

Помощь школам была связана с комсомольской двухлеткой «Комсомол – сельской школе». Студенты участвовали в строительстве трёх школ и ремонте 29 сельских школ; ремонтные работы велись на общественных началах [1, с. 195]. Строительство и ремонт связывали производственную работу ССО с поддержкой материальной базы образования.

Связь со школой продолжалась и в работе с её выпускниками. Для поступающих в высшие и средние специальные учебные заведения организовали 32 консультационных пункта [1, с. 195]. Здесь помощь адресовалась уже самим выпускникам, готовившимся продолжить образование. Именно эта практика ближе всего к педагогическому и профориентационному направлению в рассматриваемом документе.

В той же части постановления приведены итоги просветительской и культурно-массовой работы: 108 лекций, 97 концертов художественной самодеятельности, десятки спортивных соревнований, праздников и вечеров отдыха [1, с. 195]. Перечисление этих мероприятий рядом со строительными показателями отражает представление штаба о задачах

отряда. Для оценки его работы имели значение и помощь образовательным учреждениям, и участие в общественной жизни.

За общими показателями видна деятельность конкретного коллектива — университетского отряда «Электрон». Его участники, помимо строительных работ, прочитали восемь лекций и организовали десять выступлений художественной самодеятельности. При отряде работал консультационный пункт для поступающих. Студенты также отремонтировали местную школу на общественных началах [1, с. 194–195]. Все эти занятия отнесены в постановлении к одному строительному коллективу.

Школьное шефство охватывало разные виды деятельности: от строительных работ до помощи выпускникам. Лекции, спортивные соревнования и вечера отдыха выходили за рамки собственно школьной работы, причём состав их участников в постановлении не уточняется. Поэтому применительно к этому документу корректнее говорить о сочетании шефской, просветительской и профориентационной деятельности ССО.

Сведения о числе консультационных пунктов, лекций и концертов вошли и в исследование В. С. Лунина, который ссылается на ту же страницу сборника [2, с. 36]. Повторение этих цифр в исследовании не добавляет независимого свидетельства. Само постановление передаёт оценку руководящего органа, а количество мероприятий не измеряет воспитательного эффекта. Содержание консультаций, число посетителей и результаты поступления в нём не раскрыты. Эти вопросы, как и объём выполненных студентами строительных работ, предстоит уточнить по отчётам отрядов и документам школ.

Вопрос об организационной специализации возникает при сопоставлении этого материала с исследованиями истории СПО. П. А. Смирнов выделяет среди сценариев их возникновения формирование педагогических коллективов внутри строительного движения, в том числе в связи с лагерями-спутниками [3, с. 104–105]. В юбилейной истории Мордовского университета также упоминаются лагеря-спутники, а развитие педагогических отрядов отнесено к 1970-м гг. [4, с. 103, 105]. В совокупности эти сведения позволяют поставить вопрос о времени организационного выделения педагогического направления в Мордовии. Ретроспективное указание на развитие педагогических отрядов в 1970-е гг. не связывает этот процесс непосредственно с 1970 г. Установить более точную дату можно лишь по документам о создании, комплектовании и руководстве конкретных педагогических коллективов.

Историю отдельного СПО можно восстановить по решению о его создании, сведениям о комплектовании, составе и руководстве, а также по документам, закреплявшим педагогическую задачу и собственную отчётность. Для изучения преемственности важно установить, сохранялись

ли участники и руководство при переходе от строительной работы к педагогической. Рассмотренные страницы постановления таких сведений не содержат. Связь конкретного ССО с позднейшим педагогическим отрядом остаётся исследовательским вопросом.

Заключение. Постановление от 3 сентября 1970 г. показывает, что студенты строительных отрядов Мордовской АССР помогали школам, консультировали выпускников и занимались просветительской работой. Эти занятия входили в круг общественных задач ССО наряду с производственной деятельностью. Накопление такого опыта можно рассматривать как одну из предпосылок дальнейшего выделения педагогического направления. Самостоятельный СПО предполагает уже собственное организационное оформление, и датировать его появление 1970 г. на основании изученного материала преждевременно. Поэтому точная датировка появления самостоятельных СПО в Мордовии требует обращения к решениям об их создании, документам о составе, руководстве и закреплённой педагогической деятельности.

Список литературы

1. Комсомол Мордовии в документах и материалах: 1918–1991 гг. / Н. М. Арсентьев, Г. И. Григорьева, Н. Н. Терешина [и др.]; под редакцией Н. М. Арсентьева. – Саранск: Издательский центр «ИнСтИтут», 2018. – 288 с.
2. Лунин, В. С. Становление движения студенческих строительных отрядов в Мордовии (1966–1970 гг.) / В. С. Лунин // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2020. – Т. 20, № 1. – С. 18–40. – DOI 10.15507/2078-9823.049.020.202001.018-040.
3. Смирнов, П. А. Ты помнишь, как всё начиналось? История первых студенческих педотрядов / П. А. Смирнов // Вестник МГПУ. Серия «Педагогика и психология». – 2016. – № 3 (37). – С. 101–108.
4. Мордовский государственный университет. 75 лет / составители: Н. М. Арсентьев, И. В. Бахлов, Э. Д. Богатырев [и др.]; под общей редакцией Н. П. Макаркина. – Саранск: Издательство Мордовского университета; Калининград: ФолиАнт, 2006. – 365 с.

УДК 94(47).05

ВОЕННАЯ РЕФОРМА ПЕТРА I: ГЛАВНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И ИХ РОЛЬ В УКРЕПЛЕНИИ ГОСУДАРСТВА

Воробьева В.В., ORCID 0000-0001-9295-8758
ФГКВОУ ВО «Военный ордена Жукова университет радиоэлектроники»,
г. Череповец, Вологодская обл., РФ
v1l9a9d8a@yandex.ru

Введение. Вклад Петра I в становление Российского государства трудно преувеличить. Проведенные им реформы задали вектор развития страны на стыке XVII–XVIII вв. Военная система стала одним из приоритетных направлений масштабных преобразований. Целью военной реформы было превращение России в сильную военную державу, способную на равных противостоять ведущим европейским державам. Реформа вышла за рамки технической и организационной модернизации, она обеспечила устойчивое наращивание военного потенциала, укрепив его позиции на международной арене.

Цель работы – рассмотреть основные направления военной реформы Петра I, а также показать, как они способствовали укреплению обороноспособности страны, эволюции государственных институтов и укреплению международного авторитета России.

Основная часть. Активная внешняя политика Петра I в конце XVII - начале XVIII в. потребовала серьезной модернизации вооруженных сил. Катализатором масштабных преобразований послужили неудачи в Азовских походах 1695-1696 гг. Стало очевидно, что военная система, с опорой на дворянское ополчение, стрелецкие части и «полки нового строя» изжила себя и не может решать задачи, которые ставит современная война.

Петру I было ясно, что для победы в затяжной войне со Швецией необходима армия иного образца, - регулярная, профессиональная и подчиненная единому центру управления.

Великое посольство 1697-1698 гг. стало еще одним фактором, подтолкнувшим к осознанию необходимости реформ. В ходе заграничных поездок Петр I, знакомясь с военным устройством европейских держав, увидел масштаб отставания России, это служило веским аргументом в пользу коренной реорганизации военной системы [4, с.135-136].

Главной задачей первого этапа военной реформы было создание регулярного военно-морского флота. Постановление «Морским судам быть…», принятое Боярской думой 20 октября 1696 г. положило начало масштабной государственной программе кораблестроения [1, с.32].

Начало Азовскому флоту было положено в 1696 г. За сравнительно короткий период во время Северной войны был развернут Балтийский флот, ставший одним из решающих факторов победы над Швецией. К

концу правления Петра I балтийская эскадра насчитывала десятки крупных кораблей и сотни гребных судов, это позволило России надежно закрепиться на Балтике и утвердится в статусе морской державы.

В рамках второго этапа преобразований военной системы проведена кардинальная перестройка организационной структуры армии. В основу реорганизации легла рекрутская повинность. Начиная с 1705 г. регулярные войска комплектовали за счет призыва рекрутов из податных слоев населения. При этом срок службы оставался пожизненным. Благодаря этой мере удалось создать многочисленную постоянную армию [7, с.64].

Ключевым направлением третьего этапа военной реформы стало выстраивание эффективной системы военного управления и создание системы профессионального военного образования. В 1718 г. на смену разрозненных приказов пришла Военная коллегия - для управления армией и Адмиралтейств-коллегия - для руководства флотом. Армия получила четкое деление на дивизии, бригады и полки, а флот - на отряды и эскадры. Такая унификация заметно улучшила взаимодействие подразделений, и упростила решение задач по снабжению, комплектованию и боевой подготовке.

Нормативной основой военных преобразований стал «Устав Воинский» (1716 г.), установивший единые принципы организации армии и порядок несения службы. Важным шагом в укреплении нормативной основы флота стало утверждение в 1720 г. первого Морского устава, закрепившего единые правила организации и работы флота [6, с.165].

В 1722 г. в рамках преобразований Петра I была утверждена «Табель о рангах». Документ упорядочил служебную лестницу, сделав ее единой для армии и гражданских ведомств. Система включала 14 рангов и закрепила новый принцип продвижения по службе: решающим фактором стали не родовитость и происхождение, а заслуги перед государством [5, с.41-42].

Параллельно с формированием регулярной армии развивалась система подготовки военных кадров. В 1701 г. начала работу Школа математических и навигацких наук, в 1715 г. в Санкт-Петербурге открыты Морская академия и военная школа при бомбардирской роте. Развивается сеть учебных заведений для целевой подготовки специалистов. Так появились артиллерийские, инженерные и навигационные школы [2].

Преобразования армии при Петре I не сводились к реорганизации войск: они послужили мощным катализатором модернизации России и ее интеграции в европейское политическое и культурное пространство. Рекрутская система, несмотря на широкое недовольство, послужила импульсом для развития системы образования: активно открывались школы и училища для системной подготовки военных кадров, а из офицерского корпуса постепенно сформировалась культурная элита, которую отличали не только строгая дисциплина, но и высокий

образовательный уровень. Модернизация вооружения и тактики, реорганизация системы командования и комплектования позволили значительно нарастить боевую мощь армии. Реформа способствовала укреплению вертикали власти - армия стала надежным проводником государственной политики, а принципы руководства со временем стали образцом для всей управленческой системы России [3, с.23-27].

Заключение. Военная реформа Петра I определила базовые контуры военной системы, принципы которой не только сохранились, но и получили дальнейшее развитие на протяжении всей истории Российской империи. Преобразования Петра I привели не только к созданию регулярной армии и флота. Не менее важным итогом стало формирование системы военного управления и создание законодательной базы, на основе которых вооруженные силы функционировали в течение долгих столетий. Реформа послужила опорой для роста международного авторитета России и по праву считается одним из важнейших достижений эпохи Петра I.

Список литературы

1. Буганов, В. И. Петр Великий и его время / В. И. Буганов. – М.: Наука, 1989. – 192 с. – ISBN 5-02-009471-4.
2. Гребенкин, А. Н. Военно-учебные заведения в России в начале XVIII в. / А.Н. Гребенкин // Современные исследования социальных проблем. – 2012. – № 10 (18). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voenno-uchebnye-zavedeniya-v-rossii-v-nachale-xviii-v?ysclid=mudx7nnz3u593230413 (дата обращения: 23.09.2026).
3. Завражин, А. В. Влияние петровских преобразований на развитие России и укрепление ее вооруженных сил / А. В. Завражин // Военно-исторический журнал. – 2007. – № 6. – С. 23-27.
4. Кутищев, А. В. Армия Петра Великого: европейский аналог или отечественная самобытность / А. В. Кутищев. – М.: Компания Спутник+, 2006. – 408 с. – ISBN 5-364-00291-8.
5. Львов, А. В. Табель о рангах 1722 года и эволюция чинопроизводства в XVIII веке / А. В. Львов // Вестник МГПУ. – 2022. – № 3 (47). – С. 40-51. – DOI: 10.25688/2076-9113.2022.47.3.04.
6. Мартынов, В. Ф. Развитие военно-дисциплинарного законодательства в период правления Петра I / В. Ф. Мартынов // Власть. – 2012. – № 12. – С. 163-166.
7. Шишов, А. В. Военные реформы Петра Великого в ходе Северной войны 1700-1721 гг. / А. В. Шишов // Перспективы. Электронный журнал. – 2021. – № 4. – С. 63-70. – DOI 10.32726/2411-3417-2021-4-63-70.

УДК 613.95:323.2(479.6Донбасс)«192»

СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ УЧРЕЖДЕНИЙ ПО ОХРАНЕ ЗДОРОВЬЯ МАТЕРИ И РЕБЕНКА НА ДОНБАССЕ В 1920-Е ГОДЫ

Гаврыш О.В., канд. ист. наук, доц., ORCID 0009-0000-8503-387X
ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет»,
г. Луганск, РФ
vodolashka@mail.ru

Введение. Для успешного реформирования российского здравоохранения, особенно в сфере охраны материнства и детства, необходим анализ предшествующего опыта. Изучение советских практик 1920-х годов, в частности регионального опыта Донбасса, представляет ценный ресурс для выявления положительных и отрицательных аспектов, способствующих оптимизации текущих реформ.

Цель исследования заключается в изучении процесса создания и развития системы учреждений по охране здоровья матери и ребенка на Донбассе в 1920-е годы.

Основная часть. В 1920-е годы главной задачей советской власти стало обеспечение здоровья населения, особенно детей. Государственная политика в сфере охраны материнства и детства реализовывалась через создание и развитие сети специализированных учреждений по охране здоровья матери и ребенка.

Первое, на что стоит обратить внимание, это разработка законодательной и нормативной базы. Начиная с момента становления советской власти актуализировался вопрос о пересмотре и адаптации законодательной базы, с целью её совершенствования и приведения в соответствие с требованиями времени. Поэтому уже с начала 1920-х годов принимается ряд общегосударственных декретов в указанной сфере: Декрет СНК от 18 ноября 1920 г. «Об охране здоровья женщин», Декрет СНК от 8 февраля 1921 года «Об обеспечении продовольствием и предметами широкого потребления лечебных учреждений, учреждений по охране материнства и младенчества, школ и детских учреждений» и многие другие [6].

Для решения поставленных советским руководством задач на местах стала формироваться и развиваться система учреждений по охране здоровья матери и ребенка. На Донбассе к середине 1920-х гг. эта система была сформирована и четко структурирована. Государственная организация охраны здоровья матери и ребенка структурно включала в себя: административный аппарат (подотделы Наркома охраны здоровья, губернские и уездные детские врачи), собственно дошкольный надзор,

медико-санитарные организации детских домов и ряд вспомогательных учреждений (детские амбулатории, поликлиники, врачебно-педагогические консультации, детские диспансеры и другое). При этом для согласования работы органов народного образования и народного здравоохранения с 1921 г. в регионах создавались секции по охране здоровья детей «Адовздравдеты» [2, л. 7.]

Сама сеть учреждений для матери и ребенка включала учреждения открытого (консультации, ясли, молочные кухни, детские сады и т.д.) и закрытого (дома матери и ребенка, приюты и т.д.) типа. Стоит отметить положительную динамику количественных показателей в этой сфере. Согласно отчету Комфракции Луганского окружного исполкома в 1926 г. через детские консультации прошло 55.000 детей и 19155 беременных женщин. По сравнению с предыдущим годом в медицинские учреждения обратилось на 55% больше детей и на 78% – беременных женщин [4, л. 15.]. В то же время, большинство из учреждений находились в помещениях, практически не приспособленных к осуществлению деятельности. Так, отмечая увеличение показателей работы Сталинской детской поликлиники в 1928 г., комиссия пишет в отчете о полной непригодности ее здания и необходимости закрытия [1, л. 64].

В исследуемый период также возникают специальные медицинские учреждения для детей с особенностями развития здоровья. В 1923 г. среди учреждений охраны материнства и детства уже числится две больницы для больного ребенка [3, л. 70]. По своей сути, эти учреждения представляли собой стационары, предназначенные для детей, нуждавшихся в интенсивном лечении, тщательном медицинском наблюдении или длительной реабилитации. Стоит отметить, что подобных учреждений в Донбассе до этого не было. Поэтому, безусловно, это стало прогрессивным шагом в процессе формирования системы охраны здоровья матери и ребенка в регионе.

Охват всех нуждающихся в оздоровлении матерей и детей оставался неполным. Одним из путей решения данной проблемы стало периодическое проведение месячников оздоровительной кампании детей, план которых разрабатывался Окринспектурой Охраны здоровья. Например, правление общества «Друг Детей» в Луганске с 25 апреля по 25 мая 1929 г. ассигновало средства на проведение указанной оздоровительной кампании из суммы, собранной во время проведения месячника по борьбе с беспризорностью [5, л. 22].

Таким образом, 1920-е годы стали периодом становления системы охраны материнства и детства на Донбассе. Благодаря государственной политике, сеть специализированных учреждений расширилась, Внедрение новых форм помощи, таких как консультации, ясли, молочные кухни, дома матери и ребенка, а также уникальные для региона больницы для детей с особенностями развития, демонстрировало прогрессивный характер

советских начинаний. Несмотря на позитивную динамику количественных показателей и стремление к комплексному охвату, региональный опыт также выявил существенные сложности: неполный охват нуждающихся, проблемы с неприспособленностью помещений и необходимость мобилизации дополнительных ресурсов через оздоровительные кампании. Тем не менее, к середине 1920-х годов была заложена прочная основа для дальнейшего развития системы медицинской помощи матерям и детям, которая стала важным этапом в становлении советского здравоохранения.

Список литературы

1. Госархив ДНР. – Ф. Р-288. – Оп.1. – Д. 35. – Л. 64.
2. Госархив ЛНР. – Ф. П-34. – Оп.1. – Д. 116. – Л. 7.
3. Госархив ЛНР. – Ф. Р-589. – Оп.1. – Д. 118. – Л. 70.
4. Госархив ЛНР. – Ф. Р-589. – Оп.1. – Д. 346. – Л. 15.
5. Госархив ЛНР. – Ф. Р-626. – Оп.1. – Д. 362. – Л. 22.
6. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1921 г. – М., 1944. – URL: https://istmat.org/node/45727 (дата обращения: 28.09.2026)

УДК 94 (470.57)

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ БАШКИРСКОЙ АССР В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ганиев А.И., ORCID 0009-0006-6776-7558,
Бурангулов Б.В., д-р ист. наук, проф., ORCID 0000-0001-8595-7220
ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», г. Уфа, РФ
aidarganiev2205@gmail.com, bajras-burangulov@yandex.ru

Начальный период Великой Отечественной войны стал временем жестоких испытаний для всей государственной системы СССР, включая архивную службу. В этих экстремальных условиях Центральный государственный архив Башкирской АССР превратился не только в хранилище региональной истории, но и в один из важнейших эвакуационных пунктов для союзных и республиканских ведомств.

Архивная служба в БАССР имеет интересную историю и берет свое начало в городе Стерлитамаке, где существовал архив БАССР. Он был учрежден по инициативе руководителя Башревкома А.-З. Валидова 18 марта 1920 г. [1, с. 36]. Наряду с ним существовал Уфимский губернский архив, располагавшийся в Уфимской губернии. 27 сентября 1920 г. Совет Народных Комиссаров Башкирской АССР постановил создать Управление архивным делом (Башархив) при Башнаркомпросе [1, с. 36]. Уже в августе 1922 года, в связи с упразднением Уфимской губернии и вхождением ее в

состав БАССР, Уфимское отделение Главархива и Управление архивным делом БАССР были объединены. После чего архив стал именоваться Башкирским центральным архивом при БашЦИКе. В 1928 г. БашЦИК утвердил «Положение об Архивном управлении Башкирской АССР». Заведование государственным архивным фондом и руководство архивным делом на территории республики возлагалось на Центральное архивное управление БАССР. Оно являлось органом подотчетным ЦИК БАССР [1, с. 40].

Постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 16 апреля 1938 г. Народному комиссариату внутренних дел (НКВД) СССР передано Центральное архивное управление (ЦАУ). Согласно документу, государственные архивы – республиканские, краевые, областные, окружные – должны были подчиняться соответственно народным комиссарам республик, начальникам управлений НКВД краев и областей, руководителям окружных отделов НКВД; районные архивы – начальникам районных отделов (отделений) НКВД. В сентябре этого же года ЦАУ СССР переименовали в Главное архивное управление (ГАУ) НКВД СССР. Президиум Верховного Совета Башкирской АССР 8 сентября 1938 г. принимает постановление о передаче Центрального архивного управления (ЦАУ) Башкирской АССР в ведение НКВД республики [2, с. 77].

Уже 31 июля 1941 г. Приказом НКВД СССР Главное архивное управление стало Управлением государственными архивами (УГА) НКВД СССР, а местный отдел - Отделом государственных архивов НКВД БАССР. Одновременно в августе 1941 года изменилась структура центральных госархивов автономных республик.

С первых дней Великой Отечественной войны из прифронтовой полосы СССР активно эвакуировали не только промышленные предприятия, госучреждения, гражданское население, но и ценнейшие государственные архивы. Так, 5 июля 1941 года Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) издали совершенно секретное постановление «Об эвакуации архивов» [6, л. 197 - 198]. Согласно первой части этого документа, подготовленного ведомством на Лубянке, в Уфу предписывалось срочно вывезти ключевые фонды страны: архивы самого Совнаркома, бывшего Комитета Обороны, ЦК ВКП(б), ЦК ВЛКСМ, Комитета партийного контроля, Исполкома Коминтерна, ИМЭЛ и Наркомата госбезопасности СССР.

Не мало важно отметить, что с началом войны Уфа превратилась в один из надежнейших тыловых центров для ценнейших государственных документов, чему свидетельствует постановление СНК СССР № 1844-832сс от 10.07.1941г. «…Обязать Совнарком и Обком ВКП/б/Башкирской АССР предоставить помещение для размещения архива и ценностей Президиума Верховного Совета СССР» [6, л. 197 - 198]. Республиканское партийное руководство под руководством И. С. Аношина оперативно

выполнило директивы союзного центра по спасению секретных фондов. Вопросы логистики и безопасности вывезенных документов рассматривались на заседаниях бюро дважды за полтора месяца

По состоянию на 1 декабря 1942 г. на хранении в первом отделе находилось 1138 фондов, в которых насчитывалось 399002 единицы хранения, а во втором отделе – 336 фондов с 44927 делами. Центральный архив республики имел научно-справочную библиотеку с 25000 томами литературы. Перед войной в библиотеку поступило еще 5000 книг.

Нехватка кадров в начальный период и в последующие годы Великой Отечественной войны сказывалась и на работе архива. Так, в связи с мобилизацией и добровольным уходом на фронт к 29 июля 1941 года в Башцентрархиве работали 9 женщин и 3 мужчин. Основная тяжесть работы в годы войны легла на плечи женщин-архивисток, которые вручную перетаскивали тяжелые связки, коробки, кули и тюки с документами, а также пытались рассортировать прибывшие россыпью эвакуированные архивные материалы [1, с. 108-109].

26 мая 1942 г. два научных сотрудника ЦГА БАССР по распоряжению Управления государственными архивами (УГА) НКВД РСФСР были откомандированы в Москву. Кроме того, в аппарат НКВД БАССР были переведены два научно-технических работника. В апреле, в связи с уходом в РККА, был уволен начальник ЦГА Мосягин. Его место временно замещал научный сотрудник У. З. Салимов. В 1942 г. по собственному желанию ушли на фронт еще три архивно-технических сотрудника [1, с. 109-110].

ЦГА БАССР в годы Великой Отечественной войны продолжал выполнять запросы учреждений и частных лиц по различным вопросам.
За 1942 г. по запросам было подготовлено 88 справок социально-правового и тематического характера [1, с. 110]. Не прекращал работу читальный зал архива, хотя заметно уменьшилось количество исследователей.

Таким образом, исторический период ЦГИА РБ в годы Великой Отечественной войны является неотъемлемой частью как истории республиканской архивной службы, так и истории региона в целом. Данный этап можно охарактеризовать как сложное время, которое несмотря на то, что боевые действия не проходили на территории Башкортостана, оставило свой отпечаток: отправка всех необходимых ресурсов на нужды фронта, нехватка кадров и специалистов, плохое финансирование. Однако, несмотря на перечисленные факторы, архив продолжал свою работу, пусть и не полным составом. Своевременно выполнялись запросы учреждений и частных лиц. Важно отметить, что в период Великой Отечественной войны функционировал читальный зал ЦГА БАССР, что позволяло исследователям не прерывать свою научную и исследовательскую деятельность.

Список литературы

1. Бурангулов, Б.В. История государственной архивной службы Башкортостана (1919–1990 гг.): монография – Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. – 326 с.
2. Бурангулов, Б.В. Управление региональным архивным делом на Южном Урале (1919-1991гг.): монография – Уфа: Книга -принт, 2023. – 168 с.
3. Бурангулов, Б.В., Бурангулова, З.Ю. Региональные государственные архивы в условиях советской административно-командной системы управления: историография проблемы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5, История: Информационно-аналитический журнал. – 2025. – № 2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnye-gosudarstvennye-arhivy-v-usloviyah-sovetskoy-administrativno-komandnoy-sistemy-upravleniya-istoriografiya-problemy.
4. Хорхордина, Т.И. История архивов и архивного дела в России: учебник для вузов – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 626 с. Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://urait.ru/bcode/568258
5. Хорхордина, Т.И. История отечества и архивы, 1917 - 1980-е гг. – М.: Изд-во РГГУ, 1994. – 360 с.
6. Журнал «Известия ЦК КПСС», 1990, № 7. Постановление СНК СССР № 1844-832сс 10.07.1941г. «Об эвакуации архивов и ценностей Президиума Верховного совета СССР».

УДК 930.2

РЕЗУЛЬТАТЫ РЕАЛИЗАЦИИ СТОЛЫПИНСКИХ РЕФОРМ В РЕГИОНАХ ПОВОЛЖЬЯ

Гибадуллин М.З., канд. экон. наук, доц., ORCID 0000-0001-6334-5012
ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева – КАИ», г. Казань, РФ.
m.z.gibadullin73@mail.ru

Введение. В начале XX века Россия, несмотря на определенный прогресс в промышленной модернизации, оставалась аграрно-индустриальной страной. В то же время в сфере аграрных отношений сформировался самый острый клубок противоречий.

Цель исследования. В рамках статьи автор ставили перед собой задачу рассмотреть влияние столыпинских реформ на состояние аграрного сектора экономики периферийных регионов империи.

Основная часть. Поволжские губернии относились к числу типичных аграрных регионов страны с отдельными элементами индустриализации в промышленности. Но и эта ведущая отрасль хозяйства региона отличалась низким потенциалом экономического роста. Решить устаревшие аграрные проблемы должна была реформа землевладения и

землепользования, за проведение которой со всей решительностью и непоколебимостью взялся Петр Аркадьевич Столыпин.

В российской исторической науке не сложилось единодушия в вопросе о целях столыпинских реформ. Ряд исследователей считает таковой ликвидацию общины как архаичного института, сдерживавшего развитие капитализма как в самой деревне, так и в городе [1, с. 79]. Другая точка зрения состоит в том, что целью реформ было постепенное формирование слоя зажиточных хозяйств [2, с. 131], широкого слоя крестьян-собственников [3]. Современные исследователи обращают внимание на результаты столыпинских реформ [4, 5, 6].

По мнению автора, реформа имела стратегическую цель – ускорение капиталистического развития Российской империи и создание условий для роста национальной промышленности. Достижение этой цели обеспечивалось решением ряда тактических задач. К их числу относились: пролетаризация широких слоев крестьянства, формирование рынка рабочей силы, перераспределение фонда надельных земель в пользу крепких сельских хозяйств; лишение общины возможности перекраивать и перераспределять земельный фонд; постепенное формирование рыночного механизма перераспределения земельных ресурсов, при котором земля концентрируется в руках «крепких хозяйственников»; создание слоя эффективных землепользователей, которые смогут обеспечить как экспортные, так и внутренние потребности страны в продовольственном зерне; решение проблемы малоземелья путем территориального перераспределения фонда рабочей силы между центральными, густонаселёнными губерниями и окраинными, малонаселёнными губерниями (к их числу относились Сибирь, Казахстан, Заволжье) и другие.

Главное острие реформаторских инициатив П. А. Столыпина было направлено на новации в аграрной сфере. Поэтому итоги реформ правильнее всего связать с тем, удалось ли властям решить задачу перераспределения земельного фонда в интересах крепких хозяйств или нет. Для ответа на этот вопрос можно использовать коэффициент локализации земельного фонда. Он показывает степень сконцентрированности земельных ресурсов по той или иной категории землевладения и рассчитывается путем деления доли земельного фонда, переведенного в определенную категорию землевладения по региону, на долю земельного фонда, переведенного в такую же категорию землевладения по стране. Если этот показатель больше 1,0, то можно говорить о преобладающем значении данной формы землевладения в регионе; если меньше 1,0, то данная категория землевладения не стала в регионе преобладающей.

Наибольший интерес представляет показатель сконцентрированности для земель, предназначенных к переводу в категорию «земли единоличного владения», то есть передававшихся

«крепким хозяйственникам», которые и должны были сформировать костяк новой деревни. Степень локализации земельного фонда по итогам утвержденных ходатайств о межевании для четырех поволжских губерний представлена в таблице.

Из таблицы следует, что в результате реформ перевод земельного фонда в категорию «земли единоличного владения» имел успех только в Самарской и Саратовской губерниях. В Симбирской и Казанской губерниях такого перераспределения земельных ресурсов добиться не удалось (причины в данном случае предметом рассмотрения не являются). Таблица также демонстрирует, что по итогам реформы средний размер единоличного владения в Казанской и Симбирской губерниях оказался намного меньше, чем в губерниях, в которых реформа носила более радикальный характер. При этом, как явствует из данных таблицы, структурная перестройка земельного фонда и укрупнение крестьянских хозяйств не означали резкого повышения продуктивности сельскохозяйственного производства. Урожай основных зерновых культур (ржи и пшеницы) в поволжских губерниях был примерно одинаковым, кроме Саратовской губернии, где он оказался ниже, чем, например, в Казанской губернии, в которой, как мы установили выше, реформа землевладения пробуксовывала.

Таблица

Показатель сконцентрированности земельного фонда, переданного в единоличное владение, по губерниям Поволжья за период с 1907 по 1913 гг. (к 01.01.1914 г.) [7, с. 28-29, 40-43; 8, с.62].

Губерния	Показатель сконцентрированности земельного фонда	Средний размер земельного надела, переданного в единоличное владение	Средний урожай ржи/пшеницы на крестьянских землях (1905-1914 гг.) по данным ЦСК, пуд. с дес.
Казанская	0,37	7,2	42,0/47,6
Самарская	1,53	23,6	42,7/35,7
Саратовская	1,25	12,4	30,5/36,1
Симбирская	0,89	7,29	42,1/46,2
По 47 губерниям Европейской России	–	9,8	42,0/47,1

Заключение. Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

Во-первых, столыпинская аграрная реформа проходила очень неравномерно, асинхронно. В одних губерниях она продвигалась успешнее, чем в соседних, находившихся с ними в одной экономической зоне.

Во-вторых, к началу Первой мировой войны столыпинская аграрная реформа в территориальных границах Российской империи окончательно не завершилась.

В-третьих, изменение статуса землевладения и землепользования не оказало существенного влияния на продуктивность и устойчивость российского сельского хозяйства. Высокой оставалась зависимость отечественного сельхозпроизводителя от факторов природной среды.

Список литературы

1. Зырянов, П. Н. Крестьянская община Европейской России, 1907 - 1914 гг. / П. Н. Зырянов; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – Москва : Наука, 1992. – 256 с.
2. Тюкавкин, В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа / В. Г. Тюкавкин – Москва : Памятники ист. мысли, 2001. – 302, [2] с.
3. Ковальченко, И. Столыпинская аграрная реформа (мифы и реальность) / И. Ковальченко // Скепсис: электронный журнал. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://scepsis.net/library/id_2207.html
4. Белых, А. А. Экономические реформы в России: вопросы теории и практика XIX - начала XX в. / А. А. Белых, В. А. Мау // Вопросы экономики. – 2020. – N. 1. – С. 18–46.
5. Мухамедов, Р. А. П. А. Столыпин и реализация его аграрной политики в деревне Симбирского Заволжья Самарской губернии (1906–1916 гг.) / Р. А. Мухамедов, Д. А. Субботин // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». – 2021. – Т. 7. - № 1. – С. 30–36.
6. Давыдов, М. А. Теорема Столыпина / М. А. Давыдов – Санкт - Петербург : Алетейя, 2022. – 838 с.
7. Отчетные сведения о деятельности землеустроительных комиссий на 1 января 1914 года / Главное управление землеустройства и земледелия. Департамент государственных земельных имуществ. – Петроград, 1914. –34, 109 с.
8. Статистический ежегодник. Вып. 2. – Труды Центрального статистического управления. – Москва, 1922. – XVIII, 377 с.

УДК 37.012.2

ОСОБЕННОСТИ СОВЕТСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ДОВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Голота В.А.*, *Навка И.А., канд. ист. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова», г. Горловка, ДНР, РФ
v.golota13@bk.ru

Советская образовательная политика довоенного периода представляла собой сложный и противоречивый процесс. Этот период стал временем формирования фундаментальной модели образования, которая в своих основных чертах просуществовала вплоть до распада СССР.

Образование рассматривалось как мощнейший инструмент трансформации общества. Политика в этой области была неразрывно связана с решением задач культурной революции, ликвидации неграмотности и построения социалистической экономики.

Цель – изучение и систематизация ключевых особенностей советской образовательной политики в довоенный период, а также выявление её роли в подготовке кадров и идеологическом воспитании советского общества.

В первые годы после революции образовательная система переживала радикальную ломку старой школы. В 1918 году были приняты декреты «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» (отделивший школу от церкви) и «О единой трудовой школе», положившие начало созданию светской, бесплатной и доступной системы образования. Ключевым принципом стала политехнизация: обучение должно было быть тесно связано с производительным трудом.

В 1920-е годы активно развивались экспериментальные формы обучения. Школа рассматривалась как лаборатория, где учащиеся должны были не столько получать знания, сколько учиться применять их на практике. Это было время «педагогических исканий», которые нередко приводили к снижению уровня фундаментальной подготовки.

Одновременно решалась задача ликвидации неграмотности. Были созданы школы для взрослых, пункты ликвидации безграмотности (ликбезы). В 1924 году было создано общество «Долой неграмотность». Эти кампании имели огромный социальный эффект, но сталкивались с нехваткой учителей и материальных ресурсов. В партийных документах этого периода подчеркивалась необходимость приоритетного доступа к образованию для рабочих и крестьян [2, с. 47; 4, с. 151].

С началом первой пятилетки (1928–1932) произошел резкий поворот в сторону форсированной подготовки кадров для промышленности. Основной упор был сделан на развитие системы профессионально-технического образования. Широкое распространение получили школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), которые готовили рабочих массовых профессий [1].

Параллельно развивалась система среднего специального и высшего образования. Была создана сеть техникумов и втузов, ориентированных на конкретные отрасли народного хозяйства: металлургию, машиностроение, энергетику, транспорт. В 1930 году был создан Всесоюзный совет по техническому образованию, который занимался планированием и координацией подготовки специалистов. Государство ввело жесткое планирование приема в учебные заведения.

Для обеспечения доступа рабочих и крестьян к высшему образованию были созданы рабфаки (рабочие факультеты), которые в короткие сроки готовили рабочих к поступлению в вузы. Это была

уникальная система социальных лифтов, позволившая в кратчайшие сроки создать новую техническую интеллигенцию [5, с. 14; 6, с. 32].

После постановления ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» (25 августа 1931 года) и последующих решений произошел решительный отказ от экспериментальных методов. Был провозглашен возврат к классно-урочной системе и строгой дисциплине. Эксперименты 1920-х годов привели к падению уровня знаний, что было неприемлемым. Учебные программы пересматривались: вводились обязательные предметы и единые учебники. Особое внимание уделялось гуманитарным предметам, которые должны были формировать коммунистическое мировоззрение.

В 1935–1936 годах в городах было введено обязательное семилетнее, а затем и десятилетнее обучение. В сельской местности обязательным оставалось начальное (четырехклассное) образование, однако уже в конце 1930-х годов начался переход к семилетнему обучению в деревне. Одновременно были введены государственные экзамены, единые правила приема в вузы и техникумы, восстановлены аттестаты и медали. Система стала более жесткой и бюрократизированной, но при этом она смогла обеспечить достаточно высокий уровень подготовки школьников [3, с. 221; 7, с. 112].

Таким образом, советская образовательная политика в довоенный период представляла собой сложный, многогранный и динамичный процесс. Ее отличительными особенностями являлись: идеологическая направленность, мобилизационный характер (образование было подчинено задачам государства), централизация и стандартизация, массовость и доступность. Данная политика, несмотря на внутренние противоречия позволила в короткие сроки создать систему массовой подготовки квалифицированных рабочих и специалистов, что стало одним из ключевых факторов успешного экономического развития страны.

Список литературы

1. СССР. Постановления. О всеобщем обязательном начальном обучении: постановление ЦИК СССР от 14 августа 1930 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. — М.: Известия, 1938. — Т. 1. — 640 с.
2. О политико-просветительной работе: тезисы ЦК РКП(б) // Вопросы идеологической работы: сборник документов. — М.: Госполитиздат, 1961. — С. 45–58.
3. О начальной и средней школе: постановление ЦК ВКП(б) от 25 августа 1931 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — М.: Политиздат, 1970. — Т. 5. — 512 с.
4. Балашов Е. М. Школа и культурная революция в СССР. — М.: Наука, 1980. — 289 с.
5. Зборовский Н. В. Библиотека и профессиональная школа: опыт работы в годы первых пятилеток // Библиотекарь. — 1935. — № 4. — С. 12–15.
6. Смирнов И. М. Борьба за качество комплектования библиотечных фондов в 1930-е годы // Советское библиотековедение. — 1987. — № 3. — С. 28–35.
7. Соколов А. В. Библиотеки в системе советской культуры: исторический очерк. — М.: Книга, 1991. — 214 с.

УДК 378.09–044.922(470.6Ворошиловградщина)«1945/1955»

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕТИ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ВОРОШИЛОВГРАДЩИНЫ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Дитковская С.А., канд. пед. наук, доц., ORCID 0009-0001-5172-3335
ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет»,
г. Луганск, РФ
s.ditkovskaya@yandex.ru

Введение. Более 13 месяцев Ворошиловградщина находилась под оккупацией войск нацистской Германии и её союзников. Действия захватчиков нанесли области ущерб в размере более 17 млрд руб. и привели к сокращению населения на 65 %. Послевоенное развитие экономики в условиях острой нехватки высококвалифицированных кадров, с одной стороны, и недостатка материальных ресурсов, с другой, спровоцировали изменения в структуре высших учебных заведений Ворошиловградщины.

Цель работы – проследить трансформацию сети высших учебных заведений Ворошиловградской области в послевоенные годы.

Основная часть. После освобождения Ворошиловградщины от немецко-фашистских захватчиков (1943 г.) началось интенсивное восстановление промышленных предприятий. В 1945 г. темпы роста валовой продукции промышленности по области, в сравнении с 1913 г., увеличились в 2,8 раза, тогда как по УССР только в 1,9 раза [1, с. 23]. С первых дней восстановления предприятия ощущали острый недостаток инженеров и техников. Например, на Ворошиловградском паровозостроительном заводе им. Октябрьской революции из 1 585 работников, занимавших в 1945 г. инженерные должности, 945 не имели профильного образования. Эта трудность была порождена войной. Многие специалисты погибли на фронтах или в гитлеровских застенках, немало кадровиков промышленности находили еще в рядах Красной Армии. Обучение же молодежи в вузах области в военное время прекратилось, т. к. Ворошиловградский вечерний машиностроительный институт, эвакуированный в город Омск, был реорганизован в Омский машиностроительный институт (1942 г.). Интересы быстрого восстановления промышленности Ворошиловградщины требовали немедленного увеличения подготовки технических кадров. По этой причине партийные, советские и хозяйственные органы области ходатайствовали в вышестоящие инстанции о возобновлении деятельности института данного профиля. В результате, на основании постановления СНК СССР № 11738 от 5 августа 1945 г. и приказа Народного комиссариата тяжелого машиностроения № 547/483 от 29 августа 1945 г. был организован Ворошиловградский вечерний филиал Харьковского

механико-машиностроительного института. В ноябре 1945 г. вуз начал работу под руководством Николая Леонидовича Кондо-Михайлова. Основной функцией филиала являлась подготовка инженерных работников для различных отраслей народного хозяйства [2, л. 6].

В феврале 1947 г. филиал был передан в ведение Московского заочного института металлопромышленности (с сентября 1950 года – Всесоюзный заочный машиностроительный институт) [3, л. 60]. Директором был утвержден Иван Тихонович Енакиев – опытный специалист машиностроения. Он много сделал для развития и совершенствования работы филиала, превращения его в стационарный вуз. Ворошиловградский вечерний филиал своих кафедр не имел и в методическом руководстве подчинялся непосредственно головному вузу. В июле 1952 г. филиал был передан в ведение Харьковского политехнического института имени В.И. Ленина.

В 1940-е годы в Ворошиловградской области и на Донбассе в целом широкое развитие получила химическая промышленность. Функционировали такие предприятия как Рубежанский химический комбинат, Донецкий содовый завод имени В.И. Ленина, расположенный в Лисичанске, там же строился азотно-туковый комбинат. Руководящие инженерно-технические кадры этих предприятий были практически полностью укомплектованы за счет выпускников Рубежанского химико-технологического института.

Однако в те годы жизнь выявила нецелесообразность существования небольших, недостаточно обеспеченных кадрами и материальной базой вузов. И, несмотря на внешние факторы, в январе 1949 г. был издан приказ Министра высшего образования СССР С.В. Кафтанова, согласно которому вышеназванный институт ликвидировался путем объединения с Харьковским химико-технологическим институтом. Причиной закрытия указывалось отсутствие докторов химических наук в штате учреждения. Местные партийные органы пытались сохранить институт и от имени секретаря Ворошиловградского обкома КП(б)У направляли письма И.В. Сталину и К.Е. Ворошилову, с просьбой принять меры по кадровому и материальному укреплению института [4, л. 2–6]. Однако ходатайства не возымели действия и Рубежанский химико-технологический институт, просуществовав 22 года, выпустив более тысячи высококвалифицированных специалистов для химической промышленности, был ликвидирован.

В начале 1950-х годов в СССР началось реформирование учительских институтов, осуществлявших подготовку педагогов 5–7 классов. Существование небольших учительских институтов, особенно при педагогических вузах, не оправдывало себя. Реформирование началось с 1952 г. Так, все учительские институты при педагогических вузах были соединены с соответствующими высшими учебными заведениями. В их

число вошёл и Ворошиловградский учительский институт, который был объединен с Ворошиловградским педагогическим институтом. Самостоятельно существовавшие учительские институты либо реорганизовывались в педагогические (ряд – в педагогические институты иностранных языков), либо ликвидировались. Под ликвидацию попадали вузы, существовавшие в условиях нехватки кадров высшей квалификации и недостаточной материальной базы, или находящиеся с педагогическими вузами в одних городах.

С 1952 г. коллектив Старобельского учительского института, обеспокоенный за судьбу вуза, неоднократно направлял письма в адрес Ворошиловградского обкома КП(б)У с предложением реорганизовать учительский институт в педагогический [5, л. 36–42]. Однако они не возымели действия и в 1954 г. Министерство просвещения УССР приняло решение о ликвидации Старобельского учительского института путем объединения со Славянским учительским институтом. Среди причин закрытия можно выделить следующие: нехватка остепененных педагогов, материально-технические проблемы, снижение количества студентов и другие. Не смотря короткий срок существования (с 1940 по 1954 гг.) Старобельский учительский институт подготовил более 1,5 тыс. специалистов и внес значительный вклад в формирование системы педагогического образования Ворошиловградской области.

Заключение. Великая Отечественная война спровоцировала изменения в сети высших учебных заведений Ворошиловградщины. По причине недостаточной кадровой и материально-технической обеспеченности с 1949 г. по 1954 гг. были закрыты Рубежанский химико-технологический, Ворошиловградский и Старобельский учительские институты. В результате, к концу V пятилетки на территории области функционировали в качестве самостоятельных вузов Ворошиловградский педагогический и Ворошиловградский сельскохозяйственный институты, и в статусе филиала – Ворошиловградский вечерний машиностроительный институт.

Список литературы

1. Народное хозяйство Ворошиловградской области [Текст] : Стат. сборник / ЦСУ УССР. Стат. упр. Ворошиловгр. обл. – Донецк : «Статистика», [Донецкое отд-ние], 1971. – 166 с.
2. Государственный архив Луганской Народной Республики (далее – ГА ЛНР). Ф. Р–759. Оп. 2. Д. 1.
3. ГА ЛНР. Там же. Д. 144.
4. ГА ЛНР. Ф. П–179. Оп. 3. Д. 1062.
5. Архив Луганского государственного педагогического университета. Ф. 1. Д. 60. 81 л.

УДК 372.893

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СОВЕТСКИХ УЧИТЕЛЕЙ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ 1945–1955-Е ГОДЫ: ПРОБЛЕМЫ ПИТАНИЯ, ЖИЛЬЯ И МАТЕРИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Дуйловская Ж.В., ORCID 0009-0002-1426-486X
БУ «Югорский политехнический колледж», г. Югорск, ХМАО-Югра, РФ
zduylovskaya@mail.ru

Введение. Первое послевоенное десятилетие стало для советского учительства временем тяжёлых испытаний. Разруха, нехватка ресурсов и курс на первоочередное восстановление промышленности поставили педагогов в ситуацию, когда наряду с профессиональными задачами им приходилось ежедневно решать бытовые проблемы. Актуальность изучения этой темы определяется потребностью осмыслить, каким образом государственная образовательная политика соотносилась с условиями жизни тех, кто её претворял в жизнь.

Цель работы — рассмотреть основные стороны повседневности советских учителей (питание, жильё, материальное обеспечение) в 1945–1955 годах.

Основная часть. Быт советского учителя в первые послевоенные годы складывался из целого комплекса трудностей, среди которых на первом месте стояло материальное обеспечение.

Продовольственное снабжение педагогов в первые послевоенные годы оказалось в крайне тяжёлом положении. В условиях действия карточной системы учителя попадали в «непроизводственную» категорию и получали продукты по остаточному принципу. Месячная норма составляла всего 9 кг муки (причём половину её заменяло пшено); мясо, жиры и сахар фактически отсутствовали. В голодные 1946–1947 годы местные торговые организации нередко отказывали педагогам в улучшении снабжения, объясняя это «отсутствием фондов» [1]. Показательным документом той поры служит коллективное обращение сельских учителей: «Кроме 9 кг муки (половина — пшено), учитель ничего не получает. Дрова не подвозят. Любому рабочему легче достать лошадь для поездки в район. Учителю приходится идти в район пешком, так как у школы нет лошади» [1].

Не лучше обстояло дело с заработной платой. В январе 1948 года государство повысило учительские ставки на 15 %, однако инфляция послевоенных лет свела эту прибавку на нет. Минимальный заработок педагога составлял 260–300 рублей, в то время как пара обуви стоила 140 рублей, а метр шерстяной ткани — 330 рублей. На селе учителя получали на 25–75 рублей меньше, чем в городе [2]. Задержки выплат вынуждали многих искать приработок или вовсе уходить из профессии. Воспоминания

сельской учительницы хорошо передают атмосферу того времени: «Большинство учителей были приезжими, жилья не было, снимали частные квартиры. Готовиться к урокам приходилось при свете лучины. Одевались в ситец и сатин, в 50-е появился штапель — стояли в очереди ночами, потом несли портному шить платье или юбку» [3].

Жилищный вопрос стоял не менее остро. Проверка партийных органов в августе 1946 года выявила, что 69 учителей Челябинска проживали на подселении или прямо в школе, ещё 54 молодых специалиста нуждались в жилплощади; одна учительница была вынуждена ютиться в бывшей конюшне [1]. В Ярославской области преподаватель физкультуры обитал в углу спортзала, отгородившись дощатой перегородкой, а плита для готовки стояла тут же, в зале [4]. В Костромской области учительница с четырьмя детьми жила в переоборудованной бане площадью 15 квадратных метров [4]. Проверка Тихменской средней школы Рыбинского района в 1947 году показала, что 15 из 19 педагогов снимали углы у местных колхозников, не имея никаких удобств, причём школе это обходилось в 15 тыс. рублей ежегодно [4]. Государство пыталось исправить ситуацию: постановление Совета Министров СССР от 10 февраля 1948 года предусматривало строительство для сельских учителей жилья с отоплением и освещением [5]. Однако планы постоянно срывались — по данным Свердловского обкома профсоюзов на 1 октября 1950 года, за три года в области было построено лишь 52 дома, то есть план выполнен только на 25,4 % [6]. Многие сельские школы располагались в переоборудованных церквях или крестьянских избах, и педагоги зачастую жили прямо в школьном здании [7]. Электричество оставалось редкостью, и вплоть до 1964 года учителя готовились к урокам при лучине [3].

Общественные обязанности педагогов далеко выходили за рамки преподавания. Учителя обязаны были присутствовать на сессиях сельсовета, заседаниях правления колхоза, собраниях колхозников, участвовать в подписке на государственный займ и вести агитационную работу [3]. Поскольку радио во многих местах отсутствовало, именно учитель информировал население о ходе восстановления народного хозяйства. Каждый педагог закреплялся за определённым населённым пунктом, бригадой или фермой [3]. Учителя активно участвовали в художественной самодеятельности: действовал хор педагогов и учеников, к каждому празднику готовились спектакли, на которые собиралась вся округа. После уроков и в выходные учителя вместе с детьми работали на колхозных полях — пололи лён, теребили его, околачивали, выгребали картофель из-под снега, собирали колоски [3]. В рабочее время педагогов вызывали в райком профсоюза или комсомола; добираться приходилось пешком за 12 километров, причём являться следовало точно к назначенному часу [3]. Личного времени почти не оставалось: учитель

ежедневно готовил 5–6 уроков, одновременно заботясь о собственной семье [3].

Заключение. Повседневность советского учителя в 1945–1955 годах определялась хронической материальной нуждой, скудным питанием и неудовлетворительными жилищными условиями. Государство, провозглашая приоритет народного образования, на практике не обеспечивало достойного уровня жизни тем, кто это образование непосредственно давал. Педагог оставался в числе самых низкооплачиваемых работников умственного труда, а его быт часто не отвечал элементарным санитарно-гигиеническим требованиям. Обращение к этой проблеме позволяет увидеть подлинную цену послевоенного восстановления и осознать, насколько разрыв между декларируемыми целями и реальностью повседневности определял самочувствие учительства в переломные годы советской истории.

Список литературы

1. Алмаев, Р. З. «Равный труд — равная оплата…»: материальное положение школьных учителей в 1940–1960-х гг. (на материалах Южного Урала) / Р. З. Алмаев. – Текст : электронный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2012. – № 2. – С. 105–119.
2. Ковригина, С. В. Повседневная жизнь сельских учителей Приангарья в послевоенные годы / С. В. Ковригина. – Текст : электронный // КиберЛенинка. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/povsednevnaya-zhizn-selskih-uchiteley-priangarya-v-poslevoennye-gody (дата обращения: 26.09.2026).
3. Белова, Н. А. Воспоминания как источник изучения повседневности советских учителей / Н. А. Белова. – Текст : электронный // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2011. – Т. 17, № 1. – С. 61–64.
4. Учительская интеллигенция и её роль в социокультурной жизни российской провинции : монография. – Текст : электронный // Национальная электронная библиотека. – URL: https://rusneb.ru/local/tools/exalead/getFiles.php?book_id=000199_000009_003320460 (дата обращения: 26.09.2026).
5. Постановление Совета Министров СССР о льготах и преимуществах для учителей начальных и семилетних школ. 10.02.1948 г. – Текст : электронный. – URL: http://xn--e1aaejmenocxq.xn--p1ai/load-document/nojs/13860 (дата обращения: 26.09.2026).
6. Состояние преподавательских кадров среднего звена Куйбышевской области в послевоенный период (1945–1965 гг.). – Текст : электронный // Вестник Самарского государственного технического университета. – URL: https://journals.ssau.ru/vestnik/article/download/210/209 (дата обращения: 26.09.2026).
7. Алмаев, Р. З. Материальное положение учителей в 1940–1960-х гг. (на материалах Южного Урала) : дис. … канд. ист. наук / Р. З. Алмаев. – Уфа, [б. г.]. – Текст : электронный // Архив виртуальной справочной службы Российской национальной библиотеки. – URL: https://vss.nlr.ru/query_info_print.php?query_ID=40959 (дата обращения: 26.09.2026).

УДК 94(47) «1941/45»

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЮЗА ОБЩЕСТВ КРАСНОГО КРЕСТА И КРАСНОГО ПОЛУМЕСЯЦА СССР В 1941–1942 ГГ.

Ердокеско Е.А., канд. ист. наук, ORCID 0009-0009-3546-1521
ФГБУН «Институт российской истории Российской академии наук», г. Москва, РФ
erdokesko@list.ru

Введение. В годы Великой Отечественной войны большую организационную работу по мобилизации советской общественности развернул Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца. В этот период деятельность всех обществ данной организации была направлена не только на обеспечение санитарного благополучия тыла, но и, прежде всего, на оказание помощи медико-санитарной службе Красной Армии и органам здравоохранения СССР по обслуживанию больных и раненых воинов [1, с. 11].

Целью настоящей работы является рассмотрение деятельности Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР (СОКК и КП СССР) в первый год Великой Отечественной войны. Основой работы стали, прежде всего, справки-доклады зампредседателя исполкома СОКК и КП СССР бригврача П.Д. Дивакова о деятельности организации за первый год войны в адрес начальника Главного военно-санитарного управления Красной Армии корврача Е.И. Смирнова, хранящиеся в Центральном архиве Министерства обороны РФ.

Основная часть. Еще в начале войны, как отмечал видный советский ученый, историк медицины и организатор здравоохранения М.И. Барсуков, Исполком Союза поставил перед своей организацией ряд важных задач, среди которых: 1) максимально расширить подготовку медицинских сестер и санитарных дружинниц; 2) организовать широкую общественную помощь раненым и больным как на фронте, так и в тылу; 3) принять все меры к развитию донорского движения; 4) оказать помощь населению городов и районов при налетах вражеской авиации; 5) усилить работу среди детей; 6) обеспечить полное содействие органам здравоохранения в их профилактической работе; 7) окружить вниманием и заботой население, пострадавшее от военных действий [2, с. 134].

Рассматривая вопрос, связанный с подготовкой и увеличением численности медицинских работников, следует отметить, что за первый год Великой Отечественной войны организациям СОКК и КП СССР удалось провести большую работу по подготовке кадрового резерва среднего и младшего медицинского состава для Красной Армии, Военно-морского флота, эвакогоспиталей Народного комиссариата здравоохранения СССР, а также для формирования местной противовоздушной обороны (МПВО). Только лишь в первые месяцы

войны свыше 26.000 санитарных дружинниц и около 200.000 активистов, подготовленных еще в мирное время организациями Красного Креста и Красного Полумесяца, помогали органам здравоохранения Союза в деле оказания первой медицинской помощи бойцам и офицерам Красной Армии [3, с. 5].

По сведениям Н.А. Терновой и Л.О. Чухно, переподготовка медсестер запаса, не работающих по специальности, проходила в течение трех месяцев без отрыва от производства по 120-часовой программе, утвержденной Исполкомом СОКК и КП СССР. К концу 1941 года по указанной программе было подготовлено 52.800 медсестер [4, с. 27-28].

Всего за первый год войны, согласно материалам, составленным П.Д. Диваковым, было подготовлено 95.000 медсестер, 115.000 сандружинниц и 13.000 санитаров [5, л. 131]. Большое количество медсестер и сандружинниц, подготовленных организациями СОКК и КП СССР, работало не только в тылу, в военно-санитарных учреждениях, но и на самых передовых линиях фронта в качестве санитаров и санинструкторов рот, партизанских отрядов, истребительных батальонов. Так, например, по сведениям только 27 комитетов Красного Креста и Красного Полумесяца, подготовивших в общей сложности 71.590 медсестер и сандружинниц: 25.253 человек были использованы на работе в эвакогоспиталях; 12.115 человек – в частях Красной Армии, народного ополчения и истребительных батальонах; 14.025 человек – в эвакопунктах и военно-санитарных поездах; 10.709 человек – в истребительных батальонах и штатных санитарных формированиях МПВО [5, л. 131].

Здесь же следует отметить, что согласно другим сведениям, составленным П.Д. Диваковым, всего за 1941 год, по заданию Санитарного управления Красной Армии, было подготовлено 12.561 санитара для частей Красной Армии. При этом подготовка сандружинниц была широко развернута по 140-часовой программе, в рамках которой за 1941 год было подготовлено 116.000 сандружинниц [5, л. 138]. Из указанного числа «подготовленных сандружинниц было сформировано 900 кадровых сандружин, остальные были использованы на комплектование должностей в военно-санитарных поездах, частях Красной Армии, партизанских отрядах, эвакогоспиталях и истребительных батальонах» [5, л. 139]. Подготовка медсестер проводилась по 550-часовой программе без отрыва от производства, срок обучения составлял при этом составлял 5 ½ месяцев. Для лиц, не занятых на производстве, срок обучения составлял 2 ½ месяца. Всего по данной программе за 1941 год было подготовлено 95.023 медсестры [5, л. 140].

Кроме того, при активной помощи организаций СОКК и КП СССР был создан резерв донорских кадров. Члены общества за первый год войны, по неполным данным, представленным П.Д. Диваковым, дали 112.000 доноров, которые сдали свою кровь для раненых бойцов [5, л. 131].

Вместе с тем, наряду с помощью Красной Армии, организации СОКК и КП СССР вели большую работу в тылу, оказывали содействие органам здравоохранения. Так, например, члены обществ вели наблюдение за санитарным состоянием улиц, дворов, квартир, мест общественного пользования, источников водоснабжения, учреждений общественного питания и т.д. [1, с. 12].

Санитарные дружинницы оказывали помощь эвакуированным в тыл советским гражданам, осуществляли шефство над инвалидами Отечественной войны, а также над семьями мобилизованных в Красную Армию воинов [1, с. 13]. По данным 30 комитетов организаций СОКК и КП СССР в 1941 году в погрузке и выгрузке санитарных поездов участвовало более 50.000 сандружинниц, а в 1942 году, по данным 43 комитетов, – около 175.000 человек [3, с. 24].

Кроме того, организации СОКК и КП СССР продолжали обучение населения по программе «Готов к санитарной обороне» (ГСО) и обучение школьников по программе «Будь готов к санитарной обороне» (БГСО). Всего за 1941 год на значок ГСО и БГСО по 16 часовой программе было подготовлено около 5 миллионов человек. Из обученного населения было сформировано 1000 санитарных дружин, более 80.000 медико-санитарных звеньев групп самозащиты и санитарных постов [5, л. 131].

Заключение. Таким образом, деятельность Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР распространялась не только на подготовку и помощь в деле оказания медико-санитарной помощи в тылу и на фронте, но и на подготовку кадров медицинской службы, организации донорского движения, а также пропаганде санитарных и медицинских знаний.

Информация о финансовой поддержке: *Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России для ИРИ РАН (тема 0149-2025-0014 «Актуальные вопросы изучения истории Великой Отечественной войны», НИОКТР 125022002771-5).*

Список литературы

1. Митерев Г.А. Советский Красный Крест и народное здравоохранение. – М.: Знание, 1955. – 24 с.
2. Барсуков М.И. Красный крест и красный полумесяц СССР. Краткий исторический очерк. – М.: Медгиз, 1946. – 156 с.
3. Троян Н.В. Советский Красный Крест в годы Великой Отечественной войны. – М.: Медицина, 1975. – 55 с.
4. Тернова Н.А., Чухно Л.О. Страницы истории отечественного Красного Креста. – М.: Медицина, 1986. – 32 с.
5. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Ф. 75. Оп. 12327. Д. 137.

УДК 94 (470.6 Донбасс): 332.1 :061.2–053.6 “1944/1945”

РОЛЬ КОМСОМОЛА В ВОССТАНОВЛЕНИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ДОНБАССА НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

***Ерошенко И.А.*,** ORCID 0009-0007-3884-5403
ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет, г. Луганск, РФ
igoreroshenko2025@mail.ru

Введение. В статье анализируется роль комсомольских-организаций в восстановлении промышленного потенциала Донбасса в 1943–1945 гг. Особое внимание уделяется анализу нормативно-правовой базы деятельности молодежи по восстановлению, феноменам шефской помощи, комсомольско-молодежным бригадам. Автор делает вывод о ключевой роли комсомольских организаций в восстановлении промышленности региона.

Целью исследования является обзор основных аспектов деятельности представителей комсомола по восстановлению промышленности Донбасса в 1943–1945 гг.

Основная часть. После освобождения Донбасса в сентябре 1943 г. перед советскими властями стала задача восстановления разрушенных промышленных предприятий. Необходимо заметить, что реализация данной задачи осложнялась огромным ущербом, нанесенным нацистскими оккупантами. Например, согласно Акту Ворошиловградской областной чрезвычайной государственной комиссии по установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба от 13 мая 1944 г., было полностью разрушено 314 шахт, выведен из строя Донецкий содовый завод, Рубежанский химический комбинат, Ворошиловский коксохимический завод и другие предприятия. Кроме того, был нанесен огромный ущерб металлургии и машиностроению региона. Например, был фактически уничтожен Ворошиловградский завод имени Октябрьской Революции, Ворошиловский металлургический завод и другие предприятия [3, с. 114]. Таким образом, состояние промышленности региона характеризовалось уничтожением большинства предприятий, имеющих стратегическое значение для СССР.

В октябре 1943 года Государственный комитет обороны принял постановление «О первоочередных мероприятиях по восстановлению угольной промышленности Донецкого бассейна». Ключевым пунктом данного постановления являлась идея о том, что «важной задачей партийных, советских и хозяйственных организаций является восстановление Донецкого бассейна, в том числе угольной промышленности» [3, с. 283]. В ноябре 1943 г. ЦК ВЛКСМ принимает

постановление, одним из ключевых пунктов которого стало оказание всемерной помощи предприятиям Донбасса.

В рамках шефства на восстановление разрушенных предприятий с сентября по июль 1944 года только с освобожденных районов УССР было отправлено 40 тыс. юношей и девушек [4, с. 122]. К окончанию Великой Отечественной войны в Донбассе трудилось 250 000 комсомольцев из разных регионов СССР [1, с. 232].

Между комсомольцами различных районов Сталинской и Ворошиловградских областей заключалась договоры о досрочном выполнении плана по восстановлению региона. В частности, в декабре 1943 года по инициативе комсомольцев Краснодонского, Кадиевского и Ровеньковского районов был заключен договор о досрочном вводе в строй шахт Сталинской и Ворошиловградской областей [2, с.193].

В процессе взаимодействия с партийными и хозяйственными органами комсомол внедрял и новые методы хозяйствования, например организовывались комсомольско-молодежные бригады. Формы участия бригад в восстановительных процессах были разнообразными. Например, в ходе воскресников комсомольцы Советского района г. Макеевка восстановили 8 небольших шахт с суточной добычей в 150 тонн угля [1, с. 221]. Участники комсомольско-молодежных бригад также участвовали в организации производства инструментального цеха Ворошиловградского завода имени Октябрьской революции.

Заключение. Таким образом, комсомольские организации стали одним из участников восстановления Донбасса. Деятельность комсомольцев была связана с рядом постановлений ГКО и ЦК ВЛКСМ. Одной из основных форм участия комсомола в восстановительном процессе являлась организация шефской помощи предприятиям региона. Комсомольцы также стали инициаторами создания комсомольско-молодежных бригад, участвующих в восстановлении различных секторов промышленности.

Список литературы

1. Донецкая область в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): Сб. док. и материалов // Отв. сост. В. И. Лебедев и др.; ред. кол. Е. Д.Клерфон (отв. ред). – Донецк: Донбасс, 1982. – 310 с.
2. Ленинский комсомол в Великой Отечественной войне. Сборник статей // Ред. коллегия: В. А. Житенев. – Москва: Молодая гвардия, 1975. – 334 с.
3. Луганщина в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945: Сб. материалов и док. // Сост. А. М. Бурлаков и др. – Донецк: Донбасс, 1969. – 380 с.
4. Хавин, А. В. Восстановление промышленности Донбасса в период Великой Отечественной войны / А. В. Хавин // Вопросы истории. – 1956. – №5. – С. 116–126.

УДК 94:(470.439)1941-1945

СОВЕТСКОЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ВЫЗОВЫ, РЕШЕНИЯ, ИТОГИ

Ешпанов В.С., д-р ист. наук, проф., ORCID 0000-0002-2400-639X,
Советов А.С.
АО «Казахский университет технологии и бизнеса», г. Астана, Республика Казахстан
WS-282@mail.ru, alibek.016@gmail.com.

Введение. В представленной статье в сжатом формате проведен анализ развития советского здравоохранения за время Великой Отечественной войны. Целью данного исследования служит анализ, касающейся здравоохранения, в тяжелейший для страны период. Обозначены проблемы организации военно-медицинской деятельности. Раскрыты условия выполнения профессионального долга медиков и их патриотического трудового подвига. Поистине, медики стали тружениками-героями. В своем труде исследователями уделяется внимание вкладу именно медиков в победу над врагом.

Целью является комплексный анализ и систематизация исторического опыта функционирования советской системы здравоохранения в экстремальных условиях Великой Отечественной войны.

Основная часть. Достижения советской медицины в годы Великой Отечественной войны – это славная страница истории отечества. Великая Отечественная война стала серьезным испытанием для всей системы здравоохранения [1, с. 82]. Как известно, начальный период Великой Отечественной войны был особенно трудным. К числу основных проблем военного времени относилась охрана здоровья населения страны. Сложно переоценить вклад медиков в победу во время Великой Отечественной Войны. Не дожидаясь мобилизации, тысячи штатных медицинских работников отправились на фронт [2, с. 167]. В первые годы Великой Отечественной войны наблюдались трудности в работе медицинской службы. Медицинская служба, как и вся страна, в годы войны работала под единым лозунгом «Каждый возвращенный в строй воин – это наша победа. Это – победа советской медицины».

В Советском Союзе накануне войны имелось 13 800 больниц, в которых насчитывалось 790 тысяч коек [3, с. 6]. В первый период войны 1941–1942 гг. советская медицина лишилась значительного количества медсанбатов и госпиталей, медицинского имущества и медперсонала. Кроме того, потеряла значительную часть своих сил и средств. Только за первый год военных действий погибло более 4500 офицеров-медиков.

Смертность медработников в период войны была на втором месте после бойцов красной армии.

К 1941году число врачей в СССР составляло без военнослужащих 155,3 тысяч человек, среднего медицинского персонала - 472 тысячи.

Таблица 1

Количество работников здравоохранения СССР в начальный период военных действий [4, с. 10]

Военный год – 1941					
Дипломированный состав врачей	Мужчины врачи	Женщины врачи	Армейские	Медицинский персонал	Медсестры
472 тыс	43,7 тыс	96,3 тыс	12,418 тыс	19,582 тыс	228 тыс

В период Великой Отечественной войны потребность в медицинских кадрах резко возросла. Мобилизация медицинских работников в красную армию повлекла за собой острую их нехватку в лечебных учреждениях - особенно недоставало хирургов и операционных медицинских сестер [5, с. 19]. Уже в первые месяцы войны возникла необходимость внесения существенных изменений в организационные формы и методы работы медицинских учереждений. В условиях острой нехватки медицинских кадров важно было рационально распорядиться имевшимися людскими ресурсами. Эти пробелы подготовки медицинского состава пришлось устранять в ходе работы, что, естественно, создавало определенные трудности. Большинство медиков – это женщины, матери, сестры, дочери. Женщины составляли до половины медицинских работников, в том числе санитарных инструкторов и санитаров [6, с. 755]. Вклад женщин – медицинских работников огромен. С началом войны активизировалось обучение медсестер и сандружинниц. Медсестры были главными донорами при сборе крови. Санитары помогали всем нуждающимся, перевязывали раны, останавливали кровь, накладывали жгуты, делали уколы. Отважным санитаркам полагались награды: «за вынос 15 раненых - медаль, за 25 – орден, за 80 – высшая награда – орден Ленина».

За первые полтора года войны потери санитарных инструкторов убитыми составили 3852 человека, пропавшими без вести – 2843 человека, потери санитаров убитыми – 9145 человек, пропавшими без вести – 6377 человек [7, с. 120].

За годы Великой Отечественной развитие медицины не замедлилось, напротив, оно пошло вперед. Достойный вклад в общее дело победы внесли и работники советского здравоохранения, возвратив в строй 72,3% раненых и 90,6% больных. За годы военных лет званием героя Советского Союза было удостоино 47 работников медицинской службы. 100 тысяч медицинских работников получили высшую правительственную награду.

Таблица 2

Общий контингент воинов обслужинных военно-медицинской службой за военный период 1941-1945 гг[8, с.315]

Военный год	**Количество обслуживающихся воинов медицинской службой**
1941	4,8 млн
1942	4,2 млн
1943-1945	6 млн
1941-1945	34 млн

Таким образом, квалифицированная и специализированная медицинская помощь была максимально приближена к полю боя, к армейским и фронтовым объединениям.

Заключение. Подвиг советской медицины в годы Великой Отечественной войны имел стратегическое значение для победы. Несмотря на наличие колоссальных трудностей, и имевшихся недостатков, здравоохранение, руководимое и получающее поддержку со стороны власти и общественности, выдержало испытание, оказалось в целом способным решать задачи военного времени. Опыт Великой Отечественной войны доказал высокую адаптивность и эффективность советской централизованной модели здравоохранения в условиях тотальной войны.

Список литературы

1. Иванов Н.Г., Георгиевский А.С., Лобастов О.С. Советское здравоохранение и военная медицина в Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. Л. Медицина, 1985. 303 с.
2. Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны (1941-1945) : сб. док. и материалов. - М.: Медицина, 1977. - 570 с.
3. Чиж И.М. Вклад медицинской службы в победу в Великой Отечественной войне // Военно-медицинский журнал. 1995. № 5. С. 4–9.
4. Петровский, Б. В. Советское здравоохранение в годы Великой Отечественной войны / Б. В. Петровский // Военно-медицинский журнал - 1975. - № 5. - С. 5-12.
5. Виноградов, Н. А. Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. / Н. А. Виноградов. - М. : Медгиз, 1955. - 39 с.
6. Пашков К.А. Медицина в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Терапевтический архив. - 2025. - Т. 97. - №8. - С. 750-758.
7. Кузьмин, М. К. Советская медицина в годы Великой Отечественной войны : очерки / М. К. Кузьмин. - М. : Медицина, 1979. - 240 с.
8. Смирнов, Е. И. Война и военная медицина 1939-1945 / изд. - М.: Медицина, 1979. - 526 с.

УДК 94(477).084.5

РОЛЬ КОМСОМОЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В РЕКОНСТРУКЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ДОНБАССЕ (1929 Г.)

Зацепилина Е.В., ORCID 0009-0004-2572-431X
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
zatsepilina98@mail.ru

Введение. 1929 г. – это, по определению И.В. Сталина, год великого перелома на всех фронтах социалистического строительства, в том числе в сельском хозяйстве. Этот год занимает особое место в истории советской деревни, поскольку стал исходной точкой в тотальной реконструкции социально-экономических отношений на селе. Подготовка к сплошной коллективизации сельского хозяйства требовала мобилизации значительного количества политически мотивированной молодежи, которая была бы способна претворить в жизнь идеи социализма. Большую роль в этом сыграл Всесоюзный Ленинский Союз Молодежи (ВЛКСМ). Отечественная наука уделяет серьезное внимание изучению роли комсомола в преобразовании советской деревни. Известным является коллективный труд «Очерки истории Донецкой областной комсомольской организации» [1], в котором проанализировано место членов ВЛКСМ в коллективизации сельского хозяйства Донбасса. Однако в исследовании данной темы имеется множество проблем, требующих дальнейшего изучения. Целью доклада является анализ деятельности комсомольцев в селах Донбасса в 1929 г.

Основная часть. Государство возложило на комсомол роль проводника политики партии в деревне и кадрового резерва для колхозного строительства в период тотальной реконструкции аграрной сферы. Миссия по организации общественно-политической жизни крестьянства была возложена на партийные органы и общественные организации, в частности, на комсомол. С особым вниманием комсомольцы должны были подходить к вопросам подъема сельского хозяйства и его кооперирования, развития культурной инициативы и подготовки кадров.

К 1929 г. у комсомола уже был задан вектор деятельности в процессе преобразования советской деревни, а также был приобретен определенный опыт организационной работы на местах. Члены ЛКСМУ участвовали в создании и работе колхозов. Так, по инициативе молодежи в с. Пески был создан совхоз имени Октябрьской революции, который возглавил коммунист И.К. Ангельяж, в Волновахском районе был создан колхоз «Красный маяк», в Лисичанском районе – колхоз «Большевистский штурм», в Старобешевском районе – колхоз «Культура» [1, с. 84].

Переход к крупному коллективному земледелию требовал значительного крепления материально-технической базы. Поэтому комсомольцы увеличили помощь коллективным хозяйствам с целью улучшения их технического оснащения. Одним из способов помощи был сбор денежных средств на сельскохозяйственный инвентарь и технику. Сталинский районный комитет комсомола постановил организовать тракторную колонну, на которую было необходимо собрать 11 тыс. руб. Указанную сумму предполагалось собрать посредством организации развлекательных мероприятий, отчислений от продажи билетов в кино и театры и т.д. [2, с. 1]. Еще одной формой сбора денежных средств были субботники и воскресники. В марте в Амвросиевском районе рабочей молодежью цеха № 1 цементного завода были проведены 5 субботников, на которых удалось заработать 1 439 руб. 47 коп. [3, с. 4]. 7 апреля в Чистяковском районе был проведен воскресник с целью сбора средств на приобретение бороны к плугу для бедняцких хозяйств. Из заявленных 140 чел. явились только 17. Они сумели заработать 20 руб. и купить борону для одного бедняка [2, с. 4].

В городах и рабочих поселках создавались производственные бригады, состоявшие из рабочих промышленных предприятий. Командированные в села, они занимались ремонтом сельскохозяйственной техники. Бригада горняков Катыковской шахты отправилась в с. Ольховчик, где занималась ремонтом инвентаря. Комсомольцы шахты Капитальная № 1 в с. Орлово-Ждановка отремонтировали большое количество инвентаря и приняли участие в организации артелей по совместной обработке земли. В с. Никишино участниками бригады было отремонтировано 6 бричек, несколько плугов и другой инвентарь [2, с. 1].

Не менее важной задачей, стоящей перед комсомольцами, было распространение аграрных знаний и внедрение передовых технологий обработки земли. Для этого молодые активисты применяли различные методы и формы работы. Например, в с. Ольховчик молодежная бригада Катыкской шахты организовала сельскохозяйственный уголок, где читались лекции о методах аграрного производства и проводились беседы о преимуществах крупных коллективных хозяйств. В с. Рассыпном комсомольцы провели агрономический семинар, в рамках которого были организованы лекции для жителей окрестных хуторов [2, с. 1]. Коллективом Красногоровского ЛКСМУ в селах Петрово-Марьинского района были организованы вечера «за урожай», где просветительская деятельность осуществлялась в форме научно-популярных докладов и художественных постановок [3, с. 4]. Между школами и хозяйственными объединениями Мариупольского округа было распределено 100 тыс. книг., посвященных вопросам сельского хозяйства [4, с. 2].

С целью пропаганды ленинских идей о социалистическом строительстве в сельском хозяйстве комсомольские организации

проводили вечера смычек между городом и деревней. Например, в клубах промышленных предприятий организовывались встречи рабочих и крестьян из подшефных сел, где участники мероприятий выступали с докладами о важности социалистических преобразований, о необходимости кооперирования и т.д. с последующим обсуждением. Также в рамках таких встреч организовывались сельскохозяйственные выставки, спектакли на политические темы и пр. Также массовая агитационная работа проводилась через специально созданные кружки и школы крестьянской молодежи [1, с. 85].

Несмотря на большой объем работы, проводимой в рамках реконструкции сельского хозяйства, отдельные комсомольские деятели демонстрировали безответственное отношение к выполнению возложенных на них обязанностей. Так, в с. Красный Кут комсомольцев обвиняли в лояльности по отношению к кулакам. Якобы они, разъясняя политику партии на сельских собраниях, старались не притеснять зажиточную часть населения. При этом привлечению батраков в молодежную организацию и вовсе не уделялось никакого внимания. Кроме того, комсомольцы тесно общались с кулацкой молодежью, чем привлекли внимание властей. Половину ячейки с. Красный Кут исключили из комсомола, назначив нового председателя, под предводительством которого удалось организовать всю молодежь села на борьбу с «правым уклоном» и кулацким влиянием [5, с. 3].

Заключение. Комсомольцы принимали участие в создании коллективных хозяйств, организовывали их функционирование. Активисты ЛКСМУ прилагали значительные усилия для укрепления материально-технической базы сельского хозяйства, организовывая сборы денежных средств на нужды деревни. Молодежь оказывала помощь беднякам и первым кооперативным хозяйствам в ремонте инвентаря и техники. Комсомольцы содействовали повышению сельскохозяйственной грамотности и гражданской сознательности крестьянства посредством организации лекций, семинаров, дискуссий, творческих вечеров и т.д. Несмотря на достигнутые успехи, мероприятия комсомольских активистов не всегда завершались удачно. Это не отменяет факт того, что ВЛКСМ сделали весомый вклад в преобразовании сельского хозяйства.

Список литературы

1. Очерки истории Донецкой областной комсомольской организации / Пономаренко Г.Я., Бут А.Н., Омельяненко И.Я. и др. – Киев : Молодь, 1987. – 293 с.
2. Молодой рабочий. – 1929 г. – № 43 (277).
3. Молодой рабочий. – 1929 г. – № 45 (279).
4. Молодой рабочий. – 1929 г. – № 37 (271).
5. Молодой рабочий. – 1929 г. – № 42 (276).

УДК 93/94 «1917-1920»

АНТИБОЛЬШЕВИСТСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ НА ТЕРРИТОРИИ ТЕРЕКА И ДАГЕСТАНА, 1917–1920 ГГ.

Камбиев А.М., ORCID 0000-0003-0645-0881
ФГБНУ «Федеральный научный центр Кабардино-Балкарский научный центр РАН»,
г. Нальчик, РФ
ars.kambiev85@gmail.com

Введение. Свержение самодержавия, а немного позднее и Временного правительства активизировали антибольшевистские силы Терско-Дагестанского региона (горское либеральное движение, терское казачество, белогвардейцев и исламистов), что привело к созданию в ходе Гражданской войны различных типов антисоветской государственности, которые боролись как между собой, так и с Советской властью на Северном Кавказе.

Цель работы – рассмотрение деятельности антибольшевистских правительств на Северном Кавказе в ходе событий, связанных с Гражданской войной и интервенцией на территории Терека и Дагестана в 1917-1920 гг.

Основная часть. Первым условно антибольшевистским правительством, созданным с участием Терека и Дагестана, можно считать Юго-Восточный союз, заключенный в октябре 1917 г. Однако первая попытка объединения всех противников Советской власти на юго-востоке бывшей Российской империи оказалась неудачной. Впрочем, и вторая попытка – Временное Терско-Дагестанское правительство, созданное 1 декабря 1917 г. во главе с терским атаманом М.А. Карауловым – тоже не выдержала испытания временем. Терско-дагестанским антибольшевикам не удалось ни создать вооруженных сил, ни административного аппарата для полноценного функционирования. К тому же был убит в этом же декабре харизматичный глава правительства, без которого хрупкая конструкция казачье-горского союза стала рассыпаться. В марте 1918 г. большевики провозгласили на Тереке создание Терской советской республики в составе Советской Российской Республики [7, с. 68].

Сначала горские деятели из Терека перебрались в Дагестан, а оттуда под напором большевиком оказались в Закавказье, на территории недолговечной Закавказской демократической федеративной республики. 11 мая 1918 г. на Батумской мирной конференции горские [2, с. 131] либеральные деятели создали Горскую республику в изгнании во главе с А.-М.А. Чермоевым. Заключив военно-политический союз с Османской империей, в обозе турецко-азербайджанской Кавказской армии ислама горские деятели сначала вошли в захваченный 15 сентября 1918 г. у сил

Диктатуры Центрокаспия Баку, а чуть позже двинулись на север, в Дагестан, где в течение октября-ноября разгромили силы еще одного регионального антибольшевистского правительства - Каспийско-Кавказского во главе с генералом Л.Ф. Бичераховым.

История этого правительства примечательна тем, что первоначально ее глава сотрудничал с британцами, а потом переориентировался на союз с большевиками против турецко-азербайджанских сил, наступавших на территорию, подконтрольную Бакинскому СНК («Бакинская коммуна»). Союз с большевиками видимо был ситуационным и не казался генералу Л.Ф. Бичерахову перспективным, поэтому в августе 1918 г. его силы покинул фронт и двинулись в сторону Дагестана [4, с. 93], в котором в апреле-мае 1918 г. была установлена Советская власть. Разгромив здесь большевиков, Л.Ф. Бичерахов организовал из местных сил Каспийско-Кавказское правительство, формально подчинявшееся Уфимской, а позднее Омской директории. После колчаковского переворота Л.Ф. Бичерахов и от него получил все причитающиеся полномочия.

Власть Л.Ф. Бичерахова продержалась недолго: его силы были выбиты из основных центров Дагестана и были эвакуированы по Каспию на территории, подконтрольные британским силам Денстерфорс. Позже силы Л.Ф. Бичерахова вошли вместе с силами союзников в Баку 17 ноября 1918 г. В начале 1919 г. генерал был под формальным предлогом поездки в Лондон отстранен от командования вооруженными силами, во главе них стал бывший командующий войсками Кавказского фронта генерал М.А. Пржевальский, который подчинялся непосредственно командованию ВСЮР. Силы под командованием М.А. Пржевальского были вынуждены под давлением британцев покинуть территорию АДР 1 марта 1919 г.

Правительство Горской республики, утвердившееся в Дагестане в ноябре 1918 г. [1, с. 104], после поражения Четверного союза переориентировалось на союз с победителями. В этой связи пришлось сменить скомпрометировавшего себя союзом с турками бывшего главу правительства А.-М.А. Чермоева, который был послан на Парижскую мирную конференцию добиваться получения независимости, на нового главу П.А. Коцева.

Правление этого правительства чем-то напоминало деятельность Временного Терско-Дагестанского правительства – те же военно-политические амбиции, ни на чем не основанные. Отсутствовал административный аппарат, армия, денежная единица (использовалась валюта соседнего Азербайджана). Горские либералы претендовали на те же территории, которыми желали управлять белогвардейцы, с боями пробивавшиеся в конце 1918 г. в борьбе с Красной армией на территории Терской советской области [6, с. 72]. В мае 1919 г. командование ВСЮР во главе с генералом А.И. Деникиным приняло решение о вооруженной ликвидации горской либеральной государственности. Дагестан

практически без боя стал территорией, подконтрольной военной диктатуре ВСЮР [5, с. 99].

Белогвардейцы еще в январе 1919 г., до окончательного разгрома большевиков и горских либералов, создали отдельную административно-территориальную единицу для управления Северным Кавказом – Терско-Дагестанский край. Первоначально его возглавил генерал В.П. Ляхов, а с апреля генерал И.Г. Эрдели. Владимир Платонович славился непреклонным характером и не смог найти общего языка с местными элитами, его сменил более либеральный Иван Георгиевич. Однако и его правление было ознаменовано начавшимся восстанием горцев против власти добровольцев, продолжавшимся с разной интенсивностью всю вторую половину 1919 - начало 1920 гг. [3, с. 56]

Параллельно белогвардейскому командованию, на Северном Кавказе с сентября 1919 г. существовала еще одна первоначально антибольшевистская «государственность» - Северокавказский эмират во главе с Узун-Хаджи Салтинским со столицей в Ведено. Глава эмирата планировал создать в регионе шариатскую монархию под покровительством османского султана. Однако Османская империя сама потерпела поражение в ходе Мировой войны, помощи ждать было неоткуда, поэтому постепенно эмират пошел на сотрудничество с большевиками. В итоге движение шариатистов погибло параллельно разгрому белого движения на Северном Кавказе – весной 1920 г.

Заключение. В качестве кратких выводов стоит указать, что ни одно из антибольшевистских правительств периода 1917-1920 гг. не смогло предложить основной массе населения Терека и Дагестана приемлемой социально-политической программы, и только победившие большевики, свернувшие политику военного коммунизма и начавшие в 1921 г. Новую экономическую политику, смогли привлечь на свою сторону основную часть населения Северного Кавказа.

Список литературы

1. Добрякова, Н.А., Лобанов, В.Б., Пыльцын, Ю.С. Гражданская война на Северном Кавказе: отряд генерала И.Н. Колесникова (ноябрь 1918 – январь 1919 гг.) // Современная научная мысль. – 2018. – № 5. – С. 100-106.
2. Камбиев, А. М. Антибольшевистская государственность на Северном Кавказе и в Закавказье в 1918-1921 гг.: сравнительный анализ современной историографии // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 129-137.
3. Камбиев, А. М. Терек и Дагестан под властью Терско-Дагестанского края ВСЮР (начало 1919 – март 1920 гг.) // Тенденции развития науки и образования. – 2021. – № 80-3. – С. 53-55.
4. Камбиев, А. М. История Горской республики в 1918–1919 гг. в изложении В.-Г. Джабагиева // Доклады АМАН. - 2024. - Т. 24. - № 3. - С. 88–98.
5. Лобанов, В.Б. Гражданская война на Северном Кавказе: Горская республика (май 1918 – май 1919 гг.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 3. – С. 95-104.

6. Лобанов, В. Б. Политическая элита Северного Кавказа в годы революции и гражданской войны: планы и реализация политических концепций // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 1. – С. 70-78.
7. Лобанов, В.Б., Михайлов, В.В. «Против попытки небольшой кучки попирать волю широких слоёв своего народа... Советская власть будет выступать самым решительным образом» // Военно-исторический журнал. - 2017. - № 12. - С. 68-73.

УДК 396

«НОВАЯ ЖЕНЩИНА» В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖЕНСКОГО СЛУЖЕНИЯ В РОССИИ ОТ РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Клименко Я.К.
Торезский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ», г. Торез, ДНР, РФ
yana.klimenko.08@mail.ru

История женского служения в России связана с постепенным расширением сфер, в которых женщина могла действовать самостоятельно. Долгое время общественная активность чаще всего выражалась в благотворительности, религиозной помощи и уходе за больными. На рубеже XIX–XX веков ситуация стала меняться: женщины стремились получать образование, осваивать профессии и добиваться участия в принятии общественно значимых решений. Поэтому понятие «новая женщина» отражало не только изменение образа жизни, но и более глубокий пересмотр представлений о самостоятельности и гражданских правах [3; 4].

Одним из важных направлений перемен стало образование. В XIX веке доступ женщин к университетскому обучению в России был ограничен, поэтому многим приходилось искать возможности за рубежом или добиваться открытия специальных курсов. История Надежды Сусловой — один из показательных примеров. Не имея возможности пройти полный курс медицинского образования на родине, она продолжила обучение в Цюрихском университете и в 1867 году защитила диссертацию. Позднее Суслова получила право заниматься врачебной практикой в России. Её путь показывает, что профессиональное становление женщин требовало не только личных способностей, но и преодоления институциональных барьеров [7].

Сходное значение имела судьба Софьи Ковалевской, добившейся признания в математике в период, когда научная карьера женщины была скорее исключением, чем нормой. Её успех и развитие женских высших курсов помогали постепенно менять общественные ожидания.

Образование давало женщинам возможность не только работать в новой для себя сфере, но и выступать полноправными участницами интеллектуальной жизни. В этом смысле перемены касались не одной профессии, а самого представления о том, кому доступны научное знание и общественное признание [4; 7].

Следующий этап связан с организованной борьбой за гражданские права. Врач и общественная деятельница Поликсена Шишкина-Явейн возглавляла Лигу равноправия женщин, участницы которой добивались расширения политических прав, организовывали просветительские и благотворительные мероприятия. Лига, созданная в Петербурге в 1907 году, была одной из самых знаменитых женских организаций своего времени. Устраивались бесплатные курсы грамотности, сестринские курсы, а в годы Первой мировой войны занималась организацией госпиталей [2]. Кроме того, Лига поднимала вопрос о проблеме проституции. И, что особенно важно, последовательно добивалась избирательных прав для женщин.

До этого в 1906 году при Русском женском взаимно-благотворительном обществе был создан Отдел избирательных прав женщин, который занимался подготовкой петиций в Государственную Думу. Первая петиция, собравшая более пяти тысяч голосов, была подана 3 мая 1906 года. Она вызвала у депутатов Государственной Думы оживлённую дискуссию в стенах парламента. Вторая петиция собрала уже более семи тысяч подписей, но, несмотря на это, вопрос об уравнивании прав женщин так и не был рассмотрен.

Важным событием стал Первый Всероссийский съезд, проходивший в Санкт-Петербурге с 10 по 16 декабря 1908 года. Его инициатором выступило Русское женское взаимно-благотворительное общество. Председателем оргкомитета выступала А.Н. Шабанова. Открытие съезда переносилось в течение трёх лет, поскольку правительство пыталось ограничить женскую активность рамками благотворительной деятельности. В съезде приняли участие 1053 делегатки, представившие разные слои общества: от разночинной интеллигенции до работниц. Рассматривались вопросы образования, экономических и политических прав женщин. Особый резонанс вызвал доклад Александры Коллонтай: «Женщина-работница в современном обществе». Впервые с трибуны прозвучали проблемы охраны материнства и детства, включая вопросы об установлении обязательного отдыха для беременных до и после родов с получением пособия в размере полного заработка, о создании роддомов и яслей на предприятиях.

Первая мировая война сильно подвинула привычные границы. Мария Бочкарёва воевала на фронте, а в 1917 году предложила создать женский ударный батальон. Её до сих пор вспоминают чаще других. Но дело не только в личном героизме. Такие истории показывают другое. В

кризисные годы женщины брали на себя работу, которую раньше считали чисто мужской, и это понемногу ломало старые представления о том, что женщине можно, а что нет. Отдельно надо сказать об Александре Коллонтай. Она связывала самостоятельность женщины с двумя вещами. Это экономическая независимость и перераспределение домашнего труда. Отсюда и её идеи про общественные столовые, ясли и другие формы коллективной поддержки. Они должны были дать женщине время на профессию и общественную жизнь [1; 2]. Но советский опыт показал противоречие. Образование и работа стали доступнее, а домашние дела по-прежнему тянула в основном женщина. Поэтому вопрос, как совместить работу и семью, не закрыт до сих пор [4; 6].

«Женское служение» не сводится к бескорыстной помощи. В разные времена оно включало и работу, и борьбу за права, и науку, и участие в переменах, и личную ответственность за свой выбор. Суслова, Ковалевская, Шишкина-Явейн, Бочкарёва, Коллонтай. У каждой был свой путь такой самостоятельности. И их опыт позволяет смотреть на историю женщин не как на что-то отдельное, дополняющее историю России, а как на её полноценную часть.

На рубеже XIX и XX веков женское служение вышло за рамки благотворительности и сестринского милосердия. Образование, общественная самоорганизация, политика и военная служба стали важными шагами к изменению положения женщин. Потом расширение профессиональных возможностей принесло новые вопросы, в первую очередь проблему двойной нагрузки. История «новой женщины» показывает, что перемены в обществе складываются из личной инициативы, общих усилий и постепенного пересмотра правовых и культурных норм. Сегодня женское участие в жизни страны сохраняет разные формы, и его значение определяется не должностью, а реальным вкладом в общее дело.

Список литературы

1. Коллонтай А. М. Новая женщина. – М., 1919. – 61 с.
2. Коллонтай А. М. Семья и коммунистическое государство. М., 1918. 24 с.
3. Пушкарева И. М., Пушкарева Н. Л. Женское участие в российской политической жизни начала XX в. (Советская и постсоветская историография) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2017. – № 2. – С. 10–25.
4. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. – М.: РОССПЭН, 2004. – 616 с.
5. Тишкин Г. А. Женский вопрос в России в 50–60-е годы XIX в. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – 192 с.
6. Хасбулатова О. А. Российская государственная политика в отношении женщин (1900–2000). – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2002. – 320 с.
7. Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности. – СПб.: Алетейя, 2007. – 544 с.

УДК 378.091.398:930.2:004

ВЫСШЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ И ПРОБЛЕМА ЦИФРОВИЗАЦИИ

Ковалёва И.И., канд. ист. наук, доц., ORCID 0000-0003-2654-0817,
Мишечкин Г.В., канд. ист. наук, доц., ORCID 0000-0001-5869-156X
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк, РФ
kovaleva040568@inbox.ru, mishechkin2213@mail.ru

Введение. Непреложной истиной является тот факт, что историческое образование в современной России представляет собой фундамент для воспитания патриота и гражданина, что закреплено и на государственном уровне. С учётом кардинально изменившейся геополитической ситуации в современном мире, многократно усилившейся информационной войны против нашей страны и участившимися фактами фальсификации истории, значение истории существенно возросло. Высшее историческое образование – ключевая ступень в системе исторического образования, которая на данном этапе претерпевает разного рода трансформации. Среди них важное место занимает цифровизация. Историография развития указанного направления высшего образования в РФ в рамках цифровизации образовательного процесса была в поле зрения исследователей [1-3].

Цель работы – проанализировать тенденции развития высшего исторического образования на современном этапе развития России в контексте цифровизации, акцентируя внимание на позитивных и негативных факторах. Учитывая небольшой объем исследования, сфокусируемся на опыте отдельных вузов и ряда направлений цифровизации, предложим некоторые рекомендации по повышению эффективности учебно-воспитательного процесса.

Основная часть. На сегодняшний день сложно найти специалистов, которые бы не подчёркивали актуальность и приоритетность цифровизации образовательного пространства в высших учебных заведениях России [2]. Цифровые технологии, сервисы и инструменты призваны содействовать внедрению новых инновационных методов и эффективному вовлечению студенческой молодежи в образовательный процесс, повышению уровня её познавательного интереса и мотивации, созданию поля креативного творчества обучающихся, получению навыков работы с историческими источниками и т. д. [1, с. 1-2; 3, с. 419].

Необходимо чётко осознавать, что указанные выше изменения повышают уровень ответственности преподавателя-историка, который из передатчика-транслятора знаний превращается в своеобразного инструктора-тьютора, отбирающего и формирующего структурированный

образовательный контент для студенческой аудитории [3, с. 418-419]. Кроме того, преподаватель XXI века должен обладать достаточным уровнем цифровой грамотности, чтобы быть адекватным помощником для обучающихся.

Среди технологий, которые уже сегодня с успехом используются в учебном процессе отдельных вузов России, в первую очередь на историческом факультете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, необходимо выделить «взаимопроникновение учебных сред, мультимодальная педагогика, обучение через вызов, коллаборативное, смешанное, гибридное и нанообучение, применение генеративного искусственного интеллекта, виртуальная и дополненная реальность» [1, с. 3].

Не только флагман высшего исторического образования и науки – МГУ – преуспел во внедрении цифровых технологий в образовательный процесс. Среди других вузов, которые также отметились на ниве широкого внедрения цифровых технологий назовём Санкт-Петербургский государственный университет, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва), Алтайский государственный университет (г. Барнаул), Балтийский федеральный университет им. И. Канта (г. Калининград), Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург) и т. д.

Среди наиболее популярных и приоритетных направлений, по которым на исторических подразделениях вузов России проводятся исследования, привлекая широкий круг обучающихся, необходимо выделить следующие:

– методы и технологии Data Science и искусственного интеллекта в исторических исследованиях;

– разработка цифровых 3D-моделей объектов историко-культурного наследия с применением фотограмметрии, VR/AR-технологий и нейросетей;

– анализ источниковой базы по социально-экономической истории России с использованием математико-статистических методов, технологий баз данных, географических информационных систем, сетевого анализа;

– клиометрика (количественный подход) для изучения экономической истории России;

– технологии компьютеризованного анализа текстов исторических источников (контент-анализ, сетевой анализ, визуализация текстовых структур);

– создание тематических историко-ориентированных цифровых ресурсов с открытым доступом [1, с. 5].

При использовании цифровых технологий следует помнить и побочные негативные эффекты и готовить к этому обучающихся: способности нейросетей «создавать» несуществующие источники,

упрощение аналитической части (не способствует приобретению обучающимися навыков источниковедческого анализа), имеют место нюансы при использовании исторических терминов и понятий, неконтекстное рассмотрение того или иного явления (исторический контекст очень важен для историка) и т. д.

При внедрении цифровых технологий в учебный процесс нужно помнить об этической стороне использования различных данных, а также о безопасности и защите от угроз. Немаловажным остаётся и вопрос о том, как сделать технологии доступными для широкой студенческой аудитории, и предусмотреть альтернативы для той категории, которая в силу разных причин не может в полной мере пользоваться цифровыми «благами».

Заключение. Таким образом, современное высшее историческое образование в России, претерпевая разного рода трансформации, всё в большей степени обусловливается цифровыми технологиями. Однако, на этом пути предстоит преодолеть ещё ряд преград, решить проблемы, не позволяющие быстро и качественно перейти на новую стадию: риски при использовании технологий искусственного интеллекта, уменьшение времени живого взаимодействия между преподавателем и студентом, в отдельных случаях недостаточный уровень цифровой грамотности преподавателей, разрыв в образовательных возможностях обучающихся, вопросы этики и безопасности.

Решение всех обозначенных выше проблем возможно только при формировании с одной стороны прозрачного, с другой – чётко очерченного законодательного и нормативно-правового регулирования использования цифровых технологий, включая искусственный интеллект.

Список литературы

1. Бородкин, Л. И. Трансформация университетского исторического образования на фоне цифровой эпохи: научно-методический семинар в МГУ / Л. И. Бородкин // Историческая информатика. – 2024. – №1 (47). – С. 1-10.
2. Ковалева, И. И. Цифровизация образовательного пространства России: путь к качественному обучению / И. И. Ковалева, А. В. Писарева // Инновации и качество высшего образования: Сборник тезисов докладов участников III Региональной научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава, Донецк, 24 апреля 2025 года. – Донецк: Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского, 2025. – С. 277-279. – EDN ZATLWZ.
3. Мишечкин Г.В. Высшее историческое образование и искусственный интеллект: проблемы взаимодействия // Инновации и качество высшего образования: Сборник тезисов докладов участников IV Региональной научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава, Донецк, 23 апреля 2026 года. – Донецк: Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования "Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского", 2026. – С. 417-419.

УДК 94(477.62)"1943/1945":930.1

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ ВОССТАНОВЛЕНИЯ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ДОНБАССА (1943–1945 гг.)

Колесников Н.С., ORCID 0009-0002-9481-0823
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
giakolesnikov@yandex.com

Введение. Историография восстановления угольной промышленности Донбасса в 1943–1945 гг. отражает изменение исследовательских подходов к изучению послевоенного восстановления советской экономики. На различных этапах внимание исследователей было сосредоточено на производственных результатах, технической реконструкции шахт, деятельности партийно-государственных органов, а позднее — на административных, социально-экономических и трудовых аспектах восстановительного процесса. Изменение методологических установок и расширение источниковой базы обусловили постепенное переосмысление содержания и механизмов восстановления отрасли.

Историографический обзор угольной промышленности Донбасса в советский период представлен в статье П. Н. Марциновского «Современная историография угольной промышленности Донбасса (советский период)» [1]. Вместе с тем историография восстановления отрасли в 1943–1945 гг., в том числе на современном этапе, требует отдельного рассмотрения.

Цель исследования – выявить основные направления развития отечественной историографии восстановления угольной промышленности Донбасса и проследить трансформацию исследовательских подходов.

Основная часть. Формирование историографического знания о восстановлении угольной промышленности Донбасса происходило поэтапно. На первоначальном этапе изучение проблемы было тесно связано с текущими задачами восстановления, хозяйственной политикой и обобщением практического опыта.

Первый этап, охватывающий период с 1943 г. до середины 1950-х гг., характеризовался появлением первых публикаций о восстановлении Донбасса. Значительную роль в их подготовке играли сотрудники отдела пропаганды и агитации Сталинского обкома ВКП(б). Эти материалы носили преимущественно публицистический и пропагандистский характер и были направлены на обобщение результатов восстановления и формирование представления о массовом трудовом подъеме населения. Показателен коллективный труд «Донбасс на подъеме» (1953), где восстановление региона представлено через трудовые достижения

населения, успехи социалистического строительства и организующую роль партийно-государственного руководства [2].

Следующий этап связан с расширением круга исследователей и привлечением специалистов угольной промышленности. В середине 1950-х гг. к изучению опыта восстановления активно подключаются горные инженеры, руководители предприятий и специалисты отрасли. Исследовательский акцент постепенно смещается к техническим, производственным и экономическим аспектам восстановления. Особое место занимает монография Г. Д. Бакулева «Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна» (1955), в которой рассматриваются динамика развития отрасли, состояние шахтного фонда, производственные показатели и технические особенности реконструкции предприятий [3]. Сходная направленность характерна для коллективного труда «Восстановление угольной промышленности Донецкого бассейна», редакторами которого выступили А. Ф. Засядько и К. И. Поченков (1957), где восстановление угольной промышленности рассматривается в контексте реконструкции и развития шахтного хозяйства [4].

Третий этап, начавшийся с начала 1960-х гг., связан с активным включением профессиональных историков и расширением источниковой базы за счет архивных материалов. При этом исследования сохраняли методологические установки советской историографии и принцип партийности. В центре внимания находились организаторская роль деятельность партийных организаций.

Данная направленность прослеживается в труде Г. Я. Емченко «Годы суровых испытаний» (1961), исследовании В. И. Мавроди о коммунистах Донбасса и восстановлении тяжёлой промышленности [5, 6]. Наиболее системно партийное руководство восстановлением рассмотрено в монографии Н. Ф. Хорошайлова «Деятельность Коммунистической партии по возрождению Донбасса 1943–1945 гг.» (1973) [7].

После 1991 г. историография характеризуется переходом к принципу объективности, расширением источниковой базы и переосмыслением механизмов восстановления Донбасса. Обращение к документам государственных архивов Донецкой и Луганской областей позволило глубже изучить деятельность органов власти и положение трудовых коллективов. Данное направление представлено в работах А. В. Броваря и Л. Н. Лихолобовой [8-10].

Важным этапом стало рассекречивание в 2004 г. значительного массива документов ГКО, что способствовало изучению его роли в организации восстановления. В. С. Околотин исследует нормативное обеспечение восстановления шахт [11], В. Л. Агапов – административные механизмы восстановления угледобычи в комбинате «Сталинуголь» [12]. Одновременно развивается изучение социально-экономических и трудовых аспектов восстановления. В работах П. В. Доброва, И. М. Есипа

и Л. И. Суюсанова рассматриваются социальные условия, трудовые отношения и положение работников [13, 14]. Таким образом, современная историография охватывает не только вопросы государственного регулирования и восстановления производственных мощностей, но и социальные последствия восстановительного процесса.

Заключение. Таким образом, историография восстановления угольной промышленности Донбасса прошла путь от публицистического описания трудовых достижений к комплексному изучению производственных, административных и социально-экономических аспектов. После 1991 г. расширение источниковой базы позволило глубже исследовать механизмы восстановления и положение трудовых коллективов.

Список литературы

1. Марциновский П.Н. Современная историография угольной промышленности донбасса (советский период) // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. – 2014. – Т. 27 (66). – С. 49-56. – EDN UMMHOT.
2. Донбасс на подъеме: к 10-летию со дня освобождения Донбасса от немецко-фашистских захватчиков – Сталино: Сталинское обл. изд-во, 1953 г. – 68 с.
3. Бакулев Г.Д. Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна – Москва: Госполитиздат, 1955. – 672 с.
4. Восстановление угольной промышленности Донецкого бассейна. – М.: Углетехиздат, 1957. – Т. 2. – 779 с.
5. Емченко Г.Я. Годы суровых испытаний: из истории партийных организаций Донбасса в период Великой Отечественной войны (июнь 1941-1945 гг.). – Луганск: Обл. изд-во, 1961. – 205 с.
6. Мавроди В.И. Коммунисты Донбасса в борьбе за восстановление тяжелой промышленности в годы Великой Отечественной войны (1943-1945 гг.). – М: Изд-во Моск. ун-та, 1962. – 64 с.
7. Хорошайлов Н.Ф. Деятельность Коммунистической партии по возрождению Донбасса 1943-1945 гг. – Киев: Вища шк., 1973. – 240 с.
8. Бровар А.В. Вугільна промисловість Луганщини у початковий період відбудови (1943-1945 рр.) // Наукові праці: Науково-методичний журнал. – 2009. – С. 91-94.
9. Броварь А. В. Правовое регулирование восстановления угольной отрасли Донбасса в послевоенный период (1943–1953 гг.). – 2016. – С. 197-203. EDN UHBHOL.
10. Вугільний Донбас у другій половині XX століття / [В. М. Василенко, О. М. Данілін, З.Г. Лихолобова та ін.]; під ред. З.Г. Лихолобової. – Донецьк: ДонНУ, 2001. – 317 с.
11. Околотин В.С. О мерах Государственного комитета обороны по восстановлению угольных шахт Донбасса в январе-марте 1943 г // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2020 – С. 72-78. – EDN PRRQFQ.
12. Агапов В.Л. Деятельность Государственного комитета обороны по восстановлению угледобычи в комбинате «Сталинуголь» в сентябре–декабре 1943 г. // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2023. – № 2 (85). – С. 94-112.
13. Добров П.В., Есип И М. Трудовая деятельность женщин Донбасса в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Донецк: Друк-Инфо, 2000. – 239 с.
14. Добров П.В., Суюсанов Л.І. Шахтарі України в роки Другої світової війни (1939–1945 рр.). – Донецьк: Норд-Прес, 2009. – 199 с.

УДК 94(47).084.8

ЭВАКУАЦИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ ИЗ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА В ОМСКУЮ ОБЛАСТЬ (1941–1943 ГГ.): ЧИСЛЕННОСТЬ, РАЗМЕЩЕНИЕ И УСЛОВИЯ ПРЕБЫВАНИЯ

Кулиш Е.А.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
elena.spasova.4118@gmail.com

Введение. Эвакуация гражданского населения из Ленинграда в годы Великой Отечественной войны стала одной из крупнейших гуманитарных операций. Особое место в ней занимал вывоз детей и подростков - наиболее уязвимой категории населения. Омская область, расположенная в глубоком тылу, стала одним из важных центров приёма эвакуированных. По архивным данным, только из Володарского района Ленинграда в Омскую область с 29 июня 1941 г. по 1 ноября 1942 г. было направлено 1 945 детей и подростков. Общее число ленинградских детей, принятых Омской областью, по разным оценкам, достигло 16-18 тыс. чел., размещённых в более чем 90 детских учреждениях. При этом в административных границах того времени Омская область включала территории, позднее составившие Тюменскую область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, что необходимо учитывать при анализе географии размещения.

Цель исследования – на основе архивных документов и опубликованных источников реконструировать процесс эвакуации детей и подростков из блокадного Ленинграда в Омскую область в 1941-1943 гг., Научная новизна определяется введением комплекса архивных документов по ряду районов Ленинграда и систематизацией сведений о численности эвакуированных детей и подростков на территории Омской области в административных рамках 1941-1943 гг.

Основная часть. Историография темы представлена работами В.Н. Селиванова, К.Г. Букреневой, А.В. Сушко и М.С. Носовой. В.Н. Селиванов одним из первых ввёл в научный оборот широкий круг источников о блокаде и ленинградских детях, приведя данные о численности эвакуированных, этапах вывоза и помощи Омской области осажденному городу [1]. К.Г. Букренева на основе архивных документов реконструировала процессы эвакуации, обустройства и организации жизни ленинградских детских домов в Ханты-Мансийском национальном округе; численность принятых Омской областью ленинградских детей она определяет в 15 938 чел. (94 учреждения) [2, с. 61]. А.В. Сушко и М.С. Носова реконструируют повседневную жизнь эвакуированных детей на Омской земле, вводя в оборот ранее неопубликованные материалы [3].

Согласно данным В.Н. Селиванова, уже к 5 июля 1941 г. из Ленинграда было эвакуировано 212 206 детей, в том числе 97 099 дошкольников и 115 110 школьников. Большая часть направлялась в районы Ленинградской области, остальные - в Ярославскую [1, с. 28]. К 7 августа 1941 г. в разные районы СССР было вывезено 311 387 детей [1, с. 30]. До 27 августа 1941 г. из Ленинграда эвакуировано 636 203 чел.; в городе к началу сентября 1941 г. оставалось 2 544 000 чел., в том числе около 400 тыс. детей дошкольного и школьного возраста [1, с. 30].

Эвакуация в Омскую область носила общегородской характер. В настоящем исследовании учитывались дети и подростки до 17 лет включительно (возрастной порог, обусловлен практикой военного времени - подростки с 14 лет могли работать на предприятиях, но всё ещё оставались несовершеннолетними). По данным архивных документов, общая численность проживающих ленинградских детей в детских учреждениях на 03.07.1942 г. составляла 12 900 чел. [4, л. 36]; выехавших с родителями (родственниками) с 1941 по 1943 гг. - около 8 082 чел. Районная структура этой категории эвакуированных представлена в таблице 1.

Табл. 1. Эвакуация детей и подростков Ленинграда в Омскую область в 1941-1943 гг. (без учёта детских учреждений). Составлено по архивным документам ЦГА СПб.

Район Ленинграда	**Период эвакуации**	**Дети и подростки**	**Взрослые**
Володарский	29.06.1941 - 01.11.1942	1 945	2 326
Смольнинский	10.07.1941-10.11.1942	656	1 310
Свердловский и Василеостровский	15.08.1941-27.03.1943	685	1 130
Выборгский	27.05.1942-10.11.1942	455	543
Приморский	07.07.1941-11.04.1942	859	1 475
Октябрьский	15.02.1942-13.08.1942	393	896
Куйбышевский	26.07.1941-31.12.1943	1 163	1 006
Ленинский	23.07.1941-15.07.1942	410	661
Дзержинский	16.07.1941-03.09.1943	400	874
Красногвардейский	27.07.1941-31.12.1943	507	765
Московский	14.08.1941-31.10.1943	221	184
Петроградский	1941-1942	239	486
Фрунзенский	14.08.1941-31.10.1942	94	206
Кронштадт	15.07.1941-31.12.1941	55	30
Итого		**8 082**	**11 892**

Таким образом, совокупная численность детей, прошедших через Омскую область, складывается из двух категорий: около 8 082 чел. выехали с родителями (родственниками) и 15 938 чел. - воспитанники детских учреждений [2, с. 61]. Минимальная общая численность –

24 020 чел.; с учётом смертности, усыновлений и убытия в другие регионы она могла достигать 25 тыс. чел.

Эвакуация прошла в три этапа: первый (29 июня – 27 августа 1941 г.) [2, с. 61] - преимущественно в Ленинградскую и Ярославскую области; второй (сентябрь 1941 - апрель 1942 г.) [2, с. 61] - самый масштабный и трагичный; третий (май-октябрь 1942 г.) [2, с. 61]. Согласно решению от 25.08.1942 № 73-67, для детей от 1 до 12 лет вводилась дополнительная платная эвакуация: 65 руб. в месяц за одного ребенка или 32,5 руб., если доход семьи был менее 100 руб. на чел. [6, л. 69]. С 01.11.1942 основная эвакуация была прекращена, но по особому разрешению ГЭК вывозились детские учреждения, инвалиды и хронически больные [5, л. 6].

Детские учреждения размещались неравномерно. Значительная группа была переведена в Ханты-Мансийский национальный округ (Ягодный, Песчаный, Ямской, Кедрово, Лиственничный, Нялино, Урманное, Сургут), а также в районы, позднее вошедшие в Тюменскую область (Ялуторовск, Заводоуковск, Пятково, Троицк, Емуртла, Суерка, Хохлово, Петелино, Новые Юрты, Антипино и др.) [6; 7].

Условия пребывания были неоднородными и в большинстве случаев тяжёлыми. Так, в детском доме № 51 (Антипино) дети прибыли легко одетыми, помещения требовали ремонта, продукты не были отоварены [7, л. 69-71]. В детском доме № 38 (Заречный) зафиксированы случаи жестокого обращения и неравного распределения питания [6, л. 45, 216].

Заключение. Эвакуация детей Ленинграда в Омскую область в 1941-1943 гг. была масштабным, многоэтапным и в значительной степени организованным процессом. Общее число принятых детей по минимальным оценкам превышало 24 тыс. чел., а с учётом дополнительной эвакуации, усыновлений, убытия и смертности могло достигать 25 тыс. чел.

Список литературы

1. Селиванов В.Н. Стояли как солдаты. Блокада. Дети. Ленинград. – СПб.: ЭГО, 2002. – 214 с.
2. Букренева К.Г. Эвакуированные ленинградские детские дома в Ханты-Мансийском национальном округе в годы Великой Отечественной войны: дис. … канд. ист. наук. – Нижневартовск, 2015. – 219 с.
3. Сушко А.В., Носова М.С. Дети Ленинграда на Омской земле в годы Великой Отечественной войны // Новейшая история России. – 2020. – Т. 10, № 2. – С. 330-347.
4. ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 17. Д. 676.
5. ЦГА СПб. Ф. Р-330. Оп. 1. Д. 15.
6. Архив ХМАО-Югры. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 184.
7. ГАТО. Ф. Р-500. Оп. 1. Д. 52.

УДК 796(571.53)

ПЕРВЫЕ СПАРТАКИАДЫ НАРОДОВ СССР КАК ЧАСТЬ КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ В СЕР. 1950-Х – НАЧ. 1960-Х ГГ.

Липатов А.В., канд. ист. наук, доц., ORCID 0000-0001-8536-4732
ФГБОУ ВО «Волгоградская государственная академия физической культуры»,
г. Волгоград, РФ
elita_lee@mail.ru

Введение. В исследованиях, посвященных истории культурного строительства в СССР в период хрущевской «оттепели», большое внимание уделяется анализу направлениям деятельности учреждениям культуры, проблемам взаимоотношений властей и творческой интеллигенции, развитию художественных течений и творческих объединений и пр. Однако, физическая культура и спорт, как сферы социально-культурной деятельности, выпадают из поля зрения исследователей. Последнее обстоятельство актуализирует изучение данных сфер и крупных спортивных соревнований как составных частей построения социализма в СССР.

Целью исследования заключается рассмотрение процесса организации и проведений первых Спартакиад народов СССР, как составных частей культурного строительства.

Основная часть. На период сер. 1950-х – нач. 1960-х гг. приходилась последняя стадия культурной революции, начавшейся ещё после Октября 1917 г., в связи с переходом советского общества на путь строительства коммунизма, что было отражено в Программе КПСС (1961 г.) [3, с. 310-311].

Большое значение в общественно-политической и культурной жизни советского общества с сер. 1950-х гг. стали играть Спартакиады народов СССР, которые рассматривались властями «свидетельством неустанной заботы партии и правительства о здоровье трудящихся, о массовом развитии физической культуры и спорта в стране, о воспитании сильных телом и духом, жизнерадостных строителей коммунизма…» [7, с. 1].

Организация первых Спартакиад народов СССР отражало вектор общественно-политического развития советского общества после XX съезда КПСС (1956 г.), когда Н.С. Хрущев призывал в идеологической работе проводить идею о том, что советский народ является творцом истории, создателем всех материальных и духовных благ [5, с. 131]. Это в полной мере заметно в проведении первых Спартакиад, как самых масштабных социальных проектов, направленных на аккумулирование человеческого потенциала, развитие физических способностей и спортивных достижений, формирование патриотизма, демонстрацию

превосходства социализма и советского строя над западной капиталистической системой [1, с. 66].

Первая Спартакиада народов СССР была проведена в 1956 г., последующие соревнования летние и зимние организовывались, как правило, в год, предшествующий Олимпийским играм. Спартакиадам народов СССР предшествовали соревнования разного уровня: от смотра спортивных достижений низовых физкультурных ячеек на заводах и учреждениях, образовательных организаций и добровольных спортивных обществ, до областных, краевых и республиканских. В программе финальных соревнований были представлены все культивируемые в СССР олимпийские виды спорта.

Заметно, что участников Спартакиад такого формата состязаний ставилось с каждым разом все больше, это обусловливало не только рост участников физкультурно-массового движения в советском обществе, но и уровень спортивного мастерства. Так, например, I (летняя) Спартакиада народов СССР продолжалась 12 дней (с 05 по 16 августа 1956 г.) и объединила представителей 40 национальностей, а в финальных соревнованиях приняло участие более 9 тысяч участников; а во II (летней) Спартакиаде (с 08 по 16 августа 1959 г.) в соревнованиях приняло участие уже 13 тысяч физкультурников [6, с. 1].

Традиционно Спартакиады проводились на московском Центральном стадионе им. В.И. Ленина (ныне стадион *«Лужники»),* представляющий собой спортивный город, в котором были созданы материально-технические и социальные основы для полного цикла подготовки физкультурников к соревнованиям. При этом, стадион выступал мощнейшим символом и отражением успеха социалистического строительства в СССР – своим существованием он демонстрировал технологическое превосходство и скорость строительства, возможное только при советском строе.

Спартакиады народов СССР стали большим толчком к развитию физкультурно-массового движения, популяризации спорта и пополнения спортивного резерва страны. За время I Спартакиады народов СССР установить 355 новых рекордов союзных республик, а также 33 новых всесоюзных рекорда, 9 из которых превысили рекорды мира. В ходе соревнований было показано 455 результатов мастеров спорта [4, с. 4]; в дни проведения II (летней) Спартакиады участники установили 154 новых республиканских и 10 всесоюзных рекордов (по другим данным 12 всесоюзных рекордов) [2, с. 93]. Также, подготовка к проведению I Зимней Спартакиады народов СССР (1962 г.) дала импульс к развитию зимних видов спорта в тех республиках, где он не занимал ведущее место, как, например, Украинская ССР, Казахстанская ССР, Латвийская ССР и Эстонская ССР.

Несомненно, и то, что Спартакиады народов СССР стали основами для отбора и пополнения спортивного резерва страны, когда в условиях сложнейших этапов состязаний происходил процесс сепарации выбора сильнейших физкультурников для участия в будущих крупных соревнованиях различного уровня.

Заключение. Спартакиады народов СССР, как крупные физкультурно-спортивные соревнования страны, демонстрировали успехи социалистического строительства. Ни одна страна мира не могла показать подобный формат массовых соревнований с постоянно растущим количеством участников, а условия проведения свидетельствовали о высоком уровне организации от низовых физкультурных ячеек до формирования сборных команд от союзных городов и республик.

Проведение Спартакиад народов СССР показывало те коренные преобразования в культуре советского общества, которые произошли в мирные послевоенные десятилетия.

Подобные соревнования служили не только ресурсом для формирования спортивного резерва страны, но и инструментом для социальной интеграции вокруг идей социализма и строительства коммунизма в СССР. Спартакиады, как и многие другие социально-политические маркеры успешного коммунистического строительства (ударные стройки комсомольцев, перевыполнение производственных планов, внедрение новых изобретений и передового опыта и др.) выступали частью той новой культуры, которую строили советские люди в послевоенные десятилетия.

Список литературы

1. Дежкина, О. Е. Спорт для всех: история всесоюзных спартакиад / О. Е. Дежкина // Вестник спортивной истории. – 2020. – № 4 (23). – С. 66-72. – EDN HRJEYD.
2. Ежегодник Большой советской энциклопедии / Гл. ред. Б.А. Введенский. – М.: Гос. науч. изд-во «Большая советская энциклопедия», 1960.
3. Ермаков, В. Т. Дискуссия конца 50-х – 60-х годов о культурной революции / В. Т. Ермаков // Советская культура: 70 лет развития. – М.: Наука, 1987. – 400 с.
4. Итоги Спартакиады народов СССР // Правда. – 1956. – 18 августа. – № 231.
5. Кузнецова, Е. И. Государственная культурная политика (1950-е - начало 1960-х гг.) / Е. И. Кузнецова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2012. – № 1-1. – С. 131-138. – EDN PISXHN.
6. На марше – спортивная гвардия // Известия. – 1959. – 09 августа. – № 188 (13115).
7. Праздник молодости, силы и красоты // Известия. – 1956. – 5 августа. – № 186 (12184).

УДК 93/94 «1918-1921»

СОВЕТСКОЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ В ТЕРСКО-ДАГЕСТАНСКОМ РЕГИОНЕ (1918–1921 ГГ.)

Лобанов В.Б., канд. ист. наук, доц., ORCID 0000-0001-9608-6619
Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева», г. Санкт-Петербург, РФ
lobanov2024@yandex.ru

Введение. Одним из последствий свержения самодержавия в России являлось активное переустройство административно-территориального деления территории бывшей империи. Не миновал этого процесса и Северный Кавказ. С приходом к власти большевиков, в ходе Гражданской войны были сделаны первые попытки создания советской государственности на Тереке и в Дагестане.

Цель работы – рассмотрение деятельности большевиков Северного Кавказа по перестройке административно-территориального деления Терской и Дагестанской областей в 1918-1921 гг.

Основная часть. Терская советская республика стала первым опытом становления Советской власти на территории Северного Кавказа. Большевики не сразу укрепили свою власть на Тереке. Первоначально они противостояли региональным антибольшевистским силам, попытавшимся создать Юго-Восточный союз в октябре 1917 г., а затем и Временное Терско-Дагестанское правительство [7, с. 68]. Однако эти административно-территориальные образования были недолговечными, терские большевики во главе с С.М. Кировым развернули активную политическую деятельность, вылившуюся в созыв 1-го и 2-го съездов народов Терека (январь-март 1918 г.), что в конечном итоге привело к провозглашению в начале марта 1918 г. Терской советской республики [4, с. 92] в составе Советской Российской республики. В Дагестане борьба за победу власти Советов растянулась на апрель – начало мая 1918 г.

Практически сразу терским большевикам пришлось столкнуться с оппозицией терского казачества, первоначальный нейтралитет которого привел к установлению Советской власти в регионе. На 3-ем съезде народов Терека в мае 1918 г. в Грозном было принято решение о передаче части земель чеченцам и ингушам в качестве меры, которая должна была подтвердить лояльность последних к большевикам. Это настроило против такой политики терское казачество, которое в июне 1918 г. начало антибольшевистское восстание [1, с. 101], которое поддержали частично осетины и кабардинцы. Большевиков спасала только разобщенность восставших, несогласованность их действий и примерное равенство сил в регионе.

В итоге только при помощи сил 11-ой и 12-ой Красных армий, отступавших на Терек с территории Кубани и Ставрополья под натиском Добровольческой армии под командованием генерала А.И. Деникина, местным большевикам удалось в ноябре 1918 г. подавить терское восстание.

В свою очередь белогвардейцы на рубеже 1918-1919 годов выбивают большевиков с территории Терека, устанавливают здесь режим военной диктатуры [3, с. 56]. В мае 1919 г. Вооруженные силы на Юге России молниеносным ударом выбивают силы Горской республики с территории Дагестана [2, с. 131; 5, с. 99]. Региональные большевики уходят в подполье, был организован Кавказский краевой комитет (большевиков), руководивший вооруженной борьбой в регионе. Они играли активную роль как в деятельности созданного в сентябре 1919 г. Северокавказского эмирата во главе с Узун-Хаджи Салтинским [6, с. 73], так и в Совете обороны Северного Кавказа, созданного в Дагестане в октябре 1919 г.

Весной 1920 г., после разгрома войск Терско-Дагестанского края ВСЮР большевики восстановили Советскую власть, было принято решение о создании на территории Терской и Дагестанской областей двух советских автономий – Горской и Дагестанской АССР, что законодательно было оформлено в январе 1921 г. Из территорий, не вошедших в состав горских советских автономий, первоначально была создана Терская губерния.

Заключение. Большевики, придя к власти на Тереке в марте 1918 г., допустили ряд ошибок, приведших к падению власти Советов в феврале 1919 г. В Дагестане большевики пришли к власти на областном уровне в апреле-мае 1919 г., были выбиты из региона в августе-сентябре силами генерала Л.Ф. Бичерахова. Возвратившись к власти в начале 1920 г., были учтены прошлые ошибки, созданы региональные горские автономии, что должно было перетянуть на сторону большевиков широкие массы рядовых горцев.

Список литературы

1. Добрякова, Н.А., Лобанов, В.Б., Пыльцын, Ю.С. Гражданская война на Северном Кавказе: отряд генерала И.Н. Колесникова (ноябрь 1918 – январь 1919 гг.) // Современная научная мысль. – 2018. – № 5. – С. 100-106.
2. Камбиев, А.М. Антибольшевистская государственность на Северном Кавказе и в Закавказье в 1918-1921 гг.: сравнительный анализ современной историографии // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 129-137.
3. Камбиев, А.М. Терек и Дагестан под властью Терско-Дагестанского края ВСЮР (начало 1919 – март 1920 гг.) // Тенденции развития науки и образования. – 2021. – № 80-3. – С. 53-55.
4. Камбиев, А.М. История Горской республики в 1918–1919 гг. в изложении В.-Г. Джабагиева // Доклады АМАН. 2024. Т. 24. № 3. С. 88–98.

5. Лобанов, В.Б. Гражданская война на Северном Кавказе: Горская республика (май 1918 – май 1919 гг.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 3. – С. 95-104.
6. Лобанов, В.Б. Политическая элита Северного Кавказа в годы революции и гражданской войны: планы и реализация политических концепций // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 1. – С. 70-78.
7. Лобанов, В.Б., Михайлов, В.В. «Против попытки небольшой кучки попирать волю широких слоёв своего народа... Советская власть будет выступать самым решительным образом» // Военно-исторический журнал. 2017. № 12. С. 68-73.

УДК 94(477.62)"192/193":331.2

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА РАБОЧИХ ДОНБАССА В КОНЦЕ1920-Х – НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.

Людоровская Т.Ю., канд. ист. наук, доц. ORCID 0009-0006-3707-5999
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
t.ludorov@mail.ru

Введение. Для Донбасса конец 1920-х – начало 1930-х гг. – период бурного роста промышленности и первых пятилеток. Изучение зарплат рабочих региона актуально на сегодняшний день, так как позволяет проследить, как государство решало сложную задачу привлечения и удержания рабочей силы, как выстраивалась система материального стимулирования с учетом социальных последствий. Появляется возможность проследить, как государственная политика в сфере оплаты труда влияла на уровень жизни трудящихся, производительность и текучесть кадров.

Цель работы – изучение заработной платы на примере рабочих ведущих отраслей Донбасса с выявлением противоречий, которые возникали в исследуемый период.

Основная часть. Материальное положение рабочей семьи наиболее полно характеризовали ее бюджеты. Доходы формировались преимущественно из заработной платы, дополняемой страховыми пособиями. Такая структура стимулировала интерес человека к труду на производстве и служила укреплению государственного бюджета.

В конце 1920-х гг. в среднем в Донбассе на различных предприятиях была повышена заработная плата приблизительно в 5 раз [1, с. 108].

Однако стоит отметить неравномерный рост зарплаты: в период первой пятилетки заработная плата была снижена; так, средняя зарплата шахтера составляла в 1929 г. 79 руб. 80 коп., крепильщика – 123 руб., других подземщиков – 78 руб., 38 коп. [2, с. 5].

В годы второй пятилетки благодаря реконструкции народного хозяйства начинается постепенный рост зарплат.

В октябре 1927 г. на юбилейной сессии компартии был принят Манифест о переходе на 7-часовой рабочий день, а для рабочих угольной промышленности был установлен 6-часовой [3, с. 59].

Изучая статьи газеты «Социалистический Донбасс» за 1930-1936 гг., можно определить, что средняя зарплата на 1930 г. обычного рабочего составляла 200-350 руб. в месяц [4, с. 1]. В первой половине 1935 г. средняя зарплата составляла уже 460 руб., а в декабре 1935 г. – 830 руб. Как писала жена мастера забоя Е. Бондаренкова, ее муж «приносил домой каких-то 200 рублей». После включения в стахановское движение, он стал зарабатывать 1200 руб. [5, с. 2]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что зарплата стахановца была выше обычной приблизительно в 6 раз.

Проследим динамику роста средней месячной зарплаты в каменноугольной промышленности:

• в 1929 г. средняя зарплата составляла 63 руб. 27 коп.;

• в 1931 г. она выросла до 93 руб. 95 коп.;

• в 1932 г. она достигла 122 руб. 50 коп. [6, с. 16-28].

Для сравнения, по «Итогам выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР» в 1928 г. зарплата по всем отраслям была в целом невысокой и составляла 58 руб. 06 коп.

Исходя из изученных данных, наблюдаем устойчивый и значительный рост зарплат в угольной промышленности.

В начале 1930-х гг. прошла тарифная реформа, направленная на то, чтобы «бить по уравниловке в оплате труда» и поднимать зарплату ведущим профессиям. Это стимулировало рабочих повышать квалификацию. В Донбассе, как и по всей стране, широко внедрялась прогрессивно-премиальная сдельная оплата, при которой за каждый процент перевыполнения нормы начислялся 1% премии на всю зарплату.

Результаты всех проведенных реформ были заметны. Например, крепильщик Чернышев в январе 1931 г. зарабатывал 4 руб. 20 коп. за смену, а в декабре – уже 5 руб. 77 коп., выполняя норму на 141% [7].

Однако у этой системы были и обратные стороны: введение новых, более высоких норм выработки иногда приводило к резкому снижению заработка – на 20-60% для отдельных групп рабочих. Это вызывало серьезные конфликты на заводах, такие как на заводе им. Ворошилова в Луганске в 1930 г.

Ключевой проблемой было то, что номинальный рост зарплаты плохо конвертировался в реальное благосостояние. Так, в 1928/29 хозяйственном году номинальная зарплата выросла на 9,4%, но из-за подорожания продуктов на рынке реальная зарплата увеличилась лишь на 2%. Как видим, инфляция «съедала» реальный рост.

С 1930 г. вводилась карточная система распределения продуктов. Шахтеры, как привилегированная категория рабочих, получали, например, 200 г мяса на 20-22 дня, в то время как служащие – только 100 г.

Тем не менее, рабочие сталкивались с плохими бытовыми условиями, нехваткой воды и жилья, что также влияло на общую оценку уровня жизни. Рабочие Донбасса по-прежнему жили в старых дореволюционных домах, землянках и общежитиях – каждое пятое строение грозило обрушением. И при этом квартплата, коммунальные платежи и транспорт дорожали все ощутимее.

«Уравниловка» в оплате труда тормозила производство, и с начала 1930-х гг. власть взялась за реформу с прицелом на социальную справедливость. Переломным стало постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 21 мая 1933 г. «О заработной плате в угольной промышленности Донбасса» – его решения затронули не только уголь, но и всю промышленность. Появились новые тарифы с четкой разницей между высшими разрядами. Разрыв получился серьезный: передовики высших разрядов стали зарабатывать в 2-3 раза больше остальных.

Заключение. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. заработная плата рабочих Донбасса, и в первую очередь шахтеров, росла быстрыми темпами. Однако этот рост был крайне неравномерным, а его реальная ценность часто «съедалась» инфляцией и ростом цен на рынке.

Таким образом, в изучаемый период в Донбассе наблюдался быстрый рост номинальной денежной заработной платы, особенно в угольной промышленности. Однако реальный уровень жизни рабочих повышался гораздо медленнее из-за инфляции, дефицита товаров и тяжелых бытовых условий. Выявленные противоречия дают основания констатировать, что с одной стороны, наблюдался постепенный рост номинальных зарплат, а с другой – на реальное положение дел сильно давили другие факторы: несвоевременная выплата (что становилось причиной стачек), рост цен, дефицит товаров, а в начале 1930-х гг. – хлебный кризис и введение карточек. Исследование позволяет увидеть разрыв между формальными показателями и реальной жизнью рабочих Донбасса.

Список литературы

1. Ильюхов, А. А. Как платили большевики. Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1918–1941 гг. / А. А. Ильюхов. – М.: ИНИОН РАН, 2010. – 415 с.
2. Вестник ДонУгля, 1929, № 55 – 56.
3. Лихолобова, З. Г. Рабочие Донбасса в годы первых пятилеток / З. Г. Лихолобова. – Донецк, 1973. – 180 с.
4. Социалистический Донбасс, за январь – февраль 1931 г., № 3.
5. Социалистический Донбасс, за январь – февраль 1936 г., № 19.
6. Горная промышленность СССР. Т. 1. Вып. 1. Горнотопливная промышленность. М., Л., 1932. – 792 с.
7. Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) 1923-1938 гг. Москва. РОССПЭН. 2007. Том 3 1928-1938 гг. – С. 25-75.

УДК 669.1(477.6)"1950/1960"

МЕТАЛЛУРГИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ДОНБАССА В 1950–1960-Е ГГ.

Людоровский А.В., ORCID 0009-0003-8787-6100
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
andrejldorovskij@gmail.com

Введение. Период 1950–1960-х гг. стал для металлургической промышленности Донбасса временем интенсивного развития, технологической модернизации и наращивания производственных мощностей. После завершения послевоенного восстановления регион превратился в один из ключевых центров металлургии Советского Союза, обеспечивая значительную долю всесоюзного производства стали, чугуна и проката.

Широкая восстановительная программа, которая осуществлялась во второй половине 1940-х гг., способствовала определенной модернизации промышленного производства, а также дала некоторый импульс к его дальнейшему развитию.

Цель исследования – на основе анализа источников и литературы комплексно охарактеризовать развитие металлургической промышленности Донбасса в 1950–1960-е гг., выявить ее основные тенденции, достижения, технологические и организационные изменения, а также определить роль и место донбасской металлургии в экономике СССР и проблемы, проявившиеся к концу рассматриваемого периода.

Основная часть. После Великой Отечественной войны многие предприятия Донбасса были разрушены. Уже в первые послевоенные годы начался активный процесс восстановления. К 1950 г. довоенный уровень производства (выплавка чугуна, стали, выпуск проката) восстановили на ряде ключевых площадок: Донецком металлургическом заводе, а также на заводах в Макеевке, Енакиево, Краматорске и Константиновке [1, с. 46].

Наиболее устаревшие и маломощные металлургические агрегаты, не отстраивались, вместо них сооружались новые, характеризовавшиеся более высоким уровнем оборудования, были лучше пригодными к актуальным техническим требованиям. Широкомасштабное жилищное и промышленное строительство, сооружение новых крупных промышленных предприятий и реконструкция старых, расширение железнодорожной сети, быстрое развитие различных отраслей промышленности обусловливали увеличение потребности народного хозяйства в металле, а, соответственно, диктовали объективную необходимость увеличения объемов металлургической продукции и повышения ее качества.

В 1950-е гг. строительство и введение в действие новых мощностей по производству продукции черной металлургии приобрели большой размах. Партийно-советское руководство, взяв курс на интенсивное капитальное строительство и концентрацию производства, активно увеличивало объемы промышленного строительства в Донбассе.

С середины 1950-х гг. в черной металлургии прослеживается активизация процессов технического усовершенствования. Во второй половине 1950-х гг. на предприятиях начали внедряться новые технологии, имевшие значительный экономический эффект, что привело к повышению производительности труда, сокращению затрат сырья и ресурсов. Начало промышленного внедрения в металлургическом производстве кислорода и природного газа, изобретение кислородно-конвертерного способа выплавки стали привели к интенсификации выплавки чугуна и стали, снижению расхода сырья в производственных процессах.

Металлурги Донбасса сыграли значительную роль в техническом прогрессе в отрасли. Сталинской премией было отмечено применение на производстве (впервые в стране) системы испарительного охлаждения мартеновских печей в 1950 г., в 1960 г. группа работников металлургических заводов Донецкого региона получила Ленинскую премию за разработку технологии и промышленное внедрение природного газа в доменном производстве, в том же году на Сталинском заводе была введена в эксплуатацию крупнейшая в мире установка по непрерывной разливке стали [2, с. 174].

В 1960-х гг. продолжалось внедрение современный технологии в отрасли, хотя и более медленными темпами. Большие объемы строительства в отрасли, а также определенная интенсификация производства, которой удалось достичь благодаря изобретению и внедрению новых технологий, обусловили существенный рост объемов металлургической продукции предприятий Донбасса, темпы которого в 1960-х гг. были несколько меньше, чем в 1950-х гг., и скромнее, по сравнению с теми, которые предусматривали партийные директивы.

Изменения в системе управления, рационализация экономических связей, внедрение новой техники и технологии, а также повышение оптовых цен на промышленную продукцию 1948, 1955 гг. имели своим следствием превращение предприятий металлургии из убыточных в рентабельные [3, с. 157].

Несмотря на значительный рост количественных показателей производства, перехода от экстенсивного к интенсивному пути развития не произошло, хотя научно-технический прогресс в отрасли, в 1950-е гг. по своим объемам носивший действительно беспрецедентный характер, давал для этого все основания.

Развитие металлургического производства тормозили и серьезные недостатки в производственной деятельности предприятий, среди которых

частые нарушения технологической дисциплины, простои агрегатов, высокая аварийность, связанная либо с неудовлетворительным техническим состоянием оборудования, либо с нерадивым отношением к нему, несвоевременные поставки сырья [4, с. 35].

Реформа не смогла решить проблемы отрасли в регионе, не предложила реальной модернизации. Определенное улучшение экономических показателей, продолжавшееся во второй половине 1960-х гг., было вызвано преимущественно не реформой, а другими факторами (строительством, освоением проектных мощностей, внедрением новой технологии), действие которых началось ранее.

Заключение. 1950-1960-е гг. характеризуются постепенным улучшением качественного состава инженерно-технических работников металлургической отрасли Донбасса, которое оказалось в существенном сокращении количества практиков на предприятиях и замещении их дипломированными специалистами. Несмотря на положительные сдвиги в производственной деятельности металлургов, развитие инициативы сдерживалось действием негативных факторов: недостаточным использованием материальных методов поощрения к труду, чрезмерным бюрократизмом, административным давлением.

В целом, 1950–1960-е гг. стали для металлургической промышленности Донбасса временем серьезного рывка: регион укрепил статус одной из ключевых металлургических баз страны, но одновременно наметились и факторы, которые позже потребовали новых масштабных реформ.

Список литературы

1. Лихолюбова З. Г. Страною возвеличенный Донбасс: Очерки. Донецк: Донбасс, 1987. – 271 с.
2. Буждежан А.В. Чорна металургія Донбасу у 50-80-і рр. XX ст. (історіографія проблеми) // Історичні і політологічні дослідження / Гол. ред. П.В.Добров. – 2005. – № 3/4. – С. 172–183.
3. Саржан А. О. Розвиток металургійного комплексу Донбасу в 40–80-х роках XX століття // Історичні і політологічні дослідження: Науковий журнал. – 2002. – № 1 (9). – С. 153–161.
4. Никитин Д. И. Социально-экономическое развитие Донбасса в 1940–1980-х гг. // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. – 2018. – № 1. – С. 32–38. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://magistravitaejournal.ru/images/1_2018/nikitin.pdf (дата обращения 01.10.2026).

УДК 94(47)"1918/1920":32.019.5

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ ПО РВСР И ОСВАГА: КЛЮЧЕВАЯ РОЛЬ ИДЕОЛОГИИ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ

Малый А.И.
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», г. Москва, РФ
Maliy-sasha04@mail.ru

Введение. Тема военно-политического противостояния в годы Гражданской войны в России часто носит чрезвычайно политизированный характер, вследствие чего довольно часто рассматривается в исторической науке однобоко, с перекосом в одну или другую сторону. Южном фронте 1918–1920 гг., где война, по словам Л. Д. Троцкого, приняла чисто крестьянский характер [1], предметом спора сторон оказалась не скорость создания военно-политического аппарата, а право назвать, за что именно этот аппарат воюет.

Актуальность обусловлена спором о роли большевиков в судьбе России и утверждениями, будто их победа достигнута примитивными средствами силового давления и обмана. Подобные тезисы дискредитируют целый этап отечественной истории и порождают спекуляции о «рабском менталитете». Объектом выступают органы информационно-пропагандистской работы РККА и Белого Юга, предметом – политико-идеологические парадигмы Политотдела Реввоенсовета Республики (далее – ПО РВСР) и ОСВАГа. Цель работы состоит в том, чтобы проверить гипотезу: ключевым преимуществом большевиков стала не военная диктатура сама по себе, а прагматичная и отзывчивая к запросам населения пропаганда, легитимизировавшая власть как наименее катастрофический выход из хаоса.

Агитация [лат. – приведение в движение] предполагает склонение к действию, пропаганда [лат. – то, что стоит распространить] – формирование выгодного образа мыслей. Системой агитпропа мы вправе назвать лишь механизм, соединяющий информирование с побуждением к гражданскому действию. Ряд белых структур именуется пропагандистскими, хотя их характер был иным; для них автор сохраняет наименование основателей – осведомительные.

Парадигма ПО РВСР. Организация красного агитпропа базировалась на принципах самой большевистской партии – жесткой централизации и профессионализме кадров. Это была партия «профессиональных революционеров», уяснивших за годы конспирации цену организации и силу слова. Декретом от 15 января 1918 г. создавалась РККА; спустя десять дней возник Организационно-агитационный отдел

Всероссийской коллегии по ее формированию. Параллельно сложился институт военных комиссаров. Принципиальным отличием военкома РККА от комиссара Временного правительства являлось то, что он становился «непосредственным политическим органом Советской власти при армии» [2], лицом неприкосновенным, ответственным за благонадежность военспеца, но не вправе вмешиваться в выработку оперативного решения.

11 июня 1918 г. под руководством Л. Д. Троцкого было принято решение о формировании РВСР. На орган полевого управления легла и партийно-политическая работа. Становление шло трудно: Д. А. Фурманов свидетельствовал, что еще в начале 1919 г. она нередко сводилась к «политналетам» [3]. Тем не менее идеологический каркас уже был ясен. Резолюция VIII съезда РКП(б) об отношении к среднему крестьянству заставила Южфронт скорректировать язык: от войны с кулаком – к союзу с середняком при опоре на бедноту [4]. Именно здесь обнаруживается главное свойство красной парадигмы – способность к прагматической адаптации без отказа от стратегической цели. Н. Е. Какурин связывал боеспособность с ролью политорганов и комиссаров [5].

Адресат был назван прямо: рабочий, беднейший и средний крестьянин, красноармеец из деревни. Под него кроились газета, листовка, митинг комиссара, ликбез. РОСТА и «Окна РОСТА» переводили тезис на язык, доступный полуграмотному зрителю. Цепь получалась принудительная, но работающая: декрет – газета обязана его напечатать – политотдел разъясняет в части – комиссар держит ответ за настроение – телеграф размножает формулу. Идеология не висела над структурой внешним лозунгом, а диктовала само устройство аппарата.

Парадигма ОСВАГа. Белая информационная работа на Юге получила наиболее четкое оформление, однако выросла из иной логики. ОСВАГ возник как осведомительное агентство при дипломатическом отделе, а не как орган мобилизации масс под положительную программу будущего. С. С. Чахотин фиксировал разрыв между задачей организовать общественное мнение и практикой ведомства, собиравшего сводки без ясно сформулированного адресата [6]. П. Кенез отмечал идеологическую неопределенность Белого движения как системное свойство [7].

Концепция непредрешения будущего строя обязывала говорить о России «единой и неделимой», о законности и порядке – и одновременно запрещала дать крестьянину внятный ответ по земле, рабочему – по фабрике. А. И. Деникин в «Очерках Русской Смуты» сам признавал, что армия воевала, не имея возможности предложить населению законченную политическую формулу. Смена вывески – из агентства в Отдел пропаганды при Особом совещании – не отменила исходного противоречия. Партийная разнородность издательств Юга («Донская Волна», «Великая Россия», «Приазовский край», «Вольная Кубань») затрудняла состыковку повесток.

Белая пресса умела обличать, но с трудом объясняла, во имя какого конкретно завтра крестьянин должен отдать сына в Добровольческую армию.

Отсутствие классовой ориентации обязывало художников ОСВАГа создавать либо отвлеченные работы, либо агрессивный лубок. Красная визуальная продукция формировала народно-пролетарскую эстетику для широкой аудитории; белые эмблемы сохраняли связь с офицерской и церковной традицией. Начиная от одежды, заканчивая строевой песней, большевистское слово стремилось стать «их», родным и понятным. Белая парадигма чаще видела в солдате исполнителя приказа, а в крестьянине – среду, которую надлежит осведомить о злодеяниях врага.

Заключение. Ввиду вышесказанного не представляется неожиданной прямая корреляция между идеологией, устройством политорганов и исходом борьбы. Парадигма ПО РВСР мыслила информацию как средство мобилизации человека; парадигма ОСВАГа – как осведомление штаба и обличение врага. Ключевая роль идеологии состоит не в том, что одна сторона «лучше сочиняла листовки», а в том, что идеология либо порождает аппарат, способный ответить на запрос массы, либо запрещает аппарату этот ответ дать. Победа красных представляется автору общим знаменателем плебисцита 1918–1920 гг., меньшим из зол, занявшим нишу наиболее благоприятной силы из представленных. Общество не доверилось тем, кто сам не смог обозначить предмета борьбы.

Список литературы

1. Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии / Л. Д. Троцкий. – Т. 2. – Берлин : Гранит, 1930. – 337 с.
2. Из истории Гражданской войны в СССР: сб. док. / Ин-т марксизма-ленинизма. – Т. 1. – Москва : Сов. Россия, 1960.
3. Фурманов Д. А. Чапаев / Д. А. Фурманов. – Москва : Худож. лит., 1979.
4. Ленин В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – 5-е изд. – Т. 37. – Москва : Политиздат, 1969.
5. Какурин Н. Е. Как сражалась революция / Н. Е. Какурин. – Т. 1–2. – Москва : Госиздат, 1925–1926.
6. Чахотин С. С. Организация: принципы и методы в производстве, торговле, администрации и политике / С. С. Чахотин. – Берлин : Опыт, 1923. – 248 с.
7. Kenez P. The Ideology of the White Movement / P. Kenez // Soviet Studies. – 1980. – Vol. 32. – P. 58–83.

УДК 94(477.6)”1985/1990”:351.761.1

НЕТРАДИЦИОННЫЕ МЕТОДЫ БОРЬБЫ С АЛКОГОЛИЗМОМ В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ АНТИАЛКОГОЛЬНОЙ КАМПАНИИ 1985–1990 гг. НА ТЕРРИТОРИИ ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ

Марченко О.А., ORCID 0009-0003-8312-549X
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
olgammar4enko@yandex.ru

Введение. Антиалкогольная кампания, начавшаяся в 1985 г., в историографии рассматривается, прежде всего, как комплекс запретительных и административных мер. Однако архивные документы свидетельствуют о том, что ее организаторы пытались выйти за рамки принуждения и искали нестандартные пути решения проблемы. С точки зрения проводимой антиалкогольной политики каждый гражданин, страдающий зависимостью, должен был рассматриваться как человек, страдающий тяжелым заболеванием и потому особо нуждающийся в лечении и социальной поддержке. Данная программа предполагала различные пути ресоциализации и возвращение пьющего человека к полноценной жизни и труду. Поскольку алкоголизм рассматривался как заболевание, борьба с ним требовала участия компетентных специалистов.

Цель работы. Рассмотреть антиалкогольную кампанию 1985-1990 гг. в Донецкой области, выявить и охарактеризовать нестандартные методы борьбы с алкоголизмом и дать оценку их практической эффективности.

Основная часть. Потребление алкоголя в 1984 г. на душу населения в Донецкой области составляло 12 литров спиртных напитков, вместе с пивом - 28 литров [1]. Эти цифры свидетельствуют о том, что проблема носила системный характер и требовала не только запретительных мер. Необходимо было искать нестандартные методы борьбы с распространившейся социальной болезнью.

Показательным свидетельством поиска нестандартных решений является пункт рабочего плана Центрального Совета Всесоюзного добровольного общества борьбы за трезвость (далее ВДОБТ) от 25 ноября 1985 г., предписывающий организовать совместно с учеными республики разработку математической модели борьбы с алкоголизмом [2]. Сама постановка такой задачи свидетельствует о стремлении найти системное научно обоснованное решение проблемы. Однако ни одного свидетельства о разработке или внедрении такой модели в архивных документах обнаружено не было. Одним из нововведений, в работе по профилактике и воспитанию трезвого образа жизни было появление народных университетов.

Согласно отчетам областного отдела здравоохранения за 1987 г., в Донецкой области действовала разветвленная сеть народных университетов здоровья, в Александровском, Краснолиманском, Первомайском, Новоазовском, Шахтерском районах [3]. В Ленинском районе г. Донецка работало несколько народных университетов. При больнице №7 действовал Университет гигиенических и медицинских знаний с факультетами «За здоровый образ жизни» и «Здоровая молодежь – наше будущее». По статистическим данным на 1988 г., его охват составлял 620 слушателей. При больнице № 6 функционировал народный университет «Здоровье», который имел два факультета: «Здоровый образ жизни» и «Здоровье», охватывающий 400 слушателей. При общей численности членов общества по району в 13274 человека эти показатели свидетельствуют о том, что новая форма работы не стала массовой [4].

Таким образом, несмотря на расширение сети народных университетов и их активную работу в ряде городов Донецкой области, охват слушателей оставался ограниченным и не мог обеспечить массового перелома в формировании трезвого образа жизни.

Еще одним уникальным нововведением кампании в Донецкой области был метод излечения от пьянства и алкоголизма, внедренный на базе ВДОБТ. В отчете Куйбышевского районного Совета ВДОБТ г. Донецка за 1989 г. указано, что в структуре доходов общества 420 руб. 40 коп. составили членские взносы, а 200 руб. - поступления за избавление от пьянства методом Г.А. Шичко; всего этим способом было избавлено от вредных привычек 4 человека [5]. По данным Кировского районного совета ВДОБТ, методом Г.А. Шичко было избавлено от пьянства 40 чел., в Петровском районе - 4 чел. [5].

Опираясь на собранные факты, можно сделать вывод о внедрении не только пропагандистской и агитационной работы ВДОБТ, а еще и введение новых нетрадиционных методов лечения.

Особого внимания заслуживает психотерапия по методу А.Р. Довженко (кодирование), которая позволяла в короткое время, практически за один сеанс, достичь положительных результатов у 95-98 % лечившихся. Следует отметить, что метод А.Р. Довженко, официально одобренный Министерством здравоохранения, применялся в Донецком областном наркологическом диспансере с 1985 г., прием проводился анонимно. Результаты оказались впечатляющими за 1985-1987 гг. этим методом было пролечено 3755 больных алкоголизмом, из них срыв наступил у 84 человек (2,2%), а эффекта не было у 56 человек (1,5%). Таким образом, устойчивый результат был достигнут у 96,3% пациентов [6].

Иная ситуация сложилась с эмоционально-стрессовой гипнотерапией по методу В.Е. Рожнова. Разработанный метод сочетал разъяснительную беседу, эмоциональное воздействие и гипнотическое внушение. Несмотря на его теоретическую разработанность, в Донецкой области этот метод не

получил широкого распространения, что было связано, прежде всего, с отсутствием специальных циклов подготовки наркологов по психотерапии [7].

Заключение. Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что антиалкогольная кампания 1985–1990 гг. в Донецкой области не сводилась исключительно к запретительным и административным мерам. Наряду с ними предпринимались попытки внедрения нетрадиционных методов борьбы с алкоголизмом: создание народных университетов здоровья, применение психотерапевтических методик (Г.А. Шичко, А.Р. Довженко, В.Е. Рожнова), а также разработка математической модели борьбы с алкоголизмом. Наиболее успешным оказался метод А.Р. Довженко («кодирование»), показавший устойчивый результат у 96,3% пациентов. Архивные документы подтверждают: идея будущего без алкогольной зависимости действительно рассматривалась, и попытка бороться с алкоголизацией всеми возможными методами была. Однако в целом внедрение инноваций сталкивалось с ограничениями. Среди препятствий можно выделить недостаточный охват населения через народные университеты, отсутствие подготовки наркологов по психотерапии, нереализованность математической модели. Опыт кампании показывает, что эффективная борьба с алкоголизмом требует не только административного нажима, но и системной долгосрочной работы. Эти уроки могут быть учтены для формирования современной антиалкогольной политики.

Информация о финансовой поддержке. *Исследования проводились в рамках государственного задания (номер регистрации 124012400354-0).*

Список литературы

1. Государственный архив Донецкой Народной Республики (далее – ГА ДНР). Ф. Р-6764. Оп. 1. Д. 3. Л. 26.
2. ГА ДНР. Ф. Р-6764. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.
3. ГА ДНР. Ф. Р-4856. Оп. 1. Д. 24. Л. 26.
4. ГА ДНР. Ф. Р-6764. Оп. 1. Д. 61. Л. 33.
5. ГА ДНР. Ф. Р-6764. Оп. 1. Д. 78. Л. 110, 121.
6. ГА ДНР. Ф. Р-4856. Оп. 1. Д. 3238. Л. 20.
7. ГА ДНР. Ф. Р-4856. Оп. 1. Д. 3167. Л. 34.

УДК 93/94 «1917»

К ВОПРОСУ О РОЛИ М.А. КАРАУЛОВА В ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.

Мельников А.В., ORCID 0009-0005-0068-0506
ФКУ «Российский государственный архив Военно-Морского Флота»,
г. Санкт-Петербург, РФ
fazaelectro@mail.ru

Введение. В ходе Февральской революции лидер Независимой группы Государственной Думы М.А. Караулов сыграл одну из решающих ролей. Первоначально вошедший в состав Временного Комитета Государственной Думы, М.А. Караулов был позднее отправлен в почетную «ссылку» – стал комиссаром ВКГД и Временного правительства в Терской области.

Цель работы – рассмотрение роли депутата II-го и IV-го созывов Государственной думы, терского казачьего активиста М.А. Караулова в подготовке и проведении Февральской революции 1917 г.

Основная часть. В настоящий момент основная масса исследователей, занимающихся вопросами, связанными с Февральской революцией 1917 г., достаточно определенно утверждают, что штабом и мозговым центром революции стал Временный Комитет Государственной Думы IV-го созыва (1912-1917 гг.). Общеизвестны ее признанные лидеры, среди которых: Председатель Думы М.В. Родзянко, П.Н. Милюков, А.Ф. Керенский, В.В. Шульгин, А.И. Гучков. В этой связи несколько в стороне стоит фигура Михаила Александровича Караулова, который сыграл в февральско-мартовские дни 1917 г. одну из ведущих ролей [2, с. 239].

Терский казак М.А. Караулов, активный общественник, депутат II-го и IV-госозывов Государственной Думы, играл одну из важнейших ролей в думской деятельности 1914-1917 гг. Возглавляя внефракционную Независимую группу с конца 1913 г., М.А. Караулов первоначально собирался стать частью Национал-демократической партии, однако начавшаяся Мировая война нарушила эти планы. В 1915 г. «независимые» во главе с Карауловым намеревались стать часть оппозиционного Прогрессивного блока, однако и этот политический альянс не удался.

Отмечалось, что первоначально умеренно-оппозиционная роль карауловцев постепенно радикализируется. Это происходит в 1916 г. на фоне «переговоров» с Г.Е. Распутиным, стремившимся склонить М.А. Караулова на свою сторону в предстоящей схватке за власть. В этом же году Караулов с думской трибуны фактически проговаривается о грядущем политическом перевороте [3, с. 12-13]. На рубеже 1916-1917 гг.

начинается открытая борьба думцев против правительства, одним из лидеров которой становится М.А. Караулов.

В начавшихся февральских событиях 1917 г. лидер Независимой группы играет не последнюю роль – его назначают комендантом Таврического дворца, он наводит «революционный» порядок в прилегающих к российскому парламенту кварталах. В его руках сосредоточена военно-административная власть. В этой связи неслучайно его назначение в переходный орган власти – Временный комитет Государственной Думы. Казалось бы, отсюда прямая дорога во Временное правительство, назначенное до созыва Всероссийского Учредительного собрания.

Однако М.А. Караулов не получает там министерского поста, назначается комиссаром ВКГД и Временного правительства в Терскую область и отбывает в начале марта 1917 г. на Родину [7, с. 51], где в скором времени становится первым за долгий период выборным атаманом Терского казачьего войска [4, с. 286; 6, с. 41].

Заключение. Роль М.А. Караулова в подготовке и непосредственном участии в свержении самодержавия в России в ходе Февральской революции 1917 г. следует считать значительной. Однако ее победители после революции, использовав его «втемную», «откупились» от него, назначив комиссаром ВКГК и Временного правительства в родной для М.А. Караулова Терской области [1, с. 68; 5, с. 248].

Список литературы

1. Михайлов В.В., Лобанов В.Б. «Против попытки небольшой кучки попирать волю широких слоев своего народа… Советская власть будет выступать самым решительным образом» // Военно-исторический журнал. – 2017. – № 12. – С. 68–73.
2. Николаев А.Б. Караулов Михаил Александрович // Государственная дума Российской империи: 1906-1917: Энциклопедия – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – С. 239–240.
3. Чемакин А.А. От «конструктивной оппозиции» – к революции: М.А. Караулов и Независимая группа в 1914 – 1917 гг. // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. / Ред. колл.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. – СПб., 2015. – С. 7–14.
4. Чемакин А.А. Русские национал-демократы в эпоху потрясений: 1914 – начало 1920-х годов / Науч. ред. А.А. Иванов. – СПб.: Владимир Даль, 2018. – 606 с.
5. Лобанов В.Б. Терек и Дагестан на рубеже 1917-1918 гг. в описании генерала А.И. Деникина // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 248–256.
6. Лобанов В.Б. Терское казачество в борьбе с большевиками летом-осенью 1918 г. в описании генерала Г.А. Вдовенко // История, археология и этнография Кавказа. – 2025. – Т. 21. № 1. – С. 38–44.
7. Лобанов В.Б. От Терской области к Горской АССР: Терек в 1917-1921 гг. // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 1. – С. 48–60.

УДК 94: 356.15 (477.6) «1941-1945»

ИТОГИ БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 4-ГО ГВАРДЕЙСКОГО МЕХАНИЗИРОВАННОГО КОРПУСА В МИУССКОЙ ФРОНТОВОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

Мишечкин Г.В., канд. ист. наук, доц., ORCID 0000-0001-5869-156X
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк, РФ
mishechkin2213@mail.ru

Введение. Миусская фронтовая наступательная операция (17 июля – 2 августа 1943 г.) осуществлялась силами Южного фронта (далее – ЮФ) (командующий – генерал-полковник Ф.И. Толбухин). От итога данной операции в немалой степени зависели и результаты Курской битвы июля-августа 1943 г. – главного стратегического противостояния на советско-германском фронте, во многом определившего дальнейший ход Великой Отечественной войны. Миусская операция находилась в поле зрения специалистов, но по большому счёту зачастую в тени Курской битвы и Донбасской стратегической наступательной операции августа-сентября 1943 г. Поэтому ряд эпизодов названной фронтовой операции нуждаются в дальнейшем более глубоком анализе.

Цель работы – проанализировать итоги боевой деятельности 4-го гвардейского механизированного корпуса (далее – 4 Гв. мк; полное название соединения – 4-й гвардейский механизированный Сталинградский Краснознамённый, орденов Суворова и Кутузова корпус; командир корпуса – генерал-майор танковых войск Т.И. Танасчишин) в Миусской фронтовой наступательной операции, которые зафиксированы, в первую очередь, в советских оперативных документах. Учитывая небольшой объем работы, акцентируем внимание на выявленных недостатках в ходе операции и некоторых предложениях по повышению эффективности боевой работы.

Основная часть. Прежде чем мы начнём излагать основной материал, сделаем ряд уточнений. Во-первых, с 9 июля 1943 г. 4 Гв. мк был подчинён 2-й гвардейской армии (далее – 2 Гв. А) ЮФ [1, л. 7]. Во-вторых, корпус должен был использоваться во втором эшелоне наступления. В-третьих, в июльских боях корпусу предстояло прорвать глубокоэшелонированную линию укреплений вермахта «Миус-фронт», что следовало учитывать в предстоящих боях.

К моменту начала Миусской операции – к 17 июля 1943 г. в состав 4 Гв. мк входили следующие подразделения и части: 13-я, 14-я и 15-я гв. механизированные бригады (мбр), 36-я гв. танковая бригада (тбр), 62-й отдельный мотоциклетный батальон (омцб), 747 истребительно-

противотанковый артиллерийский полк (иптап), 483 миномётный полк (минп), 160 зенитно-артиллерийский полк (зенап), 138-й отдельный сапёрный батально (осб) [1, л. 14]. Танковый парк корпуса включал 136 Т-34, 37 Т-70, 30 М3А1 (танк «Стюарт» (США)). Соединение имело бронеавтомобилей БА-64 38 ед. и БА-20 ед. Кроме того, 5 танков, причём 3 Т-34, а также 7 бронеавтомобилей БА-64 находились в ремонте. Личный состав трёх механизированных и одной танковой бригад корпуса на 11 июля 1943 г. составлял 11066 человек [1, л. 12 об.].

Действуя во втором эшелоне наступления, 4 Гв. мк должен был не позднее 3.00 19 июля, переправившись на «вражеский» берег р. Миус в районе населённого пункта Дмитриевка, ударом в направлении указанного пункта, а также Мариновки, Калиновки и Успенской развить успех действовавшего впереди 2-го гвардейского механизированного корпуса.

Несмотря на то, что 17-19 июля 4 Гв. мк участия в операции не принимал, он нёс потери от налётов авиации люфтваффе. Концом дня 20 июля датируются первые боевые потери корпуса: 47 чел. убитыми, 52 чел. ранеными, 2 Т-34, 2 76 мм пушки, 7 противотанковых ружей, 21 грузовик, 1 мотоцикл и т. д. [1, л. 34.]. В журнале боевых действий (далее – ЖБД) корпуса зафиксировано, что 20 июля 4 Гв. мк освободил Калиновку и Семёновский, захватил высоту 196,0 [2, л. 48].

Однако, неоднократно в течении следующего дня – 21 июля – проходили переговоры командарма 2 Гв. А Я.Г. Крейзера с начальником штаба и командующим ЮФ – С.С. Бирюзовым и Ф.И. Толбухиным, на которых командование фронта высказало недовольство действиями 2 Гв. А, а командарм, в свою очередь, указал на передачу 4 Гв. мк зачастую непроверенной информации [1, л. 37]. В ЖБД 4 Гв. мк за 21 июля отмечалось, что соединение де-факто остановило движение [2, л. 48].

В этот же день штаб 2 Гв. А разослал четырем своим корпусам (двум стрелковым и двум механизированным) документ, в котором обозначил общие замечания: «недопустимая медлительность в принятии решений и недостаточная настойчивость в проведении в жизнь принятого решения», не умение сосредоточить огневые средства на направлении главного удара, плохое взаимодействия родов войск, завышение сил врага, неправдивая информация и т. д. В отношении непосредственно командира 4 Гв. мк были выдвинуты следующие главные претензии: передача непроверенной информации и не выполнение корпусом поставленной задачи [3].

В ЖБД 2 Гв. А были указаны данные потерях армейских соединений за 17-22 июля включительно, в т. ч. 4 Гв. мк, который за указанный промежуток потерял 239 чел. убитыми, 606 чел. ранеными, 38 Т-34, 23 автомашины, 6 миномётов, 1 рацию [1, л. 45 об.].

К концу 23 июля корпус фактически утратил боеспособность, т. к. в нём оставалось 33 танка (23 Т-34 и 10 Т-70). Все вышеперечисленные потери стали основанием для командования 2 Гв. А подготовить приказ о

том, что в ночь на 25 июля 1943 г. 4 Гв. мк должен был сдать свои боевые участки 86-й гвардейской стрелковой дивизии и 13-му гвардейскому стрелковому корпусу, а все оставшиеся в механизированных бригадах танки должны быть сведены в 36 Гв. тбр [1, л. 53]. Но на этом Миусская операция для 4 Гв. мк не завершилась, так как обозначенная сводная бригада и противотанковая артиллерия корпуса оставались для усиления ещё одного соединения 2 Гв. А – 1-го гвардейского стрелкового корпуса.

После того, как вермахт 30 июля 1943 г. нанёс сильный контрудар, соединениям ЮФ в целом, и 2 Гв. А в частности, пришлось откатиться на позиции, занимаемые до начала Миусской операции. Согласно данным ЖБД 4 Гв. мк, единственное боеспособное соединение корпуса – 36 Гв. тбр – была снята с занимаемых позиций 1 августа 1943 года, т. е. накануне последнего дня операции [2, л. 50].

В итоге Миусская операция не привела к занятию и расширению плацдарма на западном берегу р. Миус, повлекла за собой существенные потери, но соединениям 2 Гв. А удалось сковать оперативные резервы вермахта, и совместно с другими соединениями ЮФ не допустить их переброску на Орловско-Курско-Белгородское направление.

Заключение. Таким образом, оперативные документы 2 Гв. А и 4 Гв. мк свидетельствуют о недостатках, которые имели место в ходе боевой работы 4 Гв. мк в Миусской фронтовой наступательной операции 1943 года. Среди наиболее распространённых: недочеты в управлении войсками, которые привели к тому, что корпус отклонился от выполнения поставленной задачи; медлительность в принятии решений, а также отсутствие решительности проведения их в жизнь, передача непроверенных и зачастую лживых данных, вносивших путаницу в понимание штабом армии обстановки; плохое взаимодействие родов войск, особенно наземных войск с авиацией, что было причиной существенных потерь, особенно в танковом парке и автотранспорте; рассредоточенность огня на направлении главного удара. В оперативных документах настойчиво рекомендовалось повысить эффективность и слаженность взаимодействия родов войск.

Несмотря на сказанное выше, в целом итоги Миусской операции штабом 2 Гв. А и 4 Гв. мк были признаны такими, которые соответствовали выполнению армией и корпусом главной задачи. Боевой опыт, полученный 2 Гв. А и 4 Гв. мк в Миусской фронтовой операции, был учтён при планировании Донбасской стратегической наступательной операции.

Список литературы

1. Журнал боевых действий 2 Гвардейской армии за период с 01.07.43 по 02.08.43 // ЦАМО. Ф. 303. Оп. 4005. Д. 65. (здесь и далее документы соединений РККА взяты с официального сайта «Память народа» - pamyat-naroda.ru).

2. Журнал боевых действий 4-го гвардейского мехкорпуса за 22.05.42 – 28.02.45 // ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2928. Д. 13.
3. Командирам 2-го Гв. мк, 4-го Гв. мк, 13 Гв. ск. Копия командиру 1-го Гв. ск // ЦАМО. Ф. 303. Оп. 4005. Д. 97. Л. 148-149.

УДК 654.16(091)(571.14)"1918/26"

К ИСТОРИИ РАДИОСВЯЗИ В НОВОНИКОЛАЕВСКЕ (1918–1926 ГГ.)

Морев В.А., канд. ист. наук, доц., ORCID 0000-0003-0972-2475
ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», г. Томск, РФ
morev.vladimir52@mail.ru

Введение. В начале XX в. радиосвязь являлась новым видом связи. При этом она обладала определенными преимуществами – для радиосвязи не нужны были телеграфные линии и провода, которые приходилось прокладывать и ремонтировать. Большевики ощущали острую необходимость в оперативной связи с удаленными регионами, такими как Сибирь и Дальний Восток, сначала в условиях Гражданской войны и временного перехода значительных территорий под контроль их противников, а затем для строительства государства с социалистической идеологией, которую можно было транслировать в том числе при помощи радио.

В статье представлена краткая история радиосвязи в Новониколаевске, который с 1921 г. стал центром Новониколаевской губернии, а с 10 марта 1926 г. был переименован в Новосибирск.

Историю радиосвязи в Новониколаевске в той или иной степени затрагивали в своих работах такие авторы, как О.Я. Потапова [1, с. 149–155], И.В. Самарин [2], И.В. Лизунова [3, с. 65–96], В.А. Морев [4, с. 280–284], С. Венцимеров [5], А. Дерябина [6] и др.

Цель исследования – используя материалы Государственного архива Новосибирской области (ГАНО), показать, как зарождалась и развивалась радиосвязь в Новониколаевске в течение 1918–1926 гг.

Основная часть. В начале 1918 г. группой телеграфистов, присланных Советским правительством в города Западной Сибири, были установлены приемные радиостанции в Барнауле, Бийске, Славгороде и Тюмени. Среди телеграфистов были моряки Балтийского флота [1, с. 149–150]. В Новониколаевск моряки-телеграфисты были направлены в марте, а 10 апреля 1918 г. в помещении здания городской гостиницы на углу Красного проспекта и ул. М. Горького был установлен радиоприемник, что позволило начать прием правительственных телеграмм [7, с. 728].

1920-е гг. стали началом радиофикации страны. 27 января 1921 г. Наркомату почт и телеграфов было поручено оборудовать радиоустановки для взаимной телефонной связи в Москве и наиболее важных пунктах республики [8, с. 5].

Согласно докладу о состоянии приемной радиостанции в Новониколаевске от 29.09.1921 г., она находилась в удовлетворительном состоянии. Но были отмечены и дефекты: близость электрической станции; неисправность одной из машин (что мешало приему); аккумуляторы для зарядки приходилось возить на местный телеграф (это прерывало прием из-за неимения перевозочных средств). Прием производился от Москвы, Российского телеграфного агентства (РОСТА) и иностранной прессы. Весь прием доставлялся Сиброста (Сибирским отделением РОСТА). Состав коллектива станции: заврадио – 1, радиотелеграфистов – 7, сторож-рассыльный – 1, всего 9 человек. По штату не хватало машинистки-переписчицы [9, л. 17].

24 октября 1921 г. в Закаменском районе Новониколаевска открылась радиостанция, которая не только принимала, но и передавала сигналы. Радиостанция могла держать двустороннюю связь с Красноярском, Семипалатинском, Томском и Читой [10, л. 1–2]. Руководил работами старший телеграфист с крейсера «Аврора» Балтийского флота А.М. Зоткевич, ставший затем начальником этой радиостанции [7, с. 728].

Новониколаевская радиостанция имела две мачты высотой 106 м [11, л. 5–6 об.]. У нее была Г-образная антенна. Проволочная сеть, заменяя заземление, опутывала широкий двор. Электрический ток вырабатывался двумя генераторами. Их якоря приводились во вращение дизелем. Сигналы передавались ключом Морзе с помощью электромагнитного реле [12].

По данным на май 1922 г., Новониколаевская станция служила для связи с городами Сибири и Урала, а также с Москвой. Принимались сигналы радиостанций Ганновера, Гибралтара, Науэна, Парижа, Рима, Харбина и др. [13, л. 9].

В 1924 г. Сибревком одобрил проект создания сети радиовещательных станций в Новониколаевске и окружающих городах. Планировалось, что после начала работы мощной электростанции (в конце 1925 г.) в Новониколаевске будет установлена широковещательная радиотелефонная станция, которая передавала бы сигналы не знаками Морзе, а словами. Задача этой станции – связать город с деревней [12].

Строительство шло с перебоями. Так, в выписке из журнала «Пролетарий связи» № 9 за 1924 г., сохранившейся в ГАНО, отмечено, что с самого начала постройка рации приняла затяжной характер. В частности, Наркомат почт и телеграфов не имел в наличии всех необходимых деталей для такого рода радиостанции, поэтому детали из центра высылались не сразу, а иногда присылались более худшие заменители нужных деталей.

Разрозненность и несвоевременность доставки всего необходимого привела к затягиванию постройки радиостанции [14, л. 24–24 об.]

Тем не менее, несмотря на перечисленные выше трудности, летом 1926 г. в Новониколаевске с помощью радиовещательного передатчика РВ-6 была осуществлена первая передача [7, с. 725, 728].

Заключение. Таким образом, в 1918–1926 гг. радиосвязь Новониколаевска прошла путь от установки первого радиоприемника до запуска радиовещательного передатчика, что отражало общероссийские и общесоюзные тенденции становления нового вида связи. Первоначально радиосвязь имела сугубо военно-политическое значение, обеспечивая оперативное получение правительственных телеграмм в условиях Гражданской войны и укрепляя связь центра с Сибирью. Решающий этап развития наступил в первой половине 1920-х годов, когда радиосвязь в Новониколаевске получила не только приемные, но и передающие функции, что превратило город в важный узловой пункт связи между Москвой, Уралом и Дальним Востоком. Опыт Новониколаевска показал, что становление радиосвязи на местах было сложным, но необратимым процессом, заложившим фундамент для последующей массовой радиофикации советской Сибири.

Список литературы

1. Потапова О.Я. Радиофикация Западной Сибири в период строительства социализма // Исторические аспекты экономического, культурного и социального развития Сибири. Ч. 2. Новосибирск, 1978. С. 149–155.
2. Самарин И.В. Радио Сибири: архивной строкой // Советская Сибирь. 1996. 7 мая.
3. Лизунова И.В. Радио в Новосибирске [1918–2005] // Средства массовой информации Новониколаевска – Новосибирска, 1906–2006 гг.: слов.-справ. / авт.-сост.: А.Л. Посадсков, И.В. Лизунова. Новосибирск, 2007. С. 65–96 : ил., портр.
4. Морев В.А. Радиосвязь антибольшевистских сил в Сибири (1918–1920 гг.) // История белой Сибири: сборник научных статей / ред. С.П. Звягин. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2011. С. 280–284.
5. Венцимеров С. Голос, звучащий в эфире. Главы из исторического исследования // Сибирские огни. 2016. № 11. URL: http://журнальныймир.рф/content/golos-zvuchashchiy-v-efire (Дата обращения: 16.07.2026).
6. Дерябина А. Первая радиостанция и сигналы с Марса // Советская Сибирь. 2019. 3 апреля. – URL: http://www.sovsibir.ru/news/168678 (Дата обращения: 17.07.2026).
7. Новосибирск: Энциклопедия. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 2003. 1072 с.
8. Шамшур В.И. Ленинские декреты о радиостроительстве // Радио. 1960. № 3. С. 3–6.
9. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-151. Оп. 3. Д. 24. Л. 17.
10. Анкета № 2 по оперативно-эксплуатационной части Новониколаевской радиостанции // ГАНО. Ф. Р-142. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–2.
11. Анкета № 1 по технической части Новониколаевской радиостанции // ГАНО. Ф. Р-142. Оп. 1. Д. 6. Л. 5–6 об.
12. Радиостанция в Новониколаевске // Красное знамя. 1925. 5 августа.

13. Сводка о деятельности Новониколаевской мощной приемно-передающей радиостанции по обмену корреспонденции на май 1922 г. // ГАНО. Ф. Р-142. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.
14. ГАНО. Ф. Р-151. Оп. 3. Д. 41. Л. 24–24 об.

УДК: 94(571.6)

ТРАДИЦИОННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ХОЗЯЙСТВО АЙНОВ: МЕЖДУ ОБЩИННОЙ АВТОНОМИЕЙ И ВНЕШНИМ ВЛИЯНИЕМ (ДО СЕРЕДИНЫ XIX В.)

Мурзин В.С., ORCID 0009-0004-2974-8853
ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет»,
г. Луганск, РФ
vitmurz1n@yandex.ru

Введение. Айны – коренной народ Дальнего Востока, обладающий самобытным языком, культурой и традициями. До середины XIX в. они населяли остров Хоккайдо, южную часть Сахалина, Курильские острова, отдельные районы низовьев Амура и юг Камчатки. К началу российско-японского территориального размежевания айны проживали преимущественно на Хоккайдо, Сахалине и Курилах, поэтому их судьба оказалась тесно связана с политикой двух соседних держав.

Актуальность темы определяется особенностями источниковой базы. Как отмечает Е. Г. Тюрленева, айны не имели собственной письменности, и их история, мифология и предания передавались устно [7, с. 372]. Долгое время айнское прошлое реконструировали по записям японских и русских наблюдателей. Это порождало искажения и устойчивые представления о «примитивности» айнского общества, которые нуждаются в критическом пересмотре на основе этнографических данных.

Цель доклада – проанализировать традиционную социальную организацию и хозяйственную деятельность айнов до середины XIX в. и выявить, как контакты с японцами повлияли на эти сферы жизни.

Основная часть. Основной социально-экономической единицей айнского общества был котан – община, обладавшая значительной политической и хозяйственной самостоятельностью. По определению А. М. Соколова, котан включал один крупный или несколько мелких посёлков, в каждом из которых насчитывалось от двух-трёх до более десяти домов [5, с. 225; 6, с. 116–117]. Поселения располагались в устьях и на берегах рек, у озёр и на морском побережье, то есть там, где было удобно ловить рыбу. Как отмечает М. В. Осипова, летом айны жили в жилищах тисэ у берега, а зимой могли перебираться в землянки на южных склонах возвышенностей [4, с. 50].

Первоначально локальные группы айнов были родовыми общинами. Со временем кровнородственный принцип уступил место территориально-общинному, хотя родство сохраняло большое значение. Единство котана обеспечивали коллективная собственность на промысловые угодья, совместные религиозные праздники и взаимопомощь. По предположению С. Ч. Лим, ядро общины составляла группа мужчин, происходивших от общего предка, – «поколение одного предка» (сине-экаси-икиру) [5, с. 226; 2, с. 148].

Семью возглавлял старший мужчина. Брак был экзогамным. По наблюдениям Э. Онуки-Тирни, преобладал брак за выкуп. Женщины обладали относительной свободой в выборе супруга, но нуждались в одобрении старейшины. Характерной чертой айнской семьи было усыновление, в том числе японских детей. Эта практика отражала открытость общества, однако в условиях растущего японского присутствия могла способствовать и размыванию этнических границ [5, с. 237; 3, с. 118].

Общиной руководил старейшина (котан-коро-нисьпа). Его звание обычно передавалось по наследству. При отсутствии сыновей преемника избирало общее собрание, и им мог стать даже человек «со стороны», если его считали более способным [5, с. 226; 2, с. 148]. Старейшина распоряжался праздниками, поддерживал связи с соседними общинами и представлял айнов в торговле с японцами. В мирное время его власть ограничивал совет старейшин. Сочетание наследственности, выборности и коллегиальности свидетельствует о развитой системе самоуправления.

Общество делилось на родовую аристократию (нисьпа) и рядовых общинников (утаракесь). Статус определялся не богатством, а возрастом и личными качествами [5, с. 251; 3, с. 102]. Показательно, что символами престижа служили японские мечи, навершия шлемов, лакированная утварь и шёлковая одежда. Статус айнской элиты всё больше зависел от доступа к иностранным товарам, и японская сторона могла использовать эту зависимость для усиления своего влияния [5, с. 251–253; 3, с. 27; 6, с. 149].

Хозяйство айнов основывалось на присваивающих отраслях. Ведущую роль играло рыболовство, прежде всего промысел кеты. Вяление, копчение и замораживание обеспечивали продовольственную безопасность: на Сахалине запасённая рыба была основой питания 7–8 месяцев в году [5, с. 291; 1, с. 128]. На Курилах развивался морской зверобойный промысел, а охота давала мясо и шкуры оленей и медведей. Женщины собирали около ста видов съедобных и лекарственных растений. Земледелием занимались в основном айны Хоккайдо, которые выращивали просо и ячмень, а от японцев переняли суходольный рис и пшеницу. Мировоззрение айнов было тесно связано с природопользованием: касаток почитали как божество и не охотились на них, а массовый лов лососевых во время нереста запрещался [6, с. 176; 5, с. 358; 1, с. 86].

Контакты с соседями постепенно меняли хозяйство айнов. Пушной промысел из потребительского превратился в торговый. В обиход вошли японские железные мотыги, серпы и топорики, а позднее и ружья. Эти изделия повышали эффективность труда, но одновременно создавали зависимость от внешних поставщиков и подрывали самодостаточность общины [1, с. 155].

Заключение. Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, социальная организация айнов представляла собой сложную и адаптивную систему. Автономная община, сочетание наследственного и выборного начал в управлении и совет старейшин опровергают представления о «примитивности» айнского общества. Во-вторых, хозяйство айнов было основано на глубоком знании природной среды. Сезонный цикл промыслов, развитые способы заготовки и природоохранные обычаи обеспечивали устойчивое природопользование, а гибкое разделение труда – эффективное использование ресурсов. В-третьих, внешние контакты носили двойственный характер. Заимствование культур, орудий и престижных товаров свидетельствовало о прагматизме айнов, но формировало их зависимость от японской торговли. К середине XIX в. противоречие между общинной автономией айнов и имперской экспансией Японии стало определяющим фактором их дальнейшей истории.

Список литературы

1. Арутюнов, С. А. Древнейший народ Японии : судьбы племени айнов / С. А. Арутюнов, В. Г. Щебеньков. – Москва : Наука, 1992. – 207, [2] с. – ISBN 5-02-017377-0. – EDN UXIVCZ.
2. Лим, С. Ч. История взаимоотношений айнов и японцев в период раннего феодализма в Японии (до XV в.) / С. Ч. Лим // Вестник Сахалинского музея. – 2008. – № 15. – С. 139–168. – EDN YSFIPB.
3. Онуки-Тирни, Э. Айны северо-западного побережья Южного Сахалина / Э. Онуки-Тирни ; перевод с английского и примечания Т. П. Роон // Краеведческий бюллетень. – 1996. – № 3. – С. 89–127.
4. Осипова, М. В. Айны острова Сахалин: традиции и повседневность : (очерки обрядовой культуры) / М. В. Осипова ; Дальневосточный государственный гуманитарный университет. – Хабаровск : Риотип, 2008. – 192 с. – ISBN 978-5-88570-006-0. – EDN RFLZFL.
5. Соколов, А. М. Айны : от истоков до современности : материалы к истории становления айнского этноса / А. М. Соколов. – Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2014. – 765 с. – ISBN 978-5-88431-259-3. – EDN VMWYFP.
6. Таксами, Ч. М. Кто вы, айны? : очерк истории и культуры / Ч. М. Таксами, В. Д. Косарев. – Москва : Мысль, 1990. – 318, [1] с. – ISBN 5-244-00431-X.
7. Тюрленева, Е. Г. Собрание божественных песен Айну (Айну синъёсю) Тири Юкиэ / Е. Г. Тюрленева // Ежегодник Япония. – 2019. – Т. 48. – С. 370-416. – DOI 10.24411/0235-8182-2019-10016. – EDN ZFGXTF.

УДК 94(470.45)17/19

МОДЕЛИ КОЛОНИЗАЦИИ ПОСЕЛЕНИЙ ПРАВОБЕРЕЖЬЯ НИЖНЕЙ ВОЛГИ В XVIII–XIX ВВ.

Овчарова А.Ю., канд. геогр. наук, ORCID 0000-0001-8696-8917
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный аграрный университет»,
г. Волгоград, РФ
ovcharova_82@list.ru

Волго-Донское междуречье, на протяжении столетий бывшее зоной военного противостояния и «Диким полем», в XVIII–XIX вв. превратилось в важный аграрный и транспортный регион. Строительство Царицынской сторожевой линии (1720 г.) создало инфраструктурный и военно-организационный каркас, который позднее был использован для гражданской колонизации. Однако многие локальные сюжеты, связанные с конкретными поселениями, до сих пор остаются фрагментарно изученными либо содержат разночтения в краеведческой литературе [1; 2; 4].

Данная работа опирается на архивные материалы Саратовского, Астраханского и Тамбовского архивов, планы генерального и специального межевания Царицынского уезда (1798–1815 гг.) из РГАДА (фонд 1354), опубликованные труды А.Н. Минха [3]. Методологическая основа – сравнительно-исторический, картографический и хронологический методы, метод исторической реконструкции.

Исследование позволило выделить следующие базовые модели колонизации, различающиеся по характеру землевладения, социальному составу первопоселенцев и динамике развития.

Модель «от маргинальных хуторов к государственной слободе» – Ерзовка. В конце XVIII в. в планах генерального межевания здесь обозначены Пичужинские хутора, заселённые беглыми казаками и бандитами [5]. В VI ревизии (1811 г.) впервые фиксируется селение Пичуга, населённое малороссиянами из Курской губернии – 270 ревизских душ [6]. Это позволяет утверждать, что официальной датой основания Пичужинской слободы является 1811 г. В VII ревизии (1816 г.) появляется Пичужинское сельцо - помещичья усадьба А. Поляковой (9 душ). К VIII ревизии (1834–1835 гг.) за слободой числилось 534 крестьянина мужского пола, 325 однодворцев и 95 малороссиян; в IX ревизии (1850 г.) – 2537 человек. Основными занятиями населения являлись скотоводство, хлебопашество и рыболовство.

Модель «фиктивного землевладения и массового переселения» – Орловка. Первое поселение возникло при графе Д.А. Зубове - хутор Царицын при Водяном буераке (по данным генерального межевания - 1798

г.) [5]. В V ревизию (1795 г.) все 17 душ мужского пола были фиктивно приписаны, проживая в селении Пичуга: хутор оказался классическим «хутором-призраком» с «мёртвыми душами». Реальное заселение началось с 13 октября 1811 г., когда сюда переселились 13 семей казённых малороссиян [6]. Массовое переселение произошло в 1832–1835 гг., когда по указам Саратовской казённой палаты переехали более 1000 человек (однодворцев, крестьян и малороссиян), преимущественно из Орловской губернии, что и дало новое название поселению. В 1830–1840-х гг. часть крестьян самовольно переселилась к берегу Волги, образовав хутор Рынок, который в 1867 г. отделился и получил статус села.

Ревизская сказка. 639.

1811го года декабря для Саратовской Губернии Царицынского Уезда Хуторв называемыв при рекахв Водяной и Собачьей балкахв - поступившихв по рапортю Саратовской Палаты Гражданского Суда Октября 13 дня сего года въ Казенное вѣдомство въ настоящую 6ю ревизию Мужескаго пола Малороссіянахв.

Рис. 1. Фрагмент ревизской сказки хутора при речке Водяной и Собачьей балках за 1811 года [6]

Модель «параллельного сосуществования общины однодворцев и государственной деревни» – Красный Колодец / Городище. На карте генерального межевания виден участок № 18 – хутор при Красном Колодце (1798 г.) [5]. В ревизских сказках 1815–1816 гг. при хуторе числится сельцо Красное, принадлежавшее статскому советнику Д.И. Ниротмоцову, с 24 дворовыми крестьянами; после его смерти в 1816 г. хутор перешёл детям. К моменту приезда первопереселенцев-однодворцев в 1832 г. здесь уже существовала деревня Городище, основанная в 1826 г., с 334 душами переселенцев из разных губерний. В 1832 г. из Курской губернии Судженского уезда переселились 193 души казённых крестьян, а в 1834 г. – ещё 360 душ из Корочанского уезда. Деревня Городище и хутор Красный Колодец оказались разными поселениями, возникшими отдельно друг от друга.

Модель «картографической фиксации без учётных данных» – Томилин. Деревня Томилино появляется на карте 1766 г. как единственный населённый пункт между Царицыном и Дубовкой. На карте 1790 г. он обозначен как казённая земля между балками Татариновой и Копоновой, переданная титулярному советнику П.И. Ивлякову. Однако в планах межевания (участок № 24) за 1819 г. хутор уже не значится, а земля числится за коллежским секретарём Ф.Д. Лятошинским без приписанных

душ. В списках населённых мест 1862 г., 1914 г. и в словаре А.Н. Минха Томилин отсутствует. Единственное достоверное свидетельство – Всесоюзная перепись 1926 г. (11 хозяйств, 58 жителей) [7]. Хутор исключён из учётных данных решением исполкома Волгоградского областного Совета от 30 октября 1964 г. как фактически не существующий, т.к. его территория попала в зону затопления Волгоградского водохранилища.

Общие закономерности колонизации. Все поселения демонстрируют ряд общих черт: 1) роль Царицынской сторожевой линии, создавшей инфраструктурный каркас; 2) переселение малороссиян как системная имперская стратегия; 3) феномен фиктивного землевладения («хутора-призраки»); 4) массовое переселение однодворцев и государственных крестьян в 1830-х гг. с обещанием по 15 десятин земли на ревизскую душу; 5) административные преобразования и смену названий; 6) локализацию всех поселений при балках, реках и родниках.

Проведенное исследование позволило выделить базовые модели заселения, репрезентативные для южнороссийских окраин. Установлена ключевая роль двух социальных драйверов: переселения малороссиян и переселения государственных крестьян и однодворцев в 1830-х гг. Прослежена закономерность: крупные поселения, получившие статус волостных центров (Ерзовка, Городище, Орловка), сохранились и развились в полноценные сельские или городские поселения современности; напротив, мелкие хутора частновладельческого типа (Томилин, Красный Колодец, части Никольского) либо были поглощены разрастающимися сёлами, либо исчезли полностью. Выживаемость поселения в долгосрочной перспективе зависела не от статуса владельца, а от численности и социальной однородности крестьянского коллектива, способного к самоуправлению.

Список литературы

1. Лавринова Т.И. Царицынская линия: история строительства в 1718–1720 и первые годы существования: монография. Волгоград: Издатель, 2012. 96 с.
2. Минх А.Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии: Южные уезды Царицынский и Камышинский. Современная версия / под ред. И.О. Тюменцева. Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2010. 566 с.
3. Овчарова А.Ю., Овчарова Е.О. Современное состояние Царицынской сторожевой линии // География в школе. 2025. № 3. С. 9–14. DOI: 10.47639/0016-7207_2025_3_9.
4. Планы дач генерального и специального межевания, 1746–1917 гг. (коллекция) // Российский государственный архив древних актов. Фонд 1354. Опись 435. Часть 1. Губерния, уезд: Саратовская; Царицынский.
5. Ревизская сказка жителей г. Царицына за 1811 г. (6 ревизия) // Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Фонд 28. Опись 1. Дело 170. 1811.
6. Список населенных мест Сталинградской губернии : По материалам всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 года / Ц.С.У. Р.С.Ф.С.Р. Сталинградск. губ. стат. отд. – Сталинград : Губисполком, 1928 ([тип.] Полиграфпром ГСНХ). XXII, 176 с.

УДК 93/94

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ СТАЛИНГРАДА НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

***Олейникова Е.Г.*[1],** д-р ист. наук, проф., ORCID 0009-0000-6646-6346,
***Симонова С.С.*[1,2],** канд. юрид. наук, доц., ORCID 0000-0001-7569-3479
[1] ГБОУ ВО «Волгоградская государственная консерватория им. П.А. Серебрякова», г. Волгоград, РФ
[2] Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ», г. Волгоград, РФ
gattogatto@mail.ru, simonova.ss@mail.ru

Введение. Социальная политика советского государства периода Великой Отечественной войны, известная как патерналистская модель, представляет бесспорный научный интерес в современных условиях, когда в Российской Федерации развивается и совершенствуется модель социального государства. Актуальность избранной темы обусловлена также тем фактом, что региональные аспекты социальной политики, деятельность местных органов власти по решению социальных проблем населения в условиях военного времени пока не получили достаточного научного осмысления.

Цель исследования – на основе изучения документов местных органов власти и материалов периодической печати Сталинградской области выявить наиболее острые социальные проблемы населения Сталинграда на завершающем этапе Великой Отечественной войны, обобщить основные направления и методы социальной политики в данный период.

Основная часть. Социальная политика государства в различные периоды является важным объектом изучения исторической науки. В нашей стране в течение сравнительно короткого времени происходила смена моделей социальной политики: от патернализма советского периода к социальному государству, основы которого начали формироваться в начале XXI в. Патернализм, в котором основными субъектами социальной политики являются органы государственной власти и управления, имеет как сильные, так и слабые стороны. Одним из достоинств данной модели является способность решать социальные проблемы в экстремальных ситуациях, порожденных глобальными экономическими потрясениями.

Сталинградская область стала одним из регионов, социальная инфраструктура которых наиболее пострадала во время Великой Отечественной войны. Ряд районов Сталинградской области в течение нескольких месяцев были оккупированы, другие, как и сам Сталинград, подвергались массовым бомбардировкам. В практически полностью

разрушенном городе после завершения Сталинградской битвы оставалось огромное количество незахороненных трупов, разбитой военной техники, заминированных территорий.

Сразу после освобождения города, в феврале 1943 г., местные власти начали разработку планов восстановительной политики. Титульный список объектов восстановления и строительства был утвержден сталинградским областным комитетом ВКП(б) 20 февраля [1, с. 470].

Сталинград являлся крупным промышленным центром, военная продукция которого была необходима фронту. Восстановление промышленного сектора стало приоритетным направлением государственной восстановительной политики. В рекордно короткие сроки – к июню 1943 г., возобновил выпуск танков Сталинградский тракторный завод; в июле возобновил выплавку стали металлургический завод «Красный Октябрь». Постепенно промышленный сектор восстанавливал производство сельскохозяйственной, строительной техники. Достигнуть довоенного уровня выпуска продукции предприятиям тяжелой промышленности удалось к концу 1940-х гг. [2, л.38,39].

Восстановление предприятий легкой промышленности и социальной инфраструктуры Сталинграда шло медленнее. В течение первой послевоенной пятилетки не смогли достигнуть довоенных показателей мясокомбинат, гормолзавод, кондитерская фабрика им. В.И. Ленина, швейная фабрика им. 8 марта, обувная фабрика, чулочно-трикотажная фабрика. Жилищный фонд города, практически полностью разрушенный, также был значительно меньше довоенного [2, л. 46].

Советские и партийные органы власти Сталинграда стремились собственными усилиями обеспечить восстановление социальной инфраструктуры. Сумма бюджета города Сталинграда в 1944 г. составляла 82 315,0 тыс. руб., в 1945 г. – 88 110,3 тыс. руб. Сети народного образования и здравоохранения финансировались бесперебойно. Большое внимание уделялось оборудованию школ и лечебных учреждений: бюджетные расходы на народное просвещение в 1945 г. увеличились по сравнению с 1944 г. на 34,7 %, расходы на здравоохранение – на 18,6 %. Значительная сумма – более 80 млн. руб., была направлена в 1945 г. на восстановление жилищно-коммунального хозяйства [3, с.2].

Уникальным опытом восстановления городского хозяйства, распространившимся затем на всю страну, стало черкасовское движение, возникшее в Сталинграде в 1943 г. По инициативе жительницы Сталинграда А.М. Черкасовой стали создаваться добровольные бригады граждан, которые в свободное от работы время восстанавливали жилые здания и социальные учреждения. Бригады создавались как в каждом районе города, так и при промышленных предприятиях, при поддержке местных органов власти. Например, в Ворошиловском районе Сталинграда в 1944 г. действовало 373 черкасовские бригады, объединявшие 7680

человек. За год они восстановили и построили 2606 квадратных метров жилой площади, отремонтировали две школы, пять детских садов, клуб, баню. Особое внимание уделялось семьям фронтовиков: для них построили дом на 4 квартиры, 87 одноквартирных домиков, пятнадцати семьям оказали помощь в ремонте жилья. [4, с.2].

В период Сталинградской битвы многие дети и подростки Сталинграда потеряли родителей. Приоритетом местной социальной политики стала забота о подростках-сиротах. В первые послевоенные годы, как и в период войны, труд подростков в промышленности был незаменим. На сталинградском заводе «Баррикады» трудилось несколько сот подростков и молодых людей, некоторые из которых были сиротами. Завком комсомола завода решил взять их под свою опеку, инициативу поддержала дирекция и профсоюзная организация предприятия. В результате для 25 сирот было выделено специальное общежитие; их обеспечили верхней одеждой, бельем, обувью. При общежитии устроили библиотеку. Под руководством прикрепленного к ним воспитателя подростки устраивали по вечерам чтение художественной литературы [5, с. 2].

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов:

1. Приоритетность восстановления сектора тяжелой промышленности являлась объективной необходимостью военного и послевоенного времени. В этих условиях основным субъектом налаживания социальной ситуации, решения социально-бытовых проблем становились местные партийные и советские органы власти, которые действовали в тесном контакте с населением.

2. Среди наиболее острых проблем населения Сталинграда на завершающем этапе Великой Отечественной были нехватка жилья, объектов социальной инфраструктуры.

1. 3.Социальная политика местных советских и партийных органов власти была направлена на максимальное использование собственных ресурсов, изыскание возможностей решения социальных проблем совместными усилиями власти и населения. Объектом особого внимания были наименее социально защищенные категории горожан: подростки-сироты, семьи фронтовиков.

Список литературы

1. В дни суровых испытаний. Сталинградская партийная организация в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.): Сб. док. и материалов / Парт. архив Волгоград. обкома КПСС, Гос. архив Волгоград. обл.; Отв. ред. В.С. Красавин. – Волгоград: Н.-Волжское кн. изд-во, 1966. – 482 с.
2. Итоги выполнения пятилетнего плана 1946-1950 гг. по промышленности, капитальному строительству, культуре и здравоохранению и данные по труду г. Сталинграда // ГАВО. – Ф-Р 71. – Оп. 3. – Д. 118. – Л. 38, 39, 46.

3. Бюджет Сталинграда. 33-я сессия Сталинградского городского совета депутатов трудящихся // Сталинградская правда. – 1945. 18 апреля. – № 74. – С. 2.
4. Осипов С. Труд и учеба черкасовцев // Сталинградская правда. – 1945. 6 апреля. – № 65. – С. 2.
5. Забота комсомола о сиротах // Сталинградская правда. – 1945. 4 апреля. – № 64. – С. 2.

УДК 908(477.62)

БАХМУТСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Оленина Е.А., ORCID 0009-0003-7289-0196,
Людоровская Т.Ю., канд. ист. наук, доц., ORCID 0009-0006-3707-5999
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
olenina.e04@yandex.ru, t.ludorov@mail.ru

Введение. В истории Российской империи накоплен положительный опыт организации, функционирования и финансирования местного самоуправления в виде городских Дум и уездных Земских собраний. В 1866–1917 гг. эти органы прошли путь от возникновения до становления. За 50 лет решено множество проблем, связанных с развитием промышленности, торговли, образования, культуры и охраны здоровья. Октябрьская революция 1917 г. приостановила развитие Дум и Земств.

Цель – на материале истории Бахмутского самоуправления 1866-1917 гг., одного из наиболее крупных уездов Российской империи (Бахмутский уезд Екатеринославской губернии), проанализировать эволюцию публичной власти, выявить специфику региональной администрации и оценить роль местных сообществ в формировании городской среды.

Основная часть. Основы местного самоуправления были заложены Екатериной II, учредившей «екатерининские комиссии» 1765-1769 гг. Институциональное оформление местных органов произошло на базе законодательного акта «Учреждения для управления губерниями Российской империи» 1775 г., согласно которому число губерний достигло 50. На уездном уровне действовали представительства губернского правления, Казённой палаты и «Приказа общественного призрения».

В середине XVIII в. Бахмут приобрёл статус административного центра Славяносербии. В 1802 г. в результате образования Екатеринославской губернии Бахмут становится центром Бахмутского уезда.

Рескрипт Александра II от 20 ноября 1857 г. выразил желание создать сельские общины: «Крестьяне должны быть распределены на

сельские общины» [1, с. 86]. В Общем Положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости от 19 февраля 1861 г., ряд статей посвящён устройству сельских обществ и волостей: статья 17: крестьяне «соединяются въ волости» [2, с. 25]; статья 42: «Волости образуются изъ состоящихъ въ одномъ уезде и, по возможности, смежныхъ, сельскихъ обществъ» [2, с. 30]. В статье 43 предусматривалось создание волостей с численностью до 2000 душ [3].

В 1858 г. в Екатеринославской губернии создаётся Губернский дворянский комитет по крестьянскому делу. От Бахмутского уезда в него входят Предводитель дворянства ротмистр барон А. А. Фитингоф, ротмистр А. И. Плещеев и майор И. Я. Бахирев [4, с. 774]. К 1866 г. надел крестьян землёй был закончен.

Земская реформа была разработана для развития крестьянской реформы 1861 г. Основной темой было привлечение всех сословий к управлению местным хозяйством и создание органов самоуправления на принципах буржуазного права. Земства наделялись функциями: распоряжение имуществом и капиталами, развитие путей сообщения, обеспечение запасов продовольствия, строительство церквей, страхование имущества, развитие образования и культуры, медицинское обеспечение, установление налогов и сборов, благотворительность.

В 1866 г. состоялись выборы в Бахмутское земство, в состав которого вошли представители землевладельцев, города и сельских обществ. Первым практическим шагом нового органа стала масштабная кампания по истреблению сусликов, развёрнутая в апреле 1866 г. Была введена норма – по 30 штук с десятины и по 3 с ревизской души. [5].

Пик деятельности земства пришёлся накануне и в начале Первой мировой войны. Управа 1914 г. состояла из специалистов: за год проведено три собрания и 54 заседания, рассмотрено более 3000 вопросов. В составе: канцелярия, бухгалтерия, техническое, агрономическое и санитарное отделение, кассы мелкого кредита; школьный музей, книжный и железный склады. Управа насчитывала 78 чиновников: врачи, ветеринары, инженеры, агрономы. [6].

Помимо Земств, местное самоуправление в Бахмуте было представлено городской Думой. После отмены крепостничества Александр II дал «новому сословию» – купцам, мещанам, крестьянам – право избирать гласных в городские думы. Гласными могли быть лица с недвижимостью на сумму не менее 3 тысяч рублей серебром.

Первым председателем Бахмута стал купец Василий Ангелиевич Ангелиди, способствовавший открытию первой мужской гимназии, – Высшего народного училища, а также строительству водопровода с участием иностранца Мартенса.

Городское положение, утверждённое Александром II в 1870 г., вводило либеральные принципы контроля за самоуправлением. Выборы

строились по прусской модели: равное количество гласных избиралось из налогоплательщиков, плативших одинаковую сумму. Голосование было тайным, думы избирались на четыре года, при этом каждые два года половина состава обновлялась. Контроль за законностью постановлений возлагался на губернатора, а окончательные решения принимал Сенат.

В 1892 г. было принято новое городское положение, ограничивающее самостоятельность городского самоуправления, подчиняя его губернской власти. Губернатор получил право утверждать председателей городов, бюджеты и контролировать деятельность органов самоуправления [7].

С 1890 г. председателем городской думы в Бахмуте становится В.И. Першин, гласный губернского Земства в 1870-1876 гг. Как активный деятель конца XIX – начала XX вв., он был назван «почетным гражданином города». Сохранились сотни писем и документов, подписанных В.И. Першиным, в которых он обращался к правительству с просьбами об открытии гимназий, училищ, финансировании электростанции, банковских филиалов. Он был попечителем учебных заведений и приютов, целиком посвящал себя общественной деятельности, не используя должности для личного обогащения.

В 1913 г. население города составляли русские, поляки, немцы, татары и евреи. В выборах активно участвовали гласные: в 1899 г. избраны 26, в 1910-1914 годах – 35; до 50% избирались повторно. Во время Первой мировой войны органы самоуправления становились более демократичными, а председателем думы оставался В. И. Першин.

Заключение. Бахмутская модель самоуправления демонстрировала стремление к поддержанию баланса между интересами разных сословий и групп населения. Избирательная система опиралась на имущественный ценз, что гарантировало участие зажиточных слоёв, однако оставляло возможности для включения представителей иных социальных групп. Усиление государственной централизации, особенно на рубеже XIX-XX вв., затрудняло работу местных органов, вводило дополнительные ограничения и контроль, снижая их самостоятельность. Земства и городские думы сохраняли значение ключевых институтов, обеспечивавших развитие местного хозяйства, образования, медицины и культуры.

Список литературы

1. Рескрипт Александра II Виленскому, Гродненскому и Ковенскому военному генерал-губернатору В. И. Назимову // Конец крепостничества в России: документы, письма, мемуары, статьи. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. – С. 85–87.
2. Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости: [с приложениями]. – СПб.: [б. и.], 1861. – 371 с.
3. Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии. Бахмутский уезд. – Екатеринослав: [б. и.], 1886.

4. Семенов, Н. П. Освобождение крестьян в России в царствование императора Александра II. Хроника деятельности Комиссии по крестьянскому делу / Н. П. Семенов. – СПб.: [б. и.], 1889–1892. – Т. 3, ч. 1.
5. Бахмутское уездное земское собрание. Журналы Бахмутского уездного земского собрания второго созыва, с 27-го октября по 4-е ноября 1866 года. – Бахмут, 1867. – [2], III, 119 с.
6. Государственный архив Донецкой Народной Республики. Ф. 253. Бахмутская дворянская опека, г. Бахмут Екатеринославского наместничества, с 1802 г. – Екатеринославской губернии (1784–1787, 1789, 1792–1794). Оп. 1. 12 д.
7. Общее учреждение Губернское // Свод законов Российской империи. – СПб., 1876. – Т. 2, ч. 1.

УДК 355.424.3

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННОЙ СВЯЗИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И В ХОДЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Орехова С.Е., д-р ист. наук, доц., ORCID 0000-0001-9303-4469
ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи»,
г. Мариупол, ДНР, РФ
sv.orehova@mail.ru

Военная связь выступает особым видом средств коммуникации и охватывает все виды общегосударственной связи. От того, насколько хорошо работает отрасль связи, во многом зависит развитие страны, в том числе рост экономической и оборонной мощи государства. Главную задачу военной связи составляет поддержка бесперебойного управления вооруженными силами страны в любой обстановке. Решают эту задачу сегодня новейшие формы и способы обмена данными в едином информационном пространстве.

В деятельности военной связи периода Великой Отечественной войны (ВОВ) и специальной военной операции (СВО) различимы два качественно несхожих этапа, на протяжении которых развивался один и тот же основополагающий принцип непрерывного и надежного управления войсками. В 1941-1945 гг. опорой связи служили физические линии, радио и несложные устройства для подачи сигнала, тогда как сегодня, в условиях СВО, испытанные решения соединены с технологиями нового поколения, в том числе с оптоволокном, спутниковыми системами и программно-определяемыми сетями. Не меняется при этом природа военной связи: для любой армии она остается нервной системой, и от того, как связь работает, напрямую зависит исход боя.

Ход боевых действий в период ВОВ доказал, что без устойчивой связи нельзя добиться ни бесперебойного управления, ни оперативного

руководства войсками всех родов. Эффективное использование вооруженных сил и средств борьбы, а в итоге и успешный исход как локального боя, так и операции крупного масштаба, во многом обусловлены тем, насколько работоспособна отрасль связи.

Образцом четко налаженной связи и умелой поддержки устойчивого управления может служить организация оперативного руководства войсками в дни советского контрнаступления под Москвой в 1941 г.

В тяжелой боевой обстановке, и в первую очередь тогда, когда войска маневрировали, радиосвязь оставалась самым надежным, а подчас и единственным средством управления ими. Шире всего к ней прибегали части и соединения Военно-Воздушных Сил и Военно-Морского Флота, бронетанковые, механизированные и прочие подвижные войска, а также партизанские отряды. Над тем, чтобы радиоаппаратура и приемы построения радиосвязи становились совершеннее, трудился коллектив высококвалифицированных специалистов научно-исследовательского института связи; руководил им с 1937 г. И.Т. Пересыпкин (в 1941-1957 гг. маршал войск связи СССР). Созданная специалистами института переносная коротковолновая радиостанция РБ отличалась широким диапазоном волн и устойчивостью в эксплуатации, и впоследствии войска пользовались ею очень широко [1, с. 71]. В ноябре 1942 г., в те дни, когда разворачивалось Сталинградское сражение, через р. Волгу проложили специальный подводный кабель, благодаря которому Генеральный штаб получил устойчивую телефонную и телеграфную связь со штабами фронта и армии, соединившую западный берег реки с восточным [2, с. 25]. Накопленные при этом на Волге навыки прокладки и поддержания проводных линий нашли применение при форсировании р. Днепр в 1943 г. и затем в последующих операциях, в ходе которых Советским войскам предстояли переправы на Южном Буге, Днестре, Висле, Дунае, Одере и других реках.

Свою часть нагрузки принимали на себя и подвижные средства связи, к которым относились лыжники и мотоциклисты, конные связные и пешие посыльные. Созданные в 1943 г. отдельные авиационные полки связи несли службу на всех фронтах [3. с. 47]. Подвижные средства и авиация связи, следовательно, удачно дополняли собой как радиосвязь, так и проводную связь. На Курской дуге, в оборонительных боях 1943 г., главным каналом связи на всех уровнях управления служили проводные линии, и наряду с ними немалое значение приобрело радио: по нему управляли частями и соединениями реактивной артиллерии, а кроме того, широко прибегали к нему, руководя авиацией и согласуя ее действия с наземными войсками [2, с. 29].

Не менее масштабной и значимой оказалась работа по связному обеспечению действующих войск в Белорусской стратегической операции 1944 г., в боях при штурме Берлина и во многих других крупных операциях

Советской Армии. Предшествовала этим событиям серьезная подготовка, которую вели войска связи: на многих направлениях связисты прокладывали новые постоянные линии связи, оснащали аппаратурой узлы связи и контрольно-испытательные пункты. Особенно тщательно они продумывали организацию радиосвязи, и, в частности, радиосвязи взаимодействия, объединявшей армии и соединения, которые в ходе операции наступали навстречу друг другу, чтобы окружить противника [2, с. 34].

Если обратиться к современности, ход специальной военной операции показывает, как под действием новых технологий обрели иной облик многие сформированные еще в 1940-х годах принципы. Для всех видов связи СВО превратилась в испытательный полигон: отработка каждого из них идет при мощном радиоэлектронном противодействии и повсеместном использовании беспилотных аппаратов, на подвижной линии соприкосновения. Подлинным прорывом в налаживании устойчивого управления стала в зоне СВО оптоволоконная связь.

Отдельное место в работе военной связи отведено обеспечению информационной безопасности. Шифрование в годы Великой Отечественной войны было сравнительно несложным и опиралось на механические шифраторы и кодовые таблицы. Сегодня же основу связи составляют современные криптографические алгоритмы, подлежащие непрерывному обновлению и ограждению от кибератак.

Основную линию развития обнаруживает сопоставление двух периодов: от обычной доставки приказов военная связь пришла к созданию единой информационно-коммуникационной среды. Связист военных лет в буквальном смысле сращивал провода, работая с трубкой полевого телефона в руках. Нынешний связист выступает специалистом, сведущим в программном обеспечении, спутниковой навигации, цифровых интерфейсах и оптоволокне, и при этом он, как и прежде, должен уметь под огнем без промедления развертывать линии и восстанавливать их по ходу боя.

Опыт Великой Отечественной войны выдвинул связь в число первоочередных задач, и ход СВО целиком подтвердил верность такого подхода. Для стационарных и мобильных узлов эту задачу решает оптоволокно, ставшее сегодня новым направлением, хотя потребности развивать все прочие виды связи оно не снимает.

Таким образом, при всех кардинальных различиях в технике работа военной связи периода ВОВ и периода СВО покоится на едином фундаменте, которым служит непрерывность управления. Одну и ту же миссию выполняют все связисты, от фронтовых линейщиков 1941 г. до операторов современных оптоволоконных систем, удерживая армию в едином строю. По этой причине военная связь неизменно сохранит свое место среди важнейших и наиболее динамично развивающихся направлений военного дела.

Список литературы

1. Пресыпкин, И. Т. Связь сердец боевых. Воспоминания / И. Т. Пресыпкин. – Донецк : Донбасс, 1974. – 174 с.
2. Пересыпкин, И. Т. Связь – важнейшее средство управления войсками в Великой Отечественной войне / И. Т. Пресыпкин. – Москва : Знание, 1976. – 47 с.
3. Пересыпктн, И. Т. Связь в Великой Отечественной Войне / И. Т. Пресыпкин. – Москва : Наука, 1973. – 283 с.

УДК 355.48

ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ДОНЕЦКОЙ И ЛУГАНСКОЙ НАРОДНЫХ РЕСПУБЛИК. 2014–2022 ГГ.

Подпрятов Н.В., д-р ист. наук, доц., ORCID 0000-0002-9286-7466
ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», г. Пермь, РФ
podpryatov1961@yandex.ru

Введение. Произошедший в Киеве 22 февраля 2014 г. государственный переворот углубил внутренний раскол украинского общества. Новые киевские власти решили заставить подчиниться Восток страны силовым путем. В этих условиях Донбасс в регионах стали ускоренно создаваться новые органы государственного управления, формировавшие свои вооруженные отряды для защиты населения региона.

Целью данной работы является выявление этапов формирования вооруженных сил республик, определение их характерных черт и особенностей.

Основная часть. Уже 16 апреля 2014 г. в Донецке группа активистов под командованием А.В. Захарченко формирует вооруженный отряд «Оплот», развернутый в июне в батальон [1], а бывший командир спецподразделения «Альфа» А.С. Ходаковский комплектует отдельный батальон «Восток». В Славянске И.И. Стрелков (И.В. Гиркин) из добровольцев и местных жителей создает свои отряды ополчения, а в Краматорске формирует группу С.Н. Петровский. 14 апреля группа активистов под руководством И.Н. Безлера начала формирование еще одного отряда в Горловке.

В Луганске образовывались свои вооруженные отряды. Уже в конце апреля 2014 г. И.В. Плотницким из добровольцев был создан отряд под названием «Заря», развернутый в мае в батальон, а А.А. Бедновым создается группа быстрого реагирования «Бэтмен». Еще один отряд самообороны формируется А.Б. Мозговым, преобразованный впоследствии в батальон «Призрак». Действовала в это время на

Луганщине и Казачья национальная гвардия Всевеликого войска Донского (КНГ ВВД) атамана Н. И. Козицына.

Ополченческие формирования, хотя и назывались «батальонами», «полками», имели достаточно скромную численность и вооружение. Отряды эти состояли почти на 80% из числа местных жителей и около 20% из добровольцев, приехавших на Донбасс из России, Сербии, Грузии, Казахстана, Беларуси и др. [2]

Сплошной линии фронта в этот период не существовало. При более-менее серьезном натиске противника вполне могли оставить позиции и отступить. Так, например, поступили в начале июня оборонявшие Красный Лиман казаки отряда А.И. Можаева.

Уход И. Стрелкова с отрядами из Славянска и Краматорска, по утверждению бывшего главы МГБ ДНР А.Ю. Пинчука и председателя Совета Министров А. Бородая, также не был вызван военной необходимостью, а определялся его личной моральной усталостью [3, 4].

Комплектование отрядов шло разными людьми, зачастую с прямо противоположными политическими взглядами и установками – от радикально правых до радикально левых. Во главе самих отрядов ополчения оказывались люди авантюристичные, харизматичные, но неуживчивые и не терпевшие никакого подчинения.

Руководитель ДНР А.Ю. Бородай считал И.Н. Безлера неконтролируемым (последний 1 ноября 2014 г. подал в отставку и уехал в Крым). Глава ЛНР И.В. Плотницкий имел серьезные противоречия практически со всеми командирами ополченческих отрядов. В результате И. Плотницкий 24 ноября 2017 г. также уезжает в Россию.

В 2015–2018 гг. погибли многие известные командиры ополченческих отрядов (А.А. Беднов, А.Б. Мозговой, П.Л. Дремов, А.С. Павлов, М.С. Толстых, А.В. Захарченко) [5].

Осенью 2014 г., после заключения первого Минского соглашения начался новый этап формирования вооруженных сил республик. 2 ноября 2014 г. в ДНР и ЛНР прошли выборы и стали формироваться новые органы власти. Начался переход к строгой упорядоченности.

7 октября 2014 г. указом главы ЛНР № 15 И. Плотницкого создается Народная милиция ЛНР. Также проводится реорганизация Министерства обороны Донецкой Народной Республики. Приказом № 43 от 03 ноября 2014 г. утверждается «Временное положение о военном комиссариате Донецкой Народной Республики» и военкоматы приступают к своей работе. А 14 ноября 2014 г. был создан 1-й Донецкий армейский корпус. Бывшие батальоны и отряды были переформированы в бригады и включены в состав корпусов. Так, батальон «Оплот» становится бригадой, а ее первым батальоном РПА (Русская Православная Армия М.А. Верина).

К весне 2015 г. 1-й армейский корпус милиции МО ДНР состоял из одной артиллерийской и семи мотострелковых бригад, каждая из которых

имела в своем составе два-три мотострелковых батальона, два артдивизиона или бригадную артгруппу и танковый батальон или роту. В состав корпуса вошли и отдельные подразделения (группы «Сомали», Спарта» и др.). Разведывательное управление генерал-майора С. Петровского также представляло из себя самостоятельную структуру, состоящую из трех отдельных отрядов специального назначения и других подразделений [2].

Те же отряды, которые отказались войти в состав министерства обороны ДНР, указом главы ДНР Захарченко от 12 января 2015 г. были включены в состав республиканской гвардии.

Однако, не все отряды вошли в состав корпусов. Была выведена из Донбасса диверсионно-штурмовая разведывательная группа «Русич» (командир А.Ю. Мильчаков). В конце ноября 2014 г. после вооруженного инцидента в г. Антраците между казаками и военной комендатурой ЛНР событий атаман КНГ ВВД Н. Козицын срочно покинул Донбасс [6].

Остатки частей и подразделений войск Республиканской гвардии ДНР в сентябре 2015 г. были влиты в состав 1 армейского корпуса. Войска 2-го армейского корпуса ЛНР были сведены в две отдельные мотострелковые бригады, отдельные артиллерийскую и танковую бригады, а также восемь батальонов территориальной обороны, созданных на базе различных казачьих формирований.

К середине февраля 2017 г. 1-й армейский корпус ДНР насчитывал около 18 000 человек, а 2-й армейский корпус ЛНР около 12 000 человек.

Заключение. Вооруженные силы республик, как и армия Украины, прошли аналогичные этапы развития: от добровольчества и партизанщины к строгой централизациии четкой структуре (украинские вооруженные силы провели свою реорганизацию раньше и закончили ее в апреле 2015 г.). Период самостоятельного существования вооруженных сил ДНР и ЛНР завершился 1 января 2023 г., когда 1-й и 2-й армейские корпуса были включены в состав Вооруженных сил Российской Федерации [7].

Список литературы

1. Запольскис А. Новороссия: военные против гражданских // Регнум. – 2014. – 13 октября. – URL: https://regnum.ru/article/1856318 (Дата обращения: 30.09.2026).
2. Большое интервью генерала Петровского, или так говорит «Хмурый» // Украина.ру. – 2014. – 26 декабря. – URL: https://ukraina.ru/20141226/1011633098.html (Дата обращения: 19.09.2026).
3. Карпов М. «Бородай вывез Стрелкова из Донецка в невменяемом состоянии» // Лента.ру. – 2017. – 23 марта. – URL: https://lenta.ru/articles/2017/03/23/pinchukr.2/ (Дата обращения: 17.09.2026).
4. Александр Бородай: вся правда о Стрелкове // Завтра.ru. – 2015. – 7 июля. – URL: https://zavtra.ru/blogs/aleksandr-borodaj-vsya-pravda-o-strelkove (Дата обращения: 01.10.2026).
5. Захар, «Моторола», «Гиви», «Бэтмен» и другие. Как и за что комбаты гибридной войны на востоке Украины погибали в тылу // Новая газета. – 2018. – 1 сентября. –

URL: https://web.archive.org/web/20240512233626/https://novayagazeta.ru/articles/2018/08/31/77676-givi-bagi-motorola-betmen-i-zahar (Дата обращения: 19.09.2026).
6. Тищенко М. Удаление атамана: Командующий казачьего войска покинул Донбасс // Lenta.ru. – 2014. – 1 декабря. – URL: https://lenta.ru/articles/2014/12/01/cossacks/?rcmclid=null (Дата обращения: 01.10.2026).
7. Известия. – 2022. – 31 декабря. – URL: https://iz.ru/1449501/2022-12-31/armeiskie-korpusa-dnr-i-lnr-vkliucheny-v-sostav-vs-rf (Дата обращения: 11.02.2024).

УДК 32.019.5-053.6(470.6)

«ЛУГАНСКИЙ ХАРАКТЕР» И ДРУГИЕ ВАЖНЫЕ ВЕХИ ДВИЖЕНИЯ ПЕРВЫХ В ЛНР К ОСЕНИ 2026 Г.

Полуденко С.В. канд. ист. наук., доц.
ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет»,
г. Луганск, РФ
serg040256@mail.ru

Руководитель ЛНР Л.И. Пасечник поддержал инициативу школьников республики в рамках концепции «Луганский характер» создать в школах области сообщество сентябрят, пионеров и тружеников согласно возрастам. Сама же программа «Луганский характер» была разработана Луганским государственным педагогическим университетом. В своём выступлении глава Республики Пасечник сказал: «Мы приняли к выводу, что одно из основных событий в нашей жизни, то события, к которому вместе с вами стремились долгие восемь лет, произошло в сентябре.» Хочу всем напомнить, что именно 30 сентября является Днем воссоединения ЛНР с Россией «И по этой причине мы решили с самых маленьких детишек… назвать сентябрятами». Ранне Главе ЛНР подписал указ о старте с 1 сентября 2026 года в школах области о новый воспитательной программе «Луганский характер».

К осени 2026 в Движении Первых насчитывается 113 771 человек. Организация охватывает 649 первичных организаций. Возглавляет – Алиев Руял Асиф оглы.

В г. Краснодон в феврале 2026 года было предложено всем первичным организациям активно поддержать своё конкретное участие в организации направления своей деятельности в работе по формированию региональных компонентов «Луганский характер. Работу осуществляют по таким направлениям – «Патриотизм и историческая память», «Дипломатия и международные отношения», «Образование и знания», «Культура и искусство», «Медиа и коммуникации». Кроме того, в этом направлении активно передаются в «Волонтерство и добровольчество», «Туризм и

путешествия», «Экология и охрана природы», «Здоровый образ жизни», «Труд, профессия и своё дело», «Спорт» и т.д.

19 мая 2026 года в преддверии Дня детских общественных объединений России состоялся телевест между обучающимися Стахановского медицинского колледжа и их сверстниками из Омска.

Знакомство без границ. Основной темой встречи стал День детских общественных объединений России – праздник, объединяющий миллионы студентов.

Четыре грани активной позиции. Обучающиеся Стахановского медицинского колледжа поделились опытом участия. Анастасия Есионова и Николь Сергиенко рассказали о деятельности «Молодой гвардии» – организации, где молодёжь учится отстаивать социально значимые инициативы и помогать тем, кто в этом нуждается. Эрика Пшеничкина и Марьям Щеголеватая представили всероссийское движение «Волонтёры-медики». Алина Бурло рассказала о «Движении первых». Екатерина Елетина познакомила омских коллег с организацией «Скиф» – ещё одной важной частью воспитательной системы колледжа, объединяющей студентов вокруг краеведения и патриотических проектов.

Викторина как проверка единства. После знакомства слово взяли кураторы. Ольга Викторовна Привалова (Стаханов) и Олег Олегович Кулагин (Омск) провели для студентов общую викторину, посвящённую истории детских общественных объединений России. Вопросы были непростыми. Честный подсчёт набранных баллов взяла на себя заведующий медсестринским отделением Оглоблина Надежда Ивановна. Это подчеркнуло важный момент: даже в неформальной встрече есть место дисциплине и объективности.

Письмо на камеру: вместо сухих строчек. Кульминацией мероприятия стал трогательный и немного непривычный для онлайн-формата обмен поздравлениями.

Мост построен – диалог продолжается. Всего за час мероприятия студенты из двух городов успели узнать друг друга, главное, – увидеть, что географические границы не мешают общему делу.

Впереди новые совместные проекты. А пока «Омск – Стаханов: МыВМЕСТЕ» – это уже история, которую студенты напишут сами. И продолжится она сразу после следующего выхода на связь.

17 февраля 2026 года в городе Стаханов произошло другое важное событие – открытие центра «Движения Первых» на базе Центра детского и юношеского творчества. Особый интерес у присутствующих вызвал мастер-класс по первой помощи от будущих медиков.

Активисты «Движения Первых» и команда «Молодёжки Народного фронта» – студенты специальности «Сестринское дело» (Волга В., Жерлицына Е., Заруба К., Жук Е., Жиляева А., Костюков М., Тибель А., Зайцев Т.) под руководством преподавателей Стахановского медицинского

колледжа Караман С.И. и Посляковой Л.В. рассказали и показали, как действовать в экстренной ситуации. Под руководством волонтёров все присутствующие смогли попробовать выполнить действия по оказанию первой помощи пострадавшим.

«Первый грант» в Маяке: как за три дня создаётся профессиональное сообщество. С 16 по 18 ноября 2025 года проходила проектная сессия «Первый грант» на базе образовательного центра «Маяк» в г. Бердянске в рамках реализации федерального проекта «Россия-страна возможностей» национального проекта «Молодёж и дети». Инициатором мероприятия выступило общероссийское общественно-государственное движение детей и молодёжи «Движение первых». Центр созидания «Маяк» стал местом притяжения для активистов в сфере социальных инициатив: от обучающихся до молодых специалистов, руководителей и членов экспертного совета грантового конкурса Движения Первых, среди которых была студентка 22 медсестринской группы Стахановского медицинского колледжа Тибель Алина. Просветительская программа «Проектная сессия «Первый грант» объединила тех, кто создаёт проекты, и тех, кто их оценивает.

Список литературы

1. Воспитание детей и молодёжи на новом историческом этапе развития общества и государства: сборник материалов II Международной научно-практической конференции (Москва 14-15 ноября 2024 года). – М.: ФГБУ «Российская академия образования», 2024. – 365 с.
2. Гарифулин, Б. А. Детские и молодёжные общественные объединения на территории Российской Федерации / Б. А. Гарифулин // Вестник науки. – 2025, – № 6 (63). – С. 200-206.
3. Детское движение как социальное воспитание: история, теория, практика, перспективы: сборник статей I Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 4-6 декабря 2023 года). – СПб.: Движение Первых, 2024. – 277 с.
4. Кудинов, В. А. История детского и юношеского движения в России / В. А. Кудинов. – М.: Юрайт, 2025. – 215 с.

УДК 94(47)"1870/1914"

ЗАЙМОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКИХ ОРГАНОВ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В 1870–1914 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Пуневский Я.В., ORCID 0000-0001-7459-6538
ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет», г. Москва, РФ
moskva221090an@gmail.com

Введение. Настоящая работа посвящена изучению основных особенностей займовой политики органов городского самоуправления в России в период от начала введения в действие «Городового положения» 1870 года до вступления Российской империи в Первую мировую войну. Исследование основано на достижениях современной российской историографии в изучении обозначенного выше вопроса, а также введенных автором в научный оборот новых источниках, извлеченных из центральных и местных архивохранилищ.

Цель статьи – выявить основные цели займов, делавшихся органами городского самоуправления, их размер и роль в структуре местного бюджета.

Основная часть. В течении изучаемого нами периода займы заняли прочные позиции в структуре бюджета органов городского самоуправления в России. Как правило, в крупных городах займы было облигационными. Они финансировали крупные проекты, такие как строительство воинских казарм, водопровода и т.д. [1, с. 24; 2, с. 128].

Сходная ситуация сложилась на рубеже XIX–XX вв. и в городах Ярославской губернии. Крупный заем был сделан в начале XX в. в Рыбинске на цели строительства водопровода и электрического освещения [3, с. 221–222]. В Ярославле на водопровод был выполнен заем в 1885 г. под залог Гостиного двора на сумму 120 000 руб. из расчета 7% годовых на срок 12 лет [4, с. 77]. В 1911 г. рыбинский городской голова вел личные переговоры в Министерстве финансов по поводу предполагаемого облигационного займа в размере 600 000 руб. на переустройство рыбинской гавани [5]. Водопровод в Рыбинске устроен в 1899–1900 гг. посредством 4,5% облигационного займа [6, л. 51об.]. За счет займа обеспечивалось и строительство нового здания театра в Рыбинске в начале 1880-х годов [7, л. 1–2].

Конечно не только вопросы благоустройства городов требовали от городского самоуправления обращения к займам. В 1908 и 1910 гг. губернская администрация заблокировала намерения городского самоуправления г. Романово-Борисоглебска обратиться к займам на открытие городского ломбарда по причине их недостаточной

обеспеченности капиталами [8, л. 21–21об., 90–90об.]. Относительно небольшие займы требовались на борьбу с холерными заболеваниями [9, л. 21]. В мае 1902 г. ярославское городское самоуправления получило заем в размере 5482,75 рублей на ремонт здания городской управы и торговой школы [10, л. 1об.]. В 1903 г. в Ростове 15000 руб. было занято на починку мостовых в городе [11, л. 1–15об.]. Именно за счет займов периодически пополнялся основной капитал ярославского городского ломбарда [12, с. 93–94].

Для тех городов, которые не имели возможности получить разрешение администрации на крупный заем, особую популярность набирали краткосрочные займы из запасного капитала местного бюджета. Однако возможности распоряжения полученными средства для городского самоуправления были достаточно серьезно ограничены. Например, согласно циркуляру Министерства внутренних дел от 20 декабря 1898 г. №44, средства, позаимствованные для усиления текущих расходов, должны были быть «возвращены в запасный капитал немедленно по поступлении в гор кассу текущих расходов» [13, л. 2–3]. Обычно займами из запасных капиталов обеспечивалось финансирование относительно некрупных мероприятий по развитию народного образования, медицины и т.п. [14, л. 5, 8–8об, 11, 16–17об., 74–74об, 97–97об., 90–90об.].

Хорошим способом займа было получение их у местных кредитных учреждений [15]. Но городские общественные банки, которые активно открывались в различных регионах Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв., могли оказывать городским самоуправлениям и земствам кредитные услуги лишь для снабжения их оборотными средствами. Городские самоуправления были вынуждены либо кредитоваться у частных лиц, либо прибегать к выпуску облигационных займов [16, с. 370]. Всего задолжено на 1 июля 1909 г. 70 городов на сумму 392,95 млн. рублей (из них 4 более 10 млн. рублей, 10 городов от 2 до 10 млн рублей, 27 городов – менее 500 000 рублей [17, с. 809].

По данным на 26 мая 1904 г. выяснилось, что за органами городского самоуправления Ярославля числилось долгов на весьма внушительную сумму – 606057,3 рублей [18, л. 5]. Согласно сведениям о финансовом положении самоуправления Ростова, представленным в губернское присутствие по земским и городским делам, местный бюджет на 1904 год составил сумму 94539,9 руб., а общая сумма займов, полученных городским самоуправлением, составила 118 015,18 рублей [19, л. 3]. Небольшим уездным городам приходилось брать средства займообразно просто на усиление текущего годового бюджета. О реализации с помощью займов каких-либо крупных проектов здесь речь даже не шла [20, л. 1–3].

К 1912 г. у Ярославского городского самоуправления числилось 33 долга на сумму 1893 569,95 рублей. У даниловского городского

самоуправления 7 долгов на сумму 60 400 рублей. У городского самоуправления Рыбинска – 10 долгов на сумму 726 489,28 рублей. Из них 3 облигационных займа, 4 – в городском общественном банке, 1 – в ярославском земельном банке, 1 – в московском отделении государственного дворянского земельного банка, 2 – по ссудам из правления рыбинского общества взаимного страхования [21, л. 44–55].

Заключение. Скудный городской бюджет русского городского самоуправления второй половины XIX – начала XX вв. в значительной степени мог существовать за счет займов из различных источников. Уездные города чаще брали займы из запасного капитала. Крупные губернские города уже имели возможность прибегнуть к облигационным займам. Несмотря на то, что займы ложились бременем на городской бюджет, они помогли выполнить ряд важных муниципальных проектов.

Список литературы

1. Сергиенко М.А. Деятельность органов городского самоуправления провинциальной России в конце XIX – начале XX вв. (на материалах Курской губернии): учебное пособие. – Белгород: ИД «Белгород», 2013. – 176 с.
2. Зайцев М.В. Саратовская городская дума (1871–1917). – Саратов: изд-во «Техно-Декор», 2017. – 408 с.
3. Старый Рыбинск. История города в описаниях современников XIX–XX вв. – Рыбинск: «Михайловский посад», 1993.
4. Шапко Н.И. История ярославского водопровода в конце XIX – начале XX в. // Путь в науку: сб. научн. Работ аспирантов и студентов ист. факультета. – Ярославль: ЯрГУ, 2009. – Вып. 13. – С. 76-79.
5. Голос 1911 №287 21 декабря
6. Рыбинский филиал Государственного архива Ярославской области (РБФ ГАЯО). Ф. 9. Оп. 1. Д. 1644.
7. РБФ ГАЯО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 533.
8. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 512. Оп. 1. Д. 927.
9. ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 2541.
10. ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 1672.
11. ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 1967.
12. Журналы Ярославской городской думы за 1896 год. Ярославль: изд-во Ярославской городской управы, 1897. 401 с.
13. ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 1501.
14. ГАЯО. Ф. 1287. Оп. 36. Д. 810.
15. ГАЯО. Ф. 1287. Оп. 33. Д. 1052.
16. Городское хозяйство и городские финансы // Городское дело. – 1909. – № 8. – С. 367–369.
17. Задолженность русских городов // Городское дело. – 1911. – №10. – С. 805–808.
18. ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 2262.
19. ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 2648.
20. ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 3199.
21. ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 4014.

УДК 947.031.3

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ДОНБАССА В ЭЛЕКТРОННОМ СПРАВОЧНО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКОМ РЕСУРСЕ «ВСЯ РОССИЯ»

Раздорский А.И., д-р ист. наук, ORCID 0000-0003-2506-7714
ФГБУ «Российская национальная библиотека», г. Санкт-Петербург, РФ
razdor@nlr.ru

Введение. В Российской национальной библиотеке (РНБ) в настоящее время идет работа по формированию электронного справочно-библиографического ресурса (ЭСБР) «Вся Россия. Источники справочной и исторической информации о регионах и местностях», который призван объединить на единой сетевой площадке данные как о современных региональных справочных изданиях, опубликованных в Российской Федерации с 1992 г. (региональных энциклопедиях, биографических словарях, топонимических справочниках и др.), так и о различных источниках по отечественной исторической регионалистике, относящихся к предыдущим периодам существования нашего Отечества (писцовых, переписных и таможенных книгах, адрес-календарях и памятных книжках, списках населенных мест, описаниях епархий и наместничеств, картографических и иллюстративных материалах и др.). Данный ресурс призван содействовать сохранению памяти об историческом единстве территорий, входивших в прошлом в состав Русского государства, Российской империи, РСФСР и СССР и находящихся ныне в составе Российской Федерации.

Цель настоящей публикации состоит во введении в оборот информации о содержащихся в составе указанного ресурса справочно-библиографических материалах, имеющих отношение к истории Донбасса, – территориям современных Донецкой Народной Республики (ДНР) и Луганской Народной Республики (ЛНР) Российской Федерации.

Основная часть. Большая часть Донбасса в XIX – начале XX в. входила в состав Бахмутского, Славяносербского и Мариупольского уездов Екатеринославской губернии (до образования последнего в 1874 г. – в состав Александровского уезда той же губернии). Северо-запад нынешней ДНР (Славянск и Краматорск) относился к Изюмскому уезду Харьковской губернии, север нынешней ЛНР – к Старобельскому уезду той же губернии. Юго-восток нынешней ДНР до 1887 г. принадлежал к Ростовскому уезду Екатеринославской губернии и к землям Таганрогского градоначальства, после 1887 г. эта территория вошла в состав Области войска Донского (к ней же относилась небольшая территория на востоке нынешней ЛНР, в частности, станица Луганская). Следовательно,

материалы по исторической регионалистике Донбасса, опубликованные в XIX – начале XX в., следует искать с привязкой к указанным административно-территориальным единицам Российской империи.

В составе ресурса «Вся Россия» имеется раздел, в который включен библиографический список наиболее востребованных исследователями многотомных общегосударственных справочных изданий XIX – начала XX в. К их числу, в частности, относятся: «Военно-статистическое обозрение Российской империи» (в 4-й части 11-го тома, изданного в 1850 г., представлены данные по Екатеринославской губернии, а в 1-й части 12-го тома, вышедшего в том же году, – Харьковской губернии), «Волости и важнейшие селения Европейской России» (в 8-м выпуске, опубликованном в 1886 г., приведены сведения по губерниям Новороссии, в том числе по Екатеринославской, а в 3-м выпуске, вышедшем годом ранее, – по малороссийским и юго-западным губерниям, в том числе Харьковской), «Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.» (в 12, 13 и 46-м выпусках, напечатанных в 1904–1905 гг., обобщены данные переписи соответственно по Области войска Донского, Екатеринославской и Харьковской губерниям), «Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении» (в 5-м томе, изданном в двух частях в 1897 и 1898 гг., помещены материалы по Харьковской и Екатеринославской губерниям), «Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей» (в 7-м томе, опубликованном в 1903 г., есть сведения о Харьковской губернии, в 14-м томе, вышедшем в 1910 г., – о Екатеринославской губернии и Области войска Донского), «Городские поселения в Российской империи» (1860–1865 гг.; единый алфавитный ряд), «Географическо-статистический словарь Российской империи» (1863–1885 гг.; единый алфавитный ряд). Все перечисленные издания оцифрованы и доступны для просмотра в удаленном режиме, электронные копии справочников, имеющих систематическую, а не алфавитную структуру, снабжены интерактивными оглавлениями, позволяющими легко находить нужный читателю раздел.

Большую ценность для историков и краеведов представляют губернские адрес-календари и памятные книжки, которых на сегодняшний день выявлено 2280 (за период с 1833 по 1917 г.). Особое значение они имеют для биографических и генеалогических разысканий. В наиболее полном виде эти издания включают список всех государственных и общественных учреждений губернии или области с их личным составом, справочный, статистический и научно-краеведческий разделы. Библиографические сведения о губернских адрес-календарях и памятных книжках (в том Екатеринославской и Харьковской губерний и Области войска Донского) представлены в составе автономного сетевого ресурса, который интегрирован с ЭСБР «Вся Россия». В нем приведены также

росписи содержания учтенных изданий, а также даны ссылки на их полнотекстовые электронные копии.

Важным источником статистической информации о регионах Российской империи пореформенного периода служат обзоры губерний, областей и градоначальств, которые являлись приложениями к ежегодным всеподданнейшим отчетам губернаторов, начальников областей и градоначальников. Всего выявлено свыше 4 тыс. обзоров, среди них имеются 45 обзоров по Екатеринославской губернии за 1870–1907 и 1909–1915 гг. и 44 обзора по Харьковской губернии за 1870–1896, 1898 и 1900–1915 гг. Обзоры имеют, как правило, двухчастную структуру. Первую часть (аналитическую) – составляет текст собственно обзора, вторую – статистические ведомости, являющиеся приложениями к обзору. Библиографические списки обзоров с указанием мест их хранения, сопровожденные ссылками на полнотекстовые электронные копии этих изданий, также представлены в составе ЭСБР «Вся Россия».

В особом разделе ресурса приведены сведения о региональных списках населенных мест. Здесь учтены справочники по Екатеринославской и Харьковской губерниям, опубликованные как в 1860-е гг. в составе многотомного издания Центрального статистического комитета МВД Российской империи (вып. 13, 46), так и подготовленные в начале XX в. местными земскими органами. Представлены также данные о списках населенных мест 1920-х гг., к которым относятся, например, «Список населенных пунктов Донбасса» 1924 г., «Список населенных пунктов Сталинского округа» 1926 и 1927 гг. и ряд других.

В ЭСБР «Вся Россия» входят также три массива библиографической информации о печатных источниках по русской региональной церковной истории синодального периода, к которым относятся справочные издания епархий Русской Православной церкви (РПЦ), историко-статистические описания епархий РПЦ и епархиальные ведомости. Среди них имеются издания епархий, располагавшихся на территории Донбасса: Екатеринославской, Харьковской и Донской.

Заключение. ЭСБР «Вся Россия» – регулярно обновляемый ресурс, который постоянно пополняется новыми библиографическими материалами, имеющими отношение к различным историческим периодам и различным регионам нашей страны, в том числе к Донбассу.

Список литературы

1. Вся Россия. Источники справочной и исторической информации о регионах и местностях : интернет-портал / Рос. нац. б-ка, Федер. центр регионалистики «Вся Россия» ; рук. проекта А.И. Раздорский. – СПб., 2023. – URL: https://nlr.ru/allrussia (дата обращения: 09.10.2026).
2. Раздорский А.И. Проект «Вся Россия. Источники исторической и справочной информации о регионах и местностях»: предыстория, нынешнее состояние, перспективы развития // Национальная библиотека. – 2024. – № 1. – С. 50–57.

УДК 94:339.543"1916"

БОРЬБА С КОНТРАБАНДОЙ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ТОВАРОВ В РОССИИ В 1916 Г.

Разумная Н.Н., канд. ист. наук, доц. ORCID 0009-0000-1700-6044
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
n.razumnaya@donnu.ru

Введение. Таможенное ведомство Российской империи с началом Первой мировой войны активизировало свою деятельность в направлении борьбы с контрабандой. Противник пытался реализовывать и распространять свои промышленные товары на российском рынке, прибегая к различным ухищрениям. В процессе распространения промышленной продукции были также заинтересованы и нейтральные страны. Данная проблематика ранее рассматривалась автором [1].

Целью исследования является изучение процесса борьбы с контрабандой изделий из металла в России в 1916 г.

Основная часть. В январе 1916 г. в Ростовскую таможню были доставлены из Дании проволочные железные оправы для платьев, с фабричными клеймами, на которых было изображение головы оленя, на рогах которого находилось копье. По экспертизе Копенгагенской конторы по регистрации клейм указанные изделия для платьев были признаны принадлежащими германской фабрике [2, Л. 11].

В феврале 1916 г. срочно и секретно было передано распоряжение от Председателя Особого совещания по обороне. Вводился запрет на перевоз алюминия в штыках, крошке, проволоке, катаном виде и штамповочных изделиях, как находящийся на складе в таможенных учреждениях, так и вновь поступающий из-за границы, за исключением лишь грузов, адресованных непосредственно государственным управлениям и заведениям. Все задержанные грузы алюминия, с указанием качества и характера изделий, точного веса и сведений о месте отправления и назначения, сообщались немедленно по телеграфу в отдел промышленности Особого совещания по обороне, для последующего принятия распоряжения о реквизиции данного металла [2, Л. 12].

В мае 1916 г. служащими Ростовской таможни был обнаружен случай ухищрения с целью доставки германских товаров. Была получена посылка адресованная Вельфу Дубкову в г. Ростов-на-Дону, отправленная из Копенгагена отделением Международной экспедиционной конторы Карла Лассекса. В этой посылке оказались бритвы, на клинке которых было фабричное клеймо, изображающие гребное колесо с надписью "Watter Wheel", на лезвиях большинства имелось бронзированное изображение парящего орла с надписью, на лезвиях других бритв оказалось изображение Английского короля Георга. Сверх того, на клеймах двух бритв было

найдено клеймо "Germany". Это обстоятельство вызвало подозрение, не является ли весь товар германским. Его тщательно исследовали, футляры при осмотре оказались украшенными золотым тиснением, а крышки густым узором, отделанным впоследствии с очевидной целью замаскировать первоначальную надпись "Made in Germany", которая при внимательном осмотре все-таки просматривалась. Поступило предписание установить, чтобы из Дании и из других государств не были пропущены запрещенные к ввозу товары враждебных стран под видом выпускаемых в союзных или нейтральных государствах. При этом таможенникам следовало обратить особое внимание на те товары, которые высылались в Россию не таможней, не заводским предприятием, а экспедиционными комиссионными конторами, находящимися в нейтральных странах [2, Л. 48].

В июне 1916 г. поступили сведения об отправке в Россию проживающим временно в Копенгагене Ароном Зеликовичем Глуховским датской фирмой "Акционерное общество - Балтийская экспортная компания" нижеследующих запрещенных для ввоза товаров. Были названы сапожные кнопки (гвозди), покрытые медью в коробках без этикеток немецкого фабриканта Рафленейля, который раньше высылал эти кнопки в такой же упаковке, но с надписью "Урания" [2, Л. 63].

В августе 1916 г. поступило распоряжение по таможенному ведомству о том, что финляндской пограничной охраной получены сведения о том, что в Швеции для обхода запрета ввоза в пределы России продукции воюющих с Россией государств широко практиковалось стирание и вытравливание надписей на упаковках товаров и переписывание их заново [2 Л. 82, 87].

В секретном распоряжении в сентябре 1916 г. из петроградской таможни при Финляндской железной дороге сообщали об ухищрениях. При досмотре при выписке 5 ящиков, отправленных из-за границы, оказалось 5 штук печатных машинок без фабричных клейм. При осмотре на внутренней стороне деревянной покрышки, которых были обнаружены краской выполненные буквы "DRGM". Таким образом, было обнаружено германское клеймо и доказано происхождение машинок. В руководстве по использованию на русском языке эксперт заметил на помещенных в них рисунках фабричные надписи, обозначающие местонахождение и название фабрики в Германии. При этом на самих машинках и деревянных покрышках их имелись лишь надписи на русском языке. Был сделан вывод, что при печати данных руководств в типографии пользовались теми же клише, которые были изготовлены еще до войны [2, Л. 87].

В октябре 1916 г. поступили сведения о злоупотреблениях по провозу германских товаров под видом товаров союзных или нейтральных стран. Петроградской таможней при Финляндской железной дороге было досмотрено 18 ящиков электрических свечей для получения искры в

моторах, на упаковке была надпись «Made in Sweden», а под ней была обнаружена другая надпись «Made in Germany» [2, Л. 95].

В ноябре 1916 г. было разослано секретно циркулярное распоряжение ДТС. В Московскую таможню была доставлена партия бритв, с надписью "За отличие храброму русскому солдату". Эти образцы были отправлены ДТС в отдел промышленности, который сообщил, что данные бритвы были определены как германские. Регистрация данного знака с надписью и с изображением в виде портрета была заявлена еще в 1913 г. одной из немецких фирм в Золингене. По отзыву канцелярии Главного Штаба ходатайство данной фирмы о заявке распространения на территории Российской империи такого знака было отклонено [2, Л. 123].

В копии секретного Циркуляра ДТС по таможенному ведомству от 1 декабря 1916 г. об ухищрениях во время провоза германских товаров. Служащими Ренинской таможни были обнаружены факты ухищрений под видом доставки товаров из других стран.

15 ноября 1916 г. в Ренинский порт из Румынии турецкоподданным на румынском пароходе были доставлены товары, занимающие 5 багажных мест. По документам они были заявлены как «неизвестный по качеству и количеству товар». Досматривающий контролер обратил внимание на маленькие картонные коробочки с медной проволокой, изделиями (гвоздями) с надписью на французском языке. Сорвав этикетку, он обнаружил вторую наклейку на немецком языке, что указывало на германское происхождение товара. Предписывалось принять меры к устранению подобных попыток [2, Л. 125].

Заключение. Таким образом, как свидетельствуют материалы делопроизводства Мариупольской таможни за 1916–1917 года, вводился запрет на торговлю алюминием в различных изделиях. В ряде документов речь шла о попытках доставки с целью последующей реализацией товаров, производимых в Германии с участием нейтральных стран. Широко практиковалось стирание и вытравливание надписей на упаковках германских товаров для обхода запрета их ввоза в пределы России. Предпринимались попытки ввозить бритвы, сапожные кнопки (гвозди), покрытые медью, печатные машинки без фабричных клейм, электрические свечи для получения искры в моторах, медной проволокой, гвоздей и т.д.

Список литературы

1. Разумная, Н. Н. Циркуляры по таможенному ведомству как юридическая основа в борьбе с контрабандой в России в 1914–1917 гг. / Н. Н. Разумная // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки. – 2026. – № 2. – С.24-33. – DOI: https://doi.org/10.5281/zenodo.21346239
2. Государственный архив ДНР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 82. На 157 листах.

УДК 2-46(477 61/62)

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ПОНИМАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО СЛУЖЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫМИ КОНФЕССИЯМИ ДОНБАССА (ВТ. ПОЛ. 1990-Х – ВТ. ПОЛ. 2000-Х ГГ.)

Рощина Т.М., ORCID 0009-006-7586-6142
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
tanya_roshina@mail.ru

Введение. В деятельности религиозных организаций одной из важнейших задач всегда было и остается «служение миру», поскольку разнообразные формы этого служения позволяют преодолеть разрыв между богословскими поисками и практическим участием религиозных организаций в решении социально значимых проблем. Религиозные организации традиционно выступали в качестве института перераспределения общественных благ для оказания помощи наименее защищенным слоям населения. И сегодня религиозно мотивированная социальная деятельность не утратила своей значимости, несмотря на то что государство взяло на себя функции социального обеспечения.

Цель данной работы состоит в изучении вопроса, как разные религиозные конфессии осмысляют и реализуют социальную деятельность, выявляя как общие принципы, так и особенности, обусловленные их доктринальными положениями.

Полиэтничность Донбасса отразилась на значительном количестве религиозных конфессий разных направлений; самыми крупными по количеству верующих являются православные, протестантские и исламские. В данной работе проведем сравнение именно этих религиозных направлений.

Традиционно служение проявляется в семи материальных и семи духовных делах милосердия. К материальным делам относятся: накормить голодного, напоить жаждущего, одеть раздетого, принимать странников, посещать больных, приходить к заключенным, хоронить мертвых. А к духовным делам: идти к грешникам, учить тех, кто не знает, советовать сомневающимся, утешать страждущих, переносить несправедливость, прощать обидчиков, молиться за живых и мертвых. В основе христианства лежит стремление к тому, чтобы через осознание своего несовершенства, через признание существования высших ценностей прийти к идее необходимости самосовершенствования [1, с. 28].

Особенность социальных доктрин христианских конфессий состоит в том, что они не существуют, строго говоря, как отдельные теоретические дисциплины, а представляют скорее расширенно толкуемую социальную

этику, нормы которой предписывается реализовывать в той или иной сфере общественной жизни. Структура социальных концепций христианских конфессий не идентична. По-разному представлена и программа социального служения в зависимости от диапазона рассматриваемых проблем и перспектив их решения. При этом в них в различной последовательности рассматриваются проблемы, представляющие общий интерес: определение основных богословских положений; взаимодействие церкви и нации, церкви и государства, религиозной этики и светского права, церкви и политики; взаимосвязь преступления и наказания, здоровья личности и народа и прочее.

Православная церковь в основах социальной концепции документально отказывается от поддержки каких-либо политических сил, от вмешательства в дела государства, признавая иные формы социальной активности, взаимодействия с властями разных уровней во имя всеобщего блага, особенно на поприще миротворчества, благотворительности, решения социальных проблем, сохранения и развития культурного наследия, заботы об общественной нравственности. Православная церковь стоит на позиции государственных интересов, в частности, заявляя патриотизм как важнейшую духовную ценность в разделе «Церковь и нация» своей социальной концепции [2, с. 6]. Исконной миссией православной церкви являются идеи заботы о здоровье, благосостоянии, нравственном уровне широких слоев населения. К примеру, в Донецкой области в рамках осуществления социальной деятельности епархиями православной церкви были организованы богадельни для престарелых и инвалидов, детские дома для сирот, благотворительные столовые; осуществляется миссия тюремного служения в рамках пастырско-душепопечительной помощи заключённым [3, с. 210].

Основополагающими началами социального учения католической церкви являются принципы справедливости и общественной любви. Таким образом, объектами социального служения выступают человеческая личность и общество. Государству приписывается вспомогательная функция, подразумевающая минимум стратегического вмешательства – максимум конкретной помощи. В социальной концепции дано богословское обоснование участия церкви в мирских делах, связи социального служения с миссией спасения человеческого рода.

В вопросах помощи ближнему и милосердии сходятся абсолютно все конфессии – как христианские, так и мусульманские и иные направления. В исламе важное место отводится участию мусульманина в жизни общества, общины, семьи. Поддержка малоимущих, сирот, пожилых и просто казавшихся в трудной жизненной ситуации составляет одну из основ вероубеждения мусульман. Для помощи нуждающимся предназначены обязательная милостыня – закят и добровольные пожертвования – садака.

Существенным отличием социальных концепций Союза объединения евангельских христиан-баптистов и Церкви адвентистов седьмого дня от социальной концепции православной церкви являются разделы «Социальная деятельность» и «Социальное служение церкви как ответ на нужды общества» соответственно. Евангелисты дают в этом разделе библейское определение понятия «милосердие», указывают направления участия церкви в социальной деятельности и перспективы социального служения церкви. Адвентисты седьмого дня пошли еще дальше. Они выступают за стратегическое долгосрочное планирование социальных программ, выражают стремление к активному межконфессиональному сотрудничеству и согласию в воспитании толерантности, укреплении нравственных и духовных основ, столь необходимых для построения гражданского общества [4 с. 64]. Христианские и мусульманские религиозные организации едины в отрицательном отношении к концепции господства человека над природой и потребительству во взаимосвязях с ней. Именно в этом, по их мнению, основная причина экологического кризиса.

Заключение. Конфессиональная специфика понимания социального служения действительно очень разнообразна. Составляющей социальных концепций всех религиозных конфессий является помощь ближнему, необходимость попечения слабых, страждущих и отверженных и проч. Но каждая конфессия по-своему осмысляет, почему и как это делать, опираясь на свои священные тексты, богословские традиции и культурный контекст. Это и создаёт то многообразие форм социального служения, которое находит свое отражение в деятельности всех представленных на территории Донбасса религиозных конфессий.

Список литературы

1. Дмитриева, Л. М. Социальное служение в понимании основных христианских конфессий / Л. М. Дмитриева, Т. А. Костылева // Омский научный вестник. – 2006. – № 5 (39). – С. 28–31.
2. Основы учения русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека. – М.: Изд-во Московской патриархии РПЦ. – 2018. – 173 с.
3. Рощина, Т. М. Социальная деятельность церковных организаций Донецкой области в 2000-х гг. / Т. М. Рощина, Т. Ю. Людоровская // Материалы VI Международной заочной научной конференции «Форум молодых ученых: мир без границ» 15 октября – 25 декабря 2020 года. – Донецк: «ДОНМАН», 2020. – С. 209–211.
4. Костылева, Т. А. Социальные доктрины христианских церквей как теоретическая основа социального служения / Т. А. Костылева // Омский научный вестник. – 2008. – № 1(63). – С. 62–65.

УДК 94(470)"1941"

ДОВОЕННЫЕ ПРИЗЫВЫ В РЯДЫ КРАСНОЙ АРМИИ В СТАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1941 ГОДА

Рубченко А.В., ORCID 0009-0004-0599-2202
ГБУК ЛНР «Луганский республиканский краеведческий музей», г. Луганск, РФ
ruartem79@yandex.ru

Введение. Военная мобилизация Советского Союза в период Великой Отечественной войны недостаточно исследована. Но если по мобилизации первых месяцев войны есть отрывочные сведения, то про довоенные призывы в ряды Красной Армии данные в открытой печати начисто отсутствуют. Но как раз эти призывники и стали теми, кто первыми оказал сопротивление немецкому вторжению.

Цель: уточнить подробности процессов мобилизации в первой половине 1941 года на Донбассе.

Харьковский военный округ (далее сокращенно – ХВО) был образован приказом Народного комиссара обороны от 17 мая 1935 года и к 1941 году включал в себя шесть областей Украинской ССР: Ворошиловградскую Полтавскую, Сталинскую, Сумскую, Харьковскую и Черниговскую.

В этом списке Сталинская область была на первом месте по числу населения (более 3-х из 13-ти млн человек) и таким образом обладала большим мобилизационным потенциалом.

В первой половине 1941 года было проведено три призыва военнообязанных в ряды Красной Армии, что свидетельствует о понимании военным руководством Советского Союза неизбежности военного противостояния с нацистской Германией.

Осенний призыв 1940 года, стал последним «стандартным» призывом до начала войны. Он проводился с 15 ноября 1940 по 5 января 1941 года и затрагивал военнообязанных 1920-1921 года рождения. По Сталинской области было призвано 2 244 человек, что составило более 40% от общего количества призывников по всему ХВО – 5 495. [1, лл. 35-38]. До 58% этих призывников было направлено в части НКВД и Военно-морского флота.

В последующих призывах происходят изменения в приоритетах укомплектования частей.

15 февраля 1941 года организационно-мобилизационный отдел штаба ХВО направляет в адрес областных комиссариатов директиву №ОМ/2/00377, в которой ставятся задачи на проведение следующего призыва: «В первую очередь полностью и качественно укомплектовать

боевые первоочередные части (стрелковые дивизии, танковые бригады, армейские части)» [2, л. 35].

Можно предположить, что «первоочередными» в ХВО считались 132-я, 134-я, 151-я и 187-я стрелковые дивизии. В это же время на новые штаты (до 6 000 человек) переводились 102-я, 127-я и 162-я стрелковые дивизии.

С 1 марта 1941 года, реализуя новый мобилизационный план «МП-1941», в ХВО приступили к формированию 25-го механизированного корпуса (50-я, 55-я танковые и 219-я моторизованные дивизии). Кроме того, создавались управления 45-го, 46-го и 67-го стрелковых корпусов (в том числе и их корпусные части) и четыре стрелковые дивизии (214-я, 227-я, 230-я и 232-я).

Таким образом, весенний призыв, который проходил с 20 марта по 1 апреля 1941 года, должен был закрыть первоначальные потребности для формирования перечисленных воинских частей. По своему проведению этот призыв отличался от предыдущих.

Донесение Сталинского областного военкома: «Для призыва были предоставлены дворцы культуры, клубы, то есть помещения, которые предоставлялись при очередных призывах. Внутри помещения были оборудованы и украшены, снаружи же не украшались. Проведение подготовки к призыву и самый призыв производились скрытно, без огласки. Призывники вызывались персональными повестками, в которых не указывалось цели вызова» [1, л. 127].

И снова по результатам призыва Донбасс – основной поставщик пополнения. В шести областях округа всего было призвано 27 975 человек, в том числе 7 692 из Сталинской области (т.е. 27,5% от общего количества призывников) [1, лл. 129-132].

На укомплектование танковых частей было направлено 34% от общего количества призванных, так как новый мобилизационный план предусматривал формирование 20-ти новых механизированных корпусов в составе Красной Армии. К этой причине можно отнести и большое количество призванных в артиллерийские и автомобильные части – они, с большой долей вероятности, также предназначались для укомплектования подразделений новых мехкорпусов.

Еще один досрочный призыв был проведен уже в начале июня 1941 года, и он в точности повторил мартовский. Его особенностью стало появление призыва в Воздушно-десантные войска. В мае 1941 года в округе был создан 2-й воздушно-десантный корпус, для формирования которого нужны были новобранцы.

Результат призыва идентичен предыдущим – Сталинская область направляет 28% от общего количества призывников (7 375 человек из 26 014) [1, лл. 172-175].

Итого за три призыва на воинскую службу в ряды РККА (с ноября 1940 по июнь 1941 года) в ХВО было призвано 59 484 человек и более 45% из этого числа составили жители Донбасса, а именно 26 909 жителей Ворошиловградской и Сталинской областей.

Таблица 1

Итоги призывов в Харьковском военном округе в 1941 году (подсчитано автором по материалам дела ЦАМО, ф. 151, оп. 13014, д. 9).

Область	Осенний призыв 1940	Весенний призыв 1941	Досрочный призыв 1941	Всего призвано
Ворошиловградская	1718	3925	3515	9158
Полтавская	437	4196	3892	8525
Сталинская	2684	7692	7375	17751
Сумская	106	3483	3142	6731
Харьковская	464	4200	4041	8705
Черниговская	86	4479	4049	8614
Итого по ХВО:	5 495	27 975	26 014	59 484

Выводы. Таким образом, в предвоенный период Донбасс был основным поставщиком пополнений из Харьковского военного округа для воинских частей Красной Армии. Сталинская область была в этом процессе несомненным лидером, что хорошо видно из данных приведенной таблицы.

Список литературы

1. Управление Харьковского военного округа. Отдел организационно-мобилизационный и укомплектования штаба округа. Отчеты облвоенкоматов о проведении очередного призыва и отправке призывников. ЦАМО, Ф. 151, ОП. 13014, Д. 9.
2. Управление Харьковского военного округа. Отдел организационно-мобилизационный и укомплектования штаба округа. Ведомости и сведения облвоенкоматов о ресурсах и мобилизационной потребности и укомплектованности частей младшим начальствующим и рядовым составом и о проведенной мобилизации. ЦАМО, Ф. 151, ОП. 13014, Д. 61.

УДК 93

ПОДГОТОВКА КАДРОВ ДЛЯ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ ПОСЛЕ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 Г. (НА МАТЕРИАЛАХ ГУБЕРНИЙ ЮЖНОГО УРАЛА)

Семенова Н.Л., д-р ист. наук., проф.,
Жарылгасынов К.О., ORCID 0009-0009-3113-4697
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет»,
г.Оренбург, РФ
kairzhan93@inbox.ru

Проводимые реформы правоохранительной системы имеют целью повысить эффективность работы отдельных ее компонентов. Все они, в той или иной степени, затрагивают вопросы подготовки кадров для соответствующих органов, в том числе, прокуратуры. Это обусловлено тем, что уровень образования, наличие компетенций, необходимых для успешного выполнения сотрудниками служебных обязанностей, их морально-деловые качества напрямую оказывают влияние на эффективность работы ведомства. Поэтому реформы, проводимые в данной сфере, должны иметь научное обоснование и опираться, в том числе, на исторический опыт подготовки кадров для органов прокуратуры.

В советский период указанная тема не находила должного освещения в трудах исследователей, что было обусловлено причинами идеологического характера. Органы советской прокуратуры вели свою историю с 1922 г. и отрицали наличие преемственности с аналогичным ведомством Российской империи. Лишь в постсоветский период издаются работы, авторы которых, рассматривают характеристики кадрового состава органов прокуратуры императорской России. Так, Л.Г. Звягинцев и Ю.Г. Орлов [5], рассматривая персоналии руководителей ведомства, приводят информацию о полученном ими образовании.

Вопросы подготовки кадров для работы в прокуратуре исследуются Г.К. Жуковым [4]. Однако автор не пытается обобщить опыт подготовки кадров для органов прокуратуры, ограничиваясь описанием служебной карьеры отдельных прокуроров и их товарищей (помощников), занимавших должности в системе прокуратуры в губерниях Северо-Запада России. Таким образом, в освещении темы имеются пробелы, восполнить которые, возможно, посредством проведения дальнейших исследований.

В рамках данной статьи рассматриваются особенности подготовки кадров для прокуратуры в пореформенный период (1864-1917 гг.). При этом указанные вопросы исследуются на материалах губерний Южного Урала.

Источниковая база исследования включает в себя адрес-календари и памятные записки Уфимской и Оренбургской губерний [2; 3], а также справочную информацию, собранную и систематизированную Н. Пашенным [7].

Следствием судебной реформы 1864 г. стало изменение организационной структуры прокуратуры в губерниях Российской империи. Так, в губерниях Южного Урала, прокуратура функционировала при Уфимском, Оренбургском и Троицком судебных округах. В уездах действовали прокурорские участки и канцелярии [1, с. 5-8]. Их создание повлекло за собой увеличение штата сотрудников, имеющих юридическое образование и обладающих необходимыми компетенциями для успешного выполнения возложенных на органы прокуратуры функций.

Анализ информации, представленной в адрес-календарях Уфимской и Оренбургской губерний показал, что в рассматриваемый период, среди прокуроров и их товарищей (помощников) преобладали выпускники Императорского училища правоведения [2; 3]. Оно являлось единственным в Российской империи специализированным учебным заведением, готовившем кадры для прокуратуры [6, с. 20]. Выпускники данного учебного заведения отличались высокой степенью корпоративной сплоченностью. Доля выпускников юридических факультетов классических университетов среди сотрудников органов прокуратуры была относительно невелика.

Императорское училище правоведения и юридические факультеты классических университетов обеспечивали высокий уровень подготовки кадров для работы в органах прокуратуры. При этом обучение в Императорском училище правоведения носило более практико-ориентированный характер. В то время как в классические университеты обеспечивали высокий уровень теоретической подготовки будущих юристов. Следует отметить, что лица, обучавшиеся в Императорском училище правоведения, принадлежали к дворянскому (привилегированному) сословию [7].

Единственное в Российской империи училище правоведения не могло в полной мере обеспечить подготовку достаточного количества квалифицированных юристов для работы в органах прокуратуры. Данные, представленные Н. Пашенным, свидетельствуют, что в период 1910-1917 гг. наблюдается тенденция к снижению числа выпускников Императорского училища правоведения, занимавших должности в системе прокуратуры. Они, в наибольшей степени, связывали свою дальнейшую карьеру с военной службой.

Таким образом, по результатам исследования был сделан вывод о том, что в Уфимской и Оренбургской губерниях в пореформенный период должности в органах прокуратуры занимали выпускники Императорского училища правоведения. Число сотрудников прокуратуры из числа

выпускников юридических факультетов классических университетов было невелико. Сотрудники органов прокуратуры имели высшее юридическое образование и принадлежали к привилегированному дворянскому сословию.

Система подготовки кадров для прокуратуры носила закрытый (кастовый) характер и не в полной мере обеспечивала пополнение кадрами органов прокуратуры в регионах Российской империи.

Результатом проведенного анализа особенностей подготовки кадров отечественной прокуратуры в пореформенный период, стало определение проблемного поля для дальнейших исследований по теме. Так, целесообразно более подробно изучить вопрос о соотношении среди работников прокуратуры на губернском уровне числа лиц, окончивших Императорское училище правоведения и классические университеты.

Список литературы

1. Абдрахманов, А.Ф. Администрация, суд и прокуратура Уфимской губернии в 1865-1917 гг.: автореферат дис. ... кандидата юридических наук /А.Ф. Абдрахманов – Нижний Новгород, 2006. – 21 с.
2. Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1906 г. Оренбург. 1906/ - URL: https://elibrary.orenlib.ru/index.php?dn=down&catid=25&to=open&id=831 (дата обращения: 08.10.2026).
3. Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1906 год. Уфа. 1905. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_rc_1224315/ (дата обращения: 08.10.2026).
4. Жуков, Г.К. Развитие структуры и кадрового обеспечения российской прокуратуры как факторы повышения эффективности прокурорской деятельности во второй половине XIX - начале XX в. / Г.К. Жуков // Труды Института государства и права РАН. – 2022. – №6. – С. 184–205.
5. Звягинцев, Л.Г., Орлов, Ю.Г. Т. 1. Око государево. Под сенью русского орла. Российские прокуроры. 2-я пол. XIX - нач. XX в. / Л.Г. Звягинцев, Ю.Г. Орлов. М., 1996. – 430 с.
6. Олимпиева, И.В. Императорское училище правоведения (1835 – 1918) : эволюция юридического образования в России и формирование корпуса просвещенной бюрократии : автореферат дис. ... кандидата исторических наук / И.В. Олимпиева. – Спб, 2021. – 24 с.
7. Пашенный, Н. Императорское училище правоведения и правоведы в годы мира, войны и смуты. Составил воспитанник 78-го выпуска Николай Пашенный. Мадрид, Издание Комитета Правоведской Кассы. 1967 / Н. Пашенный – URL: https://genrogge.ru/isj/isj-091-6.htm (дата обращения: 08.10.2026).

УДК 94(47).084.1

МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВСЕОБЩЕГО ВОЕННОГО ОБУЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1918–1922 ГГ.

Тишин А.А., ORCID 0009-0008-9597-0769
ФГКВОУ ВО «Рязанское гвардейское высшее воздушно-десантное командное училище имени генерала армии В. Ф. Маргелова», г. Рязань, РФ
tishin-xxx78@mail.ru

Введение. Создание системы всеобщего военного обучения населения стало одним из направлений военного строительства Советской России в 1918–1922 гг. Правовой основой её формирования являлся декрет ВЦИК от 22 апреля 1918 г. «Об обязательном обучении военному искусству». В дальнейшем создавались губернские, уездные и волостные органы Всевобуча, учебные пункты и территориальные формирования.

Организация военной подготовки зависела не только от кадров и учебных программ, но и от материальной базы. Для проведения занятий требовались помещения, оружие, учебные пособия и спортивный инвентарь [1, л. 227–228].

Масштабы подготовки в Рязанской губернии были значительными. По данным В. В. Бритова, в октябре 1918 г. военным обучением было охвачено 45 884 человека, в ноябре — 52 761, в декабре — 56 946 человек [4]. Это обусловливало высокую потребность в материальных ресурсах.

Цель статьи – рассмотреть основные направления материально-технического обеспечения Всевобуча в Рязанской губернии и связанные с ним проблемы.

Материальная база учебных пунктов. Одной из проблем являлось обеспечение учебных пунктов помещениями. При недостатке специализированных объектов использовались здания учреждений, клубов, образовательных организаций и другие пригодные помещения. Архивные материалы свидетельствуют о необходимости оборудования учебных пунктов и обеспечения инструкторов средствами для проведения занятий [1, л. 227–281].

В Рязанской губернии применялась 96-часовая программа подготовки, включавшая различные виды военных занятий [1, л. 227–228]. Существенную роль играли учебные пособия. Материалы проверки учебных пунктов показывают наличие проблем с их обеспечением [1, л. 410–413].

Таким образом, материальная база создавалась преимущественно посредством использования и приспособления существующих ресурсов.

Обеспечение оружием и учебными пособиями. Наиболее существенным элементом материального обеспечения являлось стрелковое

оружие. Показателен пример учебного пункта «Хромкож», где при 81 необученном рабочем имелось только 20 винтовок [2, л. 1]. Следовательно, имеющегося оружия было недостаточно для одновременной практической подготовки всех обучаемых.

В документах также отмечалась недостаточная обеспеченность инструкторскими и учебными средствами [2, л. 8–11]. Практические занятия приходилось организовывать с учётом ограниченного количества оружия.

Проблема распространялась и на учебные пособия. В материалах по «Хромкожу» зафиксировано отсутствие необходимых средств обучения [2, л. 13–16]. Недостаток пособий ограничивал возможности инструкторов при проведении теоретических и практических занятий.

Таким образом, нехватка оружия и учебных средств непосредственно влияла на организацию учебного процесса.

Физическая подготовка являлась составной частью системы Всевобуча. Для её проведения требовались площадки, гимнастическое оборудование и спортивный инвентарь.

Документы ГАРО свидетельствуют о развитии спортивно-гимнастической работы в Рязани в 1919 г. [3, л. 20]. При ограниченности ресурсов использовались существующие помещения и площадки, а доступное оборудование приспосабливалось для учебных целей.

Основные проблемы. Анализ архивных материалов позволяет выделить три основные проблемы материально-технического обеспечения Всевобуча.

Во-первых, **дефицит стрелкового оружия**. В учебном пункте «Хромкож» на 81 обучаемого приходилось 20 винтовок [2, л. 1].

Во-вторых, **нехватка учебных пособий и оборудования**, что ограничивало возможности проведения занятий [2, л. 13–16].

В-третьих, **недостаток специально оборудованных помещений**, вследствие чего использовалась существующая инфраструктура [1, л. 227–281].

Материальные трудности требовали рационального использования доступных ресурсов: оружие распределялось между группами обучаемых, помещения приспосабливались для занятий, а имеющееся оборудование использовалось максимально интенсивно [2, л. 8–16].

Заключение. Материально-техническое обеспечение являлось важным условием функционирования системы всеобщего военного обучения населения Рязанской губернии в 1918–1922 гг. Массовый характер подготовки требовал значительного количества оружия, учебных пособий, помещений и спортивного оборудования.

Архивные материалы показывают, что фактические возможности материального обеспечения не всегда соответствовали потребностям учебных пунктов. Наиболее существенными проблемами являлись

недостаток стрелкового оружия, учебных пособий и специально оборудованных помещений [1, л. 410–413; 2, л. 1, 8–16].

Вместе с тем местные органы Всевобуча использовали доступные ресурсы, приспосабливали существующие здания и рационально распределяли имущество. Это позволяло поддерживать функционирование учебных пунктов в условиях ограниченного материального обеспечения.

Таким образом, материально-техническая база являлась необходимым условием практической реализации задач Всевобуча и составляла важную часть регионального опыта военного строительства Советской России.

Список литературы

1. Государственный архив Рязанской области. Ф. Р-2715. Оп. 1. Д. 37. Л. 227–281, 410–413.
2. Государственный архив Рязанской области. Ф. Р-2716. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 8–16.
3. Государственный архив Рязанской области. Ф. Р-2716. Оп. 1. Д. 16в. Л. 20.
4. Бритов В. В. Рождение Красной Армии. М. : Воениздат, 1961. 192 с.
5. Всероссийский главный штаб (Всероглавштаб) // Путеводители по российским архивам. Российский государственный военный архив.
6. Органы всевобуча, управления и штабы территориальных соединений и частей // Путеводители по российским архивам. Российский государственный военный архив.
7. Приказы Начальника всеобщего военного обучения, допризывной подготовки, территориальных кадров и коммунистических коминструкторских частей РСФСР. 1920. № 277–284, 286–287, 290–299. М., 1920.

УДК 930(477.6)

ПАМЯТНЫЕ КНИЖКИ И АДРЕС-КАЛЕНДАРИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ДОНБАССА: ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСТОЧНИКА И МЕТОДЫ АНАЛИЗА

Янченко С.Ш. ORCID 0009-0009-9758-704X

Донецкий институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Донецк, РФ

yanchenko-ss@ranepa.ru

Введение. В Российской империи XIX-начала XX вв. среди широко распространенных периодических и справочных изданий особое место в жизни провинциальных регионов занимали памятные книжки и адрес-календари – ежегодники, содержавшие разнообразную справочную, статистическую и историко-краеведческую информацию зачастую по конкретной административно-территориальной единице. Поскольку территория дореволюционного Донбасса была разделена между тремя уездами

Екатеринославской губернии – Бахмутским, Мариупольским и Славяносербским, а также Таганрогским округом Области Войска Донского, то, соответственно, местные адрес-календари и губернские памятные книжки могут выступать полноценными источниками изучения процесса исторического развития региона.

Цель исследования – определить информационный потенциал памятных книжек и адрес-календарей с позиции исторического источника по социальной и культурной истории дореволюционного Донбасса, а также возможные методы их источниковедческого анализа.

Основная часть. В Екатеринославской губернии и Области Войска Донского (далее – ОВД) выпуск первых *памятных книжек* относится еще к 1860-х гг., однако на регулярной ежегодной основе губернские издания выходили в свет лишь на протяжении 1908-1916 гг. Структура памятных книжек как правило имела стандартизированный вид и включала в себя несколько отделов (иначе – тематических разделов):

1. календарные и астрономические сведения;
2. сам адрес-календарь с перечислением всех губернских и уездных правительственных и общественных учреждений с обязательным указанием личного состава;
3. справочник об административном делении, почтовых и телеграфных данных, промышленных и торговых предприятиях и т.п.;
4. статистический и научно-краеведческий обзоры.

Адрес-календари в качестве специализированных справочников издававшихся преимущественно в крупных уездных центрах – пос. Юзовке, г. Мариуполе, г. Луганске и др. – представляют собой уникальные издания, отражающие количественные и качественные сведения о горнозаводских предприятиях, торговых фирмах, административных учреждениях, месте жительства и роде деятельности жителей населенных пунктов и т.д. Особо ценным с визуальной точки зрения компонентом и памятных книжек, и адрес-календарей являются публикуемые рекламные объявления до и после оглавления, фиксирующие деловую активность и культурные запросы региона на рубеже XIX-XX вв.

Рассматриваемый в исследовании корпус справочных изданий рационально использовать в качестве основы в ходе реконструкции образа повседневности и социокультурной истории Донбасса. К примеру, адрес-календари содержат систематизированные сведения о сети учебных заведений, библиотеках, клубах, отелях, типографиях, книжных магазинах, фотоателье, синематографах – элементах культурной инфраструктуры городов региона, что позволяет подробно изучать формы досуга и социальной активности общества. Так, в материалах выпуска «Весь Мариуполь и его уезды: адрес-календарь» за 1910 г. имеются данные о функционировании частной музыкальной школы Л.Р. Каневского и женского училища Н.С. Дарий, музыкального магазина Гуровича и кондитерской фабрики И.Х. Горелова, книжного и писчебумажного

магазина Мариупольского уездного земства; а также многих общественных организаций (т.н. обществ): трезвости, охоты «Спорт», попечения о детях и приюта «Ясли» под председательством Е.И. Чентуковой [1]. В свою очередь, опубликованный в 1912 г. адрес-календарь «Весь Луганск в кармане» информирует о существовании в черте города 2 летних театров, 3 кинозалов, 4 садов и Горно-Коммерческого клуба. Помимо этого, известно также о работе фотоателье Г.Л. Юхнова и школы танцев артиста Варшавского балета И.А. Мариясина [2].

В добавок, в памятной книжке ОВД за 1914 г. отмечается организация на регулярной основе ярмарок и базаров (торгов), являвшихся важнейшими площадками социального взаимодействия, коммуникации и культурного обмена, где сглаживались сословные и этнические различия. В частности, в слободе Амвросиевке ожидались трехдневные ярмарки по Фоминой неделе, 23 июня, 28 июля и 6 декабря; в Дмитриевском Макеевской волости аналогично 29 июня и 15 августа [3].

Наконец, исследуемые справочные издания способны отражать поликонфессиональный и полиэтничный характер населения Донбасса. Ежегодник «Приднепровье» 1914 г. перечисляет религиозные учреждения промышленных центров региона, свидетельствующие о легитимации конфессионального плюрализма. К их числу относятся римско-католические костелы и синагоги в г. Бахмуте, Юзовке и Енакиево, армяно-григорианская юзовская церковь, Юзовский молитвенный дом и англиканская церковь (настоятель Артур Рыдль) [4].

Так или иначе, для проведения достоверной интерпретации материала на принципах объективности и историзма в рамках изучения памятных книжек и адрес-календарей стоит обратиться к научной методологии: применению *просопографического*, *статистического* и *сравнительно-исторического* методов исследования. Просопографический анализ позволяет извлечь персональные данные из справочников и создать коллективные биографии социальных групп, выявляя закономерности в составе, карьерных траекториях и географии расселения жителей региона. Статистический метод дает возможность изучать экономические и культурные показатели региона в динамике, а сравнительное сопоставление данных разных выпусков адрес-календарей и памятных книжек по уездам и городам способно выявлять их информационную асимметрию.

Заключение. Памятные книжки и адрес-календари на сегодняшний день выступают информационно неисчерпывающим историческим источником в целях исследования социокультурной истории дореволюционного Донбасса. Подобные справочные издания содержат сведения по социальной структуре, культурной жизни, повседневности и инфраструктуре региона, позволяя исследовать как структурные процессы (индустриализация, урбанизация,

формирование бюрократического аппарата), так и индивидуальные биографии его жителей. К тому же, методологическая основа их изучения открывает перспективы для создания многомерной картины социокультурного развития Донбасса в XIX-начале XX вв.

Список литературы

1. «Весь Мариуполь и его уезд: адрес-календарь». – Мариуполь: Типография С.А. Копкина, 1910. – 166 с. – Текст : электронный. – URL : https://vivaldi.dspl.ru/bx0000236/details (дата обращения : 12.09.2026)
2. Весь Луганск в кармане : адрес-календарь и справочная книга города и окрестностей на 1912 г. - Киев : Изд. Е. Шнирлина и М. Кулашкина, 1912. – 160 с. – Текст : электронный. – URL : https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004008104/ (дата обращения 12.09.2026)
3. Памятная книжка Области войска Донского на 1914 г. / Изд. Обл. в. Д. стат. ком. – Новочеркасск : Электр. тип. Ф. Туникова, 1914. – 810 с. – Текст : электронный. – URL : https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_DIGIT_75477/?ysclid=muefga3p2283242182 (дата обращения : 12.09.2026)
4. Ежегодник «Приднепровье» и памятная книжка Екатеринославской губернии на 1914 год / Под ред. Н.Г. Подковырова и А.Г. Авчинникова.– Екатеринослав: Изд. Екатеринослав. Губернского Стат. Комитета, 1914. – 420 с. – Текст : электронный. – URL : https://vivaldi.nlr.ru/bx000070233/details (дата обращения : 11.09.2026)

УДК 377.3(470+571)(09)

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ В СССР

Ясинчак К.В., ***Рочняк Е.В.***, канд. философ. наук., доц.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет
им. В. Шаталова», г. Горловка, ДНР, РФ
majkolsonksenia62@gmail.com

Профессиональная подготовка в СССР представляла собой уникальный социально-экономический феномен, который формировался под влиянием трёх ключевых факторов: необходимости форсированной индустриализации, идеологической доктрины марксизма-ленинизма и задачи создания принципиально новой социальной структуры общества. Система профессионального образования в Советском Союзе не была статичной – она прошла путь от экспериментальных форм 1920-х годов к жёстко централизованной модели 1930–1950-х годов, а затем к попыткам реформирования в 1960–1980-е годы. При этом на всех этапах её развития сохранялись неизменные базовые принципы: плановость, массовость, связь с производством и идеологическая направленность.

Цель – комплексное исследование эволюции профессиональной подготовки в СССР, выявление её этапов, механизмов функционирования,

а также анализ достижений и противоречий системы, которая обеспечила страну миллионами квалифицированных рабочих и специалистов.

Сразу после Октябрьской революции 1917 года началась ломка старой системы профессионального образования. Декрет СНК РСФСР от 29 января 1920 года «О мерах к распространению профессионально-технического образования» заложил правовую основу для создания новой сети учебных заведений. Ключевым элементом стали школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), которые были организованы при крупных промышленных предприятиях. Обучение в них сочеталось с обязательным участием учеников в производственном процессе. В этот же период возникла уникальная форма подготовки – рабфаки (рабочие факультеты). Их цель заключалась в том, чтобы в течение 2–3 лет подготовить к поступлению в высшую школу рабочих и крестьян, которые не имели полного среднего образования [1; 2].

В 1920-е годы активно экспериментировали с формами обучения. Однако к концу десятилетия стало очевидно, что чрезмерное увлечение экспериментами привело к снижению качества подготовки. Наркомат просвещения РСФСР констатировал, что выпускники ФЗУ часто не обладают необходимыми базовыми знаниями по математике, физике и черчению [3].

С началом первой пятилетки (1928–1932) перед страной встала острейшая проблема – нехватка квалифицированных кадров для строящихся предприятий. В этих условиях профессиональная подготовка приобрела мобилизационный характер. В 1930 году был создан Всесоюзный совет по техническому образованию (ВСТО) при ЦИК СССР, который стал центральным органом управления всей системой профессионального обучения [4]. Он разрабатывал единые учебные планы, распределял абитуриентов по вузам и техникумам, координировал работу с наркоматами промышленности.

Особенностью этого периода стало создание системы отраслевых техникумов и втузов [5]. Одновременно развивалась система подготовки рабочих массовых профессий. В 1930 году было принято постановление СНК СССР «О введении всеобщего обязательного начального обучения в городах», которое создало базу для дальнейшей профессиональной подготовки. В середине 1930-х годов произошёл поворот к стандартизации. Постановление ЦК ВКП(б) от 25 августа 1931 года «О начальной и средней школе» хотя и касалось общеобразовательной школы, фактически задало вектор для всей системы образования. В 1934 году были утверждены единые учебные планы для всех техникумов и втузов, а в 1936 году – единые квалификационные требования для рабочих профессий.

В 1940 году был принят Указ «О государственных трудовых резервах», который создал принципиально новую систему подготовки

рабочих кадров: ремесленные училища, железнодорожные училища и школы фабрично-заводского обучения (ФЗО). Учащиеся полностью находились на государственном обеспечении, но были обязаны отработать 4 года на производстве после окончания обучения [6; 7]. В годы войны система профессиональной подготовки была полностью перестроена на военные рельсы. Обучение велось в ускоренном режиме.

После войны система профессионального образования была восстановлена: создана система институтов усовершенствования учителей и факультетов повышения квалификации, что обеспечило непрерывность профессионального развития. В 1954 году был принят закон о всеобщем обязательном семилетнем обучении, который создал базу для дальнейшей профессиональной подготовки [8; 9].

В 1950-х гг. система профессиональной подготовки столкнулась с новыми вызовами. В 1958 году был принят закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», который ввёл обязательное производственное обучение в старших классах средней школы. Однако этот эксперимент оказался неудачным и в 1964 году реформа была отменена.

В 1960–1980-е годы основным типом профессионального образования стали средние профессионально-технические училища (СПТУ), которые давали не только рабочую квалификацию, но и полное среднее образование. Однако к концу 1980-х годов система профессиональной подготовки столкнулась с кризисом: устаревание материально-технической базы и учебных программ, низкая мотивация учащихся [10; 11].

Следовательно, особенности профессиональной подготовки в СССР можно свести к следующим ключевым характеристикам: плановость и централизация, массовость и социальная мобильность, тесная связь с производством, мобилизационный характер. Несмотря на внутренние противоречия и кризисные явления в поздний период советская система профессиональной подготовки выполнила свою историческую задачу – обеспечила страну квалифицированными рабочими и специалистами.

Список литературы

1. Андреев А. Л. Рабочие факультеты и формирование советской технической интеллигенции (1919–1930 гг.) // Вопросы истории. — 1999. — № 5. — С. 78–92.
2. Гордин В. Э. Рабфаки: забытая страница истории советского образования // Педагогика. — 2002. — № 3. — С. 65–73.
3. Ефимов В. В. Школы фабрично-заводского ученичества в 1920-е годы: опыт и уроки // Экономическая история. — 2005. — № 2. — С. 45–58.
4. Зимин А. И. Всесоюзный совет по техническому образованию: создание и деятельность (1930–1936 гг.) // Отечественная история. — 2001. — № 4. — С. 112–126.

5. Козлов В. А. Техникумы и втузы в годы первых пятилеток: проблемы подготовки инженерных кадров // Россия в XX веке: исторический опыт. — М.: Наука, 2004. — С. 210–225.
6. Митрофанов А. В. Государственные трудовые резервы: история создания и функционирования (1940–1958 гг.) // Военно-исторический журнал. — 2008. — № 9. — С. 32–38.
7. Петров Ю. А. Указ «О государственных трудовых резервах» и его роль в подготовке кадров для промышленности // Экономическая история России. — 2006. — № 1. — С. 54–67.
8. Смирнов В. И. Система профессионального образования в СССР в годы Великой Отечественной войны // Педагогика. — 2005. — № 4. — С. 70–79.
9. Тихонов В. А. Профессиональная подготовка кадров в послевоенной советской экономике (1945–1955 гг.) // Экономика и управление. — 2007. — № 2. — С. 88–97.
10. Черник В. Г. Средние профессионально-технические училища в СССР: этапы развития и проблемы // Народное образование. — 1999. — № 7–8. — С. 23–31.
11. Шпаковская Л. Л. Профессиональное образование в позднем СССР: кризис и попытки реформирования // Социологический журнал. — 2003. — № 4. — С. 112–127.

История России и славянских народов

УДК 94(477.6):72+666.7

МЕННОНИТСКИЕ КОЛОНИИ ДОНБАССА: АРХИТЕКТУРА, БЫТ И ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ КРАЯ

***Агаркова М.И.*[1],** ORCID: 0009-0008-1534-016X,
***Кожемяка О.Л.*[2],**
[1] ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
[2] ГБОУ «Лицей № 12 г. о. Донецк», г. Донецк, РФ
satokha@mail.ru, sergei-kozhemyaka@rambler.ru

Введение. В полиэтнической истории Донбасса немецкие колонисты занимают особое место. В изучении их наследия особый интерес представляет локальный сюжет – роль кирпично-черепичного производства в формировании архитектурного облика одной из самых известных меннонитских колоний – Нью-Йорка (ныне пгт Новгородское Донецкая Народная Республика, Россия). Эта колония, основанная в 1810 г. Яковом Унгером, стала не только центром строительной культуры, но и примером влияния немецких технологий на соседние населенные пункты.

Цель исследования – выявить роль кирпично-черепичного производства в формировании архитектурного облика меннонитской колонии Нью-Йорк и определить его влияние на строительную культуру окрестных населенных пунктов.

Основная часть. Колония Нью-Йорк была основана в 1810 г. Яковом Унгером на землях у реки Кривой Торец [1, с. 114]. Название ей было очевидно дано основателем с надеждой, что со временем она достигнет такого же уровня развития, как ее заокеанский «тезка». Проводя поисковые работы на своих землях, Я. Унгер нашел качественный каолин, что стало основной причиной строительства на западном берегу Кривого Торца кирпичного завода и плотины [2]. Завод был построен специалистами из Германии по самым современным на то время технологиям; рядом с ним находился карьер по добыче глины для кирпича. Позже Унгер наладил выпуск черепицы, которая отличалась высоким качеством и пользовалась большим спросом, поскольку местное население в основном крыло крыши соломой или камышом и подобных «творений европейской цивилизации» еще не знало. Дома, крытые красной черепицей, выглядели нарядно и эффектно.

Из кирпича и черепицы, выпускаемых заводом, построено большинство домов не только в Нью-Йорке, но и в окрестных селах [2]. Продукция маркировалась клеймами, что свидетельствует о товарном

характере производства [3]. Всего в крае известно четыре разных вида немецкой черепицы местного производства [4, с. 47].

Архитектурный облик домов колонии определялся красным кирпичом и высокой черепичной крышей. Снаружи дома не белились, окна и двери покрывались голубой краской; потолок, пол и лестницы изготавливались из дерева; на крышах были дымоходы, которые использовались как коптильни. Жилые и хозяйственные помещения часто располагались под одной крышей – так называемый прусский метод. Дома ставили на высоком фундаменте. У крепких хозяев они были в длину до 17,5 м, в ширину до 9 м и разделялись на 4 жилых комнаты, кухню, сени, подвал и чердаки. При строительстве часто употреблялась особая кладка кирпича – двойная: между стенами была засыпана земля с битым кирпичом. Сооружения часто имели вытянутую прямоугольную форму с узорами на фризе, с окнами на фронтоне (деревянными или кирпичными), с большим дымоходом возле стены здания, внутри украшались изразцами [4].

Особенностью архитектуры немецких колоний являлась часть антаблемента – фриз, украшенный узорами; «сухариками» (дентикулами) – декоративными украшениями в виде направленных вниз зубчиков прямоугольной формы; руст – отделка стен, имитирующая крупную кладку и создающая впечатление прочности и массивности сооружения; контрфорс – усиленное ребро кладки, кирпичная, бетонная или железобетонная поперечная стенка, вертикальный выступ на ребро, что усиливает несущую конструкцию; фронтон – передняя часть стены, треугольное завершение портика, ограниченное двумя скатами с бортов и карнизом у основания и др. В классических домах колонистов на верхушке фронтона был размещен «немецкий конек». Особое место в классическом немецком строительстве занимали большие дымоходы с большой кирпичной трубой у стены постройки [4, с. 48].

Внутреннее пространство немецкого дома также было подчинено практичности и традиции. Со двора двери вели в холодный коридор, откуда можно было попасть на кухню, посреди которой стояла большая печь, в которой можно увидеть взаимовлияние культур – русская печь и «голландка», объединенные в единое целое. В посудном шкафу с прозрачными стеклами выставлялась посуда для повседневного пользования, разнообразный кухонный инвентарь. Традиционными для каждой кухни были настенные часы. Слева по коридору располагались две светлые комнаты – гостиная и спальня. В первой на стенах висели иконы, портреты царя и царицы, известных немецких деятелей и обязательно – зеркало. В спальне находилась высокая двуспальная кровать с большим количеством подушек, пологом и с традиционной для немцев периной. Тут же стояли диван, гардероб и комод, на котором несколько книг, чаще всего религиозного содержания. Пол в комнатах был в основном деревянным

или выкладывался из кирпича, но под влиянием местных условий встречался и глинобитный. Под домом копали большой подвал, войти в который можно было с коридора. Еще большим был чердак, используемый для хранения зерна [5, с. 47].

Колония Нью-Йорк стала центром распространения кирпичного строительства и черепицы в Донбассе. Ее опыт активно заимствовался соседними селами, где подобных материалов и технологий еще не знали. Планировка колоний также следовала традиционному немецкому образцу: в центре – кирха или церковь, школа; главная улица, перпендикулярно к которой располагались жилые здания. Дома обращались главным фасадом во двор, к улице – боковой стороной в два окна, с обязательным садиком перед каждым двором. Такая застройка создавала непрерывную ленту цветников и насаждений, за которыми скрывались дома жителей. Этот принцип благоустройства также постепенно перенимался соседями.

Заключение. Кирпично-черепичное производство не только определило архитектурный облик Нью-Йорка, но и повлияло на строительную культуру региона в целом. Продукция заводов Унгера, Унрау и Дика способствовала распространению прочных строительных материалов и декоративных элементов, а сами дома стали образцом для подражания. Элементы немецкой архитектуры, быта и строительной символики выступили важным консолидирующим фактором для переселенцев, оказавшихся вдали от этнических земель, подчеркивая их самоидентификацию. Одновременно лучшие традиции строительства, благоустройства и ведения хозяйства заимствовались другими народами края, что способствовало общему развитию Донбасса.

Список литературы

1. Иваненко-Стадник Е. Немецкие меннонитские колонии в контексте советского государственного строительства. Разделение общества и поиски мест эмиграции в 1920 годах // Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы. Эмиграция и репрессии: Документы и материалы. – Новосибирск: Посох, 2009. – С. 112–137.
2. Паршин А. Мой поселок, от Нью-Йорка до Новгородска. – URL: http://www.masters.donntu.edu.ua/2010/fknt/parshin/ind/index.htm (дата обращения: 09.10.2026)
3. Шахты и рудники Донбасса: Кирпич и черепица родного края. – URL: https://www.donmining.info/2015/03/kirpich-i-cherepitsa-rodnogo-kraya.html (дата обращения: 09.10.2026)
4. Качалов А.Г. Немецкая архитектурная символика: по материалам историко-этнологических экспедиций в Донецкой области // Нові сторінки історії Донбасу: зб. ст. – Кн. 17/18. – Донецьк: ДонНУ, 2009. – С. 47–48.
5. Макарова Н. Исчезнувшая цивилизация // Неизвестная Дружковка. – 2004. – Ч. 1 (11). – С. 44–49.

УДК 93/94+ 908(470+571)

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ЮЗОВКЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Алёхина А.Ю., ORCID 0009-0007-7106-8706,
Пенькова О.Б., ORCID 0000-0000-1384-4710
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ,
anastasya.alehina2016@yandex.ru, moruzhenko63@mail.ru

Введение. В конце XIX – начале XX вв. поселок Юзовка развивался стремительными темпами. С каждым годом росло число промышленных предприятий. Основанная в 1870-х годах вокруг металлургического завода Джона Юза, Юзовка за полвека превратилась из рабочего поселка в один из крупнейших промышленных центров Юга России. Однако экономический рост опережал развитие социальной сферы: темп школьного строительства заметно отставал от темпов роста населения.

Цель работы – проследить становление и развитие системы образования в Юзовке в конце XIX – начале XX веков. Охарактеризовать основные типы образовательных учреждений Юзовки (народные и церковно-приходские школы, частные прогимназии и гимназии) и их специфику

Основная часть. В отечественной историографии данный вопрос затрагивался частично. В основном он рассматривался совместно со всей историей развития Юзовки. Выделим работы Стёпкина В.П. [1], в том числе написанные им в соавторстве с Гергель В.И [2] и Третьяковым С.В. [3]. В данных работах дается характеристика учебных заведений Юзовки в период XIX – начале XX вв.

Несмотря на стремительное развитие промышленности и социальной инфраструктуры Юзовки во второй половине XIX века, темп развития системы образования значительно отставал от темпов роста населения.

В 1877 году берет свое начало школьное образование. Именно в этот год была открыта одноклассная народная школа при Юзовском металлургическом заводе. Плата за обучение в ней составляла 50 коп. в месяц. Первоначально в ней обучались 54 ученика, а занятия во всех трех классах вел один учитель. С каждым годом число учащихся увеличивалось. Через три года число обучающихся достигло 80 человек. Уже к 1891 году количество учеников выросло до 350 человек, среди которых около ста были девочками.

Важное место занимала также школа для детей тех английских специалистов, которые работали на металлургическом заводе. Обучение стоило 2 рубля в месяц. Рассчитана такая школа была на 35 учеников [4, с. 70]. По сведениям горного инженера, общественного и государственного

деятеля Н.С. Авдакова (встреча с ним горнопромышленников прошла 8 августа 1892 г.) в Юзовском округе одна школа приходилась на 2040 жителей [5].

Действовали в Юзовке и другие учебные заведения: низшие начальные училища (двухклассное училище Свято-Преображенского Братства, где обучалось 1 002 человека; одно-классное церковно-приходское училище на 85 человек; еврейское общественное училище «Талмуд Тора», где училось 242 мальчика), еврейская женская школа на 153 человека, еврейская женская школа Богдановской, где обучалось 50 человек; одно начальное училище, в котором обучалось 245 мальчиков [4, с. 71–72].

Основными учебными заведениями на территории Юзовки в конце XIX – начале XX века, как и по всему Донбассу, были народные и церковно-приходские школы, гимназии и земские училища.

Самыми распространенными были церковно-приходские учебные заведения. Они находились в ведении духовного ведомства. Особого внимания заслуживает Юзовская Братская двухклассная церковно-приходская школа. Она была открыта в Юзовке в 1896 году при Спасо-Преображенском соборе. Жители поселка собрали деньги на ее строительство – 900 рублей. Принимали детей с 8 лет, в основном – из малообеспеченных слоев населения. Несколько десятков детей ежегодно обучались бесплатно за счет братства. Для остальных обучение было платным – от 75 коп. до 1 руб. 50 коп. в месяц. Преподавали в основном Закон Божий, церковное пение, чтение, письмо и арифметику [5].

Уже в 1914 году Братская школа переехала в новое здание на Девятой линии. На момент переезда в ней обучалось около 600 детей, преподавало 12 учителей и четверо священников, читавших Закон Божий. Многие дети из семей рабочих заканчивали обучение через год-два, освоив базовые основы грамоты. Им приходилось оставлять занятия, чтобы помогать родителям.

Также в конце XIX – начале XX века на территории Юзовки действовала сеть еврейских учебных заведений. Многие дети посещали религиозные начальные школы – хедеры, где преподавали образованные учителя. Встречалось явления, когда детей отдавали на обучение частным педагогам, – меламедам. Обычно у каждого такого учителя обычно занимались 30–35 учеников. За полгода учебы вносилась плата по 10 рублей.

В округе Юзовки создавались и сельские школы. В здании, построенном в 1897 году, располагалась Григорьевская сельская одноклассная школа. Заведовал ею священник Серафим Кириллов. На 1915 год здесь обучалось 29 мальчиков и 15 девочек [1, с. 139]. В 1914 голу в селе Александровка была открыта одноклассная женская школа, а в 1915

году одноклассная рудничная школа была создана при Александровской шахте рудника Ветка.

Особым этапом развития образования в Юзовке было появление частных гимназий и прогимназий. Среди них, в том числе, предназначенные для обучения девочек. Так в 1906 году была открыта прогимназия Марфы Николаевны Левицкой, переехавшей в Юзовку из Мариуполя. Занятия начались с 1 сентября 1906 г.

Через год была открыта еще одна прогимназия, которой владела Софья Константиновна Ромм, до этого руководившая юзовской еврейской школой III разряда.

В 1911 году прогимназия Ромм была преобразована в гимназию с правами для учащихся. К этому времени, в учебном заведении Ромм было 247 учениц. В эти же годы в гимназию была преобразована и прогимназия Левицкой.

В 1906 году по ходатайству Владимира Стольмана была открыта частная мужская прогимназия. Однако просуществовала она недолго: в 1910 году Стольман покончил жизнь самоубийством, после чего учебное заведение прекратило свое существование.

Заключение. Таким образом, как и в других уездах Донецкого бассейна, на территории Юзовки в конце XIX – начале XX вв. были заложены основы системы образования. К 1917 году здесь сложилась многозвенная, но узкая система: массовое начальное обучение при хронической нехватке школ и точечное платное среднее образование. Главными двигателями школьного строительства выступали заводская администрация, церковь и частные учредители, а проблема всеобщей начальной грамотности так и осталась нерешенной.

Список литературы

1. Стёпкин В.П. История Донецка. Донецк, 2004. – 486 с.
2. Стёпкин В.П., Гергель В.И. Полная история Донецка. Донецк: Апекс, 2008. – 560 с.
3. Стёпкин В.П., Третьяков С.В. – История Донбасса в лицах, Донецк, 2011. – 191 с.
4. Стёпкин В.П. Иллюстрированная история Юзовки-Сталино-Донецка. Донецк: Апекс, 2007. – 252 с.
5. От Братской школы до гимназии Левицкой: как развивалось образование в Юзовке // Донецкое агентство новостей. – URL: https://dan-news.ru/ (дата обращения: 29.09.2026)

УДК 94(470)929.7.031

ИМЯ *РӮС* (РУСЬ) НА АРАБСКИХ КАРТАХ X–XI ВЕКОВ

***Антонов В.А.*[1, 2],** д-р ист. наук, ORCID 0000-0002-7603-9775
[1] ФГБУН «Институт всеобщей истории РАН», г. Москва, РФ
[2] ФГАОУВО «Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)», г. Москва, РФ
vlad62antonoff@gmail.com

Введение. По рукописям соответственно 1086 и 1266 года известны два источника с самым ранним картографическим обозначением родового имени *русь*; обе карты обязаны своим появлением арабским ученым. В основе первой из них (1086 г.), как считается, лежит карта, которую еще около 977 года создал *Ибн Хаукал* в качестве приложения к своему сочинению «Книга путей и царств» или «Изображение земли» (1, карта между pp. 8 и 9). Вторая карта читается в списке (1266 г.) книги о тюркских наречиях («Собрание тюркских языков») *Махмуда ал-Кашгари* (Кашгарского), написанной в 1074 году (2, с. 103-132; 3, с. 74), что дало основание и саму карту считать его творением. На обеих картах имя *рӯс* (روس), которое обнаруживается также в сочинениях этих писателей (ال روس, ар-рӯс) (1, p. 9; 3, с. 78), представлено в соседстве с несколькими другими именами, преимущественно родовыми, которые по замыслу картографов, несомненно, должны были характеризовать географическое местоположение этих народов и, соответственно, руси.

Цель. Между тем какого-либо исследования о сходстве и различиях в определении места *руси* в связи с ее народным окружением на обеих этих картах не проводилось, а вместе с тем, и это главное, не определялось самое географическое пространство, которое среди окружающих ее народов занимала *русь*. Попытка ответить на эти вопросы и составляет предмет настоящего исследования.

Основная часть. На карте Ибн Хаукала к северу и востоку от *руси* представлены: водный проток между *Каспием* и *Константинопольским проливом*; за этим протоком: на севере *йаджудж ва маджудж* (библейские Гог и Магог), а на востоке тюркский род *кимак*. В западной же стороне от *руси* (*ар-рус*) читаются имена *ас-сакалиба (*славян*)* и *ал-булгар (*болгары*)*, причем первые расположены севернее вторых и по обе стороны Константинопольского пролива. Южнее *руси* и болгар, за рекой, впадающей в проток, втекающий в Каспий, обозначены *ал-буртас* и западнее их *башджирт*, а далее, по протоку до Каспия, к югу от *ал-буртас* – *ал-хазар* и к югу от *башджирт* – *ал-*б*аджанак* (печенеги), а еще южнее их снова *ал-булгар*. Судя по месту расположения этих последних вблизи реки (Волги), впадающей в Каспий, ими являлись *волжские болгары*, а

потому в их одноименцах более северных, помещенных ближе к Константинопольскому проливу, нельзя ни признать *болгар балканских*.

В свою очередь на карте ал-Кашгари *русь* предстает в окружении следующих имен: на северо-западе – это *сакалиба* и *варанк* (ورذك), на западе – *баджанак* и *амдж* (امج) , а южнее их – Дербент; на востоке – море (Каспий), которое расширяется к востоку, где с севера в него впадает своими жерлами *итил* (Волга) и где читаются *кипчак* (половцы), *сувар* и *булгар* – имена родов тюркского языка.

При всей схематичности и условности мест расположения названных имен обе карты представляют *русь* в окружении тех народов и мест, которые хорошо известны по сочинениям историков и географов X-XI веков, в том числе арабских, причем в связи с их местами обитания по отношению к *руси*.

В самом деле, арабские, как и греческие, писатели с IX века характеризуют *русь* в качестве людей, господствующих над славянами, или *сакалиба*. Но у арабских же писателей IX-XI веков чаще обнаруживаются известия, из которых следует, что славяне обитали в местах более западных, чем *русь*, там, куда власть князей Русских не распространялась.

Излишне доказывать географически верное расположение на обеих картах к юго-западу от *руси*, средоточием которой в X-XI веках был Киев, *печенегов* и *болгар балканских* и к востоку и югу – *болгар волжских* и самой Волги. Иное дело, какие роды подразумевались под именами *башджирт* на карте Ибн Хаукала и *амдж* на карте ал-Кашгари. На обеих картах им отведены места соседние с *болгарами балканскими* и *печенегами*, то есть тоже к юго-западу от *руси*. И здесь нельзя не вспомнить, что под *башджирт* арабские писатели разумели не только *башкир*, кочевавших к востоку от Волги, но и порой *угров* (венгров), обосновавшихся в Паннонии (ныне Венгрии), где в X-XI веках они являлись соседями печенегов и балканских болгар, а соответственно с востока и *руси*. Что касается имени *амдж*, то в нем усматривается сокращение от имени *ал-маджар* (мадьяры), другого арабского названия угров (4, с. 494).

Наконец, на обеих картах отражены представления их создателей о северных соседях *руси*. Известно, что арабы, как, впрочем, греческие и латинские писатели X-XI веков, почти ничего не знали об этих широтах холода и мрака. Этим обстоятельством и объясняется помещение там на карте Ибн Хаукаля мифических *йаджудж ва маджудж*. Но на карте ал-Кашгари на месте последних уже читается имя *варанк* (рус. *варяг*; исл. *væring*), заимствованное, судя по его написанию, из греческого языка (*βαραγγ*, варанг) XI века, в котором оно использовалось для наименования наемников преимущественно скандинавского происхождения на службе цесарей Греческих (5, с. 176-377).

Но сам ал-Кашгари, возможно, заимствовал это имя у *ал-Бируни*, или Беруни (умер в 1048 году). Действительно, в его книге об изучении звезд (1029 г.) называется *бахр варанк* (*море Варяжское* русского летописца*)*, то есть Балтийское море, у которого жили *варанк*. Ее ранний список (1238 г.) содержит еще карту, на которой *варанк* и *бахр варанк* расположены у Северного океана рядом с *ас-сакалиба ва-р-руйан* (*славяне и руяне*). Но в книге ал-Бируни читается только имя *рӯс*, причем всегда рядом с *сакалиба* (6, с. 100-102, 116-117. Что касается имени *ар-руйан* (الرويڹ) (7, s. 42, сноска 2), то в латинской словесности (*ruiani, ruani*) X-XIII веков им обозначались славяне балтийского острова *Руя* (Рюген). Но к ним же прилагалось имя германского рода поздней античности и раннего средневековья – *rugi*, которым латиняне X-XI веков называли и *русь*. Понимал ли, однако, создатель карты из рукописи 1238 года под *руянами* нашу *русь* – вопрос остается открытым. Тем не менее и из этой карты, при всей условности ее известий, следовало, что *ас-сакалиба ва-р-руйан* обитали между родами *варанк* и *хазар*, а также севернее Черного моря и Каспия, что вполне соответствовало и местам расположения *руси* на картах Ибн Хаукала и ал-Кашгари.

Если теперь указанные сведения карт Ибн Хаукала и ал-Кашгари о родах, соседних с *русью*, соотнести с местами их обитания в X-XI веках, то *русь* оказывается в пределах приблизительно между Карпатами, Восточной Прибалтикой, крайним Севером, Верхним и Средним Поволжьем, а также причерноморскими степями.

Заключение. Такое место, отведенное *руси* арабскими картографами на просторах античной Скифии, вполне подтверждается также греческими и русскими известиями, в которых отразилась историческая действительность с IX по первую треть XIII века о постепенном подчинении князьями Русскими различных соседних с *русью* родов, о составе самой *руси* из родов славянского языка, проживавших к востоку от *земель Угорской и Лядьской* (Польской), и о даннических отношениях к *руси* родов не славянского языка, обитавших к востоку от Балтики, в северных широтах, вблизи верхней и средней Волги и в низовьях Оки. Этим, собственно, и объясняется отсутствие имен этих подвластных *руси* родов (славянских и неславянских) на картах Ибн Хаукала и ал-Кашгари, а также, между прочим, на карте 1238 года, читаемой в списке одного из сочинений ал-Бируни.

Список литературы

1. Opus Geograficum auctore Ibn Haukal (Abu‘l-Kasim Ibn Haukal al-Nasibi) secundum textum et imagines Codicis Constantinopolitani conseruati in Bibliotheca Antiqui Palatii N. 3346 cui titulus est “Liber Imagines Terrae” / Ed. J.H. Kramers. – Lugduni Batavorum: Apud E.J. Brill, 1938. – 278 p.

2. Умняков И.И. Самая старая турецкая карта мира // Труды Самаркандского государственного педагогического института им. А.М. Горького. – Самарканд, 1940. – Вып. 1. – С. 103-132.
3. Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов): в 3 т. / Пер. с араб. А.Р. Рустамова под ред. И.В. Кормушина. – М.: Вост. Лит., 2010. – Т. 1. – 461 с. – ISBN 978-5-02-036424-0.
4. Бартольд В.В. Сочинения. – М.: «Наука», 1968. – Т. V. – 757 с.
5. Васильевский В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // Труды В.Г. Васильевского. – СПб., 1908. – Т. I. – 401 с.
6. Беруни Абу Райхан. Избранные произведения. Книга вразумления начаткам науки о звездах / Вступит. статья, пер. и примеч. Б.А. Розенфельда и А. Ахмедова. – Ташкент: «Фан», 1975. – Т. VI. – 328 с.
7. Validi-Bonn A.Z. Die Nordvölker bei Bīrūnī // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. – Leipzig, 1936. – Bd. 90 (Neue Folge Bd. 15). – S. 38–51.

УДК 325.075

СТАНОВЛЕНИЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Булгакова Е.Ю., ORCID 0009-0003-1010-0259,
Чугрина О.Р., канд. ист. наук, доц., ORCID 0009-0006-0828-3801
Донецкий институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
г. Донецк, РФ
mezinko.katya@gmail.com, chugrina-or@ranepa.ru

Введение. Становление системы местного самоуправления в России включает несколько периодов, каждый этап реформ отражал социально-политическую обстановку в государстве. Работа посвящена анализу исторических закономерностей в развитии местного самоуправления в России в период с XIV в. до современности. Отмечены основные этапы становления системы местной власти и смены тенденций централизации и децентрализации полномочий на нижних уровнях вертикали власти.

Целью данной работы является изучение процесса становления местного самоуправления России.

Основная часть. До начала активного реформирования данной сферы решение вопросов местного значения осуществлялось на уровне общинного самоуправления, где члены общины напрямую участвовали в принятии общественно значимых решений.

«Объединение древнерусских княжеств северо-восточной Руси в единое Московское государство, начавшееся в конце XIV-XV вв., привело не только к эволюции верховной власти, т. е. формы правления, но и государственно-территориального устройства, а также местного

самоуправления и державного управления в сельских районах и городских поселениях» [7, с. 107].

Активным периодом реформ были вторая половина XV-первая половина XVI в. Процесс характеризовался поиском оптимальной модели управления, которая позволяла бы эффективно управлять территорией в разных частях страны. Анализ, проведенный Серегиным А.С., указывает, что: «…в период XV-XVII столетий в России сложилась земско-государственная система городского управления, представлявшая собой двоевластие государственных чиновников (наместников, городчиков, а затем и воевод) и избранных (излюбленных) старост и губных изб, которая была ликвидирована в пользу государственной бюрократии» [7, с. 110].

В данный период местное самоуправление выступало в качестве основного посредника между населением и государственной властью. С точки зрения Сазонова Д.В. «формирование земского начала фактически являлось институционализацией «снизу». Содержание этого процесса сводится к включению существовавших ранее общинных механизмов управления в систему государственной власти» [6, с. 10].

В XVIII в. «…областная и магистерская реформы привели к концентрации властных полномочий у представителей самодержавной власти на местах – губернаторов». Введение губерний как административно-территориальных единиц позволило более полно регулировать жизнедеятельность городов [1, с. 317].

В течение XIX века вместе с преобразованием высших органов власти внедрялись и изменения на нижних уровнях управления. Кардинальные преобразования были обусловлены обширностью земской реформы, принятой во время царствования Александра II. «В исследуемый период активно осуществлялась реформаторская деятельность местного управления и органов полиции, которая была неизбежна и последовала после реформ центрального управления.» [5, с. 79].

Советский период заложил основу для более позднего реформирования местного самоуправления. Основным органом, определяющим и обеспечивающим жизнедеятельность, были Советы, которые «находились под прямым влиянием партийных комитетов, и фактически самостоятельных решений не принимали.» [2, с. 300].

На современном этапе преобразований начало изменениям в системе государственного управления положило принятие в 1993 году новой Конституции РФ: «Основной закон закрепляет организационную самостоятельность создаваемых органов местного самоуправления в системе управления обществом и государством» [3, с. 135].

Ещё до начала реформы местного самоуправления 2003 г., предпосылки для изменений заложил ФЗ №136 от 25 октября 2001 г.: «Были внесены изменения, которые затронули характер распределения вопросов местного значения. Круг вопросов, решением которых должны

были заниматься сельские поселения, был существенно ограничен за счет передачи на уровень муниципальных районов.» [9, с.88].

Принятие ФЗ № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» стал «наиболее весомым и судьбоносным решением по формированию системы местного самоуправления», закладывающим принципы децентрализации управления и разграничившим систему регулирования вопросов местного значения [8, с. 100].

В отношении последнего этапа реформ 2020-2022 гг. Р.Ж. Сираждинов оценивает ситуацию следующим образом: «Значительные изменения, принятые в 2020 году в Конституции Российской Федерации, потребовали в свою очередь реформирования системы публичной власти» [8, с. 100].

Соглашается с его мнением и Н.В. Зимина: «Изменилось место местной власти в вертикали государственной власти, территориальная основа местного самоуправления, структура органов местного самоуправления и порядок институционализации органов местного самоуправления и должностных лиц» [4, с. 57].

Заключение. Общей тенденцией развития местного самоуправления в России является цикличность с преобладанием тенденции к централизации и унификации в контексте последних этапов реформы. Идет постепенное уточнение и разграничение полномочий местных органов власти и государства с интеграцией их в общую вертикаль государственной власти. Перспектива будущего развития может включать как выделение большего числа задач и полномочий местным органам власти, так и оптимизацию и централизацию для снятия с них финансовой и кадровой нагрузки.

Список литературы

1. Дворников, Д. С. Решение вопросов благоустройства органами местного самоуправления: историко-правовой аспект // Молодой ученый. 2023. № 19 (466). С. 317-320. Текст : электронный. URL: https://moluch.ru/archive/466/102512 (дата обращения: 05.09.2026).
2. Дроздов, М. А. История становления органов местного самоуправления в России // Вестник науки. 2024. № 6 (75). Текст : электронный. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-stanovleniya-organov-mestnogo-samoupravleniya-v-rossii (дата обращения: 27.09.2026).
3. Еремин, А. Р. Проблемы определения функций местного самоуправления // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 2 (62). Текст : электронный. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-opredeleniya-funktsiy-mestnogo-samoupravleniya (дата обращения: 26.09.2026).
4. Зимина, Н. В. Современное реформирование местного самоуправления: политологический анализ // Вестник ЗабГУ. 2022. № 3. Текст : электронный. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-reformirovanie-mestnogo-samoupravleniya-politologicheskiy-analiz (дата обращения: 26.09.2026).

5. Кирпа, М. С. Реформа местных административных и полицейских органов в начале XIX века // Юристъ – Правоведъ. 2022. № 2 (101). Текст : электронный. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/reforma-mestnyh-administrativnyh-i-politseyskih-organov-v-nachale-xix-veka (дата обращения: 26.09.2026).
6. Сазонов, Д. В. Выборное начало в процессе становления системы местного управления Русского государства второй половины XV-первой половины XVI в. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5, История: Информационно-аналитический журнал. 2025. № 1. Текст : электронный. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vybornoe-nachalo-v-protsesse-stanov-leniya-sistemy-mestnogo-upravleniya-russkogo-gosudarstva-vtoroy-poloviny-xv-pervoy-poloviny (дата обращения: 04.09.2026).
7. Серегин, А. В. Городское управление и самоуправление в Великорусском (Московском) государстве XV-XVII вв. в сравнении с опытом Французского королевства / А. В. Серегин, М. А. Черкасова, Ю. М. Анохина // Муниципальная академия. 2022. № 2. С. 106-111. Текст : электронный. DOI 10.52176/2304831X_2022_02_106. EDN DWMNBA.
8. Сираждинов, Р. Ж. 2022: реформа системы местного самоуправления в России // Муниципальная академия. 2022. № 2. С. 99-105. Текст : электронный. DOI 10.52176/2304831X_2022_02_99. EDN KPQYZP.
9. Фастович, Г. Г. Функционирование института местного самоуправления в современной России // Аграрное и земельное право. 2022. №2 (206). Текст : электронный. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionirovanie-instituta-mestnogo-samoupravleniya-v-sovremennoy-rossii (дата обращения: 25.09.2026).

УДК 930(470+571)

ПОДХОДЫ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ К ИЗУЧЕНИЮ УГЛИЧСКОГО ДЕЛА НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЙ А.А. ЗИМИНА И Р.Г. СКРЫННИКОВА

Володин В.В., Старченко Н.Н., ORCID 0009-0006-5277-1263
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
vova.vol007@mail.ru, starchenko.natalya@mail.ru

Введение. Советская историография формировалась под определяющим влиянием марксистско-ленинской методологии, предполагавшей анализ исторических процессов через призму классовой борьбы, экономических факторов и роли народных масс. Что существенно отличается от дореволюционной традиции, ориентированной преимущественно на изучение личности правителей и их политики. В советский период на первый план выдвигались социальные противоречия, обусловленные укреплением централизованной власти, обострением сословных конфликтов и соперничеством политических группировок [1, с. 66–85]. В этих методологических рамках Угличское дело рассматривалось как часть кризисных явлений конца XVI в. и становилось объектом нового научного осмысления. Работы А.А. Зимина и Р.Г. Скрынникова

представляют наиболее показательные подходы советской историографии к интерпретации гибели царевича Дмитрия, источниковедческий, междисциплинарный и реконструктивный.

Цель исследования – выявить специфику подходов советской историографии к изучению Угличского дела на примере исследований А.А. Зимина и Р.Г. Скрынникова.

Основная часть. А.А. Зимин в своей работе «В канун грозных потрясений» уделяет особое внимание обстоятельствам гибели царевича Дмитрия. Исследователь детально анализирует первоисточники, выявляет несоответствия в показаниях и выделяет две основные версии, случайную гибель в результате эпилептического припадка и убийство, организованное по умыслу Бориса Годунова. По мнению А.А. Зимина, при существующем состоянии источников окончательно подтвердить одну версию и опровергнуть другую невозможно [2, с. 165–166]. Этот вопрос остается дискуссионным и в современной историографии. Исследователь отмечает, что состав следственной комиссии был в определенной степени благоприятен для Бориса Годунова. Работа комиссии сосредоточилась не на установлении причин гибели царевича, а на подтверждении версии о причастности семьи Нагих к организации волнений в Угличе [2, с. 172].

А.А. Зимин освещает не только события, предшествовавшие гибели Дмитрия, но и реакцию на них как в Угличе, так и в Москве. В его работе рассматриваются попытки фальсификации улик и нарушения порядка со стороны толпы, стремившейся расправиться с предполагаемыми виновниками трагедии [2 с.153–154, 162–163]. Такой подход позволяет проанализировать социальное напряжение и фундаментальную нестабильность, царившие в российском обществе. В целом А.А. Зимин создал детализированную реконструкцию событий, сопоставляя разные версии и факты, что обеспечивает объективность и научную строгость в интерпретации исторических событий.

Р.Г. Скрынников в исследовании Угличского дела предлагает углубленный анализ событий, связанных со смертью царевича Дмитрия Ивановича в 1591 г. Его работа затрагивает не только саму трагедию, но и ее широкие последствия, проявившиеся в последующие годы вплоть до Смутного времени. Проанализировав материалы комиссии князя Шуйского, исследователь приходит к выводу, что версия о случайной гибели царевича опирается на два ключевых аспекта, поддающихся проверке. Первый аспект – эпилептические приступы. Царевич страдал болезнью, которую современники называли «падучей», «черным недугом» или «немочью падучею». Симптомы, включая регулярные судороги и потерю сознания, указывают на эпилепсию. Второй аспект – игра с ножом. Версия о случайном ранении связана с детской забавой, в которую Дмитрий играл остроконечным ножом. Правила предполагали метание ножа в начерченный круг. Во время приступа царевич, вероятно, потерял

контроль над телом, что привело к трагическому исходу [3, с.79–81]. Версию о причастности Годунова к убийству Дмитрия исследователь опровергает тем фактом, что за семь лет до кончины царя Федора Иоанновича вопрос о престолонаследии оставался нерешенным. Несмотря на то что наибольшие права на трон имел двоюродный брат царя Федор Романов, сотрудничество между Борисом Годуновым и Романовыми в период Угличского кризиса указывает на то, что династический вопрос не был первостепенным [3, с. 82].

Р.Г. Скрынников также опровергает мнение о предвзятости следственного дела и факт массовых гонений. В официальных протоколах отсутствуют свидетельства массовых арестов или пыток. Исключением стал арест царицына конюха, обвиненного в краже вещей убитого дьяка Битяговского. Репрессии начались позже, когда Москва инициировала новое расследование об «измене» Нагих и поджоге столицы [3, с. 82–83]. Кульминацией кризиса стали майские поджоги Москвы 1591 г., уничтожившие Белый город. Оппозиция обвинила в поджогах Бориса Годунова, стремясь спровоцировать бунт обездоленных горожан. Власти, в свою очередь, заявили, что пожары организованы Нагими через их слуг. Официальная версия вызвала сомнения у современников, но хаос в столице достиг пика, каждая сторона стремилась направить народный гнев против противников [3, с. 83–85]. В разгар этой нестабильности комиссия Шуйского завершила расследование гибели Дмитрия. 2 июня 1591 г. дьяк Андрей Щелкалов огласил выводы: смерть царевича признана случайной, а Нагие и угличане обвинены в убийстве чиновников и «измене». Патриарх Иов, поддержав версию Шуйского, заявил, что расправа над мятежниками «дело государево». На основании этого царь Федор санкционировал аресты Нагих и их сторонников [3, с. 84–85].

Р.Г. Скрынников приводит аргументы о фальсификации улик. В частности, фиксируется подмена главной вещественной улики – ножа, который мог бы подтвердить версию о несчастном случае, на орешки, с которыми якобы играл Дмитрий. Эти манипуляции, по его мнению, были частью более широкой политики, направленной на поддержание власти в условиях нарастающей социальной напряженности и страха перед восстаниями. Угличское дело стало не просто местным инцидентом, а элементом общей стратегии государства, стремившегося подавить любые потенциальные угрозы [4, с. 67–77].

Вывод. Таким образом, советские исследования ознаменовали качественно новый этап в осмыслении Угличского дела, обусловленный марксистско-ленинской методологией. А.А. Зимин показал, что следствие руководствовалось не установлением истины, а легитимацией выгодной власти версии о самоубийстве Дмитрия, при этом он избегал прямых обвинений Бориса Годунова, указывая на недостаточность источников. Р.Г. Скрынников совершил методологический сдвиг, привлекая данные

медицины и криминалистики, и обосновал тезис о случайной гибели царевича во время игры с ножом, согласующийся с медицинскими свидетельствами и логикой событий.

Список литературы

1. Иванов В. В. Методология исторической науки: учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по специальности «История». – М.: Высш. шк., 1985. – 207 с.
2. Зимин А.А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. – М.: Мысль, 1986. – 333 с.
3. Скрынников Р.Г. Россия накануне Смутного времени. – М.: Мысль, 1985. – 206 с.
4. Скрынников Р. Г. Борис Годунов. – М.: Наука, 1978. – 192 с.

УДК 94(47).084.9

СОВЕТЫ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА 1957–1965 ГГ.: PRO ET CONTRA

Герасько В.А., ORCID 0009-0007-2217-262X,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
valentingerasko@yandex.ru

Введение. Реформа управления промышленностью и строительством 1957 г. являлась основополагающим нововведением в череде реформ, предпринятых под руководством Н.С. Хрущева. Переход от системы отраслевых министерств к системе совнархозов оказал значительное влияние на советские экономику и общество того периода, чем и объясняется пристальное внимание отечественной историографии к данной реформе [1, с. 203; 3; 6, с. 363]. В то же время, несмотря на длительную практику изучения, окончательные выводы о значении реформы управления 1957 г. еще только предстоит сделать.

Цель – рассмотреть положительные и отрицательные стороны совнархозовской системы управления.

Основная часть. Одной из черт, призванных обеспечить успех совнархозов, являлось сближение институтов и структур управления экономикой с действующими экономическими субъектами на местах. Согласно замыслу реформы, это позволило бы лучше раскрыть экономический потенциал отдельных регионов, ускорить рост производительности труда и внедрения достижений НТР. Исследователями отмечается подобный импульс от реализации реформы в первые несколько лет [3, с. 180-181; 6, с. 371-372].

Проиллюстрируем также принцип регионализации управления на примере деятельности Сталинского СНХ [2] в первые месяцы после его учреждения (12 июня 1957 г.): 8 июля в совнархоз поступила жалоба от

рабочих погрузочно-транспортного управления треста Снежнянантрацит в связи с неправильным осуществлением порядка премирования руководящих и инженерно-технических кадров ПТУ, при котором их премии были поставлены в зависимость от ассортимента и качества погружаемого угля, хотя, очевидно, что ПТУ не имело отношения к его выработке. Запросы работников ПТУ треста, направляемые в течение полугода в Министерство угольной промышленности СССР и аналогичное министерство УССР, не были исполнены ведомствами под предлогом скорого пересмотра зарплат. Рассмотрев данное ходатайство, руководство Сталинского СНХ приняло 16 июля 1957 г. Постановление, отменившее действие некорректной формулировки приказа МУП СССР и позволившее работникам ПТУ получить полагающиеся им премии. Таким образом, в достаточно короткий срок рабочими на местах был получен отклик на их жалобу, а руководство Сталинского СНХ смогло в административном порядке разрешить проблему самостоятельно, без обращения в вышестоящие инстанции.

Необходимо в этом контексте упомянуть и фактор своеобразной демократизации управления благодаря совнархозам [6, с. 364]. Действительно, учитывая перспективу скорого достижения коммунистического общества (а, значит, и отмирания традиционного государственного аппарата), декларировавшуюся в годы хрущевских преобразований, тенденция к перемещению центров управления на места могла поспособствовать развитию соответствующей управленческой культуры поведения и мысли.

Несмотря на подобные лозунги, системное внедрение совнархозов со временем привело к формированию при них крупного бюрократического аппарата, в том числе – из бывших чиновников упразднённых министерств [5, с. 174]. Освоившись на новом месте, кадровый аппарат при совнархозах начинал отстаивать интересы своего подотчетного экономического района в ущерб общесоюзным и республиканским интересам, а также интересам соседних СНХ. Подобное явление, охарактеризованное как «местничество», существенно снижало эффективность совнархозов, как автономных экономических единиц.

Сам Н.С. Хрущев, столкнувшийся с последствиями местничества со стороны СНХ, предостерегал совнархозы от того, чтобы не стать «рвачами», уподобившись тем самым министерским ведомствам [4, с. 367]. «Рвачество» совнархозов имело вполне осязаемые проявления: с одной стороны, нарушалась уже сформировавшаяся логистика поставок, в силу того, что договорённости о таковых теперь перезаключались между СНХ; с другой стороны, совнархозы осуществляли свою экономическую деятельность в отрыве от централизованного планирования (как и ослабление самого Госплана, это соответствовало замыслу реформы), что приводило к распылению финансовых вложений и строительных

материалов. Последнее, в контексте широкой программы строительства, прежде всего, жилья, стало основанием для замораживания средств в растущем числе недостроенных объектов [6, с. 377].

Сравнительно комплиментарным был отзыв о работе совнархозов в 1957–1959 гг. со стороны ЦСУ [5, с. 370]: были отмечены явные положительные стороны, позволившие улучшить специализацию, кооперирование, управление, экономию и прибыль, а также реализацию «резервов роста» (альтернативный расчёт, исходя из данных ЦРУ США, указывал на постоянное снижение темпов роста экономики с самого начала реформы [1, с. 218]); но уже этот доклад ЦСУ, при всей своей апологетической направленности, продемонстрировал, как местнические тенденции СНХ приводят к перевыполнению одних планов и недовыполнению других, что идет в ущерб общесоюзным интересам, препятствует своевременному выполнению поставок.

Импульс к внедрению достижений НТР, зафиксированный в первые годы реформы, не имел устойчивого основания в рамках созданной системы и со временем стал подавляться ею же. Стремление к широкому научно-техническому обновлению производящего оборудования шло вразрез с системой совнархозов, так как последние зачастую не имели достаточных средств и институциональной поддержки для широкого внедрения достижений НТР. Напротив, СНХ способствовали продолжению экстенсивного курса по строительству новых предприятий, в то время как общесоюзная фондоотдача снижалась, равно как и общие темпы роста экономики [1, с. 218; 7, с. 160].

Заключение. Несмотря на имевшиеся преимущества, система управления посредством совнархозов стала основанием для закрепления в 1957-1965 гг. ряда негативных тенденций в советской экономике. Реорганизация системы СНХ, проводимая также при Н.С. Хрущеве, являлась попыткой советского руководства преодолеть недочеты и восстановить более централизованные рычаги управления. Однако меры по укрупнению структурных единиц и усилению контроля над совнархозами не смогли в полной мере преодолеть отрицательные стороны новой системы, и в то же время свели на нет ряд ее положительных свойств.

Список литературы

1. Артемов Е.Т. Несостоявшееся ускорение: экономическая стратегия «хрущевского десятилетия» / Е.Т. Артемов, Е.Г. Водичев; Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Научный совет РАН по экономической истории. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2025. – 288 с. – ISBN 978-5-7996-4024-8.
2. ГА ДНР. Ф. Р 2922. Оп. 36. Д. 1. Л. 271-275.
3. Демичев Е.В. Реформа управления промышленностью и строительством 1957-1965 гг. в контексте специфики отечественной истории / 2-е изд., перераб. и доп. – М.: РОССПЭН, 2011. – 295 с. – ISBN 978-5-8243-1514-1. – EDN QUQLPV.

4. Н.С. Хрущёв Два цвета времени. Документы из личного фонда Н.С. Хрущёва в 2-х томах. / Том 2, гл. ред. Н.Г. Томилина. – М.: МФД, 2009. – 880 с. – ISBN 978-5-89511-011-9. – EDN QPLEJJ.
5. Региональная политика Н.С. Хрущёва. ЦК КПСС и местные партийные комитеты 1953-1964 гг. / сост. О.В. Хлевнюк и др. – М.: РОССПЭН, 2009. – 774 с. – ISBN 978-5-8243-1065-8. – EDN QVMFKZ.
6. Сафронов А.В. Большая советская экономика: 1917-1991. – М.: Individuum, Эксмо, 2025. – 792 с. – ISBN 978-5-04-216294-7.
7. Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время: монография в 2 т. / Т. 1. Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год. – Новосибирск, 2008. – 516 с. – ISBN 978-5-7782-0903-9. – EDN QSWCFV.

УДК 94:(470.436)1941-1945

ПОДВИГ ТЫЛА: ВКЛАД КАЗАХСТАНА В ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ

Ешпанов В.С., д-р ист. наук, проф., ORCID 0000-0002-2400-639X
АО «Казахский университет технологии и бизнеса», г. Астана, Республика Казахстан
WS-282@mail.ru

Введение. Тема вклада казахстанцев в Победу, несмотря на достаточную научную разработку, с годами не теряет свою актуальность. Исторические события прошлого, оставляют бесценный материал погружения в реалии. Великая Отечественная война находит отголоски в памяти казахстанцев.

Цель. Всесторонне проанализировать участие республики в военных действиях, экономическом обеспечении фронта, культурной и духовной поддержке народа в годы тяжёлых испытаний.

Основная часть. Советский Казахстан, как и другие республики Средней Азии, участвовал в Великой Отечественной войне как часть единой великой страны и внес свой достойный и весомый вклад [1, с.16]. Вместе с другими народами Советского Союза казахстанцы мужественно сражались на фронтах Великой Отечественной, самоотверженно трудились в тылу во имя победы над врагом [2, с.312]. С первых дней войны одной из основных задач для победы над врагом являлось пополнение Красной армии. За годы военных лет из Казахстана было мобилизовано 1 миллион 200 тысяч человек. Так в республике были сформированы 12 стрелковых, 4 кавалерийских, 7 бригад, 50 полков. На фронт было мобилизовано 25% населения республики [3, с.37]. Воинские формирования из Казахстана с первых же дней войны на всех фронтах вели ожесточенные бои с фашистскими захватчиками.

В историографии Казахстана имеется немало исследователей, посвятивших труды этому периоду, среди которых М.К Козыбаев, Г.А.

Абишев, П.С. Белан, К.Б. Бейсембинов, Г.А. Алтаев, А.Ш. Тлеубаев, Г.В. Кан, Ж.О. Артыкбаев, З.А. Алдамжар, Е.А. Абиль, Н.Е. Едыгенов [7]. Еще огромный пласт в современную историографию внесли наши соотечественники исследователи, такие как А. Рахимжанова, К. Ахметов, В.С. Ешпанов [8], Г.К. Шарипова [4], А.Н. Пономаренко [1]. Конечно, по данному направлению написано на наш взгляд весьма достаточно исторических исследований, но не хватает регионального исследования отдельно взятых областей Казахстана.

Отдельная важная страница в героической летописи Казахстана в годы Великой Отечественной войны, это активное участие женщин во многих трудовых и военных сражениях [4, с.86]. Помимо военных и экономических достижений, важнейшей частью вклада Казахстана в победу стало развитие партизанского движения и подполья. Одной из ярких и героических страниц в истории Великой Отечественной войны является партизанское движение [5, с.187]. Хотя активные боевые действия на территории республики не велись, около 3,5 тысяч казахстанцев участвовали в партизанских отрядах Белоруссии, Украины, Смоленщины, Брянщины и Ленинградской области. Среди них выделялись разведчики, связисты, подрывники, которые проходили специальную подготовку в школах НКВД, размещенных в Казахстане. Подвиг героического разведчика А. Нуркенова и сотен других подпольщиков стал отражением высокой боевой подготовки и самоотверженности казахстанцев [6, с.22].

Большую роль играла казахстанская наука, которая в годы войны превратилась в важнейший инструмент решения оборонных задач [7, с.244]. После эвакуации Академии наук СССР и около 20 научных институтов в Алма-Ату были сосредоточены ведущие физики, химики, биологи, медики. Медицинские лаборатории разрабатывали препараты для лечения инфекций и тяжёлых ожогов, создавали новые перевязочные материалы и антисептики. Врачи и ученые, такие как Х. Досмухамедов и М. Ауэзов, организовывали санитарное просвещение населения, что помогло избежать эпидемий в условиях массовой эвакуации.

Особого внимания заслуживает вклад детей Казахстана в годы войны. Тысячи школьников участвовали в сборе лекарственных растений, металлолома, тёплой одежды. Во многих городах ученики среднего и старшего звена заменяли взрослых на легких работах: сортировали зерно, грузили уголь, работали на фермах. В республику было эвакуировано более 20 тысяч детей-сирот из блокадного Ленинграда, Украины и Белоруссии. Казахстанские семьи брали их к себе в дома, делились последним куском хлеба. Благодаря этому более 14 тысяч детей были спасены от голода и смерти. Этот пример гуманизма стал одной из ярких страниц в истории тыла.

Мощным духовным оружием советского народа в военные годы стали литература и искусство. Значительный вклад в Победу внесла культурная и творческая интеллигенция, работавшая в эвакуации на казахстанской земле. В Алма-Ате располагалась Центральная объединённая киностудия художественных фильмов (ЦОКС), созданная на базе «Мосфильма» и «Ленфильма». Именно здесь были сняты легендарные картины «Абай», «Детство Иисуса», «Песнь о Кольцове», а также документальные хроники о героях фронта. Художники, актеры, музыканты проводили концерты в госпиталях, выступали на передовой, создавали агитационные плакаты и лозунги. Композиторы Дина Нурпеисова и Ахмет Жубанов написали произведения, вдохновлявшие людей на стойкость и мужество. Литераторы публиковали статьи, очерки и стихи, укреплявшие моральный дух народа.

Не менее важной была эвакуация промышленных и культурных ценностей. Тяжелая обстановка на фронте обязала скорейшее перебазирование. Казахстан стал безопасным регионом, куда привозили оборудование заводов, коллекции музеев, архивы, библиотеки. С европейской части СССР в Казахстан было перебазировано около 220 оборонных предприятий, размещенных в городах Чимкенте, Алма-Ате, Петропавловске, Караганде, Актюбинске, Семипалатинске, Акмолинске, Кокшетау. В одну только Актюбинскую область было эвакуировано огромное количество предприятий [8, с.28].

Таким образом, вклад Казахстана в победу в Великой Отечественной войне носил многоуровневый характер: это и героизм на фронте, и тяжелейший труд в тылу, и научные достижения, и духовная помощь, и гуманитарные акции. Роль республики в годы войны стала фундаментом дальнейшего развития ее промышленности, науки и культуры, а также укрепила национальное самосознание и патриотизм. К числу важнейших источников победы Советского Союза в годы Великой Отечественной войны 1941 -1945 гг. следует отнести единство фронта и тыла.

Заключение. Вклад Казахстана в Великую Отечественную войну невозможно переоценить. Республика стала мощной опорой фронта – людской, промышленной, духовной. Подвиги казахстанцев навсегда останутся примером мужества, любви к Родине и верности долгу.

Память о войне является основой патриотического воспитания молодёжи и символом силы духа народа Казахстана. Великая Отечественная война стала суровым испытанием для всех народов нашей страны.

Список литературы

1. Пономаренко, А. Н. Казахстан в годы Великой Отечественной войны / А. Н. Пономаренко. – Алматы: Санат, 2005. – 412 с.
2. Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1964. Т. 1. – 596 с.

3. Казахстан. Национальная энциклопедия. Т. III / Под ред. Аяган Б. Т. Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 2005. – 564 с.
4. Шарипова, Г. К. Женщины Казахстана в годы войны / Г. К. Шарипова. – Караганда: Болашак, 2018. – 210 с.
5. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг. Краткая история. – М., 1967. – 623 с.
6. Военно-исторический журнал Казахстана. – 2022. – № 3. – С. 5–28.
7. Едыгенов, Н. Е. Культура и наука Казахстана в военные годы / Н. Е. Едыгенов, Р. Б. Сулейменова // Казахстан в Великой Отечественной войне: очерки. – Алма-Ата: Наука, 1968. – С. 231–254.
8. Ешпанов, В. С. Деятельность детских домов на территории Актюбинской области в годы великой отечественной войны (1941-1942 гг.). История. Общество. Политика. – 2024. – № 1 (29). – С. 25–30.

УДК 94:621.397.13(477.62)"1956/1957"

СТАНОВЛЕНИЕ ТЕЛЕВИЗИОННОГО ВЕЩАНИЯ В ГОРОДЕ СТАЛИНО (1956–1957 ГГ.)

Забавский А.В., ORCID 0009-0001-5679-2954
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
arseniy.vladim.zabavs@mail.ru

Введение. В 2026 г. исполняется 70 лет со дня первой пробной передачи Сталинского телецентра, состоявшейся в августе 1956 г. Эта дата определяет замысел настоящей публикации: в юбилейный год представляется важным обратиться к периоду становления студии – проследить путь от первой пробной передачи 1956 г. к регулярному эфирному вещанию, на которое студия вышла к концу 1957 г.

Цель работы заключается в изучении истории становления телевизионного вещания Сталинского телецентра. Работа написана на материалах периодических изданий и документах Государственного архива Донецкой Народной Республики.

Основная часть. В утреннем выпуске новостей на радио «Сталино-Донбасс» прозвучала информация о мероприятиях в парке имени Щербакова по случаю праздника, также в этот день отдыхающих приглашали посетить читальный зал парка, где по телевизору можно было посмотреть впервые трансляцию со Сталинского телевизионного центра. Первую пробную передачу – художественный фильм «Джульбарс» показали 25 августа 1956 г., а 26 августа – художественный фильм «Волга-Волга» [1, с. 126].

1 декабря 1956 г. начальником Сталинского областного управления Министерства связи, А.А. Жижиным подписан приказ № 159 «О введении в эксплуатацию Сталинского телевизионного центра». Директором

Сталинской студии телевидения назначили Омельченко Алексея Алексеевича. Первые годы вещания проводилось всего два раза в неделю, и составляло 2 – 3 часа в сутки.

За период с 25 августа по 31 декабря 1956 г. было разрешено к трансляции 35 передач, из которых 18 представляли собой студийные эфиры. Последние создавались при наличии только одной камеры вместо положенных трех и при отсутствии специального осветительного оборудования, поскольку Сталинский телецентр не был достроен. Ситуация осложнялась и тем, что в 1956 г. в распоряжении студии не имелось собственного транспорта [2, с. 204].

10 марта (воскресенье) 1957 г., в местной прессе впервые опубликовали программу Донецкого областного телевидения.

В субботу, в 19 часов на экранах появилась методическая передача из цикла «Революционное прошлое Донбасса». Затем согласно программе передач транслировался научно-популярный фильм «Во имя человека», хроникально-документальный «От Москвы до Диксона» и художественный «Броненосец Потемкин».

Первые передачи сопровождались дикторскими объявлениями художественных фильмов, присланных Центральным телевидением, концертных программ. Собственные съемки ещё не велись.

В дальнейшем благодаря фондам ГБУ ДНР «ДРУНБ им. Н.К. Крупской» нами были найдены программы передач Сталинской студии телевидения за 1957 г., напечатанные в газете «Социалистический Донбасс».

Изучив цикличность издания печатных программ передач для населения, можно заметить, что они печатались в упомянутой газете раз в неделю на предстоящую неделю. Передачи студии телевидения выходили в эфир по вечерам в течении марта. Проанализировав программы передач студии телевидения, можно сделать вывод, что это были по преимуществу научно-популярные, хроникально-документальные, художественные кинофильмы, отраслевые фильмы, спектакли и концерты, цикловые телепередачи и лекции-конференции.

В течении апреля и мая 1957 г. программы передач печатались также раз в неделю, но теперь на 3 дня предстоящей недели в течение месяца, передачи были ориентированы на трудовое население: «Сев начался», «Навстречу фестивалю», «Маевки в старом Донбассе», появилась первая передача для детей: тележурнал «Веселые картинки».

Важно отметить, что в апреле 1957 г. в газете «Социалистический Донбасс» была опубликована заметка, из которой следует: «Сталинским горпромторгом был открыт магазин по продаже телевизоров и радиоприемников. Магазин помогал настраивать купленные телевизоры двумя способами. Первый это обычная настройка программ в магазине сразу после покупки. Второй же способ предполагал дистанционную

настройку телевизора посредством передачи изображения шахматной доски со сталинского телецентра три раза в неделю [понедельник, среда, пятница] с часу дня до половины шестого вечера. По желанию покупателей магазином производилась доставка на дом купленных телевизоров по тарифу, который был утвержден горисполкомом. Второй способ настройки телевизоров помог значительно облегчить возможность первоначального расширения вещания на территорию области» [3, с. 448–449].

Из фондов ГБУ ДНР «ДРУНБ им. Н.К. Крупской» мы также узнали, что с марта 1957 г. по апрель 1958 г.: «передачи Сталинского телецентра слушали в Ростовской области. Механизаторы регулярно принимали передачи Сталинского телевизионного центра. Качество приема было хорошим.» Открытие Ростовской-на-Дону студии телевидения в конце апреля 1958 г. завершило показ передач сталинской студии телевидения на территории области [4].

В июне 1957 г. количество передач увеличилось, добавились часы вещания по выходным дням, но печать программ передач стала еще более нерегулярной один раз в две недели. Указанная тенденция была краткосрочной и с сентября программы передач вернулись в печать в привычном объеме на 5 дней предстоящей недели, но теперь трансляции телевидения начинались по воскресеньям с двух часов дня.

Сталинское телевидение, как средство массовой информации постоянно развивалось, внедряло новые форматы телепередач такие как тележурналы, киножурналы, выступления сотрудников облисполкома с докладами на внутриполитические темы, доклады комментаторов на внешнеполитические темы и т.д. С октября длительность вещания была увеличена на полтора часа и составляла суммарно 3 часа в будний день и полтора часа каждое воскресенье. Небольшое количество часов вещания в воскресенье объясняется появлением ретрансляций передач центрального телевидения.

Анализируя программу передач за первую декаду ноября, можно подчеркнуть, что праздник 40-летия Октябрьской Социалистической революции транслировался студией телевидения масштабно. В честь праздника телевидением были представлены художественные и хроникально-документальные фильмы. Праздник не обошел стороной самых юных зрителей для них был проведен показ инсценировки рассказа Е.Н. Верейской «Фонарик». Новым опытом для телевидения в дни праздника стал показ праздничного концерта детской художественной самодеятельности, который демонстрировал неразрывную связь поколений, преемственность идей и нравов проживаемого времени.

Первая недельная программа передач была выпущена в начале декабря 1957 г., к сожалению, она не отличалась разнообразием передач,

но это было первой попыткой полноценного ежевечернего охвата зрительской аудитории средствами вещания местной студии телевидения.

Заключение. Таким образом, телевизионное вещание Сталинского телецентра в конце 1950-х гг. формировалась с учетом реалий существовавшей общественно-экономической системы. В Донбассе телевизионное вещание для зрителей создавалось на основе господствующей партийной парадигмы, отталкиваясь от экономико-производственной специфики региона.

Список литературы

1. Забавский А.В. Сталинская студия телевидения: ввод в эксплуатацию // Вестник СНО ДОННУ. Вып. 15. Том 2: Социально-гуманитарные науки (Исторические науки и политология), часть 1. – 2023. – С. 126–131.
2. Забавский А.В., Пенькова О.Б. Строительство Сталинского телецентра (1950-е) // Донецкие чтения 2024: Образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы IX Международной научной конференции. – Донецк, 2024. – С. 203–205.
3. Забавский А.В., Пенькова О.Б. Влияние решений коммунистической партии на деятельность донецкой студии телевидения в середине 1950-х – первой половине 1970-х гг. // Управление информацией и документацией в цифровой среде: сборник научных статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции. – Донецк: ДонГУ, 2025 – С. 447–454.
4. Донской архив о строительстве и вводе в эксплуатацию Ростовской студии телевидения. – URL: https://donarch.ru/calendar/pervaya-probnaya-peredacha-rostovskogo-teletsentra-1958/ (дата обращения: 06.10.2026).

УДК 94(47)

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ВВЕДЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВАХ РЕАЛИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В РОССИИ

Ипатов А.М., канд. ист. наук, ORCID 0000-0002-5320-140X
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»,
г. Воронеж, РФ
molot.tora@mail.ru

Введение. После распада СССР как его правопреемница по международным договорам Россия вступила в затяжную фазу острейшего социально-экономического и политического кризиса, который поставил под сомнение суверенитет страны. Произошло падение качества образования, в том числе исторического, появились учебные и научные издания, через которые населению стремились внушить чуждые нарративы. Постепенно Россия начала восстанавливать экономику, вооруженные силы, стабилизировалось положение внутри страны. Вопреки ожиданиям

коллективного Запада на международной арене позиции Российской Федерации также стали восстанавливаться. Сформулированный Е.М. Примаковым принцип многополярности, мюнхенская речь В.В. Путина в 2007 г. продемонстрировали западным лидерам стремление и готовность России развиваться в соответствии со своими национальными интересами, что явно не устраивало западных «партнеров». Не желая открытого противостояния с РФ, они прибегли к информационному противоборству, или прокси-войне, в рамках которой ряд зарубежных организаций оказывали финансовую и организационную помощь отдельным российским СМИ, различным культурным проектам, политическим структурам, общественным акциям с целью дестабилизации внутриполитической обстановки в России, формирования атмосферы недоверия между населением и властью [1, с. 10]. В связи с вышеизложенным, появление указа Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» [2] являлось жизненно необходимым.

Цель исследования – анализ основных причин принятия законодательства об историческом просвещении в Российской Федерации и перспектив его реализации на практике.

Основная часть. В указе подчеркивается приверженность нормам отечественного и международного законодательства, а историческое просвещение фиксируется как «регулируемая государством деятельность по распространению в обществе достоверных и научно обоснованных исторических знаний в целях формирования научного понимания прошлого и настоящего России» [2]. При этом оно не исчерпывается исключительно историческим образованием, а включает также музейную и экскурсионную деятельность, функционирование просветительских обществ, публичные лектории, проведение всевозможных региональных, общероссийских и даже международных диктантов, посвященных различным сюжетам отечественной и всемирной истории, коммеморативные практики и т.д.

Исключительная значимость предпринимаемых руководством страны усилий определяется тем, что «знание как истории своего родного края, так и своей страны в целом является необходимым условием формирования зрелой личности, прививает важные общегражданские качества – любовь к своей Родине, патриотизм, чувство неразрывной связи человека с будущим нашего Отечества» [3, с. 7–8]. В качестве одного из проявлений формирования общей национальной идентичности и коллективной исторической памяти, как главногл фактора устойчивого развития российского общества и государства, можно рассматривать политику по внедрению единых учебников истории. Особенно актуальным это стало после 2014 г., когда в качестве новых субъектов Российской

Федерации появились Республика Крым, Севастополь, а в 2022 г. – Луганская и Донецкая народные республики и Запорожская и Херсонская области.

Указом президента РФ В.В. Путина от 27 декабря 2024 г. была создана Межведомственная комиссия по историческому просвещению как координационный и совещательный орган при Президенте РФ. Концепция исторического просвещения опирается на Историко-культурный стандарт [4] и Концепцию преподавания учебного курса «История России» в образовательных организациях Российской Федерации [5], а также на основные образовательные программы. Кроме того, она тесно связана с Основами государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [6].

Параллельно подготовке и утверждению необходимой нормативно-правовой базы происходит активная реализация на практике различных мероприятий по историческому просвещению. В отечественных школах они проводятся уже на протяжении нескольких лет в рамках урочной и внеурочной деятельности. Пристальное внимание со стороны государства к внутреннему туризму и прикладываемые усилия реализуются, в числе прочего, в исторических экскурсиях. Примерами может служить национальный туристический проект «Императорский маршрут». В вузах также активизируется деятельность по историческому просвещению, что подтверждается анализом информации с их официальных сайтов. Также целям исторического просвещения служат такие формы, как проведение исторических фестивалей («Цифровая история», «Великая война. 1914», «День Бородина» и многие другие) и мемориальная практика.

На сегодняшний день многие российские музеи осуществляют масштабную деятельность по историческому просвещению через подготовку постоянной экспозиции, временных выставок, применение интерактивных и игровых технологий, что позволяет привлечь внимание к историческому прошлому людей разных поколений. Важную роль в историческом просвещении играют общественные организации, такие как Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество, Российское историческое общество, Российское военно-историческое общество, Всероссийское общество «Знание» и др.

Заключение. Таким образом, после распада СССР и сложнейшего социально-экономического и политического кризиса в независимой России историческое просвещение находилось в глубоком кризисе, ему в силу ряда причин уделяли недостаточное внимание. Однако по мере укрепления государства и усиления информационного противоборства руководством обоснованно предпринимаются меры по организации системы исторического просвещения для сохранения исторической памяти и укрепления суверенитета страны. На сегодняшний день, несмотря на ряд

существующих проблем, открываются широкие перспективы для дальнейшей реализации исторического просвещения в России.

Информация о финансовой поддержке. *Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства просвещения Российской Федерации в рамках выполнения государственного задания в сфере науки (номер темы OTGE-2026-0015).*

Список литературы

1. Сергеев, В. К. Россия – Запад: информационное противоборство – политические реалии международных отношений / В. К. Сергеев // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – № 6. – С. 7–17. – EDN YPPJBB.
2. Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» // Официальное опубликование правовых актов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405080001 (дата обращения 06.10.2026).
3. Гагкуев, Р. Г. Методология, методы и принципы исторического просвещения: современные вызовы и сохранение исторической памяти / Р. Г. Гагкуев // Ценности и смыслы. – 2025. – № 3. – С. 6–15. – DOI:10.24412/2071–6427–2025–3–6–15.
4. Историко-культурный стандарт. – С. 27–100. // Министерство просвещения Российской Федерации. Банк документов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.edu.gov.ru/document/b12aa655a39f6016af3974a98620bc34/download/3243/ (дата обращения 07.10.2026).
5. Концепция преподавания учебного курса «История России» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы // Министерство просвещения Российской Федерации. Банк документов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.edu.gov.ru/document/b12aa655a39f6016af3974a98620bc34/download/3243/ (дата обращения 07.10.2026).
6. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Президент России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S (дата обращения 08.10.2026).

УДК 930.85 (093)

ГАЗЕТА «РУССКИЙ МИР» (1871–1880): К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЕ

Котов А.Э., д-р ист. наук., ORCID 0000-0001-5226-9552,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»,
г. Санкт-Петербург, РФ
a.kotov@spbu.ru

Введение. Петербургская газета «Русский мир» (1871–1880) была заметным явлением в истории русской журналистики: на ее страницах публиковались такие видные представители русской мысли и литературы,

как Р.А. Фадеев, Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, Вс. С. Соловьев, Иловайский, Лесков, Н.С. Соханская, и пр. Наиболее полное исследование истории этого издания можно найти в классической монографии В.Г. Чернухи [6, с. 129–141]. Обращается к ней и О.В. Кузнецов, автор наиболее полной на данный момент биографии генерала Р.А. Фадеева [5, с. 51–84]. Однако в последней работе собственно история газеты затронута лишь косвенно: основное внимание автор уделяет развернутой на ее страницах критике милютинской военной реформы, а также полемике вокруг публикации «Русским миром» программного фадеевского цикла «Чем нам быть?» Выводы же Чернухи о программе издания во многом были ограничены как идеологическими реалиями, так и состоянием историографии того времени. Впрочем, они принципиально не отличались от оценок дореволюционных: согласно туманному определению из словаря Брокгауза и Ефрона, до сих пор кочующему по онлайн-энциклопедиям, газета начиналась как консервативная, но к концу своего существования стала либеральной. Автор словарной статьи С.А. Венгеров (сам успевший поучаствовать в «Русском мире» накануне его закрытия) отмечал, что «консерватизм "Р[усского] мира" нельзя было поставить на одну линию с органами мракобесия» [1, с. 327].

Цель. Очевидно, что «консерватизм» в данном случае отличается от «мракобесия» тем же, чем «разведчик» от «шпиона». В чем же была разница, и почему либеральный автор энциклопедии отделял эту газету от более враждебных? И точно ли ее «либеральный» период следует противопоставлять «консервативному»? Ответить на эти вопросы невозможно без обращения к интеллектуальному контексту эпохи.

Основная часть. Пореформенный консерватизм не был единым целым: во всем многообразии его проявлений мы выделяем два направления: сословное и национальное [3]. «Русский мир» совмещал оба: газету принято считать продолжательницей социальной программы сословно-аристократической газеты «Весть», однако при этом справедливо указывается на принципиальное отличие: националистический характер публицистики «Русского мира» [6, с. 132]. При этому «аристократизм» «Вести» носил ограниченный характер: эта газета апеллировала к дворянству не как к замкнутой «касте», но скорее как к классу собственников, и ее экономическая программа содержала ряд либеральных элементов. Ее идеалом были скорее английские «джентри» – и в этом отношении она вполне совпадала с воззрениями Р.А. Фадеева. Покровителем обеих газет был Шувалов, один из вождей «аристократической» партии – очевидно, понимавший, что в новых реалиях следует считаться с национально-патриотическими настроениями общества.

Название «Русский мир» не требовало пояснений для современников и в программе никак не раскрывалось [2, л. 3–5]. Не было оно и новым: до

этого одноименная газета выходила в 1858–1861 гг. и отличалась крайней сдержанностью в общественно-политических вопросах. Тем не менее, название было ключом к программе основанного в 1871 г. издания. Дело в том, что понятие «русский мир» в то время имело два значения: культурно-историческая общность (локальная цивилизация) и община/общества [4]. Свойственный публицистике издания антибюрократический пафос позволяет утверждать, что оно апеллировало в большей степени ко второму значению. Правда, его понимание было отнюдь не славянофильским: ядром этого «мира» должно было стать именно дворянство, наделенное политической субъектностью в рамках разработанной Фадеевым программы.

В первые годы своего существования газета подчеркнуто дистанцировалась от славянофильства и активно критиковала основу его социальной программы: общинное землевладение. Вместе с тем, «Русский мир» постоянно обличал бюрократию и бюрократизм, пропагандировал политическое единство славянских народов, свободу печати, выступал с осторожными (а иногда и не очень) намеками на желательность общенародного представительства. Если «Весть» постоянно защищала остзейских немцев, то «Русский мир» их критиковал, а молодое германское государство рассматривал как потенциального противника России. Как следствие, в условиях общественного подъема второй половины 1870-х гг. поддерживавший славянское движение «Русский мир» объективно занял славянофильские позиции.

Заключение. Собственно «консерватизм» газеты заключался в критике революции, а также «лжелиберализма» отечественной оппозиции – который вполне в славянофильском духе трактовал как одно из следствий всевластия бюрократии. При этом собственно либеральные принципы «Русский мир» скорее одобрял, указывая лишь на невозможность реализации некоторых из них в российских условиях, где единство народа и власти исключало, по мнению редакции, возможность партийной борьбы. Поддержка оправдания Веры Засулич и последующие выступления в поддержку общенародного представительства привели к закрытию газеты. Однако они не противоречили прежнему ее курсу, и таким образом противопоставлять «консервативный» и «либеральный» периоды ее истории не следует.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00294 «“Русский мир” и “русская земля”: исторические и социально-политические аспекты проблемы национальной идентичности в публицистическом дискурсе середины XIX – начала XX в., https://rscf.ru/project/24-18-00294/*

Список литературы

1. Венгеров, С. А. «Русский Мир», с.-петербургская газета (1871–1880 гг.) / С. А. Венгеров // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. – СПб., 1899. – Т. XXVII. – С. 327.
2. Дело по изданию в Санкт-Петербурге газеты «Русский мир» // РГИА. – Ф. 776. – Оп. 5. – Ед. 52, ч. I. – 426 л.
3. Котов, А. Э. «Народность» и «сословность»: два полюса русского консерватизма / А. Э. Котов // Христианское чтение. – 2017. – № 2. – С. 288-306. – EDN: YMIGYP.
4. Котов, А. Э. Образ «Русского мира» в консервативном дискурсе второй половины XIX столетия: об одном из источников соловьевского «Панмонголизма» / А. Э. Котов // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки. – 2024. – № 12/2. – С. 13-17. – DOI 10.37882/2223–2982.2024.12–2.27.
5. Кузнецов, О. В. Р. А. Фадеев: генерал и публицист / О. В. Кузнецов. – Волгоград: ВГУ, 1998. – 182 с. – ISBN 5-85534-185-2
6. Чернуха, В. Г. Правительственная политика в отношении печати 60-70 гг. XIX в. / В. Г. Чернуха – Л.: Наука, 1989. – 207 с. – ISBN 5-02-027246-9.

УДК 94(47)

СЛАВЯНСКАЯ МИГРАЦИЯ СКВОЗЬ ВЕКА: ОТ РАССЕЛЕНИЯ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Кривошей Л.Ю., ORCID 0009-0002-7125-1694
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк, РФ
mila.glinskaya.m@mail.ru

Введение. В XXI веке миграция славянского населения стала массовым явлением. Славянские народы переезжают в поисках работы, безопасности и лучшей жизни. Но это не тренд нашего века. Славяне перемещались всегда: от расселения в V–VII веках до масштабных перемещений XX столетия, сформировавших карту Европы.

Цель настоящей работы – показать, что миграция славянских народов представляет собой закономерный и непрерывный исторический процесс – продолжение исторической цепочки. Менялись лишь причины и масштаб: от поиска новых земель до трудовой миграции наших дней.

Основная часть. В V–VII веках славяне двинулись из Центральной Европы осваивать восточные и юго-восточные земли. Это была обычная колонизация: люди искали плодородную землю и тихие места подальше от войн. Направлений было три. И у каждого – свои особенности. Именно они определили, как сложатся три ветви славянства (Табл. 1).

Расселение шло в трех направлениях – на восток, юг и запад, – и в каждом случае славяне не уничтожали местное население, а встраивались

в уже существующий уклад, формируя общую культуру. Этот процесс занял несколько столетий и в итоге привел к появлению трех крупных ветвей славянства: восточной, южной и западной [1].

Таблица 1

Основные направления расселения славян в V-VII вв.

Направление	**Хронологические рамки**	**Географическая область**	**Основные племена/группы**
Восточное	V–VII вв. (постепенное продвижение на северо-восток)	Бассейн Днепра и Волги, лесные и лесостепные зоны Северо-Восточной Европы	Кривичи, ильменские словене, вятичи
Южное	Середина VI – начало VII в.	Балканский полуостров, бывшие византийские провинции	Сербы, хорваты и другие южнославянские группы
Западное	V–VII вв.	Территории современной Польши и Чехии	Западнославянские племена (предки поляков и чехов)

Начиная с VIII века, славяне в основном переселялись из-за постоянной внешней угрозы. Сначала от аваров и хазар пришлось уходить в глухие леса Восточной Европы. Позже, в X–XI веках, из-за печенегов люди стягивались к городам-крепостям, которые быстро росли, становясь и военными базами, и центрами торговли. А после нашествия Батыя в XIII веке началось массовое переселение: население южнорусских земель бежало от кочевников на Северо-Восток, где леса служили надежным укрытием [2].

В Новое время все изменилось: переселение приобрело организованный характер. В XVI–XIX веках Российская империя активно заселяла Сибирь и Новороссию. Переселенцам давали льготы: какое-то время они могли не платить налоги и бесплатно получить землю. Так стихийное бегство превратилось в целенаправленную политику, которая способствовала и укреплению границ, и освоению новых регионов.

В XX веке переселение славянских народов неоднократно было связано с крупными историческими потрясениями. После революции 1917 года и Гражданской войны 1917–1922 годов страну покинули миллионы людей. Около 2 млн человек уехали преимущественно в Западную Европу – во Францию, Германию, Чехословакию, Югославию, а также в Китай, в Харбин [3]. Главными центрами русской эмиграции стали Париж, Берлин, Прага, Белград, София и Харбин.

С началом перестройки в 1985 году, а особенно после распада СССР в 1991 году, миграционные процессы сильно изменились. Выезжать за границу стало постепенно легче, и эмиграция приобрела массовый характер: только в 1991–1995 годах из стран СНГ в дальнее зарубежье выехало более 1,5 млн человек – преимущественно в Германию, Израиль и США. Но уже после распада Советского Союза около 6 млн русских вернулись в Россию из бывших союзных республик, прежде всего из стран Средней Азии и Кавказа. Там усилились экономические трудности, появились проблемы с гражданством и выросла межэтническая напряженность; примерно 4 млн из вернувшихся остались жить в России [4, с. 104]. В 1990–2000-е годы сформировались устойчивые потоки трудовой миграции: люди уезжали за рубеж в поисках лучших экономических возможностей, а в Россию рос приток рабочей силы из стран СНГ [5].

Обращает на себя внимание и миграция славянских народов в XXI веке. В Западной Европе появились устойчивые диаспоры поляков, чехов и словаков, усилилась внутренняя миграция – в России по-прежнему заметен отток людей из Сибири и Дальнего Востока в Москву, Санкт-Петербург и южные регионы. Растет и образовательная миграция – молодежь из славянских стран все чаще выбирает вузы Германии, Великобритании, Канады и США.

Появилось и новое явление – виртуальная миграция: благодаря цифровым платформам часть специалистов работает на зарубежные компании, не уезжая из родной страны [6, с. 519–521]. Кроме того, в XXI веке выросла доля женщин в миграционных потоках – до 45–50% [7].

Заключение. Миграция славянских народов – это не разрыв с историей, а ее продолжение. Пройдя путь от стихийного расселения в V–VII веках до государственных переселений Нового времени и глобальных перемещений XXI века, славяне всегда искали безопасность, работу и лучшую жизнь. Менялись формы и движущие силы, но сама логика движения оставалась прежней. Современная миграция славян – не аномалия, а продолжение многовековой исторической цепочки.

Список литературы

1. Логинова, Н. Н. Этнодемографическая динамика славян и её влияние на судьбу славянской цивилизации в будущем / Н. Н. Логинова, И. А. Семина // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2020. – Т. 6, № 3. – С. 217–227. – EDN VQUVLU.
2. Соловьёв, С. М. История России с древнейших времён / С. М. Соловьёв. – Москва: Эксмо, 2022. – 750 с.
3. Нарский, И. В. Гражданская война, миграция и гуманитарная катастрофа в России 1917–1922 гг. / И. В. Нарский // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2018. – Т. 20, № 3 (178). – С. 44–58. – DOI 10.15826/izv2.2018.20.3.044. – EDN YLJTXF.

4. Абдыкеримова, А. А. Эволюция миграционных процессов на постсоветском пространстве и его особенности / А. А. Абдыкеримова, А. Э. Джоробекова // Наука, техника и образование. – 2016. – № 8 (26). – С. 104–107. – EDN WISPIX.
5. Воробьёва, О. Д. Трансформация российской эмиграции на рубеже XX–XXI вв. / О. Д. Воробьёва, И. А. Алешковский, А. А. Гребенюк // Век глобализации. – 2017. – № 4 (24). – С. 100–111.
6. Куприна, Т. В. Виртуальная миграция как новый вид миграционного перехода / Т. В. Куприна, С. М. Минасян // Устойчивость демографического развития: детерминанты и ресурсы: Сборник научных статей. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2024. – С. 519–524. – DOI 10.17059/udf-2024-5-7. – EDN FKXJMM.
7. Рычихина, Н. С. Современные тенденции женской международной трудовой миграции / Н. С. Рычихина // Женщина в российском обществе. – 2020. – № 1. – С. 45–54. – DOI 10.21064/WinRS.2020.1.4. – EDN ISJDXO.

УДК 94(477.6)«1941/1945»+930.85

МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ ГЕНОЦИДА: СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О ЖЕРТВАХ НАЦИЗМА НА ТЕРРИТОРИИ ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

***Кринко Е.Ф.*[1, 2]**, д-р ист. наук, доц., ORCID 0000-0003-3008-5626,
***Саенко А.С.*[1, 3]**, канд. ист. наук., ORCID 0000-0001-7406-5147
[1] ФГБУН «Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук», г. Москва, РФ
[2] ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук», г. Ростов-на-Дону, РФ
[3] ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», г. Москва, РФ
krinko@mail.ru; saencko.anton.2015@yandex.ru

Введение. Период нацистской оккупации стал одной из самых трагических страниц в истории многих регионов нашей страны, включая и Луганскую Народную Республику (далее – ЛНР, в то время Ворошиловградская область).

26 февраля 2024 г. Верховный Суд ЛНР признал геноцидом советского народа преступления, совершенные нацистами и их пособниками в годы Великой Отечественной войны на территории Ворошиловградской области [4].

За время оккупации Ворошиловградской области жертвами нацизма в регионе стали около 100 тысяч советских граждан. На принудительные работы в Германию было вывезено более 60 тысяч человек.

С первых же дней оккупации на территории области развернулось активное подпольное, партизанское движение. Своим героизмом прославилась подпольная организация «Молодая гвардия», которая

вдохновила и стала настоящей школой патриотизма и мужества для многих молодых воинов Красной армии.

В результате операции «Скачок» 18 февраля 1943 г. Ворошиловградская область была освобождена Красной армией от немецко-фашистских захватчиков. Увековечивание памяти о жертвах нацистских преступлений началось практически сразу после освобождения.

Цель статьи – рассмотреть, как трагические события периода нацистской оккупации 1941–1943 гг. отразились в мемориальной культуре нынешней ЛНР и какое значение имеют сегодня.

Основная часть. Первые памятники на местах захоронений в регионе создавались по инициативе местных жителей и местных органов власти из подручных средств. Затем появились и специальные памятники. Уже в 1945 г. первый такой памятник появился на одном из отрезков бывшего противотанкового рва (в районе пос. Видное), где в начале ноября 1942 г. фашисты расстреляли несколько тысяч луганчан, признанных фашистами неблагонадежными. В братской могиле на месте памятника захоронена лишь часть погибших. Позже здесь появился мемориал «Не забудем, не простим!», который часто называют луганским «Бабьим Яром».

Работа над созданием памятника началась мае 1944 г. по инициативе секретаря Краснолучского горкома партии Н.А. Груц. Здесь в 1942–1943 гг. в шурф шахты № 151 «Богдан» живьем были сброшены более 2 тыс. шахтеров [2]. Шурф забетонировали, у подножья террикона установили монумент – так шахта № 151 «Богдан» стала братской могилой и охраняемым памятником. Мемориал был торжественно открыт 9 мая 1965 года. Монумент представляет собой скульптурную композицию, включающую застывшие фигуры воина, партизана и женщины – матери. По обеим сторонам на Стене Памяти закреплены таблички с именами жертв фашизма. На вершине самого террикона расположен обелиск в форме огромного меча, окруженного железным кольцом с надписью «1941–1945 Никто не забыт, ничто не забыто».

2 октября 1982 г. на месте шурфа шахты № 5 в Краснодоне открыт мемориальный комплекс «Непокоренные». В 2022 г. при участии РВИО мемориальный комплекс отреставрировали, была открыта аллея со стелами 40 молодогвардейцев и зажжен Вечный огонь.

В том же 1982 г., 1 декабря, в г. Ровеньки открыт мемориальный комплекс «Слава» посвящен героям-молодогвардейцам и воинам, павшим при освобождении города от немецко-фашистских захватчиков. Комплекс открыт на месте сквера, где весной 1943 г. были похоронены жертвы фашистов. В день открытия мемориального комплекса «Слава» из Краснодона в Ровеньки был доставлен Вечный огонь. Зажгли его у подножия монумента член «Молодой гвардии» В.Д. Борц, руководитель бригады рабочих очистного забоя шахты имени Космонавтов производственного объединения «Ровенькиантрацит» Герой

Социалистического Труда Г.И. Моцак и комсорг Ровеньковской средней школы № 5 десятиклассница Елена Манева.

На въезде в станицу Луганскую, по старой дороге возле автостанции, стоит мемориал в честь погибших и расстрелянных в 1942 г. советских военнопленных, которые содержались в лагере в с. Кондрашевка. По некоторым данным, здесь погибли около 500 человек. Основной контингент заключенных составляли военнопленные офицерского и рядового состава. В начале 2010-х гг. рядом появился памятный крест.

В современной ЛНР коммеморативные практики сохраняются и приобретают новое звучание. Увековечивание памяти о жертвах современного киевского режима соединяется в единый ряд с жертвами нацистских преступлений в XX веке.

Еще 15 января 2009 г. Луганский областной совет объявил конкурс на создание лучшего проекта памятника, посвященного жертвам ОУН-УПА[1]. Победителем стал выдающийся скульптор Н.В. Можаев. Средства на его создание собирала общественность.

8 мая 2010 г. в сквере Героев Великой Отечественной войны в центре Луганска открыт «Памятник жителям Луганщины, павшим от рук карателей-националистов из ОУН-УПА[2]». Монумент состоит из трех фигур: матери, ребенка, тянущего к ней руки, и мужчины, который пытается их защитить со связанными руками. На мемориальной стеле у постамента памятника высечены имена 21 уроженца Ворошиловградской области, которые были откомандированы на работу в Западную Украину и убиты там членами ОУН-УПА[3] [1].

После открытия памятника 8 мая 2010 г. националистически настроенные организации и отделения партий Луганска потребовали от властей расследовать установку памятника и демонтировать его.

В поселке Видное после реконструкции, проведенной РВИО в 2023 г. открыт мемориальный комплекс «Незаживающая рана Донбасса» на месте захоронения 394 мирных жителей ЛНР и ее защитников, погибших летом 2014 года. На территории мемориального комплекса также покоятся военнослужащие Народной милиции ЛНР и Вооруженных Сил России, которые первыми пришли на защиту республики в феврале 2022 года. [3].

Заключение. Памятники жертвам нацизма на территории нынешней ЛНР вошли в мемориальную культуру России, как один из главных символов истории народов страны, что находит соответствующее выражение в ее представлении в одном ряду с другими известными символическими объектами, разработке и реализации различных мемориальных проектов и связанных с ними коммеморативных практик. Этому способствуют многие обстоятельства, среди которых немаловажное значение имеет преемственность различных поколений советского и

[1] Организация, признанная экстремистской в Российской Федерации.
[2] Организация, признанная экстремистской в Российской Федерации.
[3] Организация, признанная экстремистской в Российской Федерации.

российского общества в борьбе с нацизмом и его современными проявлениями. Это немаловажно для актуальных задач развития исторического просвещения, формирования духовно-нравственных ценностей и гражданской идентичности в современной России.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование проводилось в рамках научно-исследовательской работы по выполнению гранта Российского научного фонда (№ 25-18-00464).*

Список литературы

1. В Луганской области открыт памятник жертвам террора ОУН-УПА на Западной Украине в послевоенные годы // Портал «Россия ие». URL: https://russkie.org/news/v-luganskoy-oblasti-otkryt-pamyatnik-zhertvam-terrora-oun-upa-na-zapadnoy-ukraine-v-poslevoennye-god/ (дата обращения: 20.09.2026).
2. День Победы: Террикон памяти // Луганский информационный центр. URL: https://lug-info.ru/news/den-pobedy-terrikon-pamyati-foto-13358/?ysclid=mua12a1jbg917270838 (дата обращения: 20.09.2026).
3. Мемориал сохранит память о защитниках Донбасса // РИА Победа.РФ. URL: https://pobedarf.ru/2023/11/29/memorial-sohranit-pamyat-o-zashhitnikah-donbassa/?ysclid=mua0lsks1j432427647 (дата обращения: 20.09.2026).
4. Суд признал действия нацистов на территории ЛНР во время войны геноцидом // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20240226/lnr-1929512139.html (дата обращения: 20.09.2026).

УДК 94(47).04:355.4

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ВОЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ В XVI ВЕКЕ

Крутых Я. Р., ORCID 0009-0000-2610-7875
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
ya.krutyh@donnu.ru

Введение. Понятие «военная революция», введенное в научный оборот М. Робертсом применительно к шведской и нидерландской армиям 1560–1660 гг., за прошедшие десятилетия превратилось в одну из наиболее обсуждаемых объяснительных моделей раннего Нового времени. Под ним понимают совокупность взаимосвязанных перемен: распространение ручного огнестрельного оружия и артиллерии, переход от феодального ополчения к постоянным войскам, рост численности армий и формирование государственного аппарата, способного их содержать. Ее перенос на Россию XVI в. по-прежнему вызывает споры.

Цель настоящих тезисов – выделить ключевые дискуссионные вопросы, связанные с применением концепции военной революции к Русскому государству эпохи Ивана IV, и обозначить основные позиции исследователей по каждому из них.

Основная часть. Первым и, по сути, исходным является вопрос хронологии. Если М. Робертс ограничивал военную революцию столетием 1560–1660 гг., то последующие авторы то раздвигали ее рамки до 1500–1800 гг., то связывали ее начало с распространением огнестрельного оружия в XV в. [1]. В англоязычной русистике долгое время доминировала точка зрения Р. Хелли, согласно которой подлинные военные преобразования в Московском государстве начались лишь в 1630-х гг. с появлением полков «нового строя» и были неразрывно связаны с окончательным закрепощением крестьянства. Эта позиция подробно разобрана в отечественной историографии [2]. Отечественные исследователи, прежде всего В.В. Пенской, напротив, рассматривают реформы середины XVI в. как самостоятельный этап «огнестрельной революции», протекавшей в России иначе, чем на Западе, но не менее интенсивно [3]. Спор, таким образом, идет и о том, обязательно ли революция должна повторять западный образец.

Второй проблемный узел связан с оценкой пехоты. Создание в 1550 г. выборного отряда из трех тысяч стрельцов традиционно расценивается как рождение постоянной пехоты, полностью вооруженной ручными пищалями. Стрельцы получали жалованье и участвовали во всех крупных походах, начиная с казанского 1552 г. Вместе с тем их удельный вес в армии оставался сравнительно небольшим, а основу вооруженных сил по-прежнему составляла поместная конница, чья служба была закреплена Уложением о службе 1556 г. [4]. В.В. Пенской характеризует сложившуюся систему как близкую к «османской» модели, при которой постоянная огнестрельная пехота дополняла массовую конницу служилых людей, но не вытесняла ее [3]. Вопрос о том, свидетельствует ли такое соотношение о незавершенности военной революции или о рациональном приспособлении к условиям степного театра военных действий, остается открытым.

Третье направление дискуссии касается артиллерии и осадного дела. Успешные осады Казани (1552) и Полоцка (1563), а также серия взятий ливонских крепостей показали способность Русского государства сосредоточить на решающем участке многочисленный и разнокалиберный «наряд». А.Н. Лобин, полемизируя с «евроцентричной» традицией, рассматривает Ливонскую войну как войну технологий, в которой русская артиллерия не уступала противникам и нередко превосходила их [5]. Однако в фортификации картина иная: бастионная система, ставшая на Западе одним из главных признаков военной революции, в России XVI в. распространения не получила, а крупнейшие крепостные сооружения конца столетия возводились по иным принципам.

Четвертая группа вопросов связана с численностью войск и административными возможностями государства. Восходящие к иностранцам оценки армии в сотни тысяч человек А.Н. Лобин на основе

разрядных документов заметно снизил. Развернувшаяся вокруг его выводов дискуссия с участием М.М. Крома, В.В. Пенского и О.А. Курбатова показала, насколько сильно результаты зависят от интерпретации конкретных источников, в частности записной книги Полоцкого похода 1562–1563 гг. [6]. С ней тесно связан вопрос о ресурсной базе преобразований: З.В. Дмитриева и С.А. Козлов, применяя к России концепцию фискально-военного государства, показывают, что военные нужды определяли рост налогов и приказного аппарата уже в XVI в. [7].

Пятый дискуссионный вопрос касается тактической составляющей преобразований и ее зависимости от театра военных действий. На западном направлении русское войско сталкивалось с крепостями, наемной пехотой и артиллерией, тогда как на южном рубеже главным противником оставалась подвижная крымская конница. Ответом на эту угрозу стало не механическое копирование западных образцов, а создание собственной системы обороны: засечных черт, сторожевой и станичной службы, регламентированной боярским приговором 1571 г., а также широкого применения гуляй-города – подвижного полевого укрепления, под прикрытием которого действовали стрельцы и полевая артиллерия [4]. Победа при Молодях в 1572 г. показала действенность такого сочетания пехоты, артиллерии и конницы. Одни исследователи видят в этом самобытный вариант военной революции, другие — особую траекторию, к которой западная модель применима лишь с оговорками.

Заключение. Проведенный обзор показывает, что применение концепции военной революции к России XVI в. сохраняет дискуссионный характер сразу в нескольких отношениях: хронологии преобразований, роли огнестрельной пехоты, соотношения артиллерийского прогресса и консервативной фортификации, численности войск и административной базы их содержания, а также тактического своеобразия степного театра. Общим для этих споров является методологический вопрос: следует ли измерять российский опыт по западноевропейскому эталону или рассматривать его как самостоятельный вариант общеевропейского процесса. Представляется, что наиболее продуктивным является подход, при котором военная революция понимается не как набор обязательных признаков, заимствованных из опыта Швеции или Нидерландов, а как процесс адаптации новых военных технологий к конкретным природным, социальным и внешнеполитическим условиям. С этой точки зрения реформы середины XVI в. правомерно рассматривать как начальный, хотя и незавершенный, этап военных преобразований, получивших дальнейшее развитие в XVII столетии.

Список литературы

1. Лыдин, Н. Н. Основные подходы к проблеме хронологии теории «военной революции» в современных англоязычных и российских исследованиях / Н. Н. Лыдин // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 465. – С. 101–105.
2. Трефилов, В. А. Военные реформы Московской Руси середины XVI – XVII вв. и их последствия в историографии XX – начала XXI века / В. А. Трефилов, С. А. Радушинский // Вопросы политологии. – 2025. – Т. 15, № 8 (120). – С. 3072–3084.
3. Пенской, В. В. Великая огнестрельная революция / В. В. Пенской. – Москва : Яуза: Эксмо, 2010. – 448 с.
4. Чернов, А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. (С образования централизованного государства до реформ при Петре I) / А. В. Чернов. – Москва : Воениздат, 1954. – 224 с.
5. Лобин, А. Н. «Ключи от городов»: Ливонская война как война технологий / А. Н. Лобин // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. – 2019. – № 2 (26). – С. 195–206.
6. Курбатов, О. А. Отклик на статью А. Н. Лобина «К вопросу о численности вооруженных сил Российского государства в XVI в.» / О. А. Курбатов // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. – 2009. – № 1–2. – С. 104–119.
7. Дмитриева, З. В. Налоги и войны в России XVI–XVIII вв. / З. В. Дмитриева, С. А. Козлов. – Санкт-Петербург : Историческая иллюстрация, 2020. – 568 с.

УДК 930.85.625:346.26

ИНЖЕНЕР Ф.Е. ЕНАКИЕВ – ИНИЦИАТОР СТРОИТЕЛЬСТВА СЕВЕРО-ДОНЕЦКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

***Ляшенко В. Г.*,** канд. ист. наук, доц., ORCID 0009-0005-6028-8290
ФГБОУ ВО «Донецкая государственная музыкальная академия имени С. С. Прокофьева», г. Донецк, РФ
v.liashenko.dongu@mail.ru

Введение. В экономической истории Донбасса имя Ф.Е. Енакиева (1852–1915 гг.) связывают со строительством металлургического завода Русско-бельгийского общества. В ноябре 1897 года был выплавлен первый чугун, что стало официальной датой основания завода. Вокруг завода вырос фабрично-заводской посёлок, который городом Енакиево. Эта страница предпринимательской деятельности Ф.Е. Енакиева достаточно полно исследована и описана в научной и историко-краеведческой литературе.

Однако в экономической истории Донбасса Ф.Е. Енакиев в начале XX столетия сыграл важную роль как инженер-путеец. Благодаря глубоким инженерным знаниям и навыкам, умению привлечь в проект финансовые ресурсы, высокому авторитету Ф.Е. Енакиева в деловой среде

России, связям в правительственных кругах Санкт-Петербурга ему удалось воплотить в жизнь замысел строительства Северо-Донецкой железной дороги. Этот факт недостаточно исследован в научной литературе и является предметом освещения в данной статье. Основным источником для написания статьи послужило «Горно-заводское дело» – издание Совета Съезда горнопромышленников Юга России за 1910–1916 годы.

Основная часть. Идея строительства Северо-Донецкой железной дороги зародилась в предпринимательской среде и впервые обсуждалась в документах XXIX Съезда горнопромышленников Юга России в конце 1904 г. [1, с. 3418]. Однако, русско-японская война1904–1905 годов и грозные годы первой русской революции 1905–1907 годов не позволили реализовать этот проект. Строительство дороги началось в 1909 году и продолжалось три года, а в августе 1911 года состоялось открытие первой очереди Северо-Донецкой железной дороги.

Как отмечал в своей речи директор Правления общества Северо-Донецкой железной дороги и один из инициаторов её строительства инженер-путеец Ф.Е. Енакиев – «Общество после двадцатипятилетнего перерыва открыло новую страницу в истории российской железнодорожной сети» [1. с. 3419]. Этот успех был достигнут благодаря объединённым усилиям. Концессию получило общество, которое было учреждено синдикатом «Продуголь», правлением Петербургского международного банка и Французского Северного банка. Поэтому горный инженер, глава «Продугля», член Государственного Совета России Н.С. Адаков стал также членом Правления общества Северо-Донецкой железной дороги. Проект был поддержан петербургской правительственной бюрократией, в среде которой были также хорошо известны управленческие качества инженера-путейца Ф.Е. Енакиева.

Однако, следует отметить, что в кругах деловой Москвы проект строительства Северо-Донецкой железной дороги был встречен в штыки. Его осуществление ставило крест на планах освоения подмосковного угольного бассейна, в котором была заинтересована московская старообрядческая купеческая буржуазия. Экспансия южных горнопромышленных предприятий Донбасса делала невозможной приобретение московскими промышленниками собственной сырьевой базы, усиливали зависимость от поставок донецкого угля в Москву и Подмосковье.

Поэтому московская буржуазия попыталась остановить этот проект с помощью депутатов III Государственной думы. Среди них наиболее яростным противником проекта южных предпринимателей и банков оказался депутат Государственной думы Н.Л. Марков, который был деловым партнёром разорившегося московского купеческого магната и железнодорожного короля С.И. Мамонтова. В 1907 году он опубликовал брошюру «Несколько слов о бесполезности проектируемой Северо-

Донецкой железной дороги с затратой на неё свыше 100 млн. рублей при правительственной 5% гарантии» [2, с. 138].

Н.Л. Марков утверждал, что постройка дороги не даёт никакой выгоды государству, а стройка лишь отвечает интересам иностранных и питерских дельцов. Усилия думцев не принесли выгод московским предпринимателям. Правительство не учло аргументы думцев, предоставив концессию на строительство обществу Северо-Донецкой железной дороги, дав «зелёный свет» частному железнодорожному строительству.

В процессе строительства Ф.Е. Енакиев активно работал с представителями Съезда горнопромышленников Юга России для того, чтобы максимально приблизить трассы к рудникам и шахтам, особенно, в пределах угольных залеганий. Северо-Донецкая железная дорога прилегала к станции Родакова Екатерининской железной дороги вблизи города Луганска, далее проходила через Харьков и примыкала к станции Льгов Московско-Курского-Воронежской железной дороги. Льгов стал узловой станцией. Дорога пересекала угольный Донбасс почти по прямой линии и стала более коротким путём для угольных грузов из Донбасса в центр страны [1, с. 3423]. В августе 1913 года было открыто движение по всей линии дороги (Льгов – Харьков – Лихая). Правление Северо-Донецкой железной дороги размещалось в Харькове. Ветки дороги отходили на станции Краматорская, Бахмут, Яма, Никитовка. На дороге было выстроено 464 искусственных сооружения, в том числе 6 мостов. Протяженность дороги составляла 691 версту (из них 193 версты двухколесный путь). Грузы перевозили 188 паровозов, 6800 грузовых и 109 пассажирских вагонов.

Заключение. Таким образом, Ф. Е. Енакиев внес существенный вклад в экономическое развитие Донбасса. Он с большим успехом применил свои инженерные знания в процессе строительства Северо-Донецкой железной дороги, которая дала работу сотням железнодорожникам, обеспечила устойчивый сбыт донецкого угля на внутренний рынок страны, где успешно конкурировал с британским углем и бакинской нефтью. За три года строительства были созданы многие объекты материальной культуры, которые и по сей день служат людям.

Список литературы

1. Горно-заводское дело: еженедельное издание Совета Съезда горнопромышленников Юга России. // Торжества открытия Северо-Донецкой железной дороги – Харьков: 1912, № 1.
2. Пыжиков, А. В. Питер – Москва. Схватка за Россию / А. В. Пыжиков. – М.: Концептуал, 2020. – 419 с. – ISBN:978-5-907289-53-6.

УДК 94(477.6)"1945/1948":338.24

ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ В ПОСЛЕВОЕННОМ ВОССТАНОВЛЕНИИ ДОНБАССА (1945–1948 гг.)

Носков В.Ю. [1, 2], канд. ист. наук, ORCID 0009-0006-2297-7009
[1] Центр исторического просвещения Института российской истории РАН, г. Москва, РФ
[2] Российское военно-историческое общество, г. Москва РФ
n.v.vladimir1991@yandex.ru

Введение. Начиная с 1944 г. в Советский Союзе приступил к плану масштабного перехода от военной экономики к экономике мирного времени. Это нашло выражение в соответствующих постановлениях СНК СССР и ЦК ВКП(б) и планах восстановления и развития народного хозяйства, разработка которых осуществлялась на основе определенных ЦК ВКП(б) задач и вытекавших из них решений ГКО и СНК СССР [1, С. 198–202]. Многие предприятия переключались на выпуск гражданской продукции, но при этом сохранялась задача выпуска важнейшей военной продукции новейших образцов и улучшенного качества, и параллельно с этим должна была осуществляться восстановительная работа в народном хозяйстве.

Основная часть. Все большее значение приобретало комплексное восстановление промышленного потенциала юго-западных регионов страны, в частности Донбасса. Главным препятствием в реализации данных амбициозных планов оставалась проблема дефицита и использования трудовых ресурсов. Военно-мобилизационные методы привлечения рабочей силы себя уже исчерпали. В этой связи можно выделить три основных способа привлечения рабочих рук на промышленные предприятия и стройки Донбасса, действовавшие во второй половине 1940-х – 1950-х гг. В первую очередь происходил процесс внутрирайонной миграции молодежи и демобилизованных фронтовиков из сельской местности в города и поселки городского типа, где они могли рассчитывать на более высокие нормы материального обеспечения. Однако, многие бывшие военнослужащие не всегда стремились вернутся на прежнее место работы. В Сталинской области в декабре 1946 г. около 67% фронтовиков оставались не трудоустроенными [2, с. 232]. Что объясняется совокупностью причин, включающих в себя как медицинские факторы (увечья, полученные во время боевых действий), так и низкие темпы восстановления жилищно-коммунального хозяйства, и миграционные процессы. На мотивацию фронтовиков возвращаться на прежние места работы сказывалось и радикальное ухудшение условий труда.

На самые трудоемкие и опасные виды работ направлялись рабочие батальоны, сформированные из бывших военнопленных, а также активно

использовался принудительный труд репатриированных советских граждан, заключенных, а также интернированных немцев из Германии, Австрии и стран Восточной Европы. Так, в первые послевоенные годы в СССР около половины из 132 000 интернированных немцев была отправлена на работы в Сталинскую (49 452 человек) и Ворошиловградскую области (26 015). Из их числа было сформировано 93 рабочих батальона [3, с. 217–220]. В отличии от военнопленных, интернированные немцы работали не в системе НКВД-МВД, а профильных народнохозяственных структур. Это обусловило гораздо более низкий по сравнению с военными уровень снабжения и проживания, что стало причиной высокой заболеваемости и большого количества травм на производстве. Так в первом квартале 1946 г. в Ворошиловградской области было зафиксировано 7534 пострадавших на производстве с 30 летальными случаями, в Сталинской области – 3790 (10 летальных). К 1948 г. из-за постоянно снижающейся производительности труда, начавшейся репатриации влияние «вестарбайтеров» и немецких военнопленных на ситуацию с трудовыми ресурсами региона свелась к минимальному значению [4, с. 123–128].

На разоренной войной территории собственных демографических ресурсов не хватало, что побуждало руководство страны продолжить использование командно-административных методов стимулирования миграции: призывы, мобилизацию, организационное наборы молодежи. Активно привлекались в Донбасс переселенцы со всего СССР. За период 1946–1950 гг. из РСФСР, БССР и Молдавской ССР в Сталинскую область прибыло более 246 000 рабочих, в Ворошиловградскую область – свыше 160 000 человек. Формированием рабочих отрядов для Донбасса занимались 12 союзных и автономных республик, 29 краев и областей.

В первые послевоенные годы, как и в период 1943–1945 гг. преобладал труд женщин и подростков. Несмотря на начавшуюся демобилизацию военнослужащих, их доля в промышленности превалировала, хотя заметно снизилась. В 1947 г. на подземных работах удельный вес женщин достигал 35,5 %, доля юношей и девушек в возрасте до 19 лет составляла 17,6 % [5, с. 622–623].

Если говорить о возрастной структуре рабочих, то в 1947 г. лица до 19 лет и пенсионеры составляли 17–26% в отдельных отраслях. Однако, в годы Четвертой пятилетки, удалось достичь снижения численности несовершеннолетних на производстве, на промышленных предприятиях региона трудилось менее 1% работников младше 16 лет. Удельный вес лиц пенсионного возраста в 1946 – начале 1950-х гг. находился в диапазоне 7–10%, это объяснялось тем, что значительная их часть имела высокую профессиональную подготовку, большой производственный опыт.

Значительно уменьшилась прослойка кадровых рабочих. Среди рабочих Донбасса и его отраслевых отрядов большинство имели

непрерывный стаж до 3 лет, в том числе одна четвертая – одна третья – менее 1 года. Эта категория пришла на производство во время войны и первые послевоенные годы [5, с. 620].

Проблема установления дисциплины, особенно для прибывших из других регионов рабочих, на промышленных предприятиях во второй половине 1940-х гг. стала еще более острой. В годы войны покинувший рабочее место считался дезертиром, и для борьбы с прогулами существовала карательная система. Но в послевоенный период потерял актуальным фактор борьбы за победу, оправдывавший военную организацию труда, люди часто уходили с рабочего места «под всяким видом больных» и «по своим делам» [6, с. 86–89]. Воспитательные меры, направленные на улучшение трудовой дисциплины, не всегда давали должный эффект, руководителям предприятий приходилось жестко регламентировать расписание рабочего дня. Так Заместитель Управляющего региональным управлением Донбассэнерго в своем распоряжении запретил «*Всем рабочим, служащим и ИТР прекратить самовольно уходить в парикмахерскую для наведения туалета за счет рабочего времени*» [7].

Заключение. В 1945–1948 гг. процесс послевоенного восстановления Донбасса, был затруднен дефицитом трудовых ресурсов, решение данной проблемы требовало от государства широкого спектра форм привлечения рабочих рук.

Информация о финансовой поддержке: *Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России для ИРИ РАН (тема 0149-2026-0004 «Критический анализ зарубежных концепций прошлого России и разработка ключевых научных принципов в исследовании актуальных вопросов отечественной и мировой истории в целях развития исторического просвещения»)*.

Список литературы

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. // Т. 7: Экономика и оружие войны. – М.: Кучково поле, 2013. – С. 198–202.
2. Вєтров І.Г., Лисенко О.Є., Шелейко Т.В. Донбас 1943-1950 років: Відновлення промислової і транспортної інфраструктури // АН України. Ін-т історії України. – К.: Ін-т історії України, 2016. – С. 232.
3. Полоян П. Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. – М.: ОГИ Мемориал, 2001. – С. 217–220.
4. Добров П. В., Багликова М. С. К вопросу о трудоиспользовании немецких военнопленных, мобилизованных и интернированных на шахтах Донбасса / П. В. Добров, М. С. Багликова // Історичні і політологічні досліження. – Донецьк: ДонНУ, 2001. – №4 (8). – С. 123-128.
5. Донбасс 1943. Освобождение индустриального сердца России. – М.: Яуза-каталог, 2023. – С. 566–633.
6. Донбассэнерго»: Настоящее прошлое // ред. Бондаренко Э.Н. – К.: «Эпика Люкс», 2015. – С. 86–89.
7. ГА ДНР Ф. 4298, О.1, Д. 164, Л. 6. Приказ по Центральному аппарату РУ Донбассэнерго от 4 апреля 1949 года.

УДК 94(47).084.3:325.2

200-ЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.В. СУВОРОВА НА СТРАНИЦАХ ЭМИГРАНТСКОГО ЖУРНАЛА «ЧАСОВОЙ»

Носкова Д.Э.[1, 2], ORCID 0009-0006-2297-7009
[1] Центр исторического просвещения Института российской истории РАН, г. Москва, РФ
[2] ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
danapetrova2000@mail.ru

Введение. А.В. Суворов великий русский полководец и одна из самых многогранных и выдающихся фигур отечественной истории. На протяжении многих лет образ генералиссимуса играл важную роль в отечественном историческом нарративе. Большое значение имела фигура великого полководца и для белой эмиграции. Наиболее яркой иллюстрацией данного факта может празднование памятной даты, связанной с Александром Васильевичем. В 1930 г. исполнилось 200 лет с момента рождения Суворова. Данное событие было отмечено в эмигрантской среде. Выходили статьи, исследования, посвященные великому полководцу. Так, например, издательством «Часовой» «в ознаменование двухсотлетия со дня рождения генералиссимуса Суворова» был выпущен «Военный Справочник» [1].

Цель данного исследования изучить празднование 200-летия со дня рождения А.В. Суворова белой эмиграцией.

Основная часть. 1 ноября 1930 г. вышел приказ «Р.О.В. Союзу» (РОВС) №50, где говорится о 200-летии со дня рождения великого полководца, его заслугах и значении для русского человека [2]. На страницах выпуска № 42 журнала «Часовой» за 31 октября 1930 г. опубликовано «Обращение «Суворовского комитета»» [1] (председатель Александр Башмачкин), состоявшего из потомков Суворова. В нем указывается, что «чествование этого гениального сподвижника Екатерины II, завершительницы исторического процесса «Собирания Земли Русской» – приобретает особое значение в мрачное время наибольшего унижения нашей родины за 1000 лет ее существования» [1]. «Суворовский комитет» отмечает, что главной и первой его целью является «соединение всех этих разсеянных по чужбине творческих сил в гармоничное единство» [1]. Авторы «Обращения» уверены, что во всех русских организациях «без ограничения их партийных оттенков» [1] должно гореть «ярким пламенем сознание патриотической силы Суворовской традиции и пригодности ее к восстановлению нашей дорогой родины» [1].

В связи с тем, что образ великого полководца имел такое важное значение, организация его чествования по случаю 200-летия со дня рождения имела широкий размах. Днем празднования памяти Суворова

было выбрано ближайшее воскресенье перед днем 200-летия его рождения [1] (23 ноября 1930 г.). В журнале «Часовой» дни памяти великого полководца окрестили как «Суворовские дни» [2]. Согласно «Обращению Суворовского комитета», в этот день отслужили заупокойную обедню и панихиду по великому полководцу в Париже, в храме Св. Александра Невского (улица Дарю), а также в верхней церкви и в церкви Знамения Пресв. Божьей Матери («рю д-Одесса» №18) [1]. Соблюдение христианских традиций при чествовании великого полководца одно из главных отличий от советских аналогичных юбилейных торжеств. После заупокойной обедни и панихиды проходило торжественное заседание «Суворовского комитета» в Париже, куда были приглашены «все существующие» общества, организации, а также частные лица. На заседании выступали с докладами о исторической роли Суворова. С докладом на тему «Суворов – российской армии победоносец» выступил генерал-лейтенант А.А. Гулевич [2]. Генерал-лейтенант Н.А. Лохвицкий посвятил свое выступление «Суворовской школе» [1]. А.А. Башмаков, председатель «Суворовского комитета», посвятил выступление теме «Суворовские заветы» [1]. Генерал Ниесель, член Высшего военного совета, осветил тему «Суворов и Франция в 1799 г.» [1].

«Суворовские дни» прошли не только в Париже. В Берлине также во всех православных церквях 23 ноября 1930 г. отслужили заупокойную панихиду. На богослужении присутствовали не только русские, но и немецкие потомки Суворова [2]. Граф Зубов, один из отдаленных потомков великого полководца, в газете «Роль» опубликовал большую биографию Александра Васильевича, подвергшуюся критике из-за «далеко не всегда удачных толкований личности своего великого пращура» [2]. Днем у барона и баронессы Вольф (урожденная Зубова, еще один потомок великого полководца) «состоялся чай» на котором присутствовали почти все русские организации Берлина [2]. Вечером состоялось заседание, посвященное памяти Суворова, организованное воинскими союзами, входящими в состав П отдела Русского Обще-Воинского Союза [2]. На заседании осветили следующие темы, касающиеся великого полководца: биография «великого русского вождя» (генерал фон-Лампе); личность Суворова как великого русского полководца (генерал Дашкевич-Горбацкий); «величайший подвиг» Суворова – Швейцарский поход (генерал Бреслер) [2]. Окончилось заседание афоризмом Суворова: «Помилуй Бог, мы русские!» [2]. Отметим, что афоризм был обозначен председателем торжества как «величайший» «ибо в нем для русского эмигранта и гордость славным русским прошлым, и поддержка в тусклом русском настоящим, и надежда на лучшее русское будущее» [2]. Следовательно, Суворов для эмигрантов – это одно из олицетворений «славного русского прошлого», повод для гордости, который позволяет в «тусклом русском настоящем» надеяться на лучшее русское будущее.

Важно отметить, что на берлинском торжестве в качестве «почетного караула» присутствовали русские скауты (мальчики и девочки) [2]. Таким образом, четко прослеживается линия преемственности, идея сохранения «русского духа» в молодом поколении, путем знакомства с героями «славного русского прошлого» во имя «лучшего русского будущего».

Выпуск № 45 от 15 декабря 1930 г. иллюстрированного журнала «Часовой» посвящен Суворову [2]. На обложке помещена картина В.И. Сурикова «Переход Суворова через Альпы», а на 3й странице фрагмент мозаичной картины с одного из фронтов Суворовского музея в Санкт-Петербурге. В журнале есть также большая статья генерала-майора А.Н. Виноградского «К 200-летию со дня рождения Суворова» [2]. Автор отмечает, что Суворов бы «талантливейшим полководцем», «великим психологом», «создателем неподражаемой школы воспитания воина» [2]. А.Н. Виноградовский подчеркивает, что походы Суворова представляют собой «богатый клад» для исследователя, ведь они – «захватывают все грани военного искусства» [2].

В этом же выпуске журнала опубликована статья генерал-лейтенанта А. Лукомского «Генерал-Адъютант Михаил Иванович Драгомиров» [2]. Статья интересна тем, что автор проводит параллель между А.В. Суворовым, чей 200-летний юбилей со дня рождения отмечался в 1930 г., и М.И. Драгомировым, 25-лет со дня смерти которого исполнялось в этом же году. А. Лукомский отмечал, что «эти два имени связаны между собой» [2], поскольку М.И. Драгомиров «воскресил забытое учение Суворова» [2] и реализовал его на практике. В заключении статьи А. Лукомский говорит с надеждой о том, что когда-нибудь возродится «Русская армия», и в ней «выдвинется крупный Вождь-Учитель и, вновь воскресив заветы Суворова сделает ее достойной Великой России» [2].

Заключение. Празднованию 200-летия со дня рождения А.В. Суворова белой эмиграцией было уделено много внимания, что свидетельствует о том, что великий полководец был для тоскующих по Отчизне переселенцев был знаковой фигурой, во многом ассоциирующейся со славным прошлым и дающий надежду на светлое будущее.

Информация о финансовой поддержке: *Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России для ИРИ РАН (тема 0149-2026-0004 «Критический анализ зарубежных концепций прошлого России и разработка ключевых научных принципов в исследовании актуальных вопросов отечественной и мировой истории в целях развития исторического просвещения»).*

Список литературы

1. Часовой: ежемесячный иллюстрированный военный журнал/ Париж, 1930 г. – № 42 – URL: https://prussia.online/Data/Book/ch/chasovoy-1-2/%D0%A7%D0%B0%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9.%20%E2%84%96%20001-046%20(1929-1930).pdf (дата обращения 09.10.2026 г.)

2. Часовой: ежемесячный иллюстрированный военный журнал/ Париж, 1930 г. – № 45 – URL: https://prussia.online/Data/Book/ch/chasovoy-1-2/%D0%A7%D0%B0%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9.%20%E2%84%96%20001-046%20(1929-1930).pdf (дата обращения 09.10.2026 г.)

УДК 93/94

СЛАВЯНСКИЙ ВОПРОС В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ МИРОВЫХ ВОЙН

Путилин И.А., канд. ист. наук, ORCID 0000-0003-3814-7123
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет геодезии и картографии»,
г. Москва, РФ
ivan.putilin.97@mail.ru

Введение. Сегодня славянские народы переживают крайне непростой этап в своей истории. Распад СССР и крушение социалистического блока привели к гражданской войне в Югославии и вооруженной агрессии НАТО против Белграда, к попыткам использования Западом славянских государств для борьбы с Россией, что особо хорошо заметно на примере вооруженного конфликта, начавшегося в 2014 году на Донбассе. В данной ситуации особую актуальность приобретает анализ прошлых этапов развития славянства в контексте тех испытаний, которые выпали на его долю в XX веке.

Цель работы – выяснить, каким образом Славянский вопрос осмыслялся в отечественной печати в годы первой и второй мировых войн, выявив исторические корни взглядов на данную проблематику и особенности, характерные для публицистики данных эпох.

Основная часть. То, что Россия в 1914 году вступила в войну для защиты славянского государства – Сербии, ставило Славянский вопрос в центр общественного внимания. Так, например, протоиерей И. Восторгов отмечал, что «…наступил великий исторический час борьбы двух миров, славянства и германизма», а славяне «…пусть пребудут … в надежде на Россию, главу славянства…», которая должна в этой войне «…исполнить свой долг» [1, с. 558], понимаемый автором через призму мессианства. Значимой частью данной риторики было представление о важности защиты славянской культуры, о чем размышлял, например, Н.А. Бердяев. И.А. Ильин же говорил об угрозе духовному единству славян и характеризовал войну для России как «духовно-оборонительную» [2, с. 36]. Исходя из этого становится понятно, почему столь болезненно восприняли русские публицисты вступление в войну на стороне Германии и Австро-Венгрии Болгарии, что было воспринято как предательство болгарской элиты и измена славянству.

Кроме того, важен был и сам факт противостояния с Австро-Венгрией, в состав которой входили славянские земли, которые, в отличие от Венгрии, так и не обрели особый статус в империи Габсбургов. Все это делало из России, по мысли русских авторов, защитницу угнетенных славян. Так, в газете «Славянские известия» была опубликована заметка, где, помимо экскурса в историю Галиции, обращалось внимание и на попытки «…австрийских политиков увлечь русское население Галиции в среду … мечтаний о политической самостоятельности…» [3, с. 195] путем искусственного создания украинской национальной идентичности. Автор заметки заканчивал свои рассуждения на оптимистической ноте, отмечая, под впечатлением удач Русской армии в Галиции, что «…смелым ударом русского меча разбито ярмо…», а вместо «Руси Подъяремной», «…явилась Русь единая и великая» [3, с. 196].

Из-за революционных потрясений Россия не смогла воспользоваться плодами победы над Германией и Австро-Венгрией. Вновь же вопрос о воссоединении восточнославянских земель стал актуальным после того, как Польша потерпела сокрушительное поражение от Нацистской Германии. В данной ситуации советское руководство приняло решение о присоединении территорий западной Украины и Белоруссии к СССР. Фактически и в 1914, и в 1939 году речь шла об объединении восточных славян в одном государстве, но идеологически это осмыслялось по-разному. Так, в соответствии с советской национальной политикой, речь шла уже не о единстве русских в рамках одного государства, а о воссоединении «…трудящихся Западной Украины и Белоруссии…» с «…единокровными братьями украинцами и белорусами…» [4, с. 1].

К началу Великой Отечественной войны жертвами агрессии стали славянские страны, которые появились на политической карте мира как раз в результате Первой мировой войны. Так, в результате Мюнхенского сговора была сначала лишена Судетской области, а потом и оккупирована Чехословакия, были захвачены Польша и Югославия. Начало агрессии против СССР актуализировало идеи единения славян перед лицом общей угрозы. Так, например, в письме А.С. Щербакова И.В. Сталину приводится программа журнала «Славяне», в которой особое внимание было уделено освещению «…славных страниц исторического прошлого славянских народов в их национально-освободительной борьбе…», а также – обличению «…человеконенавистнической программы уничтожения славянских народов и их … культуры» [5, с. 530]. Таким образом, журнал «Славяне», во многом, явился продолжением подходов к Славянскому вопросу, которые были характерны и для русской дореволюционной прессы. Наглядным же примером идеологических особенностей советской пропаганды может служить обращение «К братьям угнетенным славянам», в котором было проведено противопоставление славянского движения в СССР с «панславизмом», который был охарактеризован как

«…реакционное течение…, которое использовал в своих империалистических целях русский царизм…» [6, с. 1]. Обличение же Германии приобретает отчетливый классовый характер, когда говорится о планах передачи славянских земель «…в руки немецких баронов-помещиков, в руки итальянской, венгерской знати» [6, с. 1].

Особое место в пропаганде времен Великой Отечественной войны занимает обличение тех, кто пошел на союз с врагами славянства. Так, например, в статье о ситуации в Словакии говорится о том, «немецкие фашисты, разжигая национальную рознь между славянскими народами, нашли изменников делу славянства…», а сами сотрудничавшие с Германией политики, согласившиеся создать «независимую Словакию», называются «жалкими отщепенцами», которые продались «…за 30 сребреников» [7, с. 4].

Итогом Второй мировой войны стал разгром Германии, которой не удалось реализовать свои человеконенавистнические планы в отношении славян. Это стало возможно, в том числе, благодаря участию в борьбе с нацизмом представителей славянских народов, из числа которых на территории СССР формировались воинские подразделения. Вместе с исчезновением угрозы уничтожения славянства в послевоенное время Славянский вопрос был, вследствие конфликта с Югославией и иных идеологических причин, фактически, вытеснен в советской публицистике из актуальной повестки дня.

Заключение. Если рассматривать Славянский вопрос в контексте современной геополитической ситуации, становится очевидно, что без сохранения исторической памяти о своих общих корнях славянские народы обречены на деградацию, разобщение и исчезновение. Конечно же, между идеологическим посылом публицистов первой и второй мировых войн есть существенная разница, обусловленная особенностями политического строя: на смену цивилизационному и религиозному мессианству пришли идеи интернационализма и классовой солидарности трудящихся. Но неслучайно и то, что публицистические работы двух войн объединяет особое внимание авторов к истории славянских народов и бескомпромиссное обличение попыток врага разделить и ослабить единство славян. Отечественные публицисты отчетливо видели угрозу существованию славянства и его самобытной культуры и отразили тревогу об этом в своих работах, которые вновь обретают актуальность сегодня.

Список литературы

1. Протоиерей И. Восторгов. Вещий миг // Московские церковные ведомости. – 1914. – № 30/31. – С. 553–558.
2. Ильин И.А. Духовный смысл войны. – М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1915. – 48 с.
3. Кораблев В. Червонная Русь // Славянские известия. – 1914. – № 1-13. – С. 191–196.
4. Доклад Мандатной комиссии Совета Союза. Докладчик депутат ЩЕРБАКОВ А. С. // Советская Абхазия, 1940. – № 77 (5622). – С. 1.

5. Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956 / Сост. Л.В. Максименков. – М.: МФД; Материк, 2005. – (Серия «Россия. XX век. Документы»). – 752 с. – ISBN 5-85646-145-2.
6. Братья угнетенные славяне! // Вечерняя Москва. – 1941. – № 189, 12 августа. – С. 1.
7. Валенков А. Словакия под фашистским гнетом // Красный флот. – 1941, – № 206 (860). – С. 4.

УДК 94(477.62)"2014/2022":327(470)

РАЗВИТИЕ ИНТЕГРАЦИИ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ С РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ В 2014–2022 ГГ.

Родченко А.М., ORCID 0009-0008-6818-7680
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
a.rodchenko.dongu@mail.ru

Введение. В 2014 г. начинается новый этап в развитии Донецкой области Украины, когда упомянутая территория в силу целого комплекса десятилетиями копившихся геополитических, идеологических, социально-экономических и культурных противоречий, переросших в гражданское, а затем и в военное противостояние с националистическим режимом, незаконным путем захватившим власть в Киеве по воле судьбы была вынуждена изменить свой статус с обычного региона до суверенного государственного образования – Донецкой Народной Республики.

Цель работы – проанализировать процесс становления и развития интеграции ДНР с Российской Федерацией в 2014–2022 гг. Раскрыть направления, по которым проводилась работа, а также динамика развития сотрудничества и его результативность.

Основная часть. Разразившийся конфликт временно отодвинул на второй план мирное развитие молодой республики, в том числе в сфере сотрудничества с другими странами. Только в 2015 г. Русская община Крыма предпринимает первые шаги в налаживании сотрудничества с ДНР. Однако первое соглашение о сотрудничестве между Русской общиной Крыма и общественной организацией «Донецкая республика» будет подписано 4 июня 2016 г. в Ливадийском дворце, а 8 июля в Крыму было открыто представительство общественного движения «Донецкая республика» [1].

В начале 2017 г. возникла идея создания Интеграционного комитета «Россия – Донбасс», когда донецкая делегация приезжала в Крым для участия в праздновании 363-ей годовщины Переяславской Рады и в Форуме славянского единства «С Россией навеки». С момента создания интеграционного комитета, его деятельность была направлена на усиление

процесса гуманитарной, социальной, культурной интеграции ДНР и Российской Федерации [2].

С 16 по 19 января 2017 г. по приглашению Русской общины Симферополь посетила делегация во главе с лидером ДНР Александром Захарченко. Крымчане инициировали создание депутатской группы по связям с ДНР в Госдуме, о чем было объявлено 17 января на пресс-конференции в пресс-центре МИА «Россия Сегодня». 19 января совместно с Александром Захарченко глава Русской общины подписал Протокол о сотрудничестве в гуманитарной и политической сферах как дополнение к заключенному в июне 2016 г. Соглашению о сотрудничестве Русской общины Крыма и общественного движения «Донецкая Республика» [3].

В январе 2017 г. было принято решение об учреждении «Центра экономического взаимодействия республик». Основной его задачей декларировалось установление связей между субъектами хозяйственной деятельности Республики Крым и ДНР. В рамках круглого стола «Перспективы углубления экономической интеграции России и Донбасса. Опыт Республики Крым», проведенного в Ялте 21 апреля 2017 г. первые соглашения о сотрудничестве с Центром экономического взаимодействия республик подписали ряд крымских и донбасских предприятий [4].

Активное сотрудничество в рамках ИК «Россия – Донбасс» продолжилось. 16 июня 2017 г. президент торгово-промышленной палаты Республики Крым Артем Мальцев и председатель торгово-промышленной палаты ДНР Валерий Булыга подписали соглашение о сотрудничестве. В конце июня 2017 г. в Ростове-на-Дону прошло очередное заседание ИК «Россия – Донбасс». В повестке дня было обсуждение достижений и перспективы сотрудничества в сфере образования и науки. В июле крымская делегация посетила ДНР для организации сотрудничества и обсуждения механизмов поставок продукции на полуостров.

21 августа 2019 г. Федерация профсоюзов ДНР и Общероссийское профсоюзное объединение «Соцпроф» подписали в Донецке соглашение о сотрудничестве, что стало очередным шагом в деле интеграции Республики с Россией. В Донецке 29 октября 2019 г. проходил Международный инвестиционный форум, который был направлен на привлечение капитала в экономику ДНР, улучшение инвестиционного климата и развитие внешних экономических и деловых связей [5].

На рабочей встрече в Донецке 14 декабря 2021 г. обсудили перспективы углубления экономической интеграции России и Донбасса в связи с принятием Указа Президента Российской Федерации от 15.11.2021 № 657, который открыл для Донбасса российские рынки. Целью стала выработка постоянно действующего механизма взаимодействия на базе ИК «Россия – Донбасс» для коммерческих и государственных предприятий ДНР и РФ. Важным шагом стало подписание на встрече ряда соглашений о сотрудничестве между предприятиями ДНР и РФ [6].

Депутаты Государственной Думы 15 февраля 2022 г. поддержали постановление об обращении к Президенту РФ о необходимости признания ДНР и ЛНР, а 21 февраля Владимир Путин подписал Указ о признании Донецкой и Луганской Народных Республик. На следующий день Депутаты Государственной Думы на пленарном заседании единогласно ратифицировали Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между РФ и ДНР [7].

Заключение. Таким образом, на начальном этапе интеграция Донецкой Народной Республики с Российской Федерацией выстраивались по линии сотрудничества между общественными движениями и организациями российских регионов. В авангарде развития этого процесса выступила Республика Крым, которая предоставила на своей территории площадку для проведения различных мероприятий, которые активизировали процессы экономической, социальной, и культурной интеграции ДНР с Россией. Именно на территории Республики Крым был образован Интеграционный комитет «Россия-Донбасс», который стал основным центром координации международных связей между ДНР и Российской Федерацией.

Список литературы

1. Андрей Козенко: Крым может и должен стать центром защиты российских соотечественников: текст: электронный // Россия – Донбасс: [сайт]. – URL: https://russia-donbass.ru/andrej-kozenko-krym-mozhet-i-dolzhen-stat-tsentrom-zashhity-rossijskih-sootechestvennikov/ (дата обращения: 15.09.2026)
2. Интеграционные процессы между ДНР и РФ набирают обороты: текст: электронный // Россия – Донбасс: [сайт]. – URL: https://russia-donbass.ru/integratsionnye-protsessy-mezhdu-dnr-i-rf-nabirayut-oboroty-pushilin/ (дата обращения: 15.09.2026)
3. Андрей Козенко инициировал создание депутатской группы по связям с ЛНР и ДНР в Госдуме: текст: электронный // Россия – Донбасс: [сайт]. – URL: https://russia-donbass.ru/andrej-kozenko-initsiiroval-sozdanie-deputatskoj-gruppy-po-svyazyam-s-lnr-i-dnr-v-gosdume/ (дата обращения: 15.09.2026)
4. Первые восемь предприятий ДНР, ЛНР и Крыма подписали официальные соглашения об экономическом сотрудничестве: текст электронный // Россия – Донбасс: [сайт]. – URL: https://russia-donbass.ru/pervye-vosem-predpriyatij-dnr-lnr-i-kryma-podpisali-ofitsialnye-soglasheniya-ob-ekonomicheskom-sotrudnichestve/ (дата обращения: 15.09.2026)
5. В Донецке проходит Международный инвестиционный форум: текст: электронный // Россия – Донбасс: [сайт]. – URL: https://russia-donbass.ru/v-donetske-prohodit-mezhdunarodnyj-investitsionnyj-forum/ (дата обращения: 17.09.2026).
6. На рабочей встрече в Донецке обсудили перспективы углубления экономической интеграции России и Донбасса…: текст: электронный // Россия – Донбасс: [сайт]. – URL: https://russia-donbass.ru/na-rabochej-vstreche-v-donetske-obsudili-perspektivy-uglubleniya-ekonomicheskoj-integratsii-rossii-i-donbassa-v-svyazi-s-prinyatiem-ukaza-prezidenta-rossijskoj-federatsii-ot-15-11-2021-657/ (дата обращения: 18.09.2026)
7. ГД ратифицировала договоры о дружбе с Донецкой и Луганской народными республиками: текст: электронный // Россия – Донбасс: [сайт]. – URL: https://russia-donbass.ru/gd-ratifitsirovala-dogovory-o-druzhbe-s-donetskoj-i-luganskoj-narodnymi-respublikami/ (дата обращения: 18.09.2026)

УДК 94:339.5(470+571:41)"1698/1725"

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ И ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ПРАВЛЕНИЕ ПЕТРА I (1698–1725 гг.)

Рязанов К.М., ORCID 0009-0008-3259-3433
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
k.riazanov@donnu.ru

Введение. Осенью 1720 г. Петербург и Лондон прервали официальные сношения – однако ни один английский купеческий двор в России, в связи с этим не закрылся, и ни один британский корабельный мастер не покинул русскую верфь. Этот парадокс задаёт основную исследовательскую проблему: почему политическая и хозяйственная линии в отношениях двух держав при Петре I двигались с разной скоростью и в разных направлениях. За четверть века вектор политики менялся неоднократно - от увлечения молодого царя британским корабельным делом в 1698 г. и последовавшего за этим притока специалистов до нараставшего с середины 1710-х гг. раздражения Лондона успехами России на Балтике.

Основная часть. Поводом для английской поездки послужило личное приглашение Вильгельма III. Пробыв в гостях с 11 января по 21 апреля 1698 г., Пётр I обосновался преимущественно в Дептфорде и осваивал там ремесло судостроителя при содействии Энтони Дина-старшего. Круг его интересов верфями, впрочем, не ограничился: царь присутствовал на заседании обеих палат парламента, наблюдал опыты в Королевском обществе, добрался до главной базы флота в Портсмуте [1, с. 315–317; 2, с. 3–62]. Значение этих месяцев не сводилось к приобретённым навыкам – именно тогда окончательно оформилась установка на заимствование западных технических знаний, реализованная затем через систематический наем британских специалистов.

Наиболее заметный отпечаток эта поездка оставила в сфере образования. В Лондоне царю был представлен Г. Фарварсон – шотландец, читавший математику в абердинском Маришал-колледже. Он согласился перейти на русскую службу, к 1701 г. добрался до Москвы и вошёл в число устроителей Школы математических и навигацких наук, открытой по указу от 14 января того же года [3, p. 52]. Так частный эпизод дипломатического визита обернулся появлением первого в стране светского учебного заведения технического профиля.

Коммерческая сторона дела развивалась своим чередом. Упразднение на рубеже столетий монопольных привилегий старой Русской (Московской) компании открыло российский рынок для широкого круга британских негоциантов, а номенклатура вывоза осталась прежней –

пенька, лён, сало, корабельный лес, причем перенос грузопотоков с Архангельска на балтийские гавани её не поколебал [4, с. 61]. Сходную устойчивость демонстрировала и практика найма, корабельный мастер Дж. Най проработал в России без малого сорок лет, с 1698 г. по 1737 г., Р. Девенпорт – с 1706 по 1735 г., а учрежденную в 1717 г. при Коммерц-коллегии должность гоф-маклера вплоть до 1725 г. занимал английский купец С. Мьюкс [5, с. 171–172].

Показательна и обратная зависимость - флот сам выступал заказчиком английских поставок. В 1715 г. Адмиралтейство закупило у Коллинза и Спилмэна 176 000 пудов соли английского и испанского происхождения; часть её израсходовали на засолку пресной воды в доках, предохранявшую корпуса от гниения, излишки же казна реализовала с прибылью [5, с. 185]. Подобные операции не укладываются в привычную схему «сырьё в обмен на мануфактурные изделия»: британская коммерция оказывалась встроена непосредственно в инфраструктуру военного судостроения.

Бесконфликтным это сосуществование, разумеется, не было. На протяжении 1714–1715 гг. резидент Дж. Маккензи регулярно вносил в Посольскую канцелярию мемориалы, где излагались претензии Русской компании и отдельных торговцев, чьи грузы задерживались в Архангельске [5, с. 174–176]. Выход из череды частных разбирательств виделся в общем правовом акте, и в марте 1715 г. посол Б.И. Куракин вручил статс-секретарю Ч. Таунсенду проект коммерческого трактата, составленный по образцу документа, ранее отправленного в Гаагу. Дальше проекта дело не пошло: подписания пришлось ждать до 1734 г., когда Петра I давно не было в живых [5, с. 176].

Функция британских эскадр на Балтике за несколько лет поменялась на противоположную. Поначалу они прикрывали торговлю: в июне 1715 г. соединённые силы Англии и Голландии под началом адмирала Джона Норриса 26 вымпелов привели в Ревель караван из 108 купеческих судов, часть которых проследовала далее в Петербург и Ригу [5, с. 187–189]. Перелом наступил на исходе десятилетия. Договор от 9 ноября 1719 г. связал Лондон обязательствами перед Швецией и Ганновером, получившим отобранные у шведов Бремен и Верден. Соответственно изменились и инструкции Норрису, чьи корабли появлялись в балтийских водах летом 1719 и 1720 гг. Секретное предписание допускало совместные со шведами действия против русского флота [6, с. III].

Развязка наступила довольно быстро. Сначала, в начале октября 1719 г., Россию оставил английский резидент Дж. Джефферис, обратно уже не вернувшийся. Год спустя, 14 ноября 1720 г., статс-секретарь Г. Стэнгоп предписал М.П. Бестужеву в восьмидневный срок выехать из Англии – и место русского представителя при британском дворе пустовало до прибытия князя А. Д. Кантемира в начале 1730-х гг. [7, с. 165]. Важно, что

разорвана была лишь официальная связь. Купцы, судостроители и маклеры продолжали работать, словно ничего не произошло, а выстроенная за петровское царствование сеть торговых отношений стала фундаментом, на котором в 1734 г. появился новый договор.

Заключение. Путь российско-британских отношений при Петре I прошел от личного увлечения царя английским кораблестроением в 1698 г. до полного дипломатического разрыва 1719–1720 гг., спровоцированного столкновением интересов на Балтике. При этом торгово-технологическая сторона связей – присутствие английских купцов, мастеров и капитала, жила по собственным законам и пережила политический кризис почти без потрясений. Договор о торговле, впервые предложенный ещё в 1715 г. через Б.И. Куракина, довели до конца лишь при наследнице Петра I, Анне Иоанновне в 1734 г. Расхождение между политическими и экономическими интересами двух держав, наметившееся уже при Петре I, останутся характерной чертой всего последующего XVIII в.

Список литературы

1. Богословский М. М. Пётр I. Материалы для биографии. Т. 2. – М., 1941. – 624 с.
2. Бакланова Н. А. Великое посольство за границей в 1697–1698 гг. (Его жизнь и быт по приходо-расходным книгам посольства) // Пётр Великий: сб. ст. – М.; Л., 1947. – С. 3–62.
3. Hughes L. Peter the Great: A Biography. – New Haven; London: Yale University Press, 2002. – XV, 285 p.
4. Демкин А. В. Британское купечество в России XVIII века. – М., 1998. – 249 с.
5. «Просил нас аглинский купец…»: документы из архивов России и Англии. 1714–1715 гг. / публ. Т. А. Лаптевой // Исторический архив. – 1994. – № 3. – С. 168–195.
6. Александренко В. Н. Реляции кн. А. Д. Кантемира из Лондона (1732–1733). Т. 1. – М., 1892. – VIII, 262 с.
7. История Северной войны 1700–1721 гг. / отв. ред. И. И. Ростунов. – М.: Наука, 1987. – 214 с.

УДК 94(438)

ОБРАЗ ГЕРМАНИИ В ПОЛЬСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В ЭПОХУ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (1918–1933)

Сайганов В.С., ORCID 0009-0000-3439-1159
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
saiganov_vadim@mail.ru

Введение. 1918 год стал важным этапом не только для самой Польши, восстановившей утраченную более столетия назад независимость, но и индикатором нового направления в германо-польских контактах. Германия, воспринимаемая раньше лишь в качестве угнетателя, постоянно

притязавшего на польские земли и саму польскую идентичность, теперь стала прежде всего соседним государством, которое воспринималось как потенциальная угроза даже несмотря на существенное ослабление немцев после Первой мировой войны. Территориальные проблемы Верхней Силезии, Варминско-Мазурского региона выходили на первый план в контактах между Берлином и Варшавой. Решения Антанты, принятые в этой области – плебисциты, которые должны были позволить местному населению самостоятельно решить государственную принадлежность, завершились для обеих сторон лишь частичным успехом и не позволили предотвратить ряд назревавших конфликтов. Важной проблемой стала принадлежность одного из крупнейших балтийских портов – Гданьска (Данцига). Статус свободного города, который он получил от Лиги Наций, лишь обострил соперничество между Польшей и Германией за контроль и влияние над этой важной с экономической точки зрения территорией.

Целью работы является изучение того, как в периодической печати Польши формировался образ Веймарской республики с момента ее возникновения и до установления нацистской диктатуры.

Основная часть. На протяжении межвоенного периода в польском обществе формировался образ немца, который обычно адаптировался к текущим политическим условиям. Этот образ, активно пропагандируемый массовой печатью, постепенно становился общепринятым и общеизвестным, а затем стал основой для взаимных стереотипов, которые в той или иной степени функционируют и сегодня.

Немцы в Польше стали частым объектом различных шуток, сатиры и иронии. Популярный межвоенный сатирический еженедельник «Муха», издававшийся на всем протяжении изучаемого периода, может дать некоторое представление о том, как в массовом польском сознании воспринималась Германия.

Постоянное беспокойство о позиции своей страны в Европе и туманных перспективах разрешения пограничных проблем привело к тому, что внешняя политика стала одной из самых часто встречающихся тем для карикатур на страницах «Мухи». Понимание того, что Лига Наций не является серьезным гарантом европейской безопасности, прослеживается в издании на всем протяжении межвоенного периода, как и внимание к польско-немецким взаимоотношениям.

«Муха» изображала немецкую внешнюю политику в виде «пса с двумя мордами»: услужливой и миролюбивой, смотрящей в сторону Франции, и агрессивной и оскаленной, смотрящей в сторону Польши. Также отмечалось опасное германо-британское сближение. Это объяснялось непоследовательностью и нерешительностью союзных Польше держав.

Все отмеченные авторами издания опасения подтвердились в Локарно, где в октябре 1925 года был заключен Рейнский пакт,

гарантировавший нерушимость западной французско-германской границы, но допускавший произвольные трактовки в вопросе границ на востоке Европы между Германией и Польшей и Чехословакией.

Редакция «Мухи» предсказывала, что переговоры в Локарно не принесут для Польши ничего хорошего. После оглашения информации о содержании подписанных документов, газета сразу же написала комментарий о слабости гарантий договора, не содействующих достижению мира, а скорее потенциально провоцирующих новые пересмотры пограничных линий в будущем, создавая условия даже для возможного исчезновения границ между Германией и Австрией.

Также уделялось внимание вопросам Силезии и Гданьска, где польско-немецкие противоречия были наиболее ощутимыми. Здесь авторы отмечали в первую очередь дискриминационные явления в отношении жителей соответствующих территорий в зависимости от их происхождения.

Определенное внимание направлялось вопросам начавшейся в 1925 году таможенной войны между двумя странами. Эта тема в той или иной степени присутствовала на страницах «Мухи» на всем протяжении данного экономического конфликта вплоть до 1934 года.

Сатирическое издание активно подогревало антинемецкие настроения разными способами. Безапелляционное наделение жителей и политиков соседнего государства сугубо негативными качествами дополнялось анимализацией этих образов в карикатуре. Часто использовались образы свиньи, паука, в лучшем случае – агрессивного прусского орла. Немцы персонифицировались в образе женщины-Германии, ведущей за собой «тевтонские полчища». Нередким был и традиционный образ прусского солдата в характерном шлеме. Часто такие образы сопровождались едкими комментариями – например, о том, что немецкие протесты по вопросу западной границы страны являются продолжением многовековой традиции протестантизма.

Негативный немецкий образ в польской прессе особенно усилился после окончания Первой мировой войны. Сатирические журналы часто представляли немцев побежденными, оборванными нищими, которые были вынуждены признавать любые решения не только Лиги Наций, но и самой Польши, которую обычно изображали в виде молодой девушки или высокой стройного офицера в торжественной форме. Для сравнения, в немецких сатирических журналах того же времени Польша была представлена в виде непослушного ребёнка, который, несмотря на свой маленький рост и юный возраст, стремится к самым большим территориальным завоеваниям. Такой образ должен был вызывать неприязнь, в первую очередь подчёркивая ассоциации с характером польской государственности, которая в этой форме представала крайне незрелой.

Заключение. Таким образом, в период формирования независимого Польского государстве и становления новых польско-немецких межгосударственных отношений стереотипный образ немецкого народа и государства в периодической печати Второй Речи Посполитой во многом представлял из себя наследие довоенной эпохи. Он базировался на уже давно и прочно укоренившихся в польском обществе представлениях и идеях о немцах как о народе с одной стороны рациональном, дисциплинированном и организованном, но с другой – крайне агрессивном, убежденном в собственной исключительности и легко поддающемся построенной на подобных убеждениях государственной пропаганде. Польские газеты почти со всех сторон политического спектра признавали неизбежность будущего польско-немецкого конфликта, расходясь лишь в примерных датах. В целом, негативный образ Германии конструировался именно на основе идеи об отсутствии изменений как в немецкой внешней политике и намерениях, так и в психологии, массовом сознании немецкого народа.

Список литературы

1. Mucha, 1921. – № 10. – s. 5. URL: https://encyklopedia.interia.pl/dzienniki-czasopisma/news-mucha/27 (дата обращения: 15.09.2026)
2. Mucha, 1921. – № 22. – s. 2. URL: https://encyklopedia.interia.pl/dzienniki-czasopisma/news-mucha/35 (дата обращения: 15.09.2026)
3. Mucha, 1925. – № 2. – s. 1–2. URL: https://encyklopedia.interia.pl/dzienniki-czasopisma/news-mucha/12 (дата обращения: 16.09.2026)
4. Niemiecko-polskie rokowania handlowe // Mucha, 1926. – № 46. – s. 1. URL: https://encyklopedia.interia.pl/dzienniki-czasopisma/news-mucha/46 (дата обращения: 15.09.2026)

УДК 94(47).04

СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ XVI ВЕКА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Скляров В.В., ORCID 0009-0006-6108-2427,
Пенькова О.Б., ORCID 0000-0000-1384-4710
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
vova.sklyarov.03@mail.ru, moruzhenko63@mail.ru

Введение. Северо-западная политика Ивана IV, связанная с Ливонской войной и дипломатическими кампаниями в Прибалтике, занимает важное место в истории XVI века. Ее историографическое изучение позволяет проследить, как менялись подходы исследователей в разные эпохи – от персоналистских трактовок XIX века до современных междисциплинарных интерпретаций.

Цель – заключается в анализе историографических традиций, связанных с оценкой дипломатии и военных действий Ивана IV на северо-западном направлении.

Основная часть. В дореволюционной историографии XIX века внимание исследователей было сосредоточено на личности царя и его роли в формировании внешнеполитического курса. Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского» трактовал Ливонскую войну как проявление стремления Ивана IV укрепить престиж державы и обеспечить России выход к Балтийскому морю. Для Карамзина характерен персоналистский подход: дипломатия и военные кампании рассматривались как прямое выражение воли монарха [2, с. 45–60]. С.М. Соловьёв в многотомной «Истории России с древнейших времен» видел в северо-западной политике закономерный этап централизации власти и расширения территории. Он подчеркивал государственно-правовой аспект: дипломатические миссии и военные действия служили укреплению самодержавия и защите «государственного интереса» [5, с. 120–150].

Источниковая база дореволюционных авторов была ограничена летописями и официальными документами, что предопределяло повествовательный и описательный характер их трудов. В результате северо-западная политика Ивана IV рассматривалась преимущественно как история дипломатических шагов и военных кампаний, лишенная комплексного анализа международных отношений.

Советская историография середины и второй половины XX века существенно отличалась от дореволюционной традиции как по методологическим основаниям, так и по идеологическим акцентам. В центре внимания исследователей оказались социально-экономические предпосылки Ливонской войны и дипломатической активности России в Прибалтике.

Ключевым трудом стала монография М.Н. Покровский «Русская история в самом сжатом очерке», где Ливонская война рассматривалась как закономерный этап борьбы России за выход к Балтике. Покровский подчеркивал ее связь с экономическими интересами и внутренними противоречиями Московского государства, стремясь показать войну как результат объективных факторов развития страны. [3, с. 85–100] Р.Г. Скрынников в своих исследованиях – «Иван Грозный» (1975) и «Ливонская война» (1980) – уделял внимание кризисным явлениям внутри страны, связывая их с внешнеполитическими неудачами. Он трактовал кампании как отражение борьбы за ресурсы и рынки, а дипломатию – как инструмент защиты интересов господствующего слоя. Скрынников стремился соединить политическую историю с социально-экономическим анализом, что стало важным шагом в развитии советской историографии [4, с. 210–230].

Советская школа в целом подчеркивала, что Россия была частью общеевропейской системы конфликтов XVI века. При этом акцент делался на экономические факторы: контроль над торговыми путями, ресурсами и рынками. Важным элементом анализа стало сопоставление политики Ивана IV с действиями других европейских монархов, что позволило показать войну как закономерный этап борьбы за гегемонию в регионе. Идеологическая окраска советских исследований проявлялась в стремлении подчеркнуть прогрессивный характер российской политики и ее роль в защите национальных интересов [4, с. 210–230].

Постсоветская историография конца XX – начала XXI века демонстрирует заметный методологический сдвиг: от линейных и идеологически окрашенных интерпретаций к междисциплинарному анализу. Исследователи стремятся рассматривать северо-западную политику Ивана IV не только как военный и дипломатический процесс, но и как культурное явление, связанное с символикой власти, дискурсом дипломатии и восприятием России в Европе. А. Янушкевич в монографии «Ливонская война: Вильно против Москвы» анализирует конфликт через призму международных отношений, уделяя внимание дипломатическим переговорам и восприятию России западными державами. Он показывает, что политика Ивана IV была частью общеевропейской борьбы за Балтику, а не исключительно внутренним кризисом [6, с. 100–121]. Филюшкин А.И. в труде «Первое противостояние России и Европы. Ливонская война Ивана Грозного» рассматривает историографию Ливонской войны как пример формирования исторической памяти. Его подход акцентирует внимание на том, как менялись интерпретации политики Ивана IV в зависимости от культурного и политического контекста.

В своем труде «Россия и Ливония в конце XV века. Истоки конфликта» М.Б. Бессуднова – доктор исторических наук, специалист по русско-ливонским и русско-ганзейским отношениям конца Средневековья – впервые в отечественной науке подробно разбирает кризис в экономических и политических связях России и Ливонии в последней четверти XV века. Автор показывает, как образование единого Русского государства при Иване III, политика собирания земель и стремление выйти на европейскую арену привели к серьезной трансформации давних отношений. В работе разбираются конкретные эпизоды: закрытие Ганзейского двора в Новгороде, арест и длительное заключение «немецких» купцов. При этом Бессуднова отмечает, что, несмотря на эти острые моменты, торговля между сторонами не прекратилась полностью, а приобрела новый характер, который подрывал привилегии традиционных торговых центров [1, с. 150–167].

Современные исследования также используют сравнительный и междисциплинарный инструментарий: анализируются дипломатические тексты, символика власти, культурные практики и восприятие России в

европейском дискурсе XVI века. Важным направлением стало изучение «образа Ивана Грозного» в западной и российской историографии, что позволяет выявить различие в акцентах – от трактовки его как тирана до понимания как прагматичного политика [4, с. 213–230].

Заключение. Историография политики русского государства на северо-западе показывает, как менялись взгляды историков. В XIX веке ее объясняли через личность царя и национальные интересы. В советское время акцент сместился на социально-экономические причины и внутренние противоречия. Западные исследователи XX века рассматривали войну как часть европейской политики и дипломатии. А современные постсоветские работы соединяют разные подходы – политический, экономический и культурный – и изучают, как меняется образ Ивана IV в исторической памяти.

Список литературы

1. Бессуднова, М. Б. Россия и Ливония в конце XV века. Истоки конфликта / М Б. Бессуднова. – М.: Квадрига, 2015. – 488 с.
2. Карамзин, Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин. – М.: Наука, 1989. – Т. 11. – 477 с.
3. Покровский, М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. Ч. 2 / М. Н. Покровский – М.: Государственное издательство, 1921. – 240 с.
4. Скрынников, Р. Г. Иван Грозный / Р. Г. Скрынников. – Л.: Наука, 1975. – 400 с.
5. Соловьёв, С. М. История России с древнейших времён / С. М. Соловьев. – М.: Мысль, 1990. – Т. 6. – 415 с.
6. Филюшкин, А. И. Первое противостояние России и Европы. Ливонская война Ивана Грозного / А. И. Филюшкин. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 320 с.
7. Янушкевич, А. Н. Ливонская война: Вильно против Москвы. 1558–1570 / А. Н. Янушкевич. – М.: Русское слово, 2013. – 384 с.

УДК 94(47).05:94(47).066.2

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ВОЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ПЕТРА I В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1768–1774 ГГ.

Смольницкий Н.С., ORCID 0009-0002-5390-222X,
Щевич К.С., ORCID 0009-0004-8196-1328
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
nikita.smolnickiy.05@mail.ru, k.shchevich@mail.ru

Введение. Военные преобразования Петра I конца XVII – первой четверти XVIII в. заложили институциональную основу регулярной русской армии. В 1705 г. была введена рекрутская система комплектования, в 1716 г. утвержден «Устав воинский», а в 1718–1720 гг. создана Военная коллегия. Петровская армия получила постоянную полковую организацию,

единые принципы подготовки и централизованное управление. Эти институты, созданные в условиях Северной войны, сохранили практическое значение и во второй половине XVIII в., став основой для дальнейшего развития вооруженных сил при Екатерине II.

Цель исследования – определить, какие положения военных преобразований Петра I сохранились в организации русской армии к началу русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и каким образом они были адаптированы к новым условиям военных действий.

Основная часть. Петр I начал создание регулярной армии еще до Северной войны. Указ 1699 г. о наборе даточных людей, а с 1705 г. – рекрутская повинность, стали основой комплектования. К концу правления Петра армия имела постоянную полковую структуру, включавшую пехоту, кавалерию и артиллерию [1, с. 221]. Военная подготовка получила единые нормативные основы благодаря «Уставу воинскому» 1716 г., регламентировавшему службу, управление частями и ведение боя [2, с. 159–160]. В 1718–1720 гг. была сформирована Военная коллегия, осуществлявшая централизованное управление сухопутными войсками. Таким образом, к первой четверти XVIII в. комплектование, организация, управление и подготовка армии осуществлялись в рамках единой государственной системы.

К началу правления Екатерины II основные элементы этой системы сохранялись. Русская армия оставалась регулярной, комплектовалась преимущественно посредством рекрутской повинности, состояла из постоянных полков и имела централизованное управление. Однако русско-турецкая война 1768–1774 гг. потребовала проведения длительных кампаний на нескольких направлениях: в Молдавии и Валахии, на Дунае, в Причерноморье, на Кавказе и в Крыму.

Первые кампании показали возможности регулярной армии. В 1769 г. русские войска действовали против османских сил в Молдавии и Валахии, а 29 августа (9 сентября) 1769 г. генерал-поручик П.А. Румянцев занял Хотинскую крепость. В 1770 г. 1-я армия под его командованием одержала победы при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле, где были разгромлены значительно превосходившие силы Османской империи [3, с. 295; 4, с. 50–51]. Эти операции демонстрировали сохранение организационных принципов Петра I: регулярная полковая структура позволяла формировать крупные соединения и поддерживать боеспособность в продолжительной кампании. Однако способы применения войск отличались от практики начала XVIII в. П.А. Румянцев использовал несколько взаимодействующих каре, сочетал действия пехоты, кавалерии и артиллерии, концентрируя силы на направлениях главного удара.

Особое место занимали операции в Причерноморье и Крыму. В 1770 г. русские войска установили контроль над значительной частью северного побережья Черного моря, а Едисанская и Буджакская орды признали

российский сюзеренитет. В 1771 г. военные действия были перенесены непосредственно на территорию Крымского ханства. 14 (25) июня 1771 г. войска генерал-аншефа князя В.М. Долгорукова начали штурм Перекопских укреплений. К началу июля русские войска овладели основными стратегически важными крепостями полуострова, а хан Селим III Герай покинул Крым [5, с. 19]. Захват Перекопа и продвижение вглубь полуострова стали результатом применения регулярной армии на новом для неё направлении. В 1771 г. была занята Балаклава, а в 1773 г. у Балаклавы произошло морское столкновение русских и османских кораблей. Эти операции требовали не только сохранения регулярной организации, но и приспособления войск к особенностям местности, удалённости коммуникаций и взаимодействию сухопутных и морских сил.

Изменения происходили и в организации пехоты. В 1761 г. в русской армии появились первые егерские команды. К началу русско-турецкой войны они получили дальнейшее развитие, а в 1770 г. егерские команды существовали при всех пехотных полках [6, с. 301]. Их появление было связано с необходимостью действий небольших подразделений и использования особенностей местности. При этом егерские формирования не заменяли петровскую полковую организацию, а включались в уже существующую структуру регулярной армии.

Преемственность прослеживалась и в развитии офицерского корпуса. «Табель о рангах» 1722 г. закрепила систему военных чинов и порядок прохождения службы. В XVIII в. офицерский корпус постепенно приобретал профессиональный характер. В русско-турецкой войне 1768–1774 гг. боевой опыт получили многие офицеры, позднее ставшие известными военачальниками. А.В. Суворов весной 1773 г. был переведен на Дунайский театр военных действий, где 10 (21) мая 1773 г. одержал победу при Туртукае, а 22 июня (2 июля) 1774 г. отличился в Козлуджинском сражении [7, с. 293].

Война проходила одновременно на нескольких театрах и позволила проверить разные элементы военной системы. На Дунае русская армия провела кампании 1769–1774 гг. и одержала победы при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле; в Крыму в 1771 г. были взяты Перекоп и основные крепости полуострова; в Причерноморье разворачивались действия за контроль над ключевыми крепостями и коммуникациями. Завершилась война Кючук-Кайнарджийским миром, подписанным 10 (21) июля 1774 г.

Заключение. Военные преобразования Петра I сформировали институциональную основу русской армии, которая сохранилась к началу правления Екатерины II. Русско-турецкая война 1768–1774 гг. показала, что эта система не использовалась в неизменном виде. Екатерининская военная политика сохраняла петровские принципы регулярной армии, но одновременно изменяла организацию и способы применения войск. Победы русской армии при Ларге, Кагуле, Туртукае и Козлуджи

свидетельствовали о способности созданной Петром I военной системы адаптироваться к новым условиям. Поэтому преемственность военных преобразований следует понимать, как сохранение основных институтов регулярной армии при их дальнейшем изменении в соответствии с требованиями военного дела второй половины XVIII в.

Список литературы

1. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке (очерки). – Москва: Акад. наук СССР, Ин-т истории. Воениздат, 1958. – 645 с.
2. Петр I Устав воинский 1716 года. – Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1819.
3. Масловский Д.Ф. Записки по истории военного искусства в России. – 1 изд. – Санкт-Петербург: тип. В. Безобразова и К°, 1891. – 462 с.
4. Русско-турецкая война 1768–1774 гг. / отв. ред. Артамонов В.А. – Москва: Гос. изд-во полит. лит., 1947. – 407 с.
5. Модест И.Б. Русская армия в веке императрицы Екатерины II. – Санкт-Петербург: типография Департамента уделов, 1873. – 36 с.
6. Петров А.Н. Война России с Турцией и Польскими конфедератами с 1769–1774 год. – Т. 1 изд. – Санкт-Петербург: Типография Эдуарда Веймара, 1866. – 364 с
7. Чернышев А.А. Великие сражения русского парусного флота. – Москва: Эксмо, 2010. – 416 с.

УДК 94(477.6):630

РОЛЬ ВИКТОРА ГРАФФА В ОЗЕЛЕНЕНИИ ДОНЕЦКОГО КРАЯ

Соловей М.А. канд. ист. наук, доц., ORCID 0009-0009-0393-5323
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
mariya.solovey.83@mail.ru

Введение. Имя Виктора Егоровича фон Граффа не отражено в топонимике современного Донбасса, хотя его вклад в развитие региона трудно переоценить. Российский лесовод, полковник Корпуса лесничих, основоположник степного лесоразведения, ординарный профессор Петровской земледельческой и лесной академии, он более двадцати лет курировал степное лесоразведение на юге России. Графф стоял у истоков создания Великоанадольского леса – природного памятника устойчивых лесных насаждений в степи.

Основная часть. В 1843 году подпоручик Корпуса лесничих В. Е. Графф получил назначение лесничим 2-го разряда в Екатеринославскую губернию. Перед ним поставили задачу создать образцовое лесничество и доказать возможность лесоразведения в

безводной, открытой, возвышенной и сухой степи. Предстояло определить наиболее пригодные древесные и кустарниковые породы, акклиматизировать их и выработать надежные и недорогие способы лесоразведения на больших площадях. Стратегической целью было улучшение степного климата юга России [3, с. 49].

Местом будущего леса Графф выбрал участок сухих глинистых почв в Александровском уезде – Великоанадольскую пустошь. Климат здесь отличался засухами, суховеями, пыльными бурями и поздними весенними заморозками.

Перед началом работ В.Е. Графф изучил опыт крымских лесоводов и немецких колонистов-меннонитов. Затем в присутствии местного начальства, землемера, лесной стражи и сельских старшин было торжественно начато разведение леса. «Плуги двинулись, провели несколько борозд, и тем положено было начало образцовому лесоразведению в степях Екатеринославской губернии», – сообщал он в Санкт-Петербург [1].

В первые борозды посеяли желуди, семена клена, ясеня и других деревьев и кустарников. В следующем году лесная стража и сельские подростки начали высаживать саженцы. На Великоанадольской лесной станции тогда появилось более 5000 дубков, тополей, сосенок и деревьев других пород.

Недостаток семенного материала стал первой трудностью. Благодаря усилиям Граффа семена и саженцы начали поступать из губерний Европейской части России. Сначала он испытывал породы, естественно произраставшие на юге России: липу мелколистную, осокорь, белый и сереющий тополя, белую иву, боярышник. Позднее в питомнике появились береза, сосна, рябина, крымский ясень, можжевельник, шелковица, бук, граб и черный пирамидальный тополь. Из Европы и Азии были завезены белая акация, конский каштан, грецкий и черный орехи, софора японская. Всего лесничий испытал около 100 древесных и кустарниковых пород, многие из которых прижились.

Успеху способствовали учет климатических особенностей степи, тщательная обработка почвы и подготовка посадочного материала. Весной целину вспахивали на глубину 13 см, в июле разбивали пласты боронами, а в сентябре вновь пахали на 26 см и бороновали. Весной следующего года участок перепахивали на 35 см, летом бороновали и мотыжили, осенью снова пахали и бороновали, после чего выкапывали посадочные ямы. Лишь на третий год проводили посадку. Сеянцы сначала выращивали в питомнике, затем пересаживали в древесную школу и в возрасте от трех до шести лет переносили на основные площади [2].

Экономическую целесообразность степного лесоразведения не ставили под сомнение: расходы должны были окупиться либо за счет древесины, либо косвенно – благодаря повышению и стабилизации

урожаев [5, с. 54]. За двадцать три года под руководством Граффа было создано 157 га леса, разведено 30 пород деревьев и 40 пород кустарников [4, с. 69]. В начале 1860-х годов лес занимал более 150 десятин, уменьшал влияние суховеев и способствовал росту урожаев на прилегающих землях. В нем появились родники, поселилась дичь, осенью стали расти грибы.

Вторая трудность была связана с рабочей силой. Предполагалось, что лесные работы будут выполнять государственные крестьяне, переселявшиеся в южные губернии. Однако они не проявляли должного усердия и нередко саботировали обязанности. Тогда Графф создал при лесничестве коллектив единомышленников. Он взял на воспитание одиннадцать крестьянских детей, ставших его помощниками, и предложил открыть в селе Новотроицком училище сельских лесников. В нем обучалось до 120 учеников; старшеклассники получили право носить форму воспитанников егерских училищ.

После 1861 года лесотехнические работы в империи сократились из-за утраты лесничествами бесплатной рабочей силы. В хозяйстве Граффа основные работы выполняли учащиеся школы лесников, поэтому он мог рассчитывать на 160–170 рабочих рук своих сподвижников [5, с. 54–56].

В 1860 году В.Е. Графф получил титул дворянина Киевской губернии; с этого времени к его имени стали добавлять приставку «фон». В 1863 году он был произведен в полковники Корпуса лесничих [4, с. 67–68]. При этом более десяти первых лет жил в простой крестьянской хате-полуземлянке в поселке Новотроицкое, расположенном в 15 верстах от леса, и ежедневно приезжал на работу до рассвета. Позднее он вспоминал: «Без малого 12 лет мы кочевали, как цыгане…». Пользоваться казенными деньгами для личных нужд Графф считал недопустимым [2]. За двадцать три года он ни разу не брал отпуска.

Тяжелые условия труда и быта подорвали его здоровье. По заключению губернского врача, В. Графф стал практически нетрудоспособным, и в 1863 году отошел от дел. Через несколько лет его пригласили в Москву, где он занял кафедру лесоводства в Петровской земледельческой и лесной академии в должности ординарного профессора. В истории академии это был первый профессор лесоводства. Современники вспоминали, что, уезжая из лесничества, фон Графф «обнимал выращенные им деревья, прощаясь с ними, как с детьми своих многолетних забот и волнений» [3, с. 49–50].

Заключение. Таким образом, на примере Великоанадольского лесничества В.Е. Графф доказал возможность хозяйственного освоения засушливых степей юга России и тем самым внес заметный вклад в развитие Донбасса. Деятельность, которой он посвятил почти четверть века, по праву вошла в историю региона как один из примеров целенаправленного созидания человека на донецкой земле.

Список литературы

1. Богачев С. Граффские наследники. Исторический детектив. – Донецк: Каштан, 2014. – 495 с. – URL: https://proza.ru/2016/02/15/1413 (дата обращения: 09.10.2026). – ISBN 978-966-27-0817-7.
2. Заповедная природа Донбасса: путеводитель / сост. А. З. Дидова. – 2-е изд., доп. – Донецк: Донбас, 1987. – 168 с. – URL: http://doc.knigi-x.ru/22raznoe/199498-1-v-voroshilovgradskoy-doneckoy-oblastyah-zapovednika-gosudarstvennih-zakaznikov-svishe-sotn.php (дата обращения: 09.10.2026).
3. Мерзленко М. Д., Бабич Н. А. Выдающиеся лесоводы-лесокультурники России. – Архангельск: АГТУ: МГУЛ, 2005. – 145 с. – ISBN 5-7536-0162-6.
4. Редько Г. И. Полковник корпуса лесничих В. Е. фон Графф (К 150-летию степного земледелия в России) // Лесной журнал. – 1994. – № 1. – С. 63–72.
5. Федотова А. А., Лоскутова М. В. Велико-Анадольское лесничество и создание лесного опытного дела в России (1840 – начало 1890-х гг.) // Известия РГО. – 2013. – Т. 145, вып. 6. – С. 52–65.

УДК 929

ЗАБЫТЫЙ ГЕРОЙ СЕВАСТОПОЛЯ: ВОСПИТАННИК ПАЖЕСКОГО КОРПУСА АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ СТЕПАНОВ (1824–1861)

***Софьин Д.М.*[1],** канд. ист. наук, доц., ORCID 0000-0002-7092-9240,
***Софьина М.В.*[2],** канд. ист. наук, доц., ORCID 0000-0003-0116-5125
[1] ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», г. Пермь, РФ
[2] ФГБОУ ВО «Пермский государственный институт культуры», г. Пермь, РФ
permconf@yandex.ru

Введение. В 1824 г. в Красноярске в большой семье енисейского губернатора Александра Петровича Степанова родился сын Александр. Ранее биография А.А. Степанова не освещалась, он даже отсутствует в поколенной росписи дворянского рода Степановых, опубликованной князем А.Б. Лобановым-Ростовским [1, с. 253–256, 469], хотя есть в списке Степановых, приведенном Н.И. Булычовым [2, с. 251], а Д.В. Карпухина установила год его рождения [3, с. 148–149]. Краткая информация об офицерской службе А.А. Степанова до Крымской войны представлена О.Р. фон Фрейманом в сборнике биографий воспитанников Пажеского корпуса, но без указания годов жизни и упоминания факта участия в боевых действиях, а также без привязки к конкретному роду Степановых, что имеет особое значение, учитывая распространенность фамилии [4, с. 387, 837].

Целью данной работы является реконструкция биографии А.А. Степанова на основе материалов периодической печати (газеты

«Сенатские объявления» и «Русский инвалид») и Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб).

Основная часть. Сын енисейского губернатора получил образование в самом престижном военно-учебном заведении России – Пажеском Его Императорского Величества корпусе. В «Санкт-Петербургских Сенатских объявлениях о запрещениях на недвижимые имения» за 1844 г., в № 34 от 26 апреля, среди совладельцев имения Степановых в Калужской губернии упоминается паж Александр Александрович Степанов (4, с. 797), что позволило привязать сведения из справочника О.Р. фон Фреймана к представителю конкретного рода Степановых. В свою очередь, сведения о полках, в которых А.А. Степанов проходил службу до Крымской войны, позволяет использовать материалы «Русского инвалида», где публиковались Высочайшие приказы по Военному ведомству о назначениях и награждениях, при этом относительно персоналий в приказах указывались лишь чин, должность, воинская часть и фамилия без имени и отчества.

Из Пажеского корпуса А.А. Степанов Высочайшим приказом 10 августа 1844 г. был произведен в прапорщики и назначен в Гренадерский короля Фридриха-Вильгельма III полк, дислоцировавшийся в Нарве (Русский инвалид, 1844, № 182, 13 авг., с. 725) [4, с. 387].

В том же году, 1 ноября, в Мещовском уездном суде Калужской губернии был засвидетельствован раздел общего имения между братьями и сестрами Степановыми. Отдельные имения были выделены сестре Надежде и братьям Ростиславу и Анатолию. Другие братья и сестры (Петр, Николай, Владислав, Александр, Людмила и Лидия) остались совладельцами основной части унаследованного имения, о чем спустя два года была публикация в «Санкт-Петербургских Сенатских объявлениях по судебным, распорядительным, полицейским и казенным делам» (1846, № 93, 21 нояб., с. 29–30). В 1851 г. Александр вместе с братьями Николаем и Владиславом и сестрой Лидией уступил свою часть общего имения одному брату, Петру, за денежное вознаграждение (Санкт-Петербургские Сенатские объявления по судебным, распорядительным, полицейским и казенным делам, 1851, № 62, 2 авг., с. 43–44; № 103, 24 дек., с. 21).

Высочайшим приказом 6 декабря 1846 г. А. А. Степанов был произведен в подпоручики, ровно через год, 6 декабря 1847 г., – в поручики, а 3 апреля 1849 г. – в штабс-капитаны (Русский инвалид, 1846, № 274, 8 дек., с. 1093–1094; 1847, № 275, 10 дек., с. 1097–1098; 1849, № 75, 9 апр., с. 297–298). Менее чем через два месяца, 21 мая того же 1849 г., А.А. Степанов перешел из армейской пехоты в гвардию, получив назначение в ряды дислоцировавшегося в Санкт-Петербурге Лейб-гвардии Егерского полка, но в чине подпоручика, поскольку гвардейские чины имели приоритет перед армейскими (Русский инвалид, 1849, № 115, 31 мая, с. 457). В 1851 г., 6 декабря, А.А. Степанов был произведен в поручики (Русский инвалид, 1851, № 266, 9 дек., с. 1061).

Крымская война началась 4 октября 1853 г., а 15 октября того же года поручик Лейб-гвардии Егерского полка А.А. Степанов был переведен в Алексопольский егерский полк, дислоцировавшийся в Подольской губернии, с повышением в чине до капитана (Русский инвалид, 1853, № 223, 17 окт., с. 1025). Уже в ноябре того же года полк выступил на театр военных действий. С начала 1854 г. алексопольцы непосредственно находились в боях, участвовали в осаде турецкой крепости Силистрия, а в начале 1855 г. зашли в Крым, штурмовали захваченную англо-франко-турецкими войсками Евпаторию. В начале апреля того же года алексопольцы прибыли на усиление гарнизона Севастополя и приняли самое активное участие в его защите, понеся большие потери. [5, с. 57–77]. За пятимесячное пребывание при обороне Севастополя «Алексопольский полк потерял убитыми 2608 челов<ек> нижних чинов… Сколько было убито офицеров, неизвестно, но, несомненно, что убито много; те же, которые остались живы, все почти ранены и контужены» [5, с. 78]. Так, во время вражеской бомбардировки и штурма Севастополя 5–6 июня 1855 г., который был успешно отбит нашими войсками, получил контузию капитан А.А. Степанов (Русский инвалид, 1855, № 157, 19 июля, с. 745).

Высочайшим именным указом 25 октября 1855 г. А.А. Степанов был награжден орденом Святой Анны 3-й степени с мечами с формулировкой «в воздаяние отличной храбрости и примерного мужества, оказанных при обороне Севастополя» (Санкт-Петербургские Сенатские ведомости, 1856, № 8, 27 янв., с. 96–97).

Весной 1856 г., после подписания Парижского мирного договора, Алексопольский полк был переведен на место дислокации в город Козельск, в родную для А.А. Степанова Калужскую губернию [5, с. 78]. Вскоре, 12 августа того же года, капитан А.А. Степанов был произведен в майоры и назначен на вакансию в Кременчугский пехотный полк (Русский инвалид, 1856, № 180, 15 авг., с. 769), дислоцировавшийся в городе Жиздра той же Калужской губернии. В начале 1857 г., 8 января, майор А.А. Степанов вышел в отставку с формулировкой «по домашним обстоятельствам» и с правом ношения мундира (Русский инвалид, 1857, № 8, 10 янв., с. 31–32).

Заключение. Жизненный путь героя обороны Севастополя завершился в Санкт-Петербурге, где в то время проживал его старший брат, генерал П.А. Степанов, занимавший пост директора 2-го кадетского корпуса. В метрической книге 1861 г. Александро-Невской церкви при 2-м кадетском корпусе указано, что отставной майор Александр Александрович Степанов 8 февраля скончался от чахотки и был погребен на Смоленском кладбище северной столицы (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 821. Л. 407 об. – 408).

Информация о финансовой поддержке. *Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания № FSNF-2024-0002.*

Список литературы

1. Лобанов-Ростовский, А. Б., кн. Русская Родословная Книга / Кн. А. Б. Лобанов-Ростовский. – Изд. 2-е. – Т. II. – Санкт-Петербург: Изд. А.С. Суворина, 1895. – V, 479 с.
2. Калужская губерния. Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу по 1-е Октября 1908 года и перечень лиц, занимавших должности по выборам дворянства с 1785 года / издал Н. Булычов. – Калуга: Типолит. Губ. Правления, 1908. – 272, III, XVII, III, CXVIII, XII, II с.
3. Карпухина, Д. В. Семейная история дворянского рода Степановых в воспоминаниях и архивных документах / Д. В. Карпухина // Социально-гуманитарный вестник. – 2025. – Вып. 36. – С. 145–153. – EDN IXQHUY.
4. Фрейман, О. Р. фон. Пажи за 183 года (1711–1894): биографии бывших пажей с портретами / О. Р. фон Фрейман. – Вып. 1–10. – Фридрихсгамн: Тип. Акционерного общества; Народная типография, 1894–1897. – III, 952 с.
5. Краткая история 31-го пехотного Алексопольского полка / сост. кап. Ловчинский. – Варшава: Тип. Окружного Штаба, 1909. – 88 с.

УДК 94(47).364.4-78:615(477.62)"1945/1953"

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА И СНАБЖЕНИЯ ПРОТЕЗНО-ОРТОПЕДИЧЕСКИМИ ИЗДЕЛИЯМИ В 1945–1953 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ СТАЛИНСКОГО ПРОТЕЗНОГО ЗАВОДА)

Старченко Н.Н., ORCID 0009-0006-5277-1263
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
starchenko.natalya@mail.ru

Введение. Великая Отечественная война стала не только временем огромных потерь и разрушений, но и суровым испытанием для миллионов людей, чьи судьбы она разделила на «до» и «после». Те, кто вернулся с фронта с тяжелыми ранениями, оказались в совершенно новой для себя реальности. Вчерашние солдаты, привыкшие к окопам и атакам, теперь сталкивались с бытовыми трудностями, которые порой было нелегко преодолеть. Несмотря на всеобщее сочувствие, положение инвалидов войны оставалось сложным, и перед государством встала острая необходимость не просто оказать материальную помощь, но и вернуть этих людей к полноценной жизни. Реабилитация инвалидов ВОВ стала одной из главных забот послевоенного времени, и протезно-ортопедические изделия здесь были просто незаменимы. Несмотря на то, что качество продукции не всегда оставалось высоким, главное, что протезно-ортопедические изделия реально облегчали жизнь тысячам фронтовиков, помогая им снова встать в строй в мирное время. В городе Сталино (современный Донецк) эту проблему решал местный протезный

завод, который не только снабжал инвалидов необходимыми протезами и ортопедическими приспособлениями, но и в определенной мере помогал им адаптироваться к мирной действительности, находить свое место в трудовых коллективах.

Цель. Однако до сих пор нет отдельного исследования, посвященного организации производства и снабжения протезно-ортопедическими изделиями в 1945–1953 гг. Работа Сталинского протезного завода, а именно то, как в первые послевоенные годы налаживалось производство, какие трудности возникали и как удавалось снабжать инвалидов войны нужной продукцией, рассматривалась лишь фрагментарно. Попытка ответить на эти вопросы и составляет цель настоящего исследования.

Основная часть. Сталинский протезный завод был создан в соответствии с Постановлением Совета Народных комиссаров УССР и ЦК Коммунистической партии Украины № 1768 от 31 октября 1945 г. и находился в непосредственном ведении и подчинении Главного Управления Украинской медицинской и протезной промышленности Министерства Здравоохранения УССР [1, предисловие к описи]. Завод был организован на базе протезной мастерской в 1946 г. и размещался в жилом помещении, принадлежавшем Сталинскому металлургическому заводу. Разумеется, размещение производственных цехов в жилом доме не соответствовало техническим условиям. Однако благодаря инициативной работе коллектива завод добился выполнения производственного плана уже 22 октября 1946 г., хотя обязательства были взяты к 30-й годовщине Октябрьской революции [1, л. 107]. Так, план выпуска продукции на 1947 г. в неизменных ценах 1926/27 гг. составлял 462,0 тыс. руб., а фактическое выполнение достигло 541,4 тыс. руб., что соответствовало 117,1 % к плану. Товарная продукция в отпускаемых ценах: план – 908,9 тыс. руб., выполнение – 1034,8 тыс. руб., что составило 113,9 % к плану [1, л. 1].

Согласно архивным данным, в объяснительной записке к годовому отчету за 1947 г. по Сталинскому протезному заводу отмечалось, что, несмотря на выполнение плана, в связи с отсутствием при заводе автомашин завод вынужден был нести большие расходы на содержание гужевого транспорта. За время работы завода было приобретено всего три брички, которые в очень короткий срок пришли в полную негодность. Расходы на ремонт бричек и содержание лошадей в несколько раз превышали затраты на содержание автотранспорта. В отчетный период завод не в состоянии был перевозить грузы имеющимся транспортом [1, л. 107].

На общем собрании протезного завода города Сталино, которое состоялось 5 января 1948 г., председатель завкома и начальник отдела технического контроля (ОТК) в своих выступлениях отмечали, что наряду с выполнением плана необходимо обратить «самое серьезное внимание» на качество выпускаемой продукции, так как в 1947 г. в этой сфере

имелось немало недостатков. Выступавшие напомнили, что «коллектив завода занимается почетным делом – возвращает к труду тысячи инвалидов Отечественной войны, получивших инвалидность в боях за Советскую Родину, поэтому к качеству продукции следует относиться со всей ответственностью» [1, л. 111]. Также, начальникам цехов было указано на недопустимость формального отношения к недостаткам, которые необходимо было своевременно устранять. Обращаясь к рабочим, выступавшие указали на необходимость следить за чистотой своего рабочего места, от чего во многом зависело качество выпускаемой продукции. Подводя итог обсуждению, собрание постановило: вызвать на социалистическое соревнование за досрочное выполнение годового плана Ворошиловградский протезный завод; улучшить качество выпускаемой продукции и снизить процент брака; усовершенствовать новые виды жестких протезов [1, л. 112].

В объяснительной записке к годовому отчету за 1952 г. по Сталинскому протезному заводу отмечалось, что годовой план по валовой продукции был выполнен на 100,9 % в соответствии с заданной номенклатурой по основным группам протезно-ортопедических изделий. Подчеркивалось, что значительно повысилась производительность труда, а также был выполнен план по снижению себестоимости [2, л. 5]. Дефекты по учету были устранены, однако на заводе все еще имели место простои из-за отсутствия материалов и брак в производстве [2, л. 6]. Основной причиной неритмичной работы предприятия явились перебои в снабжении основными материалами [2, л. 8]. Наряду с этим в объяснительной записке указывалось, что план по основным группам протезно-ортопедических изделий был не только выполнен, но и значительно перевыполнен. Задание же по деревянному протезированию было выполнено на 103,6 % [2, л. 9].

Стоит отметить, что выпуск продукции в отчетном году в основном производился с соблюдением технических условий. Однако в течение отдельных периодов отчетного года наблюдались отклонения от технических условий, вызванные отсутствием требуемых материалов и полуфабрикатов. В частности, в протезах бедра вместо блочка роликового ставилась петля роликовая; при изготовлении нитролаковых корсетов вместо бязи употреблялась фланель; в протезных изделиях вместо байки также использовалась фланель; вместо толевых гвоздей применялись строительные гвозди; вместо ниток «00» употреблялись нитки «0», причем цвет ниток не всегда соответствовал цвету кожаных изделий, а медные заклепки из-за перебоев в снабжении использовались в ограниченном количестве [2, л. 11].

Обращаясь к вопросу качества продукции, отметим, что в отчетном году поступила 81 жалоба, в том числе 28 жалоб на несвоевременное изготовление протезно-ортопедических изделий и 53 рекламации, из которых 6 были отклонены как необоснованные [2, л. 13].

Наряду с этим, на 1 января 1953 г. остаток готовой продукции включал 19 наименований по фабрично-заводской себестоимости, а в действующих отпускных ценах его сумма равнялась 4785,90 руб. [2, л. 140].

Заключение. Таким образом, организация производства и снабжения на Сталинском протезном заводе в 1945–1953 гг. сопровождалась постоянными трудностями. Несмотря на отдельные успехи и перевыполнение плана по ряду изделий, перебои в снабжении сдерживали работу предприятия. Это отражает сложность послевоенного восстановления и особую роль протезной отрасли в возвращении инвалидов Великой Отечественной войны к труду и общественной жизни.

Список литературы

1. Государственный архив Донецкой Народной Республики (далее ГА ДНР). Ф. Р-6291. Оп. 1. Д. 11.
2. ГА ДНР. Ф. Р-6291. Оп. 1. Д. 34.

УДК 930.85

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИРКУТСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА В 1990-Е ГГ.

Урожаева Т.П., канд. ист. наук, ORCID 0009-0003-1334-6932,
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», г. Иркутск, РФ
olgoy@ya.ru

Введение. Процессы, происходившие в России с конца XX в., вызвали появление на исторической арене сил, которые, как казалось, были безвозвратно потеряны. Одним из таких возрождающихся элементов стало казачество. История формирования и деятельность его дореволюционного предшественника в настоящее время приобрела не только научное, но и практическое значение.

Основная часть. Иркутское казачество возродилось к жизни в 1990 г. В начале 1990-х гг., когда в стране стало возрождаться казачье движение, в Иркутске тоже нашлись инициаторы казачьего возрождения, усилиями которых была создана и зарегистрирована общественная организация «Русское патриотическое объединение «Иркутское казачье войско» (РПО «ИКВ»). Произошло это событие в октябре 1990 г. Возглавил ее атаман Н. Меринов.

Войско активно развивалось и уже к 1993 г. насчитывало в своем составе более 8 тыс. чел. Но уже в начале 1994 г. наметился спад, люди стали выходить из состава организации. Основная причина –

невыполнение атаманами данных обещаний, неудовлетворенность продолжающимся политиканством, беспредметной говорильней, невостребованность большинства казаков в решении уставных задач, постоянная борьба за лидерство в верхушке войскового правления.

В 1995 г. вышел указ президента Б. Ельцина о вхождении казачьих обществ в государственный реестр РФ. Иркутские казаки проделали огромную работу, чтобы попасть в него и иметь право заниматься государственной службой. И вот в ноябре 1996 г. состоялся войсковой круг, где был принят устав и решение о вхождении в реестр. Завершение работы по вхождению в реестр Иркутского казачьего войска затянулось до 1998 г.

В 1999 г. Иркутское казачье войско наконец-то внесено в государственный реестр. В Иркутское реестровое казачье войско входило уже более 4 тыс. чел. со всей Иркутской области. Восстанавливались многовековые традиции иркутского казачества. Казаки, как и в далеком прошлом, несли свою нелегкую службу, охраняя покой и имущество граждан, государственные объекты и природные ресурсы области. Огромное внимание уделялось войском воспитанию современных подростков, особенно «трудных» [4, с. 3].

Казачий круг Иркутского войска, на который в октябре 1998 г. съехались представители станиц, начался с молебна. Войсковой священник отец Каллиник отслужил молебен в память о последнем августейшем атамане казачьих войск Российской империи цесаревиче Алексии. Затем казаки направились в иркутской Дом дружбы. Непростые вопросы обсуждались на нынешнем круге: как складываются отношения казачьих станиц с органами власти на местах и какими им быть дальше, о подготовке вхождения в реестр казачьих войск, утверждаемый президентом [2, с. 2].

В ноябре 1998 г. в Ангарске и Иркутске работал совет атаманов казачьих обществ Иркутской области. Как известно, указом президента РФ от 4 мая 1998 г. был утвержден устав Иркутского казачьего войскового объединения.

Постановлением совета атаманов был создан оргкомитет по подготовке и проведению Войскового круга. Судьбоносное собрание иркутских казаков состоялось 12 декабря 1998 г. Совет атаманов, проходивший в Доме офицеров областного центра, остановился на двух кандидатурах – это полковник внутренних войск, товарищ атамана Нижнеиркутского казачьего округа (и председатель оргкомитета) В. Лелюх и атаман Нижнеудинского казачьего округа В. Размахнин. Теперь казаки на местах должны были решить, за кого они будут голосовать. Участвовать в работе круга и, следовательно, голосовать, могли по двое представителей от каждой «реестровой» станицы [1, с. 4].

В канун нового 1999 г., начальник Управления Президента РФ по вопросам казачества генерал-армии П. Дейнекин вручил атаману

Иркутского войскового казачьего общества, которое существовало с 1990 г. на правах общественной организации, Свидетельство о вхождении ИВКО в Государственный реестр.

Впервые после 1920 г. в Иркутском казачьем войске были учреждены государственные казачьи чины. В Иркутск вернулись казаки – с формой одежды, знаками различия и другими атрибутами казачьей службы, узаконенными на основании Указа Президента РФ от 24 апреля 1998 г. № 447 и Свидетельства о вхождении Иркутского казачьего войска в Государственный реестр. Получат казаки и землю. В соответствии с указом президента в городах и районах области, где образованы казачьи общества, внесенные в Государственный реестр, был сформирован казачий земельный фонд. Из него производилось предоставление земли казакам [5, с. 3].

В соответствии с Указом Президента РФ от 4 мая 1998 г. № 489 «Об утверждении Устава Иркутского войскового казачьего общества» было принято решение утвердить Лелюха В.Ф. атаманом Иркутского войскового казачьего общества [8, с. 2].

По словам В. Кабанова, все предложенные кандидатуры на должность атамана еще рассматривались в Москве, в Управлении, потом документы попадали на стол Президента [7, с. 2].

В ноябре 1999 г. в штабе Нижнеиркутского округа состоялось совещание атаманов при вновь избранном войсковом атамане Иркутского государственного реестрового казачьего войска полковнике В. Лелюхе. До собравшихся делегатов станиц и хуторов Иркутской области была доведена информация о результатах встречи войскового атамана с руководством управления казачества при Президенте РФ и первым замруководителя аппарата Президента И. Шайдурасуловым по проблемам современного казачества, а также заявление правительства России о наведении порядка в собственном доме и вооружении казачества [6, с. 4].

В январе 2000 г. полковник В. Лелюх передал своему преемнику исправительно-трудовое учреждение № 2 в г. Ангарске, начальником которого он был, и уже официально вступил в новую должность. Прошла его первая пресс-конференция, на которой присутствовали начальник штаба ИВКО казачий полковник А. Машуков, войсковой священник отец Владимир и председатель совета стариков войсковой старшина Ю. Малышев, а областную администрацию представлял Н. Шахов.

Заключение. Если вспомнить историю, казачье войско появилось в области отнюдь не спонтанно и не с началом 1990-х гг. Именно потомки фамильных родов начали возрождать давно утерянные традиции и быт казачества на территории нашей области. Сегодня станицы и округа появились в Ангарске, Бодайбо, Слюдянке, Усолье-Сибирском, Заларях, Черемхове, Нижнеудинске, Братске, Зиме, Тулуне, Саянске и других городах и районах области. В сентябре 2000 г. общее количество членов

ИКВ достигло 10 тыс. 691 чел., из которых 4 678 изъявили желание и были способны нести государственную службу [9, с. 4]

Проводились совместные мероприятия по охране общественного порядка, муниципальной и иной собственности. Этот вид деятельности для войска являлся одним из главных, здесь было занято более 300 чел.

Среди вновь образовавшихся достаточно многочисленных гимназий и лицеев заметным явлением становились и организуемые казачеством кадетские классы. Такие классы при содействии и помощи Иркутской областной администрации были открыты Иркутским казачьим войском в Иркутске, Саянске, Нижнеудинске [3, с. 2].

Список литературы

1. Берг С. Казачий круг // Вост.-Сиб. правда. – 1998. – 17 ноября.
2. Быков Е. Казачий круг Иркутского войска, на который съехались представители станиц, начался с молебна // Вост.-Сиб. правда. – 1998. – 14 октября.
3. Долганов А. Кадеты сегодня // Вост.-Сиб. правда. – 2002. – 23 февр.
4. Иркутск казачий: нить истории // Обл. газета. – 2001. – 26 мая.
5. Кинщак В. Возвращение иркутских казаков // Губерния. – 1999. – 23 января.
6. Козырев С. Старики сказали «любо» // Время. – 1999. – 16 ноября.
7. Мустафаева Л. У казаков – новый атаман // Обл. газета. – 1999. – 21 сентября.
8. Об атамане Иркутского войскового казачьего общества // Вост.-Сиб. правда. – 2000. – 11 января.
9. Федоров В. С нашим атаманом не приходится тужить… // Обл. газета. –2000. – 26 января.

УДК 94(47).084.3:329.7(47)

РЕАКЦИЯ ПРАВОГО ЛАГЕРЯ НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ «ДЕМАРШ» В. М. ПУРИШКЕВИЧА 19 НОЯБРЯ 1916 ГОДА

Утишев Д.А.,

Тюрин В.А., канд. ист. наук, доц., ORCID 0000-0002-3003-9892

ФГАОУ ВО «Самарский университет имени С.П. Королева», г. Самара, РФ

dima.utishev.dima@mail.ru, tyurin.va@ssau.ru

Введение. Ноябрь 1916 года стал временем предельно острой политической конфронтации в России. Затяжной кризис, связанный с Первой мировой войной и падением доверия к власти, привел к тому, что все чаще в Думе зачитывались речи против правительства. «Глупость или измена?» П.Н. Милюкова, а также выступления левых депутатов стали самыми громкими событиями первой половины ноября 1916 года. К всеобщему удивлению, 19 ноября 1916 года фактическую поддержку оппозиционным депутатам оказал один из лидеров черносотенного

движения В.М. Пуришкевич. Это был вызов не только правительству, но и собственному политическому лагерю, который неоднозначно отнесся к такому поступку со стороны своего недавнего союзника.

Цель. Изучить реакцию крайне правого политического лагеря на речь В.М. Пуришкевича от 19 ноября 1916 года.

Основная часть. В.М. Пуришкевич, один из лидеров «Черной сотни», считавшийся для современников непримиримым защитником самодержавия, 19 ноября 1916 года совершил резкий для многих «демарш» – произнес в Государственной думе речь, которая прозвучала как открытый вызов против правительства: Владимир Митрофанович бичевал придворную камарилью и некие «темные силы», обвинял окружение императора в германофильстве, а закончил речь, поставив перед Думой впечатляющую задачу – «избавить Россию от Распутина и распутинцев больших и малых».

Неудивительно, что консервативные силы крайне неоднозначно отнеслись к поступку своего недавнего соратника. Исходя из воспоминаний посла Франции в России М. Палеолога, мы можем узнать, что правые были поражены содержанием речи лидера «Русского народного союза имени Михаила Архангела» (РНСМА): «Мне сообщают, что вечернее продолжение заседания было отмечено двумя речами, столь же неожиданными, сколь и резкими, двух лидеров правой, графа Владимира Бобринского и Пуришкевича. К изумлению своих политических единомышленников, они произвели стремительную вылазку против "позорящих и губящих Россию темных сил"» [5, с. 247].

Правые в Думе заранее ознакомились с текстом выступления и единогласно отказались от того, чтобы Пуришкевич читал свою речь от имени всей фракции. Хотя он после этого и покинул лагерь думских правых, как отмечает С.С. Ольденбург, «… для широкой публики Пуришкевич, все равно, остался "представителем крайне правой"» [4, с. 218], что было очень опасно для репутации консервативных сил.

Уже 22 ноября на следующем заседании Государственной думы свое слово сказал Н.Е. Марков (Марков 2-й). В начале речи он уважительно отозвался о Пуришкевиче, признавая, что он талантлив и что он остается крайне правым (даже слишком крайне правым), но далее Марков 2-й назвал Владимира Митрофановича «новоявленным прогрессистом», чьи «взгляды не вообще свойственны монархическим организациям». «Оратор» на протяжении всей речи иронизировал над прошлым лидера РНСМА, сравнивая сказанное и написанное им за последние 10 лет его деятельности с тем, что недавно прозвучало с думской трибуны. Но именно этот прием цитирования прошлых речей бывшего товарища исследователь А.Ф. Смирнов называет ошибкой, «ударившей бумерангом по разоблачителю», и приведший к скандалу и удалению Маркова на 15 заседаний [8, с. 558–559].

Редактор газеты «Земщина» С.К. Глинка-Янчевский не мог поверить в содержание речи своего недавнего товарища: «Не допускаю мысли, чтобы Пуришкевич желал идти рука об руку с Милюковым». Глинка-Янчевский даже старался объяснить поступок своего бывшего соратника и надеялся на его возвращение в ряды правых: «Если же он тем не менее выступает за одно с ним (Милюковым), то приходится признать, что, работая на фронте вдали от петроградского гнойника политических интриг, он предполагает, что главари желтого блока борются с правительством ради победы над Германией… не теряем надежды, что… он не погонится за дешевой популярностью и останется в рядах защитников русской государственности» [2]. При этом, из дневника Владимира Митрофановича можно узнать, что думские правые некоторое время не теряли надежды на возвращение Пуришкевича во фракцию [6, с. 21].

Но уже в скором времени, как отмечает исследователь А.А. Иванов, из-за конфликта Маркова 2-го с Пуришкевичем 22 ноября, который очень сильно ударил по репутации правых, и из-за того, что лидер РНСМА проигнорировал предложение вернуться во фракцию, тон этой же газеты с осторожного сменился на обвинительный. Его стали называть «новоявленным прогрессистом», читающим антимонархические речи, и даже «леваком» [3, с. 369–370].

И «марковский», и «дубровинский» Союзы Русского Народа отмежевались от личности Пуришкевича. Неудивительно, что печатный орган Союза практически сразу повесил на Владимира Митрофановича клеймо предателя и лжеца, сотрудничающего с Милюковым и создающего иллюзию поддержки народом «желтого блока» [7].

П.Ф. Булацель писал, что лидер РНСМА дискредитирует своими речами монархическую власть, как и само понятие о власти. [3, с. 370-371]. Также сотрудник санитарных отрядов В.М. Пуришкевича А.М. Синицын написал следующие слова в письме В.М. Тятинину: «Пуришкевич так обнаглел, так изоврался, что за него становится стыдно, а печать возвысила его до небес… Я снял мундир и надел сюртук, так как с Пуришкевичем работать не могу» [1, с. 506-507].

Но нашлись и те, кто поддержал Владимира Митрофановича. Так Д.И. Стогов приводит данные о Я.Д. Скворцове (секретарь одного из отделов СРН), который написал Пуришкевичу восторженное письмо, будто последний сделал то, чего ждала вся Россия. Вполне ожидаемо, поддержку высказал Союз Михаила Архангела. Главная палата Союза решила, что их лидер ни на шаг не отступил от принципов монархии, высказал России всю «правду», тем самым повысив авторитет правых [9, с. 233–235].

Заключение. Речь В.М. Пуришкевича 16 ноября 1916 года стала точкой серьезного размежевания внутри крайне правого лагеря. Хотя в рядах монархистов нашлись те, кто поддержал Владимира Митрофановича,

большинство правых встретило поступок недавнего соратника с резким неприятием. Если поначалу наблюдались попытки объяснить поведение лидера РНСМА, то уже вскоре тон газет и писем сменился на резко обвинительный, прямо называющий Пуришкевича лжецом и предателем.

Список литературы

1. А.А. Синицын, Петроград – В.М. Тятинину, Нижний Новгород. 23 ноября 1916 г. // Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 718 с. – ISBN 978-5-8243-1914-9.
2. Земщина. – 1916. – №2527. – 20 ноября. – URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/87732-locale-nil-2527-20-noya#mode/inspect/page/1/zoom/6 (дата обращения: 06.10.2026).
3. Иванов А.А. Пламенный реакционер Владимир Митрофанович Пуришкевич / А.А. Иванов. – СПб: Владимир Даль, 2020. – 621 с. – ISBN 978-5-93615-217-7.
4. Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II / С.С. Ольденбург. В 2 т. Т. 2. – М.: Издательская и рекламно-информационная фирма «Феникс», 1992. – 288 с. – ISBN 5-7652-0008-7.
5. Палеолог М. Царская Россия накануне революции / Морис Палеолог; перевод с французского Д. Протопопова, Ф. Ге. – М.: Политиздат, 1991. – 494 с. – ISBN 5-250-01724-X.
6. Пуришкевич В.М. Дневник «Как я убил Распутина» / В.М. Пуришкевич. – М.: Советский писатель, 1990. – 144 с. – ISBN 5-265-02201-5.
7. Русское знамя. Вестник союзов русского народа. – 1916. – №254. – 24 ноября. – URL: https://vivaldi.nlr.ru/pn000243470/view/#page= (дата обращения: 06.10.2026).
8. Смирнов А.Ф. Государственная Дума Российской Империи 1906-1917 гг.: Историко-правовой очерк / А.Ф. Смирнов. – М.: Книга и бизнес, 1998. – 624 с. – ISBN 5-212-00832-8.
9. Стогов Д.И. Черносотенцы: жизнь и смерть за великую Россию / Д.И. Стогов. – М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. – 672 с. – ISBN 978-5-4261-0004-6.

УДК 94+792.03:7.01

ВОСПИТАНИЕ И ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Чепига Г.Г., канд. ист. наук, ORCID 0009-0003-3041-4183
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк, РФ
chepiga_galina@mail.ru

Введение. Театр и воспитание в современном представлении тесно связаны. На воспитательную роль театра указывали как ведущие педагоги, так и сами деятели искусства. Однако насколько присуща исторически театру данная роль и задача? Каким образом формировалась его воспитательная задача, как он обрел воспитательные функции, не являясь ни обучающим, ни воспитательным заведением? Посещение театра многими воспринимается как праздник, но это праздник трудный – если дают трагедию, и веселый – если идет комедия. На протяжении веков театр был развлечением, и в то же время чем-то большим. Мощное воздействие театральных представлений на зрителя в определенные исторические эпохи спровоцировало и возможность трансляции идей, то есть процесса воспитания.

Цель. Само существование театра определяется его необходимостью для общества. Однако насколько присуща ему, как виду искусства воспитательная функция, вопрос дискуссионный. Целью работы является проследить соотношение общественной функции и воспитательной задачи театра в историческом контексте.

Основная часть. Театр – это вид исполнительского искусства, представляющий разыгрывание сценариев перед зрителями, а также учреждение, организация, устраивающее театральные представления. В данной работе первое значение этого понятия выступает контекстом для общей темы. Театр, в силу своей природы, является общественным феноменом и уже поэтому предполагает общественную пользу.

Возникновение театра относят к древности, периоду зарождения религиозных верований, когда появляются его атрибуты – переодевание в костюмы, танцы, музыка, все, что может эмоционально воздействовать на человека, так как рациональность в верованиях не поощрялась. Театр – это эмоциональное явление и затем только рациональное. Появление древнегреческого театра на исторической сцене связано с культом бога Диониса, однако уже в античности театр становится светским по существу.

Дифирамбы, ранее посвященные Дионису, теперь стали самостоятельным искусством. Праздник Диониса стал прародителем и комедии, и трагедии.

В истории формирования жанра трагедии важную роль сыграли два события: 600 г. до н. э. – коринфский поэт Арион «первый установил хор,

спел дифирамб, ввел сатиров, говорящих размеренной речью» [2, с.8], а Феспид первый выступил со своим хором в качестве актера, тем самым, положив начало жанру трагедии. Только тогда, когда соединились песни-пляски хора и ямбические реплики актера, появилась трагедия.

Греки, активно изучавшие окружающую действительность, нашли место в своих рассуждениях и для театра – каков он есть и каким должен быть. Аристотель не просто обобщил и создал теорию о театре, но и дал понимание, чем особенно необходим театр человеку и в чем его притягательная сила.

Это знаменитое понятие «катарсиса» вошло не только в историю театра, но и по сей день определяет цели театрального искусства. Он использует концепции мимесиса (μίμησις, «имитация») и катарсиса (κάθαρσις, «очищение»), чтобы объяснить функцию трагедии. Он пишет: «Таким образом, трагедия есть имитация (мимесис) благородного и полного действия [...], которое посредством сострадания и страха производит очищение от страстей». Если мимесис подразумевает имитацию человеческих дел, то катарсис означает определенное эмоциональное очищение зрителя [2, с.10].

Если трагедия призвана оказывать духовное и очищающее воздействие, роль комедии уже тогда мыслилась как развлекательная или же бичующая общественные язвы, но также с помощью эмоции – смеха. Всю историю театра развлекательная стихия существовала параллельно трагической, далеко не всегда задаваясь целью исправлять действительность. Но в любом случае зритель и театр находили друг друга, если существовали сильные эмоции.

Эстетическое переживание связано с физиологическими процессами. Человек возвращается к тем моментам прошлого, которые или хотел бы пережить снова, или к тем событиям, которые помимо воли напоминают о себе, как незаживающая рана.

Эмоциональный рисунок трагедии строится на страхе и ужасе: «Ведь сострадание возникает при виде того, кто страдает невинно, а страх из-за того, кто находится в одинаковом с нами положении», фабула должна быть составлена так, чтобы читающий о происходящих событиях и не видя их трепетал и чувствовал сострадание от того, что совершается. Это может пережить каждый, читая рассказ об Эдипе [1, с.56].

В соответствии с современными воззрениями, способы репрезентации прошлого опыта могут быть субъективированы и персонифицированы – (персонаж, герой, лицо), значение трагедии – вызвать имитационную боль. Для реакции нужен след в памяти, это похоже на установочную реакцию, то есть готовность к определенной деятельности. Имитация активирует следы прежних переживаний вместе с реальной эмоцией, эмоциональная память (следовая эмоция) воспроизводится на телесном уровне. Имитационный образ тем

эффективнее, чем больше его деталей соответствует реальности [3, с. 251-259].

Каждый ли человек ощущал себя Эдипом? Нет, но ужас перед беспощадным стечением обстоятельств знаком многим. В чем может быть воспитательная роль этого сюжета, который и сегодня привлекает зрителей? Эдип был человеком, наделенным многими достоинствами, но на него обрушились несчастья. Вероятно, перед театром в большей степени стоят духовные задачи, нежели воспитательные в собственном смысле этого слова.

В истории театра случались периоды, когда назидательная, морализирующая функция выдвигалась на первый план. Это Моралите в Англии, это классические трагедии во Франции и пр. Тем не менее, такие периоды были недолговечны.

Целительная роль театра, очевидно, стала ощущаться с его первых шагов в Новое время. Первая в мире опера современного типа поставлена во Флоренции в палаццо Я. Корси в конце 1597 г., успех этой первой в истории оперы побудил Пери написать оперу на текст Ринуччини «Эвридика». Потерянная любовь, страдания снова привлекали зрителей – другая эпоха, другие эмоциональные проблемы.

Заключение. В современном понимании роли, назначения тетра, его функций нет единства мнений, хотя авторитет Аристотеля велик по сей день, но в трактовке понятия «катарсис» нет единства. Однако, удачным объяснением может быть психологическая теория следовых эмоций, дающая понимание, что помогает человеку пережить или осознать свои чувства. Искусство создает ощущение иллюзорности, что сохраняет от повреждающего действия, но тем оно ценнее. Пережить, переработать некий опыт вероятно так же ценно и для общества в целом. Воспитательная задача стоит скорее на периферии и не в любой исторический период.

Список литературы

1. Аристотель. Поэтика / Аристотель. – Ленинград: АКАДЕМІА, 1927. – 120 с.
2. Гаврилова Л. В. История музыкально-театрального искусства: учебное пособие / Л. В. Гаврилова; Красноярский государственный институт искусств. – Красноярск, 2017. – 88 с.
3. Северин Г.К., Юсупов Ю.А., Юсупов Р.Ю. Психотерапия и искусство // Медицина в художніх образах : статті / Донецький нац. медичний ун-т ім. М. Горького, Донецький базовий мед. коледж, Донецький мед. ліцей; [редкол.: Заблоцька К. В. (голов. ред.) та ін.]. Вип. 7. – Донецьк : Норд-Прес, 2009. – С. 240–263.

УДК 94:728.83(470)178/192

УСАДЕБНЫЙ КОМПЛЕКС ПОТЕМКИНЫХ В СВЯТЫХ ГОРАХ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX ВВ.)

Шкрибитько Е.А., канд. ист. наук, доц., ORCID 0000-0003-4315-1151
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
shelaa28@gmail.com

Введение. Актуальность предложенной темы обусловлена интересом к более углубленному изучению региональной истории, особенно мало исследованных ее страниц. В связи с этим значительный интерес представляет тема, связанная с созданием музейного комплекса в бывшей усадьбе Потемкиных, находившейся возле села Татьяновка на левом берегу Северского Донца. Однако, ввиду того что от некогда величественного комплекса остался только фундамент и практически утрачена документация, связанная с его планировкой, архитектурой, интерьерами конца XVIII – начала XX вв., то его восстановление в первозданном виде достаточно затруднительно. Следует отметить, что на протяжении указанного периода усадьба неоднократно перестраивалась.

На сегодняшний день нет историографических работ, в которых бы комплексно освещалась указанная проблема. Данная тема была отображена в отдельных исследованиях.

Цель работы – объективно рассмотреть и комплексно проанализировать сохранившиеся сведения про историю создания и развития Святогорского имения Потемкиных.

Основная часть. Известно, что в 1788 г., по распоряжению Екатерины II, монастырь был закрыт и земли Святогорья императрица подарила своему фавориту, графу Г.А. Потемкину. С этого момента началась история Святогорского имения Потемкиных.

Среди представителей этой фамилии особенно следует выделить владельцев указанной усадьбы середины XIX в. – графа Александра Михайловича Потемкина и его жену – Татьяну Борисовну Потемкину (урожденную княгиню Голицыну), приложивших немало усилий в перестройку усадьбы и возрождение Святогорского Свято-Успенского монастыря. Это были меценаты, активно занимавшиеся благотворительной деятельностью, а Т.Б. Потемкина была большим почитателем древнего Святогорского монастыря.

Еще в 2002 г. сотрудниками Святогорского историко-архитектурного заповедника была разработана программа по восстановлению усадьбы Потемкиных XIX в. для дальнейшего приспособления ее под музей, а также рассматривался вариант переноса самого Святогорского заповедника с территории возобновленного Святогорского монастыря в усадьбу Потемкиных.

Для осуществления данных мероприятий сотрудники заповедника развернули активную научно-исследовательскую работу в архивах и библиотеках. Сохранилось только несколько фотографий XIX – начала XX вв., отображающих топографию расположения и архитектуру основного дворца и прилегающих к нему флигелей. Сохранившиеся документы свидетельствуют, что все строения усадебного комплекса были разграблены и разобраны на строительный материал в 1920-х гг. после того, как хозяева покинули особняк и он был национализирован.

По ходу подготовительных мероприятий, в 2004 г. заповедником были организованы архитектурно-археологические исследования на территории бывшей усадьбы Потемкиных. На момент археологических исследований визуально ничего не напоминало о местонахождении здесь некогда роскошного усадебного комплекса. Во время раскопок обнаружили большое количество фасадного и интерьерного декора, остатки фарфоровой посуды, фрагменты мрамора, фаянсовые фрагменты умывальника. Также были открыты фундаменты дворца и двух флигелей, фрагменты пола, лицевые стены и другие остатки интерьера усадьбы. Все находки датировались концом XIX – началом XX вв.

После детального изучения истории усадебного комплекса Потемкиных и необходимых научных исследований, а также кропотливой работы с иллюстративным и иконографическим материалами, киевский архитектор Г.А. Дядюшенко разработал архитектурный проект восстановления памятника архитектуры XIX – начала XX вв. – усадьбы Потемкиных. Согласно проекту, предполагалось воссоздание самого усадебного дворца и двух флигелей.

В восстановленной усадьбе предусматривалось открытие музейного комплекса, в котором планировалось разместить экспозиции и выставки, посвященные истории усадьбы Потемкиных. В главном дворце усадьбы должна была разместиться администрация музея-заповедника, а на прилегающей территории планировалось разбить садово-парковую зону с малыми архитектурными формами, как и было при законных владельцах усадьбы в XIX – начале XX вв.

По тематическим направлениям музейная экспозиция была разделена на три части. Первая часть была посвящена истории Донецкого края – от каменного века до позднего средневековья (конец XV в.), вторая – от первых документальных упоминаний про Святые Горы (20–40-е гг. XVI в.) до формирования архитектурного ансамбля Святогорского монастыря в XIX в. и третья – должна была освещать научные исследования и реставрационные работы сооружений Святогорского монастыря после его возобновления в 1992 г. [1].

По мере научных изысканий, сотрудники заповедника воссоздали галерею портретов владельцев Святогорского имения, а именно: портреты Светлейшего князя Г.А. Потемкина, В.В. Энгельгардта, княгини Т.В.

Юсуповой, графини Е.М. Рибопьер. Материалы относительно портрета А.М. Потемкина (сын княгини Т.В. Юсуповой, в девичестве Энгельгардт) нашли в книге Е. Шабельской [2]. Известно несколько портретов графини Т.Б. Потемкиной в разные периоды ее жизни**.**

При подготовке выставки, сотрудники заповедника провели кропотливую работу по поиску предметов дворянского быта XIX в. – мебель, музыкальные инструменты, иконы, книги, картины, посуда и другие предметы [3]. Также при исследовании территории усадебного комплекса выявили фрагменты печных изразцов, простой керамической и фаянсовой посуды и много кирпичей [4].

Заключение. Таким образом, с помощью разносторонних исследований, а также сохранившихся документов, иллюстративных (графических) материалов, научным сотрудникам Святогорского историко-архитектурного заповедника удалось установить местоположение усадебного комплекса Потемкиных, основные этапы его формирования и владельцев имения. Были созданы эскизные проекты по восстановлению этого уникального памятника архитектуры XIX – начала XX вв. и приспособлению его под музейный комплекс заповедника. Однако, события на Украине 2013–2014 гг. перечеркнули запланированные работы, тем более что от особняка практически остался только фундамент. Сегодня в этом районе идут активные боевые действия, а это значит, что в ближайшие годы восстановление Святогорского усадебного комплекса остается лишь проектом.

Список литературы

1. «Усадьба Потемкиных XIX в. в Святых Горах». Тематико-экспозиционный план выставки-презентации «Усадьба Потемкиных в Святых Горах». Научный архив Государственного историко-архитектурного заповедника в г. Святогорске. Ф.3. Оп.3. Д.29. Л.30-31 об.
2. Шабельская Е. Святогорская Успенская общежительная пустынь. – Одесса: Тип. Е.И. Фесенко, 1902. – С.81.
3. Лифшиц Ю.А. Историческое обоснование проекта воссоздания усадьбы А.М. Потемкина в Святых Горах // Проблеми збереження і використання культурної спадщини України: Матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції (на базі Державного історико-архітектурного заповідника м. Святогірська Донецької області), 25-27 травня 2005 р. – Слов'янськ: Печатный двор, 2005. – С.232-233.
4. Дядюшенко Г.А. Обгрунтування архітектурних рішень при відновленні Садиби графа Потьомкіна XIX ст. у с. Тетянівка Слов’янського району Донецької області // Проблеми збереження і використання культурної спадщини України: Матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції (на базі Державного історико-архітектурного заповідника м. Святогірська Донецької області), 25-27 травня 2005 р. – Слов'янськ: Печатный двор, 2005. – С.47–48, 50.

УДК 94:78.07(477.62)"1953"

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ Г. СТАЛИНО В 1953 ГОДУ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «РАДЯНСЬКА ДОНЕЧЧИНА»)

Щевич К.С., ORCID 0009-0004-8196-1328
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
k.shchevich@mail.ru

Введение. 1953 год занимает особое место в истории советского общества. В этот период культура, и в первую очередь театр, выступила тем чутким индикатором, который улавливал малейшие колебания общественно-политической атмосферы. Изучение театральной жизни этого переходного периода позволяет понять, как идеологические изменения преломлялись в конкретных художественных практиках, как формировался новый язык искусства.

Особую научную значимость представляет исследование культурной жизни Донбасса. В массовом сознании этот регион традиционно ассоциируется исключительно с угольной промышленностью и тяжелым трудом рабочего класса. Однако история г. Сталино (современного Донецка) убедительно свидетельствует о богатейших культурных традициях. Анализ репертуара и творческой деятельности Сталинского государственного музыкально-драматического театра имени Артема позволяет преодолеть стереотип о «бездуховности» индустриальных центров и показать высокий уровень культурных запросов населения, для которого театр был не просто местом развлечения, но и важнейшим институтом социализации и духовного развития.

Актуальность темы обусловлена необходимостью введения в научный оборот новых исторических источников. Областная газета «Радянська Донеччина» за 1953 год содержит уникальный пласт информации: театральные рецензии, афиши, интервью с деятелями культуры, отчеты о работе учреждений искусства. Эти архивные документы позволяют реконструировать повседневную культурную жизнь города, выявить ее жанровое разнообразие и идеологическую направленность. Введение данных материалов в научный оборот способствует более полному и объективному осмыслению истории Донбасса середины XX века.

В контексте современных реалий и задач, стоящих перед Донецкой Народной Республикой, изучение культурного наследия родного края приобретает особую ценность. Сохранение исторической памяти, формирование гражданской идентичности и духовно-нравственное воспитание молодежи невозможны без опоры на опыт предыдущих поколений. Театр, как один из главных институтов культуры, играл

ключевую роль в формировании мировоззрения советских людей, транслируя идеалы гуманизма, патриотизма и социальной справедливости. Изучение его деятельности в 1953 году дает ключ к пониманию менталитета жителей Донбасса и преемственности культурных традиций региона.

Целью данной работы является комплексный анализ театральной афиши и творческой жизни г. Сталино в 1953 году на основе публикаций областной газеты «Радянська Донеччина».

Основная часть. Центром театральной жизни города являлся Сталинский государственный украинский музыкально-драматический театр имени Артема. Основанный в 1927 году в Харькове как украинский рабочий театр, в 1933 году он переехал в Донбасс, а в 1941–1942 годах, после объединения с остатками Горловского, Артемовского и Ивановского театров, получил название Театра музыкальной комедии и драмы имени Артема [1]. К 1953 году это был сложившийся творческий коллектив с богатым репертуаром, включавшим более 60 спектаклей отечественной и мировой классики.

Афиша 1953 года демонстрирует исключительное жанровое разнообразие. В феврале театр представил зрителям новую постановку – комедию Андрея Глобы «Пролитая чаша» по мотивам китайской классической пьесы XIII века Ван Ши-Фу «Записки о западном флигеле» [2]. Постановщиком выступил молодой режиссер Я. Солодейчик, которому, по отзывам критики, удалось создать четкий, слаженный ансамбль и добиться стилевого единства спектакля [2].

В марте 1953 года состоялась премьера спектакля «Любовь на рассвете» по пьесе драматурга Ярослава Галана [3]. Главный режиссер театра, заслуженный артист УССР М.П. Смирнов, создал политически заостренный спектакль, правдиво раскрывший идейный замысел автора [3].

Месяц спустя, в апреле 1953 года ознаменовался постановкой сатирической комедии драматурга В. Минко «Не называя фамилий» [4]. Спектакль поднимал важные темы советской морали, критикуя обывательщину, приспособленчество и семейный эгоизм. Заслуженный артист УССР Х. Негримовский в роли Карпа Карповича создал образ человека, для которого личное благополучие оказалось важнее общественных идеалов [4].

В мае 1953 года театр показал «Представление для детей» – премьеру пьесы-сказки «Королевство кривых зеркал» [5]. Постановка была осуществлена режиссером И.И. Коржем, а главный режиссер М.П. Смирнов приложил немало творческой выдумки, чтобы создать яркую и зрелищную сказку [5]. Декорации и световые эффекты достигали иллюзии фантастичности, а мораль о торжестве добра над злом, о честности и дружбе была понятна юным зрителям [5].

Летом 1953 года на сцене театра шла историко-революционная драма «Перед грозой» [6]. Спектакль, поставленный М.П. Смирновым, рассказывал о событиях 1912 года – забастовке на Ленских золотых приисках. Критика отмечала высокую режиссерскую культуру спектакля, яркие массовые сцены и глубокое раскрытие психологии персонажей [6].

Осенью 1953 года театр представил «Сто миллионов» – пьесу лауреатов Сталинской премии В. Собко и Б. Балабана [7]. Спектакль поднимал тему борьбы с американской разведкой и идеологического противостояния. Режиссер Я. Солодейчик и художник М. Ждан создали яркое, политически заостренное зрелище, в котором образы положительных героев – профессора Кратова и его дочери Ружины – противостояли циничному и жестокому миру «агентов Уолл-стрита» [7]. А уже в декабре 1953 года состоялась премьера шекспировского «Укрощение строптивой» [1]. Постановщик Я. Солодейчик и художник М. Ждан создали яркий, оптимистический спектакль, прославляющий красоту человеческих чувств.

Заключение. Таким образом, театральная жизнь г. Сталино в 1953 году отличалась исключительным разнообразием: от классической драмы и историко-революционных спектаклей до сатирических комедий и детских сказок. Драматический театр имени Артема оставался главным центром культурной жизни региона, успешно сочетая просветительские задачи с высоким художественным уровнем постановок.

Список литературы

1. Радянська Донеччина. – 1953. – 4 февраля. – С. 2.
2. Радянська Донеччина. – 1953. – 15 февраля. – С. 3.
3. Радянська Донеччина. – 1953. – 9 апреля. – С. 2.
4. Радянська Донеччина. – 1953. – 8 мая. – С. 3.
5. Радянська Донеччина. – 1953. – 15 мая. – С. 2.
6. Радянська Донеччина. – 1953. – 27 февраля. – С. 2.
7. Радянська Донеччина. – 1953. – 13 декабря. – С. 3.

Археология, историография, источниковедение и методы исторического исследования

УДК 94(367):929.5"14/15"

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ФОМИНСКИХ КНЯЗЕЙ

Абуков С.Н., канд. ист. наук, ORCID 0009-0004-5798-1513
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
legusha@list.ru

Введение. Династия Рюриковичей неизменно привлекает внимание исследователей, так как долгое время они занимали исключительное положение в системе власти, монопольно княжа на Руси, как в период существования Древнерусского государства, так и в период феодальной раздробленности. Обычно речь идет о правителях, но надо иметь ввиду, что с возвышением Москвы, ликвидацией независимых княжеств и созданием Русского централизованного государства многочисленные потомки Рюрика влились в московский правящий класс. В генеалогии Рюриковичей, начиная о происхождении династии, достаточно много белых пятен, связанных как с отдельными линиями, так и с конкретными лицами.

Основная часть. Одной из проблем является происхождение большой группы родов, перешедших на московскую службу в XIV-XV вв., которые утратили титул, но, согласно официальной родословной, восходили к смоленским князьям. Некоторым из них удалось занять достаточно высокое положение и оставить свой след не только в политической, но и культурной истории России (Всеволожские, Татищевы, Ржевские, Карповы, Еропкины, Мусоргские и др.) [1, с. 223-233]. Однако, генеалогию князей Смоленского дома отличают запутанность и хронологические несообразности, о чем давно писали специалисты [2, с. 359]. Отдельные линии никак не стыкуются между собой, что заставляет искать их родоначальников в более раннее время. Можно сказать, что смоленские Рюриковичи самая проблемная в части генеалогии ветвь династии.

Все сказанное вполне относится и к происхождению ряда нетитулованных феодальных родов, ведущих свою родословную от фоминских князей XIV в. Согласно «Бархатной книге» их родоначальником был последний великий князь смоленский Юрий Святославич [3, 207]. Но это невозможно, так как он жил позднее трех поколений своих мнимых потомков. Данный факт лишний раз доказывает,

насколько достоверным является даже такой авторитетный среди исследователей источник, как «Бархатная книга». Об ошибочности целого комплекса ее родословий, признанных многими поколениями генеалогов, еще предстоит сказать в дальнейшем.

Очевидно, что фоминския князья – особая линия смоленских князей, не связанная с потомками Глеба Ростиславича (умер в 1278 г.), занимавших княжеский стол в самом Смоленске. Поэтому предка фоминских князей необходимо искать в XIII в., а не в XV в. В связи с этим уникальные сведения можно найти у известного генеалога XIX в. князя П.В. Долгорукова, пользовавшегося, как видно, редкими источниками. По его сообщению, дедом фоминского князя Федора Константиновича Слепого был Константин Давыдович Фоминский и Березуйский [4, с. 140-142]. Вероятно, что последний – одно лицо с летописным князем Константином Давыдовичем, который был сыном смоленского князя Давыда Ростиславича (1140-1197), внуком основателя династии смоленских Ростиславичей киевского князя Ростислава Мстиславича (умер в 1167 г.), внука Владимира Мономаха.

О Константине Давыдовиче мы знаем из летописей очень немного. Составивший его биограмму М. Домбровский полагал, что Константин был рожден во втором браке отца и стал одним из первых Рюриковичей, получивших это царственное греческое имя как первое, а не крестильное, как было принято среди древнерусских князей ранее. Князь не успел особо отличиться и умер в возрасте приблизительно 25-30 лет в 1217/1218 г., [5, с. 513-518]. Как отмечает Домбровский: «Константин, умерший взрослым, хотя и молодым человеком (двадцати пяти- или тридцатилетним) теоретически мог быть женатым и иметь потомков» [5, с. 518]. В поддержку такого происхождения фоминских князей говорит антропонимика: использование имени Константин в дальнейшем.

Однако, в данной схеме имеется изъян: при хронологическом расчете поколений одного звена явно не хватает. Возможно, что князь Юрий Святославич, упомянутый выше, но только не последний великий князь смоленский, а один из мелких местных династов XIII в., существовал на самом деле, был внуком Константина Давыдовича и дедом Федора Слепого, но «выпал» из поколенной росписи. Такие случаи в родословных известны. Отголоском семейной памяти о нем и есть показание «Бархатной книги», где был позднее ошибочно переосмыслен как великий князь смоленский более позднего времени, хорошо известный из летописей. Тогда вся предполагаемая генеалогическая схема происхождения фоминских князей выглядит следующим образом:

Владимир Мономах → Мстислав Великий → Ростислав Киевский и Смоленский → Давыд Смоленский → Константин Фоминский → (Святослав) → Юрий → Константин → Федор Слепой.

Многочисленные потомки последнего в дальнейшем утратили княжеский титул, но смогли сохранить положение среди феодального сословия Московской Руси.

Заключение. Факт генеалогической связи фоминских князей со смоленскими Ростиславичами (Мстиславичи-Мономашичи) не вызывает сомнений. Вполне вероятно, что их предком был князь Константин Давыдович, известный из летописей. Об этом говорят уникальные, хотя и поздние сообщения, а также данные антропонимики.

Список литературы

1. Зимин, А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV - первой трети XVI в. / А. А. Зимин. – М.: Наука, 1988. – 350 с.
2. Веселовский, С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев / С. Б. Веселовский / отв. ред. М. Н. Тихомиров. – М.: Наука, 1969. – 584 с.
3. Родословная книга князей и дворян российских и выезжих, содержащая в себе родословную книгу, собранную и сочиненную в Разряде при царе Феодоре Алексеевиче и по временам дополняемую и которая известна под названием Бархатной книги и пр. В 2 т. – М.: Университетская типография у Н. Новикова, 1787. – Т. 2. – 452 с.
4. Долгоруков, П. В. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым / П. В. Долгоруков. – СПб.: Тип. Карла Венгебера, 1854. – Ч. 1. – 350 с.
5. Домбровский Д. Генеалогия Мстиславичей: первые поколения (до начала XIV в.) / Д. Домбровский / пер. и вступ. слово к рус. изд. К. Ерусалимоского и О. Остапчук. – Изд. испр. и доп. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. – 880 с.

УДК 069.5(1-21):903.2

МЕТАЛЛ В ЭКСПОЗИЦИИ ДОНЕЦКОГО РЕСПУБЛИКАНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Батуров Н.А., ORCID 0009-0000-6065-1962
ГБУ ДНР «Донецкий республиканский краеведческий музей», Донецк, РФ
nik.baturov.99@inbox.ru

Введение. Статья посвящена построению музейной экспозиции с учетом возможности проведения как тематических, так и специализированных экскурсий, направленных на разностороннее и глубокое изучение одной или нескольких тем, связанных общей идеей. Специализированные экскурсии обращают внимание на артефакты разных эпох, связанные общей идеей либо способами изготовления [1]. Одна из таких экскурсий в Донецком республиканском краеведческом музее (ДРКМ) посвящена зарождению металлов и использованию их человеком.

Основная часть. В Донецком республиканском краеведческом музее созданные экспозиции предполагают проведение экскурсий не только обзорного характера по конкретным залам, но и проведение специализированных экскурсий. Это позволяет обратить внимание на те артефакты, которые связаны лишь с предложенной экскурсоводом темой. Такие экскурсии посвящены истории развития конкретного ремесла, эволюции предметов или материалов, использованных человеком, таких как камень, керамика и металл. Так, например, научные сотрудники музея могут провести экскурсию, посвященную развитию производства керамических изделий, начиная от круглодонных сосудов ямной культуры, вылепленных вручную, до кувшинов XIX века изготовленных с помощью гончарного круга. Одна из таких экскурсий посвящена металлу.

Повествование о присутствии металлов в музейной коллекции можно начать уже в зале «На заре развития жизни». В нем экспонируются метеориты, в составе которых есть металлические сплавы. Названия метеоритов соответствуют местам их обнаружения: «Андреевка» (1969), «Горловка» (1974), «Еленовка» (1951), «Хутор Жовтневый» (1938). Также следует отметить, что в этой экспозиции представлены рудные полезные ископаемые, среди которых киноварь (ртутный минерал, который применяется в электротехнике, медицине, фотографии), пирит, самородная медь, джеспилит.

В экспозиционном зале «Человек и металл. Донецкий край в эпоху меди и бронзы» представлен ряд интересных артефактов. Посетитель увидит на фоне литейной мастерской, изображенной на холсте: бронзовые топоры, наконечники стрел и копий, медные ножи срубной культуры, женские височные украшения бабинской культуры, а также литейные формы и льячки, использовавшиеся людьми эпохи бронзы несколько тысячелетий назад. Среди прочих экспонатов – бронзовый втульчатый топор с округлым проушным отверстием, с сильным расширением клинка к лезвию, украшенный тремя валикообразными утолщениями к втулке. Такие топоры, являющиеся оружием ближнего боя, производились в начале эпохи средней бронзы на Северном Кавказе [2, с. 161, рис. 44].

В экспозиционном зале «От царства скифов до Золотой Орды» металл представлен в самых разных археологических комплексах. Скифские акинаки и сабли кочевников позднего средневековья, золотые гривны и медные зеркала скифских красавиц, колты, перстни и серьги знатных половчанок, железные удила и стремена конской упряжи из печенежских и кыпчакских погребений, котел и наконечники стрел, сделанные из меди, найденные в скифском захоронении.

Одним из наиболее интересных (в плане находок, созданных из металлов) является погребение знатной половчанки [3]. В витрине с экспонатами из этого комплекса находятся: элементы конской упряжи (удила, стремена), аксессуары костюма (овальная пряжка с язычком,

очелье), украшения и предметы личного обихода. Среди них – серебряная позолоченная выпрямленная гривна, витая золотая гривна, золотые двусоставные серьги, серебряные кольца, плетеные серебряные браслеты, выполненные из четырех прутков, а также золотое кольцо с декоративной пирамидкой, предусматривающей инкрустацию камнем, и золотой перстень-печатка с греческой надписью. Кроме того, в числе экспонатов – бронзовое зеркало, декорированное крестовидно-арочным орнаментом, медный бубенчик и железный нож с составной костяной рукоятью, украшенной орнаментом.

В экспозиционном зале «Заселение Донецкого края и хозяйственное освоение земель в XVI – первой половине XIX века» коллекция изделий из металла формировалась из разных источников, в том числе и из крупных музеев других регионов Российской Федерации. Отдельный интерес представляет коллекция воинской амуниции, холодного и огнестрельного оружия, которую музей получил в дар в 1954 г. от Государственного исторического музея [4]. Часть коллекций также поступила проведенных на территории региона археологических исследований. В этом же зале представлены предметы быта, сделанные из металла: кресала, скобы, светцы и т.д. В составе музейной коллекции присутствуют, в том числе, и предметы личного благочестия: нательные кресты, иконки, небольшие складни. Так, иконка «Святой Никола Можайский», датируемая периодом с XVII до первой половины XVIII столетия, представляет собой объемную ростовую скульптуру святого, облаченного в епископское одеяние [5]. Артефакт был обнаружен в ходе археологических изысканий на территории поселения Казачья Пристань (с. Райгородок, Славянский м/о) в 1980-е гг.; документирование находки осуществлено в г. Славянске в 1998 году [6].

Несмотря на то, что следующий экспозиционный зал «Юзовка – топливное сердце и металлургические руки России» создан с акцентом на превалирование мультимедийного контента, ключевым объектом в пространстве этого зала является реплика пальмы Мерцалова, созданная мастерами Гильдии кузнецов Донбасса [7, с. 37].

Заключение. Таким образом, в залах Донецкого республиканского краеведческого музея вне зависимости от экспозиционного зала можно проводить специализированные экскурсии с акцентом на конкретный вид деятельности человека. Посетитель может ознакомиться с большим количеством интересных артефактов, связанных с возникновением металлов, плавлением руды, литьем и ковкой, созданием всевозможных изделий – от орудий производства до ювелирных украшений. Разработка подобных экскурсий позволяет привлечь посетителей уже знакомых с экспозицией ДРКМ к новым посещениям уже пройденных залов для получения дополнительной информации о коллекции, не входящей в обзорные и тематические экскурсии.

Список литературы

1. Галкина, Т. В. Музейная педагогика: коммуникативный феномен экскурсии как базовой музейно-педагогической формы / Т. В. Галкина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – № 4 (94). – С. 63–67.
2. Археологический альманах. Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области / Авт.-сост.: А. В. Колесник, Ю. Б. Полидович, С. М. Дегерменджи, О. Р. Дубовская; глав. ред.: А. В. Колесник. – Донецк: Донеччина, 1993. – № 1. – 236 с.
3. Швецов, М. Л. Погребения знатной половчанки / М. Л. Швецов // Археологический альманах. – Донецк, 2013. – № 30. – С. 307–318.
4. Чепига, Г. Г. Правление Петра I в научной концепции экспозиционного зала, посвященного заселению Донецкого края в период Нового времени: сочетание исторической теории и фондовой работы / Г. Г. Чепига, Е. С. Береснева // Брянский краеведческий вестник. – 2022. – № 1 (3). – С. 98–104.
5. Музейный вестник Республики. – Донецк: ЧП «БРЭНД ИМИДЖ», 2021. – № 3. – 184 с.
6. Горбатенко, Е. А. Нательные кресты и иконки XVI-XVIII вв. в археологических коллекциях Югры и Подонцовья / Е. А. Горбатенко // Северные древности: археология, этнография, история. Актуальные вопросы сохранения историко-культурного наследия Югры и сопредельных территорий (Материалы региональной научно-практической конференции). – Сургут, 2026. – № 1 (17). – С. 102–123. – DOI: 10.31630/2949-3609-2026-1-102-123
7. Андросова С. Л. История «Новороссийского общества каменноугольного, железного и рельсового производства» по материалам фондовых коллекций Донецкого Республиканского Краеведческого музея / С. Л. Андросова, Л. В. Овинникова, Д. В. Махно // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2023. – № 1 (84). – С. 33–39.

УДК 908(477.62):069.02:069.536

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ЭКСПОЗИЦИЙ И ФОНДОВЫХ КОЛЛЕКЦИЙ ДОНЕЦКОГО РЕСПУБЛИКАНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Вербовский А.В., ORCID 0000-0002-2171-4462,
Горбатенко Е.А., ORCID 0009-0003-9382-3451
ГБУ ДНР «Донецкий республиканский краеведческий музей», Донецк, РФ
verbovskiyy@ro.ru, *katiasolnce_1995@mail.ru*

Введение. При проектировании музейного пространства важно помнить, что современные музеи, безусловно, нуждаются в передовых технологиях, но отнюдь не в полном подчинении экспозиции технологической доктрине [1]. Представление фондовой коллекции – подлинных артефактов – по-прежнему является главной задачей музейной экспозиции.

Основная часть. Музейная экспозиция, безусловно, является своеобразным видом текста, поэтому многое зависит от его понимания и интерпретации [2, с. 108]. При этом в музейном пространстве именно вспомогательные музейные материалы формируют этот «музейный текст», превращая набор экспонатов в историческое повествование.

Так же, как и тотальное использование мультимедийного контента, простая расстановка в музейных витринах экспонатов, выстроенных в хронологическом порядке, снабженных текстовыми пояснениями, означает немедленный провал в попытке вызвать интерес у посетителя к выбранному периоду истории. Любая экспозиция нуждается в авторском повествовании, интерпретации, созданной научными сотрудниками, специалистами в том историческом периоде, которому посвящена экспозиция [3].

В зале «Заселение Донецкого края и хозяйственное освоение земель в XVI – первой половине XIX века» Донецкого республиканского краеведческого музея, экспозиция которого «повествует» об исторических событиях XVII-XIX вв., происходивших на территории Донецкого края, представлены наиболее аттрактивные экспонаты из фондовой коллекции музея. Для популяризации музейной коллекции научные сотрудники учреждения публикуют статьи, представляющие предметный ряд из витрин данной экспозиции. Так, предметы личного благочестия, экспонируемые в этом зале, и их сравнительная характеристика с аналогичными находками, сделанными в археологических экспедициях Югры, описаны в статье Е. А. Горбатенко «Нательные кресты и иконки XVI-XVIII вв. в археологических коллекциях Югры и Подонцовья» [4].

Отметим, что современное мультимедийное оборудование также необходимо наполнить высокоинформативным контентом, включающим в себя не только обширный визуальный материал, но и тексты из исторических источников. При этом, вовсе не обязательно использование сгенерированных искусственным интеллектом визуальных образов. Графические реконструкции, выполненные традиционными способами (карандашный рисунок, живописное полотно, офорт), нисколько не уступают в информативности изображениям, выполненным с помощью современных технологий. Так, например, карандашные графические реконструкции и карты привязки к местности деревянных оборонных сооружений города Царев-Борисов представлены в современном оборудовании зала «Освоение края». Материалы, размещенные в мультимедийном экране, опубликованы в научной статье «Город Царёв-Борисов первого заселения по историческим данным и опыт графической реконструкции крепости» – результате совместной работы сотрудников отдела охраны памятников археологии Г. Г. Чепиги и А. В. Вербовского [5]. В этом же мультимедийном оборудовании размещен ряд графических реконструкций, выполненных в технике цветного карандаша, деревянного

оборонного зодчества г. Березов [6]. Помимо этого, для показа сходных архитектурных традиций фортификационного зодчества Западной Сибири и Среднего Подонцовья предложенный видеоряд пополнен изображениями Торской крепости, Илимского и Пустозерского острогов.

Использование классических вспомогательных материалов, таких как макеты, диорамы и другие визуальные средства формирования музейной среды никак не противоречит созданию современного музейного пространства [7]. Зачастую, профессиональная интерпретация исторической информации в таких дополнительных средствах оказывается более информативной, нежели контент, размещенный в интерактивных панелях, сенсорных экранах и других современных гаджетах. Так, например, макет курганной группы, находящийся в зале археологии эпохи бронзы, дает представление о погребальной обрядности почти всех археологических культур этого времени, бытовавших на территории Донецкого края. Созданный специалистами из отдела охраны памятников археологии музейный объект позволяет в течении академического часа удерживать внимание подготовленного посетителя [8].

Заключение. Очевидно, что финальная цель при создании музейной экспозиции заключается в представлении музейных артефактов соответствующей эпохи, осуществлении с их помощью коммуникации с посетителями, оказании на них информационного, эстетического и эмоционального воздействия [2, с. 109]. Для достижения данной цели представляется возможным использование как современных высокотехнологичных средств, так и классических вспомогательных музейных материалов.

Список литературы

1. Su, D. Museum, Museology: Be cautious of the Technology Doctrine / D. Su // ICOFOM Study Series. – 2008. – Vol. 37 (Museum, Museology and Global Communication). – Pp. 17–19.
2. Долак, Я. Музейная экспозиция – музейная коммуникация / Я. Долак // Вопросы музееведения. – 2010. – № 1. – С. 106–117.
3. Вербовский, А. В. Проектирование зала археологии эпохи бронзы: теоретические основы и реалии воплощения / А. В. Вербовский, Е. А. Горбатенко // Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VIII Международной научной конференции (Донецк, 25–27 октября 2023 г.). – Том 7: Исторические и политические науки. Часть 2 / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2023. – С. 20–22.
4. Горбатенко, Е. А. Нательные кресты и иконки XVI-XVIII вв. в археологических коллекциях Югры и Подонцовья / Е. А. Горбатенко // Северные древности: археология, этнография, история. Актуальные вопросы сохранения историко-культурного наследия Югры и сопредельных территорий (Материалы региональной научно-практической конференции). – Сургут, 2026. – № 1 (17). – С. 102–123. – DOI: 10.31630/2949-3609-2026-1-102-123

5. Чепига, Г. Г. Город Царёв-Борисов первого заселения по историческим данным и опыт графической реконструкции крепости / Г. Г. Чепига, А. В. Вербовский // Via in tempore. История. Политология. – 2025. – Т. 52, № 2. – С. 376–391. – DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-376-391
6. Вербовский, А. В. Опыт создания графических реконструкций оборонных сооружений города Берёзова / А. В. Вербовский // Северные древности: археология, этнография, история. Актуальные вопросы сохранения историко-культурного наследия Югры и сопредельных территорий (Материалы региональной научно-практической конференции). – Сургут, 2026. – № 1 (17). – С. 142–157.
7. Андреева, И. В. Вспомогательные материалы в системе музейной экспозиции: проблема классификации и понятийной идентификации / И. В. Андреева // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2011. – № 4 (28). – С. 22–28.
8. Вербовский, А. В. Показ специфики курганной археологии в музейной экспозиции: макет «идеальной» курганной группы / А. В. Вербовский // Материалы III-й научно-практической конференции «Локтюшевские чтения – 2022». – Луганск, 2022. – С. 39–46.

УДК 902(477.63)"653"

КУЛЬТОВАЯ ФИГУРКА «УРОДЦА» ИЗ НАСЫПИ КУРГАНА

Гриб В.К., ORCID 0000-0002-4294-5200
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
vladgrib@mail.ru

Введение. Данная работа является продолжением серии публикаций, посвященной бронзовым антропоморфным фигуркам с признаками явного физического несовершенства, найденным на территории левобережного Поднепровья [1; 2]. В последнее время публикации подобных фигурок в научной литературе стали более частым явлением. Расширилась география их находок, разнообразие сюжетов и отдельных деталей. Предложенная в свое время типология изделий [3] требует уточнения. Единственное, что остается неизменным в процессе изучения этой категории находок – случайность их обнаружения. Отсутствие археологического контекста значительно уменьшает информативность данного вида исторического источника, особенно если это касается попыток этнического определения находки. В одной из статей автором данной публикации было высказано предположение, что «… фигурки уродцев использовались в культовой практике населения, погребальный обряд которого был связан с курганной насыпью» [3]. Основанием для такой гипотезы послужили находки фигурок в яме разрушенного подкурганного погребения (Воздвиженское), непосредственно в насыпи кургана (Круглое), рядом с курганной насыпью (Веровка, Староверовка).

Данная заметка вводит в научный оборот еще одну бронзовую антропоморфную фигурку т. н. «уродца», найденную в насыпи кургана. Более пятидесяти лет, не привлекая к себе особого внимания, фигурка была частью стендовой экспозиции в кабинете «Лаборатории археологии Приднепровья» при Днепропетровском национальном университете им. О. Гончара.

Основная часть. По воспоминаниям сотрудника лаборатории тех лет В.Н. Шалобудова, фигурка была найдена в 1971-1972 гг. в ходе работ новостроечной археологической экспедиции Днепропетровского университета под руководством И.Ф. Ковалевой. В силу сложившихся обстоятельств установить точное место находки в настоящее время не представляется возможным. В эти годы экспедиция исследовала курганные могильники в степном Левобережье Днепра – в Днепропетровском и Петриковском районах, а также в Присамарье – у с. Булаховка Павлоградского района Днепропетровской области.

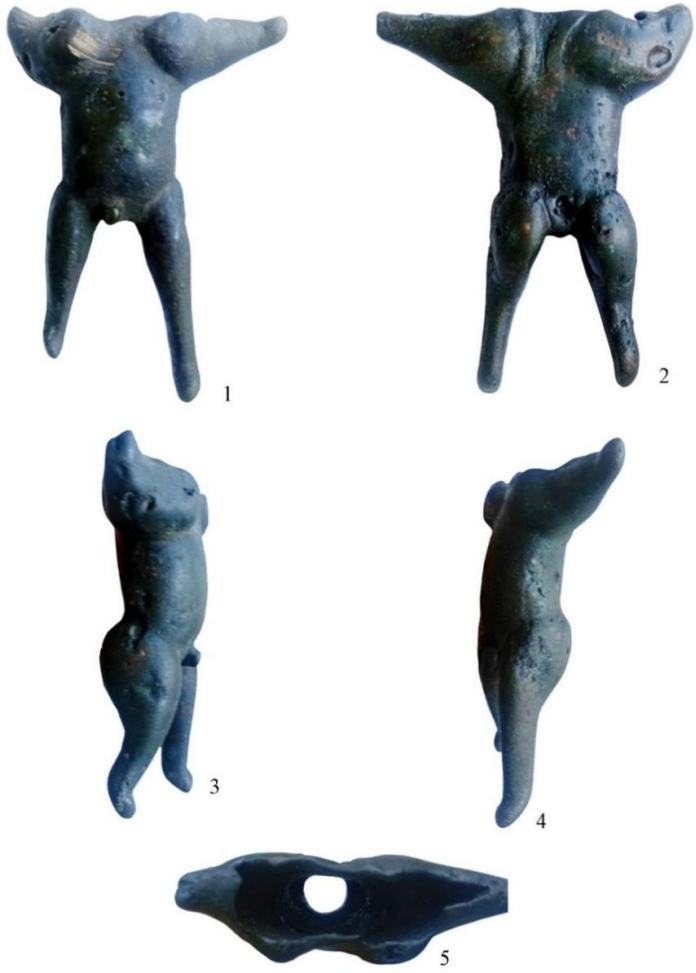

Рис. 1. Антропоморфная бронзовая фигурка с левобережья Днепра:
1 – вид спереди; 2 – вид сзади; 3 – вид справа; 4 – вид слева; 5 – вид снизу.
Без масштаба.

Фигурка была обнаружена вместе с мелкими фрагментами керамики в насыпи кургана бронзового века, в котором было зафиксировано впускное ограбленное в древности погребение половецкого времени.

Пустотелая бронзовая антропоморфная фигурка обнаженного мужчины изготовлена методом отливки по восковой модели. Высота фигурки – приблизительно 14-16 см (рис. 1, 1-2). Голова и шея у статуэтки отсутствуют. На уровне плеч края завальцованы. Правая рука отставлена в сторону, немного согнута в локте и в районе кисти заканчивается культеобразным отростком. Левая рука также вытянута в сторону, на месте кисти – культеобразный отросток, оформленный в виде человеческой личины (рис. 1, 4). Такие же «лица» просматриваются на округлых выпуклостях в районе предплечий, причем как с лицевой, так и с обратной стороны. Между выпуклостями с обратной стороны статуэтки изображены две рельефные полоски, опускающиеся от верхнего края вниз (рис. 1, 2). С лицевой стороны изображены признаки мужского пола. Ноги слегка согнуты в коленях. Правая нога немного короче левой. Ступни непропорционально маленькие (рис. 1, 3, 4). С обратной стороны у фигурки рельефно проработаны бедра. Не исключено, что фигурка с обратной стороны изображает женщину. После отливки между ног было пробито отверстие подпрямоугольной формы (рис. 1, 5).

Заключение. Фигурки подобного типа уже известны: одна найдена в Царичанском районе Днепропетровской области [1], другая – в Рязанской губернии дореволюционной России [4]. Ценность публикуемой фигурки заключается в достоверном археологическом контексте находки – курганной насыпи с впускным погребением половецкого времени.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование выполнено в рамках государственного задания «Эволюция общества на землях Донбасса с древнейших времен до XVII века» (FRRE-2026-0023).*

Список литературы

1. Гриб, В. К. Культовая фигурка с левобережья Днепра / В. К. Гриб // Донецкие чтения – 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы X Международной научной конференции, посвященной 60-летию создания Донецкого научного центра (Донецк, 5-7 ноября 2025 г.). – Том 7: Исторические и политические науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2025. – С. 272–274.
2. Гриб, В. К. Бронзовая средневековая фигурка «уродца» с левобережья Днепра / В.К. Гриб // Труды VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда: в 3 т. Т. II. Красноярск, 6-10 октября 2025 г. / отв. ред.: А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, А. В. Поляков, П. В. Мандрыка. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2025. – С. 211–213.
3. Давыденко, В. В. Многоликие бронзовые фигурки уродцев в Восточной Европе: типология и семантика / В. В. Давыденко, В. К. Гриб // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк: ДонНУ, 2009. – Т. 7. Хазарское время. – С. 187–206.
4. Спицын, А. А. Уродливые медные статуэтки / А. А. Спицын // Известия ИАК. – СПб., 1909. – Вып. 29. – С. 142–152.

УДК 902"632"(470.61)

МЕТОД РАСЩЕПЛЕНИЯ МНОГОПЛОЩАДОЧНЫХ (КУБОВИДНЫХ) НУКЛЕУСОВ ПО МАТЕРИАЛАМ СТОЯНКИ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА БИРЮЧЬЯ БАЛКА 2 В НИЗОВЬЯХ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА

Данильченко А.Ю., ORCID 0000-0003-2793-9088
ГБУК РО «Народный военно-исторический музей Великой Отечественной войны «Самбекские высоты», с. Самбек, Ростовская область, РФ
adanil4enko@yandex.ru

Метод расщепления кубовидных (многоплощадочных) нуклеусов (*polyhedral method*) отражает наиболее простой способ технологической организации первичного расщепления среднего палеолита, который выражается в неограниченном сочетании элементарных (базовых) приёмов расщепления на основании ситуационно взаимозаменяемых площадок и условных рабочих поверхностей. В качестве основы использовались угловатые обломки конкреций или конкреций кремня фигурных очертаний, что предполагало использование угловых элементов такой преформы в качестве основы для формирования площадок.

Метод расщепления кубовидных нуклеусов хорошо сочетается с другими методами первичного расщепления в индустриях среднего палеолита Донбасса, Северо-Восточного Приазовья, Нижнего Дона и соседних территорий. Детальный анализ методов расщепления нуклеусов проведен в индустриях Белокузьминовки в Донбассе [1], Сухой Мечётки в Нижнем Поволжье [2; 3], памятников «восточного микока» юга Днепро-Донского междуречья [4; 5], Курдюмовки и др. Детализация приемов первичного расщепления на основании коллекций слоев и горизонтов среднего палеолита стоянки Бирючья Балка 2 в низовьях Северского Донца [6] позволяет получить новые данные об адаптации техники раскалывания к особенностям сырьевой базы. Охарактеризуем метод расщепления кубовидных (многоплощадочных) нуклеусов на основании ядрищ и складней слоев и горизонтов 6, 5в, 5, 5б и 4.

В материалах слоя 6 к такому методу расщепления относятся складни 1 и 2, 11 нуклеусов. Кубовидные нуклеусы изготовлены из конкреций различных форм и размеров, включая образцы с внутренними кавернами. Отличительными особенностями этой категории нуклеусов являются сочетание и взаимозаменяемость ударных площадок и рабочих поверхностей, наличие нескольких систем расщепления на одном ядрище. Такой принцип раскалывания привёл к образованию нуклеусов, массивных и угловатых очертаний, с несколькими системами сколов (расщепления). Меловая желвачная корка сохраняется практически на каждом их

образцов. К остаточной форме можно отнести экземпляр № 45028, у которого на последней стадии использовалась одна из площадок. Остальные площадки сохранились в виде рудиментов. Зоны расщепления у образцов № 46650, 43700, 45217 имеют признаки перебора карниза, у остальных сохраняется карниз. Скалываемые с таких нуклеусов отщепы имеют укороченные пропорции.

Слой 5в содержит 1 складень с продуктами кубовидного расщепления и 17 нуклеусов. Основой служили аморфные конкреции, в основном средних размеров. Качество сырья низкое, на многих экземплярах фиксируется внутренние каверны. В результате низкого качества сырья данные ядрища были оставлены, не достигнув предельного истощения, имеют несколько систем скалывания как следствие многократной переориентацией рабочего фронта.

В материалах слоя 5б собран складень 2 – кубовидный нуклеус и скол с него. Основа – кубовидная конкреция кремня с зональной окраской (ядро серого цвета, наружный слой ядра желто-коричневой окраски) и тонкой желто-зеленой коркой с ноздреватой окатанной поверхностью. Скол полупервичный, с корковой площадкой. Кубовидных нуклеусов (многоплощадочных) – 10 экз. В данной категории представлены различные по размерам аморфные конкреции. К крупным отнесено 4 экземпляра – № 8980, 8979, 8590, 8625. Кроме того, 6 экземпляров – № 7652, 8426, 8306, 8471, 8102 и 8479 – более мелкие по размерам. На некоторых экземплярах отмечены глубокие обширные каверны. Площадки в подавляющем большинстве гладкие – 10 ед., или грубо-фасетированные – 5 экз., корковые – 2 экз. У экземпляров № 8426, 8980 и 7652 в зоне расщепления отмечен карниз.

Слой 5 содержит складень 2 – блок из кубовидного нуклеуса и 5 сколов с него. Раскалывалась конкреция темно-серого кремня с толстой (до 5 мм) шероховатой поверхностью, с внутренними трещинами. Блок сколов ориентирован в параллельном направлении, остаточный нуклеус имеет кубовидные очертания. Складень 4 представляет собой остаточный кубовидный нуклеус, с тремя выраженными площадками. Смонтирован из нуклеуса и полупервичных и вторичных отщепов. Кремень серого, светло-серого цвета, с контрастной, ещё более светло-серой сердцевиной. Меловая корка толстая. Кубовидных нуклеусов (многоплощадочных) – 12 экз. Для изготовления нуклеусов использованы конкреции разных размеров, шаровидной (объемной) и уплощенной формы. Использованы конкреции среднего размера, кремневое сырье среднего и низкого качества, кремень серого, дымчато-серого, темно-серого цвета, с бордовыми и светло-серыми вкраплениями. Четыре экземпляра представляют собой нуклеусы на начальной стадии расщепления, 2 нуклеуса, более меньшие по размеру, оставлены на средней стадии, ещё 2 экземпляра на финальной стадии утилизации.

Слой 4 содержит 24 нуклеуса данного типа. В качестве заготовок были использованы конкреции и массивные сколы, частично покрытые желвачной коркой. На каждом из экземпляров фиксируется 2-3 ударные площадки и соответственно системы расщепления. Преобладают короткие широкие сколы. У экземпляра № 31933 отмечены следы пребывания в огне. Три экземпляра иллюстрируют наличие гладких площадок. У экземпляра № 29477 отмечена грубо фасетированная площадка. У 7-ми экземпляров площадки грубо-фасетированы. Гладкие площадки отмечены у 3-х экземпляров, в одном случае в зоне расщепления отмечена редукция.

В целом, описанные кубовидные нуклеусы, названные так по форме, представляют собой произвольное сочетание нескольких базовых элементов расщепления, не требующих дополнительных приёмов управления скалыванием. Продуктивность метода расщепления объясняется его простотой и низким уровнем требования к качеству сырья. Использовались кремневые конкреции ветвистой формы с внутренними кавернами и трещинами. Результат такой техники первичного расщепления – короткие массивные отщепы с целенаправленной огранкой дорсальной поверхности. Метод представлен как складнями, так и многочисленными отдельными нуклеусами. Складень 2 из слоя 5 показывает, что многоплощадочный метод расщепления мог оставаться постоянным на протяжении всего цикла расщепления, т.к. обеспечивал необходимый целевой продукт.

Список литературы

1. Цвейбель, Д. С. Техника первичного расщепления мустьерской стоянки Белокузьминовка в Донбассе / Д. С. Цвейбель, А. В. Колесник // Советская археология. – 1987. – № 1. – С. 5–20.
2. Колесник, А. В., Технология первичного расщепления камня на стоянке Сухая Мечётка / А. В. Колесник, А. К. Очередной, К. Н. Степанова, А. Ю. Данильченко. // Camera Praehistorica. – 2020. – № 2 (5). – С. 67–99. – DOI: 10.31250/2658-3828-2020-2-67-99.
3. Очередной, А. К. Среднепалеолитический памятник Сухая Мечётка: возобновление комплексных исследований / А. К. Очередной, С. О. Ремизов, К. Н. Степанова, М. В. Ельцов, Е. В. Воскресенская, Л. Б. Вишняцкий, П. Е. Нехорошев, Е. К. Блохин, В. В. Титов, А. В. Колесник // Нижневолжский археологический вестник. – 2020. – Т. 19. № 1. – С. 230–253. – DOI: 10.15688/nav.jvolsu.2020.1.13
4. Колесник, А. В. Памятники «Восточномикокского типа» Донбасса и Северо-Восточного Приазовья / А. В. Колесник // Записки Института истории материальной культуры РАН. – 2018. – № 17. – С. 141–150. – DOI: 10.31600/2310-6557-2018-17-141-150
5. Данильченко, А. Ю. Марьева Гора - памятник среднего палеолита в Северо-Восточном Приазовье / А. Ю. Данильченко, А. В. Колесник, А. К. Очередной, Ю. Н. Зоров // Stratum plus. – 2020. – № 1. – С. 201–224.
6. Данильченко, А. Ю. Культурное значение среднепалеолитической индустрии «Бирючья балка 2» на Нижнем Дону / А. Ю. Данильченко // Вестник ДонНУ. Серия Б: Гуманитарные науки. – 2025. – № 2. – С. 21–28.

УДК [930:069]:37.015.31:172–053.6"19/20"

ЭВОЛЮЦИЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ДИСКУРСА О РОЛИ МУЗЕЯ В ФОРМИРОВАНИИ КОММЕМОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI В.)

Дибас О.А., канд. ист. наук, доц., ORCID 0009-0007-0221-8811,
Милокост Л.С., канд. ист. наук, доц., ORCID 0009-0001-1403-2885
ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет»,
г. Луганск, РФ
oksana-dibasa@rambler.ru, *lubov.milokost@mail.ru*

Введение. Проблема формирования коммеморативной культуры молодежи средствами музейной педагогики находится на стыке исторической науки, культурологии и педагогики, что обусловливает междисциплинарный характер ее историографического осмысления. Актуальность обращения к историографии данного вопроса продиктована необходимостью осмысления трансформации научных подходов к роли музея как института памяти в условиях меняющегося воспитательного пространства.

Цель доклада – выявить ключевые этапы и содержательные сдвиги в отечественном историографическом дискурсе, посвященном коммеморативной функции музея в работе с молодежью на протяжении конца XX – начала XXI в.

Основная часть. Изучение историографического массива позволяет дифференцировать три хронологически локализованных и концептуально гетерогенных этапа в научной рефлексии коммеморативного потенциала музейного института.

Конец 1980-х – конец 1990-х гг. детерминирован процессами десакрализации и деконструкции советской модели музейно-педагогического взаимодействия, характеризовавшейся доминированием императива «музейной пропаганды» и нормативно предписанного патриотического воспитания. В указанный период формируется корпус работ Б.А. Ерасова, М.Б. Гнедовского, М.Е. Каулен [2, 3], в которых музей концептуализируется, прежде всего, как институция репрезентации и трансляции культурного наследия, реализующая просветительскую миссию. Коммеморативная проблематика на данном этапе не выделяется в качестве автономного предмета исследования; учёные констатируют кризис традиционных форматов коммуникации музея со школьной и студенческой аудиторией, обусловленный глубинными социокультурными трансформациями постсоветского социума, однако предлагаемые стратегии оптимизации музейной деятельности остаются в рамках адаптационной, а не мемориальной парадигмы.

Рубеж 2000-х – момент, когда музейная педагогика сбросила с себя ярлык «прикладного довеска» и заговорила своим голосом. С этим совпало настоящее нашествие западных понятий из области коммеморативистики. Так вышло, потому что привычные объяснительные схемы буксовали перед, казалось бы, наивным вопросом: а что, собственно, представляет собой музей? Ответы предложили двое – Пьер Нора, предложивший термин «места памяти», и Ян Ассман, который разграничил память коммуникативную и культурную. И картинка перевернулась. Музей больше не безмолвный глашатай официальной версии прошлого. Теперь это сцена, на которой коллективная память разыгрывается заново – живёт, меняется, обретает новые смыслы. Экспозиция – уже не монолог экскурсовода, а приглашение к беседе с минувшим, и именно в этой беседе взрослеет историческое сознание подрастающего поколения. Параллельно проклюнулось ещё одно русло – музеефикация наследия, понятая как магистральный путь передачи памяти тем, кто ещё не родился.

С середины 2010-х прорисовываются два течения, которые взаимосвязаны. Российские учёные втягиваются в мировую парадигму Memory Studies – и одновременно музейное дело захлёстывает цифровизация. Внимание всё больше приковано к конкретике: как преображается историческая память молодых, какую нишу она занимает в духовной безопасности государства. Отдельная сюжетная линия – школьные музеи. Их всё настойчивее мыслят как средоточие патриотического воспитания и копилку местной истории. Исследователи, словно сговорившись, повторяют: сегодняшний музей – это не застывшая витрина, а дышащее, подвижное воспитательное пространство (с чем, однако, трудно спорить), где старые добрые экспозиции соседствуют с цифровыми интерактивами. Ещё один вектор – возрождение гражданских традиций в стенах школ и вузов, что скрепляет воспитательный процесс воедино.

Здесь на первый план выходят кейс-стади. Взять хотя бы А.В. Сушко и Н.В. Лидер, основываясь на материалах школьного музея боевой славы, они демонстрируют, как память о событиях «малой родины» делается опорой гражданской идентичности [4]. В.П. Голованов и Е.С. Слесаренко вглядываются в школьный музей Победы – и обнаруживают там уникальное воспитательное пространство, где традиция и интерактив идут рука об руку [1]. М.А. Танина с соавторами предлагают своё: историческая память молодых складывается из множества слагаемых, и музейной педагогике тут досталась чуть ли не главная роль [5]. Направление движения ясно: от описательства – к вдумчивому анализу того, на что способен музей как воспитатель в эпоху цифры.

Заключение. Обзор историографии фиксирует слом эпох: нормативно-идеологический канон уступил место междисциплинарному, подкреплённому опытом изучению того, как память удерживается и

передаётся дальше. Но остаётся и незаполненная ниша. Речь о том, как эти практики сцепляются в единую цепочку «школа – вуз – музей» – здесь по-прежнему белое пятно. А если так, то историко-педагогической науке хватит работы надолго.

Список литературы

1. Голованов, В. П. Школьный музей Победы как воспитательное пространство сохранения исторической памяти юных россиян / В. П. Голованов, Е. С. Слесаренко // Педагогика: история, перспективы. – 2025. – № 2. – С. 84–89. – EDN: ORQCHU.
2. Каулен, М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России / М. Е. Каулен. – Москва : Этерна, 2012. – 430 с. – ISBN 978-5-480-00285-0.
3. Репина, Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л. П. Репина. – Москва : Кругъ, 2011. – 560 с. – ISBN 978-5-7396-0203-9.
4. Сушко, А. В. Школьный музей боевой славы 75-й Гвардейской бригады: история, опыт и значение патриотической работы / А. В. Сушко, Н. В. Лидер // Омский научный вестник. Серия: Образование. Педагогические науки. – 2023. – Т. 8, № 2. – С. 10–15. – EDN: YZIOKH.
5. Танина, М. А. Историческая память молодежи в России : монография / М. А. Тинина, И. А. Юрасов, В. А. Юдина. – Пенза : Пензенский государственный университет, 2020. – 150 с. – ISBN 978-5-907521-02-5.

УДК 930.1:947(410.1)

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ «ВАРВАРОВ С СЕВЕРА» В АНГЛИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Жиряков К.А., ORCID 0000-0003-2378-666X
ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет»,
г. Мелитополь, Запорожская обл., РФ
kot-deims@mail.ru

Введение. Анализируя исследования, посвящённые изучению скандинавского общества «эпохи викингов» возможно выделить несколько концепции основные положения которых были сформированные в средние века, но сохранили позиции в современных исследованиях.

Основная часть. Одной из основных концепций, воспроизводящих основные средневековые положения, является концепция «варваров с севера». Несмотря на то, что в профессиональных исследованиях данная концепция не была названа, коллектив профессиональных историков Р. Шартран, М. Дюрам, К. Харрисон и И. Хит в научно-популярной работе 2006 г. «Викинги. Мореплаватели, пираты и воины» называют концепцией «варваров с севера» [9, с. 6]. Методологически положения концепции «варваров с севера» базируются на разности скорости изменения эволюции

социальной организации, менее развитые общества в попытка достичь успеха и богатства более развитых устраиваю набеги и нападают на них.

Подобное восприятие «викингов» сформировалось в период раннего средневековья и получило развитие в исторической науке Нового и Новейшего времени. Особое распространение концепция «варваров с севера» получила в английской национальной историографии. Изучив генезис концепции «варваров с севера» мы можем выделить четыре основные этапа ее эволюции: средневековый, «довикторианский», «викторианский» и современный.

Первый этап – это средневековый период формирования основных положений концепции «варваров с севера». Хронологически он приходится на конец VII – середину XI вв. Концепция «варваров с севера» возникает в работах христианских хронистов, основывая на предыдущем античном в первую очередь римском восприятии варварства и цивилизации. Проанализировав работы изучающие восприятия варварства в римской традиции, мы можем выделить в рамках античной традиции ключевым элементом для определения варваров культурное различие [6, с. 8-9; 7, с. 195]. Инновацией средневековой христианской традиции по сравнению с римской является восприятие «викингов», как варваров на основе религиозного расхождения с христианской Европой. Понятия «язычники» и «варвары» выступают в качестве синонимов, с преобладанием использования в хрониках термина «язычники». Политеизм скандинавов, являлся основой для восприятия скандинавского общества, как менее социально развитого, а под влиянием провиденциализма в средневековой историографии, сформировалось восприятие варваров, как божественного наказания [4].

Второй этап – «довикторианский» – хронологически определяется нами как XVII – пер. пол. XIX в. С момента начала построения последовательной и единой истории Англии в пределах английской национальной историографии и до начала «викторианской» эпохи, в рамках которой произошел пересмотр позиций в отношении «викингов» и отход от концепции «варваров с севера». В основном «довикторианский» период характеризуется воспроизведением положений концепции «варваров с севера» сформированных в средневековой историографии, главным отличительным явлением является равная частота понятий «язычники» и «варвары» в исследованиях. Варваров воспринимают дикими и свирепыми, непрошеными и неспровоцированными разрушителями, стремящимися получить доступ к богатствам Англии.

Третий этап – «викторианский» – относится к 1837–1901 гг., когда в ходе реализации европейской политики Англии в «викторианскую» эпоху происходит пересмотр в восприятии германских племен вообще и викингов в частности. Германцы определяются как кузены, а викинги – как героические предшественники викторианских исследователей. Тем не

менее все еще сохраняются отдельные исследователи, воспрещающие викингов, как северных варваров. Так, Т. Б. Маколей в своей работе 1848 г. «The History of England from the Accession of James the Second» указывает, что их вторжения связаны с беспощадной жестокостью и новым падением начинавшей развиваться цивилизации [2].

Четвертый этап – современный, который мы локализируем хронологически с 30-х гг. XX в. по начало XXI в. Так, в 1930-м году в работе Т. Д. Кендрика «A History of the Vikings» происходит возврат к концепции «варваров с севера», где скандинавы представлены, как вредители для окраин цивилизации, стремящиеся заимствовать английские культуру и традиции [1, с. 1, 12, 126]. Именно его в работе оформляются современные положения концепции, где викинги теперь не только отстают в скорости социального развития, но и не могут развивать свое общество без заимствований у цивилизованных англичан. Развитие данный подход получил в 1960 г. в работе Д. М. Вилсона «Англосаксы. Покорители кельтской Британии» [5, с. 30], а апофеоз был достигнут в 2016 г. в работе Д. Хейвуда «Люди Севера: История викингов 793-1241» [8, с. 13] в которой скандинавам отказали и в технологическом развитии.

Заключение. Таким образом, мы можем констатировать, что концепция «варваров с севера» пройдя четыре этапа эволюции сохранила основополагающие положения, сформированные еще в эпоху средневековья. Однако окончательное оформление положений данной концепции произошло в период 30-60-х гг. XX века, превратившись в ведущую концепцию изучения «эпохи викингов» в английской историографии.

Список литературы

1. Kendrick, T. D. A history of the Vikings / T. D. Kendrick – New York: Dover Publications, 2004. – 464 p.
2. Macaulay, T. B. History of England: From the Accession of James the Second. In Ten Volumes / T. B. Macaulay – Norwalk, CT: The Easton Press, 1993. – 526 p.
3. Richards, J. D. The Vikings: A Very Short Introduction / J. D. Richards – Oxford; New York: Oxford University Press, 2005. – 152 p.
4. Whitelock, D. English Historical Documents Vol. 1, 500-1042. 2nd ed. / D. Whitelock, D. C. Douglas – Abingdon-on-Thames: Routledge, 1996. – 1053 p.
5. Wilson, D. M. Anglo-Saxon art from the seventh century to the Norman conquest / D. M. Wilson – London: Thames and Hudson, 1984. – 224 p.
6. Буданова, В. П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. / В. П. Буданова – М.: Наука, 2000. – 544 с.
7. Мюссе, Л. Варварские нашествия на Европу: германский натиск / Л. Мюссе / Пер. с фр. А. П. Саниной – СПб.: Евразия, 2008. – 399 с.
8. Хейвуд, Д. Люди Севера: История викингов. 793–1241 / Д. Хейвуд / Пер. с англ. Н. Мезин. – М.: Альпина нон-фикшн, 2017. – 452 с.
9. Шартран, Р. Викинги. Мореплаватели, пираты и воины / Р. Шартран, М. Дюрам, К. Харрисон, И. Хит / Пер. с англ. яз. А. Колина. – М.: «Эксмо», 2008. – 192 с.

УДК 930.25:39(470.57)

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ФОНДОВ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН ПО НАРОДНОМУ ТВОРЧЕСТВУ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОАРХИВИСТИКИ

Карамов Р.Р., ORCID 0009-0007-7858-2716,
Бурангулов Б.В., д-р ист. наук, проф., ORCID 0000-0001-8595-7220
ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», г. Уфа, РФ
rkaramov77@gmail.com, bajras-burangulov@yandex.ru

Введение. Документы Национального архива Республики Башкортостан позволяют рассматривать народное творчество в связи с культурной жизнью Республики в советскую эпоху. Организация культурной деятельности в послевоенные годы развивалась на фоне расширения научных и просветительских задач архивных учреждений. Как отмечает Б. В. Бурангулов, уже в послевоенные годы перед региональными архивными органами ставилась задача «укрепить и расширить научную связь госархивов с научно-исследовательскими и культурно-просветительскими учреждениями» [3, с. 83]. Для изучения народного творчества в рассматриваемый период особый интерес представляет фонд Башкирского Республиканского Дома народного творчества (БРДНТ), объединяющий материалы об организации художественной самодеятельности.

Цель статьи – раскрыть возможности этого фонда для изучения представления народных традиций, духовной и материальной культуры в деятельности самодеятельных коллективов.

Основная часть. Документальная база изучения культурной жизни формировалась в ходе комплектования государственного архива материалами учреждений и организаций. Как показывает Б. В. Бурангулов, в 1950-е гг. эта работа включала взаимодействие архивных органов с учреждениями Республики и поступление региональных документов из других архивов [2, с. 134–135]. Деятельность БРДНТ представлена фондом Р-3188, описью № 1 дел постоянного хранения за 1939–1967 гг. В представленном перечне дел исследуемого периода выделяются программы художественной самодеятельности, материалы смотров, планы работы, отчёты и переписка. Фонд позволяет изучать включение народных традиций в культурную жизнь Республики через деятельность учреждений и самодеятельных коллективов. Д. В. Морозов подчёркивает значение фольклорно-этнографических материалов для научных исследований и работы профессиональных и самодеятельных исполнителей [5, с. 59]. Применительно к документам БРДНТ эта связь раскрывается при

сопоставлении методических рекомендаций, программ выступлений и оценок жюри: рекомендаций по формированию репертуара, фактически представленных номеров и критериев их отбора. Такое сопоставление позволяет исследовать, какие формы народного творчества включались в сценическую практику и как оценивалось их исполнение.

Организационный аспект этой связи раскрывается через отношения БРДНТ с Министерством культуры БАССР, Всесоюзным Домом народного творчества и местными учреждениями культуры. Переписка с министерством отражает административный уровень взаимодействия, переписка со всесоюзным учреждением – методический. В сочетании с планами и отчётами она даёт возможность проследить подготовку смотров, формирование репертуара и характер помощи коллективам. Тем самым общие культурные установки соотносятся со сценическим воплощением местных традиций. Межведомственные контакты свидетельствуют об участии в обеспечении этой работы и других организаций. Так, распоряжение Совета Министров БАССР от 1 октября 1960 г. предусматривало поездку 24 участников Чекмагушевского танцевального коллектива в Москву для выступления на сессии Верховного Совета РСФСР. Подготовка коллектива поручалась Министерству культуры. БРДНТ получил разрешение произвести расходы на поездку, к финансовому обеспечению которой привлекался Башпотребсоюз [1, оп. 1, д. 98, л. 28]. Представление местного творчества на общероссийском уровне, следовательно, было результатом совместной работы учреждений культуры, органов власти и других организаций.

Содержательную основу этой деятельности составляли народные песни, танцы и инструментальное творчество. В них объединены язык, музыкальные и хореографические особенности, обрядовые и бытовые сюжеты. Н. М. Сиражитдинова рассматривает песенный фольклор и народную хореографию как связанные формы творчества, отмечая национальные особенности и межэтнические взаимовлияния в музыкальной культуре Башкортостана [7, с. 63]. Подобный подход позволяет соотнести тему самодеятельности с многоэтничностью Республики. Репертуар в этом отношении выступает формой публичного выражения культурных традиций разных народов. В документах БРДНТ этнокультурное содержание репертуара представлено во взаимосвязи с жанрами творчества и местностью, которую представляли исполнители. Например, в отчёте об олимпиаде 1958 г. отмечены башкирские танцы коллективов Салавата и Сибая, выступление ансамбля кураистов Бурзянского района, татарские песни участников из Чекмагушевского района [1, оп. 1, д. 76, л. 15]. Такие сведения помогают соотнести этнокультурные особенности репертуара с местной исполнительской средой.

Исполнительские традиции связаны также с материальной культурой. Костюм, музыкальный инструмент, утварь и трудовой инвентарь дополняют содержание песен и танцев. Благодаря им сценические образы соотносятся с повседневной жизнью. Т. И. Кимеева раскрывает взаимосвязь обрядов, традиционной одежды и технологий домашних ремёсел [6, с. 25–26]. В самодеятельном репертуаре эта связь прослеживается в произведениях, посвящённых трудовым занятиям: в отчёте 1958 г. отмечена массовая народная сценка «Обработка кошмы» Чекмагушевского коллектива, в протоколе жюри – трудовая пляска «Ленок» Белокатайского района, рекомендованная ко второму туру олимпиады [1, оп. 1, д. 76, л. 15; д. 78, л. 57]. Сюжетной основой сценического творчества в этих случаях служат изготовление предметов быта и хозяйственный труд. Материалы фонда, соответственно, позволяют изучать материальную культуру в её художественном осмыслении – через те занятия и образы повседневности, которые входили в самодеятельный репертуар.

Заключение. Для этноархивистики фонд БРДНТ ценен тем, что документирует связь народных традиций с работой учреждений культуры и самодеятельных коллективов. Программы, материалы смотров и организационные документы позволяют рассматривать духовную и материальную культуру как части одного историко-культурного процесса. Позиция С. Д. Мухоплевой о возвращении сохранённой архивной информации в общество подчёркивает и прикладное значение такого наследия [4, с. 82–89]: документы могут служить основой для обращения к репертуару, исполнительским традициям и культурному опыту народов Башкортостана.

Список литературы

1. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). – Ф. Р-3188. Башкирский республиканский Дом народного творчества. – Оп. 1. Дела постоянного хранения за 1939–1967 гг.
2. Бурангулов, Б. В. История государственной архивной службы Башкортостана (1919–1990 гг.) : монография / Б. В. Бурангулов ; научный редактор И. Г. Акманов. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2009. – 326 с.
3. Бурангулов, Б. В. Управление региональным архивным делом на Южном Урале (1919–1991 гг.) : монография / Б. В. Бурангулов ; научный редактор Б. А. Азнабаев. – Уфа : Книга-принт, 2023. – 168 с.
4. Мухоплева, С. Д. Архив как «строитель национального самосознания и идентитета»: к вопросу архивации рукописей олонхо и фольклорных документов коренных народов Якутии / С. Д. Мухоплева // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2013. – № 1 (6). – С. 82–89.
5. Морозов, Д. В. Фонды фольклорно-этнографических материалов: современное состояние и проблемы сохранения / Д. В. Морозов // Живая старина. – 2018. – № 3 (99). – С. 59–60.

6. Кимеева, Т. И. Методика выявления объектов нематериального культурного наследия в среде бытования этноса / Т. И. Кимеева // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2024. – № 1 (58). – С. 23–28. – DOI: 10.30725/2619-0303-2024-1-23-28.
7. Сиражитдинова, Н. М. Межэтнические взаимовлияния в современном музыкальном фольклоре народов Башкортостана / Н. М. Сиражитдинова // Проблемы востоковедения. – 2021. – № 2 (92). – С. 63–69. – DOI: 10.24412/2223-0564-2021-2-63-69.

УДК 902(470.61)

СТРУКТУРА МЯСНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ АЗАКА

Карепин К.В., ORCID 0000-0003-4598-9273
ФГБОУ ВО «Донбасская аграрная академия» г. Макеевка, РФ
karepin.kostya@mail.ru

Введение. Питание остаётся одной из наиболее информативных сторон повседневной жизни средневекового населения: по тому, что и в каком виде употреблялось в пищу, можно судить о хозяйстве, торговых связях и имущественном положении жителей. При этом особое место занимает мясная пища.

Выяснение мясного рациона населения того или иного памятника возможно по остеологическим остаткам, однако ограничивающим фактором при этом является количество костей. Перспективными в этом плане являются крупные населенные пункты, где объемы обнаруженных костей исчисляются десятками и сотнями тысяч. Для Днепро-Донского междуречья подобным памятником является Азак.

Основная часть. На сегодняшний день исследования пищевых привычек жителей Азака ведутся особенно активно. В последнее время вышел ряд статей, комплексно рассматривающий пищу как растительного [1], так и мясного происхождения [2]. Основной вывод касается того, что в мясном рационе населения преобладала говядина, как и на других памятниках [3]. Цель же настоящей работы выявить особенности поступления и распределения мясных частей туш КРС и МРС на различных участках Азака.

Суть применённого в исследовании метода анализа в следующем. На первом этапе весь остеологический материал памятника был разделён на три группы: "технические", включавшие в себя кости черепа и дистальных отделов конечностей; "мясные", в свою очередь разделённые на грудной, позвоночный и тазовый отделы и кости передней и задней конечности, а также группа "прочие", которая объединяла оставшееся. По соотношению

"технических" отделов к "мясным" удалось установить характер происхождения мяса в каждом случае. На ряде участков прослежено равное соотношение "технических" и "мясных" отделов, что является маркером разделки туш на месте [4].

На втором этапе было выяснено внутригрупповое соотношение мясных отделов, для выявления наиболее преобладающих групп. При нормальном распределении, даже учитывая тот факт, что далеко не все кости попадают в слой, наибольшее количество костей должно фиксироваться для грудных отделов. Также ожидаемое соотношение костей задней конечности к передней должно быть в диапазоне 1-1,5:2. Состав остеологических остатков для каждого участка представлен на графиках (рис.1, 2).

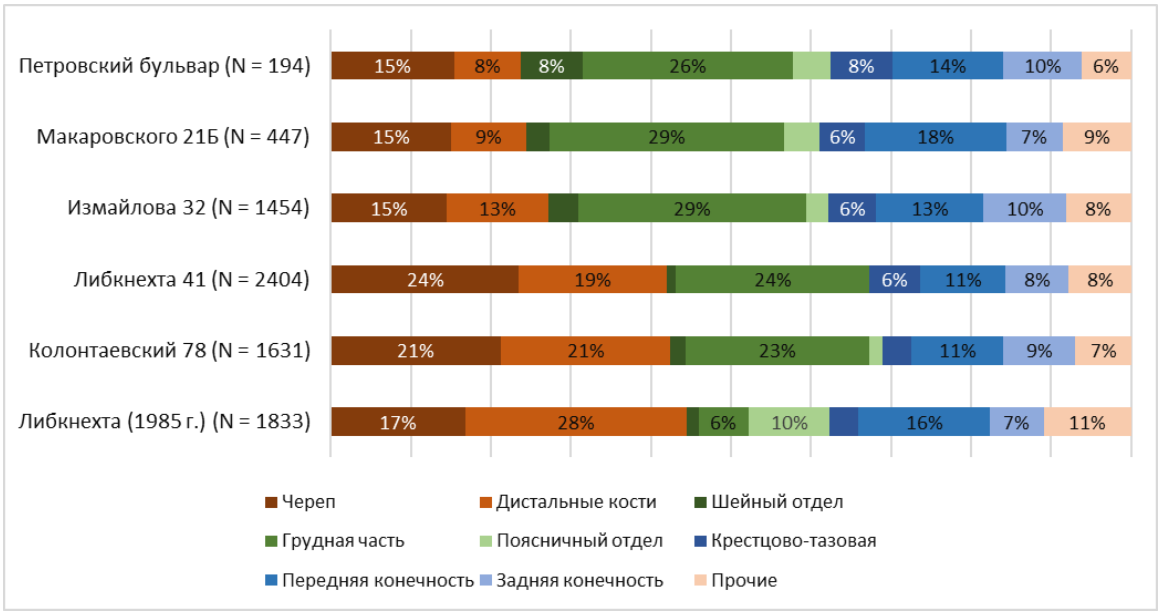

Рис 1. Состав остеологических остатков КРС по участкам.

Для анализа были отобраны 6 местонахождений, относящихся к разным по времени и по имущественному составу населения районам средневекового городища: Петровский бульвар, Измайлова 32, Макаровского 21Б, Колонтаевский 78, ул. Карла Либкнехта (раскопки 1985 г.) и Карла Либкнехта 41. По соотношению "мясных" и "технических" отделов скелета удалось разделить все местонахождения на две группы:

1) Производственные, где велась разделка туш, вероятно, с целью получения шкур животных. Мясные части туши при этом были вторичным продуктом. К данной группе относятся Колонтаевский 78 и Карла Либкнехта 41;

2) Потребительские, куда мясо животных приносилось отделами или тушами. Часть животных могли также забивать на месте с целью дальнейшего употребления их мяса в пищу. Подобная ситуация встречается на Петровском Бульваре, Измайлова 32, Макаровского 21Б.

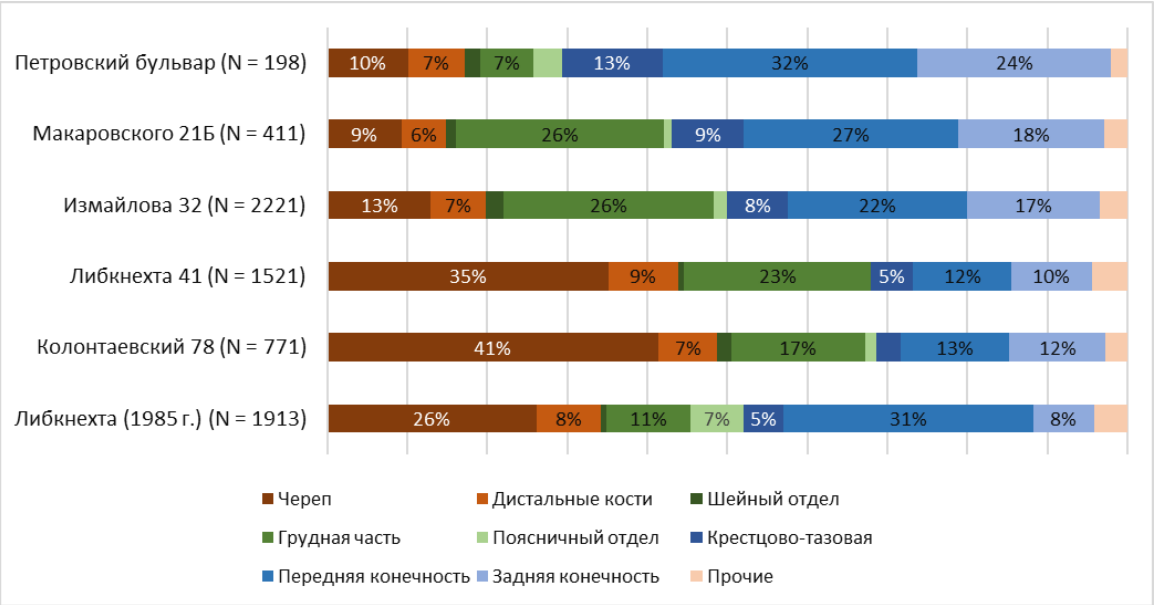

Рис 2. Состав остеологических остатков МРС по участкам.

Особо интересная ситуация сложилась на **Карла Либкнехта (раскопки 1985 г.)**. Доля "мясных" отделов скелета у КРС здесь составила 44,63%, против 44,46% "технических", что указывает на производственный характер забоя КРС. В то же время у МРС ситуация противоположна. Здесь соотношение "мясных" и "технических" отделов (61,68% к 34,13%) занимает промежуточное положение, однако небольшое число дистальных костей и преобладание костей передней конечности указывают на покупной характер баранины, а повышенная доля черепных костей может быть объяснена поступлением туш с головами.

На участке **Колонтаевский 78** у КРС доля «технических» остатков составляет 42,43% против 50,58% «мясных». Для МРС соотношение 48,77% к 48,51%, что однозначно свидетельствует о производственном характере и разделке туш на месте. При этом внутригрупповые доли для КРС показывают нормальное распределение для основных мясных отделов, с незначительным завышением доли костей задней конечности. Для МРС ситуация схожа, однако фиксируется заниженное количество костей грудного отдела.

На **Карла Либкнехта 41** соотношения для КРС и МРС сходны (44,46% «технических» к 50,21% «мясных» для КРС и 43,85% «технических» к 51,43% «мясных» для МРС), однако внутригрупповые доли указывают, что мясо являлось побочным продуктом и употреблялось на месте. Для МРС также отмечается незначительное завышение ожидаемых показателей костей задней конечности, что возможно объясняется дополнительными закупками этой части туши.

На участках потребительской группы доли «технических» отделов варьируются в диапазоне от 23,71% до 27,24% для КРС и от 14,84% до

19,86% для МРС. В целом же, эти местонахождения отличаются малым количеством костей (за исключением раскопа на Измайлова 32, где обнаружено 3675 определённых костей). Внутригрупповые соотношения соответствуют о двух равновозможных ситуациях: либо забой КРС вёлся на месте с последующим употреблением туши, либо производилась покупка мяса тушами. Лишь на Макаровского 21Б отмечается превышение ожидаемых показателей костей передней конечности, что может говорить о предпочтении этой части туши местным населением. Для МРС очевидна закупка отдельных частей туши, в особенности передних конечностей. Лишь для Измайлова 32 можно предположить, что баранина закупалась тушами, однако и здесь ожидаемые показатели для костей передней конечности оказываются завышенными.

Заключение. Таким образом, проведённый анализ показывает сложность и неоднородность структуры мясного потребления жителей Азака, что прослеживается как между отдельными местонахождениями, так и в пределах всего городища. Мясо животных могло являться побочным продуктом на «производственных» участках или закупаться как отдельными частями, так и целыми тушами. На «потребительских» участках отмечаются особенно высокие доли специально выбранных «мясных» частей костей передней конечности.

Неоднородность структуры потребления проявляется в материалах раскопок 1985 г. на ул. Карла Либкнехта, где целенаправленная разделка туш КРС сочеталась, по-видимому, с приобретением баранины отдельными частями.

Кроме всего, анализ подтверждает превалирующую роль говядины в мясном потреблении жителей Азака независимо от социально-имущественного положения потребителей. Этот факт требует отдельного исследования в связи с несоответствием традиционной системе табан хошуу мал, распространённой в монгольских обществах [5].

Благодарности: *Автор выражает благодарность Ю.Я. Мягковой за предоставленные материалы и оказанные при подготовке работы консультации*.

Список литературы

1. Серёжникова, Д. С. Растительный компонент в питании населения Азака XIV в. / Д. С. Серёжникова // Stratum plus. – 2025. – № 6. – С. 359–376. – DOI: 10.55086/sp256359376
2. Яворская, Л. В. Что продавали мясные лавки Азака: как заполнены костями животных культурные напластования золотоордынского города / Л. В. Яворская, А. Н. Масловский, С. В. Семенова, О. С. Лебедева // Stratum plus. – 2025. – № 6. – С. 377–385. – DOI: 10.55086/sp256377385
3. Яворская, Л. В. К вопросу об обеспечении мясными продуктами средневекового города Болгар / Л. В. Яворская // Поволжская археология. – 2018. – № 2 (24). – С. 307–318.

4. Яворская, Л. В. Продукция скотоводства в золотоордынском Маджаре: мясные продукты и ремесленные производства / Л. В. Яворская // Археология евразийских степей. – 2018. – № 5. – С. 68–73. – DOI: 10.24411/2587-6112-2018-00082.
5. Карепин, К. В. «Табан хошуу мал» и скотоводство кочевников Днепро-Донского междуречья в XIII-XIV вв. / К. В. Карепин // Приоритетные векторы развития промышленности и сельского хозяйства. Материалы IX Международной научно-практической конференции. – Макеевка : ДОНАГРА, 2026. – Т. III.– С. 184–188.

УДК 902:623.4(470)"16/17"

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПАКЕТА КРЕМНЕВЫХ ЗАМКОВ РУССКОГО РУЧНОГО ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ XVII-XVIII ВВ. И РАСХОДНЫХ МАТЕРИАЛОВ К НЕМУ

Климова К.И., ORCID 0009-0005-1661-5178,
Колесник А.В., д-р ист. наук, доц., ORCID 0000-0002-4933-8438
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
igorevich.cho@mail.ru, *akolesnik2007@mail.ru*

Введение. В развитии техники отмечена передача новаций в виде технологических пакетов – фактически групп сопряженных технологий. В области производства ручного огнестрельного оружия, в состав технологического пакета входили тип ружейного замка, технология получения ствола, калибр оружия, рецептура пороха, технология литья пуль и ядер, производство ружейных кремней, приемы стрельбы и пр. Разрабатывался и передавался весь технологический пакет с последующей адаптацией под технологические возможности страны-преемника. Ружейные кремни являлись составной частью технологического пакета. В новое время кремневое хозяйство оформилось в отдельную отрасль производства боеприпасов и занимало важное место в военной экономике. В настоящей работе обратим внимание на вероятное происхождение технологии производства ружейных кремней в России в Новое время.

Основная часть. В рамках западноевропейской традиции производства ружейных кремней в XVI-XIX вв. отмечено последовательное изменение нескольких стилей и технологий. Ранние кремни, более или менее идентичные для всей Западной Европы, изготавливались из простых отщепов [1]. Т.Б. Баллин уточняет, что это были т.н. би-вентральные (ventral-ventral flakes) отщепы, т.е. короткие сколы с двумя вентральными поверхностями [2, fig. 2]. С 1670-х гг. по 1790 г. широкое распространение получила продукция французских мастерских из кремня медового цвета. Кремни делались из сечений

пластин с ретушированными торцами и бойковой частью вдоль края [3, p. 28]. В результате торговли кремни этого типа распространялись вплоть до г. Енисейска в Сибири (устное сообщение от Д.Н. Лысенко).

В 1790 г. пластинчатая технология производства ружейных кремней была освоена английскими оружейниками, которые создали свой специфический тип ружейных микролитов-вкладышей из фрагментов регулярных пластин [4]. Благодаря развитой британской торговле кремни этого типа поступали во все уголки мира, включая Россию. На фоне распространения пластинчатых технологий в производстве ружейных кремней в странах Скандинавии в XVII-XVIII вв. при этом сохранилась традиция изготовления вкладышей из отщепов [5]. В этом плане, русская технология изготовления ружейных кремней в XVII-XVIII вв. целиком сопоставима со скандинавским опытом. Датские, голландские и немецкие кремневые мастерские сочетали опыт разных стран.

Наиболее ранние ружейные кремни их крепостей Нижнего Дона, в частности, из крепости Лютик, относящиеся к 1660-м гг., изготовлены на мастерских Волго-Окского междуречья из местного каменноугольного сырья. Эти ружейные кремневые микролиты-вкладыши целиком изготовлены их отщепов по скандинавской технологии [6]. Серия ружейных кремней из фрагментов правильных пластин туронского мелового кремня, найденных на местах дислокации военных отрядов конца XVIII – начала XIX вв. в Крыму, вполне соответствует английским стандартам [7].

Заключение. Наиболее ранние найденные в России датированные ружейные замки первой половины XVII в. относятся к голландским типам. Видимо, с этой частью Европы связана и традиция изготовления кремневых ружейных вкладышей из отщепов, производство которых в России обрело свои специфические особенности. Система организации производства ружейных кремней в казенных и сельских мастерских в центральной части Европейской России, казенные поставки казакам и гарнизонам крепостей, а также торговля кремнем неплохо отражены в письменных источниках, однако изучены пока недостаточно полно. Традиция локального производства ружейных кремней из каменноугольного сырья Волго-Окского междуречья продолжалась до начала XIX в., после чего широкое распространение получили привозные кремни, изготовленные по английской технологии. Широкое распространение получили также английские строевые ружья образцов 1817 и 1830-х гг. – сами ружья и продукция тульских оружейных мастерских на основе английских прототипов.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование выполнено в рамках государственного задания «Эволюция общества на землях Донбасса с древнейших времен до XVII века» (FRRE-2026-0023).*

Список литературы

1. Hamilton, T. M. Eighteenth-Century Gunflints from Fort Michilimackinac and Other Colonial Sites / T. M. Hamilton, K. O. Emery; Mackinac Island State Park Commission. – Mackinac Island, Michigan: Mackinac Island State Park Commission, 1988. – 281 p.
2. Ballin, T. B. Gunflints from Drottningen of Swerige (1745) and Concordia (1786) / T. B. Ballin // Arms and Armour. – 2014. – Vol. 11, No. 1. – Pp. 44–67. – DOI: 10.1179/1741612414Z.00000000032
3. Emy, J. L'Histoire de la pierre à fusil / J. Emy. – Blois: Société d'exploitation de l'imprimerie d'Alleaume, 1978. – 380 p.
4. de Lotbiniere S. The story of the English gunflint – some theories and queries / S. de Lotbiniere // The Journal of the Arms and Armour Society. – 1977. – Vol. 9 (1). – Pp. 18–53.
5. Hess, C. De glemte flinthuggere fra Stevns / C. Hess // Skalk. – 1968. – № 5. – Pp. 9–15.
6. Колесник, А. В. Комплексы ружейных кремней XVIII-XIX вв. из Крыма / А. В. Колесник, М. Ю. Яковец, К. И. Климова // Поволжская археология. – 2016. – № 4 (18). – С. 309–324.
7. Колесник, А. В. Ружейные и кресальные кремни из крепости Лютик (XVII-XVIII вв.) на Нижнем Дону / А. В. Колесник, И. Р. Гусач // Поволжская археология. – 2018. – № 4 (26). – С. 98–116. – DOI: 10.24852/2018.4.26.98.116

УДК 902"632.5"(571.51)

СКОПЛЕНИЕ КАМЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ НА УЧАСТКЕ 60 СТОЯНКИ ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА УСТЬ-БАЗАИХА-2 (СИБИРСКАЯ) В Г. КРАСНОЯРСКЕ

Колесник А.В.[1, 2], д-р ист. наук, доц., ORCID 0000-0002-4933-8438,
Муратов Е.С.[3], ORCID 0009-0004-5258-3049,
Гиря Е.Ю.[2], канд. ист. наук, ORCID 0000-0002-2037-9826,
Лысенко Д.Н.[3], ORCID 0009-0004-2607-120X
[1] ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
[2] Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, РФ
[3] ООО «Красноярская Геоархеология», г. Красноярск, РФ
akolesnik2007@mail.ru, *e.moor@mail.ru*, *kostionki@yandex.ru*, *lysed@yandex.ru*

В 2025 г. в ходе раскопок культурного слоя стоянки Усть-Базаиха-2 (Сибирская) в г. Красноярске на участке 60 обнаружен необычный объект № 3 – компактное скопление каменных изделий. Стоянка расположена в месте впадения левобережного притока р. Базаиха в Енисей. Основная часть предметов скопления залегает плотной массой, образующей неправильный прямоугольник размерами приблизительно 20х25 см в плане. В составе скопления 22 заготовки торцовых нуклеусов для пластинок и микропластинок, 5 скребел без следов использования, а также большая группа специально отобранных относительно тонких сколов средних размеров.

Часть заготовок нуклеусов сделана в форме асимметричных в плане бифасов. Целевое скалывание с нуклеусов не производилось. Подавляющая часть отобранных сколов без галечной корки. В качестве сырья использовалась экзотическая для данной местности тонкозернистая кремнистая порода камня. На многих изделиях сохранились следы неутилитарного износа – следствие транспортировки изделий в тесной емкости. Судя по сумме признаков, данная группа предметов была изготовлена на значительном расстоянии от стоянки, принесена в небольшой емкости из органического материала и специально сокрыта в небольшом углублении на поверхности обитания. На месте удаленной мастерской по первичной обработке были отобраны заготовки нуклеусов, сколы средних размеров, сделаны и взяты с собой ретушированные сколы (скребла). Набор изделий данного скопления – наиболее оптимальная для транспортировки форма каменного сырья.

Отметим, что значительная часть относительно небольших по размерам изолированных скоплений отобранных каменных изделий трактуются в литературе по-разному, в том числе – как специально сокрытые «ранцевые наборы», клады [1; 2]. Клады каменных изделий – особая категория археологического источника позднего палеолита Северной Евразии с повышенным семиотическим статусом [3; 4]. За пределами процессуальных признаков (клады – специально отобранные и сокрытые наборы ценностей), скопления изделий подобного рода отличаются значительным разнообразием по составу инвентаря. Несмотря на разнообразие изделий в таких скоплениях, они могут быть представлены как принадлежащая индивиду собственность, набор личных материальных ценностей [5].

Вероятно, на памятнике имел место специальный ритуал, который выражается в системном сокрытии на месте древних поселений или за их пределами индивидуальных наборов ценностей. Мы полагаем, что мотивы сокрытия личного набора весьма ценных орудий и полуфабрикатов следует искать в культовой сфере. Повторяемость процессуального контекста скоплений (фактически кладов) с различным набором каменного инвентаря указывает на устойчивость такого типа поведения и его неэкономический характер. Дело в том, что унификация поведения в экономической области выражается в возобновляемых технологиях расщепления камня, охоты, домостроительства и т.д., и не выходит за рамки рационального использования ресурсов с предельно полной их переработкой. В экономическом поведении также проявляется закон оптимизации деятельности – достижение максимального результата при минимальных затратах. Скорее всего, выведение из производственной сферы значительных личных материальных ценностей в формате скопления (клада) лежит в иррациональной плоскости обряда и ритуала.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование выполнено в рамках в рамках ведомственного проекта ООО «Красноярская геоархеология» «Модель развития позднего палеолита Среднего Енисея», а также ГЗ «Актуальные проблемы древней и средневековой истории и археологии Донбасса» (FRRE-2026-0023) и ГЗ «Север Евразии в каменном веке: проблемы расселения человека, культурной адаптации и технологического развития» (FMZF-2025-0007).*

Список литературы

1. Синицына, Г. В. «Клады» валдайской культуры и их хронология / Г. В. Синицына // Хронология неолита Восточной Европы. Тезисы докладов международной конференции, посвященной памяти д.и.н. Н. Н. Гуриной / Отв. ред. В. И. Тимофеев. – СПб., 2000. – С. 69–71.
2. Колесник, А. В. Клад кремневых изделий позднего палеолита из с. Недвиговка в бассейне Нижнего Дона / А. В. Колесник, С. П. Медведев // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. – 2016. – № 3. – С. 135–141.
3. Колесник, А. В. «Клады» кремневой продукции верхнепалеолитической стоянки Авдеево на Сейме / А. В. Колесник, А. С. Янюшкина // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. – 2018. – № 3. – С. 141–152. – DOI: 10.32521/2074-8132.2018.3.141-15
4. Барков, А. В. Клад микропластин из позднепалеолитического слоя стоянки Стрелка-1 в Красноярске / А. В. Барков, А. В. Колесник // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2024. – Т. 23, № 7. – С. 73–84. – DOI: https://doi.org/10.25205/1818-7919-2024-23-7-73-84
5. Колесник, А. В. Ранцевые наборы кремневых инструментов каменного века как отражение феномена индивидуальности (к постановке вопроса) / А. В. Колесник // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. – 2016. – № 2. – С. 121–127.

УДК 81'373.215:398.22(477.6)

ГИДРОНИМЫ ДОНБАССА: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Красноносов Ю.Н., канд. ист. наук, доц., ORCID 0009-0008-4527-3703
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
ur.kr@yandex.ru

Введение. Гидронимы как самые древние по сравнению с другими географические названия представляют наибольший интерес для истории, лингвистики, а также для других наук гуманитарного цикла (исторической географии, археологии, этнографии и др.). Для Донбасса гидронимы служат не только ориентиром, но и важным элементом историко-культурного ландшафта региона, во многом отражая специфику его заселения и освоения, характера взаимодействия человека с окружающей природой.

Целью настоящей публикации является исследование происхождения гидронимов Донбасса с точки зрения определения их этнолингвистической первоосновы.

Основная часть. Среди основных классов топонимов особое место занимают гидронимы (от греческого ὑδωρ – «вода», ονομά – «имя»), включающие в себя названия всех водных объектов – рек, ручьев, источников, колодцев, прудов, озер, океанов и их частей (морей, заливов, проливов). Среди географических названий любой территории гидронимы являются наиболее устойчивыми и менее всего подвергаются сознательным изменениям. При этом гидронимы среди всех топонимических групп оказываются самыми трудными для выяснения этимологии, так как менее подвержены эрозии времени, часто имеют большой возраст и поэтому сложны для восстановления их первичной формы и содержания.

В формировании гидрономии Донбасса в течение длительного времени участвовали многие народы, говорившие на разных языках: в античную эпоху – синды и меоты, ираноязычные киммерийцы, скифы и сарматы, затем – тюркские народы, а в эпоху Нового времени – южные и восточные славяне, крымские греки (румеи и урумы), немцы, молдоване и др. Из данного факта следует значительная пестрота донбасской топонимики, неоднородность целого ряда ее древних названий, несущих на себе следы разноязычных влияний. Так, с именем древних меотов связан один из древнейших гидронимов современного Азовского моря, первоначально получившее название Темарунда (Moetim Temarundam) (с меот. tem-arun-da – «кормилица [Чёрного] моря»). В свою очередь, древние греки называли Азовское море «Μαιῶτις»/«Palus Maeotis» – «Меотийское озеро/болото», используя также этноним «меоты» в основе данного водного объекта. «Меотида» – это наиболее устоявшийся античный гидроним, встречающийся в «Истории» Геродота и «Географии» Страбона. Название «Меотида», «Меотийское море» сохранялось в научном лексиконе до XVII в. В XV-XVII вв. генуэзцы и крымские татары именовали Азовское море «морем чебаков, или лещей»: «Чабак денгизи» или «Балык денгизи» – «рыбное море». Современное название моря, по-видимому, является калькой крымско-татарского гидронима «Азав (Азак) денгизи», «Азовское море», по имени города-крепости Азак (Азов) в устье Дона [1, с. 14-15].

Ещё один древнегреческий гидроним – Сиргис, древнее название реки Северский Донец. Впервые оно упоминается в «Истории» Геродота, обозначая ее как северный приток Танаиса (Дона). Свое современное наименование важнейшая водная артерия Донбасса получает в эпоху средневековья. Слово «дон» в переводе с аланского – «текучая вода, речка». Тоже самое значит скифское «дун, дан». «Донец» образовалось от «дон» с помощью уменьшительного суффикса -ец-. (Северский Донец-

крупнейший правый приток Дона). Северским он был назван в связи с тем, что начало свое берет на территории Северского княжества. Северский – название русское и происходит от восточнославянского племени северян, проживавших в далеком прошлом в верхнем течении Донца. Так именовалась река и в «Книге Большому Чертежу», составленной в конце XVI в., а также в «Разрядных книгах» Московского государства XVI-XVII вв. [1, с. 148-149].

В свою очередь, название реки Кальмиус, в верховьях которой расположен современный Донецк, впервые в источниках упоминается в IX в. Относительно этимологии данного гидронима в научной литературе отсутствует единое мнение. Д. И. Яворницкий считал, что оно происходит от тюркских слов «кил» – «волос» и «миюс» – «рог», то есть «тонкий, как волос, и извилистый, как рог». Геолог О. Б. Иваницкий, проводивший исследования в Донецком крае в 1830-40-х гг., считал, что наименование речки происходит от тюркского «каль» – золото», то есть «золотая» [2, с. 326-327].

Тюркские корни четко прослеживаются и в названии рек Сухие и Мокрые Ялы – притоков реки Волчьей. Тюркоязычные кочевники Северного Приазовья вначале называли так урочище на берегу одной из речек, вероятно, имея в виду высокий левый берег Мокрых Ялов (с крымско-татарского «ялы» означает «берег», «побережье»). Другая версия определяла название реки Ялы от татарского «яйла» – «пастбище».

В северной части Донбасса протекает река Казенный Торец (в прошлом Тор) с притоками Кривой Торец и Сухой Торец [3]. Впервые Тор упоминается в «Слове о полку Игореве». Некоторые исследователи, в частности (В. Ю. Чубенко, Б. А. Шрамко и др.) связывают название данных рек с тюркской народностью торками (узами), проживавшими в бассейне Северского Донца в X-XI вв. В свою очередь, А. И. Соболевский полагает, что наименование происходит от древнеславянского «торъ», образованного из греческого «toros» – «пронзительный». Такой эпитет соответствует характеру реки с ее быстрым течением. Позже название Тор трансформировалось в Торец. Казенным он был назван за то, что своим нижним течением протекал на землях, с 1710 г. принадлежавших казне (государству). На этих землях в районе города Тора (Славянска) были расположены казенные солеварни [4]. От названия основной реки происходит наименование ее правого притока – Кривой Торец. Кривым его называют за извилистость русла. Левый приток – Сухой Торец – назван за характер пересыхающего русла.

Заключение. Таким образом, мы видим, что гидронимы отражают сложную историю взаимодействия многих народов на территории Донбасса, начиная с эпохи глубокой древности, сохраняются веками и имеют очень высокую лингво-историческую ценность.

Список литературы

1. Отин, Е. С. Происхождение географических названий Донбасса / Е. С. Отин. – Донецк: Юго-Восток, 2014. – 199 с.
2. Бродяной, А. В. Край Донецкий: историко-топонимический словарь / А. В. Бродяной. – Донецк, 2021 – 828 с.
3. Ткаченко, Е. Н. Взаимодействие гидронимов и ойконимов (в бассейне реки Казенный Торец) / Е. Н. Ткаченко // Филологические студии. – Донецк: ДонНУ, 2003. – С. 58–62.
4. Горшков, В. П. Соль земли Донецкой. Часть первая. Солеварни Донбасса. Научно-популярное издание / В. П. Горшков, А. В. Грищенко. – Донецк: Ред.-изд. отдел обл. управления по печати, 1992. – 176 с.

УДК 902"632.3"

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ТИПОЛОГИИ ОРУДИЙ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Левченко М.Т., ORCID 0009-0000-5326-1755
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
sprmdvlln@yandex.ru

Средний палеолит – второй из трех основных периодов, выделяемых в пределах палеолита. По современным представлениям, средний палеолит продолжался примерно от 250 до 40 тыс. л. н. В геостратиграфическом плане он совпадает с частью среднего и верхнего неоплейстоцена в пределах МИС 8/9 – начала МИС 3. Современная проблематика изучения палеолита продолжает основываться на типологии каменных орудий и выделении локальных вариантов археологических культур, путей технологического развития и пр. при неизменном внимании к проблемам хронологии и палеоэкологии.

Основной особенностью, отличающей среднепалеолитические индустрии от нижнепалеолитических вообще и ашельских в частности является возрастание роли орудий на сколах, которые становятся теперь не только гораздо более многочисленными, чем раньше, но и более совершенными и законченными. Появляются нуклеусы заданной формы, отмечается стандартизация сколов. В ряде случаев встречаются в довольно большом количестве пластины, а также специальные нуклеусы для снятия пластин. Количество типов орудий также увеличивается. Кроме многочисленных разновидностей скребел, ножей, зубчато-выемчатых изделий, широкое распространение получает такая типичная для среднего палеолита форма, как острие. Изделия этой категории представлены множеством типов. В свою очередь, рубила, кливеры и другие орудия из отдельностей породы, определявшие общий

облик нижнепалеолитических индустрий, в одних регионах вовсе исчезают, а в других встречаются намного реже, чем прежде.

Актуальность вопроса типологии орудий среднего палеолита Восточной Европы заключается в её чрезвычайной важности для понимания технологии изготовления и морфологии происхождения тех или иных орудий, а также для реконструкции норм поведения древних людей [1]. Современная типология не сводится к формальному описанию предметов. Она учитывает технико-морфологические показатели изучаемых артефактов, в отдельных случаях делаются попытки их функциональной интерпретации. С помощью типологического метода разработана археологическая хронология и периодизация, обоснована специфика отдельных археологических памятников и культурных явлений. Одним из наиболее важных аспектов в современном изучении данной темы является вариабельность типологии орудий, которая обуславливается географическим положением, интенсивностью заселения, сырьевой стратегией.

Значительное количество среднепалеолитических памятников от Центральной Европы до Алтая относятся к широкому культурному ареалу «восточного микока». Микок является одним из вариантов среднего палеолита Евразии, дискуссии вокруг которого представляют отдельную тему в археологии среднего палеолита. Её значение определяется тем, что микок распространен почти везде, где распространен средний палеолит, т.е. в пределах «исторической географии» Homo neanderthalensis. Основной характеристикой этой индустрии являются двустороннее обработанные орудия, изготовленные по определенной технологии. С XIX века проводились множественные исследования, касающиеся каменных двусторонне обработанных орудий эпохи микока. В микокском технокомплексе для обработки каменных орудий широко применялась технология двусторонней ретуши. Для этого начинают использоваться специфические изделия из кости – отбойники и ретушеры.

Технология индустрий микокского технокомплекса основывается на использовании плоско-выпуклого метода изготовления двусторонних орудий, отмеченного Г. Бозинским [2] и подтвержденного Э. Боэдой [3], а также на применении метода раскалывания нуклеусов без вспомогательных ударных площадок. В 1970-1990 гг. благодаря исследованиям В.Н. Гладилина, Ю.Г. Колосова, В.П. Чабая, К. Собчика, Ю.В. Кухарчука, А.И. Евтушенко, Л.В. Головановой, А.В. Колесника и др. в зарубежной и русскоязычной литературе произошла смысловая трансформация термина из географического определения восточного микока, как варианта среднего палеолита, расположенного к востоку от Западной Европы, в содержательную характеристику микока (восточного микока) Русской равнины, Крыма, Северного Кавказа [4]. Типологические признаки микокского технокомплекса состоят в наличии двусторонних

симметричных и асимметричных острий и скребел с обушками, а также простых и конвергентных скребел с разнообразными вентральными утончениями, и др.

«Восточный микок» как вариант среднего палеолита характеризуется ярко выраженной изменчивостью форм каменных орудий [5]. Поиск путей дальнейшего типологического анализа орудий этого варианта среднего палеолита, прежде всего, с двусторонней обработкой, лежит в нескольких плоскостях. Первая из них связана с формализацией предмета анализа с помощью современных методов цифровых технологий. В значительной степени, это путь классической типологии каменных орудий, направленной на установление статичных морфологических единиц. Такие сложноорганизованные орудия как кайльмессеры могут успешно описываться с точки зрения целостности формы, взаимосвязи конструктивных элементов, устойчивости морфологии активной зоны орудия и пр., как это было сделано А.К. Очередным с соавторами на примере асимметричных бифасов Сухой Мечётки [6].

Несколько отличный путь характеристики каменных орудий поддерживает А.В. Колесник в рамках концепции типов редукции [7]. С данной точки зрения типы как статичные наборы признаков отражают промежуточные формы динамично меняющихся изделий. Реальных же типов орудий было гораздо меньше, чем это отражено в тип-листах или иных типологиях. В той же коллекции орудий из Сухой Мечётки отмеченные в публикациях формальные типы весьма вариативны, тесно переплетены между собой и контрастно различаются в основном по технологическим критериям.

В целом, мы видим, что современная археология позволяет применять различные методы изучения (метод 3D-геометрической морфометрии, анализ систем скалывания, технологических необходимостей и др.) и морфологического анализа двусторонне обработанных орудий из различных технокомплексов для выявления и формулировки их базовых признаков для последующего сравнения и определения культурной специфики. Расширенная трактовка типов как устойчивого тренда изменения формы изделий дает возможность существенно корректировать существующие типологии орудий среднего палеолита.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование выполнено в рамках государственного задания «Эволюция общества на землях Донбасса с древнейших времен до XVII века» (FRRE-2026-0023).*

Список литературы:

1. Колесник, А. В. Современная система взглядов на морфогенез каменных орудий среднего палеолита / А. В. Колесник // Исторические и политологические исследования: научный журнал. – 2013. – № 1 (51). – С. 57–67.

2. Bosinski, G. Die mittelpaläolithischen Funde im westlichen Mitteleuropa / G. Bosinski. – Koln, Graz, Bohlau, 1967. – 205 p., 197 p. of illus. and maps.
3. Boëda, E. Steinartefact-Produktionsequenzen im Micoquien der Külna-Höhle / E. Boëda // Quartär. – 1995. – Bd. 45/46. – Pp. 75–98.
4. Колесник, А. В. К определению функциональной вариабельности памятников среднего палеолита Донбасса / А. В. Колесник // Археологический альманах. – Донецк, 1996. – № 5. – С. 49–70.
5. Колесник, А. В. «Восточный микок» - миф или реальность? / А. В. Колесник // Археологический альманах. – 1999. – № 8. – С. 37–50.
6. Очередной, А. К. Верификация структурных особенностей изделий среднего палеолита на примере кайльмессеров Сухой Мечётки / А. К. Очередной, Е. В. Пугачева, А. С. Тараканов, А. Р. Лада // Stratum Plus. – 2024. – № 1. – С. 91–131. – DOI 10.55086/sp24191131. – EDN OQAKMJ.
7. Колесник, А. В. Прикладные аспекты теории редукционного анализа каменных индустрий / А. В. Колесник // Известия Самарского научного центра РАН. – 2021. – Т. 3. № 1. – С. 125–133. – DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-1-125-133. – EDN MAPPBA.

УДК 902(477.61)"634"

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ОЦЕНКИ ПИЩЕВЫХ РЕСУРСОВ НАСЕЛЕНИЯ ПОЗДНЕГО КАМЕННОГО ВЕКА ДОНБАССА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ ЗАНОВСКОЕ-1)

Манько Н.В., ORCID 0000-0001-8216-4938
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
nikita_manko98@mail.ru

Введение. Одним из направлений, связанных с изучением особенностей системы адаптации древнего человека к условиям окружающей среды, является реконструкция рациона питания и стратегии добычи пищевых ресурсов. В современной археологической науке для решения этого вопроса применяется комплексный подход, предполагающий анализ археологических артефактов и остатков биологического происхождения как в количественном и качественном измерении, так и при помощи различных методов естественнонаучных дисциплин [1]. При этом зачастую возникает ситуация, когда при изучении отдельно взятого археологического памятника исследователю доступна лишь количественная оценка остеологического материала с его частичным видовым определением.

Однако даже в подобном случае представляется возможным получить информацию, связанную, например, с оценкой возможного вклада идентифицированных видов животных в общую величину биомассы, потребляемой на памятнике. Для этого применяется расчет

соотношения средней «живой» массы животного с долей его поедаемой массы. Данный метод активно применяется как отечественными [2], так и зарубежными [3, p. 89–93] исследователями для изучения различных фаунистических комплексов.

Основная часть. В рамках настоящей публикации был проведен расчет средней величины биомассы для фаунистических комплексов двух слоев, относящихся ко времени позднего неолита и среднего энеолита[1], с многослойного поселения Зановское-1, расположенного между озерами-старицами Зановское и Маткино на левобережье Северского Донца в 4 км от пгт. Боровское, ЛНР [4]. Памятник был открыт в 2000 г. сотрудниками Луганской археологической экспедиции, исследовавшими порядка 350 м^2 (при общей предполагаемой площади в более 1000 м^2). Вскрытый участок поселения представляет собой хозяйственную зону, где было зафиксировано множество хозяйственных ям и очагов, а также богатый комплекс материальных остатков.

Остеологическая коллекция памятника была изучена и определена О.П. Журавлевым [5]. Для неолитического слоя она составляет порядка 6220 костей и их фрагментов (определено около 36%); для энеолитического слоя – 1115 костей и их фрагментов (определено около 19%). Кости обеих коллекций представляют собой кухонные остатки – многие из них сильно раздроблены либо же несут на себе следы порезов от разделки туш. Видовой состав животных весьма разнообразен и включает в себя как диких, так и одомашненных животных, что свидетельствует о комплексном способе ведения хозяйства. Возрастной состав определенных особей – полувзрослые и взрослые; особи моложе одного года не выявлены [Там же, с. 110].

Расчет потенциальной съедобной массы животных осуществлялся на основе данных о средней живой массе (взрослые особи, без учета пола) и доле поедаемой массы (50–60% от общего веса) из модели, предложенной Л.Л. Гайдученко для копытных животных Южного Зауралья и Средней Азии [2], либо же по отдельным профильным публикациям [6]. Отметим, что в рассматриваемую выборку не были включены животные, обычно выступающие объектом пушного промысла (за исключением речного бобра), – выдра, куница, волк и лиса, а также домашняя собака.

Исходя из имеющихся данных, в неолитическом слое поселения Зановское-1 представлено 12 видов животных с наибольшей пищевой ценностью (табл. 1). Наиболее существенный пищевой вклад принадлежит крупным и среднеразмерным диким и домашним копытным животным (с учётом мяса, жира и субпродуктов). В свою очередь, МРС и некоторые дикие животные выступали скорее дополнением мясного рациона, нежели

[1] Радиоуглеродные даты были получены авторами раскопок по костям животных. Слой позднего неолита имеет две даты – 5460 ± 90 BP (4322 ± 99 cal BC) и 5420 ± 80 BP (4253 ± 90 cal BC); слой среднего энеолита имеет одну дату – 4910 ± 80 BP (3711 ± 80 cal BC) [4].

его основой. Говорить о превалировании какого-либо определенного типа мясного хозяйства (охота / скотоводство) не представляется возможным, так как они, на наш взгляд, вполне уравновешивали друг друга. Несмотря на то, что сезонная охота могла обеспечить население памятника необходимым количеством пищи, искусственное воспроизведение поголовья животных оставалось востребованным процессом в силу своей стабильности и возможности контролировать численность популяции, хоть и обладало в некоторых случаях меньшей эффективностью. В качестве примера можно назвать одомашненных свиней, изначально весьма уступавших в размерах своим диким сородичам [7, с. 179–180].

Таблица 1

Средняя величина биомассы диких и домашних животных, представленных в рассматриваемых слоях поселения Зановское-1.

Вид животного			**NISP / MNI**	**Средняя живая масса (кг)**	**Доля поедаемой массы (кг)**
Домашние животные					
1.	КРС (Домашний бык)		801/11	~ 300	~ 159
2.	МРС	Овца	198/10	61,6	35
3.		Коза		30	12
4.	Домашняя лошадь		161/11	340	184,5
5.	Домашняя свинья		10/2	~ 30	~ 21
Дикие животные					
6.	Тур		11/3	~ 430	~ 184,9
7.	Лось		2/1	300	176
8.	Благородный олень		70/6	180	108
9.	Кулан		2/1	212	106
10.	Европейская косуля		5/2	40	20
11.	Кабан (Дикая свинья)		56/6	100	50
12.	Бобр речной		8/3	17,2	10,8

Для энеолитического слоя характерно наличие не всех животных, а только лишь КРС, МРС, домашней лошади и некоторых диких видов – тура, лося, кабана и речного бобра. Однако отсутствие прочих видов объясняется не столько изменениями в хозяйственной модели, сколько неполнотой имеющегося остеологического материала [5, с. 119]. Говорить о каком-либо существенном изменении в рационе питания для этого времени не представляется возможным. Вероятнее всего, природно-климатические условия и количество населения на стоянке позволяли сохранять предыдущие темпы природопользования.

Проблематичным также является расчет биомассы местных акваресурсов, так как для обоих культурных слоев известны лишь два ихтиологических определения (судак и сом), неопределенный вид черепахи (в количестве 900 фрагментов панцирей), а также единичные находки раковин моллюсков Anodonta. Хоть они и дополняли рацион,

будучи ценным источником белка, жиров и микроэлементов, полным эквивалентом животной пищи выступать не могли и требовали значительного вылова.

Заключение. Таким образом, расчет средней величины биомассы фаунистических остатков является качественным методом, дополняющим традиционную количественную характеристику остеологической коллекции. Полученные выводы позволяют как пересмотреть изначальную оценку изучаемого археологического памятника, так и подтвердить её дополнительными сведениями.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование выполнено в рамках государственного задания «Эволюция общества на землях Донбасса с древнейших времен до XVII века» (FRRE-2026-0023).*

Список литературы

1. Пантюхина, И. Е. Сравнительный анализ методов реконструкции палеодиет / И. Е. Пантюхина, Ю. Е. Вострецов // Россия и АТР. – 2020. – № 2 (108). – С. 132–150. – DOI: 10.24411/1026-8804-2020-10025
2. Гайдученко, Л. Л. Расчёты величин биомассы и поедаемой массы тела копытных в археоэкологических исследованиях / Л. Л. Гайдученко, Д. Г. Зданович // Археологический источник и моделирование древних технологий: труды музея-заповедника Аркаим. – Челябинск, 2000. – С. 45–72.
3. Lyman, R. L. Quantitative Paleozoology / R. L. Lyman. – New York: Cambridge University Press, 2008. – 348 p.
4. Манько, В. А. Мезолит, неолит и энеолит Подонечья: Каталог радиокарбонных дат / В. А. Манько, С. А. Телиженко. – Луганск: Шлях, 2002. – 40 с.
5. Журавльов, О. П. Тваринництво та полювання Сіверськодонеччини в пізньому неоліті-енеоліті (за результатами археозоологічних досліджень поселень Занівське-1 та Підгорівка-2) / О. П. Журавльов, С. А. Теліженко // МДАСУ. – 2008. – № 8. – С. 104–124.
6. Козлов, Ю. А. Мясная и техническая продукция от охоты на евразийского бобра (Castor fiber) / Ю. А. Козлов, А. А. Сергеев, Б. Е. Зарубин, А. В. Экономов // Дальневосточный аграрный вестник. – 2020. – № 4 (56). – С. 64–75. – DOI: 10.24411/1999-6837-2020-14051
7. Цалкин, В. И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы / В. И. Цалкин. – М.: Наука, 1970. – 280 с. – (Материалы и исследования по археологии СССР. № 161).

УДК 902.01:7.031.18

ДЕТСКИЕ И ПОДРОСТКОВЫЕ УКРАШЕНИЯ У ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ КОЧЕВНИКОВ XII-XIV ВВ. (НАХОДКИ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ)

Полякова О.А., ORCID 0009-0007-6565-619X
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
opoljakova13@gmail.com

Введение. В кочевых обществах большое внимание уделяют обычаям и традициям, поэтому между прижизненными устоями и погребальным обрядом прослеживается тесная связь. Захоронение человека – это ритуал, помогающий душе спокойно перейти в иной мир. В погребение помещают вещи, которыми человек пользовался при жизни (украшения, одежду, предметы быта), для того чтобы обеспечить покойному привычное существование в загробном мире. Качество и количество инвентаря в захоронениях являются важными критериями, определяющими прижизненный статус умершего и его возрастную принадлежность.

Основная часть. Анализ материалов раскопок детских погребений дает возможность для реконструкции различных аспектов древних и средневековых обществ [1, с. 87]. А возраст «является важным и одним из решающих критериев в погребальном обряде» [2, с. 12]. Захоронения детей и подростков отличались от погребений взрослых тем, что часто были менее сложными, не предполагали создания традиционного погребального сооружения и содержали ограниченный набор вещей [1, с. 89]. Материалы могильников могли содержать информацию об этапах возрастной социализации детей [3, с. 37].

В некоторых культурах, в том числе в тюркских, считали, что у младенцев ещё нет полноценной души или у детей до определённого возраста отсутствует одна из сущностей души, поэтому сложный ритуал для захоронений не требовался. Младенцев погребали практически без инвентаря или с единичными предметами. По «упрощенному обряду», т. е. без изысков, детей могли хоронить до перехода в следующую, взрослую категорию (по представлениям конкретного народа)[1] [2, с. 12-13]. Иногда ребёнка хоронили с умершим взрослым (не обязательно родственником), что могло символизировать связь поколений или «опеку» рода над ребёнком [4, с. 139].

[1] Есть исследования возрастной идентификации в разных социумах. Применяя разделение на возрастные группы – взрослые и дети, – следует учитывать, что у разных народов существуют различные представления о биологических возрастах (см. работы М.С. Павловой, А.Е. Кислого и др.).

В условиях кочевого образа жизни не всегда представлялась возможность похоронить ребенка, поэтому детские захоронения малочисленны. Нами исследовано 35 детских и подростковых[2] погребений из кочевнических комплексов с территории Восточной Европы. Небольшая часть захоронений – безынвентарна, в остальных инвентарь и украшения не столь многочисленны, как в погребениях взрослых.

Самые встречаемые в детских и подростковых погребениях украшения – это бусы, бисер и подвески. Исследовав расположение этих изделий (в районе головы, шеи, груди), можно сделать вывод, что большая часть из них относилась к шейно-нагрудным украшениям, которые в первую очередь служили оберегами или амулетами [5, с. 285], как при жизни, так и после смерти. Бусины и бисер также входили в состав сережек, крепились к головным уборам. В редких случаях они найдены в районе кистей и таза. Возможно, они являлись украшением одежды либо же архитектура этих захоронений была изменена вследствие ограбления или вмешательства грызунов. Так, в погребении Солок I, п. 45 было найдено большое количество бус, многие из них находились в заполнении, в районе верхней части скелета, у левого запястья, у левого крыла таза и с внутренней стороны правого тазобедренного сустава.

В погребениях детей от рождения до ± 5 лет обнаружены украшения из перламутровых раковин, вероятно местного происхождения, и из разноцветных стеклянных бусин (хотя стекольное производство у кочевников не было налажено, по всей видимости, стеклянные изделия им были доступны). В одном погребении ребенка 3-4 лет (Царский, 42/1) обнаружены 2 серебряные гривны и кружальный черно-серый горшок. В нескольких погребениях обнаружены кувшинчики и горшок. В одном из захоронений – статуэтка в виде миниатюрной каменной бабы.

У детей от ± 5 до ± 10 лет набор украшений был более разнообразен. Кроме бусин и бисера в могилах также найдены бронзовые и серебряные украшения или элементы украшений (подвески, пластины).

В подростковых захоронениях (от ± 10 до ± 16 лет) сопроводительный инвентарь многообразнее. Кроме традиционных украшений из стеклянных бусин и бисера разной формы и цвета, обнаружены бусины из красного сердолика, подвеска из веточки коралла, хрустальная и фаянсовая бусины, жемчужина, разнообразные изделия из бронзы, серебра, металла со следами позолоты: пряжки, бляшки, подвески, серьги, бубенчики, пуговицы, перстень, гривна. Зафиксированы также предметы быта: шило, иголки, ножи, шкатулка, зеркало.

[2] На основе материалов из серии публикаций и археологических отчетов были проанализированы погребения детей, подростков и детей, погребенных вместе со взрослыми. Датировка, идентификация народа и определение «ребенок-подросток» даны авторами этих работ.

Заключение. Необходимо признать, что на данный момент системное изучение детских захоронений кочевников XII-XIV вв. с территории восточноевропейских степей отсутствует, многие аспекты не освещены. Но даже при беглом рассмотрении небольшого количества источников можно сделать некоторые предварительные выводы. Так, самыми распространенными изделиями для всех возрастных групп являются шейно-нагрудные украшения (они же, вероятно, и обереги). Захоронения детей от рождения до ± 5 лет содержат скудный набор украшений по количеству и качеству. У детей от ± 5 до ± 10 лет появляются предметы из металла. Украшения подростков более многочисленны и разнообразны, в том числе из привозных материалов. В них также могут присутствовать предметы быта. Нетипичный детский инвентарь (большое количество украшений, горшки, кувшинчики, гривны) связан со статусным признаком семьи погребенного.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование выполнено в рамках государственного задания «Эволюция общества на землях Донбасса с древнейших времен до XVII века» (FRRE-2026-0023).*

Список литературы

1. Серегин, Н. Н. Детские погребения раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона / Н. Н. Серегин // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2013. – № 3 (22). – С. 87–94.
2. Чиркова, А. Х. Половозрастные группы ранних кочевников Южного Урала середины I тысячелетия до н.э. / А. Х. Чиркова // Археология ранних кочевников Евразии – Самара: СГСПУ, 2023. – Вып. 3. – С. 6–17.
3. Берсенева, Н. А. Детские погребения ранних кочевников Южного Урала (IV–II вв. до н.э.). / Н. А. Берсенева, А. Х. Гильмитдинова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2013. – № 2 (21). – С. 36–44.
4. Чечёткина, О. Ю. Детские погребения из раскопок некрополей русских городов XV–XVIII вв.: дис. … канд. ист. наук: 5.6.3 / О. Ю. Чечёткина. – М., 2024. – 139 с.
5. Полякова, О. А. Лазуритовые подвески из погребений кочевников Юго-Восточной Европы XI-XIII вв. / О. А. Полякова // Степи Европы в эпоху средневековья. Половецкое время. – Донецк: ДонНУ, 2012. – Т. 10. – С. 281–298.

УДК 82-94:94(55)"16"

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВОСТОКА В «РЕЛЯЦИИ О ВЕЛИКИХ ВОЙНАХ И ПОБЕДАХ, ОДЕРЖАННЫХ КОРОЛЕМ ПЕРСИИ ШАХОМ АББАСОМ НАД ИМПЕРАТОРАМИ ТУРЦИИ» (1611) А. ДЕ ГУВЕА

Попова А.В., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0001-8189-7267
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
h.popova70@list.ru

Сочинение португальского миссионера-августинца и дипломата Антонио де Гувеа (1575–1628), написанное на основании двух его путешествий на Восток в составе посольства Филиппа III к шаху Аббасу I (1602–1603 и 1608–1609 гг.), а также отчетов его собратьев-августинцев, посетивших Персию в 1604–1605 гг., до сих пор занимает важное место в корпусе ориентальных травелогов раннего Нового времени, являясь одним из ключевых европейских источников сведений о Персии начала XVII в. В силу своей гибридной жанровой природы, сочетающей описание путешествия, донесение о военных операциях и дипломатический отчет, «Реляция…» позволяет проследить, как в результате взаимодействия поэтики жанра, конфессиональной оптики и дипломатической прагматики усложняются средневековые нарративные матрицы, на протяжении столетий формировавшие представления европейцев о Востоке.

Композиция первой книги воспроизводит структуру итинерария с точной датировкой, подробным описанием маршрута, остановок в пути, а также событий, свидетелями которых стали путники. Следуя канону ориентального травелога, автор акцентирует удаленность и труднодоступность этих земель, живописует опасности пути, экстремальный климат, экзотику местных нравов и обычаев и т.п. Экзотизация проявляется в использовании арабских названий местных реалий, рассказах о чудесах природы и описаниях магических практик. Топос земного рая – один из основных элементов средневековой риторики инаковости [1, с. 314] – у де Гувеа дополняется рассказами о баснословных богатствах и роскоши правителей, которые перемежаются картинами крайней нищеты простых людей и напоминанием о бренности земных благ.

При всей стереотипности исходной матрицы Восток у де Гувеа неоднороден. Внутри оппозиции «fieis–infieis» (верные-неверные), которая определяет оптику монаха-августинца, выстраивается сложная иерархия, обусловленная конфессиональными и геополитическими критериями. В книге присутствует образ христианского Востока – армяне, халдеи, несториане и другие восточные христиане, которые находятся в общем с автором «пространстве смыслов» [2, с. 117], но расходятся в вопросах догматики и обрядовой практики. Как христианин, он сочувствует страданиям единоверцев, но как правоверный католик называет их догматы

«ядом» и готов рассматривать их бедствия как Божий промысел, направленный на их возвращение в лоно католической церкви. Конфессиональный регистр создает иерархию, в которой местные христиане занимают промежуточную позицию: они выше язычников и мусульман, но ниже истинных католиков – франков. Показательно, что к собратьям по вере и их предстоятелям автор проявляет гораздо большую суровость, чем к мусульманам-шиитам и их правителям.

Мусульманская часть Востока также показана неоднородной. Персы предстают как договороспособный партнер. Их чуждость нейтрализуется в повествовании аналогиями: караван-сараи сравниваются с постоялыми дворами, дервиши – с монахами, двор в шахской резиденции – с монастырским клуатром и т.п. Центральная фигура всего повествования – шах Аббас I. Де Гувеа описывает его с симпатией, как «природного» христианина (вплоть до указания на его мнимое кровное родство с Иоанном IV, императором Трапезунда» [3, fol. 43r].), чье обращение в будущем не только желательно, но и вероятно. Подобное изображение шаха призвано легитимировать политический союз с ним в глазах католического читателя. Как дипломат, представляющий интересы Филиппа III, де Гувеа нацелен на создание благоприятных условий для сближения с Сефевидским государством, и этот фактор также заставляет его смягчать конфессиональную критику. В этом контексте описание изобилия восточных базаров и объемов торговли шелком служит обоснованием необходимости партнерства с Персией, которое позволит перенаправить торговые потоки, лишить прибыли Османскую империю (абсолютного антагониста христианской Европы, диалог с которым принципиально невозможен) и дать преимущество европейским монархам.

Таким образом, множественность ипостасей автора «Реляции…» обусловливает разнообразие перспектив восприятия, в результате чего конструируется сложный, внутренне противоречивый, лишенный стереотипной гомогенности образ персидского Востока, свидетельствующий в целом о зарождении новой, проторелятивистской оптики восприятия Востока.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование выполнено в рамках инициативной НИР «Семиотическое пространство литературы и культуры: идеологемы, смыслы и художественная коммуникация», № госрегистрации 124101400391-6.*

Список литературы

1. Лучицкая, С. И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов / С. И. Лучицкая. – СПб.: Алетейя, 2001. – 412 с. – ISBN 5-89329-451-3.
2. Феррони, В. В. Три лика другого: «другой», «иной», «чужой» / В. В. Феррони // Вестник ВГУ. Серия: Философия. – 2012. – № 1. – С. 112–130. – EDN OZLHWZ.
3. Gouvea, A. de. Relaçam em que se tratam as guerras e grandes victorias que alcaçou o grãde rey da Persia Xá Abbas do grão Turco Mahometto & seu filho Amethe / A. de Gouvea. – Lisboa: P. Crasbeeck, 1611.

УДК 94(477.7)"11/13"

О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ГЕОМЕТРИЧЕСКИХ РИСУНКАХ НА ПОЛОВЕЦКИХ ИЗВАЯНИЯХ

Потемкина Т.М., ORCID 0009-0007-7176-7195
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
pravda.t.m.p@gmail.com

Введение. Половецкая объемная скульптура, как известно, изучается уже более 100 лет. Особенно внимание исследователей привлекает то, что на изваяниях вне зависимости от их позы всегда показаны головные уборы, одежда и обувь, массовость которых позволяет выводам о костюме половцев быть достаточно обоснованными. И на женских, и на мужских статуях довольно часто изображены бытовые предметы, свисающие с пояса. Кроме этого, на многих женских скульптурах можно увидеть различные украшения и амулеты, а на мужских – предметы оборонительного и наступательного вооружения [1, с. 34-95]. Иногда на женских изваяниях показана поясная одежда бельдемчи [2, с. 310-312]. К редким относятся изображения людей, животных, всадников со знаменами, а также так называемые геометрические рисунки.

Основная часть. При описании изваяний «геометрические рисунки» трактовались просто: «сзади на постаменте квадрат с крестом» [3, с. 112, № 1313], «на постаменте квадрат с косым крестом» [3, с. 110, № 1286]. В 2018 г. А. А. Харламова опубликовала статью, в которой попыталась проанализировать ряд рисунков, нанесенных на тыльную сторону постаментов половецких скульптур [4, с. 106-113]. Семантику так называемых «геометрических» изображений (косой крест, вписанный в квадрат) А.А. Харламова определила, как орнамент с сакральной солярной символикой [4, с. 109]. Однако внимательное, скрупулезное изучение данных изображений позволило мне выдвинуть другую версию: квадраты и прямоугольники с вписанными в них косыми крестами – это не абстрактные символы, на самом деле здесь изображены реальные предметы – складные табуреты.

Как известно, первые табуреты появились примерно в III тыс. до н.э. в древнем Египте. Они были как с вертикальными ножками, так и со складной Х-образной конструкцией ножек. Сиденье делали из кожи, плетёных ремней или досок. Древние греки и римляне переняли идею и также активно использовали данный вид мебели. Кроме этого, у древних римлян складной табурет стал символом власти: со временем крестообразная конструкция стала размещаться фронтально, а сам видимый крест воспринимался как знак верховной власти. В эпоху

средневековья в Европе табурет использовался как знак отличия для военной знати и других лиц, облечённых властью.

Кочевники также использовали в быту обе разновидности табурета, но насколько он был распространен, сложно сказать, поскольку вся жизнь номадов проходила в юрте на полу: на кошмах, войлоке и подушках. В походах чаще всего в роли сиденья выступало седло, так как сидеть непосредственно на холодной земле или на жестком войлоке было неудобно. Такой «табурет» был идеально приспособлен к кочевому образу жизни: его легко снять со спины лошади, а при необходимости вновь закрепить на животном.

Складные табуреты (прямоугольники или квадраты с вписанными в них косыми крестами) зафиксированы на 6 изваяниях:

1. Область Войска Донского, мужское, в кафтане, стоящее;
2. Ступки (Донецкий кряж), мужское, в кафтане, стоящее;
3. Аскания-Нова (Левобережье Днепра), женское, в кафтане, стоящее;
4. Гришино (Донецкий кряж), мужское, в кафтане, стоящее;
5. Зенино (место происхождения не известно, хранится в Центре восточной литературы РГБ, г. Москва), мужское, в кафтане, стоящее;
6. Новоселовка (Северное Приазовье), женское, в кафтане, стоящее.

Таким образом, из 6 изваяний со складными табуретами – 4 мужских, 2 женских, все в кафтанах, стоящие. На статуях из Гришино и Новоселовки показаны ягодицы. Кроме складных табуретов, на 3 скульптурах зафиксированы изображения табуретов с вертикальными ножками:

1. Новое, к. 3 (Левобережье Днепра), женское, в кафтане, стоящее;
2. Центральный музей Тавриды (Крым), мужское, в кафтане, стоящее;
3. Харьковская губ. (Харьковская обл.), женское, в штанах и куртке, полусидящее.

Из трех изваяний с табуретами с вертикальными ножками – 2 женских, 1 – мужское, 1 женская статуя в куртке и штанах, полусидящая, остальные – в кафтанах стоящие.

На хорошо сохранившихся экземплярах на изображениях складных табуретов просматривается декор: редкие косые насечки на ножках (Область Войска Донского, Зенино), косые кресты на ножках, раме и на подушке (Гришино), сетчатый орнамент на раме (Ступки). Кроме этого, просматриваются отдельные технологические моменты: на изваянии из Гришино ножки показаны двумя слаборельефными полосами, а на скульптурах из Зенино и Области Войска Донского соединение ножек в центре обозначено дисковидной фигурой.

Табуреты с вертикальными ножками все разные. Так табурет из Нового, к. 3 представляет собой сиденье с толстой верхней частью, края которой орнаментированы овами. Обе ножки табурета также массивные, широкие. Женская фигура отделена от сиденья узкой горизонтальной бороздкой, в центре которой – подтреугольная выемка (так показаны

ягодицы). На полусидящем женском изваянии из Харьковской губернии табурет изображен с очень толстым сиденьем и неестественно тонкими ножками. Сиденье декорировано узкими короткими вертикальными полосами. Горизонтальные части сиденья и ножки орнаментированы косыми крестами. На мужском изваянии из Крыма табурет показан накрытым несколькими покрывалами из ткани или коврами, которые изображены ниже широкой полосы с елочным орнаментом, в виде трех широких горизонтальных полос, орнаментированных косой насечкой. Внутренний край нижней полосы декорирован мелкими подтреугольными зубчиками. Слева и справа полосы опускаются вертикально вниз примерно до середины постамента, далее они сужаются к краям, становятся дуговидными и сходят на нет. На неотслоившейся поверхности левой стороны постамента видно, что от дуговидных полос вниз отходит одна широкая вертикальная полоса, декорированная косыми насечками. Подобная полоса наверняка была и на правой стороне, скорее всего, так изображены вертикальные ножки табурета.

Заключение. Таким образом, можно констатировать, что изображения табуретов есть как на мужских, так и на женских объемных половецких изваяниях. Большинство из них на данный момент представляет собой складные конструкции. Важно отметить, что на половецкой объемной скульптуре нет абстрактных образов, все изображения демонстрируют реалии культуры номадов. Редкость табуретов на изваяниях, а также отсутствие этих предметов в погребальном инвентаре дают возможность предположить, что указанные изделия имели у половцев статусное значение, подчеркивая высокое положение их владельцев.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование выполнено в рамках государственного задания «Эволюция общества на землях Донбасса с древнейших времен до XVII века» (FRRE-2026-0023).*

Список литературы

1. Потемкина, Т. М. Половецкие изваяния с наступательным оружием / Т. М. Потемкина // Cultural Heritage and Modern Technologies. – 2025. – № 3. – С. 34–95. – DOI: 10.24412/2837-0759-2025-3034095
2. Потемкина, Т. М. Поясная одежда на половецких изваяниях / Т. М. Потемкина // Донецкие чтения – 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы X Международной научной конференции, посвященной 60-летию создания Донецкого научного центра (Донецк, 5-7 ноября 2025 г.). – Том 7: Исторические и политические науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2025. – С. 310–312.
3. Плетнева, С. А. Половецкие каменные изваяния / С. А. Плетнева // Свод археологических источников. – М.: Наука, 1974. – Вып. Е4-2. – 200 с.
4. Харламова, А. О. Малюнки на постаментах половецьких статуй у світлі релігійних уявлень давніх тюрків / А. О. Харламова // Археологія. – 2018. – № 4. – С. 106–113.

УДК 902/904:94(=16)

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РАННЕЙ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ СЛАВЯН

Пуганова А.Л., ORCID 0009-0007-4205-783X,
Дмитриева А.В., канд. пед. наук, доц., ORCID 0000-0002-3055-1263
ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры», г. Краснодар, РФ
tupowhy@yandex.ru, *annmarina@mail.ru*

Введение. Раннюю историю славян трудно восстанавливать только по письменным источникам: сообщения античных и византийских авторов кратки, созданы внешними наблюдателями и не всегда позволяют уверенно соотнести названия венедов, склавинов и антов с конкретными археологическими памятниками. Поэтому современное исследование строится не вокруг поиска одного решающего доказательства, а вокруг сопоставления независимых данных. Археологический контекст, датировки, характеристики погребённых, сведения о природной среде и письменные свидетельства проверяют друг друга. Такой подход особенно важен при изучении V–VIII вв., когда в Центральной и Восточной Европе происходили заметные изменения в расселении и материальной культуре.

Основная часть. Основой по-прежнему остаётся археологический метод. Формы керамики, устройство жилищ, погребальный обряд и состав находок позволяют выделять группы памятников и прослеживать их развитие. Однако археологическую культуру нельзя автоматически считать отдельным народом. Сходные вещи могли распространяться через обмен, соседские контакты и переселения, а население могло менять язык и обычаи. В. В. Седов связывал археологические материалы с данными письменных источников, антропологии и лингвистики [3], тогда как М. Б. Щукин подчёркивал разрывы между черняховскими и более поздними раннеславянскими памятниками [4].

Более точным стало датирование памятников. Типология вещей помогает установить относительную последовательность, но её выводы желательно проверять радиоуглеродным анализом, дендрохронологией и стратиграфией. Одна дата сама по себе ненадёжна: образец может относиться к более раннему дереву, попасть в слой позднее или оказаться загрязнённым. Поэтому исследователи используют серии дат и сопоставляют их с положением находки в культурном слое. Это позволяет уточнять время существования поселений и отличать постепенное изменение местной культуры от появления новой группы населения.

Значительные возможности даёт археогенетика. Анализ древней ДНК позволяет сравнивать происхождение людей из разных могильников, выявлять родственные связи и оценивать масштаб перемещений.

Исследование 555 древних геномов связало распространение славянских языков с крупными миграциями VI–VIII вв. [7]. Но генетический профиль не равен этнической принадлежности: человек мог усвоить другой язык и культурные нормы. Кроме того, вывод зависит от сохранности останков и географии выборки. Поэтому результаты ДНК-анализа необходимо рассматривать вместе с археологическими и историческими данными. Дискуссия о соотношении миграций и участия местного населения отражена в работах П. Барфорда и Ф. Курты [5; 6].

Естественнонаучные методы позволяют изучать не только происхождение, но и повседневную жизнь. Изотопный анализ зубной эмали помогает установить, вырос ли человек в районе захоронения или переселился туда позднее; анализ костной ткани даёт сведения о питании. Палеоботанические и археозоологические материалы показывают, какие культуры выращивали и каких животных разводили жители поселения. Эти данные особенно ценны, когда бытовые предметы сходны на большой территории. Однако сравнивать результаты можно лишь при одинаковых правилах отбора образцов и точной фиксации их происхождения: иначе различие лабораторных методик ошибочно принимается за историческое различие населения.

Цифровые методы помогают увидеть связи, которые трудно установить при обычном описании. В геоинформационной системе памятники наносятся на карту и сравниваются с речной сетью, рельефом, почвами и предполагаемыми путями сообщения. Так можно проверить, выбирались ли поселения по сходным природным признакам и как менялась плотность заселения. При этом карта не является готовым объяснением: результат зависит от полноты перечня памятников и точности координат [1]. Фотограмметрия и трёхмерное моделирование фиксируют положение объектов во время раскопок, а электронные базы объединяют фотографии, планы, описания и результаты анализов. Эти материалы позволяют повторно проверить выводы после завершения экспедиции.

Отдельной проблемой является качество исходных данных. Раннеславянские поселения часто имеют тонкий культурный слой, который разрушается строительством, распашкой и незаконными раскопками. Находка без точной фиксации места и слоя теряет значительную часть научной ценности. Не менее важно публиковать старые полевые отчёты и музейные коллекции: без доступа к ним невозможно проверить ранние выводы или применить новые методы. Открытые каталоги должны содержать изображения предметов и сведения о раскопе, датировке, хранении образцов и степени достоверности интерпретации.

Современные методы меняют и правила научного доказательства. Например, гипотеза о связи ранних славян с венетами Норика опирается на

сопоставление письменных, языковых, археологических и генетических аргументов [2]. Такие версии допустимы как направление поиска, однако сходства названий или отдельных предметов недостаточно для окончательного вывода. Чем сложнее вопрос, тем важнее независимая проверка: археогенетика должна учитывать датировку и контекст, ГИС-анализ полноту базы, а толкование текста время и цели его автора.

Заключение. Таким образом, наиболее результативным является не отдельный «новейший» метод, а их согласованное применение. Археология показывает материальную сторону жизни, естественно-научные анализы уточняют время и биологическое родство, цифровые технологии выявляют пространственные закономерности, а источниковедение определяет границы письменных свидетельств. Такой подход не устраняет все споры о происхождении и расселении славян, но делает выводы проверяемыми и позволяет отделить установленный факт от рабочей гипотезы. Перспективы исследования связаны с серийным датированием, расширением выборок древней ДНК, цифровой публикацией материалов и сохранением археологического контекста.

Список литературы

1. Никулина, А. В. Методика использования ГИС-технологий для анализа пространственной локализации поселений / А. В. Никулина, И. Д. Зольников, Я. В. Кузьмин, О. В. Софейков, Д. А. Чупина, Н. В. Глушкова, Д. В. Пчельников // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 428. – С. 117–125. – DOI: 10.17223/15617793/428/16.
2. Пивень, П. В. Венеты Норика как праславянский элемент / П. В. Пивень // Известия Алтайского государственного университета. – 2021. – № 5 (121). – С. 70–77. – DOI: 10.14258/izvasu(2021)5-11.
3. Седов, В. В. Славяне: историко-археологическое исследование / В. В. Седов. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 624 с.
4. Щукин, М. Б. Рождение славян / М. Б. Щукин // Стратум: структуры и катастрофы: сборник символической индоевропейской истории. – СПб.: Нестор, 1997. – С. 110–147.
5. Barford, P. M. The Early Slavs: Culture and Society in Early Medieval Eastern Europe / P. M. Barford. – Ithaca: Cornell University Press, 2001. – 416 p.
6. Curta, F. The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700 / F. Curta. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 463 p.
7. Gretzinger, J. Ancient DNA connects large-scale migration with the spread of Slavs / J. Gretzinger, F. Biermann, H. Mager [et al.] // Nature. – 2025. – Vol. 646, № 8084. – Pp. 384–393. – DOI: 10.1038/s41586-025-09437-6.

УДК 93:004

МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ОТ АРХЕОЛОГИИ ДО ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Сечкарь Ю.А., ORCID 0009-0002-5527-3535,
Дяченко А.С., ORCID 0009-0009-5362-4726
ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет»,
г. Мелитополь, Запорожская обл., РФ
jualse2810@mail.ru

Введение. Изучение исторического прошлого представляет собой комплексный процесс, базирующийся на интеграции широкого спектра методик. Эволюция исторической науки демонстрирует переход от классических приемов – таких как работа с архивными источниками и археологические изыскания – к внедрению передовых цифровых инструментов. Постоянное обновление методологического аппарата необходимо для глубокого и объективного осмысления событий прошлого. В данной работе анализируются ключевые методы исторического познания, включая археологию и цифровые технологии, а также оценивается их роль в формировании современной картины исторического прошлого.

Целью данной работы является анализ методов исторического исследования, включая традиционные и современные подходы, с акцентом на их значимость и взаимодействие. Авторами предпринимается попытка выяснить, как различные методологии обогащают наше понимание истории и как технологии изменили исследовательский ландшафт.

Основная часть. Представляется целесообразным рассмотреть методологический аппарат исторической науки, дифференцируя его на устоявшиеся (традиционные) и современные исследовательские практики. Традиционные методы исторического исследования включают в себя несколько ключевых подходов:

1. Археология. Предметом археологии является исследование материальных источников исторического процесса. Методология дисциплины базируется на проведении археологических раскопок, систематизации и анализе обнаруженных артефактов. Полученные данные служат основой для научной реконструкции исторических событий и закономерностей развития общества. Археология и история – одно целое и, несмотря на специфическую разницу источников, служат единой цели – реконструировать историю во всех возможных аспектах, причем, археология однозначно подчинена истории и зависима от неё [1].

2. Анализ письменных источников. Использование методов критического анализа позволяет верифицировать факты и подтвердить

достоверность данных. Данная методика является базовой для изучения истории любого письменного периода.

3. Метод устной истории, заключающийся в сборе и анализе личных свидетельств для фиксации коллективной памяти. Он особенно эффективен для исследования многих сообществ, так как позволяет восполнить пробелы в официальной историографии и учесть опыт незащищенных слоев населения. Однако ряд вопросов, связанных с оценкой исторической ценности устных свидетельств, по-прежнему остаётся в категории «спорных» [2].

С развитием технологий появились новые методы, значительно изменившие подход к историческим исследованиям. К ним можно отнести цифровую историю, пространственный анализ, различные интердисциплинарные подходы. Примером междисциплинарного подхода к историческим исследованиям служит применение информационных технологий. В последние годы наблюдается ускоряющийся процесс накопления информационных ресурсов – так называемый «цифровой поворот». Получило распространение понятие «цифровая история» или «Digital History» [3]. Использование вычислительных мощностей для обработки массивов данных трансформирует исследовательскую практику. Работа с цифровыми архивами и инструментами визуализации позволяет выявлять закономерности, недоступные при традиционном анализе.

В свою очередь, применение геоинформационных систем (ГИС) дает возможность историкам исследовать влияние географического фактора на ход событий, обеспечивая наглядную картографическую интерпретацию исторических процессов. Конечно, прогресс в ИТ-сфере делает ГИС-технологии все более доступными для широкого пользователя. Но если раньше, в 1990-е и 2000-е гг. возможности историка были ограничены доступом к геоданным, без которых сама работа с ГИС невозможна, то теперь от него требуется разобраться в различиях работы алгоритмов предлагаемого на выбор инструментария для получения релевантных результатов [4].

И, несомненно, интеграция методов антропологии, социологии и культурологии в историческое исследование также способствует формированию комплексного и многогранного взгляда на изучаемую эпоху. Например, применение социологических опросов и методов количественного анализа позволяет лучше понять общественные настроения и поведение людей в определенные исторические моменты. Это обогащает традиционные источники и позволяет создавать более детализированные и разнообразные картины прошлого. Сама по себе историческая наука по сути своей также является комплексной и интегральной [5].

Кроме того, современные методы поднимают вопросы этики и интерпретации данных. С увеличением объемов доступной информации

возникает необходимость тщательно подходить к отбору источников и критическому анализу. Автоматизированные инструменты, такие как машинное обучение, могут улучшить процессы фильтрации и анализа данных, но одновременно создают новые сложности, связанные с интерпретацией алгоритмических выводов.

Тем не менее, необходимо осознавать тот факт, что технологии представляют собой всего лишь инструменты, требующие человеческого вмешательства и критического мышления. В связи с этим сохраняет свою актуальность вопрос о роли историка как такового: создавать мозаики из огромных объемов информации, стремясь не только к количеству, но и к качеству информации, а также пониманию человеческого опыта. Современные методы не вытесняют традиционные подходы, а дополняют их, расширяя горизонты исследований и открывая новые перспективы для анализа исторических процессов. Сочетание же традиционных и современных методов становится ключом к более глубокому, обоснованному и многомерному пониманию истории. Эти подходы помогают расшифровывать сложные исторические коды и исследовать взаимоотношения между людьми, обществом и окружающей средой, что является важным шагом к более полному осмыслению нашего прошлого.

Заключение. Историческое просвещение – основа развития современного российского общества, вектор нравственного и духовного воспитания подрастающего поколения и молодежи. Новые технологии хоть и меняют восприятие и мировоззрение каждого члена общества, однако есть неизменные ценности, всеобъединяющие нравственные ориентиры, которыми выступают, прежде всего – любовь к Родине, чувство гордости за прошлое своего народа и многовековую историю Российской государственности [6].

Цифровая эпоха не стирает наследие прошлого, а дает ему новую жизнь. Археология обретает объем через 3D-технологии, а архивы «оживают» благодаря интеллектуальному поиску. Это слияние старого и нового позволяет нам собрать воедино тысячи разрозненных историй, превращая их в яркую и наглядную мозаику человеческого опыта.

Список литературы

1. Кариев, Е. М. О статусе археологии как исторической науки (ключевые аспекты в мультидисциплинарном контексте) / Е. М. Кариев, Д. Б. Самратова // Gumilyov Journal of History. – 2022. – № 2 (139). – С. 51–75. – DOI: 10.32523/2616-7255-2022-139-2-51-75
2. Бутько, В. Н. Устная история: преимущества и недостатки / В. Н. Бутько // Наука и современность. – 2010. – № 1-1. – С. 118–123.
3. Бызова, О. М. Использование цифровых технологий в исторических исследованиях / О. М. Бызова // Общество: философия, история, культура. – 2022. – № 2 (94). – С. 76–81. – DOI: https://doi.org/10.24158/fik.2022.2.11

4. Фролов, А. А. «Цифровой поворот» в исторической науке и историческая геоинформатика / А. А. Фролов // Историческая информатика. – 2019. – № 3 (29). – С. 115–123. – DOI: https://doi.org/10.7256/2585-7797.2019.3.30770
5. Криворученко, В. К. О количественных методах в исторических исследованиях / В. К. Криворученко // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 2. – С. 96–105.
6. Сечкарь, Ю. А. Применение компьютерных технологий в процессе интерактивного обучения истории / Ю. А. Сечкарь, А. А. Ганюк // Информация и образование: границы коммуникаций. – 2025. – № 17 (25). – С. 434–436.

УДК 94(47).084.5

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТЯХ ПО ИЗУЧЕНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АГИТАЦИОННОГО ТЕАТРА «СИНЯЯ БЛУЗА» В 1923–1933 ГГ. ЧЕРЕЗ ИСТОЧНИКИ И НАУЧНУЮ ЛИТЕРАТУРУ

Смирнова С.В., ORCID 0009-0004-4634-6530,
Ипатов А.М., канд. ист. наук, ORCID 0000-0002-5320-140X,
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»,
г. Воронеж, РФ
sophiesmirnova13@yandex.ru, *molot.tora@mail.ru*

Введение. В истории отечественной культуры 1920-е гг. были периодом интенсивного поиска новых форм коммуникации с массовым зрителем. Театральная практика вышла за пределы традиционной сцены, обращаясь к рабочей аудитории и клубной среде. Заметным явлением этого процесса стал агитационный театральный коллектив «Синяя блуза», возникший в начале десятилетия и объединивший профессиональных и самодеятельных исполнителей вокруг принципа оперативного отклика на общественные события. В деятельности этого движения сочетались театральность, публицистичность, музыка, сатира и элементы живой газеты. Актуальность обращения к истории «Синей блузы» определяется возможностью анализа особенностей советской театральной культуры 1920-х гг., когда художественная форма активно взаимодействовала с задачами просвещения и агитации. Сохранившиеся периодические издания, репертуарные материалы и мемуары позволяют исследовать «Синюю блузу» как своеобразный инструмент производства и тиражирования сценического материала.

Цель публикации заключается в анализе источниковой базы и имеющихся научных исследований по истории деятельности «Синей блузы».

Основная часть. Источниковая база по проблеме исследования отличается жанровым разнообразием. Существенное место в ней занимает журнал «Синяя блуза», издававшийся Культотделом Московского

городского совета профессиональных союзов (МГСПС) в 1924-1928 гг. [4]. В разные периоды издание выступало как сборник материалов для постановки живых газет, двухнедельник и, непосредственно, журнал. Его значение состояло в связи с непосредственной практикой: опубликованные сценарные материалы позволяли проследить характер и идейное направление номеров, способы обработки актуальной тематики и принципы композиции представлений. Рассчитанное на массовое использование, издание превращало печатный текст в инструмент тиражирования сценической модели.

Дополнительные сведения предоставляют газеты «Новый зритель» и «Жизнь искусства», фиксировавшие текущий театральный процесс и критическую реакцию. Для анализа «Синей блузы» они важны тем, что позволяют сопоставить самоописание движения с его восприятием в профессиональной журналистике и проследить роль и место коллектива в контексте культурных дискуссий 1920-х гг.

Особый тип источника представляет альбом «Синяя блуза С.С.С.Р.» под редакцией Б. С. Южанина [1]. Объединяя фотографии исполнителей и сценических эпизодов, альбом позволял анализировать пластическую сторону представлений. Принцип альбомной репрезентации отражал стремление представить «Синюю блузу» как масштабное движение, выходящее за рамки отдельной сцены.

Существенную группу источников составляют воспоминания основателя коллектива «Синяя блуза» Б. С. Гуревича (псевдоним – «Южанин») и театрального режиссера Н. М. Фореггера. Мемуарный материал требует осторожного обращения, поскольку воспоминания неизбежно связаны с индивидуальной перспективой автора и последующей интерпретацией событий. Вместе с тем именно мемуары позволяют реконструировать внутреннюю сторону театральной деятельности: организацию коллективов, работу над номерами и отношение к аудитории, дополняя данные официальных документов. Отдельное значение имеют тексты В. Маяковского, поэтическая речь которого в условиях массового театра становилась частью сценического монтажа и сатирического обозрения.

Имеющаяся источниковая база характеризует «Синюю блузу» в нескольких измерениях: периодика отражает механизм распространения репертуара и общественную реакцию, альбом раскрывает визуальную сторону, а мемуары и литературные тексты – внутреннюю организацию и связь с авангардной поэзией. Такое сочетание материалов дает возможность избежать сведения истории «Синей блузы» только к перечню постановок и увидеть ее как сложный культурный феномен.

Историография «Синей блузы» складывалась преимущественно в рамках более широкого изучения советской эстрады, театра малых форм и сценической культуры первых послереволюционных десятилетий. В

исследовании Е. Д. Уваровой «Эстрадный театр: Миниатюры, обозрения, мюзик-холлы (1917-1945)» [5] агитационный театр рассматривается в динамике формирования новых сценических жанров, где ключевыми становятся краткость, актуальность и контакт со зрителем. Ее подход позволяет включить «Синюю блузу» в историю развития советского эстрадного театра. Важным становится не изолированное описание коллектива, а рассмотрение его в динамике формирования новых сценических жанров. В таком контексте агитационный театр выступает одним из вариантов развития малой формы, в которой особое значение получают краткость, актуальность материала, непосредственный контакт со зрителем и способность быстро реагировать на общественную повестку. «Синяя блуза» при этом предстает не случайным экспериментом, а закономерным элементом театрального процесса 1920-х гг.

Д. И. Золотницкий в труде «Зори театрального Октября» [2] анализирует деятельность «Синей блузы» в контексте преобразования сценической культуры после революции, акцентируя внимание на взаимодействии художественных экспериментов с изменившейся социальной средой. С. С. Клитин в работе «Эстрада: проблемы теории, истории и методики» [3] предлагает теоретическое осмысление специфики эстрадного номера и взаимоотношений исполнителя и аудитории, раскрывая характер сценического общения синеблузников.

Социокультурный подход представлен в исследовании А. А. Шереля «В контексте театральности: Социокультурные инновации советского театра 1920-х гг.» [6], где «Синяя блуза» выступает как форма культурной инновации на стыке профессионального искусства, массовой культуры и новых способов организации зрителя.

Для периода 1923-1933 гг. существенна динамика положения «Синей блузы». Если в первой половине 1920-х гг. коллектив развивался как гибкая форма массового театра, то к концу десятилетия усилились процессы унификации художественной жизни. В связи с этим 1933 г. рассматривается как завершающая граница существования феномена в его первоначальном виде.

Заключение. Таким образом, «Синяя блуза» представляет собой значимый феномен советской культуры 1920-х гг., объединивший агитацию, эстрадную форму и ориентированность на массового зрителя. Комплексный анализ источников и исследовательской литературы позволяет рассматривать историю данного театра не только в рамках пропаганды, но и как самостоятельный опыт обновления театрального языка, завершившийся к 1933 г. в условиях изменения культурной политики.

Список литературы

1. Альбом «Синяя блуза С.С.С.Р.» / под ред. Б. Южанина. – Москва : 7-я тип. «Искра революции» Мосполиграфа, 1928. – 112 с.

2. Золотницкий, Д. И. Зори театрального Октября / Д. И. Золотницкий. – Ленинград : Искусство, 1976. – 391 с.
3. Клитин, С. С. Эстрада: проблемы теории, истории и методики / С. С. Клитин. – Ленинград : Искусство, 1987. – 190 с.
4. Синяя блуза : ежемесячник издательства МГСПС «Труд и книга». – Москва : Изд-во МГСПС «Труд и книга», 1924–1928. – URL: https://lib.sptl.spb.ru/ru/nodes/3624-sinyaya-bluza-1924-locale-nil-1928 (дата обращения: 06.10.2026). – Текст: электронный.
5. Уварова, Е. Д. Эстрадный театр: Миниатюры, обозрения, мюзик-холлы (1917–1945) / Е. Д. Уварова. – Москва : Искусство, 1983. – 320 с.
6. Шерель, А. А. В контексте театральности: Социокультурные инновации советского театра 1920-х гг. / А. А. Шерель. – Москва : РГГУ, 2002. – 142 с.

УДК 94(477.6):930.2

РОЛЬ ПАРТИЙНЫХ ДОКУМЕНТОВ РКП(Б) – ВКП(Б) В ИЗУЧЕНИИ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ 1920-Х ГОДОВ

Чеботарева А.В., ORCID 0009-0008-4383-8512
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
abc5071@mail.ru

Введение. Особую роль в формировании советской модели власти сыграл период 1920-х годов, когда закладывались основы управления, выстраивалась партийно-государственная система и формулировались стратегии решения ключевых социально-экономических и политических задач. Именно поэтому документы РКП(б)–ВКП(б) столь ценны для исторического анализа. Они позволяют реконструировать траекторию трансформации партийного решения в государственную политику, раскрыть логику функционирования контрольных и исполнительных механизмов, а также соотнести практическую реализацию с декларируемыми принципами.

Историография проблемы. Важнейшие вопросы источниковедческого анализа документов КПСС раскрыты как в обобщающих трудах по источниковедению истории партии [1, 2], так и в узкоспециализированных публикациях [3, 4].

Цель работы – раскрыть информационную ценность партийных документов РКП(б)–ВКП(б) 1920-х годов как ключевого источника для изучения партийно-государственной политики.

Основная часть. Методологическую основу советского источниковедения составляют труды К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Ленина. Они задают нормативную и концептуальную рамку, позволяющую

интерпретировать директивы, резолюции и циркуляры РКП(б)–ВКП(б) как практическую реализацию политических целей, а также выявлять соотношение идеологических установок и управленческих решений в партийно-государственной политике рассматриваемого периода.

В основе классификации партийных документов лежит принцип происхождения, позволяющий дифференцировать их в зависимости от субъекта создания и функционального назначения. С учетом данного критерия выделяются следующие группы партийных документов: 1) программы и уставы партии; 2) материалы партийных съездов и конференций; 3) документы руководящих органов партии; 4) документы местных партийных органов и организаций [1, с. 246–269].

В изучении советской партийно-государственной политики программы и уставы выступают ключевыми нормативными документами. Программы раскрывают теоретическую платформу партии и определяют стратегические пути реализации ее целей, тогда как уставы регламентируют организационные аспекты ее деятельности.

По материалам съездов и конференций можно проследить, как менялись программные установки и как принимались ключевые решения. Комплекс документов партийных съездов и конференций разнообразен. К нему относятся: доклады и заключительные речи (в том числе отчетные доклады ЦК), резолюции и постановления, протоколы заседаний и работы комиссий, подготовительные материалы (проекты резолюций, записки, предложения делегатов), а также документы мандатных и ревизионных комиссий. При этом доклады, резолюции и постановления сочетают историческую и нормативную ценность: они фиксируют уже принятые решения и одновременно задают новые задачи.

На конкретных примерах видна функциональная значимость этого документального массива. Так, материалы X съезда РКП(б) (март 1921 г.) – один из ключевых комплексов источников для изучения перелома в политике советского государства. Они позволяют одновременно анализировать переход от «военного коммунизма» к НЭПу и ужесточение внутрипартийного режима (в частности, принятие резолюции «О единстве партии») [6, с. 1–30]. В свою очередь, Десятая Всероссийская конференция РКП(б) (май 1921 г.) зафиксировала приоритеты партийного строительства – целесообразное распределение партийных сил; воспитание и выдвижение новых работников; укрепление связи ЦК с местными партийными организациями [6, с. 30–34]. Это позволяет проследить механизмы кадровой политики партии, эволюцию организационных подходов, связь партийного строительства с задачами НЭПа.

Документы центральных руководящих органов партии, в первую очередь Центрального Комитета РКП(б)–ВКП(б), Политбюро, Оргбюро выступают в качестве базовых комплексов источников. Ценность этих документов определяется их полифункциональным характером. В них

органично сочетаются отчетная, аналитическая и директивная функции. Так, в отчетных материалах фиксировались итоги работы партийного аппарата за конкретный период; в аналитических – давалась оценка текущей социально-экономической и политической ситуации, обосновывались причины принятия тех или иных мер; в директивных – формулировались стратегические установки и задавались критерии оценки деятельности местных организаций, тем самым определяя алгоритмы дальнейших действий [2, с. 365–367].

Ценность документов местных партийных органов (губкомов, райкомов, окркомов и др.) состоит в том, что они позволяют проследить реализацию общегосударственной и партийной политики на локальном уровне – с учетом региональной специфики и имеющихся ресурсов. В этих материалах отражается не только исполнение директив, но и реальные практики адаптации решений к местным условиям.

Отчет Донецкого губкома КП(б)У за март 1923 – март 1924 года – наглядное подтверждение значимости таких документов. В нем отражены ключевые для Донбасса вопросы. Отдельно рассмотрены кадровые противоречия, внутрипартийная работа, взаимодействие с профсоюзами и комсомолом. Приложения и статистические таблицы отчета дают конкретные цифры для проверки заявленных результатов [4]. Сопоставляя эти данные с центральными планами, исследователь видит, как цели корректировались на местах и каковы были реальные итоги – то есть весь управленческий цикл в действии.

Для корректной интерпретации партийных документов важно не рассматривать их изолированно, а выстраивать в логическую цепочку. Анализ следует проводить по вертикали – от высших к низовым органа, и по степени детализации – от стратегических документов к оперативным актам и отчетности.

Заключение. Методологическая база советского источниковедения, опирающаяся на труды К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, задает концептуальную рамку для анализа партийной документации. Классификация документов по принципу происхождения и их многоуровневый анализ позволяют раскрыть механизм реализации партийной политики, проследить адаптацию директив к местным условиям и реконструировать управленческий цикл в его динамике.

Список литературы

1. Варшавчик, М. А. Источниковедение истории КПСС : Учеб. пособие для ист. фак. гос. ун-тов / В. А. Варшавчик. – Москва : Высш. школа, 1973. – 360 с.
2. Источниковедение: Теория. История. Методики российской истории: Учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. – Москва : Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. – 702 с. – ISBN 5-7281-0090-2
3. Камалова, Г. Т. Документы и материалы РКП (б)-ВКП (б) как источник для изучения истории правоохранительных органов периода НЭПа / Г. Т. Камалова // Вестник

Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2008. – № 8 (108). – С. 22–30.
4. Отчет Донецкого губернского комитета КП(б)У. Март 1923 г. – март 1924 г. – Бахмут : Рабочий Донбасса, 1924. – 233 с.
5. Пашин, В. П. Источники по исследованию кадровой политики партии большевиков. 1920-е гг. / В. П. Пашин // Вестник архивиста. – 2013. – № 1. – С. 93-102.
6. Справочник партийного работника / сост. Секретариатом ЦК РКП; РСФСР, РКП(б). Вып. 2. – Москва : Гос. изд-во, 1922. – 336 с.

УДК 903.01:551.791(470.61)

КОСТЯНОЕ ИЗДЕЛИЕ ИЗ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ПОЗДНЕГО НЕОПЛЕЙСТОЦЕНА «ХОЛОДНАЯ БАЛКА» В СЕВЕРНО-ВОСТОЧНОМ ПРИАЗОВЬЕ

Чуб А.А., ORCID 0009-0009-5793-2515
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
andrechyb2004@yandex.ru

Введение. Как правило, культурные слои стоянок каменного века интенсивно насыщенны костями животных. Это неразрывно связано с пищевыми стратегиями и технологией разделки и переработки туш животных охотниками-собирателями. В материалах стоянок палеолита представлены две основные модели переработки туш животных – с глубокой и не глубокой переработкой туш [1]. Свидетельства хозяйственной деятельности человека могут дать исследователям информацию о половозрастном составе особей, сезонности охоты, способах утилизации костей в пищевых целях и т.д.

Традиционно выделяются места забоя и первичной разделки (*killing-butchering site*), а также места вторичной разделки разных типов. Степень интенсивно разделки туш животных на местах забоя зависела от многих факторов, начиная со среднего палеолита. Существенную роль играла сезонность охоты, миграционные циклы перемещения крупных стадных копытных животных [2].

Основная часть. Выразительные материалы, иллюстрирующие технологию разделки костей крупных копытных в пищевых целях, дают находки с территории северного побережья Таганрогского залива. Находки среднепалеолитического облика локализуются на двух участках морского пляжа. Первый из них находится непосредственно под пансионатом в с. Весело-Вознесенка Неклиновского района Ростовской области к востоку от излучины пляжа за разрушенными бетонными противоволновыми конструкциями. Протяженность этого участка приблизительно 300-350 м. Высота обрыва здесь наиболее значительная, достигает 20 м и содержит отложения среднего и позднего неоплейстоцена. Второй участок

палеонтологических и археологических сборов локализуется к западу от устья р. Сухой Еланчик, он известен в геологической литературе как местонахождение Холодная Балка [3]. Под береговым обрывом найдены разрозненные каменные орудия, в том числе среднего палеолита. Оба местонахождения содержат также обильный фаунистический материал позднего неоплейстоцена, в частности – кости мамонта и бизона. Отдельные кости бизона – со следами антропогенного воздействия.

В данной работе приводится описание и анализ костяного изделия из местонахождения Холодная Балка. Изделие представляет из себя дистальную (нижнюю) часть левой плечевой кости степного бизона (*Bison priscus*), обломанную на уровне нижней трети диафиза (по определению канд. биол. наук В. В. Титова, ЮНЦ РАН) со следами антропогенного воздействия (рис. 1).

Рис. 1. Фрагмент плечевой кости бизона со следами обработки из местонахождения Холодная Балка.

На срезе диафиза видны негативы сколов, которые появились в результате разлома кости на две части и последующего системного скалывание костяных отщепов. Негативы сколов представляют собой выемки с перьевидным окончанием. Сколы с оскольчатым окончанием характерны для контрударного раскалывания трубчатой кости о платформу (наковальню) с целью извлечения костного мозга. В ходе дальнейшей обработки также имело место раскалывание крупного фрагмента кости ударами каменного отбойника, направленного со стороны

полости диафиза наружу. При таком типе раскалывания образовывались относительно крупные отщепы треугольной и неправильно-ромбической формы с характерным перьевидным окончанием [4, с. 119]. Получившиеся подобным образом отщепы в дальнейшем могли служить для изготовления различных типов орудий труда, в частности – ретушеров, скребел и пр. Аналогичные описанному типу раскалывания артефакты присутствуют на стоянках среднего палеолита в Северно-Восточном Приазовье (в частности, на стоянке Рожок I) [4], а также подтверждаются экспериментальными данными [5].

Заключение. На основании представленного анализа костяного изделия из местонахождения Холодная Балка очевиден вывод о специфике хозяйственной деятельности человека в среднем палеолите в сфере глубокой утилизации продуктов охоты. Раскалывание костей с целью получения костного мозга было важнейшей составной частью пищевой стратегии человека, связанной с переработкой и утилизацией туш животных. На основании экспериментальных данных автором был реконструирован технологический процесс получения изделий с такими же характерными чертами. Тем не менее, для полноты картины необходимо продолжить полевые наблюдения над местонахождением с целью выявления новых следов участия человека в образовании костеносного горизонта в нижней части лёссово-почвенного разреза.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование выполнено в рамках государственного задания «Эволюция общества на землях Донбасса с древнейших времен до XVII века» (FRRE-2026-0023).*

Список литературы

1. Patou-Mathis, M. Analyse Archéozoologique de l’Unité III / M. Patou-Mathis // Kabazi II: The 70,000 years since the Last Interglacial / Palaeolithic Sites of Crimea. – Simferopol; Cologne, 2006. – Vol. 2. – Pp. 209–239.
2. Колесник, А. В. Распределение культурных остатков по горизонтам стоянки Рожок I: реконструкция охотничьей стратегии и поселенческих структур / А. В. Колесник, В. В. Титов, А. Ю. Данильченко, О. Г. Олих, М. Т. Левченко, А. А. Чуб // Camera praehistorica. – 2025. – № 1 (14). – С. 42–69. – DOI: https://doi.org/10.31250/2658-3828-2025-1-42-69
3. Колесник, А. В. Находки среднего палеолита на северном побережье Таганрогского залива / А. В. Колесник, А. Ю. Данильченко, Ю. Н. Зоров, В. В. Титов, К. Н. Гаврилов // Cultural Heritage and Modern Technologies – 2024. – № 2. – С. 261–274. – DOI: 10.24412/2837-0759-2024-2261274
4. Колесник, А. В. Костяные изделия со стоянки среднего палеолита Рожок I (культурный горизонт VI) в Северо-Восточном Приазовье / А. В. Колесник, Е. Ю. Гиря, А. Ю. Данильченко, В. В. Титов, О. Г. Олих, А. К. Очередной // Stratum plus. – 2023. – № 1. – С. 101–125. – DOI: 10.55086/sp231101125
5. Колесник, А. В. К характеристике технологии расщепления кости в среднем палеолите (по данным эксперимента) / А. В. Колесник, А. А. Чуб, М. Т. Левченко // Журнал исторических, политологических и международных исследований: научный журнал. – 2026. – № 3. – С. 7-24. – DOI: 10.5281/zenodo.23021751

УДК 902:94(470)

«МОНГОЛЬСКИЙ» СПОСОБ СТРЕЛЬБЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОЛЬЦА ЛУЧНИКА СРЕДНЕВЕКОВЫМИ КОЧЕВНИКАМИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Ширяевский А.В., ORCID 0009-0008-0127-435X
ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет»,
г. Мелитополь, Запорожская обл., РФ
alexeyshiryevskiy86@mail.ru

Введение. Основным оружием дистанционного боя средневековых кочевников степных просторов Евразии, несомненно, был сложный или сложносоставной лук и стрелы, о чём свидетельствуют как письменные источники, так и данные археологии. Реконструкция приёмов применения этого вида вооружения является важной составляющей полноценного исследования военного дела и культурных традиций кочевых народов.

Цель настоящей работы – определить особенности техники стрельбы из лука с помощью защитного кольца на большой палец руки, так называемым «монгольским» способом, и время распространения кольца лучника среди кочевников восточноевропейского региона.

Основная часть. Вопросы техники стрельбы и хвата тетивы кочевниками до сегодняшнего дня являются дискуссионными. Еще в конце XIX века американцем Морзе были определены несколько способов натягивания тетивы [3, с. 369]. Среди них наиболее распространённым в Европе был «средиземноморский» хват – тетиву натягивают указательным, средним и безымянным пальцами, располагая стрелу между указательным и средним. «Монгольский» по Морзе или азиатский способ предполагает, что тетива натягивается согнутым большим пальцем [6, с. 332-333].

Также на основе изучения древнеперсидских изображений Морзе выделял хват, когда тетива натягивается расположенными под стрелой средним, безымянным пальцами и мизинцем, а вытянутый вдоль древка указательный палец правой руки немного прижимает стрелу влево. Он полагал, что при этом тетиву тянул и большой палец [3, с. 373]. Нам видится, что Морзе заблуждался, и большой палец в этом случае совсем не задействовался при натягивании тетивы. Такой способ среди современных лучников почему-то именуют «славянским». Как и при «монгольском» способе, стрела при «славянском» хвате располагается справа от лука. Возможно, восточноевропейские кочевники могли использовать подобный хват, также удобный для стрельбы с лошади.

Использование же «монгольского» хвата подходит для конной стрельбы из лука наилучшим образом. Стрела, наложенная на тетиву вырезом в хвостовике, плотно фиксируется в замке между большим и

указательным пальцами и прижимается справа от лука, то есть со стороны правой руки лучника, удерживающей тетиву. Это обеспечивает полный контроль стрелы, и даже при сильной тряске в седле такой хват снижает риск её выронить.

В большинстве берестяных колчанов, найденных в позднекочевнических погребениях, стрелы помещались наконечниками вверх, что, на наш взгляд, косвенно свидетельствует о накладывании стрелы справа от лука. Колчаны также подвешивались у правого бедра. В этом случае стрелу вынимали из колчана пальцами правой руки за древко у самого наконечника. Далее древко стрелы передавали в захват справа от лука между указательным и большим пальцами левой кисти, удерживающей лук в ладони средним, безымянным пальцами и мизинцем. Затем пальцами правой руки захватывали хвостовик стрелы и отработанным движением накладывали вырезом на тетиву, после чего производилось натягивание лука и выстрел.

При стрельбе с кольцом в момент выпуска стрелы лук делает «кивок» и небольшой разворот по вертикальной оси благодаря инерции движения частей лука и правильного удержания рукояти. За счёт упора в рукоять ладонью, давления трёх нижних пальцев и вытягивания большого пальца в сторону цели лук несколько отходит влево, освобождая место двигающейся стреле, что обеспечивает совершенно ровный и свободный полёт. При правильной технике выполнения тетива не бьёт по руке, удерживающей лук. Отсутствие защитных средств на левое предплечье у кочевников косвенно свидетельствует в пользу распространения подобного способа стрельбы.

«Средиземноморским» хватом тремя пальцами удерживать стрелу в стабильном положении при скачке значительно сложнее. «Монгольский» хват с помощью большого пальца более надёжный для всадника. Давление на сгиб фаланги большого пальца при этом компенсирует и нивелирует кольцо лучника.

В специальной литературе бытует мнение, что кольца лучника были изобретены на территории Китая ещё как минимум в последней трети II тыс. до н.э., а широко распространились в степях Восточной Европы в результате монгольского нашествия [4, с. 155]. Однако в 2015 году было найдено сарматское кольцо лучника из бронзы, которое датируется приблизительно I в. н.э. Характерными его особенностями являются: ушко для шнурка, чтобы фиксировать на запястье или пальце; сравнительно короткий лепесток, прикрывающий подушечку большого пальца; утолщение ободка у основания лепестка, куда упиралась тетива [7, с. 327]. Второй важной находкой является кольцо лучника из меди «в виде тонкой пластины конусообразной формы», которое хранится в Дербентском музее-заповеднике и датируется VII-X вв. [5]. Если датировка правильна,

то получается, что на территории Хазарского каганата кольца на большой палец для стрельбы из лука также были в ходу.

Костяные кольца как массовая находка нам известны в основном из косторезных мастерских золотоордынских городов [1]. Известно только два случая обнаружения таких колец в погребениях поздних кочевников [4, с. 154]. Вероятно, подобные кольца действительно редко помещали в захоронения, или они были выполнены из недолговечных материалов, например, кожи. Из достаточно сильного лука тянуть тетиву и стрелять с помощью незащищённого протектором большого пальца на постоянной основе практически невозможно. Мнение о том, что гораздо чаще кочевники могли стрелять из лука без каких-либо защитных колец [2, с. 136], требует, на наш взгляд, экспериментальной проверки.

Заключение. Стрельба из лука с помощью большого пальца «монгольским» хватом более эффективна, точна и удобна для всадника, чем другие способы натягивания тетивы. Существование единообразной традиции конного степного воина, а также хронологически более ранние археологические находки колец лучника позволяют прийти к выводу, что названный «монгольским» способ стрельбы из сложносоставного лука был известен кочевникам Восточной Европы задолго до прихода монголов.

Список литературы

1. Азовские археологи нашли кольца лучников золотоордынского периода. – URL: https://rostov.ru/society/azovskie-arheologi-nashli-kolca-luchnikov-zolotoordynskogo-perioda.html?ysclid=mq12f0x34w363142859 (дата обращения: 05.06.2026). – Текст: электронный.
2. Акматов, К. Т. О способе натягивания тетивы лука у средневековых кочевников Средней и Центральной Азии / К. Т. Акматов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2016. – Т. 15, № 7. – С. 129–139.
3. Анучин, Д. Н. О древнем луке и стрелах / Д. Н. Анучин // Труды V Археологического съезда в Тифлисе, 1881 / под общей ред. графини Уваровой. – М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1887. – С. 337–411.
4. Волков, И. В. О происхождении «монгольского» способа стрельбы из лука / И. В. Волков // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. – Армавир, 2003. – Вып. 2. – С. 154–156.
5. Гаджиева, Ф. Кольцо лучника / Ф. Гаджиева. – URL: https://derbentmuseum.ru/news/kolczo-luchnika-2/ (дата обращения:05.06.2026). – Текст: электронный.
6. История боевых искусств. От Нового Света до Чёрного континента / под общ. ред. Г. К. Панченко. – М.: Олимп, АСТ, 1997. – 512 с.
7. Лоадс, М. Боевые луки: история, эволюция, искусство владения / М. Лоадс; пер. с англ. Е. Мягковой. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2022. – 464 с.

УДК 903.25(516)

НАХОДКИ МОНЕТ В ПОГРЕБЕНИЯХ МОГИЛЬНИКА ЧЖАЙТОУХЭ (РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК)

Шульга П.И.[1], канд. ист. наук, ORCID 0000-0003-4684-8456,
Шульга Д.П.[2], д-р. ист. наук, ORCID 0000-0001-5820-1743
[1] Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск, РФ
[2] ФГКВОУ ВО «Донецкое высшее общевойсковое командное училище», г. Донецк, РФ
alkaddafa@gmail.com, shulga-dp@ranepa.ru

Введение. Могильник Чжайтоухэ[7], исследованный в 2011 году в ходе строительства гидротехнического комплекса Наньгоумэнь, относится к периоду Сражающихся царств. В культурном отношении некрополь связан с ранними кочевниками, известными в китайских источниках под собирательным именем «жунов»[8]. Площадь могильника – около 5500 м²; 90 погребений расположены с юга на север на четырёх террасах, помимо них найдены две ямы с жертвенными лошадьми. Погребения не перекрывают друг друга, что указывает на единую планировку некрополя. Встречаются погребения с двойным или одинарным гробом, а также без какой-либо конструкции внутри. Подавляющее большинство усопших лежат вытянуто на спине. Преобладает широтная ориентация (по оси восток-запад). Меридионально ориентированные захоронения (тринадцать случаев) сосредоточены на периферии некрополя [3].

Целью настоящей работы является описание данного синкретичного памятника, на стыке мира ранних кочевников и китайских царств Восточной Чжоу.

Основная часть. Могильник Чжайтоухэ располагается недалеко от ареала царства Цинь [1]. Однако значительно больше оснований связывать китайское влияние с наследием «Трёх Цзинь» – прежде всего царства Вэй. Территория, где находится некрополь («коридор Хэси») была зоной борьбы между Цинь и Вэй. Находки монет с легендами «Лян баньцзинь» и «Иньцзинь баньцзинь», отчеканенных не позднее IV в. до н. э., железных поясных крюков (а также особенности металлургии) свидетельствуют о заимствовании местным жунским населением передовых технологий из Вэй [3].

Остановимся на монетах подробнее. Найденные в некрополе Чжайтоухэ монеты с надписями служат важным источником для

[7] Уезд Хуанлин, провинция Шэньси.

[8] Стоит отметить, что данный «этноним» весьма собирателен. Он активно использовался для «инородцев» к северу и западу от Центральной равнины не менее тысячелетия (как минимум, с VII в. до н.э. по III в. н.э.), нередко – в связи с событиями в пограничных царствах [1]. То же самое касается и наименования другой кочевой общности, *ди*. Последние, впрочем, даже основывали династии в царствах на периферии чжоуского мира [2].

датировки памятника. Найдены они в захоронениях М22 и М51[9]. Это экземпляры «мостовидного»[10] типа с надписями «Лян бань цзинь» (梁半釿) и «Инь цзинь бань цзинь» (阴晋半釿) соответственно. Указанные монеты несут на себе иероглиф «цзинь» (釿) в легенде. Они являются ярким примером монетной системы царства Вэй. Последняя, в свою очередь, восходит к более ранней традиции ещё единого государства Цзинь.

Подобные нумизматические артефакты отличаются высоким качеством литья, а их легенды содержат не только названия места изготовления и иероглиф «釿[11]», но и числовые обозначения, такие как «половина» (半), «один» (一) или «два» (二). Период чеканки монет «мостовидного типа» (с форматом надписи «название места изготовления + 釿») охватывает первую половину эпохи Сражающихся царств.

Отметим, что монета «Иньцзинь бань цзинь» датируется временем до 332 г. до н. э., когда город Иньцзинь был присоединен к царству Цинь [1]. Если две обнаруженные в Чжайтоухэ с иероглифом «釿» действительно находились в обращении и использовались погребенными при жизни, то некрополь, вероятно, следует датировать периодом не позднее втор. пол. V в. до н.э. Данный вывод согласуется с результатами сравнительного анализа керамики и бронзовых изделий, указывающими на то, что подавляющее большинство погребений относится к раннему или среднему этапам эпохи Чжаньго. На подобную датировку указывают и характерные приземистые керамические треножники.

О связях с Вэй свидетельствует находка бронзового сосуда в погребении М7, клевцы *гэ* из М7 и М19 и другие артефакты, например, бронзовый меч из М55[12]. Аналогичные поясные пряжки в могильнике Юйхуанмяо неподалёку от г. Пекин, а бронзовые трубчатые пронизки с раздутой центральной частью характерны для культуры шацзин (восточная часть Ганьсу) и памятников V-IV вв. до н. э. в Туве. В то же время значительная часть керамики имеет прямые аналогии в могильниках ранних кочевников на территории Нинся и Ганьсу [5].

---

[9] Размеры могилы в верхней и нижней частях сопоставимы. Длина составляет 2,4 м, ширина – 1,4 м, а глубина – 5,9 м. На отметке 4,4 м от поверхности восточная и западная стенки расширяются (образуя уступ около 0,3 м), а затем, на глубине 5 м, снова переходят в вертикальное положение. На северной стене (также на глубине 4,4 м), расположена ниша неправильной округлой формы (диаметром около 20 см и глубиной около 25 см), в которой находился один сосуд. Внутримогильная конструкция представляет собой одинарный гроб. Заполнение гробниц состояло из уплотненного грунта. Останки покойных в обеих могилах располагались хаотично, возможно, из-за обряда вторичного захоронения [6, с. 7].

[10] Дословный перевод китайского термина «桥形布币». Подобные монеты имеют П-образную часть с петелькой сверху [3, с. 81].

[11] Читается как «цзинь». Является разнописью знака 斤. Последний, в свою очередь, означает «топор», либо меру веса около 500 гр. (в разных царствах масса цзиня могла отличаться) [2].

[12] Примечательно, что к IV в. до н.э. оружие в большинстве культур скифо-сибирского круга уже долгое время изготавливалось из железа.

Заключение. Подобные находки демонстрируют нам взаимодействие кочевников и китайских государств в эпоху Восточной Чжоу[13]. Пример Чжайтоухэ не уникален. Элитный некрополь Мацзяюань, в котором было обнаружено множество колесниц, демонстрирует явные связи с царством Цинь. Очевидно, «жуны», воспринявшие многие элементы культуры Центральной равнины, служили передаточным звеном между миром Восточной Чжоу и скифо-сибирскими культурами (например, пазырыкской в Горном Алтае и уюкско-саглынской в Туве).

Информация о финансовой поддержке: *Исследование проводилось при поддержке проекта НИР ИАЭТ СО РАН «Общее и особенное в траекториях развития древних культур Востока и Юго-Востока Евразии от эпохи камня до Средневековья» (№ FWZG-2025-0002)*.

Список литературы

1. Комиссаров, С. А. Циньские погребальные памятники додинастического периода / С. А. Комиссаров, О. А. Хачатурян // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2008. – Т. 4, Вып. 4. – С. 7–11.
2. Ню Цзюньфа, Чэнь Цзяньцян. Вэйме Чжуншань чжичжань каолюэ [牛俊法，陈建强。魏灭中山之战考略 // 军事历史] Исследование завоевания царства Чжуншань царством Вэй // Военная история. – 2008. – № 2. – С. 46–49.
3. Сунь Чжоуюн, Сунь Чжаньвэй, Шао Цзин. Хуанлин чжайтоухэ чжаньгомуди сянгуань вэньти танбао. [孙周勇、孙战伟、邵晶，黄陵寨头河战国墓地相关问题探讨 // 考古与文物 2012 年第 6 期] Обсуждение актуальных вопросов, касающихся могильника Чжайтоухэ периода Воюющих царств в уезде Хуанлин // Каогу юй вэньу (Археология и культурное наследие). – 2012. – № 6. – С. 79–86.
4. Цзян Лу. Бэйфан дицюй хань му гэцзюй яньбянь юй ханьдай бяньцзян чжэнцэ дэ гуаньси [蒋璐，北方地区汉墓格局演变与汉代边疆政策的关系 // 华夏考古。2015。№3] Связь между эволюцией ханьской захоронений в северном регионе и пограничной политикой династии Хань // Археология хуася (Хуася каогу). – 2015. – № 3. – С. 84–87.
5. Шульга, Д. П. Могильник Вандаху культуры янлан в Нинся-Хуэйском атономном районе КНР / Д. П. Шульга, П. И. Шульга // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 2019. – Т. XXV. – С. 649–655.
6. Шэньсийский провинциальный археологический институт, Яньаньский муниципальный институт культурного наследия, Бюро туризма и культурного наследия уезда Хуанлин. Шаньси хуанлин чжайтоухэ чжаньго жун жэнь муди фацзюэ цзяньбао. [陕西省考古研究院、延安市文物研究所、黄陵县旅游文物局，陕西黄陵寨头河战国戎人墓地发掘简报 // 考古与文物 2012 年第 6 期.] Краткий отчет о раскопках жунского могильника Чжайтоухэ периода Воюющих царств (Хуанлин, провинция Шэньси) // Каогу юй вэньу (Археология и культурное наследие). – 2012. – № 6. – С. 3–10.

[13] Именно в этой среде к концу периода Сражающихся царств формировалась общность сюнну, которая впоследствии воспроизводила те же модели отношений объединившейся Поднебесной [4].

СОДЕРЖАНИЕ

Всемирная история

Агаркова М.И. От гипотезы к идеологии: механизмы политизации индоевропейских исследований (XIX–XX вв.) 7

Белюрко Н.М. Зарождение и развитие военного искусства на примере знаковых сражений Античности 10

Бредихин А.В., Кухарская Д.В. Наследие Ф.Д. Рузвельта в политике Дж.Ф. Кеннеди 13

Бурьян М.А. Британские интересы на Кавказе в 1830-х – начале 1850-х гг. 16

Вербовский А.В. Формирование образа властителя в портретных изображениях Филиппа Доброго 18

Гречихин К.А. К вопросу о попытке государственного переворота Фадыля аль-Баррака в Ираке в 1991 г. 21

Деркач Е.С. Реформы в системе образования Аргентины в годы первого президентского срока Хуана Доминго Перона (1946-1955) 24

Душенко В.А. Документы Уильяма Джонсона как источник по истории индейских племен 27

Елохин К.А. Клейма коней святой инквизиции XVII века 30

Землянская В.П. Париж в реализации управленческих стратегий короля Франции Людовика XI 33

Ищенко Д.Д., Носко К.Г. Сакральное время и календарные циклы в религиозной традиции древних майя 36

Ищенко В.Б. Противостояние экономик СССР и США в американской региональной прессе второй половины 1940-х годов 39

Корнев Д.И., Шепко Л.Г. Англосаксонское завоевание Британии в историческом нарративе средневековья 42

Кузьмина М.В. Гастрономия буржуа и её социальный аспект (по Le Ménagier de Paris, конец XIV в.) 45

Лапидус О.С. Развитие социалистической политики КНР в начале XXI в. . 48

Можгинский В.Л., Летов А.В. Речная сеть как фактор социальной интеграции в доколумбовом тихоокеанском северо-западе 51

Муртузалиев С.И. Радикализация ислама в Дагестане на рубеже XX–XXI веков 54

Наумов Д.Ю. Проблема немецкой собственности в Австрии после Второй мировой войны и пути ее решения союзниками по антигитлеровской коалиции (1945−1946 гг.) 56

Никифоров Д.О., Шепко Л.Г. Источниковедческие принципы цифровой систематизации сарматских материалов Донбасса 59

Носко К.Г. Иностранные дипломаты в парижских салонах XVIII в. 62

Орлова С.Ю. Немецкие этнонимы в датских средневековых сочинениях ... 65

Разумный В.В. Сирийский фактор в гражданской войне в Ливане в 1976 году 68

Селиванова Л.Л. Проблемы изучения сельской общины на территории античной Малой Азии в трудах Е.С. Голубцовой..... 71

Сидоренко А.С. История фотофиниша и его роль в развитии мирового спорта..... 74

Скворцова Л.А. Россия и Норвегия в XXI веке в Арктике: история взаимоотношений 77

Скопылатова В.И. «Тэтчеризм» и Ольстерский конфликт: преемственность и изменения в подходе к урегулированию (на примере деятельности государственных секретарей 1979–1990 гг.) 80

Удовенко Ю.Н. Венесуэльский опыт адаптации к санкциям 2005-2025 гг.. 83

Харьковский Р.Г. Особенности французской колониальной политики в северо-восточной Африке в первой половине XIX в..... 86

Харьковский С.Р. Польское восстание 1830-1831 гг.: позиция Российского правительства и великих держав 89

Хуснутдинов М.И. Россия в англо-французском противостоянии 1755–1756 гг.: от субсидной конвенции к новой антипрусской коалиции..... 92

Шапошников Д.И., Разумный В.В. Вклад профессора Л.П. Делюсина в изучении истории Китая эпохи новейшего времени 95

Шевченко В.В. Британские военно-морские силы Каспийского моря в 1918–1919 гг..... 98

Шепко Л.Г. Проблемы и принципы создания региональной БД сарматских древностей северо-восточного Приазовья..... 101

Янченко Д.С. Провозглашение независимости Палестины в 1988 г.: политическое значение 104

Отечественная и региональная история

Алексушин Г.В. Озерные и речные ледоколы Российской империи 108

Базиль Д.В. Приходские миссионерские кружки Ставропольской епархии в 1908–1911 гг..... 111

Беркалиев А.А. Источники по истории высшего образования в Саратовской губернии 1861-1917 гг.: классификация и их значение 114

Бикчурин Д.Р. Педагогические и шефские практики студенческих строительных отрядов Мордовской АССР в 1970 году 117

Воробьева В.В. Военная реформа Петра I: главные преобразования и их роль в укреплении государства..... 120

Гаврыш О.В. Создание и развитие системы учреждений по охране здоровья матери и ребенка на Донбассе в 1920-е годы 123

Ганиев А.И., Бурангулов Б.В. Центральный государственный архив Башкирской АССР в начальный период Великой Отечественной войны 125

Гибадуллин М.З. Результаты реализации Столыпинских реформ в регионах Поволжья 128

Голота В.А., Навка И.А. Особенности советской образовательной политики в довоенный период 131

Дитковская С.А. Трансформация сети высших учебных заведений Ворошиловградщины в послевоенные годы 134

Дуйловская Ж.В. Повседневная жизнь советских учителей в послевоенные 1945–1955-е годы: проблемы питания, жилья и материального обеспечения 137

Ердокеско Е.А. Деятельность союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР в 1941-1942 гг. 140

Ерошенко И.А. Роль комсомола в восстановлении промышленности Донбасса на завершающем этапе Великой Отечественной войны 143

Ешпанов В.С., Советов А.С. Советское здравоохранение в годы Великой Отечественной войны: вызовы, решения, итоги 145

Зацепилина Е.В. Роль комсомольской организации в реконструкции сельского хозяйства в Донбассе (1929 г.) 148

Камбиев А.М. Антибольшевистская государственность на территории Терека и Дагестана, 1917-1920 гг. 151

Клименко Я.К. «Новая женщина» в эпоху перемен: трансформация женского служения в России от рубежа XIX–XX веков до наших дней 154

Ковалёва И.И., Мишечкин Г.В. Высшее историческое образование в России и проблема цифровизации 157

Колесников Н.С. Трансформация историографических подходов к изучению восстановления угольной промышленности Донбасса (1943-1945 гг.) 160

Кулиш Е.А. Эвакуация детей и подростков из блокадного Ленинграда в Омскую область (1941–1943 гг.): численность, размещение и условия пребывания 163

Липатов А.В. Первые спартакиады народов СССР как часть культурного строительства в советском обществе в сер. 1950-х – нач. 1960-х гг. 166

Лобанов В.Б. Советское административно-территориальное деление в Терско-Дагестанском регионе (1918–1921 гг.) 169

Людоровская Т.Ю. Заработная плата рабочих Донбасса в конце1920-х – начале 1930-х гг. 171

Людоровский А.В. Металлургическая промышленность Донбасса в 1950–1960-е гг. 174

Малый А.И. Сравнительный анализ политико-идеологических парадигм по РВСР и ОСВАГА: ключевая роль идеологии в Гражданской войне в России 177

Марченко О.А. Нетрадиционные методы борьбы с алкоголизмом в период проведения антиалкогольной кампании 1985-1990 гг. на территории Донецкой области 180

Мельников А.В. К вопросу о роли М.А. Караулова в Февральской революции 1917 г. 183

Мишечкин Г.В. Итоги боевой деятельности 4-го гвардейского механизированного корпуса в Миусской фронтовой наступательной операции 185

Морев В.А. К истории радиосвязи в Новониколаевске (1918–1926 гг.) 188

Мурзин В.С. Традиционная социальная организация и хозяйство айнов: между общинной автономией и внешним влиянием (до середины XIX в.) 191

Овчарова А.Ю. Модели колонизации поселений правобережья Нижней Волги в XVIII–XIX вв. 194

Олейникова Е.Г., Симонова С.С. Социальная политика местных органов власти Сталинграда на завершающем этапе Великой Отечественной войны 197

Оленина Е.А., Людоровская Т.Ю. Бахмутское самоуправление во второй половине XIX – начале XX вв. 200

Орехова С.Е. Деятельность военной связи в годы Великой Отечественной войны и в ходе Специальной военной операции 203

Подпрятов Н.В. Этапы формирования вооруженных сил Донецкой и Луганской Народных Республик. 2014–2022 гг. 206

Полуденко С.В. «Луганский характер» и другие важные вехи Движения первых в ЛНР к осени 2026 г. 209

Пуневский Я.В. Займовая политика российских органов городского самоуправления в 1870–1914 гг. (по материалам Ярославской губернии) 212

Раздорский А.И. Материалы по истории Донбасса в электронном справочно-библиографическом ресурсе «Вся Россия» 215

Разумная Н.Н. Борьба с контрабандой металлических товаров в России в 1916 г. 218

Рощина Т.М. Конфессиональная специфика понимания социального служения религиозными конфессиями Донбасса (вт. пол. 1990-х – вт. пол. 2000-х гг.) 221

Рубченко А.В. Довоенные призывы в ряды красной армии в Сталинской области в первой половине 1941 года 224

Семенова Н.Л., Жарылгасынов К.О. Подготовка кадров для органов прокуратуры после судебной реформы 1864 г. (на материалах губерний Южного Урала) 227

Тишин А.А. Материально-техническое обеспечение всеобщего военного обучения населения Рязанской губернии в 1918–1922 гг. 230

Янченко С.Ш. Памятные книжки и адрес-календари дореволюционного Донбасса: информационный потенциал источника и методы анализа 232

Ясинчак К.В., Рочняк Е.В. Особенности профессиональной подготовки в СССР 235

История России и славянских народов

Агаркова М.И, Кожемяка О.Л. Меннонитские колонии Донбасса: архитектура, быт и влияние на развитие края..... 239

Алёхина А.Ю., Пенькова О.Б. Становление и развитие системы образования в Юзовке в конце XIX – начале XX вв. 242

Антонов В.А. Имя рӯс (русь) на арабских картах X–XI веков..... 245

Булгакова Е.Ю., Чугрина О.Р. Становление местного самоуправления в России в исторической ретроспективе 248

Володин В.В., Старченко Н.Н. Подходы советской историографии к изучению Угличского дела на примере исследований А.А. Зимина и Р.Г. Скрынникова..... 251

Герасько В.А. Советы народного хозяйства 1957–1965 гг.: Pro et Contra..... 254

Ешпанов В.С. Подвиг тыла: вклад Казахстана в Великую Отечественную войну 257

Забавский А.В. Становление телевизионного вещания в городе Сталино (1956–1957 гг.)..... 260

Ипатов А.М. К вопросу о причинах введения и перспективах реализации исторического просвещения в России 263

Котов А.Э. Газета «Русский мир» (1871–1880): к вопросу о социально-политической программе 266

Кривошей Л.Ю. Славянская миграция сквозь века: от расселения до наших дней 269

Кринко Е.Ф., Саенко А.С. Мемориализация геноцида: сохранение памяти о жертвах нацизма на территории Луганской Народной Республики..... 272

Крутых Я.Р. Проблемные вопросы военной революции в России в XVI веке 275

Ляшенко В.Г. Инженер Ф.Е. Енакиев – инициатор строительства Северо-Донецкой железной дороги..... 278

Носков В.Ю. Трудовые ресурсы в послевоенном восстановлении Донбасса (1945–1948 гг.)..... 281

Носкова Д.Э. 200-летие со дня рождения А.В. Суворова на страницах эмигрантского журнала «Часовой»..... 284

Путилин И.А. Славянский вопрос в отечественной публицистике в годы Первой и Второй мировых войн..... 287

Родченко А.М. Развитие интеграции Донецкой Народной Республики с Российской Федерацией в 2014–2022 гг..... 290

Рязанов К.М. Дипломатические и торговые отношения России и Великобритании в правление Петра I (1698–1725 гг.)..... 293

Сайганов В.С. Образ Германии в польской периодической печати в эпоху Веймарской республики (1918-1933)..... 295

Скляров В.В., Пенькова О.Б. Северо-западная политика России XVI века в отечественной историографии..... 298

Смольницкий Н.С., Щевич К.С. Преемственность военных преобразований Петра I в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. 301

Соловей М.А. Роль Виктора Граффа в озеленении Донецкого края 304

Софьин Д.М., Софьина М.В. Забытый герой Севастополя: воспитанник пажеского корпуса Александр Александрович Степанов (1824–1861) ... 307

Старченко Н.Н. Организация производства и снабжения протезно-ортопедическими изделиями в 1945–1953 гг. (на примере Сталинского протезного завода)..... 310

Урожаева Т.П. Возрождение иркутского казачьего войска в 1990-е гг..... 313

Утишев Д.А., Тюрин В.А. Реакция правого лагеря на политический «демарш» В.М. Пуришкевича 19 ноября 1916 года..... 316

Чепига Г.Г. Воспитание и театральное искусство: соотношение понятий в историческом контексте 320

Шкрибитько Е.А. Усадебный комплекс Потемкиных в Святых горах (конец XVIII – начало XX вв.) 323

Щевич К.С. Театральная жизнь г. Сталино в 1953 году (по материалам газеты «Радянська Донеччина») 326

Археология, историография, источниковедение и методы исторического исследования

Абуков С.Н. К вопросу о происхождении фоминских князей 329

Батуров Н.А. Металл в экспозиции Донецкого республиканского краеведческого музея 331

Вербовский А.В., Горбатенко Е.А. Популяризация экспозиций и фондовых коллекций Донецкого республиканского краеведческого музея 334

Гриб В.К. Культовая фигурка «уродца» из насыпи кургана..... 337

Данильченко А.Ю. Метод расщепления многоплощадочных (кубовидных) нуклеусов по материалам стоянки среднего палеолита Бирючья балка 2 в низовьях Северского Донца..... 340

Дибас О.А., Милокост Л.С. Эволюция историографического дискурса о роли музея в формировании коммеморативной культуры молодежи (конец XX – начало XXI в.)..... 343

Жиряков К.А. Основные этапы формирования концепции «варваров с севера» в английской историографии 345

Карамов Р.Р., Бурангулов Б.В. Источниковедческий потенциал фондов Национального архива Республики Башкортостан по народному творчеству в контексте этноархивистики 348

Карепин К.В. Структура мясного потребления населения Азака..... 351

Климова К.И., Колесник А.В. О происхождении технологического пакета кремневых замков русского ручного огнестрельного оружия XVII-XVIII вв. и расходных материалов к нему 355

Колесник А.В., Муратов Е.С., Гиря Е.Ю., Лысенко Д.Н. Скопление каменных изделий на участке 60 стоянки позднего палеолита Усть-Базаиха-2 (Сибирская) в г. Красноярске 357

Красноносов Ю.Н. Гидронимы Донбасса: этнолингвистический аспект 359

Левченко М.Т. К вопросу о критериях типологии орудий среднего палеолита Восточной Европы 362

Манько Н.В. О возможностях оценки пищевых ресурсов населения позднего каменного века Донбасса (по материалам поселения Зановское-1) 365

Полякова О.А. Детские и подростковые украшения у восточноевропейских кочевников XII-XIV вв. (находки из погребений) 369

Попова А.В. Репрезентация Востока в «Реляции о великих войнах и победах, одержанных царем Персии Шахом Аббасом над императорами Турции» (1611) А. де Гувеа 372

Потемкина Т.М. О так называемых геометрических рисунках на половецких изваяниях 374

Пуганова А.Л., Дмитриева А.В. Современные методы исследования ранней истории и археологии славян 377

Сечкарь Ю.А., Дяченко А.С. Методы исторического исследования: от археологии до цифровых технологий 380

Смирнова С.В., Ипатов А.М. К вопросу о возможностях по изучению деятельности агитационного театра «Синяя блуза» в 1923–1933 гг. через источники и научную литературу 383

Чеботарева А.В. Роль партийных документов РКП(б) – ВКП(б) в изучении партийно-государственной политики 1920-х годов 386

Чуб А.А. Костяное изделие из местонахождения позднего неоплейстоцена «Холодная Балка» в Северно-Восточном Приазовье 389

Ширяевский А.В. «Монгольский» способ стрельбы и использование кольца лучника средневековыми кочевниками Восточной Европы 392

Шульга П.И., Шульга Д.П. Находки монет в погребениях могильника Чжайтоухэ (ранний железный век) 395

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДОНЕЦКИЕ ЧТЕНИЯ – 2026: ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, ИННОВАЦИИ, КУЛЬТУРА И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Материалы
XI Международной научной конференции,
10–12 ноября 2026 г.,
г. Донецк

ТОМ 7
Исторические и политические науки
Часть 1

под общей редакцией проф. *С.В. Беспаловой*

Дизайн обложки	*В. Дёмина*
Технический редактор	*М.В. Фоменко*
Компьютерная верстка	*В.В. Разумный, Н.В. Манько*

Адрес оргкомитета:
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
ул. Университетская, 24, г. Донецк, 283001, ДНР, РФ.
E-mail: *science.prorector@donnu.ru*

Подписано в печать 28.10.2026 г.
Формат 60×84/16. Бумага офисная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 23,5.
Тираж 50 экз. Заказ № 26окт121/7а.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Издательство ФГБОУ ВО «ДонГУ»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 22
E-mail: donnu.izdatelstvo@mail.ru